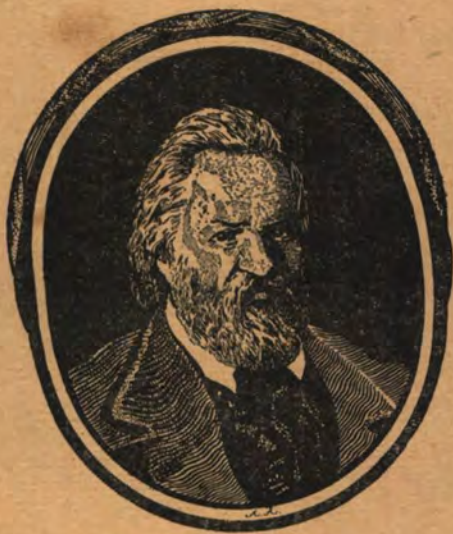


А. И. ГЕРЦЕН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ и ПИСЕМ

под редакцией М. К. ЛЕМКЕ

Том XVIII



ПЕТЕРБУРГ
Государственное Издательство

1922

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ и ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Ломже

Томъ XVIII
1865—66 гг.
(№№ 2530—2834)

Государственное Издательство

Петербургъ.— 1920.

От Комиссариата Народного Просвещения

Все сочинения А. И. Герцена монополизированы Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 года.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны.

Правительственный Комиссар Лит.-Изд. Отд.

П. И. Лебедев-Полянский.

Оглавленіе.

1865.

№№		СТР.
**2530 ¹⁾ .	1865.	3
**2531.	(Примѣчаніе)	4
*2532.	Письмо къ старшимъ дѣтямъ	—
**2533.	Письмо къ Н. П. Огареву	5
**2534.	Тоже	6
*2535.	Надпись для В. А. Поджіо	7
**2536.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
**2537.	Тоже	8
*2538.	Письмо къ Н. А. Герценъ и М. Мейзенбургъ	10
**2539.	Письмо къ Н. П. Огареву	12
**2540.	Тоже	14
**2541.	Тоже	16
*2542.	Письмо къ Н. А. Герценъ	17
*2543.	Письмо къ М. Мейзенбургъ и О. А. Герценъ	18
*2544.	Письмо къ С. Тхоржевскому	19
*2545.	Письмо къ сыну	20
*2546.	Тоже	21
*2547.	Письмо къ Н. А. Герценъ	22
**2548.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
*2549.	Письмо къ Лизѣ	26
*2550.	Письмо къ О. А. Герценъ и М. Мейзенбургъ	27
*2551.	Письмо къ Н. А. Герценъ	28
*2552.	Письмо къ Н. А. Огаревой	29
**2553.	Письмо къ Н. П. Огареву	31
2554.	П.-Ж. Прудонъ	35
**2555.	(Объ императрицѣ)	36
*2556.	Письмо къ С. Тхоржевскому	—
*2557.	Письмо къ М. К. Рейхель	—
*2558.	Надпись для М. К. Рейхель	37

¹⁾ *—означаетъ печатающееся здѣсь впервые; **—напечатанное гдѣ нибудь раньше, но не вошедшее ни въ женевское, ни въ петербургское (1906 г.) изданія; только ничѣмъ не отмѣченное вошло въ то или другое изъ этихъ изданій или въ одно изъ нихъ.

№№	СТР.
**2559. Письмо къ Н. П. Огареву	38
*2560. Письмо къ Лизѣ и Н. А. Огаревой	—
*2561. Письмо къ Н. А. Огаревой	39
**2562. Прививка конституціонной оспы	41
**2563. Царское „non possumus“	52
*2564. Письмо къ Н. А. Огаревой	53
*2565. Тоже	54
**2566. Письмо къ Н. А. Огареву	55
**2567. Тоже	57
**2568. Тоже	58
**2569. Тоже	59
**2570. Тоже	61
**2571. Тоже	62
*2572. Письмо къ М. Мейзенбургъ	63
*2573. Письмо къ сыну	65
**2574. Письмо къ Н. П. Огареву	66
**2575. Тоже	67
*2576. Письмо къ М. К. Рейхель	68
**2577. Письмо къ Н. П. Огареву	—
*2578. Письмо къ М. Мейзенбургъ	69
**2579. Письмо къ Н. П. Огареву	70
*2580. Письмо къ сыну	72
*2581. Письмо къ О. А. Герценъ и М. Мейзенбургъ	73
*2582. Письмо къ Н. А. Герценъ	75
*2583. Надпись для О. А. Герценъ	76
**2584. Поправки и дополненія	—
**2585. Запросы сановникамъ	79
**2586. (Л. Самаринъ и Н. Бекеневъ)	80
*2587. Письмо къ Н. А. Огаревой	81
*2588. Письмо къ Н. П. Огареву	82
*2589. Письмо къ старшимъ дочерямъ	83
*2590. Письмо къ Н. П. Огареву	84
**2591. Тоже	84
*2592. Письмо къ сыну	85
*2594. Письмо къ С. Тхоржевскому	87
*2595. Письмо къ М. К. Рейхель	88
*2596. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову	—
*2597. Письмо къ сыну	89
*2598. Тоже	90
*2599. Тоже	91
*2600. Тоже	94
*2601. Письмо къ Ж. Мишле	95
**2602. Письмо къ императору Александру II	96
**2603. Письма къ путешественнику	101
**2604. Михаила и Михаилы Николаевичи	138
**2605. Нашимъ читателямъ	139
-*2606. Письмо къ Р. Лессеру	142

№№	СТР.
*2607. Письмо къ Н. П. Огареву	143
**2608. Московская пыль	144
**2609. Иконоборецъ и идолопоклонникъ	145
**2610. Свой наказанный принцъ	—
**2611. Письмо къ Н. П. Огареву	146
*2612. Письмо къ дочерямъ и М. Мейзенбургъ.	147
*2613. Письмо къ сыну	152
*2614. Письмо къ Н. А. Огаревой	153
*2615. Письмо къ Лизѣ	—
*2616. Письмо къ сыну и Н. А. Герценъ	155
*2617. Письмо къ неизвѣстному	156
**2618. (Н. Серно-Соловьевичъ и пр.)	157
**2619. Что городъ, то норовъ	—
**2620. Графиня Строганова, строгій прусскій генераль-адъютантъ, услужливый король и влюбленный принцъ	158
**2621. О „Народной Лѣтописи“.	159
**2622. Государственная тайна	160
*2623. Приписка къ В. И. и В. Т. Кельсиевымъ	—
**2624. Дѣло Серно-Соловьевича	163
**2625. Все еще горитъ Россія	170
**2626. Старовѣры и евреи.	—
**2627. („Московскія Вѣдомости“)	—
**2628. La bourse ou la vie!	171
**2629. (Офицеръ Бейдеманъ).	—
*2630. Письмо къ С. Тхоржевскому	172
*2631. Письмо къ сыну	—
*2632. Письмо къ старшимъ дѣтямъ и Н. П. Огареву	173
*2633. Письмо къ Н. А. Огаревой	177
**2634. Письмо къ Н. А. и Н. П. Огаревымъ	178
*2635. Письмо къ Н. П. Огареву	179
**2636. Русскій прогрессъ.	180
**2637. (Курляндское дворянство).	181
**2638. (Куреніе на улицахъ)	—
**2639. „Кіевлянинъ“	182
*2640. Письмо къ Н. А. Огаревой	—
**2641. Отъ издателей	185
**2642. Болтовня съ дороги.	189
**2643. Нигилисты—фальшивые монетчики	192
**2644. Отцы родные и воспитатели	—
**2645. Потокъ крови въ Тифлисѣ.	—
**2646. Неудачная прогулка, стоившая двухъ судовъ	193
**2647. Письмо къ редактору	—
*2648. Письмо къ М. К. Рейхель.	195

№№		СТР.
*2649.	Письмо къ сыну	196
*2650.	Письмо къ Р. Лессеру	197
**2651.	Въ редакцію „Инвалида“	198
**2652.	Агентство Герцена въ Тульчѣ и „Московскія Вѣдомости“	203
**2653.	Первая ретирада	211
**2654.	Изъ Сибири и Казани	—
**2655.	Изъ Петербурга	212
*2656.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
*2657.	Письмо къ Р. Лессеру	213
*2658.	Письмо къ Н. П. Огареву	214
*2659.	Письмо къ Н. А. Герценъ	—
*2660.	Письмо къ С. Тхоржевскому	215
*2661.	Письмо къ сыну	223
**2662.	Убили	228
**2663.	Письмо къ издателю „Отголосковъ“	—
**2664.	(Отвѣтъ на предложеніе „Моск. Вѣдомостей“)	230
**2665.	Эбуке кауфмановскаго цицеронства	231
**2666.	(Спиритизмъ въ Петербургѣ)	—
**2667.	Отъ издателей	—
*2668.	Письмо къ Н. П. и Н. А. Огаревымъ	232
*2669.	Письмо къ сыну	233
**2670.	Лжецы	236
**2671.	Режимъ Кауфмана	—
**2672.	Quasi-павловская сентенція	—
**2673.	Такса за доносы	—
**2674.	Катковъ заводитъ кулачные бои	237
**2675.	Совѣтъ г. Герцу—собственнику концертной залы, г. Герцу—эстетику, г. Герцу—доктору медицины и всѣмъ нѣмецкимъ Герц—огамъ	—
**2676.	Jérome Kenevitz	—
*2677.	Письмо къ сыну	240
*2678.	Письмо къ Лизѣ	241
**2679.	Письмо къ В. И. Кельсіеву	—
*2680.	Письмо къ сыну	242
**2681.	Агентство въ Тульчѣ	—
**2682.	Отъ редактора	244
**2683.	Avertissement Valouieff между avertissement и Акатуевскимъ заводомъ	—
**2684.	Къ характеристикѣ военныхъ судовъ	246
**2685.	Герцогъ Евгений Лейхтенбергскій	—
**2686.	(Купецъ Сомовъ)	—
**2687.	Письмо къ Г. Н. Вырубову	247

№№		СТР.
*2688.	Письмо къ М. Мейзенбургъ и О. А. Герценъ	248
*2689.	Письмо къ О. А. Герценъ	249
**2690.	Двѣ кончины	—
**2691.	Убійства своимъ чередомъ	250
**2692.	Мельниковъ и духовные пути сообщенія	251
**2693.	Поцѣлуй Кауфмана	—
*2694.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
*2695.	Письмо къ О. А. Герценъ	252
*2696.	Тоже	—
*2697.	Письмо къ Н. А. Огаревой	253
*2698.	Тсже	255
*2699.	Письмо къ Р. Лессеру	256
**2700.	Запросъ г.г. издателямъ русскихъ партикулярныхъ журналовъ	258
**2701.	Къ концу года	260
**2702.	Поджигатели и подлецы	277
**2703.	Наши будущіе пѣры и наши прошедшіе англomanы	278
**2704.	Николай, какъ ораторъ	—
*2705.	Письмо къ Р. Лессеру	279
*2706.	Письмо къ Лизѣ	280
**2707.	Письмо къ В. И. Кельсіеву	281
**2708.	Письмо къ Э. Кинэ	282
**2709.	Первое запрещеніе, первое предостереженіе, первый судъ	283
**2710.	Лукашевъ и Масловскій	287
**2711.	Отецъ Мартыновъ и отецъ Самаринъ	288
**2712.	(Общій фондъ)	—
**2713.	„Колоколь“ на 1866	—
*2714.	Письмо къ Лизѣ	—
*2715.	Письмо къ сыну	—
*2716.	Письмо къ М. К. Рейхель	289
*2717.	Надпись для М. К. Рейхель	290
*2718.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
**2719.	Письмо къ Э. Кинэ	293

1866.

**2720.	(Примѣчаніе)	299
**2721.	Крѣпостники	—
**2722.	Судебное убійство въ Москвѣ	304
**2723.	Имѣютъ ли право коронные чиновники измѣнять законы?	—
**2724.	Школа въ Лугано	—

№№	СТР.
**2725. Симбирскіе поджигатели	—
**2726. Подарки къ новому году	305
**2727. (Изъ Сибири)	—
**2728. Объявленіе	—
*2729. Письмо къ М. Мейзенбугъ	306
**2730. Письмо къ Н. П. Огареву	308
*2731. Письмо къ О. А. Герценъ	309
*2732. Письмо къ Э. Кинэ	310
*2733. Письмо къ М. К. Рейхель	311
*2734. Письмо къ сыну	312
*2735. Письмо къ Н. А. Огаревой и Лизѣ	313
**2736. Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій	315
**2737. Вранье „Варшавскаго Дневника“	317
**2738. Вранье о симбирскихъ поджигателяхъ—сами себя и другъ друга предають	318
**2739. Великокняжескій социализмъ — михайловская теорія собственности	—
**2740. (Изъ Петербурга)	319
**2741. (Изъ Сибири)	320
**2742. Письмо къ Н. П. Огареву	—
*2743. Письмо къ Н. А. Герценъ	—
**2744. Письмо къ Н. П. Огареву	321
**2745. Тоже	322
**2746. Письмо къ Э. Кинэ	323
*2747. Письмо къ М. Мейзенбугъ и О. А. Герценъ	324
*2748. Письмо къ сыну	326
**2749. (Указъ 10 декабря)	327
**2750. Новый видъ крѣпостного права	—
**2751. Еще глупѣе	328
**2752. Откуда холера и какъ распространяется	—
*2753. Письмо къ Лизѣ	329
**2754. Ужась во вражьемъ станѣ	330
**2755. (Отъ редакціи)	332
**2756. Изъ Петербурга	—
**2757. Выговоръ генераль - адъютанту графу Строга- нову 2-му	333
*2758. Письмо къ Н. П. Огареву	334
*2759. Письмо къ сыну	—
*2760. Письмо къ Н. П. Огареву	336
**2761. Тоже	—
**2762. Тоже	337
**2763. Дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ М. С. Хотинскій	342
*2764. Письмо къ Н. А. Огаревой	350

№№		СТР.
*2765.	Письмо къ Н. П. Огареву	352
*2766.	Тоже.	353
*2767.	Письмо къ сыну	355
**2768.	Письмо къ Э. Кинэ	356
*2769.	Письмо къ Лизѣ	357
*2770.	Письмо къ сыну	358
**2771.	«Дневникъ Варшавскій»	359
*2772.	Письмо къ сыну	360
*2773.	Тоже.	361
**2774.	Письмо къ Н. А. Огаревой.	362
**2775.	1789	364
*2776.	Изъ дневника	366
**2777.	Отъ издателей	367
**2778.	Послѣ смерти	368
**2779.	Слухъ	369
**2780.	(Оберъ-полицмейстеръ Анненковъ)	—
**2781.	(Всеволодъ Костомаровъ)	—
**2782.	(Баронъ Гакстгаузенъ)	—
*2783.	Письмо къ Н. А. Огаревой.	370
*2784.	Письмо къ сыну	371
*2785.	Письмо къ С. Тхоржевскому	372
*2786.	Письмо къ сыну	373
**2787.	Иркутскъ и Петербургъ	374
**2788.	Благодѣтельные помѣщики	387
**2789.	(«Le Nord»)	—
**2790.	Изъ рѣчи Муравьева	388
**2791.	Шахъ Константину Николаевичу	—
**2792.	„Колоколь“	—
**2793.	Письмо къ В. И. Кельсіеву	—
*2794.	Письмо къ К. Фогту	389
*2795.	(Новости въ Россіи)	390
**2796.	Вотъ вамъ и гласный судъ!	392
**2797.	Объ Огрызко	—
**2798.	Военная юстиція	393
**2799.	Стихи и проза Некрасова	—
**2800.	Второе предостереженіе и второй Годуновъ	395
*2801.	Спасибо Муравьеву	402
**2802.	Не стоитъ	—
*2803.	„Не солги“	403
*2804.	Ю. Н. Голицынъ на воздухѣ	404
**2805.	Еще о Некрасовѣ	—
*2806.	Письмо къ сыну	405
*2807.	Письмо къ Лизѣ	—

№№	СТР.
**2808. Письмо къ В. И. Кельсіеву	—
**2809. Письмо къ императору Александру II	406
*2810. Напоминаніе	408
**2811. Изъ Петербурга	—
**2812. Поправленное недоразумѣніе	412
**2813. Уничтоженіе, гоненіе, срытіе съ лица земли, приравненіе къ нулю Каракозовыхъ	413
**2814. Задержаніе „Моск. Вѣдомостей“	—
**2815. Барометръ на градусъ ниже	414
**2816. А они еще ищутъ заговора!	—
**2817. Лебединая острота князя Меньшикова	—
**2818. Просьба	415
*2819. Письмо къ сыну	—
*2820. Письмо къ Н. А. Огаревой	417
*2821. Письмо къ Шарлю Шассэчу	418
*2822. Письмо къ Лизѣ	419
*2823. Тоже	—
*2824. Письмо къ сыну и О. А. Герценъ	420
**2825. Отъ государя князю П. П. Гагарину	421
**2826. Прозерпина Муравьевъ	428
**2827. Фальшивые монетки изъ дворянъ	—
**2828. Счетъ „Кельнской Газеты“	429
**2829. Изъ Петербурга	—
**2830. Отъ издателей	—
*2831. Письмо къ неизвѣстному	431
*2832. Письмо къ С. Тхоржевскому	—
*2833. Письмо къ сыну	433
*2834. Письмо къ М. Мейзенбургъ	434
Библиографическій комментарий	436
Опечатки и дополненія	449

1865

2530.

1865.

Въ виду тяжелыхъ событій послѣднихъ двухъ лѣтъ, намъ приходилось не одинъ разъ высказывать наши убѣжденія; мы считаемъ, вступая въ новый годъ, излишнимъ повторять нашъ символъ вѣры и нашъ протестъ.

Мы прбдождаемъ нашъ путь, а не вступаемъ въ другой.

«Колоколь» остается, чѣмъ онъ былъ,—*органомъ социальнаго развитія въ Россіи*. Онъ будетъ, какъ прежде, противъ всего, что мѣшаетъ этому развитію, и за все, что ему способствуетъ.

Мѣшаетъ ему военно-канцелярское управленіе, сословныя права, господствующее духовенство, невѣжество образованныхъ, сбивчивыя понятія, идолопоклонство передъ государствомъ, которому жертвуютъ всѣмъ—благосостояніемъ лицъ и массъ, умомъ и сердцемъ. Все это вмѣстѣ не сломитъ тѣхъ началъ, глубоко заключенныхъ въ бытѣ народномъ, на которыхъ основано наше упованіе. Не сломили же ихъ ни татары, ни нѣмцы, ни Москва, ни Петербургъ, сколько ни задерживали развитіе, сколько ни искажали его, марая народъ ненужной кровью и незаслуженной грязью.

Противъ этихъ темныхъ силъ, опертыхъ на невѣдѣніе однихъ и на корысть другихъ, мы будемъ бороться, какъ прежде, и еще больше, чѣмъ прежде, зовемъ на помощь.

Пора сосредоточить мысль и силы, уяснить цѣли и сосчитать средства.

Пропаганда явнымъ образомъ разбивается на-двое: съ одной стороны, слово, совѣтъ, анализъ, обличеніе, теорія, съ другой—образованіе круговъ, устройство путей внутреннихъ и внѣшнихъ сношеній. На первое мы посвящаемъ всю нашу дѣятельность, всю нашу преданность, второе не можетъ дѣлаться за границей. Это—дѣло, котораго мы ждемъ въ *ближайшемъ* будущемъ.¹

◆ 1. Послѣдній абзацъ ясно показываетъ, что Герценъ снова вернулся къ своему прежнему убѣжденію въ бесполезности собственнаго участія въ практической русской революціонной работѣ, ограничивая свою роль «сзываніемъ живыхъ» для внушенія имъ пониманія социалистической доктрины. Эта статья была программой, ясно высказанной именно для того, чтобы не вводить въ заблужденіе русскихъ революціонеровъ. Это же было и первымъ шагомъ къ расхожденію съ молодой эмиграціей, предпочитавшей тогда дѣйствіе развитію мысли и теоріи.

2531, [Примѣчаніе].

Я никогда не находился въ перепискѣ съ Чернышевскимъ. Я не могъ писать, что мы намѣрены издавать «Современникъ» съ нимъ, потому что не имѣлъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, хочетъ онъ или нѣтъ издавать «Современникъ» внѣ Россіи. Тутъ явная перестановка словъ для того, чтобы предложенію дать видъ соглашенія и оконченнаго дѣла. Даже сенатъ остановился передъ этой продѣлкой. Запрещеніе «Современника» было объявлено въ газетахъ; мы тотчасъ предложили громко и открыто издателямъ «Современника» печатать его на нашъ счетъ за границей («Колоколъ», л. 139, 1862). На наше предложеніе никогда не было ни малѣйшаго отзыва. Какъ же я могъ писать объ этомъ положительно и къ тому же въ Россію? Ужъ не служу ли послѣ этого и я въ тайной полициі?

2532. Письмо къ старшимъ дѣтямъ.

1-го января 1865.

Женева, Hôtel garni de la Poste.

NB. Получили ли вы 1,000 франковъ изъ Парижа? Непременно напишите.

Мнѣ сегодня страннымъ образомъ сдѣлался праздникъ Нового года: утромъ взошелъ ко мнѣ очень старый господинъ, сѣдой и прекрасный, это — *Поджіо* ¹⁾, который былъ изъ главныхъ дѣятелей 14 декабря; точно такой же сохранившійся старецъ, какъ Волконскій.

Онъ былъ сосланъ на 25 лѣтъ каторги и теперь исполненъ энергіи и вѣры. Я былъ счастливъ его посѣщеніемъ.

¹⁾ Александръ Викторовичъ.

Огаревъ такъ себѣ, здоровъ, Лиза очень потрясена, а Nat. худо оправляется.

Здѣсь всѣ наши бурнмаутскіе друзья: Л. ¹⁾, У. ²⁾.

Я пробуду здѣсь съ недѣлю; отвѣчайте сюда: Genève, Hôtel garni de la Poste.

Ольгу и Мейзенбургъ обнимаю по поводу Нового года.

2533. Письмо къ Н. П. Огареву.

2 янв. (1865).

H: g. de la Poste.

Странно провелъ я Новый годъ. Я былъ имъ какъ-то взволнованъ и оттого поправился. Часовъ въ 11 (я почти переписываю письмо свое къ N.) явился старецъ съ необыкновеннымъ, величаво-энергическимъ видомъ. Мнѣ сердце сѣказало, что это—кто-то изъ декабристовъ. Я посмотрѣлъ на него и, схвативъ за руки, сказалъ: «Я видѣлъ вашъ портретъ».—«Я—Поджіо»... Этого сохранился еще энергичнѣе Волконскаго (который при смерти боленъ). Господи, что за кряжъ людей! Иду сейчасъ къ нему. Но это еще не все. Вслѣдъ затѣмъ является молодой человекъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, черно-волосый, красивый, съ умнымъ видомъ,—сынъ Дм. Павл. Голохвастова ³⁾. Живой, дѣльный, онъ самымъ теплымъ образомъ встрѣтился со мной. Женатъ на красавицѣ и пр. Итакъ, два прошедшихъ и двѣ тѣни ввели въ Новый годъ, и отъ нихъ возвращаюсь опять къ нашимъ карликама. Шлюсь на Л. и У., что я больше уступалъ возможнаго и справедливаго, но они все что-то хлопочутъ и интригуютъ.

Въ послѣдніе два дня я увидѣлъ, что, несмотря на palazzo, приисканное Касат., Женева невозможна, по крайней мѣрѣ, почти невозможна отъ этихъ праздныхъ интригановъ. Можетъ, они и добрые люди, но самолюбіе все потемнило ⁴⁾.

Можетъ, коли уберусь, 5 поѣду.

Ковал. ⁵⁾ просилъ меня отдать 50 фр. Тхоржевскому.

Отъ Nat. вчера получилъ письмо до того мрачное и грустное, что, можетъ, я самъ съ Сашей еще съѣзжу на недѣлю въ Montr.

¹⁾ ?

²⁾ Усовъ.

³⁾ Павелъ Дмитріевичъ Голохвастовъ, женатъ на О. А. Андреевской.

⁴⁾ Рѣчь идетъ о молодой русской эмиграціи.

⁵⁾ Владиміръ Онуфріевичъ Ковалевскій.

Ее одну надолго оставлять нельзя. Что твое лѣченіе? Получилъ ли 2-го 25 фун.?

2534. Письмо къ Н. П. Огареву.

4 янв. (1865).

H. g. de la Poste.

Саша поѣхалъ на день въ Бернъ, 6-го вечеромъ или 7 утромъ ѣду я съ нимъ и, можетъ, проведу сначала въ Montpellier недѣлю. Письма Н. до того проникнуты мрачнымъ отчаяніемъ, что ее оставлять одну надолго нельзя. ¹ Мы думали даже съ Сашей, не переѣхать ли ей въ февралѣ во Флоренцію (весна тамъ начинается рано и до іюня превосходно).

Здѣсь я покончилъ мирно. Молодые люди отказались (откровенно ли, или нѣтъ) отъ своихъ требованій и обѣщаютъ горы работъ и корреспонденцій къ 1 мая. Помощи по типогр. и пр. отъ нихъ ждать нечего, скорѣе Кас. сдѣлаетъ что-нибудь. Мнѣ съ ними ужасно скучно, -- все такъ узко, ясно, лично и ни одного интереса, ни научнаго, ни въ самомъ дѣлѣ политическаго; никто ничему не учится, ничего не читаетъ. У. ¹) хуже другихъ по безграничному самолюбію. Я до сихъ псрѣ не могу понять твоего паденія въ Cowes съ нимъ, твоихъ любовныхъ писемъ къ нему и, грѣшный человѣкъ, отношу ³/₄ къ чарочкѣ. Вотъ тебѣ и ревность, о которой ты говорилъ; не говоря о К. ²), Л., У. смотрятъ хуже меня. Ков. ³) гораздо лучше другихъ.

Послѣ всѣхъ переговоровъ, «засѣданій» и пр., родилась слѣд. программа, которую я тебѣ посылаю. Такую программу и подобную можно составить mille e tre ⁴) въ день. Я на нее совершенно согласился. Что «Кол.» издавать въ Лондонѣ при новомъ взмахѣ въ Россіи нельзя, это для меня ясно. Здѣсь переkreщиваются безпрерывно ѣдущіе изъ и во Францію, изъ и въ Италію, здѣсь многіе живутъ и пр. Но чтò мы будемъ дѣлать съ милой оравой этой, я не знаю.

Гол. ⁵) читалъ мнѣ актъ изъ своей драмы, составленной изъ былины о Добрынѣ Никитичѣ ⁶). Я у него видѣлъ томовъ десять

¹) Н. И. Утинъ.

²) В. И. Касаткинъ.

³) Ковалевскій.

⁴) Тысячу и три; это число побѣдъ надъ женскими сердцами молва приписывала Донъ Жуану.

⁵) Голохвастовъ.

⁶) «Алеша Поповичъ, представленіе въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненное по старымъ русскимъ былинамъ», М., 1869.

книгъ, о которыхъ мы едва слышали, напр., «Сборники» Рыбникова ¹⁾. Вчера былъ у старика П. ²⁾),—титаны.

Женевка, знакомая Фогта, не приняла предложенія; есть у нихъ другая, но я боюсь.

◆◆ 1. Это настроеніе она передала и Лизѣ; пятилѣтній ребенокъ говорилъ, напримѣръ, матери: «Смерть лучше жизни, а не родиться еще лучше»...

Огарева писала 4 января: «Не бойся меня, Герценъ; я съ каждымъ днемъ менѣе понимаю земныя радости и печали; я ужъ чужая... А любви ко всѣмъ бездна и передъ смертью хотѣлось бы ею окружить все, что я должна была любить всю жизнь... И такъ мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть на всѣхъ и на Лизу; я думаю, ея жервная любовь ко мнѣ, успокоится, и тогда я буду свободна... Если-бъ была малѣйшая опасность для нея въ моемъ освобожденіи, я бы стала ждать; но кто меня хоть каплю любить, долженъ работорать для моего освобожденія... Я не преувеличиваю, эта попытка сверхъ силъ; меня поддерживаетъ только мысль, что она не можетъ долго продолжиться; вотъ почему не хотѣлось бы терять слишкомъ много времени... Кто знаетъ, кто изъ насъ уже въ дорогѣ... Подумай объ этомъ. Бѣдный, жаль мнѣ тебя, но, вѣдь, лучше предвидѣть и дѣйствовать разумомъ...» («Русскіе Прописки», IV, 283—284).

2535. Надпись для В. А. Поджіо ³⁾.

5 янв. 1865.
24 дек. 1864.

Отъ одного глубокаго, глубокаго почитателя вашего отца въ знакъ памяти о Женевѣ.

2536. Письмо къ Н. П. Огареву.

7 января (1865).
Montpellier.

Мы здѣсь. Пріѣхали въ 7 утра. Лизу засталъ гораздо здоровѣе, чѣмъ думалъ. Были съ ней у моря. Nat. все въ томъ же

¹⁾ «Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ», ч. I—М., 1861, ч. II—М., 1862, ч. III—Петрозаводскъ, 1864.

²⁾ Поджіо.

³⁾ Варвара Александровна, дочь декабриста, впоследствии по мужу Высоцкая.

положеніи. Женевскіе щенята ¹⁾ въ послѣднюю минуту отказались отъ всего (по приказу изъ Цюриха),—да чортъ же съ ними, наконецъ.

Natalie думаетъ, что ея первое письмо къ тебѣ и Тхорж. и Салиась не пришло. Было ли въ твоёмъ письмѣ (къ тебѣ), гораздо до Рождества, письмо къ Тхорж.?

Я ѣду въ Парижъ черезъ недѣлю, а Саша—черезъ три дня.

2537. Письмо къ Н. П. Огареву.

8 января 1865.

Hôtel Nevet, Montpellier.

Письмо твое отъ 4 янв. пришло. Я съ недѣлю пробуду здѣсь и поѣду въ Парижъ, оттуда, вѣроятно, въ Лондонъ, чтобъ готовиться къ переѣзду. Наконецъ, страхъ передъ «мальчиками» у меня прошелъ. Послѣ ежедневныхъ преній и разговоровъ, въ которыхъ, подъ скрытой симпатіей и уваженіемъ крылась мелкая оппозиція и желаніе захватить въ свои руки «Кол.» и деньги Б. ²⁾, послѣ программы, которую я послалъ тебѣ,—за часъ до моего отъѣзда является одинъ изъ нихъ съ заявленіемъ, что цюрихскіе г-да не согласны (С.-Сол. ³⁾)—главный противникъ нашъ, Якобій ⁴⁾ и Шелгунова ⁵⁾), что они стоятъ на своемъ: «Колок.» издавать по большинству голосовъ или издавать жур. на Бах. деньги. Итакъ, то, что предвидѣлъ Л., что говорилъ К.,—все оправдалось. Пора же, наконецъ, и тебѣ окончательно вразумиться на ихъ счетъ. У нихъ нѣтъ ни связей, ни таланта, ни образованія; одинъ Мечниковъ умѣетъ писать; имъ хочется играть роль, и они хотятъ насъ употребить пьедесталомъ.

Я доказалъ имъ, до чего идетъ моя уступчивость, Л. и К.—нѣ дивились мнѣ. Ну, и баста. Ты знаешь, у меня никогда не лежало къ нимъ сердце,—у меня есть свое чутье.

Но на «Кол.» надобно обратить вниманіе. Ты не умѣешь читать газеты,—проси помощи у Долгор. О Бондаренкѣ и еще о комъ-то, о ихъ приговорѣ было въ газетахъ, о приговорѣ Баллода, Писар., Жуковск. было въ газетахъ ⁶⁾. Въ феврал. листѣ

¹⁾ Молодая эмиграція.

²⁾ Бахметевъ, см. гл. XII ч. VI «Вылого и думъ».

³⁾ Александръ Александровичъ. ¹

⁴⁾ Павелъ Ивановичъ.

⁵⁾ Людмила Петровна.

⁶⁾ Объ этихъ приговорахъ замѣтка Огарева въ 194 л. «Кол.»

будетъ мое 3-е «Письмо»¹⁾ и, пожалуй, статья, которую я пошлѣ изъ Женевы (получена ли?). Но «смѣсь», «смѣсь»...²⁾

Женева при разрывѣ съ этими господами дѣлается превосходнымъ мѣстомъ. Они надоѣли бы, какъ горькая рѣдька. Au reste я твоимъ личнымъ вкусамъ не хочу препятствоватьъ, но работать съ ними нельзя.

А какъ на первые мѣсяцы газеты? Что, не дасть ли Долг. за треть цѣны? Въ Женевѣ трудно было доставать, а здѣсь невозможно.

Женевка, реком. вновь Фогтомъ, мнѣ не нравится (in effigie³⁾ и по описанію).

Если бы на эти мѣсяцы могла пріѣхать Симоновичева⁴⁾, это было бы хорошо. Она въ большой нуждѣ, мысль пансіона лопнула, мужъ поѣхалъ искать мѣста, у нея одинъ ребенокъ. Въ обществѣ сильныхъ дамъ она, кажется, не принята.

Планы Nat. смутны. Здѣсь имъ положительно хорошо: и добрые люди, и докторъ,—все есть. Климатъ положительно хорошъ. Но въ февралѣ можно, пожалуй, переѣхать въ Каннъ и тамъ, собравшись, весной поставить памятникъ, схоронить дѣтей и ѣхать въ Женеву. Татѣ, полагаю, нужно будетъ 4 мѣс. въ году жить, хотъ во Флоренціи. Я второму сближенію⁵⁾ буду помогать, но пусть все сдѣлается само собой.

Повторяю, Лиза на сію минуту здорова и шалить меньше. Сашу она любитъ страстно и не выпускаетъ изъ комнаты. Письмами Ольги и Таты я безконечно доволенъ. Собраться въ Ниццѣ можно бы къ концу апрѣля и тамъ провести 2 мая.

Вотъ мой проектъ. Напиши, что ты думаешь насчетъ дома въ Женевѣ.

Насчетъ Н.⁶⁾ и его помѣщенія все, что узналъ, не очень удовлетворительно; жду письма отъ Жук.,—а то просятъ много денегъ—отъ 1.500 до 1.600 за пансіонера. Фогтъ гов., что фр. за 800 найти можно, но всѣ спрашиваютъ: «во что готовятъ молодого человѣка?», а этого-то я и не знаю. Я полагаю, что сперва надобно переѣхать тебѣ одному и потомъ прискивать.

¹⁾ «Письма къ противнику».

²⁾ Безъ участія Герцена она всегда замирала, такъ было и въ первыхъ двухъ листахъ 1865 г.

³⁾ Въ изображеніи.

⁴⁾ Вѣроятно, мать сестеръ Симоновичъ, Розалии и Теолинды, вриѣзавшихъ въ Цюрихъ позже. Симоновичева—женская форма отъ Симоновичъ, заимствованная тогда съ польскаго языка.

⁵⁾ Съ Н. А. Огаревой.

⁶⁾ Непгі, сынъ Мэри Сутерландъ, жившей съ Огаревымъ.

Про типог. на акціяхъ я писалъ, — это пойдетъ, но съ другимъ кругомъ. Чернец. не мѣшало бы думать о продажѣ станка. Какая досада, что у него его красавица ¹⁾; въ домѣ можно бы было помѣстить и типографію, и его, но съ ней я не могу, не смотря на то, что Nat. соглашается.

Саша ѣдетъ завтра въ ночь (въ часъ утромъ, послѣзавтра будетъ въ Ниццѣ).

Лѣчись и пиши статьи, — я ничего не могу дѣлать.

Прощай.

Если пойдетъ дѣло наладъ, Тхор. можетъ устроить съ нами rapeterie ²⁾ въ Женевѣ, переплетчикъ идетъ.

Если будешь тотчасъ отвѣчать, можетъ, письмо твое. и застанетъ здѣсь.

◆ 1. 23 января 1865 г. Спб. ген.-губернаторъ кн. Суворовъ увѣдомилъ III Отдѣленіе, что А. А. С.-Соловьевичъ проситъ его разрѣшить остаться за границей впредь до окончательнаго возстановленія его здоровья. Шефъ жандармовъ отвѣтилъ отказомъ съ указаніемъ, что ему слѣдуетъ явиться въ слѣдственную комиссію кн. Голицына (Архивъ III Отд. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 54). 13/25 декабря 1864 г. С.-С. писалъ одному своему другу: «Я знаю, что воспоминанія юности плохой рычагъ, но нужда хватается за соломинку. Когда мы были въ Лицеѣ, я иногда помогалъ вамъ деньгами. Отплатите мнѣ теперь тою же монетой, я нахожусь въ самой крайней нуждѣ. Здоровье мое въ страшномъ состояніи, мнѣ необходимо лѣчиться. Но для лѣченья нужны деньги. Пособите мнѣ, доставъ въ долгъ до 1 ноября будущаго года 300 р. с. Укажу даже источникъ: И. И., которую я въ свое время два раза ссужалъ тысячами. Въ случаѣ исполненія моей просьбы, вышлите деньги по слѣд. адресу: Prusse, Aachen, Gross-Kölnstrasse, à madame Sieberg».

2538. Письмо къ Н. А. Герценъ и М. Мейзенбургъ.

9 янв. (1865).

Montpellier, Hôtel Nevet.

Вотъ мы съ Сашей опять въ Montpellier; онъ завтра ѣдетъ въ Ниццу и домой; я дней черезъ шесть или восемь черезъ Па-

¹⁾ Марианна.

²⁾ Магазины канцелярскихъ принадлежностей и бумаги.

рижъ—тоже домой. Надобно начать переѣздъ en gros ¹⁾). Мнѣ кажется, что можно было бы къ 1 мая всѣмъ собраться въ Ниццѣ, поставить памятникъ, схоронить маленькихъ и ѣхать, какъ и куда придумаемъ. Огар. будетъ въ апрѣлѣ здѣсь. На какой срокъ нанять вашъ домъ въ Римѣ? Я жалѣю, что ни Мальвида, ни ты не списались прежде; можно бы было переѣхать и всѣмъ во Флор., и я бы приѣхалъ туда.

Вѣроятно, мы, все-таки, point fixe ²⁾)... въ Женевѣ, оттуда лѣтомъ ѣздить въ Италию, и тамъ легко вмѣстѣ пожить. Ты знаешь, что я все предоставляю вамъ и N. Она въ ужасномъ настроеніи; теперь только это взошло внутрь, но мысль о смерти ее не покидаетъ.

Лиза не такъ нервна, какъ была въ мой первый проѣздъ.

Если вы можете достать въ вашихъ... ³⁾) вышедшіе у Hetzel'я книжки: 1) «Thérèse» ⁴⁾), 2) «Souvenir d'un conscrit de 1813» ⁵⁾), достаньте непременно и читайте вслухъ,—это равно займетъ и тебя и Ольгу. Ярче картинъ изъ временъ французскихъ войнъ мало найдете. Напишите, достанете или нѣтъ. Имя писателей Erckmann-Chatrian.

Прошлое письмо изъ Женевы я надписалъ на вашъ прежній адресъ, получили ли?

10 janvier.

Vos deux lettres sont arrivées au port l'une m'a été envoyée de Montp. et l'autre de Genève. Alexandre est parti hier soir pour Nice et Florence. Au delà des Alpes... au delà des Alpes! C'est facile de dire—je ne connais rien au delà des Alpes que Cannes. C'est bon pour nous réunir pour passer quelque temps en recueillement et repos. Et après? Moi je ne vois encore rien que Genève. Là on trouve toutes les ressources — et la possibilité de s'en éloigner pour 3 mois par an. — Pour combien avez-vous pris le nouvel appartement? C'est dommage que je ne le savait pas. Ma troppo tarde. Lisa va bien—je resterai ici une huitaine—j'irai après à Paris et ensuite à Londres—pour commencer le débarquement ⁶⁾).

¹⁾ Оптомъ.

²⁾ Неподвижная точка, центръ; слѣдующее слово не разобрано.

³⁾ Слово не разобрано.

⁴⁾ «Madame Thérèse ou les volontaires de 1792».

⁵⁾ «Histoire d'un conscrit de 1813».

⁶⁾ Оба ваши письма пришли благополучно: одно было переслано мнѣ изъ Монп., другое—изъ Желевы. Александръ вчера вечеромъ уѣхалъ въ Ниццу и Флоренцію. По ту сторону Альпъ... по сторону Альпъ! Легко сказать—по ту сторону Альпъ я признаю только Каянъ. Хорошо было бы намъ съѣхаться тамъ, чтобы провести всѣмъ вмѣстѣ нѣкоторое время,

Ольгу цѣлую. Ея письма очень милы.

Vous recevrez encore mille francs avec la lettre suivante ¹⁾.

2539. Письмо къ Н. П. Огареву.

10 янв. (1865).

Montpellier.

Новаго мало. Саша вчера уѣхалъ въ ночь черезъ Ниццу во Флоренцію. Физически здоровье Nat. не хуже, а Лизино престо хорошо.

Она немного усмирилась; ужасно досадно, что съ ней (или при ней) нѣтъ никого молодого. Мари неспособна: нѣмка «печальнаго образа»—да и только. Что касается до Nat., она поддерживаетъ себя въ безвыходномъ отчаяніи; такъ, какъ ей прежде нравилось отталкиваніе другихъ, такъ она теперь постоянно обижаетъ себя, и это бесплодно, не слушая словъ участія, не слушая призыва на трудъ искупленія. Отъ этого бывають часы тяжело-мрачные. Я готовъ все дѣлать, но чувствовать, что ничего нельзя сдѣлать, entkräftet ²⁾. Отчаяніе приняло больше правильную и безвыходную форму. Я досталъ книги,—она ихъ не развертываетъ; она не читаетъ ни одной газеты, почти ничего не ѣсть и ни разу еще не раздѣвалась ночью. Страшно не за тѣло,—страшно за умственные способности. (А прѣдос, жена Тесье опять сошла съ ума). По всему этому слѣдуетъ сократить провизуарное ³⁾ время, а это—дѣло не легкое: Развѣ рискнуть—домъ въ Женевѣ да и переѣхать въ Саввез до мая? Ал. Ал. ⁴⁾ хочеть еще похлопотать, чтобы пустили. Это было бы недурно. Ну, а какъ, вмѣсто его, пріѣдетъ Нат. Ап. ⁵⁾? Есть хроническія жертвы, на которыя я не способенъ. Какъ же я перевезу тогда Тату и Ольгу? Пиши объ этомъ осторожно. Дожить мѣсяць здѣсь, мнѣ кажется, надобно. Nat. окружена очень хорошими людьми.

сосредоточиться и отдохнуть. А затѣмъ? Я, съ своей стороны, не знаю ничего, кромѣ Женевы. Тамъ всѣ возможности, не исключая возможности удалиться отъ нихъ на три мѣсяца въ году. За какую цѣну наняли вы новую квартиру? Жаль, что я не зналъ этого, но теперь слишкомъ поздно. Лиза здорова; я пробуду здѣсь съ недѣлю, затѣмъ ѣду въ Парижъ, а потомъ—въ Лондонъ, чтобы начать выгрузку.

¹⁾ Со слѣдующимъ письмомъ вы получите еще тысячу франковъ.

²⁾ Обезсиливаетъ.

³⁾ Provisoire—предварительный, промежуточный.

⁴⁾ Тучковъ; о поѣздкѣ его къ Огаревой.

⁵⁾ Мать Огаревой.

Вчера я познакомился съ физиологомъ Ligier или Logier ¹⁾. Онъ живетъ въ томъ же отелѣ; веселый французъ, прѣхавшій изъ Парижа лѣчиться. Мы съ нимъ ходили къ Мартэну, который мнѣ очень нравится. Гдѣ же въ другомъ мѣстѣ Франціи найдешь столько людей? Въ Новый годъ проф. Дюпре ²⁾, Пошилье и Март. прислали Лизѣ корнеты ³⁾, конфетъ и пр.

Я, писавши изъ Женевы, перевралъ фамилію полк.,—его зовутъ Савицкій ⁴⁾. Цверцяк. очень low spirited ⁵⁾ и безъ гроша.

Жду твоего отвѣта на послѣднія новости о женевскихъ фронтдерахъ. Работать не могу. А прогос, если хочешь читать что-нибудь очень милое и легкое, попроси у Тхорж. достать «Thérèse» (1792) и «Les souvenirs d'un conscrit de 1813» par Erckmann et Chatrian,—превосходныя вещи по простотѣ, вѣрности и пр.

Надѣюсь, что ты мнѣ отбираешь газеты и отмѣчаешь revues ⁶⁾. Прощай. Кланяйся нашимъ.

Здѣсь іюнь мѣсяць,—я хожу днемъ въ скюртукѣ безъ пальто, вечеромъ свѣжо; ни одного облака.

NB. Я никогда не могъ понять, отчего ты *не нашелъ* Хоецк.? Мнѣ сдается, что онъ на меня сердится.

Съ Шапошникова ⁷⁾ ¹⁾/₂ денегъ впередъ надобно взять.

◆◆ 1. Въ ноябрѣ 1866 г. III Отдѣленіе получило свѣдѣнія о намѣреніи бывшаго офицера нашего генеральнаго штаба Савицкаго прибыть въ Россію черезъ Одессу. Въ 1862—63 гг. онъ командовалъ повстанческой шайкой подъ именемъ «Стелла». Немедленно было предписано пограничнымъ властямъ обыскать его и представить III Отдѣленію; кромѣ того, Спб. оберъ-полицмейстеру приказано учредить строгое наблюденіе за другомъ Савицкаго докторомъ Круневичемъ. Въ декабрѣ 1866 г. стало извѣстно, что «Стелла» былъ схваченъ въ Галиціи и посаженъ въ лембергскую тюрьму, откуда на 12-й день успѣлъ освободиться за большія деньги. Въ то время въ его пользу производилась въ Женевѣ подписка на дальнѣйшее его путешествіе изъ Мюльгаузена (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 3 эксп. 1866 г., дѣло № 130).

¹⁾ Longet, см. № 2540.

²⁾ Жильберъ-Луи Duprez, франц. композиторъ, профессоръ консерваторіи.

³⁾ Cornet—пакетикъ, трубочка (напримѣръ, съ лакомствами), а также—содержимое въ нихъ.

⁴⁾ Иванъ Михайловичъ, полковникъ; окончилъ академію генеральнаго штаба въ 1854 г.; конспиративный его псевдонимъ—Стелла.¹

⁵⁾ Уныль, палъ духомъ.

⁶⁾ Журналы.

⁷⁾ вѣроятно, бѣлокриницкій епископъ Аркадій.

2540. Письмо къ Н. П. Огареву.

12 янв. 1865.

Monspell.

Два письма черезъ К., два вмѣстѣ здѣсь и, наконецъ, одно сегодня (отъ 10-го по лондонскому тمبرу ¹⁾) пришли.

Отчего же, говоря въ трехъ письмахъ о типогр. на акціяхъ и о типографіи съ разными шрифтами, когда мы устроили, ты противъ? Кто тебѣ говорилъ, что Касат. хочетъ властвовать и повелѣвать? При всѣхъ своихъ капризахъ, онъ, все-таки, не мальчишествоуетъ, какъ утята ²⁾, съ которыми время пришло покончить разъ навсегда. Пожалуйста, ты ему не пиши противъ типогр. Кто хочетъ акціи, пусть беретъ у меня; кто хочетъ брать безъ имени, пусть беретъ безъ имени. Завѣдываѣ морально буду я, голландской сажей—Чернецкій ³⁾, Кас. associé ⁴⁾.

О переплетной ты зналъ прежде. Она идетъ и пойдетъ grâce Лу ⁵⁾. Я далъ 200 фр. и пошлю еще. Если типографія пойдетъ, то заведется и papeterie съ книжной лавкой для пана Станисл. ⁶⁾.

Шапошникову въ долгъ не печатай ни подъ какимъ видомъ, деньги впередъ—да и только.

Ты правъ, говоря о моей нелюбви къ телеграммамъ. «Кол». выйдетъ 1 февр., куда же торопиться? Я думаю, что анекдоты о цвѣтахъ и объ исповѣди можно рассказать, прибавляя: «говорятъ, будто»; важности особой нѣтъ ⁷⁾. О Пестрж. я начинаю догадываться; можетъ, онъ и правъ (подробности расскажу при свиданьи); я связываю тутъ одинъ его промахъ съ твоей вѣстью о иркутскомъ жителѣ. Ah! right. А только Саша въ Парижъ и не собирался; онъ теперь, вѣроятно, спокойно вѣзжаетъ въ городъ—во Флоренцію, стало, по парижскому адресу пойду я, а не онъ. Но когда,—that is the question? ⁸⁾ И это заставляетъ поговорить о здѣшнихъ мракахъ. Многое, саго mio, меня глубоко огорчаетъ.

¹⁾ Timbre—штемпель.

²⁾ Н. И. Утинъ и его товарищи.

³⁾ Этотъ проектъ—единственное средство, чтобъ не все пало на мои плечи. А. И. Г.

⁴⁾ Компаньонъ.

⁵⁾ В. Ф. Лугининъ.

⁶⁾ Тхоржевскій.

⁷⁾ Рѣчь идетъ объ огаревской замѣткѣ въ «смѣси» 194 л. «Колокола», гдѣ упоминается о цвѣтахъ, брошенныхъ на эшафотъ Чернышевскому, и о томъ, что за уменьшеніе наказанія онъ, неблагодарной, не утѣшилъ царя причащеніемъ св. тайнъ.

⁸⁾ Вотъ въ чемъ вопросъ.

Nat. хочет (можетъ, инстинктивно, безъ всякаго сознанія) составить себѣ какой-то *statu quo отчаянія*. Въ сущности, она всёмъ недовольна, хочетъ тысячу невозможныхъ вещей; страхъ снова усложнять жизнь исчезъ, и минутами проглядываетъ старый Адамъ. Это привело уже къ двумъ-тремъ тяжелымъ разговорамъ. Ни слушать, ни слушаться она рѣшительно не хочетъ и на всякой упрекъ отвѣчаетъ: «Устройте Лизу—и оставьте меня умереть».

Это невыносимо. Лиза здорова и минутами весела, но подъ влияніемъ N. на нее находятъ минуты нервныхъ капризовъ. N. скрываетъ, что она недовольна дѣтьми, что они не пріѣхали (куда, какъ, чего бы это стоило...?); что никто не ѣдетъ изъ Россіи; что я не остаюсь; что ты долго проживаешь въ Англии и пр. Но скрыть всего этого она не можетъ. Теперь она хочетъ непременно ѣхать въ Cannes. Пожалуй, но не ближе 26, потому что board ¹⁾ взять на мѣсяць и нельзя же бросить около 400 фр. Въ Cannes'ѣ теплѣе, возлѣ Ниццы, но гдѣ же тамъ она найдетъ такихъ добрыхъ и прекрасныхъ людей, какъ здѣшніе профессора (à propos, физиологи о которыхъ я писалъ, — Longet ²⁾, другой Rougé ³⁾, оба очень извѣстные въ наукѣ). Гдѣ же рекомендаціи Мишле и С.-Рене Таландые? Дѣлать нечего, буду ждать, какъ можно устроить переездъ и Лизины занятія. Дамы русской N. не хочетъ, потому что у нея грудной ребенокъ. Съ Мари не очень клеится. Вина, я думаю, обоюдная, а главное — Мари ее не любитъ и смотритъ въ сторону. (Часы я ей привезъ превосходные).

Результатъ всего этого таковъ, что я здѣсь пробуду дольше, чѣмъ думалъ, буду писать черезъ m-me Martin и професс. daily governess ⁴⁾ и, если не могу убѣдить остаться здѣсь до конца янв., перевезу ихъ самъ въ Cannes.

Restaurant Biscavat

№ 1. Убей Тхорж.—я здѣсь завтракалъ:

№ 2. Убивши его, скажи, что я его прошу прицѣниться къ ящикамъ для картинъ и пр. и еще разъ мнѣ написать, что стоитъ перевозъ въ Женеву вещей.

1. Анчоусы
2. Филе-де бефъ aux truffes ⁵⁾.
3. Треска.
4. Alouettes salmis ⁶⁾.
5. Costule de chevreau ⁷⁾.

¹⁾ Пансіонъ.

²⁾ Франсуа-Ашиль.

³⁾ Профессора медицинскаго института въ Монпелье.

⁴⁾ Приходящую гувернатку.

⁵⁾ Съ трюфелями.

⁶⁾ Рагу изъ жаворонковъ.

⁷⁾ Ребро козленка.

Шиффъ предлагаетъ своего брата, имѣющаго огромную контору въ Лондонѣ и Парижѣ.

6. $\frac{2}{3}$ ветчины.

1) Цѣна 3 fr. 50 cen. да еще сыръ и салатъ, яблоки и виноградъ.
Сообщи, пожалуйста, Тхорж.—
lisez 2):

«Три фр. 50 с.»!!

Здѣсь дешевизна жизни просто смѣшна.

2541. Письмо къ Н. П. Огареву.

14 янв. 1865.

H-I Nevet.

Саша пишетъ изъ Ниццы преобидную вещь: отеческое начальство велѣло срубить и вырвать всѣ деревья на кладбищѣ, и наши вырваны всѣ до одного. Это совершенно измѣняетъ дѣло, т.-е. видъ. Мѣсто для дѣтей есть; я писалъ сегодня къ мраморщику, чтобъ онъ купилъ еще пустое возлѣ на твое имя (одной семьѣ не позволяютъ безъ платы 9.000 фр.). Кто первый придетъ, тотъ и ляжетъ.

Отчего ты не эксплуатируешь Долг. насчетъ газетныхъ отмѣтокъ? Онъ все читаетъ и все отмѣчаетъ. Очень нужно повнимательнѣе устроить часть новостей. Я рѣшительно не могу ничѣмъ помочь въ этой тревогѣ и вовсе безъ книгъ и журналовъ. Хоец. снова предлагаетъ помѣщать два письма въ мѣсяцъ въ «Temps», но только онъ требуетъ неминуемо присылать въ срокъ.

Пришли письма изъ Россіи и къ Nat. отъ Осипа Ив. 3) (превосходное посланіе); Sat. безъ вѣсти пропалъ; Елена Ал. пишетъ, что не отвѣчаетъ ей. Тутъ, видно, придется похерить. Она, все же, собирается ѣхать, «сколотивши денегъ», сюда, и Ал. Ал. тоже.

Я писалъ въ Cannes къ трактирщику; если онъ возьметъ за мѣсяцъ отъ 650 до 700 фр., то и съ богомъ; я готовъ въ концѣ янв. ихъ проводить и потомъ устроить переѣздъ. Отъ Cannes до Ниццы часъ ѣзды, отъ Марсели до Cannes—пять часовъ. Въ Марс. можно ночевать. Daily gov. нѣтъ; не знаю, что придумать для Лизы. Я остаюсь въ ожиданіи, не найдется ли что-нибудь.

Не хочешь ли ты въ «Кол.» отъ 1-го марта объявить, что, по случаю перемѣщенія, «Колок.» не будетъ выходить въ продол-

1) Въ этой цѣнѣ бут. вина. А. И. 1.

2) Читайте!

3) Мащини.

женіе *трехъ тысячевъ*? При этомъ можно прибавить какую-нибудь фіоритуру.

NB. Если есть особенно важные №№ газетъ по leading'амъ ¹⁾ или по новостямъ, то, отобравши пачку, пришли sous bande.

Засимъ—до твоего письма.

Письма ходятъ не 4 дня, а 2 отсюда до Лондона. Послѣд. почта идетъ въ 8 вечера, перв.—въ 10 утра.

Иду завтракать съ Nat. и Лизой въ ресторанъ. Погода великолѣпная. Вчера былъ дождь и туманъ, сегодня синее небо и солнце.

Вечеръ. Суббота.

Твое письмо непонятное для меня. Какъ же ты могъ не получить мое длинное посланіе, гдѣ я писалъ de rebus omnibus et de quibusdam aliis ²⁾? Въ Парижъ до 1 февраля врядъ попаду ли я. Саша никогда не собирался туда, и я, вѣроятно, во снѣ писалъ, что онъ туда ѣдетъ.

Всѣ здоровы, насколько возможно.

Прощай.

Бюллетень о твоёмъ здоровьѣ плохъ. Здѣшніе доктора говорятъ, что заволочка очень хороша. Фогтъ ужасно нападаетъ на дикое куреніе; онъ считаетъ это наравнѣ съ виномъ.

2542. Письмо къ Н. А. Герценъ.

16 янв. 1865.
Montpellier.

Я самъ начинаю дивиться вашему молчанію; послѣднее письмо было отъ Мальв. черезъ Фогта. Что же ты дѣлаешь? или, наконецъ, всѣ ли здоровы? Nat. ждетъ очень твой отвѣтъ. Ея положеніе не поправляется; представь себѣ, что она ни разу не ложилась въ постель ночью; кромѣ бульона и кофе, ничего не употребляетъ и постоянно впадаетъ въ мрачное отчаяніе. Я для этого остался здѣсь еще дней на 10. Одиночество и угрюмо-траурный тонъ для Лизы вредны. Она капризничаетъ отъ скуки и въ то же время очень умна. Она мнѣ рассказала сегодня всю англійскую исторію—по твоимъ рассказамъ по картинкамъ, и только раза два очень ошиблась. Женевки Фогтовой нѣтъ. Здѣсь люди предобрые и умные, и образованные, но N. мало видитъ ихъ. Наконецъ, Мари

¹⁾ Передовымъ статьямъ.

²⁾ Обо всемъ и еще кой о чемъ.

точно такая же *goide* и *triste* ¹⁾, какъ была. Лучше было бы переѣхать въ Cannes и собираться къ Ниццѣ. Лѣченье Огар. идетъ очень медленно; обмороки, все же, бываютъ всякую недѣлю. Онъ, вѣроятно, въ мартѣ прїѣдетъ до Женевы, на югъ Франціи.

Пиши немедленно сюда; если я уѣду, мнѣ письмо будетъ переслано, но, вѣроятно, до 25 останусь.

2543. Письмо къ М. Мейзенбургъ и О. А. Герценъ.

(16—18 января 1865).

Chère amie,

Figurez-vous qu'il n'y a pas moyen de vous envoyer par les banquiers d'ici les 1,000 frs. que j'ai promis. Pensez-vous que M-me Schwabe voudrait bien vous avancer cette somme—et moi, je payerai—à Londres—le jour qu'elle voudra. Quant au change—exécutez-vous ou moi en envoyant, ou vous en recevant. Nous devons payer; tel est die Allmacht Gottes—des Banquiers.

Vous pouvez donner une lettre de change payable, par ex., en 15 jours par S. Tchorzewski — 1 Macclesfield str. — mais il faut me prévenir à temps.

Si cela ne va pas—je vous enverrai de Paris.

Figurez-vous que l'administration a fait abattre tous les arbres dans notre cimetière à Nice—cela me chagrine beaucoup.

Ecrivez moi vos projets—il me semble qu'après Nice—nous autres nous nous réunirons à Genève. J'attends la réponse.

Avez vous «Thérèse» et «Le Conscrit de 1813»? ²⁾

¹⁾ Упрямая и унылая.

²⁾ Дорогой другъ, представьте себѣ, нѣтъ возможности послать вамъ черезъ здѣшнихъ банкировъ обѣщанную мною 1000 франковъ. Какъ вы думаете, не будетъ ли добра ссудить вамъ эту сумму г-жа Швабе, а я верну ей въ Лондонѣ въ тотъ день, когда она пожелаетъ. Что касается векселя, то сдѣлайте отвѣтчикомъ или меня, отославъ его, или себя, принявъ его. Платить мы должны: таково всемогущество Бога—г.г. банкировъ.

Вы можете выдать вексель, скажемъ, съ платежомъ черезъ пятнадцать дней, на С. Тхоржевскаго, 1, Macclesfield str., но необходимо меня предупредить заблаговременно.

Если это не подходитъ, я вышлю вамъ изъ Парижа.

Представьте, администрація распорядилась вырубить всѣ деревья на нашемъ кладбищѣ въ Ниццѣ,—это очень огорчаетъ меня.

Напишите мнѣ о своихъ планахъ; мнѣ кажется, что послѣ Ниццы мы всѣ соберемъ въ Женевѣ. Жду отвѣта.

Имѣете ли вы «Терезу» и «Рекрута 1813 г.»?

Твои письма, милая Ольга, Natalie читала и перечитывала, обливаясь слезами. Несчастье, ее поразившее, не сглаживается. Лиза совсѣмъ здорова. Пиши ко мнѣ, но ко мнѣ по-русски. Что говорить Тата о твоёмъ ученіи по-русски?

Цѣлую тебя много,

твой Папа.

2544. Письмо къ С. Тхоржевскому.

16 янв. 1865.
Montpellier.

Что же, наилѣпнѣйшій панъ, вы меня, стараго чорта, забыли? А я все ждалъ рапортъ отъ васъ насчетъ Огарева; мнѣ кажется, что лѣчение идетъ не очень успѣшно; его слабость, усталъ меня пугаютъ...

Не можете ли вы мнѣ прислать экзempl. пять моей французской брошюры («Nouvelle phase») — Фонтэнъ не даетъ больше; а «La Cloche» будетъ издаваться еще полгода; Устиновъ ¹⁾ далъ деньги. Корректуру посылать будетъ и даетъ выговоръ, что Трюбнеру я далъ въ комиссію. Вотъ что бѣлы.-французскій значитъ.

Насчетъ Женева вы, вѣроятно, все знаете отъ Огарева; я думаю, что Касат. можно кое-что сдѣлать. Типографію къ веснѣ устроимъ, а тамъ примемся за устройство papeterie. Женева растетъ съ каждымъ годомъ, и дѣла тамъ итти могутъ. О сношеніяхъ и говорить нечего — оттуда они легки.

Что дѣлаетъ Чернецкій? Я и къ нему не писалъ оттого же, что думалъ, Огаревъ вамъ обоимъ сообщилъ проекты и долю неудачъ.

Молодые люди ничѣмъ не помогутъ, это — все вздоръ. Чернецкому хорошо было бы продать станокъ, — перевозить его не стоитъ.

Я остался дольше въ Montpellier, потому что засталъ N. Ал. въ очень дурномъ состояніи духа и тѣла, хуже, чѣмъ до моей поѣздки въ Женева. Если она рѣшится переѣхать въ Cannes, я ихъ провожу и къ 1 февр. приѣду въ Парижъ, а къ 10 февр., пожалуй, къ нашему портному въ Berners street (или куда прикажете).

Я писалъ Ог., что надобно поговорить съ гуртовымъ укладчикомъ насчетъ ящиковъ для картинъ, письменнаго стола и пр.

¹⁾ Григорій Григорьевичъ; отправляясь въ 1861 г. за границу, искалъ болѣе взрослога спутника-руководителя, и на это амплуа О. С. Чернышевская, съ согласія мужа, рекомендовала ему Вс. Д. Костомарова, который, однако, приглашенъ не былъ.

Напишите еще разъ цѣну отъ Лонд. до Женева (никакихъ таможенныхъ тратъ нѣтъ). У меня есть рекомендація въ Парижѣ къ главному экспедитору,—я хочу сравнить цѣны.

Мнѣ бы хотѣлось въ мартѣ все отослать. Касат. готовъ принимать.

17 янв.

Какова штука, что Огрызко схватили въ Петерб., по приказу Муравьева, и у Грота ¹⁾ (начальникъ департ. министерства финансовъ) они читали бумаги за то, что онъ защищалъ его. Это—въ «Indépend.». Пожалуйста, сообщайте мнѣ новости поважнѣе, если услышите.

Прощайте.

Что вашъ жидовинъ? Надулъ васъ или нѣтъ?

Нат. Ал. и Лиза кланяются вамъ и Чернецкому.

Сказывалъ ли вамъ Огаревъ, какая здѣсь дешевизна насчетъ ѣды?

Послали ли вы «Кодоколь» во Флоренцію Сашѣ? Если нѣтъ; пошлите 5 или 6.

2545. Письмо къ сыну.

17 janv. 1865.

Montpellier, H-l Nevet.

Любезный Саша, письмо это, полученное сейчасъ, напомнило мнѣ, что я ни тебѣ не писалъ давно да и отъ тебя еще не имѣю рапорта о прибытіи во Флоренцію. Отъ Авигдара получилъ твою расписку и 3, 500 фр. Писалъ къ S. Basso. Что это за ужасъ, что они срубили деревья! Хотъ бы кто-нибудь написалъ,—я бы просьбу подалъ мин.

Я здѣсь остался дольше по глубокому убѣжденію, что однѣхъ Нат. съ Лизой оставить нельзя. Ты не отчетливо понялъ психическое настроеніе N.; она при тебѣ притворялась, но послѣ безвыходное отчаяніе взяло верхъ, и это идетъ, какъ перемежающаяся лихорадка. Къ тому же отвратительная погода, вѣтеръ, свѣжо, нѣтъ солнца. Я согласенъ ѣхать съ ними въ Каннъ 26 янв. и оттуда въ Лондонъ. Огар. о Флоренціи слушать не хочетъ (можетъ, и правъ). Его здоровье идетъ плохо, обмороки бываютъ каждую недѣлю и, главное, онъ жалуется на усталъ. Пора, по-моему, хотъ на время, собраться гдѣ-нибудь.

¹⁾ Константинъ Карловичъ, директоръ департ. неокладныхъ сборовъ.
I. Огрызко—ревизоръ д—та.

До жаровъ Cannes—славное мѣсто.

Отъ Таты было длинное письмо; когда будешь ей писать, скажи, чтобъ она писала и почаще и какъ можно больше ея, ея—письма ея тѣмъ лучше дѣйствуютъ, чѣмъ нѣжнѣе.

Отъ Фогтовъ вѣсть, что женевка (лондонская) хочетъ взять мѣсто. Это было бы хорошо. Лиза не вынесетъ той атмосферы плача и отчаянія, въ которой она живетъ.

Пиши о твоёмъ прїѣздѣ, пиши также къ Огареву; я за него сильно боюсь.

Кланялся ли ты ПIANчани и Фрикену? Что Бакунинъ?

2546. Письмо къ сыну.

24. янв. 1865.

Hôtel Nevet, Montpellier.

Наконецъ, я кой-какъ устроился здѣсь и оставляю дней черезъ пять Монпелье въ лучшемъ видѣ. Намѣреніе ѣхать въ Каннъ оставлено, Nat. останется до половины марта здѣсь. Нашлась бѣлая собака и черная учительница для Лизы. Лиза здорова, шалитъ меньше и говоритъ по-французски. Nat. все еще zerrüttet ¹⁾, думаетъ, что Тата къ ней холодна, плачетъ объ этомъ.

Люди здѣсь предобрѣйшіе. Иду сегодня на лекцію къ Руже.

Здоровье Огар. все плохо, слабость, усталость, и всякую недѣлю припадокъ.

25 янв. Доманже тебѣ навралъ вздоръ, а ты и повѣрилъ. Я ѣду 29 отсюда, въ Парижѣ пробуду недѣлю и во всякомъ случаѣ буду 10 въ Лондонѣ; въ началѣ марта возвращусь сюда и, вѣроятно, поѣду черезъ Ниццу въ Женеву и домъ возьму, который нашель Касаткинъ.

Тата и ко мнѣ пишетъ мало. Nat. сильно огорчается ея тономъ и находитъ (tempora mutantur ²⁾), что Ольга больше ее любить. Мнѣ кажется, что Тата могла бы писать больше и нѣжнѣе. Но я все предоставляю самимъ и дѣятельно не мѣшаюсь. Прощай. Вчера я былъ на лекціи Руже. Здѣсь меня все еще на рукахъ носятъ.

¹⁾ Потрясена.

²⁾ Времена мѣняются.

2547. Письмо къ Н. А. Герценъ.

24 янв. 1865.

Montpellier, Hôtel Nevet.

Ты, Тата, скупа на письма, и я, не дождавшись отвѣта, пишу опять. Во-1-хъ, насчетъ почтовыхъ денегъ виновата была дама въ парижскомъ бюро, сказавшая мнѣ, что письма стоятъ 50 сан. въ Римъ, а вышло 1 фр. 10 сан. Чтобъ все это покрыть, я прибавлю 25 фр. къ слѣдующей 1,000. А что же Швабе дала денегъ или нѣтъ?

26 янв.

Я, наконецъ, успѣлъ въ томъ, что Лизѣ есть и занятіе и разсѣяніе, и что сама Н. (несмотря на возвращающіеся порывы страшнаго отчаянія) долею покойнѣе. Собираюсь теперь въ Лондонъ. Тхоржевскій не хвалитъ здоровье Огар. Пора бы устроиться гдѣ-нибудь на покой. Женевскій домъ мнѣ бы очень хотѣлось занять, но не могу ни отъ кого добиться путнаго отвѣта, ни даже отъ Огар. На тебя, Тата, тоже находятъ душевныя лѣни: пишешь наскоро, рѣдко. Письма ходятъ, какъ насмѣхъ, вдвое долще, и я поѣду отсюда, вовсе не зная желанія всѣхъ.

Бду я 29 или 30. Вѣроятно, до 8 или 9 пробуду въ Парижѣ, куда (разсчиталъ время) и можешь писать на имя Полины или С. Льв. ¹⁾;—онъ же поѣхалъ въ Ниццу снимать императрицу.

Моя шишка на лбу начинаетъ меня бѣсить: не только, что она растеть, но мнѣ больно; я увѣренъ, что выйдетъ большой нарывъ или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Получила ли ты поясъ? я его послалъ съ Сашей (онъ жалуется, что вы ему не пишете). Ольгу цѣлую и доношу Линдѣ, что Лизину собаку завуть *Шарикъ*, что она родомъ изъ Барселонны, воспитаніемъ изъ Монпелье, а проживаетъ въ Hôtel Nevet, № 116.

Будьте здоровы.

2548. Письмо къ Н. П. Огареву.

28 янв. (1865).

Montpellier.

Сонъ въ руку, почтеннѣйшій ричмондогорець. Твой кулець у Кас. ²⁾ былъ разъ, письма и статью отдалъ Утину, а этотъ милый

¹⁾ Львицкіе.²⁾ В. И. Касаткинъ.

господинъ оставилъ все у себя. Не мѣшало бы взмылить голову, если ты хочешь съ ними остаться знакомымъ,—я не хочу. Что ты писалъ въ письмѣ? Не было ли частныхъ дѣлъ? Касатк. пишетъ, что постарается, чтобъ онъ выслалъ все на адресъ Левицкаго. Ты замѣть, что я купцу писалъ, чтобъ онъ отдалъ Касаткину.

Вчера я тебѣ послалъ вексель банкира Кастелло на Парижъ въ 1145 фр. (45 фун.); это до 1 марта: Чернец. 10, Шарл. 4) 5, Тхор. на «Кол.» 5 и 25 тебѣ. О полученіи немедленно напиши въ Парижъ Левицкому.

Еще важный вопросъ: спроси Тхор., получилъ ли онъ вырѣзку (въ письмѣ) изъ журнала «Жиронда», посланную ими 20 или 21? Мнѣ это нужно. Шишка продолжаетъ еще выдавливать, вдвое, втрое меньше. Утромъ докторъ Кость 2) выдавливаетъ и кладетъ пластырь; думаетъ, что завтра ѣхать можно, а нельзя—останусь до понедѣльника.

Лиза продолжаетъ себя вести довольно хорошо, хотя у нея (и у Н.) иногда есть дикіе взрывы. Сегодня на небѣ тучи; это всегда располагаетъ къ пакостямъ.

Затѣмъ кланяюсь.

Говорятъ, что Катковъ хочетъ запереть лавочку. 1 Здѣсь есть таможенный чиновникъ изъ Польши,—успокаиваетъ меня анекдотами. О, Русь!

Если не будетъ ничего особеннаго, то отсюда писать не буду.

◆ 1. Въ концѣ декабря 1864 г. Катковъ и Леонтьевъ ѣздили въ СПб. хлопотать о предоставленіи одному изъ нихъ правъ цензора по своей газетѣ. Валуевъ обѣщалъ увѣдомить. 27 декабря 1864 г. шефъ жандармовъ писалъ Валуеву, что его намѣренъ посѣтить Катковъ, и потому спрашивалъ министра, не будетъ ли отъ него какихъ-нибудь указаній; а 30-го Долгоруковъ сообщилъ, что его разговоръ съ Катковымъ былъ выдержанъ въ тонѣ бесѣды редактора «М. В.» съ Валуевымъ; «не знаю, на что онъ рѣшится». До новаго года ничего не было сдѣлано, поэтому рѣшено было обратиться въ совѣтъ университета съ заявленіемъ, что больше они не могутъ нести обязанности редакторовъ. 1 января совѣтъ имѣлъ экстренное засѣданіе; 34 члена постановили войти съ особымъ представленіемъ къ попечителю объ исходатайствованіи высоч. соизволенія на подачу всепод. прошенія объ изыятіи «М. В.» отъ цензурнаго вліянія и о предоставленіи правленію уни-

1) Гётсонъ.

2) Coste.

верситета ближайшаго надзора, а ректору—непосредственной цензуры. Проф. Любимовъ составилъ и прошеніе, копіи котораго были посланы защитникамъ «М. В.» Горчакову, Д. Милютину и Филарету. «Разсказываютъ, писалъ жандармъ изъ Москвы III Отдѣленію, что если Катковъ и Леонтьевъ не достигнуть своего ходатайства, уѣдутъ за границу и будутъ тамъ издавать свой журналъ въ духѣ принятаго ими направленія по своимъ убѣжденіямъ».

1 января Воейковъ донесъ, что въ тотъ день назначено было экстренное собраніе акціонеровъ по случаю прекращенія «Моск. Вѣдомостей» редакторомъ оныхъ. 2 января онъ добавилъ, что собраніе постановило ходатайствовать о подчиненіи «М. В.» цензурѣ университетскаго совѣта. Разумѣется, потомъ была поправка—никакихъ акціонеровъ не собиравось, это были члены университетскаго совѣта.

1 января совѣтъ подалъ попечителю округа записку, въ которой, приведя прошеніе, полученное отъ Каткова и Леонтьева по поводу притѣсненій предварительной цензуры, невозможности еще нѣсколько мѣсяцевъ ожидать новаго закона о печати, такъ какъ «ихъ силъ, совершенно изнуренныхъ, едва ли достанетъ и на одинъ мѣсяцъ нахожденія подъ цензурой», и желанія, чтобы отвѣтственность за печатаемыя въ газетѣ статьи возложена была на нихъ самихъ подъ надзоромъ университета въ лицѣ ректора, съ указаніемъ, что одинъ изъ нихъ до 1852 г. уже издавалъ «М. В.» подъ своею личною отвѣтственностью, внѣ надзора общей цензуры,—совѣтъ заявилъ, что, «признавая приводимые ими дсводы вполне уважительными, опредѣлили «просить ходатайства попечителя, чтобы обстоятельства сего дѣла чрезъ высшее начальство были доведены до свѣдѣнія е. и. в. и объ исходатайствованіи высоч. соизволенія на подачу всепод. прошенія московскаго университета слѣдующаго содержанія:

«Всемиловѣйшій государы! Полтора года тому назадъ вашъ москов. университетъ, присоединяя свой голосъ къ голосу цѣлой Россіи, заявлялъ предъ престоломъ в. в. тѣ вѣрноподданническія, чувства, которыя одушевляють весь русскій народъ и дѣлають его готовымъ на всѣ жертвы для поддержанія цѣлости, благоденствія и величія вашей державы. Въ наступившее затѣмъ болѣе спокойное время в. в. дали новую жизнь университетамъ и упрочили дальнѣйшее ихъ преуспѣяніе преобразованіемъ гимназій въ духѣ строгаго классическаго ученія. Сознавая всѣ милости, излитыя в. в. на дѣло народнаго просвѣщенія въ Россіи, москов. университетъ не можетъ не дорожить въ числѣ ихъ тѣмъ правомъ собственности цензуры, которое предоставлено новымъ уставомъ всѣмъ универ-

ситетамъ до отношенію къ ихъ собственнымъ изданіямъ. Въ числѣ этихъ изданій москов. унив. придаетъ вмѣстѣ со всею Россіей особенную цѣну и особенное значеніе «Московскимъ Вѣдомостямъ», которыя нынѣ вступаютъ въ 150-лѣтній годъ своего существованія. Съ тѣхъ поръ, какъ эта старѣйшая изъ всѣхъ европейскихъ газетъ поступила подъ редакцію гг. Каткова и Леонтьева, она стала болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, истиннымъ органомъ москов. университета, не только потому, что эти редакторы суть члены его, но еще болѣе потому, что выражаемая ими мнѣнія, чувства и желанія служатъ вѣрнымъ отголоскомъ мнѣній, чувствъ и желаній какъ цѣлой Россіи, такъ и старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ. Не безъ гордости вспоминаетъ москов. унив., что въ тяжкій для Россіи 1863 годъ, когда ея цѣлость и достоинство были спасены единственно твердостью и великодушіемъ в. в., «М. В.» способствовали возбужденію и поддержанію патріотическаго чувства въ преданномъ вамъ народѣ, и тѣмъ, сколько могли, содѣйствовали вашимъ высокимъ видамъ. И нынѣ «М. В.» продолжаютъ поддерживать и возбуждать русское народное чувство, которое всецѣло выражается въ преданности царю, въ любви къ отечеству, въ непоколебимой твердости въ православной вѣрѣ.

«Всемиловѣйшій государь! Московскій университетъ былъ бы безпредѣльно счастливъ, если бы, въ довѣрії къ нему и къ избраннымъ отъ него редакторамъ «М. В.» гг. Каткову и Леонтьеву, которые состоятъ его членами, в. в. возложили на самый унив. и на избранныхъ имъ упомянутыхъ редакторовъ отвѣтственность за статьи, печатаемая въ этомъ изданіи, принадлежащемъ университету, какъ это уже было до 1852 г., съ тѣмъ, чтобы при этомъ они строжайше подчинялись высоч. утвержденнымъ цензурнымъ правиламъ. Это ваше довѣріе, государь, продливъ и упрочивъ существованіе «М. В.» въ нынѣшнемъ ихъ видѣ и подъ теперешнею редакцію, поддержало бы тѣмъ самымъ начавшееся замѣтнымъ образомъ улучшеніе въ направленіи умовъ въ молодомъ поколѣніи, которое такъ еще недавно подчинялось враждебнымъ къ Россіи и къ основамъ общественаго порядка внушеніямъ и способствовало бы къ утвержденію во всѣхъ слояхъ русскаго общества тѣхъ здравыхъ понятій и ученій, которыя служатъ залогомъ истиннаго преуспѣянія народовъ и надежнымъ ручательствомъ за процвѣтаніе государствъ» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1864 г., дѣло № 199 и 1865 г. № 103).

2 января М. Щербининъ писалъ Валуеву по-французски, что, «боясь волненій среди общества», онъ не пропустилъ въ печать статью Каткова, предполагавшую въ послѣдній нумеръ «М. В.»

за 1864 г., съ объявленіемъ, что онъ и Леонтьевъ слагаютъ съ себя редактированіе газеты. «Прошеніе университета редактировано прекрасно и было бы очень трудно написать его лучше, мотивированнѣе и приличнѣе».

5 января московское дворянство постановило заявить издателямъ «М. В.» объ искреннемъ желаніи своемъ видѣть продолженіе ихъ дѣятельности по газетѣ, «сдѣлавшейся при руководствѣ ихъ выраженіемъ образа мыслей тѣхъ, кто истинно любитъ отечество и дорожитъ его благосостояніемъ, цѣльностью и честію». Петербургъ зналъ объ этомъ на слѣдующій день.

7 января Н. А. Безобразовъ и нѣкоторые другіе заявили «объ изъявленіи сочувствія къ редактору «М. В.» Каткову, прося его о продолженіи изданія «Вѣдомостей», и о поднесеніи ему подарка, что было принято собраніемъ единодушно, а о подаркѣ составила подписка; губернской же предводитель дворянства обѣщаль, отвѣчать Каткову на полученное отъ него письмо» (тамъ же, 1865 г. дѣло № 11, ч. 1 и архивъ П. Я. Дашкова).

14 января комитетъ министровъ положилъ «предоставить министру вн. дѣлъ оказать редакціи возможныя облегченія въ примѣненіи цензурныхъ правилъ», что было сдѣлано главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Д. А. Милютина и кн. Горчакова, какъ противниковъ А. Головнина.

21 марта Щербининъ сообщилъ Валуеву, что вотъ уже два мѣсяца между нимъ и «М. В.» установились хорошія отношенія. «Катковъ знаетъ свое мѣсто; мы предоставляемъ ему льготы и облегченія по сравненію съ другими»; впрочемъ, статья въ № 63 напечатана не такъ, какъ была разрѣшена цензурой.

2549. Письмо къ Лизѣ.

31 января (1865), вечеръ, 8 часовъ.

Милая Лиза, мнѣ такъ было жаль, что ты не могла меня проводить, и жаль, что ты меня жалѣла, когда я ѣхалъ, что я все думалъ объ этомъ и теперь, только-что взошелъ въ комнату, пишу тебѣ эти строки. Мамѣ буду писать завтра.

Адольфу ¹⁾ скажи, что я ошибкой увезъ ключъ и пришло его.

Вотъ мой адресъ: Paris, Grand Hôtel, Boul. des Capucines, № 170.

¹⁾ Коридорный въ отелѣ.

Иду ѣсть; усталъ, ѣхаль 17 часовъ—это и мнѣ много. Парижъ мнѣ всякимъ камнемъ напоминаетъ декабрь и похороны. Завтра принимаюсь за дѣло и буду писать.

2550. Письмо къ О. А. Герценъ и М. Мейзенбугъ.

(1 февр. 1865).

Paris, Grand Hôtel, Boul. des Capucines.

Это летить къ тебѣ, Ольга, чтобъ сказать, что твое писемцо я получилъ. Жаль, что Herr Сремеръ не учитъ тебя по-русски, да, видно, и Тата тоже: ты теперь хуже прежняго пишешь. Вотъ поэтому-то и надобно намъ жить поближе. Ну, а что касается до Эпсиліо ¹⁾, ее мы оставимъ въ Римѣ,—довольно съ тебя и Линды, и къ тому же ты будешь писать тогда посланія. Здѣсь очень скучно, и я поѣду черезъ недѣлю въ Лондонъ, а васъ всѣхъ цѣлую.

Oui, oui, tres chère Romanie, la langue russe fait des progrès rétrogrades et pourtant il fut un temps, où vous-même étiez convaincue de la nécessité qu'Olga parle le russe. Tata ne fait donc rien (je suis très content qu'elle n'a pas corrigé le billet—il ne s'agit pas de cela). Je vous avoue franchement que je ne suis pas de l'opinion qu'il faudrait rester plus longtemps que le 6 mai à Rome—à Genève on a de très bons précepteurs. Je pars d'ici dans une semaine. Vous pouvez adresser la lettre suivante à Ogareff ou à Tchorzevski. La santé d'Ogareff va mal, j'ai reçu une lettre de Neftal. Il ne désespère pas—mais il lui trouve une grande faiblesse, un sang mal composé—il a miné des forces immenses par le trop de concentration de la pensée—et le trop d'expansion des passions. Et d'un autre côté—n'est ce pas la véritable vie—un peu plus un peu moins—la même chose. Levitzki est à Nice. L'héritier est très malade. Nélaton et Rayer sont allés le remettre ²⁾.

¹⁾ Собака.

²⁾ Да, да, дражайшая римлянка, въ русскомъ языкѣ она идетъ назадъ, а, между тѣмъ, было время, когда вы сами были убѣждены въ необходимости, чтобы Ольга говорила по-русски. Итакъ, Тата ничего не дѣлаетъ (я очень доволенъ, что она не исправила писемца — вѣдь, не въ этомъ дѣло). Признаюсь вамъ откровенно, я вовсе не того мнѣнія, что надо оставаться въ Римѣ позже 6 мая; въ Женевѣ отличные учителя. Черезъ недѣлю я уѣзжаю отсюда; слѣдующее письмо можете адресовать Огареву или Тхоржевскому. Здоровье Огарева плохо. Я получилъ письмо отъ Нефталя: онъ не отчаивается, но находитъ у Огарева большую слабость, дурной составъ крови; онъ подкосилъ свои огромныя силы излишнимъ сосредоточеніемъ мысли и

2551. Письмо къ Н. А. Герцену.

(1 февраля 1865).

Милая Тата, съ тѣмъ же упрекомъ обращаюсь къ тебѣ. Ну какъ же это Ольга все хуже и хуже пишетъ по-русски? Я ужъ Natalie говорилъ, что это смѣшно, что она ей написала оба отвѣта по-французски. Постарайся сколько-нибудь, это вовсе не мѣшаетъ живописи. Итакъ, я опять въ Парижѣ. Лизу я оставилъ въ очень хорошемъ состояніи; она и поздоровѣла и стала снова приходиться въ свою прежнюю колею, въ теддингтонскую. Она ходитъ въ азиль ¹⁾, у ней много знакомыхъ дѣтей (вообще, въ Монпелье насъ носили на рукахъ—очень доброе населеніе). Но не могу того же сказать о Nat. Та струя, безпокойная и мучившая ее самое прежде несчастія, превратилась въ отчаяніе и недовѣріе къ жизни, къ себѣ. Ей хотѣлось бы сдать Лизу и умереть. Бывали минуты, въ которыя она *была* на волосъ отъ самыхъ страшныхъ рѣшеній. Теперь немного лучше, но бываютъ рецидивы. Ночи она почти не спитъ, почти ничего не ѣстъ (никакого мяса) и иногда совершенно падаетъ духомъ. Мнѣ жаль, что ты и мало и не вовсе *es tonv* пишешь къ ней. Чувство возврата къ тебѣ и Ольгѣ было сильно. Ты не поддерживаешь, а Nat. это было бы всего полезнѣе. ¹

На этомъ мнѣ помѣшали. Иду къ Ротшильду и, если можно, пошлю отъ него 1,500 фр. и прибавлю на письма.

Домъ Ротшильда.

Посылаю 1,500 фр.; вамъ не слѣдуетъ платить ни одной копѣйки и получить 285 за 72 барона.

♦♦ 1. 1 февраля Огарева писала Герцену: «Я все продолжаю перебирать бумаги. Вотъ отрывокъ, посылаю тебѣ; видишь, какъ иногда я ясно понимала себя... Боже, какъ я была виновата, какъ я, вамъ всѣмъ портила жизнь; о себѣ не говорю,—это было заслужено... Живая или мертвая, Леля должна была меня спасти,—не даромъ ты звалъ ее Консуэлой... Только, если-бъ я очнулась при ней, какое счастье ждало меня, — а теперь дай мнѣ стать во весь

излишней экспансивностью страстей. А, съ другой стороны, не въ этомъ ли настоящая жизнь? Немного больше, немного меньше, вѣдь, это одно и то же. Левицкій въ Ниццѣ. Наслѣдникъ ^{o)} очень боленъ. Нелатонъ и Райе ^{o)} поѣхали туда, чтобы поставить его на ноги.

¹⁾ Asile—школа для дѣтей самаго младшаго возраста.

^{o)} Николай Александровичъ.

^{o)} Пьеръ-Франсуа, извѣстный врачъ

рость, дай мнѣ твою руку; я знаю, что была и ея и руки Огарева недостойна, но я буду достойна... Собирайтесь, друзья; мнѣ хочется, чтобъ вы всѣ были около меня; хочу, чтобъ преобразование мое было на землѣ; хочу окруженная мною страстно любимыми, но мученными существами нести мой крестъ медленно, если вамъ хочется дольше видѣть меня... Лелино отсутствіе, Лелино мученье одни торопятъ меня, а то бы мнѣ хотѣлось видѣть новую жизнь нашу, гдѣ только будутъ печаль и любовь» («Рус. Пропи-леи», IV, 284).

2552. Письмо къ Н. А. Огаревой.

1 февраля (1865).

Grand Hôtel, Boulev. des Capucines, № 170.

Дождь льется, вѣтеръ воетъ, какъ въ приморскомъ городѣ. Теперь 9 часовъ и я пишу со свѣчей, что же будетъ въ Лондонѣ? Получилъ много писемъ и отъ Нефталы одно. Онъ надѣется облегчить болѣзнь, но говорить, что скука одиночества такъ сильно дѣйствуетъ на Огар., что депримируетъ ¹⁾ его и дѣлаетъ мрачнымъ. Самъ Огар. пишетъ, что очень хочетъ видѣться съ Ал. Ал., но что о скоромъ пути при теперешнемъ ослабленіи и думать нечего. На Женеву онъ, кажется, рѣшается. — Левицкій въ Ниццѣ ²⁾ принять былъ очень хорошо, къ мраморщику пойдетъ. Имп. очень недовольна номинаціей Конст. Ник. ³⁾. Она здорова, но наследникъ плохъ. Лев. нашелъ въ этомъ кругу дамъ, яростно почитающихъ меня и «Колок.»; а «Nord», объявляя сегодня о паденіи Каткова, прибавляетъ: «Его великій подвигъ состоитъ въ томъ, что онъ на смерть поразилъ Герц. и „Кол.“» ⁴⁾.

Теперь обращаюсь къ нашимъ внутреннимъ дѣламъ и, первыхъ, жду твоего письма. Можешь просто адресовать въ отель. Вчера я писалъ Лизѣ нѣсколько строкъ. Въ письмѣ твоего отца, начало котораго доходитъ до величія псалма, есть слово, носившееся на дорогѣ надъ моей душой. Испуганный тобой, твоимъ отчаяніемъ, онъ говоритъ: «Помилуй насъ!». И тутъ мнѣ представляется онъ, по портрету, съ сѣдой бородой, на колѣняхъ и съ нимъ Лиза. Да, Natalie, «помилуй ихъ»! Задуть жизнь старика и задуть жизнь ребенка или исказить—дѣло не трудное, но тогда нѣтъ спа-

¹⁾ Déprimer—угнетать, подавлять.

²⁾ Т.-е. при нашемъ дворѣ.

³⁾ Назначеніемъ его предсѣдателемъ госуд. совѣта.

⁴⁾ Въ № 31 отъ 31 января, корреспонденція изъ Петербурга.

сеня, нѣтъ покоя, тогда и мы всѣ отжили. Ты проживешь мѣсяць или пять недѣль одна. Я начинаю думать, что отсутствіе женевки и всѣхъ для тебя теперь на мѣстѣ. Ты не стала на высоту, на которую тебя поставилъ ударъ судьбы. Успокой мятежное отчаяніе, смири себя и помилуй ихъ и насъ! Тѣ вещи, которыя ты считаешь ничтожными, мелочами (какъ выговоръ мнѣ за то и передразниваніе Лизы), страшно важны. Это—небольшая сыпь, показывающая, что кровь не исцѣлилась. Я здѣсь нашелъ письма изъ Рима (посылать не стоитъ, главное отъ Мейзенб.). Мейзенб. вовсе не прочь ѣхать въ Женеву съ Ольгой, жить въ одномъ домѣ, сдѣлать еѳоп. suprême ¹⁾. Изъ каждой строки я вижу, что она любила сильно дѣтей, и даже есть что-то трогательное въ томъ, что она и теперь поминаетъ бѣднаго Сандрильонъ-боя ²⁾. Тата очень занята и очень погружена въ свое занятіе,—не сердись за это. Ольга предлагаетъ взять Epsilon, но я полагаю, что Линды довольно. Письма эти и Парижъ снова раскрыли и всѣ раны и всѣ надежды... Ты жаждала примиренія, отпущенія и, слезъ вмѣстѣ. Ты и теперь хочешь, но все съ нетерпѣніемъ и строптивостью. Помни же, Natalie: если мы сойдемся снова подъ одной крышей, ты должна взойти подъ нее, какъ новый Адамъ, считающій свой искусь жизни отъ декабря. Одно строптивное слово разрушить все... и тогда все разойдется навѣки. Помилуй же всѣхъ. Въ послѣднее время я снова сильно полюбилъ Лизу; меня еще больше связываетъ съ ней ея любовь къ Огар. Я писалъ ему объ этомъ сегодня и обо всемъ. Я предложилъ ему обдумать, 1-ое, не хочетъ ли онъ ѣхать со мной въ мартѣ? 2, не хочетъ ли онъ ѣхать вслѣдъ за мной въ Женеву? 3, собраться всѣмъ въ маѣ въ Женевѣ. Онъ будетъ мнѣ сегодня писать,—письмами иногда лучше дѣлается все, особенно передъ свиданіемъ. Я пробуду здѣсь не меньше недѣли. Тишина полнѣйшая. Комната моя на дворъ отеля во втор. этажѣ (7 фр.). Опять могу я по старому до 2-хъ заниматься,—попробую написать небольшую статью для «Кол.»,—въ 2 завтракать и тутъ всѣ дѣла до 7; въ 7 обѣдать и рано ложиться. Я боюсь Champs-Élysées и ту улицу— всѣ подробности воскресли тѣхъ страшныхъ ночей.

И прощай.

Въ «Ind. Belge» напечатано, что я поселился навсегда въ Montreuil. Правда ли это?

Лизу обнимаю. Что дѣлаетъ Шарикъ?

Писать я буду на каждое письмо отъ васъ.

¹⁾ Полное примиреніе.

²⁾ Умершаго сына Герцена Алексѣя.

2553. Письмо къ Н. П. Огареву.

2 февр. (1865 г.).

Grand Hôtel, 170, Boul. des Capucines.

Нелатонъ и Райе поѣхали чинить наслѣдника. Вотъ ужъ и судьба начинаетъ гнать нашихъ Меролингъ. Если ты не читаль «Indép. Belge» отъ 31 янв., то сейчасъ пошли за ней къ Долг. Жаль, что все это поздно для феврал. листа. Катковъ надуль Офросимова, тотъ заврался въ своей рѣчи, и безобразовская партія потребовала конституцію. Это все—кладъ ¹⁾. № «Ind.» оставь до меня. Карты мѣшаются,—пойдетъ новая талія... Вчера я долго писалъ письма, сегодня иду на работу и начинаю съ Геру ²⁾. Я поправилъ два-три слова да анекдотъ о барышнѣ ³⁾, который у тебя вышелъ безъ смысла; die Pointe ⁴⁾ въ томъ, что Ал. упомянулъ объ исповѣди ⁵⁾. Но ты опять долженъ взойти въ колею франц. жаргона. А, можетъ, писать теперь и полезно. Насчетъ квартиры у Ланге я боюсь, что она слишкомъ шумна. Я бы лучше часть времени остановился въ «Rose Cottage» или, вообще, въ Ричмондѣ. Моя старая и вѣчная тема: внѣшняя независимость жизни—великое дѣло, ich schwelge ⁶⁾ теперь въ ней. Знать, что никто тебя не ждетъ, что нельзя опоздать—даетъ страшную свободу мысли и покой. И за грѣхи наши не будетъ намъ этой жизни. Рвался ты осенью въ одиночество—болѣзнь связала; думаль и я иначе вздохнуть—два гробика стали на дорогѣ.

3 февраля.

Былъ у меня Соколовъ ⁷⁾. Онъ въ Дрезденѣ подрался съ полицейскимъ и бѣжалъ оттуда; здѣсь безъ средствъ, началъ корреспонденцію для Ганеско ⁸⁾ («L'Europe»); работать хочетъ и, полагаю, можетъ. Самолюбіе его знаемъ. Я ему далъ изъ фонда

¹⁾ Происшествія московскаго дворянскаго собранія. М. А. Офросимовъ—москов. ген.-губернаторъ.

²⁾ Adolphe Guéroult, франц. журналистъ.

³⁾ Лидія Петровна Михаэлисъ, бросившая на эшафотъ осужденному Чернышевскому букетъ цвѣтовъ.

⁴⁾ Соль, главный смыслъ.

⁵⁾ Статья Огарева въ № 55 «La Cloche»; въ ней о процессѣ Чернышевскаго.

⁶⁾ Купаюсь, блаженствую.

⁷⁾ Николай Васильевичъ, писатель, эмигрантъ; былъ потомъ мѣсяца два секретаремъ у Герцена.

⁸⁾ Грегори, франц. публицистъ, издатель этого журнала.

100 фр. У Геру былъ, не засталъ и оставилъ записочку; былъ и у Шарля Ed. ¹⁾). Не знаю, что дѣлать. Онъ, по моимъ словамъ, Нефтцеру ²⁾ общалъ корр. Завтра, съ утра, поѣду въ Замоскворѣчье, къ Мишле, къ Салиасъ и улажу какъ-нибудь. Е. Утину я откровенно скажу, что поведеніемъ женевскихъ жеребятъ недоволенъ. Гуляя въ Palais Royal'ѣ, я зашелъ чаѣсу въ седьмомъ къ принцу ³⁾). Разумѣется, его не засталъ, но учтивость и простота all every month ⁴⁾). Нелатонъ возвратился, но, говорятъ, молчитъ. Вчера въ «Nord'ѣ» опять статья въ пользу Каткова ⁵⁾). Насчетъ твоего антръ-филея-ре-штучки — помѣстить можно, но это бѣдно; право, обстоятельства важнѣе, чѣмъ кажется; теперь намъ надобно выплыть ⁶⁾). Офросимовская рѣчь почище всего, этимъ надобно воспользоваться. Слово «ре-штучки» потому не отлично, что напоминаетъ Долг. востроты. Наконецъ-то, отъ Тхорж. извѣстіе, за то въ награду посылается ему Лиза.

Я ложусь спать въ 11 часовъ. Сегодня въ 5 утра по коридору весело шли господа съ bal masqué... a la temporal ⁷⁾

Былъ на кладбищѣ, постоялъ на ихъ временной могилѣ... Видѣлъ, какъ хоронили какую-то даму, объ которой, à la lettre ⁸⁾, плакали больше ста человѣкъ, и совершенно откровенно. Поговорилъ съ тѣмъ жандармомъ, котораго и ты видѣлъ, и ушелъ съ какими-то внутренними слезами. На Champs Elysées въ ту улицу мнѣ страшно итти... Всѣ подробности живы... Nat. права: смерть Лели была поэма, лаокооновская поэма смерти, человѣческаго безсилія и стихійной дури.

Съ Ротшильдомъ я квитъ, т.-е. онъ получилъ изъ Америки около 11,000 и ихъ взялъ, а я взялъ у Авигдора 4000 и за домъ одну треть впередъ; такъ что за посланными въ Римъ и Лондонъ, остав. Сашѣ и въ Монпелье и за тратой здѣсь остается 6000 [+ долгъ Касатк. (7000)]. Оно и хорошо, но what'next? ⁹⁾). Ихъ не хватить никакъ до 1 мая. Ты бы на всякій случай постыдилъ да понаштировалъ принца ¹⁰⁾). Въ Америкѣ дѣла идутъ лучше; какое же ему дѣло, у меня ли или у другого будутъ деньги за 5%.

¹⁾ Хоецкій.

²⁾ Огюсть, франц. публицистъ, редакторъ «Le Temps».

³⁾ Принцъ Наполеонъ, сынъ принца Жерома.

⁴⁾ Все каждыиъ соблюдено.

⁵⁾ «Le Nord» 1 февраля.

⁶⁾ Статья съ подобными словами не появилась въ «Кол.».

⁷⁾ Съ маскарада... другія времена!

⁸⁾ Буквально.

⁹⁾ Что затѣмъ?

¹⁰⁾ Кн. П. В. Долгоруковъ.

12 часовъ.

Письмо твое получилъ. «Колок.» посылать не нужно еще разъ. Тотъ ли порядокъ статей, другой ли — не бѣда. И «смѣсь» оставь, какъ есть. Я только прибавилъ бы одну строку къ статьѣ «Изъ Москвы», въ родѣ: «Благодаря за присылку и вполне оцѣняя статью, мы не можемъ сказать, чтобы соглашались съ авторомъ безусловно» ¹⁾).

Грудю «Колок.» прислалъ Тхорж. Левицкому; я просилъ по 3 экз.; поразойдутся. Сашѣ во Флоренцію пошлите отъ 1 фѣвр. 10. экзем.: пять пойдутъ автору ²⁾).

Твои вѣсти о здоровьѣ веселѣе. Прощай. Сейчасъ писалъ въ Montpellier (здѣсь всѣ повѣрили, что я тамъ поселился, даже *Сл. Ed.* ³⁾) и издатель Dentu ⁴⁾).

Я, caro mio, не потому думалъ, что Richmond Hill тебѣ набилъ оскомину, что ты *одинокъ*, а именно, что ты *не одинокъ*.

Посылаю Лизинъ портретъ ясновельмож. Тхоржевскому. Къ Чернецк. писалъ сегодня и ему послалъ совѣмъ иной портретъ. Деньги, вѣроятно, ты роздалъ. ¹

◆◆ 1. Подъ 8 февраля 1865 г. въ «Дневникѣ» братьевъ Гонкуровъ записано:

«Обѣдъ у Шарля Эдмонда съ Герценомъ. Лицо Сократа, румянецъ холодный и прозрачный, какъ на портретахъ у Рубенса; надъ бровями красная полоса, какъ если бы по этому мѣсту провели раскаленнымъ желѣзомъ, борода и волосы съ просѣдью.

«Когда онъ говоритъ, это временами придаетъ его рту ироническое выраженіе, которое то пропадаетъ, то вновь появляется и опять исчезаетъ въ его горлѣ. Голосъ его нѣженъ, меланхолически-музыкаленъ и не имѣетъ въ себѣ ничего грубаго, какъ можно было бы ожидать, судя по массивной фигурѣ этого человѣка. Мысль его закончена, изящна, колка, порою тонка, всегда пояснена и освѣщена словами, которыхъ ждешь и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянно имѣютъ успѣхъ выраженій, присущихъ тонкому уму иностранца, говорящаго по-французски.

«Онъ рассказываетъ намъ о Бакунинѣ, объ одиннадцати мѣсяцахъ, проведенныхъ имъ въ тюрьмѣ, гдѣ онъ былъ прикованъ къ

¹⁾ Подобное примѣчаніе сдѣлано въ 195 листѣ къ статьѣ В—ъ «Освобожденіе крестьянъ въ Россіи и польское возстаніе».

²⁾ Т.-е. В—у.

³⁾ Хоецкій.

⁴⁾ Эдуардъ-Анри.

стѣнѣ, о его бѣгствѣ изъ Сибири черезъ Амуръ, о переѣздѣ черезъ Калифорнію, о прибытіи въ Лондонъ, гдѣ первымъ словомъ его, едва онъ успѣлъ выйти изъ его объятій, было: «а устрицы у васъ тутъ есть?».

«Россіи, по словамъ Герцена, въ ближайшемъ будущемъ угрожаетъ распадѣніе. «Императоръ Николай», говоритъ онъ, «не что иное, какъ капраль», и онъ приводитъ черты изъ его жизни, которыя съ такою же живостью, съ какою мы представляемъ себѣ Христа, явившагося народу изъ темницы, рисуютъ намъ этого императора, который, какъ рассказываютъ многіе русскіе, послѣ крымской неудачи отравился. Онъ показываетъ намъ его, какъ, послѣ взятія Евпаторіи, онъ, подобно статуѣ Командора, тяжело ступая своею каменною ногою, ночью бродитъ по дворцу, вдругъ подходитъ къ караульному солдату, вырываетъ у него изъ рукъ ружье и, самъ бросаясь на колѣни, кричитъ ему: «На колѣни!.. Помолимся о побѣдѣ!».

«Затѣмъ онъ рассказываетъ намъ нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ, рисующихъ нравы англичанъ, которыхъ онъ любитъ за пріютъ, оказанный ими свободѣ. Тургеневъ устроилъ лакея у Віардо, тотъ оставилъ мѣсто и далъ слѣдующее прелестное объясненіе причинъ, заставившихъ его это сдѣлать: «Эти люди не комильфотны. Не только госпожа, но даже ея супругъ разговариваютъ со мною за столомъ». А вотъ еще забавный случай, происшедшій съ богатымъ англичаниномъ—другомъ Герцена. Въ одинъ и тотъ же день его покинули лакей, кучеръ и грумъ. Онъ обратился за разъясненіями къ ключницѣ, которая ему сказала: «Если бы я не служила у васъ полвѣка, я тоже ушла бы. Пойдемте въ кухню и вы увидите, какой тамъ царитъ беспорядокъ». И она привела его въ кухню, посрединѣ которой стоялъ очень чистый столъ. «Значитъ, вы не видите... Вѣдь, столъ имѣетъ круглую форму... Благодаря этому, рядомъ со мною садятся то кучеръ, то грумъ, между тѣмъ, если бы столъ былъ четырехугольный, лакей всегда занималъ бы принадлежащее ему мѣсто, подлѣ меня». «Самое прелестное во всемъ этомъ», прибавляетъ Герценъ, «это то, что и грумъ тоже потребовалъ отставки въ предвидѣніи, что черезъ двѣнадцать лѣтъ, когда онъ станетъ лакеемъ, другой грумъ узурпируетъ его мѣсто такъ, какъ онъ узурпировалъ свое въ настоящій моментъ». И, такъ какъ мы пытаемся найти черты сходства въ характерѣ двухъ народовъ, англичанъ и французовъ, Герценъ говоритъ намъ: «Постойте, господа, одинъ англичанинъ далъ прекрасную характеристику обоимъ народамъ въ слѣдующей фразѣ: французъ съ жаромъ съѣдаетъ свою холодную телятину, мы же спокойно ѣдимъ нашу горячую говядину».

2554. П.-Ж. Прудонъ.

Прудонъ умеръ 19 января въ Пасси. Ему было едва 56 лѣтъ. Быстро сходятъ со сцены мощные бойцы борьбы, не оконченной, но приостановившейся за туманомъ, въ которомъ трудно стало узнавать своихъ и чужихъ,—борьбы, ослабнувшей отъ неопредѣленныхъ цѣлей и неяснаго пониманія исхода.

Прудонъ принадлежалъ къ сильнѣйшимъ двигателямъ общественнаго самосознанія именно въ то время, въ которое по Франціи пробѣгала социальная дрожь, и она, чтобъ выйти изъ старыхъ луть, пробовала все: фаланстеры и проповѣди сенъ-симонистовъ, юньскія баррикады и американскія Икаріи. Прудонъ не разрѣшилъ великихъ вопросовъ, не снялъ страшныхъ сомнѣній, онъ не основалъ школы, но оставилъ діалектическій таранъ ¹⁾. Можетъ, онъ и думалъ, что умѣетъ лѣчить, но сила его была не въ лѣченіи, а въ разсѣченіи труповъ. Прудонъ не создавалъ, онъ ломалъ, онъ воевалъ, а главное—онъ *двигалъ*, онъ все *двигалъ*, все покачивалъ, все затрогивалъ, отбрасывая условныя уваженія, освященныя навкомъ понятія и принятый безъ критики церемониаль. Надобно вспомнить внутреннюю робость романской мысли, дерзкой снаружи, волнуемой на поверхности, быстро несущейся въ извѣстномъ словѣ и упорно хранящей въ глубинѣ своей завѣтныя начала, занесенныя вѣковой тиной; туда-то проникалъ Прудонъ и, несмотря на крикъ негодованія и скрежетъ зубовъ, своей крѣпкой плебейской, крестьянской рукой толкалъ эти мнимые клады въ общій потокъ. Это была своего рода *ликвидация* нравственно-недвижимыхъ имуществъ.

Когда-нибудь мы поговоримъ о его подвигѣ, теперь намъ хотѣлось бросить и нашу горсть земли на гробъ учителя.

...Serrez les rangs, serrez les rangs! ²⁾ Да старое меньшинство *юныхъ стариковъ* таетъ не по днямъ, а по часамъ во Франціи. Недолго послѣднимъ ветеранамъ простоять на часахъ... угрюмо смотрятъ они вдаль дороги, не идетъ ли *смына*. Много идетъ.... Все мимо, все чужое, все мелкое, все безъ помазанія. Иногда кажется, вотъ закипаетъ мысль, вотъ является энергія, завязывается узелъ, выступаютъ новыя силы.

¹⁾ Стѣнобитное орудіе у древнихъ римлянъ.

²⁾ Сомкните ряды, сомкните ряды!

...«Сестра Анна, сестра Анна, что, идутъ ли?—Пылить дорога, раздается топотъ, это они, это наши...—Нѣтъ, это идетъ какое-то стадо»... ¹⁾

Тяжелая перемишка для всей Европы!

20 января 1865.
Montpellier.

2555. [Объ императрицѣ].

А отчего императрица такъ кручинится, что Константина Николаевича назначили председателемъ государственнаго совѣта?

2556. Письмо къ С. Тхоржевскому.

(5—10 февраля 1865).

Скажите Огар., что я получилъ вѣсти изъ Москвы—чудеса, да и только. Егоръ Ив. совсѣмъ ослѣпъ. Разныя дамы его обобрали такъ, что послѣдній домъ, заложенный Куманину въ 20 т. руб., будетъ продаваться. Онъ ухнулъ весь капиталъ свой. Далѣе, говорятъ, что весь доходъ костр. ²⁾ сбереженъ и что отдадутъ сейчасъ дѣтямъ, если кто хочетъ ѣхать; будто, даже и мнѣ бы отдали—въ Россіи...

2557. Письмо къ М. К. Рейхель.

9 февраля 1865.

Парижъ, Grand Hôtel, Boul. des Capucines.

Нѣкій боецъ Соколовъ и Тата говорятъ, что вы сердитесь за мое глупое молчаніе. Во-первыхъ, вы правы, а, во-вторыхъ, потому-то я и пишу къ вамъ да потому-то и, все же, люблю васъ, что вы сердитесь. Дайте руку—и поболтаемъ. Всѣ счеты въ сторону—*abbasso l'irritazione!* ³⁾

Вы знаете, что мы собираемся въ ваше сусѣдство, т.-е. въ Женеву, на долгое житье. Въ ноябрѣ я побѣхалъ туда; Н. А. Огарева была въ Парижѣ съ тремя дѣтьми. Въ одну недѣлю два ре-

¹⁾ См. сказку Перро «Синяя Борода».

²⁾ Костромское имѣніе Герцена.

³⁾ Долой раздраженіе.

бенка скончались, Первая — на моихъ рукахъ, такъ сказать. Это былъ ребенокъ удивительной красоты и ума. Приѣхалъ Огаревъ, и черезъ три дня умеръ другой. Н. А. выслали доктора изъ дому, потомъ изъ Парижа, и она поѣхала въ Монпелье. Ужаснѣе драмы я съ 1851 не видалъ. Снова все около покрылось мракомъ, а довольно мрака было и общаго: измѣна почти всѣхъ друзей, нравственное паденіе Москвы, университета, палачество, вошедшее въ нравы, — все вмѣстѣ не дѣлало вовсе изъ нашей жизни особенный конфетъ ¹⁾.

Въ Женевѣ я нашелъ сына Дмитр. Павлов. ²⁾, и онъ очень, очень порядочный человекъ; съ нимъ помянули московскихъ, даже Марью Степановну ³⁾.

А прогос, у Львицк. говорятъ, что Егоръ Ив. больно хирѣетъ и отдаетъ домъ Голохвастовой дочери ⁴⁾. Идетъ... идетъ все къ гавани, — ну, да это старая штука, вотъ волочится-то передъ смертью, это поновѣе.

Что ваши малые-большіе? все выросло? Что Морицъ? вѣдь, ему лѣтъ двадцать, и что Морицъ всѣхъ Морицовъ — самъ Рейхель? Вотъ и его пріятель Прудонъ въ мать-сырой землѣ. Умеръ онъ отъ астмы и гипертрофіи сердца, ничего не оставилъ женѣ и дѣтямъ.

Надѣюсь, что вы «Колоколь» получаете, стало, о нашихъ воззрѣніяхъ намъ нечего толковать. Ѣду я въ субботу или въ воскресенье въ Лондонъ; напишите мнѣ доброе, дружеское письмо и обнимите Рейхеля.

Вотъ адресъ провизуарно:

N. Ogareff esq., 6, Rothsay Villas, Richmond Hill (Surrey), S. W., pour A. H.

2558. Надпись для М. К. Рейхель.

9 февр. 1865.
Paris.

Простите великодушно старичка.

¹⁾ Confetto — лакомство изъ сахара.

²⁾ Голохвастовъ.

³⁾ Макашина.

⁴⁾ Елизавета Дмитриевна, со мужу Лопухина.

2559. Письмо къ Н. П. Огареву.

10 февр. (1865). Вечерь.

Буря реветъ, холодъ и морозъ невозможный. Ну, вотъ и уѣхалъ. Nat. пишетъ письмо съ упрекомъ, что я долго остаюсь въ Парижѣ... Странно, какъ всѣ немилосердны ко мнѣ. Я думаю, это оттого, что я слишкомъ здоровъ. Если завтра буря не уймется, я поѣду воскр. вечеромъ (на Victoria station буду въ понедѣл. утромъ, въ 6^{1/2}); но если и завтра не будетъ лучше, поѣду въ понедѣльникъ. За десять часовъ извѣщу Тхоржевскаго. Вѣтеръ и холодъ раздражаютъ нервы.

Сегодня принесли рамку на большой Лелинъ портретъ... Чтѣ за красота въ смерти... и чтѣ за глупость въ жизни.

На всякій случай, если что нужно, пиши на Львицк. Онъ сегодня пріѣхалъ.

Прощай. Я давно не былъ такъ lowspirited ¹⁾. Ёду съ Ус. объѣхать къ Салиасъ; далеко, неудобно и будетъ до безконечности скучно. Нѣтъ, она—«герой не моего романа».

Засимъ кланяюсь.

Сегодня у меня были Реклю ²⁾, Громоръ, Сарвази, да я былъ у Бамбергера.

2560. Письмо къ Лизѣ и Н. А. Огаревой.

(11—12 февраля 1865).

Милая Лиза, и ты что-то ничего не пишешь мнѣ. Какъ же ты была на дачѣ Пешонье и хорошо ли тамъ? А здѣсь скверно: такой холодъ, что рѣжетъ лицо. Я завтра увижу папу-Ага и буду ему о тебѣ рассказывать.

Цѣлую тебя крѣпко.

Часа.

Прибавлю два слова. Снѣгъ попадается, и гарсонъ увѣряетъ, что теплѣе. Билеты сейчасъ возьму и въ 8 вечера буду внѣ Парижа.

Сарвази не пріѣзжали.

Видѣлъ у Л. ³⁾ портреты имп. и всѣхъ при ней состоящихъ: ни одного человѣческаго лица, а она сама—комплектная нѣмка.

¹⁾ Угнетенъ.

²⁾ Элизе, извѣстный франц. географъ.

³⁾ С. Л. Львицкій.

Изъ Лондона тотчасъ напишу. Мать и отецъ жены Мореса—очень хорошіе люди. Кланяйся М-ме М. и Косту.

Сер. Льв. кто-то прислалъ цѣлый ящикъ книгъ, икры, семги, огурцовъ, баранокъ и очищенной водки. Намъ вотъ никто не пришлетъ...

2561. Письмо къ Н. А. Огаревой.

22 февраля (1865).

6, Rothsay Villas, Richmond Hill.

Вчера видѣлъ я Саффи, т.-е. Нину,—самъ онъ уѣхалъ въ Форли къ умирающему дядѣ. Объ ней я долженъ сказать, что изъ всѣхъ знакомыхъ и близкихъ никто не принялъ такъ горячо, такъ глубоко страшную вѣсть. И это у ней не прошло; она меня разспрашивала, не плакавши, но съ лицомъ блѣднымъ до пятенъ и совершенно неподвижнымъ отъ боли и волненія. Я готовъ былъ обнять ее и сказать, что я виноватъ передъ ней и судилъ объ ней дурно. Она серьезно хотѣла сначала ѣхать къ тебѣ въ Монпелье. Ее ты увидишь: они май мѣсяцъ проведутъ въ Женевѣ. Я обѣщаль показать ей большой портретъ и на-дняхъ поѣду. Старикъ Краффордъ ¹⁾ живъ, старуха молода, дѣти здоровы.

Затѣмъ вотъ тебѣ и превосходная вѣсть: хлопоты о Чернецк. братѣ совершенно удались; посланникъ сообщилъ Росселю изъ Вѣны, что онъ уже освобожденъ и можетъ ѣхать, куда хочетъ. Ты знаешь, что тутъ хлопотали Эдвардъ Сутерландъ ²⁾ и Грантъ-Дэффъ. Тебѣ снова мораль: безъ крайности не выбрасывать людей за окно.

До сихъ поръ въ проектахъ измѣненія нѣтъ; недѣлей позже, недѣлей раньше—вотъ и все. Вопросъ насчетъ Огар. я самъ въ своей совѣсти не могу рѣшить. Я во всякомъ случаѣ ѣду между 10—15 марта. Стоитъ ли на это время брать квартиру, не знаю. Насчетъ Суловой ³⁾ ты можешь всегда сговориться съ отелемъ въ небольшой прибавкѣ или въ особомъ блюдѣ (впередъ только надобно спросить цѣну). Насчетъ книгъ бери ты у Ganeg или у Коста «Revue des 2 Mondes» — въ каждомъ № очень интересныя вещи; въ янв. книжкѣ о М-мъ Roland и Маріи-Антуанеттѣ.

Зачѣмъ же ты хочешь оставлять Монпелье тотчасъ послѣ 27? Да останься еще по-недѣльно, хоть до 12 или 13,—до тѣхъ поръ все успѣемъ сдѣлать ⁴⁾.

¹⁾ Тестъ А. Саффи.

²⁾ Генри, англійскій писатель.

³⁾ Аполлинарія Прокофьевна. ¹

⁴⁾ Дальше писалъ Огаревъ.

Что же мнѣ тебѣ разказать, милая Лиза? Видѣлъ я Жюля и видѣлъ Аттиліо. Жюль сталъ черный и похудѣлъ. Завтра увижу Анну, буду ее звать къ тебѣ. Мама мнѣ ни разу не писала, что же книжки, которыя я послалъ, хороши или нѣтъ?

Прощай цѣлую тебя ¹⁾).

Мейзенб. пишетъ, что у Ольги глисты, а я пишу *pour la bonne bouche*, что когда распустили моск. депутатское собраніе, т.-е. дворянское, одинъ изъ членовъ сказалъ: «*Nous avons voulu etre si francs et nous sommes dissous*» ²⁾. Г. можетъ это напечатать. А каковы Голохвастовы?!—братъ женевскаго ³⁾ покрылъ себя славой, какъ ораторъ, а ему 25 лѣтъ!

Катарръ мой проходить, но все еще кашляю и сморкаюсь.

◆◆ 1. Въ декабрѣ 1868 г. III Отдѣленію стало извѣстно, что А. П. Суслова, дочь крестьянина, потомъ купца, открыла въ с. Ивановѣ Владимірской, губ. школу для фабричныхъ дѣтей и что, пользуясь необыкновеннымъ расположеніемъ мѣстнаго купечества и имѣя на него громадное вліяніе, она ведетъ въ школѣ противоположительственную пропаганду. На запросъ мѣстному жандарму получился отвѣтъ, что популярность учительницы очень незначительна, именно благодаря ея нигилизму и недостатку набожности; но что, въ виду ея малой опытности, подтверждаемой директоромъ школы, надлежало бы запретить ей преподаваніе. Одновременно предсѣдатель слѣдств. комиссіи Петръ Ланской довелъ до свѣдѣнія шефа жандармовъ, что прежде Суслова была извѣстна «за одну изъ первыхъ нигилистокъ, открыто заявлявшихъ свое ученіе», состояла распорядительницею воскресной школы при Михайловской артил. академіи, а въ бытность за границею имѣла близкія сношенія съ лицами, враждебными русскому правительству, почему въ сентябрѣ 1865 г. Ланскимъ было сдѣлано сношеніе съ шефомъ жандармовъ объ учрежденіи за нею, ея братомъ и сестрою (Надежда Прокофьевна, по мужу Эрисманъ) бдительнаго надзора. Пока шла эта переписка, попечитель москов. учебн. округа, еще въ февралѣ 1869 г., предписалъ о закрытіи въ с. Ивановѣ школы для фабричныхъ дѣтей... разрѣшивъ, однако, Сусловой держать тамъ же частное училище 2 разряда съ пансіономъ для обу-

¹⁾ Дальше писалъ Огаревъ.

²⁾ «Мы пожелали быть такими откровенными, а насъ распустили». Каламбуръ: *si francs*—столь откровенные, *six francs*—шесть франковъ; *dissous*—распущенные, *dix sous*—десять су.

³⁾ Дмитрій Дмитріевичъ; нашумѣлъ своею рѣчью въ московскомъ дворянскомъ собраніи. 2

ченія дѣтей 7—13 лѣтъ (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 3 эксп. 1868 г., дѣло № 260).

Н. П. Сулова воспитывалась на счетъ гр. Шереметева, крѣпостнымъ котораго и былъ ихъ отецъ.

2. Точный текстъ рѣчи Д. Д. Голохвастова не былъ извѣстенъ брату его П. Д. и Герцену; она не напечатана нигдѣ полностью, какъ и рѣчь Безобразова, которая, однако, хранится въ рукописи въ архивѣ III Отдѣленія. Разумѣется, если бы Герценъ зналъ общій тонъ выступленія особенно выдѣлившихся дворянъ, то ему стало бы ясна чисто плантаторская ихъ подоплека. Вскорѣ онъ понялъ ее.

2562. Прививка конституціонной оспы.

Она, какъ роза, жила одинъ день, утромъ распустилась и увяла къ вечеру! Magna Charta и соуп d'état, гордые норманы жмудскаго происхожденія и Бисмарки петербургскаго, нотабли и 18-е брюмера,—все это поднялось и исчезло ровно въ столько времени, сколько нужно писарю настроить листь отъ заголовка до министерской подписи и вагону—допариться отъ Петербурга до Москвы.

Царь *земщины* отдѣлался на первый случай удачнѣе *безземельнаго* царя.

Мы вовсе не противъ попытки звенигородскихъ ¹⁾, можайскихъ и всякихъ другихъ лордовъ бархатной книги и сенатской геральдіи. Вреда они сдѣлать не могутъ,—олигархическая конституція была возможна, да и то на нѣсколько дней, при воцареніи Анны Иоанновны, а конечно, не теперь. Если же всякому народу, развивающемуся на западный манеръ, надо пройти дворянской конституціей,—хорошо, что мы такъ скоро отдѣлались отъ нея. Остается побережеться нѣсколько дней, какъ послѣ коровьей оспы,—да и въ путь по своимъ дѣламъ.

Типъ нашей цивилизаціи, вообще,—прививная оспа. Мы продѣлываемъ понемногу и въ тѣсно очерченной сферѣ воспаления тѣ великія лихорадки исторіи, тѣ страшныя болѣзни ея роста, отъ которыхъ государства обливались кровью, дѣлались уродами, дробились, останавливались, умирали. У насъ послѣ петровской прививки шла, собственно, не исторія, а какой-то особенный курсъ ея *въ лицахъ*; форсированнымъ маршемъ догоняя Западъ, мы продѣлывали маневры цивилизацій и революцій.

¹⁾ Намекъ на оратора Д. Д. Голохвастова, помѣщика Звенигородскаго уѣзда.

...Потѣшныя войска, образцовые полки, учебные баталіоны, учрежденія, вводимыя «въ видѣ опыта», опыты, вводимыя «въ видѣ учрежденій», такъ же натуральны петербургскому управленію, какъ быстрое усвоеніе себѣ наукъ и идей, воззрѣній и системъ Вольтеровъ и Гегелей, Гете и Байроновъ натурально нашему всеобщему обществу. Все это какъ-то *и въ самомъ дѣлѣ и не въ самомъ дѣлѣ*; все это «еще не служба, а службишка—служба, молъ, еще впереди». Мы отъ всего сердца и отъ всего помышленія вѣримъ этому.

Да, это—не служба, а ученье, и долею прескверное и претяжелое, такъ что поневолѣ вспоминаешь, думая о дидактической имперіи нашей, извѣстные стихи солдатской пѣсни:

Намъ ученье ничего
Впрочемъ, очень тяжело.

Съ самаго начала петербургской эпохи правительство, видя, что съ такой огромной массой, какъ Русь, не соорудешь, начало отдѣлять отъ живого великана небольшой кусокъ филейнаго мяса и его приняло за государство дѣятельное, учебное, экспериментальное, за образцовую ферму и военно-гражданскій экзерциргаузъ. Эта вырѣзанная среда, это «очищенное» государство было неразрывно связано съ правительствомъ, долею находилось у него на содержаніи, долею содержало себя по его милости. Остальное народонаселеніе, т.-е. весь народъ безъ филейнаго куска, было отдано ему на прокормленіе, отопленіе, одежду и обувь въ награду за хорошее ученіе и послушаніе. Правительство, вѣрно своему цивилизирующему призванію, стоитъ во главѣ школы и лабораторіи и съ утра до ночи дѣлаетъ штатскіе и военные опыты и, главное—учить, учить всему, безпрестанно учить, прививаетъ все, безпрестанно прививаетъ шведскіе законы, нѣмецкіе кафтаны, брандербургскій артикулъ, голштинскія букли, французскія министерства, прусскія каски. Имперія всероссійская начинается, собственно, съ парикмахерскаго урока, гдѣ носить волосы и гдѣ не носить, съ высочайше утвержденной выправки спинокъ и талій и оканчивается замѣчаніемъ министра Панина, говорившаго, что онъ *молодыхъ* сенаторовъ не любитъ пускать за границу, зная, что юнѣйшему отроку изъ нихъ, все же, было за пятьдесятъ лѣтъ. Ничего не оставлено произволу самобытности, даже преданію. Старого и малаго равно посылали въ ассамблеи и въ церкви, заставляли плясать и говѣть, одѣваться по-нѣмецки и говорить по-французски. Если курсъ не всегда оканчивался, то, конечно, не отъ недостатка ученыхъ пособій. Кто виноватъ, что въ главной школѣ, напр., въ

арміи, половина рекрутъ умирала, не кончивъ пространнаго курса военнаго столбняка и метанья ружемъ. Были неудачные опыты и въ другихъ сферахъ. Правительство, не ограничиваясь одними государственно-патологическими и государственно-хирургическими опытами надъ людьми, хотѣло распространить свое воспитаніе на растительный и минеральный міръ, но тутъ оно встрѣтило неожиданную оппозицію. Какъ ни старался, напр., графъ Аракчеевъ, чтобъ на всѣхъ полосахъ у поселенцевъ рожь была одной вышины, цѣль не была достигнута. Геологія оказалась еще упорнѣе, и, несмотря на высочайшую волю Николая, самъ Мурчисонъ ¹⁾ не могъ найти каменнаго угля въ той части, въ которой государю было угодно, чтобъ онъ былъ ²⁾.

Составъ педагогической конференціи, окружавшей главнаго педагога имперіи, былъ чрезвычайно разнообразенъ и состоялъ, разумѣется, брѣвшею частью изъ нѣмцевъ, но также и изъ своихъ. Тутъ были и дѣти лютеранскихъ пасторовъ, и дѣти русскихъ поповъ, были и Канкринъ изъ евреевъ, и Биронъ изъ конюшни, и Клейнмихели совсѣмъ изъ ничего. Космополитическій характеръ этихъ учителей особенно хорошо выразился въ канцлерѣ Нессельроде, родившемся въ лиссабонскомъ порту, на англійскомъ кораблѣ, отъ нѣмецкихъ родителей, находившихся въ петербургской службѣ ³⁾, такъ что ученый министръ иностранныхъ дѣлъ былъ своею личностью до нѣкоторой степени краткимъ руководствомъ къ географіи. Участвовали, конечно, и столбовые русскіе дворяне въ общемъ государственномъ поученіи, но ихъ глубокое незнаніе дѣлало ихъ мало способными къ саомытной педагогикѣ; они больше играли роль крѣпостныхъ бурмистровъ при нѣмцѣ управляющемъ, т.-е. били не на животь, а на смерть, кого Иванъ Ивановичъ или Карлъ Ивановичъ прикажетъ. Зато на болѣ скромномъ поприщѣ—передней, конюшни и гумна каждый изъ нихъ самъ становился Петромъ I, отцомъ-просвѣтителемъ. Сколько свѣжихъ и здоровыхъ

¹⁾ Родерикъ, извѣстный англ. геологъ.

²⁾ Когда Мурчисонъ возвратился изъ своего путешествія по Россіи въ Петербургъ, Николай пригласилъ его на вечеръ и, подойдя къ нему, спросилъ: «Нашли ли вы каменный уголь?»—Нѣтъ, государь.—«И не надѣетесь найти?»—Въ той части, въ которой я былъ, не надѣюсь.—Николай измѣнился въ лицѣ и, сказавъ: «Вы первый рѣшились мнѣ это сказать», отошелъ. Но, спохватившись, снова адресовался къ геологу: «Мнѣ уголь нуженъ, гдѣ же я его возьму?»—«В. в. будете его покупать въ Ньюкестлѣ и другихъ англійскихъ портахъ». Затѣмъ Николай уже не адресовался больше къ нему. *А. И. Г.*

³⁾ Отецъ его нѣмецъ былъ русскимъ посланникомъ въ Лиссабонѣ; мать была еврейкой.

людей, поколѣній легло въ могилу, было искалѣчено прежде, чѣмъ приватное дворянство дворни обучилось артистически подавать шубу, эстетически священнодѣйствовать съ тарелкой въ рукѣ и не хуже Вателя ¹⁾ готовить артишоки а la barigoule ²⁾! Сколько деревень, селъ, волостей было вконецъ разорено на заведение «въ видѣ опыта» невозможнаго хозяйства и ненужныхъ фабрикъ!

Словомъ, такого поучающаго государства міръ не производилъ, исторія не помнитъ. Цѣлыя существованія людскія проходили въ трудѣ и потѣ на пользу воспитанія ближняго; и эти ближніе, происходя въ чины, снова занимались ученіемъ другихъ, и сами были поучаемы до гробовой доски. «Сладкаго плода» науки, о которомъ говоритъ пословица, никто не вкушалъ. Семидесятипятилѣтній лакей моего отца Яковъ Игнатьевичъ Бакай, о которомъ я уже имѣлъ случай говорить, въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ съ утра до ночи училъ, т.-е. таскалъ за волосы и билъ, двухъ мальчиковъ, взятыхъ во дворъ, и одну ньюфаундлендскую собаку, жившую на дворѣ, несмотря на то, что воспитаніе мальчиковъ и собаки ему вовсе не было поручено;—это все въ силу петровскаго толчка. В. кн. Михайлъ Павловичъ съ нѣжнаго возраста восьми лѣтъ училъ солдатъ; разъ сбился съ дороги, вздумалъ въ самомъ дѣлѣ взять крѣпость, положилъ свое войско подъ подорванными стѣнами Браилова, махнулъ рукой, отказался отъ пустыхъ лавровъ и пошелъ опять учить и выправлять солдатъ, и училъ и выправлялъ до дня своей кончины.

Здѣсь кстати замѣтитъ всю вѣрность взгляда цесаревича Константина, что война портитъ армію. Война, вообще, мѣшаетъ *ученью*: послѣдствія 1812 года были плачевны въ смыслѣ педагогическомъ... Весь современный безпорядокъ идетъ оттуда. Пожаръ Москвы былъ страшной прорухой въ дисциплинарномъ порядкѣ: сожги ее Наполеонъ, было бы очень хорошо; сожги ее Ростопчинъ по формѣ, по высочайшему приказу, все было бы въ порядкѣ вещей. Но правительство не приняло на себя отвѣтственности, а французовъ, кромѣ Шишкова, никто въ пожарѣ серьезно не обвинялъ. Укрѣпилась пагубная мысль, что жители сами сожгли свои дома, и что это—геройскій подвигъ... какъ будто, городъ—не казенное добро и не государственное имущество? Результатъ самовольнаго поджога и ряда побѣдъ былъ тотъ, что лучшіе ученики захотѣли учиться по своимъ книжкамъ, а не по казеннымъ; имъ

¹⁾ Мэтръ д'отель Людовика XIV.

²⁾ Особый способъ приготовления артишоковъ на оливковомъ маслѣ, съ мяснымъ фаршемъ.

казалось, что они не маленькіе, если дѣлають такія огромныя дѣла.

Петровская традиція въ нихъ осталась и имъ тоже хотѣлось дѣлать обытъ—и учить, но не для приращенія казеннаго интереса, а собственнаго своего. Глаза ихъ были тоже обращены на Западъ, но уже они не останавливались на однихъ формахъ, фасадахъ, покрояхъ, а изучали внутреннее устройство жилья, быстро усваивали себѣ сущность западнаго воззрѣнія. Эта усвояемость, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о ширѣ пониманія и ловкости соображенія, но не надобно забывать, что въ этомъ усвоеніи и состоялъ *весь* ихъ подвигъ. Труднѣйшая часть всякой теоріи—ея приложеніе, ея фактическое, а не діалектическое развитіе, ея практическое примѣненіе. Ея прикладная, т. е. жизненная, сторона вопроса—она была внѣ ихъ возможности. При первомъ опытѣ непокорныхъ учениковъ выйти на свѣтъ и волю ученое правительство раздавило ихъ, т. е. перевѣшало, посадило на снѣгъ и руду, заперло ихъ въ петропавловскій карцеръ. На первое время все казалось ладнымъ, такъ что Незабвенный больше изъ роскоши и шалости забрилъ нѣсколькимъ московскимъ студентамъ лобъ и послалъ другихъ въ ссылку. Но, въ сущности, правительство раздавило только *людей*, мысли остались, взошли внутрь и бродили... Николай Павловичъ подозрѣвалъ это и держалъ тридцать лѣтъ кого-то за горло, чтобъ тотъ не сказалъ *чего-то*, и только-что Мандтъ доложилъ ему, что онъ высочайше скончался, какъ *кто-то* закричалъ во все горло и на всю Россію: «Теперь баста!».

Сотней головъ мы продѣлывали въ тридцатилѣтнемъ загонѣ вѣковыя драмы западнаго развитія, жили ими, страстно принимали ихъ къ сердцу, страдали ихъ прошедшими страданіями, надѣялись ихъ надеждами... отдавались имъ беззавѣтно, откровенно и быстро изнашивали ихъ знамена самой стремительностью и преувеличеніемъ. Догнавши старшихъ, мы вмѣстѣ съ ними хоронили одну фазу ихъ развитія за другой и, не оставаясь на могилѣ, торопились навстрѣчу наслѣднику. Мы пережили въ темную, глухую ночь рядомъ сновидѣній всю западную эпопею. Паскаль говоритъ, что царь, спящій полсутокъ и видящій во снѣ, что онъ—пастухъ, и такой же сонливый пастухъ, также видящій во снѣ, что онъ—царь, равны. Къ нашему меньшинству это совершенно идетъ, тѣмъ больше, что сны наши не были простые. Мы дремали, слыша сквозь сонъ какой-то стонъ, разлитый въ воздухъ, дремали, придавленные свинцовой гирей, и притомъ сны были такъ ярки, такъ ясны, что ихъ можно назвать временнымъ переселеніемъ душъ. Такъ, какъ древніе ходили въ преисподнюю, такъ мы отступали въ прошедшее, стано-

вились на время предками и жили, напр., всю революцію, отъ ослѣдительнаго утра ея въ 1789 до «закладки», которую судьба положила въ ней, какъ самъ себя назвалъ Наполеонъ... Кто изъ насъ не слыхалъ громовыхъ рѣчей Мирабо и Дантона, кто не былъ якобинцемъ, террористомъ, другомъ и врагомъ Робеспьера, даже солдатомъ республики у Гоша и Марсо?.. Даже сумеречныя времена и неясныя фигуры временъ реставраціи и Людовика-Филиппа отражались въ насъ со всѣми своими вопросами и гнѣвами. Мы обижались, что *иностранцы* посадили Бурбоновъ на тронъ, и плакали съ Беранже объ утраченномъ знамени, забывая, что побѣдители—мы, и что наше знамя было твердо и высоко въ рукахъ какого-то преображенскаго троглодита...

..Всѣ эти сны—сны революціи, сны философіи, сны поэзіи—были долею наяву, и въ этомъ-то ихъ важность. Прививная оспа—все же, дѣйствительная оспа, несмотря на то, что она слаба, снята съ другого организма и не заставляетъ сильно страдать. Если-бъ этого не было, она не предохраняла бы отъ натуральной, она не имѣла бы смысла.

Прошедши въ лунатизмъ по стрѣмнинамъ и утесамъ, намъ возвращаться не нужно: дорогу мы, все же, сдѣлали. Мы такъ же пережили Руссо и Робеспьера, какъ французы—Шеллинга и Гегеля—какъ нѣмцы. Но все выжитое нами, все пріобрѣтенное было въ сферѣ мысли и сознанія, въ практическій міръ новыхъ оспопрививателей не пускали, генераль штабъ-докторъ въ ботфортахъ стоялъ у дверей.

Отъ этого мы въ прикладномъ мірѣ сильно отстали, тамъ намъ слѣдуетъ протверживать «зады», читать по складамъ, да и то азбуку. Дивиться нечему; мы, рѣзко и смѣло критиковавшіе нѣмецкую философію, французскую республику, англійскую конституцію, не смѣли явно усомниться ни въ святости крѣпостного права, ни въ пользѣ тѣлесныхъ наказаній.

Лиха бѣда была отчалить. Какъ только правительство нанесло ударъ рабству, со дня на день можно было ждать рядъ конституціонныхъ попытокъ. Въмѣсто Земскаго Собора, Земской Думы, потребовали Думу боярскую, явилась попытка жмудскихъ нормановъ и татарскихъ бароновъ, сто лѣтъ тому назадъ избавленныхъ Петромъ Федоровичемъ отъ тѣлесныхъ наказаній и выросшихъ теперь до требованій временъ крестовыхъ походовъ: ограничить бѣлой дорянской костью царскій произволь. Бѣды нѣтъ—успѣхъ невозможенъ, а за починъ имъ спасибо. Оспа, снята съ торизма, оказалась очень кроткой и доброкачественной, benigna ¹⁾ (какъ

¹⁾ Милостива.

выражались старинные врачи), отъ нея едва останется рябина на нѣжномъ плечикѣ московскаго дворянства, вотъ и все. Словомъ, вреда никакого, а путь указанъ, слово произнесено, печать молчанія сломана—не въ главномъ заведеніи, въ которомъ все подпечатываютъ, а всенародно, въ дворянскомъ собраніи.

Вотъ существенное, *субстанція*, какъ выражался въ «леговѣ» почившій Спиноза, остальное—«атттрибуты, акциденцій» ¹⁾.

Ну, и надобно признаться, что касается до этихъ акциденцій и атттрибутовъ, это—своего рода саро d'orega ²⁾... Тутъ комизмъ такъ перемѣшанъ съ отвратительнымъ, Офросимовъ съ Катковымъ, молодое желаніе свободы съ старыми заступниками крѣпостнаго права, что человѣкъ равно чувствуетъ невозможность смѣха и плача, гулового осужденія и откровеннаго сочувствія.

Для насъ фарсъ съ рѣчью, подсунутой Офросимову (какъ ее рассказываетъ «Indépendance») неоцѣненъ. Революція, начинающаяся съ фальши, съ лубочной арлекинады, должна была окончиться въ чернильницѣ валуевскаго писаря или въ примѣненіи черкасскихъ розогъ къ шалунамъ, обманувшимъ безграмотнаго старика.

Хорошъ также и à propos... Мы долго думали, что за муха укусила англійскій клубъ и лордовъ его... Отчего вдругъ Безобразову стало ужъ такъ маркотно жить безъ ограниченія царской власти, а Орлову-Давыдову—такъ невмочь терпѣть l'arbitraire ³⁾? Мы все искали Чацкаго, который произвелъ всю эту кутерьму. И вышло, что этотъ Чацкій—Константинъ Николаевичъ, l'impré-nétable ⁴⁾, ничего не дѣлающій послѣ приѣзда въ Петербургъ, какъ ничего не дѣлалъ въ Варшавѣ. Видите, испугались, что его назначеніе ⁵⁾ остановитъ палачей въ Литвѣ и въ «Моск. Вѣдомъ», что не всю Польшу вывѣшаютъ и ушлютъ въ Сибирь, что не весь Катковъ будетъ печататься. Неукротимые бароны и мирзы, дѣти степной воли и англійскаго клуба этого не могли вынести. Они-то вострепенились и кликнули кличъ по всѣмъ уѣздамъ московскимъ: «Постоимъ, де, братцы, за Иверскую божію мать, не дадимъ въ обиду нашихъ! Пойдемъ за свободу дѣйствию Муравьева и за вольное катковское слово!»

Нѣтъ, господа, этимъ путемъ до свободы не дойдете и не дождете, ни даже съ двумя фореиторами и однимъ гайдукомъ. ¹

¹⁾ Случайные признаки.

²⁾ Образовое произведеніе.

³⁾ Произволь.

⁴⁾ Непроницаемый, непостижимый.

⁵⁾ Предсѣдателемъ государственнаго совѣта.

◆◆ 1. Большинствомъ 270 голосовъ противъ 36 московское дворянство 11 января приняло адресъ, въ которомъ, указавъ на «мудрыя начинанія» царя, просило его: «Довершите же, государь, основанное вами государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству. Повелите вашему вѣрному дворянству, съ этою же цѣлью, избрать изъ среды себя лучшихъ людей».

Пользуясь матеріалами архивовъ, познакомя читателей съ нѣкоторыми предшествовавшими и послѣдующими обстоятельствами, которыя проливаютъ свѣтъ на отношенія правительства къ обществу вообще, къ дворянству въ частности.

8 января былъ прочитанъ проектъ адреса государю, предложенный подольскимъ дворянствомъ. «Голохвастовъ, сочувствуя вполнѣ этому проекту, объяснилъ, что выборъ означенныхъ депутатовъ принесетъ пользу всему государству на томъ основаніи, что будетъ передаваться государю вся истина и слышаться отъ него таковая же безъ посредства всей этой петербургской администраціи и всего чиновничества, окружающаго государя, дозволяющаго себѣ всякій законъ перетолковывать, объяснять и затемнять своими циркулярами, чему примѣромъ служитъ Положеніе 19 февраля, которое, какъ бы ни было недостаточно, но, все-таки, должно служить, какъ законъ; въ настоящее же время оно сдѣлалось лишь номинальнымъ, такъ что не знають, какъ имъ руководствоваться, причемъ привелъ въ примѣръ циркуляръ министра вн. дѣлъ о разверстаніи угодій. Мнѣніе г. Голохвастова было принято огромнымъ рукоплесканіемъ». Затѣмъ читаны были еще два проекта адреса.

9 января Безобразовъ предложилъ дворянству выбрать депутатовъ къ государю, чтобы просить его подтвердить грамоту Екатерины II и манифестъ Александра I о неприкосновенности правъ дворянства. Голохвастовъ вполнѣ сочувствовалъ Безобразову и объяснилъ, что «не дворянамъ слѣдуетъ просить о подтвержденіи своихъ правъ, а народу русскому, на томъ основаніи, что грамота, данная Екатериною II, была дана по просьбѣ народа, чрезъ собранныхъ депутатовъ отъ всего земства для испрошенія означенной милости; въ заключеніе сего предлагалъ подождать до того времени, когда залъ дворянскаго собранія будетъ наполненъ всѣми сословіями, и тогда выберутся сами собою депутаты, которые настоятельно будутъ этого требовать, ибо немыслимо государство безъ дворянства, а дворянство безъ государства. Гр. Орловъ-Давыдовъ выразилъ совершенное сочувствіе какъ проекту г. Безобразова, такъ и мнѣнію Голохвастова, присовокупилъ, что, напротивъ,

теперь-то самое удобное и лучшее время просить государя объ укрѣпленіи дарованныхъ правъ дворянству». Воейковъ, донося обо всемъ этомъ, прибавилъ, что, хотя онъ по должности и не можетъ присутствовать въ собраніи, но ручается за точность передачи. «Мнѣ сдѣлалось положительно извѣстно,—заканчиваетъ жандармъ— что какіе-то двое (одинъ изъ нихъ былъ Митчель) съ удивительною точностью посредствомъ стенографіи записываютъ все безъ исключенія и будто для двухъ иностранныхъ журналовъ „Journal des Débats“ et „Le Nord“».

Говоря объ 11-мъ числѣ, когда шла баллотировка проекта адреса,¹ Воейковъ подчеркнул сочувствіе большинства къ рѣчамъ Голохвастова, Безобразова и Орлова-Давыдова, которые были единогласно избраны для поднесенія адреса, если бы государю угодно было вызвать ихъ въ СПб.

14 января вышелъ № 4 «Вѣсти», въ которомъ были напечатаны тексты адреса и рѣчи гр. Орлова-Давыдова.

Немедленно Валуевъ по телеграфу приказалъ московскому ген.-губернатору и цензурному комитету не дозволять перепечатки какихъ бы то ни было статей, помѣщенныхъ въ № 4 «Вѣсти»; одновременно было предписано: Спб. ген.-губ. возбудить судебное преслѣдованіе, главноначальствующему надъ почтовымъ департаментомъ—задержать выдачу № газеты подписчикамъ, Спб. оберъ-полицмейстеру—арестовать въ типографіи всѣ экз. нумера, а губернаторамъ—повторено приказаніе, данное въ Москву.

Почтовое вѣдомство уведомило, что, получивъ предложеніе министра въ 6¹/₂ ч. вечера, оно уже не могло остановить выдачу вышедшаго утромъ нумера, 184 экз. были доставлены городскимъ подписчикамъ, для провинціи же онъ и не былъ доставленъ на почту; позже были доставлены только 52 экз. для Москвы, но они уже задержаны тамъ почтъ-директоромъ.

Оказалось, что издатель «Вѣсти» Скарятинъ, узнавъ о задержкѣ статей цензоромъ де-Роберти, написалъ типографіи деп. удѣловъ, что: «всякую отвѣтственность передъ цензурою и правительствомъ принимаетъ на себя». 1000 экз. была доставлена секретарю редакціи, а 800—Скарятину. Когда явилась полиція, она задержала у секретаря 824 экз., а Юматовъ, бывший на квартирѣ Скарятинъ, объявилъ, что все уже роздано и распродано; послѣ обыска книжныхъ магазиновъ, полиціи удалось задержать всего 929 экз.

При слѣдствіи Скарятинъ доказывалъ, что все ему инкриминируемое совершенно законно, и онъ признаетъ себя виновнымъ только въ нарушеніи неправильнаго распоряженія цензуры. Опро-

шенный графъ Орловъ-Давыдовъ показалъ, что рѣчь была записана имъ вмѣстѣ со Скарятинимъ по памяти, уже въ С.ПБ., но измѣнены лишь слова: «когда всѣ дворяне превратятся въ ямщиковъ или уѣдутъ за границу» на другія: «когда всѣ дворяне поглотятся народной массой». Всѣ привлеченные были отданы на поруки, а съ графа взята была подписка о невыѣздѣ. «Вѣсть» была приостановлена на восемь мѣсяцевъ.

Привожу, кстати, неизвѣстное стихотвореніе Огарева «Продолженіе литературныхъ наблюденій», хранящееся въ Румянцовскомъ музеѣ:

Но ужъ кто, хоть и не вятепъ,
 Но правительству пріятенъ
 И весь шить изъ грязныхъ пятенъ,
 Безъ сомнѣній—Скарятинъ.

16 января полк. Воейковъ телеграфировалъ III Отдѣленію, что указомъ сената собраніе закрыто; «разошлись спокойно». «Неожиданная новость, — писалъ онъ дополнительно, — крайне всѣхъ удивила и произвела самое неприятое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ указѣ сената опущены доводы депутатскаго собранія относительно ст. 31 т. III по продол. св. законовъ, которая относится только до временно-обязанныхъ крестьянъ, но нисколько не до дворянъ». «Закрытіе здѣшняго собранія сдѣлалось предметомъ всеобщаго разговора и очень сожалѣютъ, что совершившемуся невольно придалось гораздо болѣе значенія, какъ бы слѣдовало, и что иной исходъ этого дѣла могъ принести лучшіе результаты настоящихъ».

Александръ II отвѣтилъ дворянству въ рескриптѣ на имя министра вн. дѣлъ, ткнувъ ему, что «право вчинанія по главнымъ частямъ постепеннаго совершенствованія принадлежитъ исключительно мнѣ и неразрывно сопряжено съ самодержавною властью, Богомъ мнѣ ввѣренною». Черезъ годъ царь говорилъ съ Д. Д. Голохвастовымъ, обративъ особенное вниманіе на «опричниковъ», которыми ораторъ окрестилъ окружавшихъ царя лицъ. «Главное, не гоняйся за аплодисментами, за успѣхами краснорѣчія; вѣдь, право, не стоитъ того!...» (подробности разговора см. въ т. I «Имп. Александръ II» С. Татищева).

Начальникъ 2 округа корпуса жандармовъ Перфильевъ доносилъ 3 февраля, что общій выводъ изъ всѣхъ разговоровъ по поводу рескрипта на имя министра вн. дѣлъ—рескриптъ произвелъ благоприятное впечатлѣніе. «Московское дворянство утѣшаетъ себя и гордится тѣмъ, что оно успѣло высказать тѣ желанія, которымъ сочувствуютъ и прочіе, и что брошенное ими зерно не останется

безъ плода». 9 февраля Перфильевъ донесъ, что при разговорѣ о рескриптѣ Погодинъ сказалъ въ обществѣ: «Господа, римскій папа, называющій себя намѣстникомъ св. ап. Петра, почитаемый безгрѣшнымъ отъ всего католическаго міра, даже не могущимъ грѣшить, говоритъ и повторяетъ безпрестанно государямъ и народамъ на всѣ приглашенія, совѣты и просьбы о преобразованіяхъ: non possumus! non possumus! Не можемъ! Не можемъ! Русскій царь, при первомъ извѣстїи о какомъ-то намѣренїи, желанїи объявляетъ торжественно, во всеуслышанїе: possumus! можемъ!.. Честь, слава и благодарность русскому царю! Славное прозваніе Освободителя внесено уже съ его именемъ въ исторїю; нынѣ вносится въ нее другое прозваніе, не менѣ славное—Начинателя. Помоги ему Богъ снискать и третье прозваніе, всѣхъ главнѣйшее—Совершителя. Русскимъ людямъ остается всѣми силами, кто сколько съ своей стороны, съ своего мѣста можетъ содѣйствовать ему для исполненія благихъ предначертаній на пользу отечества, молиться царю царствующихъ о ниспосланїи ему духа премудрости, духа разума, духа страха Божія и ожидать съ привычнымъ русскимъ историческимъ терпѣніемъ исполненія судебъ своихъ, поминая благоговѣнно любимое выраженіе предковъ: сердце царево въ руцѣ Божїей,—такъ, кажется, завѣщала исторїя». «Не тѣми словами—заканчиваетъ свое донесеніе Перфильевъ,—но съ тѣми же чувствами и пониманіемъ разсуждаютъ и принимаютъ рескриптъ всѣ благомыслящіе и не увлекающіеся и возражаютъ порицателямъ, которыхъ не мало; изъ нихъ нѣкоторые въ увлеченїи не стыдятся протестовать даже противъ чего же? противъ изреченія: самодержавная власть, богомъ мнѣ ввѣренная».

12 марта Перфильевъ донесъ, что одна изъ волостей Коломенскаго у. постановила приговоръ и послала его министру вн. дѣлъ для представленія государю съ осужденіемъ дѣйствій московскаго дворянства. «Это возбудило въ дворянахъ большое негодованіе и опасеніе, что повтореніе подобныхъ заявленій, если означенное будетъ принято благосклонно, послѣдуетъ изъ всѣхъ канцовъ Россїи. Какое тогда будетъ это имѣть значеніе? Не возбудить ли толковъ и не составится ли убѣжденіе, что дворяне одни идутъ противъ государя. Повторяю, дворяне всѣ вообще сильно раздражены».

23 апрѣля, отвѣчая на запросъ шефа жандармовъ объ общемъ настроенїи, Перфильевъ сообщилъ: «Недовольныхъ вообще много. Испытавшіе и испытывающіе непрїятное отъ мировыхъ учреждений или отъ административныхъ и судебныхъ мѣстъ и лицъ заявляютъ свое неудовольствїе свободно, порицая существующій порядокъ. По

духу времени это явленіе обыкновенное и при благоприятнѣйшихъ настоящихъ обстоятельствахъ недовольные и порицающіе почти всегда и вездѣ составляютъ большинство; въ ихъ кружкахъ мало ли что говорится; но слѣдуетъ ли придавать этому особое значеніе, тѣмъ болѣе, что повсѣмѣстнымъ развѣдываніемъ ни какихъ условныхъ предположеній на счетъ противодѣйствія правительству въ настоящее время не обнаруживается» (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1865 г. № 70 и III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1865 г., дѣло № 11, ч. 1).

2563. Царское «non possumus».

Несмотря на головомойню московскому дворянству и на рекламу своему царствованію, Александръ Николаевичъ втихомолку примѣриваетъ конституціонныя формы. По несчастью, болваномъ конституціи онъ избралъ катковскаго Муравьева. Вотъ двѣ замѣчательныя ограниченности царской власти, два *non possumus'a* восточнаго папы. Графовъ Потоцкаго ¹⁾ и Тышкевича потребовали зачѣмъ-то въ Литву. Одинъ боленъ, у другого жена умираетъ. Оба они лично знакомы съ государемъ *по охотѣ*, а вдвое того, вѣрно, поневодѣ... Оба доказали свою преданность и благонамѣренность и медвѣдями, и собаками, и плошками, и балами. Оба попросили они короткую отсрочку. Конституціонный императоръ смиренно отвѣчаетъ: «Не могу, я далъ слово не мѣшаться въ распоряженія Муравьева».

Но еще это поляки. А вотъ что, говорятъ, случилось съ русскимъ, да еще больше—съ русскимъ генераломъ, и притомъ изъ нѣмцевъ. Графъ фонъ деръ Остенъ-Сакенъ ²⁾ получилъ отъ своего управляющаго донесеніе, что Муравьевъ обложилъ его имѣніе тѣмъ калымомъ, которымъ онъ разоряетъ поляковъ. Остенъ-Сакенъ пишетъ управляющему, чтобъ онъ не вносилъ денегъ, и протестуетъ. Муравьевъ посылаетъ экзекуцію, велитъ арестовать управляющаго и взыскиваетъ деньги. Графъ пишетъ къ государю, говоритъ, что его больше денегъ оскорбляетъ то, что съ нимъ поступаютъ, какъ съ инсургентомъ, и проситъ, чтобъ ему возвратили деньги. Конституціонный монархъ отвѣчаетъ: «Не могу, я далъ слово не мѣшать Муравьеву»...

¹⁾ Ошибка—Браницкаго.

²⁾ Ошибка—Корфъ.

А тотъ чѣмъ занятъ, что государь боится помѣшать? *Оскверненіемъ труповъ*. Мѣсяца два-три тому назадъ въ одномъ уѣздномъ городѣ Виленской губерніи былъ разстрѣлянъ молодой человекъ ¹⁾; его мать, больная старушка, очень уважаемая въ городѣ, упростила офицера дозволить трупъ сына похоронить на кладбищѣ. Это дошло недѣли черезъ двѣ до Муравьева. Онъ отправилъ полицейскихъ съ командою отрыть трупъ и бросить на мѣсто казни... Всѣ вкусы гѣны сохранились подъ этими генераль-адъютантскими эполетами.

2564. Письмо къ Н. А. Огаревой.

2 марта (1865).

6, Rothsay Villas, Richmond Hill.

Болѣзнь Лизы насъ сконфузила въ самый критическій періодъ лѣченья Огар. и въ самый развалъ отправленія вещей, продажи фондовъ, такъ что, наконецъ, и я начинаю унывать и уставать. Периодичность припадка рѣшительно перервана; если онъ и будетъ, то не въ той правильной формѣ. Слабость большая, и это Огар. замѣчаетъ. При вѣсти о нездоровьѣ Лизы онъ опять сталъ собираться къ вамъ, но это, мнѣ кажется, еще не по силамъ. Ждемъ письма сегодня; если нужно, ты, вѣрно, телеграфируешь. Тогда я брошу все и поѣду, а дѣла здѣсь остановлю: *никому ничего* нельзя довѣрить безъ надзора. Ты думала, что все это такъ легко. Одинъ Давидъ все дѣло наладилъ. Спрячь вѣксель Сат. ²⁾ до моего приѣзда (если будетъ нужно, я его выпишу изъ Парижа).

Не хорошо ты дѣлаешь, Natalie, что нападаешь на Ог. да и на меня въ письмахъ,—ты сама поймешь, почему.

Шарл. ³⁾ приносила опять ребенка, плохъ онъ. Съ Чернецъ она не ѣдетъ; я поручилъ ему зондировать, не отдастъ ли она его въ Женеву, если ты ей предложишь; сегодня будетъ отвѣтъ.

Адресъ Russell'я я нашель и поѣду къ нему.

Дождь льетъ, и это всякій день. Что за ужасная зима... и это съ половины ноября. Рѣшительно, поселившись въ Женевѣ, надобно ѣздить на 4 мѣсяца хоть въ Комо. Неудобство жизни въ Ричм. съ этой погодой, съ 20 мин. до станціи и съ лондонскими разстояніями депримируетъ.

¹⁾ Мы читали сама этотъ фактъ въ письмѣ къ нашему знакомому. А. И. Г.

²⁾ Н. М. Сатинъ.
Hutton.

Отъ Таландые очень теплое письмо. Нини была въ сильной скарлатинѣ; мать его умерла.

Часа. Мнѣ надобно ѣхать въ лавку, гдѣ сегодня укладываютъ въ ящики вещи; письма нѣтъ, но есть еще почта въ 4; я въ 8 иду домой. Хочу вѣрить, что все хорошо. Прощай. Все еще думаю, что къ 12 марта все покончу. Отовсюду отправляются вещи; у Чернец. возъ цѣлый.

2565. Письмо къ Н. А. Огаревой.

14 марта (1865).

Ричмондъ, 6, Rothsay Villas.

Посылаю 500 фр., т.-е. 20 liv. Иду завтра, какъ сказано, въ 8 вечера. Огареву, кажется, все послѣднее время лучше. Онъ долженъ перейти на квартиру возлѣ и приняться-таки за укладку.

Вчера я была у Таландые; это очень далеко, но я не жалю: его искренняя радость была мнѣ очень хорошею цѣной. Нини худа и malingre ¹⁾). У нея послѣ скарлатины была водяная, и она нѣсколько дней при смерти.

Писать теперь некогда. Будьте здоровы. Пиши въ Парижъ къ Львицкому. Я напишу оттуда.

Скажи Лизѣ, что ей привезу вотъ какую книжку съ картинками!

Не могу закрыть письма, не прибавивши, что снѣгъ валить и опять мерзѣйшая погода.

Прощай и до свиданья. ¹

◆◆ 1. Такъ Герценъ навсегда оставилъ Англiю. Приведу, какъ примѣръ очень многочисленныхъ курьезовъ иностранной литературы, сказанное Quérard о знаменитомъ писателѣ въ «La France littéraire ou dictionnaire bibliographique» ²⁾:

«Русскiй миллионеръ, кочующiй революционеръ, легко замѣшанный въ заговоръ противъ русскаго государя, былъ высланъ. Когда его вина была искуплена, онъ прiѣхалъ въ Парижъ, и его капиталы помогли основать «Journal du Peuple» Прудона. Изгнанный за это изъ Парижа, онъ поѣхалъ въ Лондонъ, откуда былъ еще разъ изгнанъ за свои убѣжденiя. Тогда онъ перенесъ свой примѣняющiйся патриотизмъ въ Модену, откуда власть его пять

¹⁾ Болѣзненная.

²⁾ «Литературная Францiя, или библиографическiй словарь».

изгнала. Съ тѣхъ поръ мы потеряли слѣды пропагандистскихъ странствованій Герцена» (т. XI, 183—184).

Кстати, вотъ образчикъ вздора изъ официозной отечественной литературы, изданной русской полиціей:

«Первымъ печатнымъ произведеніемъ, изданнымъ въ Лондонѣ «Искандеромъ» (Герценомъ), былъ журналъ «Полярная Звѣзда», которую онъ выпускалъ каждый годъ; первая книжка была издана въ 1855 году, а послѣдняя въ 1862 году». «Въ 1857 году началъ издаваться въ Лондонѣ второй ежемѣсячный журналъ «Колоколъ»; съ 1862 года по 1869 годъ «Искандеръ» (Герценъ) издавалъ свой журналъ «Колоколъ» уже въ Женевѣ, гдѣ принималъ участіе другой русскій изгнанникъ Николай Огаревъ» (*Рожановъ*, «Записки по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи (до 1913 года)» СПб., 1913 г., изданіе департ. полиціи, стр. 14, 15).

2566! Письмо къ Н. П. Огареву.

№ 1 письмо.

16 марта (1865).

Hôtel des Deux Mondes, Rue d'Antin.

Post peractam La Manche,
Post molestam Chemín de fer...¹⁾

я въ Парижѣ; побѣхалъ въ какой-то неизвѣстный отель, по рекомендаціи англичанина, и нашелъ, что цѣны тѣ же, что и въ Gr. Hôtel. Переправа была превосходная, но толпа на дорогѣ отъ Калэ невѣроятная, и сидѣть душно и скверно. Это ты замѣть. Какъ пріѣдешь въ Калэ, *прежде* чѣмъ заходить въ Гербѣри, займи мѣста, а такъ какъ ты и Жюль на это неспособны, то позови комиссіонера и дай ему 6 пенсовъ,—это рѣшительно необходимо. Ночью былъ снѣгъ.

Велѣлъ подать кофею и, не переодѣваясь, т.-е. не снимая сапогъ, ѣду сейчасъ въ Монмартръ²⁾ и во все прочее.


Пока прощай.

¹⁾ Переплывши Ла Маншь, послѣ тягостнаго пути по желѣзной дорогѣ (Перефразъ стиховъ извѣстной студенческой пѣсни «Gaudeamus igitur»:

«Post jucundam juventutem,
Post molestam senectutem»—
«Послѣ пріятной юности,
Послѣ тягостной старости»).

²⁾ Самая возвышенная часть Парижа, гдѣ расположено старинное кладбище.

Я не видалъ при отъѣздѣ Генри ¹⁾ и не зналъ, спросить ли его при Тх., а потому прощаюсь in contumaciencia ²⁾.

T. s. v. p. ³⁾ 

2 часа.

Пишу у Левицкаго.

Былъ на кладбищѣ. Велѣлъ раскрыть склепъ, видѣлъ красныя бархатныя гробки... Былъ у Ротшильда; онъ, кажется, дастъ рекоменд. письмо на желѣзную дорогу для облегченія всего. Думаю, что могу ѣхать въ среду, но объ этомъ послѣ. Левицкій показывалъ письмо Горчакова къ нему, которому онъ послалъ альбомъ ниццскихъ портретовъ. Онъ (т.-е. Герчаковъ) въ силѣ.

Ханыковъ говорилъ Левиц., что Тургеневъ не узналъ меня и стремится исправить дѣло. ⁴⁾

Засимъ, прощай.

Отъ Касаткина.

Прошу отгадать, чей портретъ прилагаетъ тебѣ въ подарокъ Левицкій ⁴⁾.

◆◆ 1. Тургеневъ извратилъ факты (что, вообще, дѣлалъ нерѣдко)—отсюда апокрифическая запись въ «Воспоминаніяхъ» А. Н. Островской со словъ М. В. Авдѣева: «Упомянули о Герценѣ.—Онъ теперь въ положеніи короля Лира,—сказалъ Ив. С.—Кстати о Герценѣ,—спросилъ Авдѣевъ;—я на этой недѣлѣ хочу съѣздить въ Женеву на нѣсколько дней, не будетъ ли у кого какихъ порученій?—Въ Женеву? Зачѣмъ это?—У меня тамъ хорошіе знакомые, хочу съ ними повидаться.—Порученія... Будетъ вамъ отъ меня порученіе. Вѣдь, вы, вѣроятно, увидите съ Герценомъ?—Конечно.—Такъ спросите его отъ меня, прямо отъ меня, неужто наша долготѣняя дружба такъ навсегда кончилась?—Лицо у него отуманилось, голосъ звучалъ грустно». Авдѣевъ съѣздилъ въ Женеву, возвратился.—Говорили вы съ Герценомъ, о чемъ васъ просилъ Тургеневъ?—спросили мы его.—Говорилъ. Онъ совсѣмъ помѣшался, вздоръ какой-то толкуетъ, увѣряетъ, будто Иванъ Сергѣевичъ встрѣтилъ его въ луврской галлерей и отвернулся отъ него.—Передавали вы это Ив. С.?—Передавалъ.—Что же онъ?—Плечами пожалъ, огорчился» («Тургеневскій сборникъ», 75—76).
Время отнесено Островской ошибочно къ 1864 году.

¹⁾ Сутерландъ, сынъ Мэри.

²⁾ Заочно.

³⁾ Tournez s'il vous plaît—поверните, пожалуйста.

⁴⁾ В. Н. Паина.

2567. Письмо къ Н. П. Огареву.

№ 2.

17 марта (1865).

Hôtel des Deux Mondes, 8, Rue d'Antin, Ch. № 6.

По очень дѣльному совѣту Тхорж., посылаю двѣ акціи тип.; передай ихъ кн. Долг. на всякій случай: можетъ, и подвернется кто: ¹⁾ Письмо кн. Долг. я здѣсь получилъ. Очень важно, что почтамтъ кельнскій отказался отъ пересылки въ Женеву. Тебѣ, несчастному, опять урокъ. Какъ же можно было подписываться на годъ, зная, что вѣдемъ?! Отправь Тхорж. къ Трюбнеру уладить это дѣло. Надобно или писать въ Берлинъ, или назначить книгопродавца въ Кельнѣ, которому поручить посылку auf buchhändlerischem Wege ²⁾).

NB. Объ Ильинскомъ ³⁾ (который все время сидѣлъ здѣсь въ Клиши) слухи нехорошіе; завтра пойду завтракать къ Браницк. и узнаю вѣрнѣе, но Тхор., все же, предупреди секретно.

Ханыковъ въ восхищеніи отъ моей статьи объ оспопрививаніи. Здѣсь кievскій Анненковъ ⁴⁾, Панинъ (котораго благолѣпный портретъ я тебѣ послалъ), Стюрлеръ ⁵⁾ (адъют. Конст. Никол., котораго выгнали изъ англ. клуба за то, что онъ бранилъ Мур.), и все-то это рандевуится ⁶⁾ у Левиц. Онъ, разумѣется, вчера меня ужъ убледотворилъ икрой.

Отъ Ротш. досталъ рекомендательное письмо на желѣзную дорогу, но мраморщика не засталъ. Жена его сказала, что онъ придетъ ко мнѣ между 8 и 10 часами; теперь 11, а его нѣтъ. Это—потеря досадная времени. Все же, я думаю въ среду ѣхать съ обоими гробиками. Вчера я велѣлъ раскрыть склепъ и видѣлъ бархатныя крышки, и весь страшный декабрь воскресъ...

Отъ Таты нашель письмо.

Маклеланъ ⁶⁾ въ Римѣ, только-что пріѣхалъ изъ New-York. и Швабе *поѣхала къ нему* ⁷⁾). Отъ Касатк. ни слова,

NB. Ник. Милютинъ помѣшалъ уничтоженію цензуры.

¹⁾ Порядкомъ, принятымъ у книгопродавцевъ.

²⁾ ?

³⁾ Николай Николаевичъ.

⁴⁾ Александръ Николаевичъ, генераль-майоръ.

⁵⁾ Встрѣчается, видится.

⁶⁾ Жоржъ Mac-Clellan; американскій генераль.

Узнать о цѣнности американскихъ фондовъ.

Жду вѣстей о твоёмъ здоровьѣ. Мнѣ кажется, что тебѣ было гораздо лучше послѣдн. 10 дней. Не могу найти адресъ Ник. ¹⁾; помню, что Rue de Seine, но нумеръ,—кажется, 32. Спрашивалъ у Ут., отвѣта нѣтъ еще.

Тереза ²⁾ выдала свои «Записки»,—6-е изданіе; непременно куплю.

◆◆ 1. Воспроизвожу текстъ пая:

Вольная Русская Типографія
въ Женевѣ.

200 фр.

200 фр.

Пай

Двѣсти франковъ.

Предъявитель пая участвуетъ въ выгодахъ Типографіи, получая процентъ, который будетъ причитаться согласно программѣ, на основаніи которой выпущены эти пай.

Александръ Герценъ.

№

№

1865

Въ правомъ верхнемъ углу было выдавлено штемпелемъ «Alexandre Herzen».

2568. Письмо къ Н. П. Огареву.

17 марта 1865.

Передъ гряденіемъ на сонъ.

Прождалъ Усова въ Grand Café отъ $\frac{1}{2}$ 9 до 10 и, разумѣется, пошелъ взбѣшенный домой. А рггггг, онъ—чистѣйшій конституціоналистъ и «Колок.» сильно ругаетъ. Ханык. встрѣтилъ на улицѣ—медъ и млеко; идемъ завтра вмѣстѣ обѣдать. Утинъ въ Берлинѣ. Но съ Николэдзе фатумъ: былъ на десяти кварт. въ Rue de la Seine, отъ 30 до 40,—нигдѣ не нашель. Впрочемъ, можешь же ты дѣло отдѣлать и на письмѣ. Устраивается все, кажется, легко, такъ что во вторникъ или среду непременно поѣду въ Ниццу. Но чтò за рабители,—это и вятскіе повытчики удиви-

¹⁾ Николай Яковлевичъ Николадзе.

²⁾ Эмилиа Валадонъ, знаменитая пѣвица. Ея трагическая судьба дала поводъ анонимному автору издать «Mémoires de Thérèse»—«Записки Терезы».

лись бы,—только все легально. Ротш. рекомендація облегчила относительно учтивости, но не относительно финансовъ.

Ты пишешь, саго тіо, что мы не разговариваемъ сами съ собою даже, чтобъ не тревожиться, или, лучше, прибавлю я, чтобъ не бередить раны. Я такъ думаю, что простору нѣтъ въ нашей жизни (помнишь «Gemach!» ¹⁾ въ «Фіеско» Шиллера?) и полного покоя. Странное дѣло, я никогда не чувствую себя такъ собраннымъ, какъ когда я бываю совершенно заброшенъ одинъ, ex. gr., теперь. Ходишь по улицамъ, бродишь; а все какъ-то звонко, и память всего бывшаго такъ ясна, печально ясна. Надобенъ home ²⁾, покой, и тогда работа,—другого выхода нѣтъ.

Головн. ³⁾ писалъ Хан., что Милютинъ все остановилъ по дѣлу прессы. Объ этомъ строчку слѣдовало бы напечатать, разумѣется, ссылаясь на «Indépendance», съ эпиграфомъ изъ Пушкина:

«Насъ было двое, я и братъ» ⁴⁾.

Конст. Ник. безъ всякой силы. Снятіе цензуры рекомендовалъ и на этомъ настаивалъ М. Корфъ. Здѣшній Трубецкой, бельфонтанскій, совсѣмъ разорился, продалъ своихъ англичанъ и коровъ, статуи и фермы, и поѣхалъ въ Россію.

Вотъ и твое письмо; all right, обнимаю тебя и ѣду къ Браниц.

NB. Скажи Тхор., что я заказалъ пару сапогъ на Regent street, и пусть онъ самъ привезетъ или съ вещами и Чернец. пошлетъ.

2 часа. Суббота.

Пишу у Левицкаго. Браниц. уѣхалъ, Голынскаго не засталъ; остается еще Грушецкій, чтобы спросить объ Ильинскомъ. Николадзе рѣшительно не нашелъ. Вѣроятно, въ среду уѣду. Касатк. телеграфируй сейчасъ,—и онъ свинья.

2569. Письмо къ Н. П. Огареву.

19 марта (1865), воскресенье.

8, R. d'Antin, Hôtel d. Deux Mondes.

Всякій разъ, когда я бываю на континентѣ, я больше и больше убѣждаюсь въ необходимости (для дѣла) переѣзда и во вредѣ, что онъ не былъ сдѣланъ три года тому назадъ. Я въ Па-

¹⁾ Спокойствіе.

²⁾ Домашній уютъ.

³⁾ А. В. Головининъ.

⁴⁾ У Пушкина: «Насъ было двое, братъ и я» («Братья разбойники»).

рижѣ и Женевѣ узнаю въ три дня больше новостей изъ Россіи, чѣмъ всѣ мы въ мѣсяцъ узнаемъ ихъ въ Лондонѣ. Мудрено ли, что въ самое бойкое время мы попадали не въ тонъ. Вчера я обѣдалъ у Вефура ¹⁾ съ Хан. и просидѣлъ съ нимъ часа четыре. *Omni casu* ²⁾ онъ очень уменъ и очень много знаетъ; уклончивъ, бережетъ свою позицію, но интересенъ. Онъ гнѣ показывалъ письмо къ Юр. Сам. въ *десять листовъ* о московскомъ *сoup de constitution* ³⁾. Всѣ подробности, сценическія и закулисныя. Голохвастовъ, безъ сомнѣнія, выше всѣхъ прочихъ головой. (Чуть ли не онъ и составилъ подольскій адресъ). Онъ аристократъ, но скрываетъ это. Въ письмѣ сказано: «самообладаніе этого челоуѣка 23-хъ лѣтъ удивительно, звонкій голосъ, плавная, увлекающая рѣчь» (онъ говорилъ оба раза больше двухъ часовъ). Вотъ куда Дм. Павл. выгнуло.

Половина перваго.

Письмо отъ тебя; къ Николадзе пойду.

Письмо отъ Касаткина,—все сдѣлано, домъ отдаетъ хозяинъ за 5,500, но не знаетъ, можетъ ли отдать потомъ (т.-е. черезъ годъ),—онъ хочетъ его продать.

Письмо отъ Nat. Онъ вчера, въ субботу, въ 6 вечера, должны были отправиться въ Каннъ и, слѣд., сегодня съ утра тамъ.

Тургенева здѣсь нѣтъ.

Голынк. здѣсь въ страшномъ загонѣ отъ меня за то, что не взялъ акціи,—я его со свирѣпостью тѣсню.

Иду слушать Дюма *causerie*, такъ и быть, заплачу 10 фр.

Ус. взялъ акцію.

Въ воскрес. почта идетъ въ часть.

Обнимаю тебя. Новости о твоемъ здоровьѣ очень, очень радуютъ.

Въ Каннъ пиши: France, Grand Hôtel à Cannes (Alpes-Maritimes); послѣднее нужно: есть Cannes въ Calorodos'ѣ.

Тхорж. и Чернец. цѣлую.

Завтра узнаю, ѣду ли въ среду. Отъ префектуры получилъ дозволеніе *exhumation* ⁴⁾. Это дѣлается при двухъ чинов. и *procès-verbal* ⁵⁾,—на все нужно время.

¹⁾ Подъ этой фирмой въ Парижѣ извѣстны два ресторана Grand-Véfour и Véfour jeune.

²⁾ Во всякомъ случаѣ.

³⁾ Конституціонномъ переворотѣ, т.-е. о дворянскомъ адресѣ съ просьбой созванія дворянскаго собора.

⁴⁾ На открытіе тѣлъ.

⁵⁾ Протоколъ.

2570. Письмо къ Н. П. Огареву.

(20 марта 1865).

Вчера былъ я на conversation ¹⁾ Дюма. Пошлѣе, глупѣе ничего себѣ нельзя представить. Это—гаерство и риторство; доведенныя до чудовищныхъ размѣровъ. Идучи туда, я повстрѣчался съ какимъ-то старичкомъ, съ сѣдыми усами, который, проходя мимо меня, глухимъ голосомъ и не глядя на меня, сказалъ: «Отзвонилъ!». Я взглянулъ, и что же? Самъ Иванъ Головицъ. Я посмотрѣлъ и тихо продолжалъ путь, то же слѣлалъ и онъ. Mit bedächtigem Schrittritt ²⁾.

Объ Ильинс. не много узналъ, потому что Бран. нѣтъ въ городѣ. Но человекъ онъ, кажется, плохой, по всѣмъ отзывамъ.

Вчера обѣденный столъ держалъ съ Стад. ³⁾ у Левицк., сегодня держу съ Ус., съ которымъ идетъ перепалка. Сал. ⁴⁾ тоже моею статьей недовольна, но къ ней я не поѣду. Сер. Л. ⁵⁾, съ чьихъ-то вліяній, безпрестанно говорить о болѣе мирномъ направл. «Кол.» въ сторону Ал. Ник. при томъ же социальномъ направленіи, какъ и прежде. «Всѣ жаждутъ обновленный «Кол.» съ новыми, болѣе практическими статьями». Кажется, того же мнѣнія и Хан. Почему онъ тебя называетъ «утопистомъ, поэтомъ въ политикѣ, пророкомъ, хватающимъ за 1.000 лѣтъ», я не знаю, или почему онъ не такимъ же считаетъ меня?

Мораль всего этого та, что, дѣйствительно, намъ снова открывается мѣсто, и, слѣдственно, надобно сильно приняться за работу. Надобно ошеломить своихъ и не-своихъ первой статьей и снова рвануться въ ряды живыхъ. Для всего для этого надобно быть на мѣстѣ. Къ половинѣ апрѣля все должно успокоиться.

Затѣмъ прощай. Ѣду опять на кладбище. Если префек. не задержитъ, я 22, *въ 3 часа* уѣду и 24 буду въ Ниццѣ; (надобно ѣхать съ train-omnibus, который вездѣ останавливается); вотъ тебѣ было бы счастье—напр., въ Тулонѣ *8 часовъ*. Тогда 25 или 26 Nat. будетъ въ Ниццѣ, а потомъ буду ждать вѣстей о твоёмъ отправленіи.

¹⁾ Бесѣда.

²⁾ Осторожнымъ шагомъ;—первыя три слова изъ стихотворенія Шиллера «Handschuh»—«Перчатка».

³⁾ Стадлеръ.

⁴⁾ Е. В. Салиасъ.

⁵⁾ Львицкій.

2 часа.

Завтракаю у Véfour'a.

Позволеніе exhumation пришло на кладбище въ 8 утра, въ среду. Слѣдов., въ среду я отправляюсь туда въ 1¹/₂ 8 и съ чемоданомъ, въ 3¹/₂ стѣбздъ. Напишу еще.

У Николадзе былъ, не засталъ, назначилъ ему rendez-vous.

Щербань ¹⁾ du «Nord» просилъ Хан. представить его, — я вѣжливо уклонился—вотъ еще!

2571. Письмо къ Н. П. Огареву.

21 марта (1865).

Ус. предлагаетъ тебѣ остановиться въ Hôtel Frejus; онъ обѣщаетъ хорошую комнату и прислугу, т. е. внимательный уходъ. Ему по какому-то таинственному дѣлу надобно отлучиться дней на 8 въ концѣ марта, а поэтому онъ проситъ, чтобы ты ему написалъ притаманно, когда приѣдешь. Онъ къ 5 апрѣля можетъ вернуться. Напиши ему. Безъ Усова не стоитъ забиваться въ такую нечестивую даль.

Изъ письма Н. ты увидишь, какъ онѣ легко доѣхали.

Писать мнѣ больше нечего. Завтра ѣду. Пожалуй, напишу изъ Марсели или Тулона, если будетъ время.

Сегодня я у Левиц., *св Тютчевымъ* ²⁾. Горе ему, если онъ станеть говорить о «Колоколѣ». Онъ просилъ Левиц. его познакомиться. Экая каша! ¹⁾

Что у васъ? Здѣсь третій день крещенскіе морозы и вьюга. Дѣйствительно, на моей памяти съ 1847 ничего подобнаго не было. Ты не можешь чувствовать,—не зная, что такое ревматизмъ,—той деморализаціи, въ которую повергаетъ этотъ неистовый холодъ. Кашель у меня удвоился. Если-бъ была честная возможность, никогда не поднялся бы на сѣверъ дальше Приморскихъ Альпъ, и думаю, что рано или поздно придется умереть тамъ.

Посмотри, что Nat. пишетъ о Каннѣ.

Отъ Мейзенб. письмо. Къ нимъ ходитъ Листъ ³⁾—wo zu ⁴⁾?—русскій генераль *Шубертъ* ⁵⁾ и русская дѣвица *Штейнъ*.

¹⁾ Николай Васильевичъ, сотрудникъ Каткова, «Голоса» и «Le Nord»

²⁾ Федоръ Ивановичъ, поэтъ.

³⁾ Французъ, знаменитый пианистъ и композиторъ, принявшій тогда въ Римѣ малый постригъ въ монашество.

⁴⁾ Чего ради?

⁵⁾ Федоръ Федоровичъ, членъ военнаго совѣта.

Затѣмъ прощай. Жду твоего письма.

Выѣзжаю я завтра, въ 3^{1/2} дня, утромъ въ четв., въ 7 ч. въ Лионѣ, вечеромъ въ Марсели, ночь въ Тулонѣ, въ 11 часовъ ^{3/4} проѣду по Cannes и въ 12^{3/4} ночью буду въ Ниццѣ. Въ субботу утромъ тамъ все устрою и поѣду въ Cannes. Въ воскр. или понедѣльникъ похороны, во вторникъ въ Cannes.

Ты можешь, такимъ образомъ, знать à peu près ¹⁾, гдѣ я. Пиши въ Cannes.

Николадзе у меня. Онъ отъ тебя ничего не получалъ и желаетъ знать, какія именно подробности ты желаешь знать.

Прощай.

◆◆ 1. Это восклицаніе имѣло въ виду стихотворныя выступленія Тютчева на политическія темы послѣднихъ лѣтъ, изъ которыхъ позднѣйшимъ было его четверостишіе по поводу московскаго дворянскаго адреса «Москвичамъ»:

Куда себя морочите вы грубо!
Какой у васъ съ Россією разладъ!
Куда вамъ въ члены англійскихъ палатъ? —
Вы просто члены англійскаго клуба.

2572. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

21 mars (1865).
Paris.

Mais pourtant, très chère et très romaine amie, je vous ai écrit vingt fois, si ce n'est plus, mon plan, mes projets, prévisions et anticipations. Et vous me demandez, où nous en sommes. Récapitulons. Je commence par les faits accomplis. La maison est louée à Genève—louée pour un an, les bagages envoyés, je pars demain pour Nice, je reste avec M-me Ogareff à Cannes jusqu'à l'arrivée d'Ogar. à Genève et je la ramène là avec Lise. Je vous laisse à votre Monte Pincio, tout le temps de la grande installation entre le Mont-Blanc et Vogt, et je vous invite de venir vers la fin de mai. Si la santé, l'esthétique, le trop froid, le trop de sombre dans la vie vous forcent d'aller à Florence après le 15 nov., je ne m'y opposerai pas. Maintenant c'est clair, diaphane,—n'est-ce pas?

¹⁾ Приблизительно.

Pour les maîtresses pour Olga (à commencer par un maître de la langue russe) nous ne serons pas en peine. Pensez que Genève a marché depuis les Antonins, et Rome ne se distinguait jamais par la pédagogie même aux beaux temps de Cicéron.

Avez-vous enfin lu «Le Conscrit de 1813» et «Thérèse»? De quels livres plus sérieux parlez-vous? Economie politique ou harmonie pathologique?

Ecrivez en attendant à l'adresse de M-me Ogareff: Grand Hôtel à Cannes (Alpes-Maritimes),

Vous ne m'écrivez rien sur les résultats de l'entrevue de M-me Schwabe avec Mac-Clellan? Oh, sainte agitation, cela fait mousser le chocolat fade de l'histoire.

Sur cela je prie Dieu de vous garder en bonne santé, Adieu.

P. S. 20 mars, le matin 5 degrés de froid.

21 mars—encore plus froid, vent glacé et de la force d'un ours.

Depuis la fin de nov. jusqu'à aujourd'hui cet hiver n'a été qu'une punition corporelle, qu'une souffrance quotidienne et cela à Londres comme à Paris! Ce n'est plus une existence humaine. J'ai un cold et une toux depuis le 10 février.

Переводъ.

21 марта. Парижъ,

И тѣмъ не менѣе, другъ мой, очень дорогой и очень римскій я вамъ писалъ разъ двадцать, если не больше, о своихъ планахъ, проектахъ, предположеніяхъ и предвкусеніяхъ. А вы меня спрашиваете, въ какомъ положеніи дѣло! Повторимъ. Начну съ фактовъ совершившихся. Домъ снятъ въ Женевѣ, снятъ на годъ; вещи отправлены; завтра я уѣзжаю въ Ниццу; останусь съ г-жей Огаревой въ Каннѣ до пріѣзда Огарева въ Женеву, тогда отвезу ее съ Лизой туда. Васъ я оставляю на вашемъ Монте Пинчіо на все время великаго переселенія между Монбланомъ и Фогтомъ и приглашаю пріѣхать лишь въ концѣ мая. Если здоровье, эстетика, слишкомъ большой холодъ или избытокъ мрачнаго въ жизни заставятъ васъ уѣхать во Флоренцію послѣ 15 ноября, я превяствовать не буду. Теперь все ясно, прозрачно, не правда ли?

Что касается учительницъ для Ольги (начиная съ учителя русскаго языка), то въ этомъ намъ не встрѣтится затрудненій. Вспомните, что Женева ушла впередъ со времени Антониновъ ¹⁾,

¹⁾ Имена отличавшихся высокими нравственными качествами двухъ римскихъ императоровъ.

а Римъ никогда не отличался педагогикой, даже въ прекрасныя времена Цицерона.

Прочли ли вы, наконецъ, «Рекрута 1813 г.» и «Терезу»? О какихъ это болѣе серьезныхъ книгахъ вы говорите? О политической экономіи или патологической гармоніи?

Пока пишите по адресу г-жи Огаревой: Grand Hôtel à Cannes (Alpes-Maritimes).

Вы мнѣ ничего не сообщаете о результатахъ свиданія г-жи Швабе съ Маклеланомъ. О, святое безпокойство, отъ него начинается пѣниться прѣсный шоколадъ исторіи!

Засимъ молю Бога сохранить васъ въ добромъ здоровьѣ. Прощайте.

P. S. 20 марта утромъ 5 градусовъ мороза.

21 марта еще холоднѣе, леденящій вѣтеръ медвѣжьей силы.

Съ конца ноября и поднесъ зима эта была сплошнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ, сплошнымъ ежедневнымъ страданіемъ какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Парижѣ. Это прямо не человѣческое существованіе. У меня простуда и кашель тянутся съ 10 февраля.

2573. Письмо къ сыну.

21 марта (1865).
Paris.

Завтра, любезный Саша, я ѣду съ двумя гробиками въ Ниццу. Полагаю, хорошо взвѣсивши дѣло, что ты можешь не пріѣзжать, а лучше, удѣли больше времени на вакаціи. Домъ въ Женевѣ нашелъ на годъ съ 1 апрѣля; къ 15 всѣ соберемся, т-е. old-church¹⁾: Ог., Нат. и я; до тѣхъ поръ проведу въ Cannes. Тамъ отдохну отъ зимы; такой зимы я еще въ Европѣ не видалъ; сегодня, напр., больше 5 град. мороза съ мистралемъ (что равняется 15°); съ того дня, какъ ты замерзшій пріѣхалъ черезъ Montcenis,—одно продолжительное мученье; Женева не выручить,—боюсь зимы тамъ.

Кстати, отъ Мальвиды письмо; я ихъ оставляю на весь май, но къ 1 июня пусть переѣдутъ; этого, наконецъ, требуетъ высшее приличіе. Въ ноябрѣ (въ концѣ) онѣ могутъ ѣхать во Флоренцію. Мнѣ жаль, что Тата слишкомъ много обращается въ нѣмецкомъ обществѣ; я ей писалъ объ этомъ. Думаю, что все это Швабе тормошить.

¹⁾ Буквально: старая церковь, здѣсь: старики.

Ты ей объ этомъ напиши; я, напр., увѣренъ, что Галлэ въ эту барку не попадетъ. Но пиши осторожно, чтобъ Мальв. не обидѣлась.

Стадлеръ поручилъ мнѣ узнать, думаешь ли ты, что во Флоренціи можно найти достаточно русскихъ уроковъ, чтобъ существовать. Онъ боленъ отъ здѣшняго климата и хотѣлъ бы въ теплый край. Превосходный знатокъ русскаго языка (и ты бы могъ у него поурочиться), знаетъ по-французски въ совершенствѣ. Спроси Доманже и отвѣчай мнѣ или Львицкому (я забылъ Татѣ написать, что Полина ¹⁾ огорчена тѣмъ, что Тата ей не пишетъ,—что за лѣнь, въ самомъ дѣлѣ).

Ко мнѣ можешь писать на адресъ:
Grand Hôtel à Cannes (Dép. du Var).

Тулонъ. 23, 12 часовъ ночи.

Самъ довезъ тебѣ письмо до Тулона. Вѣхалъ въ omnibus-train 32 часа. Завтра буду въ Ниццѣ, писать некогда. Много торжественнаго и глубоко печальнаго въ этой поѣздкѣ съ двумя гробами. Обо всемъ послѣ.

Извѣсти Тату и еще разъ скажи, чтобъ она писала Полинѣ.
Прощай.

2574. Письмо къ Н. П. Огареву.

(23 марта 1865 г.) Четвергъ.
Тулонъ.

Приѣхалъ сюда послѣ 32 часовъ безъ отдыха. Завтра, въ 6 утра долженъ вѣхать; теперь двѣнадцатый часъ. Съ мѣста напишу подробности: и торжественное что-то въ этихъ похоронахъ на тысячу верстъ, и въ самой exhumation, и много пыли и сору. Я только хотѣлъ тебѣ заявить, что живъ. Гробики ѣдутъ въ особомъ вагонѣ и не въ ящикахъ,—мнѣ этого хотѣлось.

Прощай. Какъ же ты хлопоталъ объ адресѣ! Да весь Cannes съ полъ-Ричмонда—poste rest. довольно.

Пиши: Grand Hôtel à Cannes (Dép. du Var).

Тютчевъ—еще больше медъ и млеко...

Николадзе провожалъ.

¹⁾ Дочь С. Я. Львова-Львицкаго.

2575. Письмо къ Н. П. Огареву.

26 марта 1865.

Nice, Hôtel des Deux Mondes.

Сегодня утромъ, въ 10 часовъ похоронили малютокъ. Какъ они вмѣстѣ взошли въ жизнь, такъ вмѣстѣ ушли изъ нея и положены въ одну могилу. Рокка убралъ оба гробика сплошь цвѣтами; солнце показалось часа на полтора. Они похоронены возлѣ самой Natalie, и мѣста есть еще на 8 человѣкъ. Лучше этой горы кладбища въ мирѣ нѣтъ. Всю дорогу (дѣйствительно, утомительную) мнѣ было *въ грусти хорошо* (не упрекай же меня, какъ въ твоёмъ письмѣ въ Неаполь въ 1863, въ эпикуреизмѣ горести,—тогда меня это сильно обидѣло...), но свиданіе и первыя разговоры въ Cannes были очень грустно-нехороши. Смертельно жаль N. и Лизу, но спасать и облегчать можно только провидѣніемъ, скрывающимся за спиной. Пора, пора ѣхать въ пристань, пора и Турнеръ заняться Лизой, — она пропадаетъ отъ скуки. А натура чудесная, — чего нѣтъ другого, Турнеръ будетъ съ ней безпрестанно на дворѣ и это ужъ хорошо.

Что значить высылка Жуковского или отсрочка? Не понимаю. Не натурализоваться ли тебѣ? Чернецкій показаль, что это дѣло простое. Во всякомъ случаѣ имѣй при себѣ старый паспортъ свой, это необходимо, — я спрашивалъ Касаткина. Когда же ты собираешься? И вообще, когда двигается Чернецкій и буквы? Жду подробностей.

На дорогѣ мнѣ много помогла книга, взятая въ Парижѣ и только-что вышедшая — «Anacharsis Cloots» ¹⁾. Въ послѣдній годъ явились чрезвычайно замѣчательныя вещи о революціи: S.-Just, Robesp., Marat и Cloots — явленія совершенно въ особомъ напращивленіи.

Прощай. Дождь льетъ, и мнѣ что-то нездоровится, и усталъ физическая и нравственная.

27 марта, понедѣльникъ.

Дождь продолжаетъ лить, такъ что я не знаю, везти ихъ сегодня въ Cannes или оставить до завтра. Мы здѣсь помѣстились въ дальнемъ отелѣ.

Сатина, будто, доктора посылаютъ за границу. Ал. Ал. хлопчотъ о деньгахъ; съ Сат., все же, всѣ собираются лѣтомъ.

¹⁾ Соч. Avenel, 1865 г. Полное заглавіе: «Anacharsis Cloots, l'orateur du genre humain».

2576. Письмо къ М. К. Рейхель.

27 марта 1865.

Вотъ и я здѣсь. Вчера похоронили маленькихъ возлѣ вамъ знакомой могилы. Теперь поставленъ памятникъ и очень хорошъ... Опять Ницца... Рокка и, наконецъ, Cannes.

Къ 15 апрѣля въ Женевѣ.

Кланяйтесь Рейхелю, обнимите дѣтей.

2577. Письмо къ Н. П. Огареву.

28 марта (1865).

Cannes (Dép. du Var), Grand Hôtel.

Здѣсь очень тихо, очень хорошо и не очень дорого. Море передъ моимъ окномъ; тотъ же видъ, какъ нѣкогда въ Ниццѣ. Кажется, здѣсь можно бы заниматься, и потому я сразу думаю, что двѣ недѣли проживемъ въ Каннѣ. Погода скверная и здѣсь, какъ во всей Европѣ,—raison de plus ¹⁾ до половины апрѣля оттянуть Женеву, т. е. подождать твоего приѣзда и письма. Русскихъ здѣсь мало, зато есть д-ръ полякъ Бернацкій, который сегодня ко мнѣ явился. Меня приняли, какъ стараго знакомаго. Гарсоны — все тѣ же помадные швейцаро-нѣмцы, которые служили у Кюна, въ «Glob'ѣ, въ «London» и т. д. Они за мной ухаживаютъ и повѣствуютъ, что я—illustre ²⁾. Всего замѣчательнѣе, что одинъ изъ нихъ узналъ Лизу и сказалъ Маріи, что «эта барышня, молъ, въ Лондонѣ, Orsett House жила, и у васъ была Жакъ».

Въ Ниццѣ, sans мелкихъ вещей, все было грандіозно, печально-хорошо. Можетъ, осенью или зимой посѣтишь ты три могилы прошедшя и л будущихъ (для тебя л mathematisch).

Если-бъ я могъ воспитать въ Н. человѣческую печаль вмѣсто отчаянія par gafale ³⁾!.. Но трудно. Представь себѣ, что она снова спитъ на креслахъ или на диванѣ, не раздѣваясь. Я, наконецъ, поставилъ это министерскимъ вопросомъ. Отчего? Да оттого, что въ этомъ, дѣйствительно, есть lunatism. Постоянное неудовольствіе на все рядомъ съ обвиненіемъ себя,—все это придаетъ жизни раздрающій характеръ, а не печальный. Печаль выше, покойнѣе.

Похороны и вся обстановка были изящны, почти безъ постороннихъ; гробики оставили непокрытыми землей, а сдѣлали только

¹⁾ Еще одна причина.

²⁾ Знаменитость.

³⁾ Порывами.

сводѣ; на сводѣ будутъ пока цвѣты, а потомъ мраморная доска неполированная, съ надписью en bas ¹⁾, но какую сдѣлать надпись—подумай.

«Елена и Алексѣй
Огаревы,
младенцы трехъ лѣтъ и близнецы».

29, среда.

Недѣля, какъ я уѣхалъ изъ Парижа. Я тебѣ писалъ въ пятницу изъ Тулона, въ субботу изъ Cannes и въ понедѣльникъ изъ Ниццы. Ты хорошо сдѣлаешь, если прилетишь особенно важные номера «Моск. Вѣд.» и, если есть, еще больше важныя письма. Твое письмо отъ суб. пришло; сегодня, вѣроятно, будетъ второе. Какъ-то планы отъѣзда? Отъ Касаткина жду съ нетерпѣніемъ.

12 часовъ. Буря, снѣгъ и стужа. Да что же это, наконецъ?

◆◆ 1. Огарева рассказываетъ, что въ Каннѣ они познакомились съ докторомъ Бернацкимъ, котораго имъ рекомендовали въ гостиницѣ по случаю болѣзни Лизы. Онъ «оказался большимъ поклонникомъ Герцена; онъ былъ польскій эмигрантъ, пожилыхъ лѣтъ жилъ во Франціи съ 1830 года и не охладѣлъ въ своемъ патриотизмѣ, хотя жизнь его проходила болѣе среди французовъ. Онъ былъ женатъ на вдовѣ, которая умерла, оставивъ ему своего сына на воспитаніе» (стр. 231).

2578. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

(30 марта 1865).

Per dio et la santa fedel Asile, éducation—jeune génération, l'Italie éduquée, Lanark' et le Colisée, Owen et Gregorovius, et tout cela à la veille du départ.

Et M-me Og. faisant des plans-pedagogiques, didactiques et pas pratiques. Holde traüme—der ewig-sempiterno idealismus—schöne Utopien. — Miss Stein et Miss Reeve, Schwabe la belle — et M-me Belschwabe, Genève et Rome, Pestalozzi et Fröbel—et en attendant révolution radicale dans la météorologie le 29 mars à Cannes, dép. du Var, froid et neige, un orage qui dure depuis le mois de janvier. rhumatismes—asthme et des idées à vous faire rendre l'âme (et le corps).

Eh bien, en avant, essayons tout, confondez mon scepticisme, punissez mon schisme. L'idée d'un collège, sérieux, où Olga pourrait aller au moins pour deux trois heures, est pour moi encore la grande

¹⁾ Внизу.

chose. J'ai déjà dit adieu à l'idée des pensions, institutions etc. Mais les collègues—с'ест un autre дѣло». Pour le 1 juin je fais chauffer le Mont-Blanc et bouillir l'Arve. En attendant je vous serre chaudement votre main.

Adieu.

Переводъ.

Клянусь Богомъ и св. вѣрою! Школа, воспитаніе, молодое поколѣніе, воспитанная Италія, Ланаркъ и Колизей, Оуэнъ и Грегоровіусъ—и все это наканунѣ отъѣзда.

А г-жа Огарева, строящая планы педагогическіе, дидактическіе и непрактическіе! Милыя грезы, вѣчный, вѣковѣчный идеализмъ, прекрасныя утопіи. Миссъ Штейнъ и миссъ Ривъ, Швабе прекрасная и г-жа Бельшивабе ¹⁾, Женева и Римъ, Песталоцци и Фребель ²⁾. А въ ожиданіи всего этого — коренная революція въ метеорологіи, имѣвшая мѣсто 29 марта въ Каннѣ, департаментъ Варъ: холодъ и снѣгъ, буря, дующая съ января мѣсяца, ревматизмы, астма—и мысли, которыя заставятъ тебя отдать душу (и тѣло).

Ну-съ, впередъ! Испытаемъ все, смутите мой скептицизмъ, накажите мою ересь. Мысль о серьезной гимназіи, куда Ольга могла бы ходить, по крайней мѣрѣ, на два-три часа ежедневно, все еще представляется мнѣ очень важной. Я уже распрощался съ мыслью о пансіонахъ, институтахъ и т. п., но гимназіи—дѣло другое.

Къ 1-му іюня я прикажу затопить Монбланъ и вскипятить Арву ³⁾. А пока горячо жму вашу руку.

Прощайте.

2579. Письмо Н. П. Огареву.

30 марта (1865).
Cannes, Gr. Hôtel.

Письмо твое отъ 27 пришло. Помни мои инструкціи на дорогѣ насчетъ Calais и тихаго train. Для другихъ безусловно надобно брать express и вторыя мѣста,—они очень хороши во Франціи, и пусть всѣ ѣдущіе впередъ соображаютъ, что багажа *брать съ собою* можно мало и приплачивать придется бездну. Надобно посылать все особо. Визировалъ ли Тхорж. паспортъ? Я все жду ключа о Жуковскомъ и вообще письма отъ Кас.

¹⁾ Полная фамилія Salis-Schwabe; по-латыни salis—пріятность, томкость; по-французски belle—прекрасная.

²⁾ Юганнъ-Генрихъ Песталоцци и Фридрихъ Фребель знаменитые педагоги.

³⁾ Горная рѣка, впадающая въ Рону ниже ЖENEVЫ.

NB. Деньги съ собой бери англійскимъ золотомъ,—тутъ еще 4 су выгоды на фунтъ.

Вчера былъ у меня юный Мор. ¹⁾ Это—наши лучшіе и преданнѣйшіе друзья. Онъ кланяется тебѣ и Тхорж. Отъ твоихъ статей въ «осхищенъ»; онъ и его товарищи учатся по нимъ. Все требуютъ «они общихъ статей,—статей, такъ сказать, теоретико-практическихъ, leading'овъ ²⁾», и, я думаю, они правы. По спорамъ съ Ус. я считаю еще больше необходимыми уясненія. Я очень рекомендую потолковать съ нимъ, послѣ небесной механики, о земной. Тутъ снова растеть огромная ошибка. Ус. уважаетъ насъ *лично* и tant soit peu ³⁾ любить, но онъ ни въ чемъ не согласенъ съ нами, кромѣ въ скептической закраинѣ. Народъ, страну онъ ненавидитъ. Ты можешь ему сказать, что я тебѣ это писалъ, если хочешь.

31 марта.

Вещи въ Женеву пришли, все хорошо. Стало, къ 15 сборъ. Сегодня небо ясно, и солнце блеститъ. Я встаю въ 6 часовъ утра и ложусь около 11. Кормятъ здѣсь порядочно, и цѣны такъ себѣ. Англія здѣсь царитъ; pale-ale ⁴⁾, Диккенсъ, мелочи,—все на манеръ англійск. и Англ.; въ самомъ дѣлѣ, англичане на каждомъ шагу. Въ отелѣ цѣлая семья русскихъ купцовъ изъ Казани, они меня боятся.

Прощай. Кажется, больше нечего писать, до послѣзавтра.

По части антикритики. Будь увѣренъ, что для почты и для фіакровъ нѣтъ различія въ Rue de Seine и Rue de la Seine, г. de Sorbonne и г. de la Sorbonne, г. Choiseul и rue de Choiseul.

Если ты не остановишься въ Hôtel Fleury, то совѣтую, остановиться въ Hôtel des Deux Mondes, 8, rue d'Antin, за комнату возьмутъ не менѣе 5 фр., но тихо.

Какъ же это тебѣ было некогда сказать объ... ⁵⁾; я думаю, это слѣдовало сдѣлать.

Прощай.

P. S. Пожалуйста, вели отыскать ливрезоны «Донъ Кихота»,—я, все же, ихъ забылъ, и это мнѣ очень досадно; пошли ихъ съ книгами. Не забудь,—я Ольгѣ уже обѣщалъ. Попроси Тхор. взять еще вышед. ливрезоны у книгопродавца на Regent street.

¹⁾ Мордвиновъ, Александръ.

²⁾ Руководящихъ, «передовыхъ».

³⁾ Хотя немножко.

⁴⁾ Пэль-эль, сортъ легкаго пива.

⁵⁾ Слово не разобрано.

Если не достанетъ денегъ, тотчасъ извѣсти; до 20 фунт. всегда можно прислать на Ротш., или вели достать Тхоржевск., а я вышлю; онъ достанетъ.

2580. Письмо къ сыну.

4 апрѣля 1865.
Cannes, Gr. Hôtel.

Сегодня нашъ центръ тяжести, l'important ¹⁾ Огар., ѣдетъ изъ Лондона въ Парижъ, и, вѣроятно, всѣ мы соберемъ къ 15 въ Женеву, Château de la Boissière, route de Chêne (или Chesne).

Переѣздъ этотъ кладетъ черту, начинается новый періодъ, вѣроятно, послѣдній или, навѣрное, предпослѣдній нашей дѣятельности.

Отъ 1847 до 1852—феврал. революція и Ницца,
отъ 1852 до 1865—Лондонъ и типографія,
отъ 1865—типографія и Женева.

Послѣзавтра мнѣ ¹⁾ 53 года; еще лѣтъ пять, maximum семь работы—и на покой. Надобно упрочить органъ—и ни одного чело-вѣка ни вдали, ни вблизи. По этому всему я не шуточно смотрю на post tenebras lux ²⁾).

Въ Ниццѣ было все печально-хорошо,—цвѣты, памятникъ и тотъ же Рокка. Гробики поставили у самаго памятника,—мѣста много для всѣхъ. Ницца будетъ нашимъ могильнымъ городомъ. Передъ отъѣздомъ мы еще туда съѣздимъ и, можетъ, 6-го; потомъ буду ждать письма отъ Ог. объ его путешествіи.

5 апрѣля.

Отъ Мейзенъ получилъ письмо и завтра имъ посылаю деньги. Пусть онѣ живутъ хоть до конца мая, а мы постараемся устроиться до тѣхъ поръ.

Въ Ниццѣ наслѣдникъ спрашивалъ одного изъ военныхъ, «слышалъ ли онъ, что одинъ изъ нашихъ злодѣевъ ³⁾ былъ въ Ниццѣ и теперь въ Каннѣ?», въ силу чего за русскими присмотръ, чтобъ не таскались въ Каннъ.

Можетъ, завтра я поѣду въ Ниццу; къ 15 думаю выѣхать. Дни Лизы Nat. взяла Turner. Кого-нибудь было необходимо: она

¹⁾ Несмѣняемый.

²⁾ Послѣ мрака—свѣтъ.

³⁾ Т.-е. Герценъ,

пропадаетъ съ тоски; Nat. психическое состояніе ни на волосъ не лучше.

Обнимаю тебя.

P. S. Шарл. ¹⁾ деньги отданы до 1-го июля; то, что я заплатилъ д-ру за лѣчение, я тебѣ не заплатилъ (мальч. было лучше). Это значитъ, что ты уже забралъ за 1865 годъ 3,125—и ост. 1,875. Seien Sie ökonomisch! ²⁾ ¹

◆◆ 1. На оборотѣ чернового листка сохранилась слѣдующая схема бюджета Герцена того времени:

Max. Budget. — 50,000.

A-x. — 8000

Ol. — 6500 (съ М. Мейзенбургъ—М. Л.).

Tata — 3500

Og. — 5000

23000

Расх. 24000 (по своему дому—М. Л.).

47000 (всѣ цифры означаютъ франки—М. Л.).

Огарева писала Е. Некрасовой: «Герценъ имѣлъ 50,000 фр. дохода, изъ нихъ тратилъ на всѣхъ (всего менѣе, кажется, на себя), 10. т. фр. уходило на типографію, 6 т.—Огареву (но когда намъ присылали изъ Россіи, мы отдавали ему); 21,000 — Ольгѣ съ (ея воспитательницей) Мейзенбургъ, Татою и Сашей. На расходы ему самому оставалось 13 т. фр.—съ перѣздами, туалетами, расходами по дому и на домашнихъ» («Рус. Вѣд.» 1903 г. № 109). Какъ видно, Огарева и здѣсь ошибалась..

2581. Письмо къ О. А. Герценъ и М. Мейзенбургъ.

(8—9 апрѣля 1865).

Вотъ, милая Ольга, для тебя календарь съ маршрутомъ.

Апрѣль 10.—Ага ѣдетъ изъ Парижа въ Женеву,

11.—приѣдетъ туда.

12.—Мы ѣдемъ въ Ниццу,

13.—пробудемъ тамъ,

14.—возвращаемся въ Cannes,

¹⁾ Шарлотта Гетсонъ.

²⁾ Будьте экономны!

- 15.—субб. Ёдемъ въ Женеву,
 16.—отдыхъ (въ Лионѣ или въ Авиньонѣ).
 17.—*Женева*,—ровно годъ послѣ праздника
 въ Теддингтонѣ.
 18.—придетъ отъ васъ письмо или будете писать.
 19.—Огаревъ проспигъ до 2-хъ-часовъ.
 20.—Фогтъ будетъ хохотать.

Чернецкій «сумраченъ, тихъ, на ступеняхъ типо-
 графiи» ¹⁾.

Тхорж. Съ тремя щеками, веселый и довольный.
 Долгор. Клюеть, какъ канарейка, зернышки.

Май—Поѣдетъ Тата, Мальв., Ольга въ Женеву,
 приѣдутъ въ Женеву.
 Фогтъ будетъ хохотать.

Юнь—Ага проспигъ до 2^{1/2}.

Лиза предложитъ ѣхать на ослахъ.

Юль, Августъ, Сентяб.... Цѣлую тебя засимъ.

P. S. Посылаю съ Келиңгер. всѣмъ по карточкѣ съ варіаці-
 ями; брошюру отдайте Гакстраузену ²⁾.

Liebe kapitolinische Malvida. Vor zwei Tagen habe ich 1,000 fr.
 geschickt,—check auf's Rothschildisches Haus.

Nun also sind sie selbst nicht mehr gegen die Schule (den Brief-
 habe ich bekommen v. Levitzki)—c'est une victoire, une Madgenta....
 Wie ich nur nach Genf komme—werde ich alle Schulen sehen. Vogt
 ist gegen alle aristokratische ¹⁾ Pensione. Wir werden probieen — und
 ganz rechenschaftlich—das Resultat annehmen.

Jetzt müssen Sie schon nach Genf schreiben:

Château de la Boissière, route de Chêne, Genève. Ogareff schreibt
 aus Paris, dass er ganz wohl sich befindet. Er geht heute nach Genf.
 Wir warten auf seinen Brief von da.

Salve—

et bonjour ³⁾.

¹⁾ Шутливое подражаніе стихамъ изъ «Мессіады» Клопштока въ пе-
 реводѣ Жуковскаго:

Сумраченъ, тихъ, одинокъ, на ступеняхъ подземнаго трона
 Зрѣлся, отъ всѣхъ удаленъ, серафимъ Абаддона.

²⁾ Августъ, баронъ, † въ 1866 г.

³⁾ Милая капитолійская Мальвида! Два дня тому назадъ я выслалъ
 1000 франковъ чекомъ на фирму Ротшильда.

Итакъ, теперь вы сами уже больше не противъ школы (письмо полу-
 чилъ я отъ Левицкаго), это—побѣда, Маджента... Какъ только я приѣду въ
 Женеву, я осмотру всѣ школы. Фогтъ противъ всѣхъ аристократическихъ

2582. Письмо къ Н. А. Герценъ.

9 апрѣля (1865); воскр.
Cannes.

Милая Тата, я очень доволенъ твоимъ послѣднимъ письмомъ и твоимъ подаркомъ. Я давно не хохоталъ такъ отъ души, какъ надъ Наполеономъ; благодари за меня пріятельницу и пришли еще экземпляръ или привези пару съ собой. Также много смѣялся я надъ твоей статьей; у тебя есть рѣшительный талантъ именно къ этимъ Genre-bilder'амъ ¹⁾ въ литературѣ и талантъ разговорнаго слова. Но два замѣчанія: одно мѣсто длинно и вяло, —этого надобно избѣгать, —это нѣмецкій разговоръ въ ателье съ твоей товаркой; второе замѣчаніе идетъ къ невѣдѣнію о значеніи и употребленіи нѣкоторыхъ словъ въ русскомъ языкѣ, напримѣръ, слово «ярыжный», «ерническій видъ» не употребляется, просто не употребляется безъ, особенныхъ причинъ и считается подлымъ. Этого надобно тщательно избѣгать. Пиши больше, бери рамы пошире, я буду съ тобой вмѣстѣ читать и подчищать. Вотъ поэтому тебѣ очень полезно пожить со мной въ Женевѣ. Да, еще: талантъ талантомъ, но вкусъ только образуется чтеніемъ; читать и перечитывать надобно нѣсколько книгъ, а потомъ надобно читать и новыя. Много ли ты прочла Диккенса? Впрочемъ, твой день не окончился, и въ немъ Швабе еще мало пушить.

Отчего тебѣ Саша до сихъ поръ не посылалъ поясъ? неужели онъ его потерялъ.

Завтра ѣдетъ отсюда Келингеръ къ вамъ. Я его не знаю и потому абстенируюсь ²⁾ посылать что-нибудь важное, книжное, но Лиза шлетъ свои работы. Она бойко и съ бойкими ошибками говоритъ по-французски, необыкновенно умна и все еще сильно шалитъ. Въ русскій языкъ она вставляетъ уморительно французскія слова; вчера она говор.: «какія я видѣла прелестныя *водныя планты*» ³⁾.

пансіоновъ. Мы попробуемъ и къ результату отнесемъ вполне расчетливо.

Теперь вы должны писать уже въ Женеву:

Château de la Boissière, route de Chêne, Genève.

Огаревъ пишетъ изъ Парижа, что онъ чувствуетъ себя вполне хорошо. Сегодня онъ выѣзжаетъ въ Женеву. Мы ждемъ его письма оттуда.

Будьте здоровы

и до свиданія.

¹⁾ Жанровымъ картинамъ.

²⁾ S'abstenir—воздерживаться.

³⁾ Plante—растеніе, трава. Очевидно, эта манера заимствована ею отъ самого Герцена.

Одна изъ страстей ея теперь—гастрономія (и притомъ она ѣсть очень мало), разбираетъ соусы, знаетъ всякія названія. Вообще, она сильно скучаетъ, особенно въ дурную погоду. *Nat.* не поправляется,—она сладить съ ударомъ не можетъ.

Прощай.

2583. Надпись для О. А. Герценъ.

Два пана, экзаменующіе Ольгу или совѣщающіеся послѣ экзамена.

10 ап. 1865.

2584. Поправки и дополненія.

Намъ пишутъ, что русскій генераль съ нѣмецкой фамиліей, съ котораго Муравьевъ назначилъ польскую справу, не *Остенъ-Сакенъ*, а *Корфъ* и что не графъ *Потоцкій*, а гр. Браницкій просилъ отсрочки у самодержца, ограниченнаго Муравьевымъ. Хотя замѣна именъ и не измѣняетъ фактовъ, но спѣшимъ сдѣлать эту поправку.

Передъ нами одно письмо изъ Литвы и одно изъ Москвы.

Въ первомъ подробно разсказана исторія неистовства надъ трупомъ отрока, о которомъ мы говорили въ прошломъ листѣ. Дѣло выходитъ, что эту гнусность выкинулъ не Муравьевъ-рѣге, а Муравьевъ-филс. Что за счастье этому человѣку,—онъ можетъ спокойно закрыть послѣдній глазъ и утонуть въ собственной водѣ, имѣя такого достойнаго сына и наслѣдника: «18 января с. г. въ м. Ужвенты Ковенской губерніи Шавельскаго уѣзда, за участіе въ борьбѣ Польши за независимость, разстрѣляли ученика шавельской гимназіи (стало-быть, мальчика, а не молодого человѣка) Тавтовича. Несчастная мать убиеннаго вымолила у шавельскаго военнаго начальника полковника Тинькова позволеніе похоронить тѣло въ семейномъ склепѣ. Узнавъ объ этомъ, ковенскій губернаторъ, сынъ Вѣшателя, предписалъ жандармамъ арестовать участвовавшихъ въ вырытіи тѣла, разбить семейный склепъ Тавтовичей, вынуть изъ него трупъ мальчика и зарыть опять на мѣстѣ казни. Полковникъ же Тиньковъ за мягкосердіе немедленно былъ смѣненъ».

Это второе изданіе Муравьева должно быть великолѣпно. О его прежнихъ дѣлахъ намъ случалось не разъ слышать и говорить. Но вотъ новая черта, сообщаемая тѣмъ же письмомъ. Му-

равевъ jun., прищпоривая усердіе своихъ чиновниковъ, нѣсколько разъ повторялъ имъ: «Я покажу вамъ, что я не мой ополячившійся отецъ!». Онъ, вообще, находить, что отецъ старъ и недобольно энергично дѣйствуетъ, что онъ сталъ мягокъ. Вотъ каковы нынче сыновья! Это все послѣ «Отцовъ и дѣтей» пошли такіе опрокинутые Бруты ¹⁾.

Письмо изъ Москвы состоитъ изъ подробностей *конституціонной аитаціи*, къ которымъ прибавлены выписки изъ «Вѣсти». Подробности не всѣ удобны для печати. Скажемъ одно: искренно жаль, что первыя свободныя слова, произнесенныя публично и долею, навѣрное, людьми, горячо желающими добра, не найдутъ, по ихъ *mésaillanc'amъ* ²⁾ сочувствія; они поднялись, какъ блуждающіе огни изъ топкаго болота, и должны были исчезнуть, какъ огни. Судите сами. Вотъ что пишетъ «Вѣсть» въ 4 №: «Изъ Москвы 9 января. Вы уже знаете, что г. Ростовцовъ (*какой?*) сдѣлалъ въ дворянскомъ собраніи предложеніе о выраженіи сочувствія гг. Каткову и Леонтьеву за ихъ полезную дѣятельность и желанія, чтобъ они продолжали эту дѣятельность. Многіе находили, что дворянскому собранію не время заниматься этими вопросами. Однакоже, по уѣзднымъ столамъ стали подписывать письмо на имя К. и Л. Но дальнѣйшая подпись была остановлена письмомъ самихъ гг. К. и Л., которые просили не давать дальнѣйшаго хода этому дѣлу.

9 января г. Безобразовъ сказалъ нѣсколько словъ о важныхъ заслугахъ г. Каткова. Онъ упомянулъ, что этотъ человекъ раздавилъ змѣю, которая распространяла ядъ въ нашемъ молодомъ поколѣніи, и разбилъ *презрѣнный* «Колоколь». Другая его заслуга состоитъ въ ратованіи за ту мысль, которою мы всѣ переполнены,—мысль о единствѣ Россіи».

Затѣмъ вотъ отрывокъ изъ очень неуклюжей, тяжелой рѣчи графа Орлова-Давыдова. Говоря о финансовомъ разстройствѣ Россіи, ораторствующій графъ вдругъ ни къ селу; ни къ городу прибавляетъ:

«Я вижу въ настоящее время не одно матеріальное разстройство; я вижу еще попытки съ разныхъ сторонъ потрясти всѣ нравственныя основы и колебать наши вѣрованія и всѣ тѣ нравственныя понятія, въ которыхъ мы были воспитаны. Съ какою цѣлью переводятъ на нашъ языкъ и печатаютъ книги въ родѣ Бокля (!!!), отвергающаго всякое участіе провидѣнія въ человѣческихъ дѣлахъ? Я спрашиваю, съ какою цѣлью распускаютъ между крестьянами

¹⁾ Какъ извѣстно, Брутъ осудилъ на смертную казнь собственныхъ сыновей за участіе въ заговорѣ противъ республики. — Слѣдовало длиннѣе продолженіе письма изъ Литвы.

²⁾ *Mésaillance*—неравный бракъ.

дешевя книжки и ими знакомятъ крестьянъ съ именемъ Бунзена (!), который первый подалъ мысль о сочиненіи новой Библии и новаго Евангелія, приспособленнаго къ настоящимъ понятіямъ? Развѣ нельзя было сослаться, по случаю *благотворительныхъ женщинъ*, ни на кого *изъ отцовъ* церкви? А если нужно современное имя, развѣ нельзя было вспомнить о Гизо въ Парижѣ, о Навилѣ ¹⁾ въ Женевѣ, о Чальмерсѣ ²⁾ въ Англии? Какъ же возможно было въ самой Москвѣ не вспомнить объ одномъ, еще ясномъ и еще горящемъ свѣтилѣ, о томъ пастырѣ, который имѣетъ самыя обширныя понятія во всѣхъ религіозныхъ дѣлахъ и который привлекаетъ тысячи слушателей въ Успенскій соборъ?» (*иромкое одобреніе*).

Грязно-кровоавое пятно, которое на себя взяло московское помѣщичество непрошленнымъ заявленіемъ своей нѣжности къ палачеству, поддерживаемому муравьевской веревкой и чернилами «Московскихъ Вѣдомостей», оно не смоетъ. Пятно это, какъ и слѣдуетъ, пойдетъ въ родовое наслѣдство столбовымъ олигархамъ Московской губерніи. Безъ всякаго вызова, безъ всякой нужды, безъ общественной опасности, въ то время, когда весь свѣтъ съ изумленіемъ, съ отвращеніемъ смотритъ на безпримѣрное въ нашъ вѣкъ звѣрство смертныхъ казней, продолжающихся послѣ побѣды, — люди, домогающіеся свободы и человѣческихъ правъ, жмутъ руку Маратамъ царизма, куртизанамъ палачей. Они начинаютъ свой лепетъ о представительныхъ правахъ съ того, что задобриваютъ похвалами и гостинцами панегиристовъ Муравьева, и кончаютъ крикомъ папской эциклики ³⁾.

Неужели эти господа, въ самомъ дѣлѣ, думаютъ, что, подерживая кровавое гоненіе цѣлаго народа, рабство мысли и науки, они достигнутъ до монополіи свободы, такъ, какъ потворствуя всему скверному, что прежде дѣлало правительство, они достигли до монополіи рабства?

Никогда! ⁴⁾

¹⁾ Жюль-Эрнстъ, швейцарскій протестантскій писатель.

²⁾ Александръ, англ. писатель, составитель 'General biographical Dictionary'.

³⁾ Отчего корреспондентъ нашъ не прислалъ рѣчи Голохвостова? Сдается, что она дѣлнѣе прочихъ. Нельзя ли ее достать? А. И. Г.

⁴⁾ Какъ ~~от~~ костей мы прогнали отъ рабства, какъ для насъ чуждо всякое независимое дѣйствіе, какимъ *конституціоннымъ* сифилисомъ помѣщичьяго, фельдфебельскаго и педельскаго деспотизма заражена вся наша кровь, это поразительно! Рядомъ съ нелѣпостью Давыдова-Орлова, требующаго отчета, почему переводчики Бокля не переводятъ Навиля, и почему не говорятъ о Филаретѣ, когда хотятъ говорить о Бунзенѣ, посмотрите эту синодальную квартальную злобу, съ которой накинута Катковъ на какого-

Еще слово. Теперь мы вполнѣ вѣримъ, что «Колоколь» — сила». Безобразовъ поставилъ поправленіе его въ первую заслугу г. Каткова, а спасеніе единства Россіи во вторую. «Нордъ» еще прежде, въ какомъ-то опытѣ надгробной рѣчи г. Каткову, сказалъ, что Россія до конца дней не должна забывать, что издатель «Московскихъ Вѣдомостей» стеръ насъ съ лица земли.

Но мы должны крѣпко огорчить друзей г. Каткова—vos morts et vos mourants se portent assez bien ¹⁾).

Презираемый Безобразовымъ, разбитый, «Колоколь» звонитъ, *зоветъ живыхъ*, какъ прежде, будетъ звать, и это еще вопросъ, для насъ не вовсе ясно рѣшенный, что дольше останется: нашъ ли звонъ или нынѣшнее направленіе «Московскихъ Вѣдомостей»?

2585. Запросы сановникамъ.

Въ списокѣ лицъ, которымъ воспрещенъ вѣздъ въ Россію, находится *принцъ Наполеонъ*, т.-е. ни болѣе и не мѣнѣе, какъ императоръ Наполеонъ III. Списокъ этотъ есть въ Таурогенѣ, въ Вержболовѣ и пр. и пр., онъ печатный. Противъ имени принца отмѣчено: «*учтиво отклонить*».... Что касается до учтивости, то нашъ самодержецъ пломбы и таможенъ Войтъ за себя постоитъ, а все какъ-то не по-братски самому кататься по Франціи до самыхъ анексайцій ²⁾, а Наполеона Войтомъ учтиво отклонять отъ самой границы.

Рядомъ съ этимъ нескромнымъ вопросомъ навѣртывается другой: не скажетъ ли намъ г. Ждановъ, производившій слѣдствіе по симбирскому пожару, много ли открыто нигилистовъ, много ли поляковъ, а главное—не скажетъ ли чего-нибудь насчетъ несчастія, постигнувшаго канцелярію подполковника Бендеревскаго, сдѣлавшуюся жертвою хищной стихіи, точно такъ же, какъ и канцелярія его предшественника, поглощенная той же ненасытной стихіей?

то русскаго купца, построившаго на свой счетъ иновѣрческую церковь!— Мы не скажемъ, какъ Платонъ: «возстани, Петръ». Нѣтъ, пусть лежитъ на мѣстѣ. Много сдѣлалъ онъ намъ вреда, онъ окочательно сломилъ уваженіе къ личной волѣ. А. И. Г.

¹⁾ Ваши покойники и даши умирающіе чувствуютъ себя довольно хорошо.

²⁾ Аппехе — имѣніе, присоединенное къ собственнымъ владѣніямъ. Намекъ на пребываніе членовъ царской семьи въ Ниццѣ.

2586. (Л. Самаринъ и Н. Бекеневъ).

Двое молодыхъ людей, Л. Самаринъ, вольный слушатель петербургскаго университета (22 лѣтъ), Н. Бекеневъ, гимназистъ (19 лѣтъ), были подвергнуты государственнымъ совѣтомъ чрезвычайно опасному милосердію государя и вышли изъ него рядовыми солдатами. Виновны эти юноши, такъ жестоко пораженные монаршимъ милосердіемъ, «въ покушеніи на принятіе участія въ бывшемъ въ западныхъ губерніяхъ мятежѣ», и за это покушеніе, за намѣреніе участвовать государственный совѣтъ счелъ ихъ достойными «лишить всѣхъ правъ состоянія и казнить смертю». Но, взявъ въ разсмотрѣніе, что молодые люди ровно ничего не сдѣлали, кромѣ самовольной прогулки, государственный совѣтъ принялся изыскивать средства смягчить ихъ участь; ближайшее облегченіе было бы казнить ихъ смертю, не лишая правъ состоянія, но, вѣроятно, и это казалось совѣту слишкомъ строгимъ. Перебравши купно съ извѣстнымъ экспертомъ всякаго милосердія и смягченія — съ вилежскимъ Муравьевымъ, онъ дошелъ до слѣдующей думы въ своемъ мнѣніи:

«Приступая къ избранію для подсудимыхъ одного изъ сихъ наказаній, государственный совѣтъ не могъ не замѣтить, что хотя высочайше утвержденнымъ 22 марта 1860 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта и воспрещено отдавать за преступленія въ военную службу, но дѣйствіе сего закона, за силою ст. 70 основ. госуд. зак., не должно распространяться на настоящее дѣло, какъ принадлежащее къ числу тѣхъ, для коихъ именно изданъ законъ специальный, изображенный въ высочайше утвержденныхъ 11 мая 1863 года правилахъ. Признавая посему, что къ винѣ Самарина и Бекенева долженъ быть примѣненъ этотъ послѣдній законъ, и имѣя въ виду, что сіи подсудимые, по выраженнымъ ими чувствамъ полного раскаянія и молодости лѣтъ, подають надежду на исправленіе, въ особенности при строгомъ за ними надзорѣ ближайшаго начальства, государственный совѣтъ нашелъ болѣе удобнымъ отдать ихъ въ солдаты. По всѣмъ симъ соображеніямъ, государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ: участь Самарина и Бекенева повергнуть монаршему милосердію».

Какъ штука ни проста, но князь Падель Павловичъ ¹⁾ ее выдумалъ не безъ grano salis ²⁾: «хотя, молъ, наказаній и много, но

¹⁾ Гагаринъ.

²⁾ Обычно говорятъ: cum grano salis, что значитъ: со щепоткой соли; или — съ ироніей.

мы выберемъ то, которое государь воспретилъ 22 марта 1860 и разрѣшилъ 11 мая 1863 года. Надобно же ему напомнить, что нельзя мѣнять законы, какъ лампы и выпушки, а вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо воспользоваться, чтобъ дать огласку высочайшей пакости, чтобы впредь государь былъ осмотрительнѣе». Если-бъ это было безъ намѣренія, на что же совѣту было выводить на справку отмѣну и отмѣну отмѣны?

А молодые люди пошли въ солдаты за «намѣреніе участвовать».

Тутъ все хорошо: и царское милосердіе и юридическій смыслъ совѣта. А прогос къ совѣту.

Бутковъ попалъ подъ телеграммы... Помнится, до мірового пожара была мода ставить старичковъ на юбилей; ставили Вяземскаго и Сухозанета, Ковалевскаго и Греча, Миллера и Шульца; послѣ пожаровъ юбилей замѣнились телеграфическими душами отъ всѣхъ подчиненныхъ всѣмъ начальникамъ, отъ купцовъ—великимъ князьямъ, отъ всѣхъ любящихъ казни—Муравьеву и пр. и пр. Отыскивая новыхъ субъектовъ, сыщики великихъ подвиговъ добрались и до нашего «général Routkoff»¹⁾. Его благодарятъ за юридическую реформу, его и Павла Павловича Гагарина—разные помѣщики, слѣлавшіеся аматерами законовѣднія и объдающіе въ честь реформы, что во всякомъ случаѣ не такъ свирѣпо, какъ объдать въ честь казней. Кто слѣдующій?

2587. Письмо къ Н. А. Огаревой.

(11 апрѣля 1865). 8 часовъ вечера.

Мы телеграфировали часъ тому назадъ. Фрелиха рекомендуютъ профессора Furster и пр. Dupré. Я многое обдѣлалъ сегодня; буду ждать телеграмму и поѣду, если можно, въ 3 часа 30, а нельзя—въ 8 вечеромъ *въ четверть*. Огар. остается ждать отъ меня телеграмму.

Часа два тому назадъ я послалъ 100 франк. въ застрахованномъ пакетѣ; полагаю, что это письмо придетъ раньше того.

Мишле писалъ къ профессору Martin, и еще будетъ писать René Taillandier²⁾.

Итакъ, до свиданья.

¹⁾ Такъ называли В. П. Буткова петербургскія кокотки.

²⁾ Французскій писатель, много способствовалъ ознакомленію Франціи съ иностранными литературами.

2588. Письмо къ Н. П. Огареву.

12 апрѣля (1865).
Cannes.

Послѣднее твое письмо отъ воскресенья пришло какъ слѣдуетъ. Ждемъ извѣстія прямо изъ Женевы. А, все же, ты—величайшій чудакъ. Отчего же ты не поѣхалъ въ Маконъ? Вѣдь, головы тебѣ не отрубили бы, если бы ты не черезъ 4 часа поѣхалъ, а черезъ 14, дорога же была бы раздѣлена. Это-то я и рекомендовалъ.

Вчера у Natalie сильно разболѣлись зубы; сегодня d-г Бернацкій ей вырвалъ зубъ. Это остановило (и то, что ждемъ твоего письма) поѣздки въ Ниццу, а потому и все остановится на 24 часа. Если успѣемъ, то поѣдемъ въ субботу, въ 3 часа; въ Марсели можно ночевать; воскресенье, въ 11 изъ Марсели и въ понедѣльникъ, въ 3 *въ Женеву*. Но все это зависитъ, но съ зубной болью можетъ быть и не такъ, а потому жди еще письма.

Получилъ письмо отъ Долгорукова. Чернецкій, стало, съ понедѣльника въ Женевѣ. Я полагаю, что счетъ его надобно принять, сказавши, что это—подарокъ. Свыше 60 фун. компанія, какъ ты называешь, не обязана тратить, но затѣмъ отъ его наивности надобно взять положительныя мѣры. Съ начала 1863 Чернецкій мнѣ стоитъ (помимо «Колокола») больше 12.000 фр., и не только мнѣ нѣтъ «спасибо» за это или признанія, но и онъ самъ и ты самъ меня браните. Все это вмѣстѣ затруднить мои сношенія съ нимъ. И если-бъ можно было всю экономич. часть передать Касаткиму, я былъ бы счастливѣйшій смертный.

5 часовъ.

Письмо твое пришло. Оно насъ обрадовало тѣмъ, что все шло отлично. И я-то ликую, «яко страхъ дороги попраля» въ предвидѣніи. Насчетъ паки и паки Чернец. я не вижу ни малѣйшаго резона тратить на ящики и отсылку въ Widening 1.000 фр. и запишу ему это въ долгъ. Что у него 20 ф. долга, мнѣ тоже дѣла нѣтъ. Лучше было бы ему подарить 5.000 фр. и оставить его въ Лондонѣ.

«Колоколъ» получилъ и пробѣжалъ, да запнулся за «энцикликвизитику» ¹⁾—вотъ штука-то!

(1610).

и за «посланныя телеграфическія думы» ²⁾.

¹⁾ Опечатка на стр. 1610 «Кол.», вмѣсто «энциклику».

²⁾ Опечатка, вмѣсто «души», на стр. 1612.

Катковъ насъ объявить спятившими.

А Касаткину поклонъ.

Завтра ѣдемъ въ Ниццу, въ субботу въ Марсель и, слѣд., отпи casu¹⁾, приѣдемъ во вторникъ, а дальнѣйшій срокъ—въ среду.

Изъ Ниццы напишу.

По полученіи этого письма больше не пиши, а, если очень нужно, телеграфируй въ Ниццу: Hôtel du Nord, до 15-го, 2-хъ часовъ.

2589. Письмо къ старшимъ дочерямъ.

12 апрѣля (1865), среда.
Cannes.

Милая Тата,

Завтра ѣдетъ одинъ изъ здѣшнихъ Waiter'овъ²⁾ въ Римъ. Я его, разумѣется, мало знаю и потому напишу нѣсколько строкъ, а Лиза сама наработала разныхъ разностей. Брошюра для Гакстаузуена. Въ письмѣ есть всѣмъ фотографіи.

Письмо твое отъ 4 получилъ только вчера. На-дняхъ я писалъ къ тебѣ. Что же значить, что ты не получила поясъ? Я его Сашѣ отдалъ въ Montpellier. Напиши ему.

Жду съ минуты на минуту письмо отъ Огар. изъ Женевы; Чернец. уже тамъ. Сегодня мы ѣдемъ въ Ниццу на два дня, 15—въ Женеву черезъ Гренобль и Шамбери.

Огар. писалъ изъ Парижа, что ему очень хорошо (въ отношеніи къ здоровью), и я очень жалѣю, что отговорилъ его приѣхать сюда: можно было бы провести превосходно недѣли двѣ.

Каменная монашенка, должно быть, поретъ вздоръ. Вообще, нѣмецкихъ мнѣній старайся не принимать.

P. S. Если Waiter . . .³⁾ приставать подарить . . . нибудь изъ старыхъ . . . моихъ (фотографій) или . . . съ лучшаго ¹/₂, дюжины копій . . . ему, въ Парижѣ копіи дѣлаютъ по франку. . . .

Оля, ты получишь— . . . картинку, представляющую, какъ я разсуждаю самъ съ собою послѣ твоего экзамена въ Женевѣ. Смотри же, готовься для него:

¹⁾ Во всякомъ случаѣ.

²⁾ Гарсомовъ.

³⁾ Многоточіе означаетъ мѣсто оторванныхъ словъ.

- α)—читать contentement ¹⁾ по-русски,
 писать подъ диктовку,
 β)—idem по-французски,
 читать стихи ²⁾);—

и только. А въ музыкѣ не экзаменъ, а ты дашь мнѣ концертъ; тебѣ цѣлый мѣсяцъ на приготовленіе.

Съ чего вы взяли, что мое рожденіе 7? оно 6-го:

$$\begin{array}{r} 25 \text{ марта} \\ 12 \\ \hline 37 \\ \text{вычесть } 31 \text{ день} \\ \hline 6. \end{array}$$

2590. Письмо къ Н. П. Огареву.

13 апрѣля (1865).
 Cannes.

Вчера, въ 6 часовъ вечера пришла телеграмма изъ Монпелье, что Алек. Алексѣев. ³⁾ туда пріѣхалъ. Natalie ему писала, по моему совѣту, что въ субботу, въ 9 вечера мы будемъ въ Марсели въ Petit Hôtel du Louvre и вмѣстѣ поѣдемъ въ Женеву.

Мы отправляемся сегодня въ Ниццу.

Думаю, что Ал. Ал. пріѣхать въ Ниццу при мнѣ было бы предосудительно.

Вотъ и все. Милѣйшій М. ⁴⁾ здѣсь налицо. Онъ тебѣ сильно кланяется. Книга получена, которую онъ выписывалъ.

Итакъ, до понедѣльника или вторника.

Какое-то вліяніе будетъ Ал. Ал. на Natalie? Мое равняется нулю.

2591. Письмо къ Н. П. Огареву.

15 апрѣля 1865.
 Ницца.

Сегодня въ 2 и ³/₄ ѣдемъ въ Марсель и пріѣдемъ туда въ 9—20. Далѣе dictatorship ⁵⁾ пути передается Ал. Ал., отъ котораго

¹⁾ Удовлетворительно.

²⁾ Я ничего не прибавилъ съ 1860 года, когда мы были въ Winghamouth'ѣ. А. И. Г.

³⁾ Тучковъ.

⁴⁾ А. Мордвиновъ.

⁵⁾ Диктаторство.

телеграмма въ отвѣтъ на нашу пришла. Я подалъ голосъ ѣхать завтра, 11—30 утра въ Лионъ и, пріѣхавши туда, лечь спать, а въ 9—30, въ понедѣльникъ ѣхать въ Женеву и въ 3 быть у васъ, если же Ал. Ал. захочетъ днемъ опоздать, то, *omni casu*,—во *вторникъ, въ 3 часа*. Наконецъ, предвидится покой, и то еще издали. А и теперешняя жизнь крѣпко надоѣла; слишкомъ бесплодно перевертываются послѣднія страницы жизни и въ дурной тревогѣ. Я поэзіи камня, т.-е. неподвижности браминской и твоей, не особенно люблю, но двигаться и не двигаться надобно съ покоемъ внутри.

Что-то выйдетъ изъ посѣщенія Ал. Ал.? Вѣроятно, мы съ нимъ ни въ чемъ не будемъ согласны, кромѣ въ воспоминаніяхъ.

Кладбище, т.-е. могила дѣтей, теперь усыяно цвѣтами. (Жаль, что ты не отвѣчалъ насчетъ надписи, я бы при себѣ заказалъ).

...Но все было бы, т.-е. могло быть, въ мракѣ свѣтлѣе, если бы Nat. сколько-нибудь гуманизировала свое отчаяніе.

Съ М. ¹⁾ простился вчера вечеромъ. Онъ — славный малый. Старикъ Бернацкій такъ привязался къ намъ, что ѣздилъ провожать въ Ниццу. Nat. онъ зубъ выдернулъ хорошо, а денегъ взять ни за что не хотѣлъ.

Дворъ здѣсь притаился. Государыня уѣзжаетъ тихо, *sans adieu* ²⁾. Сегодня уходитъ часть русской флотиліи,—не удалось! Говорятъ, что завтра будетъ въ Россіи указъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія литературы и о полюбовной цензурѣ. Затѣмъ прощай и до свиданія.

Если хочешь, достань «La Presse» отъ 13 апрѣля и прочти *leading*.

Кланяйся старцу ³⁾ и Виктору ⁴⁾.

Вѣроятно, въ Каннѣ найдемъ твое письмо. Насъ на станціи будутъ ждать Бернацкій и гарсонъ изъ отеля.

2592. Письмо къ сыну.

18 апрѣля (1865).

Château de la Boissière, R-te de Chêne, Genève.

Вчера, въ 4 часа пріѣхали мы въ Буасьеръ. Домъ великолѣпный, тутъ только жить да похваливать, всѣмъ мѣста черезъ край. ¹⁾

¹⁾ А. Мордвиновъ.

²⁾ Не простившись, безъ проводовъ.

³⁾ Декабристъ Поджіо.

⁴⁾ Касаткинъ.

Погода тоже отличная. Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Cannes пришла телеграмма о приѣздѣ Ал. Ал. Тучкова въ Montpellier. Мы съ нимъ дали rendez-vous въ Марсели и вмѣстѣ приѣхали въ Женеву. Огарева я нахожу гораздо лучше прежняго, даже въ лицѣ перемѣна къ лучшему очевидна.

Переѣздъ Чернецк. и типографіи поглотилъ страшно много денегъ, да, по счастью, Грантъ взялъ Ричмондъ.

Письмо это назначено для того, чтобы извѣстить о нашемъ приѣздѣ, а потому пошли его въ Римъ—и прощай.

Отчего Тата не получила поясъ?

◆◆ 1. «Château de la Boissière былъ старинный швейцарскій замокъ съ террасами во всѣхъ этажахъ. Внизу были кухня и службы, въ первомъ этажѣ большая столовая, гостиная и кабинетъ, гдѣ Герценъ писалъ; изъ широкаго коридора былъ входъ въ просторную комнату, занимаемую Огаревымъ. Наверху были комнаты для всѣхъ насъ, т.-е. для меня съ дочерью, для Натальи Герценъ и для Мейзенбургъ съ Ольгой... Château ds la Boissière стоялъ въ большомъ тѣнистомъ саду, передъ домомъ простирался обширный зеленый газонъ, окаймленный дорожками, которыя спускались внизъ до огорода; за садомъ шла большая дорога въ Женеву» (Огарева, «Воспоминанія», 232).

Герценъ «жилъ нѣсколько за городомъ, въ роскошной виллѣ, извѣстной подъ именемъ Château Boissière, которую занимала передъ этимъ какая-то русская великая княгиня. Вилла походила, дѣйствительно, на дворецъ: большія высокія комнаты, богатая мебель, кругомъ тѣнистый садъ. Герценъ любилъ жить широко, принимать, давать обѣды, а вмѣстѣ съ тѣмъ—странная особенность—онъ во все время своего почти 25-лѣтняго пребыванія за границей жилъ въ гостиницахъ или въ меблированныхъ домахъ, что было и неудобно, и дорого. Воспитанный въ барской обстановкѣ отцовскаго дома, располагая значительными средствами, онъ могъ, казалось бы, стремиться обзавестись своимъ собственнымъ хозяйствомъ, соотвѣтствующимъ его требованіямъ и вкусамъ. Но, видно, онъ былъ рожденъ кочевникомъ: онъ переѣзжалъ изъ города въ городъ, перевозя всѣ свои пожитки въ небольшомъ кожаномъ чемоданѣ; иногда, кромѣ чемодана, былъ еще ящикъ съ книгами. Книгъ у него было довольно мало; уѣзжая, онъ большѣю частью оставлялъ ихъ на мѣстѣ, съ намѣреніемъ потомъ перевезти, и покупалъ, когда было нужно, ту же книгу нѣсколько разъ. Даже чернильница, изъ которой вышло столько блестящихъ произведеній и съ которой онъ никогда не разставался, была одна изъ тѣхъ

маленькихъ «походныхъ» чернильницъ, очень удобныхъ въ прежнія времена, когда не во всѣхъ гостиницахъ можно было найти различныя письменныя принадлежности» (Вырубовъ, «Вѣст. Европы», 1913, I, 55). Вырубовъ—свидѣтель достовѣрный, но и онъ не избѣгъ ошибокъ, напр., «чемоданъ»; разумѣется, имущество Герцена, даже его личное, не считая семьи (платье, бѣлье, домашнія вещи и пр.), занимало не одинъ «небольшой кожаный чемоданъ», еще нѣсколько мѣстъ направлялись всегда заботами Тхоржевскаго, Чернецкаго или прислуги, но, конечно, такъ, что провожавшіе или встрѣчавшіе Герцена не посвящались въ эти чисто домашнія подробности.

2594. Письмо къ С. Тхоржевскому.

24 (апрѣля 1865), понедѣльникъ.

Панъ ясновельможный, когда приѣдете, привезите Огаръ книгу «Sur la situation de la Russie», экземпляра три или четыре. О газетахъ я писалъ кн. П. Вл. ¹⁾, Бризингеру писалъ; книги будутъ доставлены; стало, Трюбнеръ долженъ при счетѣ исключить. Сколько экз. «Колок.» ему слѣдуетъ посылать по почтѣ и сколько черезъ книгопродавца? Не забудьте въ счетѣ поправить цѣну; gabais ²⁾ мнѣ долженъ быть 50⁰/₁₀, а не 35. Домъ хорошъ, т.-е. красивъ, но не совсѣмъ удобенъ. Для Трюбнера—ему это надо знать—мѣста нѣтъ. Впрочемъ, здѣсь отели во всѣ цѣны, и онъ можетъ помѣститься дешево. (Здѣсь теперь гостить у насъ отецъ Нат. Ал.). Для васъ комната готова. Чернецк. нанялъ небольшую квартиру, 400 фр. въ годъ; для типографіи мы наняли за 500. Высылаете ли вы Вуколовичу «Колок.»? Если нѣтъ, поплите съ 1-января. Да, скажите непременно Трюб., что изъ Вюрцбурга я получилъ жалобу отъ русскихъ, во-1-хъ, въ томъ, что Sturler ³⁾ получаетъ «Колоколь» очень поздно, а *съ 1 марта вовсе не получаетъ*, пусть же онъ вышлетъ; да и Висконти въ Няццѣ жаловался: послѣд. «Кол.» до него не дошелъ. Зачѣмъ онъ такъ мало занимается этимъ дѣломъ?

Что дѣлаетъ Чеконе? ⁴⁾

Я буду сейчасъ писать въ почтамтъ въ Кельнѣ.

За «Punch» благодаримъ. Прощайте.

¹⁾ Долгоруковъ.

²⁾ Скидка съ номинальной цѣны.

³⁾ См. стр. 57.

⁴⁾ Жихоня.

Когда поѣдете, не забудьте захватить пару новыхъ сапогъ отъ Лизвета (Reg. st.).

Не забудьте захватить медаль и форму. Левицкій сдѣлалъ превосходный 'портретъ (визит кар.) мой; если кто желаетъ, напишите, сколько заказать (цѣна розн. 1—50 cent., а вамъ и книгопрод. по франку).

2595. Письмо къ М. К. Рейхель.

24 апрѣля 1865.

Любезнѣйшая Марія Каспаровна, поздравляю васъ съ моимъ сосѣдствомъ. Вотъ мы и въ Бюасьеровкѣ, и вы должны писать такъ: Château Boissière, Route de Chêne, Genève.

Опять былъ я въ Ниццѣ. Рокка... Пачелли былъ и не засталъ. Всѣ мѣста cari luoghi ¹⁾ и своего рода застѣнки и лобныя мѣста... Нашелъ прежняго садовника и пр.

Ницца посыпана русскими, отъ нихъ было тамъ холодно въ апрѣлѣ; горы были посыпаны снѣгомъ—для императрицы, вѣроятно.

Тата съ Ольгой пріѣдутъ въ концѣ мая, Саша—въ юнѣ; что дальше, не знаю. Здѣсь теперь Ал. Ал. Тучковъ, пріѣхалъ навѣстить Нат. Ал. Погода превосходная.

Прощайте. Цѣлую вашихъ.

Гмшите новости изъ Россіи. Бѣдный Егоръ Ив.

2596. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову.

27 апрѣля (1865).

Ch. Boissière.

Задали вы мнѣ задачу не легкую. Конечно, здѣсь есть богатѣйшій банкиръ Odier и банкъ кантональный и общій швейцарскій, тотъ, въ которомъ Фази царствовалъ, и мн. др. Но я думаю, что желѣзнаго ящика довольно. Если вы не такъ думаете, то я пресерьезно совѣтую вамъ положить ваши деньги и бумаги въ кантональный фрейбургскій банкъ; они тамъ рискованныхъ дѣлъ не имѣютъ и выдаютъ деньги по 3% за капиталъ. Документы будутъ подъ охраной самого правительства.

Впрочемъ, что узнаю, сообщу.

¹⁾ Дорогія мѣста.

Я къ вамъ писалъ дня три тому назадъ и забылъ поставить «London», дошло ли письмо?

Что скажете насчетъ Линкольна ¹⁾? Каковы южане?! Вотъ гдѣ ассасины... ²⁾ Что то «Таймсъ» и «Монитеръ» скажутъ.

А смерть наслѣдника? ³⁾

А кретинизмъ его брата? ⁴⁾

Очень интересно. Когда государь ѣхалъ, Конст. Ник. убѣждалъ его Муравьева отозвать. Государь, дѣйствительно, принялъ Муравьева плохо и даже сказалъ: «Тебѣ бы не худо полѣчиться» — такъ и уѣхалъ. Конст. Ник. былъ въ юбилеи ⁵⁾, а Алекс. взялъ да изъ Эйдткунена и прислалъ телеграмму: Муравьева не трогать.

Я собираюсь писать только по поводу наслѣдника.

Затѣмъ прощайте. Всѣ вамъ усердно кланяются. Огар. продолжаетъ быть здоровымъ: еще обморока не было ни разу.

Жуковского, дѣйств., выгоняютъ изъ Лозанны за неимѣніемъ вида.

Затѣмъ еще мой птиверъ-ольный ⁶⁾ поклонъ Тхоржевскому. Когда онъ ѣдетъ? Газеты отъ него получилъ, но мало: «Моск. Вѣд.» по числу «Инвалида».

2597 Письмо къ сыну.

9 мая 1865.

Ch. Boissière, Route de Chêne.

Любезнѣйшій Саша, сегодня утромъ я получилъ отъ Мальвиды письмо. Она желаетъ: 1) денегъ, 2) моихъ распоряженій насчетъ пути, 3) *idem* насчетъ Иды ⁷⁾. Обо всемъ я уже писалъ, послалъ 500 фр., сказалъ, чтобы онѣ признали; Иду такъ же мало надобно, какъ *Epsilio* ⁸⁾, и ее не возить никоимъ образомъ. 40 фр. въ мѣсяцъ горничной—*zu dumm* ⁹⁾, надобно жить проще. Ѣхать во Флоренцію дозволяю, но долго жить — опять траты и потому полагаю *одну недѣлю* достаточной.

¹⁾ Президентъ С.-А. Соед. Штатовъ, былъ убитъ въ театрѣ 14 апрѣля.

²⁾ Убийцы.

³⁾ Умеръ въ Ниццѣ 12 апрѣля.

⁴⁾ Впослѣдствіи Александръ

⁵⁾ Въ восторгѣ.

⁶⁾ *Petite vérole*—оспа.

⁷⁾ Горничная.

⁸⁾ Собака Ольги.

⁹⁾ Слишкомъ глупо.

Если-бъ я зналъ, я выѣхалъ бы самъ на дорогу за Simplon, на берегъ Сото, что ли. Можемъ списаться, если ты будешь отвѣчать тотчасъ.

Я имъ не телеграфировалъ, потому что дорого, да и не нужно. Онѣ хотятъ ѣхать 15-го.

Климатъ здѣсь удивительный: съ нашего приѣзда всякій день лучше и, вѣроятно, до декабря такъ и будетъ. Домъ мнѣ меньше нравится, чѣмъ прежде, но садъ и окрестности превосходны.

Если онѣ, все-таки, взяли горничную, то пусть ей заплатятъ деньги ѣхать назадъ. Я не предполагалъ, что можно нанимать горничную за 480 фр. въ годъ.

Жду отвѣта.

У Огар. были опять два обморока.

Сер.-Солов. совсѣмъ сошелъ съ ума; его Черкесовъ возить по свѣту и разсѣиваетъ. Утинъ здѣсь, исхудалый.

Они всѣ (т.-е. вся банда) въ ссорѣ между собой.

Бакунину мы пишемъ на-дняхъ. Дай ему знать, когда будутъ дѣти, или пусть онѣ съѣздятъ къ нему.

Мечниковъ здоровъ и здѣсь.

Жуковского выгнали безъ резона изъ Лозанны.

2598. Письмо къ сыну.

12 мая 1865.

Boissière.

Я писалъ къ тебѣ 9-го и пишу ѓ томъ же. Типографія наша устанавливается очень медленно, и врядъ могу ли я ѣхать навстрѣчу, какъ думалъ. Дѣло въ томъ, что я хочу напечатать поскорѣе письмо къ государю по случаю смерти его сына. Впрочемъ, напиши мнѣ подробно о ихъ планѣ, о вашемъ планѣ. Пусть онѣ пробудутъ съ тобой отъ недѣли до 10 дней. Ты съ ними ѣдешь или нѣтъ? Необходимости нѣтъ. Соображай все съ твоими занятіями. Далѣе, горничной ихъ не нужно, и, если онѣ привезли ее, отправь ее на мой счетъ обратно. Здѣсь не слыхано — платить 40 фр.; я полагаю, что и въ Римѣ это была чистая роскошь.

Сегодня ѣдетъ отсюда вчера приѣхавшій Піанчани; онѣ объ тебѣ отзываются съ большой дружбой и, вообще, sauf ¹⁾ маленькаго кусочка, недостающаго въ правой ноздрѣ, хорошій человекъ.

¹⁾ За исключеніемъ.

Домъ не такъ удобенъ, какъ я думалъ, то-есть онъ весь пожертвованъ для парадныхъ комнатъ, но размѣстимся всѣ и съ Тхоржевскимъ, который wpłyваетъ въ Буассоньерку 15 мая. Что-то зимой будетъ съ Мальвидой? Я готовъ имъ нанять (съ Ольгой) на три зимнихъ мѣсяца пансионъ возлѣ colleg'a. Самъ я рѣшительно займусь, по-своему, довоспитаніемъ Таты. Она, я думаю, сдѣлаетъ огромную пользу Лизѣ. Nat. потеряла послѣднія способности воспитывать; когда Лиза шалить, она плачетъ, говоритъ о смерти и пр. Miss Turner—дурочка, но добрая, т.-е. и не дурочка, а англичанка,—по-англійски это еще не такъ глупо. Теперь она живѣе; Тата можетъ изъ нея вылѣпить что-нибудь. Здоровье Огар. было очень хорошо, но въ послѣднюю недѣлю опять два, даже мы подозрѣваемъ, три припадка, и онъ опять мрачнѣе; не пьетъ ничего и даже избѣгаетъ фортепяно. Какое существованіе и какая сила такъ томно тухнетъ... а тутъ рядомъ Фази—ему 75 лѣтъ. Онъ съ дѣтства пилъ, развратничалъ, тратилъ себя на все и теперь пьетъ, развратничаетъ и тратитъ, если не силы, то сотни тысячъ въ годъ.

Прощай.

Дѣтямъ.

Съ прїѣздомъ поздравляю и жду васъ. Дѣйствительно, по словамъ Фогта, здѣсь есть великій учитель пейзажистъ, старикъ, учившій Калама ¹⁾).

Для русской грамоты двое, изъ нихъ одинъ — Жуковскій, котораго выгоняютъ безъ причины изъ Лозанны ²⁾).

2599. Письмо къ сыну.

15 мая 1865.

Boissière.

Сегодня получилъ отъ Мальвиды письмо; изъ него зрю, что онѣ 16 или 17 во Флоренци; что горничную не берутъ; что заняли 300 фр., на которые не даю родительское благословеніе, но, чтобъ окончательно поставить предѣлы, я разрѣшаю истратить еще 200 и въ томъ числѣ дорога. Не думаю, чтобъ мнѣ удалось ѣхать за Simplon, Чернецкій медленень и, несмотря, что тотъ же

¹⁾ Alexandre Calame, знаменитый швейцарскій художникъ; прославился изображеніемъ альпійскихъ видовъ.

²⁾ Конецъ письма оторванъ.

Даничъ здѣсь, nichts geht vom Stapel ¹⁾). Мнѣ досадно, что Тата не имѣеть вовсе туалета; какъ же вы будете фетировать ²⁾ Данте ³⁾?

Теперь слушай чудо за чудомъ и, сверхъ того, все исполни.

Редакція «Juventa» адресовалась къ Огареву, прося русскихъ стиховъ для Данте. Огаревъ взялъ да и написалъ. Здѣсь составляется славянскій серкль ⁴⁾ изъ разныхъ орфографическихъ невозможностей: Трелщетневичъ, Плкевичъ, Хрящъ, Борщъ, Трхи-Прилуцкій и т. п.; оңи хотѣли послать письмо и телеграмму и выбрали президентомъ ad hoc Огарева.

Вчера мы послали телеграмму на имя comité du Dante и другую въ «Juvent'у» сегодня по почтѣ. Тебѣ же Огар. и я поручаемъ сейчасъ справиться, все ли получено, и, если нѣтъ, снять копию со стиховъ и отдать имъ.

Объ отъѣздѣ (который ни въ какомъ случаѣ не долженъ итти далѣе конца мая) пишите очень подробно: день, дорогу и пр., чтобъ, если вздумается, я могъ телеграфировать.

Новость важная — паденіе Муравьева, но отчего Кауфмана, а не Шлезингера посадили на его мѣсто, я не знаю ⁵⁾.

2-ая новость еще важнѣе: Серно-Соловьев. ⁶⁾ и всѣ соассу-ses ⁷⁾, слѣд., и Налбандовъ отдѣлались удивительно. С.-С. приговаривали къ 20 год. каторжной работы, другихъ тоже, но на меньшій срокъ, а подтверждено — сослать С.-С., кажется, въ Восточ. Сибирь, другихъ кого въ дальніе города, кого просто подъ надзоръ полици. Это ужъ не дѣйствіе ли сыновней смерти... Сообщи объ этомъ сейчасъ Бакунину. ¹

Огаревъ седьмую седмицу собирается писать къ тебѣ и къ Бакун., и я все собираюсь. Ну, пусть же онъ не сердится; если на одну старуху бываетъ проруха, то на двухъ стариковъ и недавно.

Скажи ему, что Мурав. сдѣлалъ все возможное: умолялъ, просилъ, чтобъ Огрызко повѣсится, — не удалось, однако, его отправили на 20 лѣтъ въ каторгу.

Кто сказалъ Мальвидѣ, что наша Буасьерка на озерѣ? Она отъ него верстахъ въ двухъ, и за деревьями озера не видать. —

¹⁾ Дѣло не двигается съ мѣста.

²⁾ Feter — праздновать.

³⁾ 600-лѣтіе со дня рожденія.

⁴⁾ Cercle — кружокъ.

⁵⁾ Кауфманъ и Шлезингеръ — издатели литографированныхъ заграничныхъ корреспонденцій. На мѣсто Муравьева былъ назначенъ К. П. Кауфманъ.

⁶⁾ Николай А.

⁷⁾ Сообвиняемые.

Лѣтомъ и до половины декабря, можетъ, до новаго года будетъ не дурно, aber wenn der Winter kommt ¹⁾, Мальвида можетъ жить возлѣ colleg'a. (Фамилія музыканта—Прокешъ, Ог. его хвалить).

Сегодня или завтра является Тхоржевскій, а потомъ prince Pierre Dolg.

Главное, что я узналъ теперь, это — что легко можно жить и не въ Женевѣ, хоть во Фрейбургѣ, оставляя типографію здѣсь..
Прощай.

Il giorno di Dante ²⁾.

Суровый Дантъ не презиралъ сонета..

Пушкина.

Италія, земного міра цвѣтъ,
Страна надеждъ великихъ и преданій,
Твоихъ морей плесканіе и свѣтъ
И синій трепеть горныхъ очертаній
Живутъ въ тиши моихъ воспоминаній,
Подобно снамъ роскошныхъ юныхъ лѣтъ!
Италія! я шлю тебѣ привѣтъ
Въ священный день народныхъ ликованій!
Но въ этотъ день поэта «вѣчной муки»
Готовъ умы къ концу твоихъ невзгодъ,
Чтобъ вольности услышалъ твой народъ
Завѣтные торжественные звуки
И пусть славянь многовѣтвистый родъ
Свободныя тебѣ протянетъ руки.

Женева.

Н. Огаревъ.

Огар. перевелъ стихи эти на франц. прозу; если-бъ ты и Бакун.. умѣли смастерить прав. переводъ, выправленный (тоже въ прозѣ), было бы лучше.

Займись всѣмъ этимъ.

◆◆ 1. Сенатъ опредѣлилъ 10 декабря 1864 г. слѣдующія наказанія: Н. А. Серно-Соловьевичу — каторжная работа въ крѣпостяхъ на 12 лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда; Ветошникову и Н. Владимірову—лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ Сибирь на поселеніе навсегда; Петровскому—заключеніе въ крѣпости на 1 годъ; А. А. Серно-Соловьевичу, Касаткину и В. Кельсievу—лишеніе всѣхъ правъ состоянія и вѣчное изгнаніе изъ предѣловъ государства; Бени—заклученіе въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца и высылка за границу съ воспрещеніемъ навсегда вѣзда въ Россію..

¹⁾ Но когда придетъ зима.

²⁾ День Данте.

Налбандяну—высылка въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Россіи подъ строгій надзоръ полиціи; Воронова, Потѣхина, Гаевского, Каншина, Альбертини и И. С. Тургенева—освободить отъ суда. Государственный совѣтъ призналъ возможнымъ ходатайствовать о смятеніи участи Н. Серно-Соловьевича и Ветошника, чтобы по лишеніи всѣхъ правъ состоянія поселить ихъ въ Сибири навсегда. 30 марта государь согласился.

По болѣзненному состоянію, удостовѣренному С. П. Боткинъ, Налбандянъ въ 1865 г. былъ посланъ въ Камышинъ Саратовской губ. Въ 1866 г. ему было разрѣшено отправиться на кумысное лѣченіе вблизи Самары, но въ апрѣлѣ 1866 г. Налбандянъ умеръ, не дождавшись этого разрѣшенія. Въ началѣ мая тѣло его было доставлено въ Нахичевань. Тамъ гробъ былъ встрѣченъ съ необыкновеннымъ триумфомъ и почетомъ, съ образами, хоругвями, музыкою, при стеченіи почти всего населенія города», — доносилъ изумленный жандармъ своему шефу. «Потомъ перевезенъ въ армянскій Крестовоздвиженскій монастырь, за 5 верстъ отъ города, и тамъ погребенъ; хотя въ этомъ монастырѣ никого не хоронятъ. Архимандритъ монастыря въ надгробномъ словѣ именовалъ покойника невиннымъ страдальцемъ»... Все это послужило поводомъ создать длинное «дѣло» за такую «демонстрацію хитрыхъ армяшекъ», кончившееся разнообразными карами въ отношеніи администраціи и духовенства Нахичевани. Въ 1869 г. тамъ вышла на армянскомъ языкѣ брошюра «Лазарь Парфійскій», переводъ и объясненіе Михаила Налбандяна, составленное въ 1868 г. Михаиломъ Теръ-Григоріанцемъ. Въ этой брошюрѣ помѣщена біографія Налбандяна. Въ 1879 г. были выпущены его портреты, также бывшіе поводомъ репрессій (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 76).

2600. Письмо къ сыну.

18 мая (1865).
Ch. Boissière.

Письмо твое я получилъ, любезный Саша. Все было бы хорошо, но траты дѣтей конфузятъ всѣ мои счета и бюджеты. Я полагаю, что 1,000 фр. въ мѣсяцъ довольно; оказывается, что и это мало; я полагаю, что, заплативши путь, будетъ довольно; теперь выходитъ, что Мальвида заняла; ты поднесъ счетъ и еще 500 фр.... Неужели вы не знаете, что я получаю, и неужели справедливо тратить больше 15,000 въ годъ тогда, когда возлѣ Шиффъ

тратить 4,500, по твоимъ словамъ? 15 тыс. я охотно даю, но ты-сячи двѣ въ 64 году да столько же въ нынѣшнемъ—этого не вы-несетъ никакое хозяйство. Къ тому же, истощая всѣ средства, вы отнимаете у меня удовольствіе сдѣлать для васъ какой-нибудь extra. Продолжаться такъ не должно; 500 фр. я посылаю—ну, и довольно. Переѣздъ Чернецк. и типогр. меня положили въ лоскъ. Какъ только американскіе фонды совсѣмъ взойдутъ au pair ¹⁾, я начну *половинный надѣлъ* твой и Таты, — учитесь сами управляться и оставаться въ рамкѣ.

Ѣхать надѣбно самой дешевой дорогой и, слѣд., самой короткой; я не поѣду. На-дняхъ, т.е. въ понедѣл., ѣду въ Vevey къ Ольгѣ Ив. Люнъ; я ее зналъ дѣвочкой 16 лѣтъ; когда ты родился, она была на твоихъ крестинахъ. Была здѣсь (и теперь здѣсь) Филипповичева ²⁾; ты помнишь по рассказамъ? Она очень желаетъ васъ видѣть.

Прощай.

Veni, sponsa, da Libano ³⁾.

Милости просимъ; для васъ комнаты только потому не готовы, что сами можете выбрать по слѣдующему чертежу ⁴⁾ въ натурѣ. Лѣтомъ всѣмъ будетъ хорошо, зимой—всѣмъ дурно.

2601. Письмо къ Ж. Мишле.

(22—23) Mai 1865.
Hôtel des Alpes.

Cher Monsieur Michelet,

Je suis à Montreux pour quelques heures; pouvez-vous me donner une demi-heure pour vous serrer la main. Je me mets à déjeuner maintenant—dans un quart d'heure je suis libre jusqu'à 4 heures. Pourtant je dois prévenir que je suis en habit de voyage, inondé par la pluie.

Je voudrais aussi voir Monsieur Quinet, si je trouvais le temps pour me sécher.

Votre tout dévoué

Alex. Herzen.

¹⁾ До номинальной цѣны, до нарицательной стоимости.

²⁾ Лариса Дм. Филипповичъ.

³⁾ Гряди, невѣста, съ Ливана.

⁴⁾ Слѣдуетъ чертежъ дома.

Переводъ.

Дорогой г. Мишле,

Я проведу въ Монтре нѣсколько часовъ; не подарите ли вы мнѣ полчаса, чтобы пожать вамъ руку? Сейчасъ я сажусь завтракать и черезъ четверть часа буду свободенъ до четырехъ. Все же, долженъ васъ предупредить, что я въ дорожномъ платьѣ, промокшемъ отъ дождя.

Хотѣлъ бы также повидать г. Кинэ, если бы у меня было время, чтобы просохнуть.

Преданный вамъ

Алекс. Герценъ.

2602. Письмо къ императору Александру II.

Государь,

Судьба неумолимо, страшно коснулась Васъ. Грозно напомнила она Вамъ, что, несмотря на помазаніе, ни Вы, ни ваша семья не освобождены отъ общаго закона, — Вы подъ нимъ. Она два раза отмѣтила семейство ваше: разъ остріемъ косы и разъ ея тупой стороной — смертью вашего сына и странными слухами насчетъ его брата.

Къ безчисленному числу польскихъ семей, повергнутыхъ въ глубокое горе, потерявшихъ сыновей своихъ, прибавилась еще семья въ траурѣ, это — ваша семья, Государь. Она счастливе ихъ, — ея горе не будетъ оскорблено. Между нами, противниками вашей власти, не найдется ни одного бездушнаго негодяя, который проводилъ бы гробъ вашего сына обидой, который хотѣлъ бы сорвать трауръ съ матери или сестры, отнять тѣло у родителей и могилу у слезъ... всего того, что дѣлали и дѣлаютъ ваши Муравьевы въ Польшѣ.

Въ жизни людской есть минуты грозно торжественныя; въ нихъ челоуѣкъ пробуждается отъ ежедневной суеты, становится во весь ростъ, стряхаетъ пыль и обновляется: вѣрующій — молитвой, невѣрующій — мыслью. Минуты эти рѣдки и невозвратимы. Горе, кто ихъ пропускаетъ разсѣянно и безслѣдно! Вы въ такой минутѣ, Государь; ловите ее. Остановитесь подъ всей тяжестью удара съ вашей свѣжей раной на груди и подумайте, только безъ сената и синода, безъ министровъ и штаба, подумайте о пройденномъ, о томъ, гдѣ Вы и куда идете.

Если и смерть сына не может Васъ разбудить, исторгнуть изъ дребезжащей и призрачной среды, въ которую Васъ поставило ваше рожденіе, то что же Васъ разбудить? Развѣ, одно лишеніе престола, т.-е. пустота и печальный досугъ, всегда сопровождающіе вдовство этого рода. Но такое позднее пробужденіе будетъ, можетъ, хорошо для Васъ, но бесполезно *для другихъ*. А эти другіе, когда рѣчь идетъ о Васъ, — *весь народъ русскій*. Вотъ это-то и нудитъ меня неотступно опять писать къ Вамъ.

Первое письмо мое не прошло даромъ. Невольный крикъ радости, вырвавшійся изъ дали добровольной ссылки, подѣйствовалъ на Васъ. Вы на минуту забыли, что я по рангу не имѣю права говорить съ Вами.

Языкъ свободнаго человѣка былъ для Васъ новъ, Вы въ его рѣзкихъ словахъ поняли искренность и любовь къ Россіи, — Вы тогда еще не ссылали утопіи на каторгу, не привязывали къ позорному столбу человѣческой мысли. Это былъ медовый мѣсяцъ вашего воцаренія, онъ заключился величайшимъ актомъ всей династїи вашей — *освобожденіемъ крестьянъ*.

Побѣдившій галилеянинъ, Вы не умѣли воспользоваться вашей побѣдой, Вы не умѣли удержаться на той высотѣ, на которую Васъ ставилъ манифестъ 19 февраля. Вашу шаткость замѣтили, Вы были дурно окружены, Васъ увлекли.... и Вы сошли съ вашего пьедестала при свѣтѣ какого-то горячаго рынка, опираясь на тайную полицію и явно подкупленную журналистику. Вы испугались, повѣривши нелѣпой клеветѣ, и не догадались, что это — клевета, даже и тогда, когда всѣ ваши инквизиціи и инквизиторы, работая до пота лица цѣлый годъ, съ той ширью средствъ, съ той безответственностью, которыми располагаетъ русская полиція, не нашли ни одного виновнаго.

Васъ испугали нѣсколько печатныхъ листовъ, въ которыхъ раскованное слово послѣ тридцатилѣтняго молчанія перешло цензурную мѣру. Васъ испугалъ крикъ вашими же министрами подкупленныхъ журналовъ и голосъ тѣхъ же совѣтниковъ, которыхъ корыстные совѣты Вы отвергли въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, и Вы начали бой съ молодымъ поколѣніемъ, — бой грубой власти, штыковъ, тюремъ противъ восторженныхъ идей и вдохновенныхъ словъ. Вашъ предшественникъ воевалъ въ Польшѣ съ дѣтьми, Вы воюете въ Россіи съ юношами и отроками, повѣрившими Вамъ и вашимъ органамъ, что для Россіи настала новая эпоха.

Съ потухающимъ заревомъ этого несчастнаго пожара и Вы блѣднѣете, черты Ваши теряются, Вы отступаете на второй планъ, и, вмѣсто Васъ, выставляется знакомая намъ система отпора и

угнетенія, безправія лицъ, беззаконности судныхъ комиссій — система вашего отца съ прибавленіемъ риторики и крови,

русской крови, во-первыхъ.

Какой несчастный, черный день былъ для Россіи, и какой черный грѣхъ Вы приняли на душу, когда, подъ вліяніемъ паническаго страха и клеветы вашихъ клеветовъ, Вы разрѣшили себѣ *кровь* — и, еще хуже — облекли вашихъ генераловъ правомъ ее лить, какъ будто, Вы не знали, кто они.

Неужели Вы спокойно спали, когда падали, сраженные пулями, то Антонъ Петровъ, то Арнольдтъ, Сливицкій и др.? Неужели Вы не оцѣпенѣли отъ ужаса, когда въ Нижнемъ разстрѣливали по подозрѣнію, а въ Кіевѣ — за драку и грубые отвѣты? Вы не могли привыкнуть къ убійству и не могли шутя тушить жизни, какъ карнавальные свѣчки, — между Вами и Петромъ полтора ста лѣтъ.

Прошедшее нѣмо, самодержавіе не простирается на него. Убитыхъ Вы не воротите. Искупите вину вашу передъ живыми и, стоя у гроба вашего сына, отрекитесь отъ кровавой расправы. Возвратите намъ нашу гордость, что при всей неразвитости нашего законодательства въ немъ не было смертной казни, и палачъ показывался на помостѣ, пугая цѣлыя поколѣнія своимъ *незаконнымъ* появленіемъ, разъ или два въ столѣтіе.

...Подумайте, какъ измѣнилось ваше положеніе съ тѣхъ поръ, какъ Вы сѣли на престолю. Тогда Вамъ стоило свободно итти, вести; Вы освобождали крестьянъ, отъ Васъ всѣ ждали добра, чего-то хорошаго; тогда Вы хоронили прошедшее... Теперь мрачно около Васъ, дѣла застряли, денегъ нѣтъ, избивается цѣлый край, юноши идутъ на каторгу, учителя народа идутъ на каторгу, на гласисахъ крѣпостей вѣшаютъ, разстрѣливаютъ, и Вы хороните ваше *будущее*.

Да, Государь, теперь настала минута, въ которую Вамъ надо рѣшиться, который изъ вашихъ путей Вамъ продолжать... Надгробный памятникъ вашего сына становится на дорогѣ указательнымъ знакомъ и грѣзнымъ напоминовеніемъ.

Рѣшитесь, не дожидаясь второго удара, — можетъ, тогда будетъ поздно, можетъ, онъ будетъ слишкомъ силенъ.

Вы видите ясно и едва можете скрыть, что старая машина, ржавая и скрипучая, устроенная Петромъ на нѣмецкій ладъ и прилаженная нѣмцами на русской, негодна больше. Вы видите, что нельзя больше управлять народомъ въ семьдесятъ милліоновъ, какъ дивизіей. Фронтъ не стоитъ больше «смирно». Есть люди говорящіе, думающіе, недовольные, догадавшіеся въ Крыму, что команда плоха. Есть люди, знающіе, что подъ Альмой, подъ Инкерманомъ, на

Черной пала не Россія, а петербургскій regimentъ. Вы знаете, кто не пережилъ Евпаторіи и кто пережилъ самый Севастополь, утеръ слезу и порохъ и пошелъ впередъ. Вы все это прожили и пережили и думаете, что замѣною откупа акцизомъ и Земскаго Собора земскими учрежденіями Вы удовлетворили Россію?

Если Вы это думаете, то это оттого, что Вы не знаете, ни о чемъ страдаетъ Россія, ни чего она хочетъ. И какъ же Вамъ знать? Печать не свободна, да и Вы мало читаете. Видите Вы однихъ слугъ, зависящихъ отъ васъ, лгущихъ передъ Вами! Свободныхъ людей, поднимающихъ голосъ, Вы казните. Былъ человекъ, убѣжденный, что Вы хотите добра Россіи, молодой, чистый и благородный; онъ пробился до Васъ. Вы велѣли Орлову его поцѣловать въ 1859 году, а въ 63 бросили его въ казематъ, гдѣ онъ теперъ въ ожиданіи сентенціи, это — Серно-Соловьевичъ. Былъ крестьянинъ, вѣровавшій въ Васъ, видѣвшій въ Васъ своего «земскаго царя», восторженный фанатикъ; онъ откровенно, горячо написалъ Вамъ письмо, въ которомъ говорилъ о нуждахъ народныхъ, написалъ его изъ Лондона и самъ передалъ себя въ ваши руки, — Вы его послали въ рудники. Вы съ безпримѣрной свирѣпостью осудили единственнаго замѣчательнаго публициста, явившагося въ ваше время, а знаете ли, что писалъ Чернышевскій, въ чемъ состояло его воззрѣніе, въ чемъ опасность, преступность? Можете ли Вы на этотъ вопросъ отвѣчать самому себѣ? Изъ нелѣпѣйшей сенатской записки Вы ничего не могли понять.

Ясно, что нужны голоса громче и сильнѣе, чтобъ перекричать трубы и литавры, Васъ окружающія; чтобъ слова перешли за кавалергардовъ, за «опричниковъ», какъ недавно было сказано..... Для чего же Вы отдаляете истину, для чего Вы обманываете себя, что Вы, помимо народнаго совѣта и вольной рѣчи, вывезете садящуюся на мель петровскую барку въ широкое русло?

Дѣлайте что хотите, разстрѣливайте или давайте кресты, посылайте на каторгу или на кормленье, склоняйтесь на сторону Муравьева и его русскихъ заплечныхъ мастеровъ или на сторону нѣмцевъ и ихъ балтійскихъ цивилизаторовъ, — самовластія въ его николаевской дѣвственности и чистотѣ Вы не сохраните и не восстановите.

Вы сильнѣе вашихъ предшественниковъ, но Вы сильнѣе ихъ *освобожденіемъ*. Союзъ вашъ съ народомъ не долженъ Вамъ отводить глаза. Въ вѣнцахъ изъ колосевъ и сельскихъ цвѣтовъ, которые Вамъ подносятъ старосты и войты, есть опасныя терніи и сѣмена вредныхъ растений для власти. Вы стали ближе не во имя консервативной идеи, а во имя *революціоннаго начала*, во имя демо-

кратического нивелированія дворянъ и признанія аграрнаго начала въ поземельномъ надѣлѣ. Ветшавшая петровская порфира упрочена подкладкой пугачевского кафтана.

Взгляните ясно и просто съ Монблана, на который Васъ поставила судьба, разгоняя стаи галокъ и воронъ, имѣющихъ право приѣзда ко двору,—и Вы увидите, что лавированіемъ между казеннымъ прогрессомъ и полицейской реакціей Вы далеко не уѣдете и сведете себя на одинъ бесплодный отпоръ, и притомъ—на отпоръ неоткровенный и лишенный единства.

Не лучше ли же, не доблестнѣе ли порѣшить общія дѣла общими силами и созвать со всѣхъ концовъ Россіи, со всѣхъ слоевъ ея выборныхъ людей? Среди ихъ Вы услышите строгія сужденія и свободныя рѣчи, но будете безопаснѣе, чѣмъ былъ вашъ дѣдъ, окруженный рвами, стѣнами и лейбъ-гвардейскими эспонтами ¹⁾ въ подобострастной нѣмотѣ Михайловскаго дворца.

Судьба, касаясь холодной рукой смерти до вашей семьи, оставила Васъ,—воспользуйтесь этимъ. Вы собирались итти дальше тѣмъ страшнымъ путемъ, которымъ Вы идете съ половины 1862 года. Возвратитесь съ похоронъ вашего сына на прежнюю дорогу. Нигдѣ не бываетъ раскаяніе легче и очищеніе полнѣе, какъ у близкаго намъ гроба. Оно Вамъ необходимо для того, чтобъ приготовиться къ великому Земскому дѣлу.

...Но прежде всего остановите руку палача, возвратите сосланныхъ и прогоните внѣзаконныхъ судей, которымъ поручалась царская месть и неправоное гоненіе.

Не для невинныхъ жертвъ вашихъ, не для пострадавшихъ мучениковъ нужно всепрощеніе. *Оно нужно для Васъ.* Вамъ нельзя человѣчески итти дальше безъ амнистіи отъ нихъ.

Государь, заслужите ее! ¹⁾

Женева, Boissière, 2 мая 1865.

◆◆ 1. Въ «Колоколѣ» была помѣщена статья Огарева «По поводу письма Искандера къ государю (письмо къ N. N.)». Приведу отсюда наиболѣе для насъ важное.

«Почему же вы думаете, что письмо Искандера къ государю отдалить стремленіе общества къ самобытности возбужденіемъ въ большомъ числѣ читателей новой вѣры въ царскую реформу, въ которую вѣрить нечего? Почему вы видите въ этомъ письмѣ какую-то уступку «Колокола» правительству,—уступку, которая могла быть

¹⁾ Esponton — полу-пика.

только тогда, если-бъ правительство было иное или «Колоколь» имѣлъ бы иную задачу?... Что же касается до большинства читающей публики, оно могло разсердиться на письмо не только за безвѣріе, которое не хитро отыскать въ немъ, но и за какую-нибудь вѣру въ правительственныя реформы. Сущность большинства въ настоящее время — страхъ передъ разореніемъ; оно готово выказать вражду правительству за всякую реформу и поддерживать его во всякомъ подавленіи народной свободы. Поэтому оно разсердилось на письмо, будто бы, за дерзость, упрекнуло за не деликатность передъ огорченнымъ отцомъ. Были письма по поводу письма. Въ одномъ не забыта брань, но забыта подпись. Они находятъ, что письмо можетъ только раздражить и отвести государя отъ добраго дѣла (хорошо же ихъ вѣрноподданническое понятіе о немъ!).»

2603. Письма къ путешественнику. ¹

Письмо первое.

Вы меня забросали вопросами: и что дѣлается? и что дѣлать? и что читать? Какіе люди, какія книги, что внутри, что снаружи, куда идутъ, куда идемъ, гдѣ мы, что мы и правда ли то-то и правда ли это-то? О каждомъ вопросѣ можно продумать годъ, написать томъ, пожалуй, два... Дайте же срокъ, дайте привести въ порядокъ ваши вопросы и собственныя мысли, а, главное — дайте прежде всего васъ поздравить... не съ тѣмъ, что вы пріѣхали, а съ тѣмъ, что вы уѣзжали, съ тѣмъ, что васъ съ начала 1863 года вовсе не было ни въ Россіи, ни въ Европѣ. Вы чище насъ всѣми событіями, которыхъ вы не видали; вы моложе насъ всѣмъ временемемъ, котораго васъ не было налицо; вы крѣпче насъ всѣмъ здоровымъ, могучимъ, суровымъ воздухомъ, которымъ дышали по ту сторону океана... въ то время, какъ мы задыхались и исходили стыдомъ.

Кстати, я очень радъ, что вы полюбили Соединенные Штаты, что вамъ понравилась ихъ дебелая, рѣзкая красота въ противоположность сѣдымъ и повиснувшимъ прелестямъ Европы. Американская война надѣлала страшную кутерьму и окончательно спутала тощія идейки, которыми пробавлялись государственные мозги глубокомысленныхъ политиковъ...

Неправда ли, какъ демократіи и республики, управляемая «чернью», безтолковы, беспомощны и только годны для маленькихъ

кантоновъ и большихъ диссертациѣ, какъ федеральность слаба? Да и что же можно сдѣлать безъ постоянныхъ войскъ, состоящихъ въ должности саранчи въ мирное время, безъ крѣпкой централизаціи, администраціи и главное—полиціи? Все это хорошо въ книгахъ, все это—утопіи, «остроумныя мечты»!

Какой урокъ, какой ударъ! Гдѣ та монархія, имперія, королевство, гдѣ тотъ священный или проклятый союзъ помазанныхъ и непомазанныхъ царей, который устоялъ бы противъ такого распада и такого междоусобія, который выдержалъ бы такую войну на такомъ протяженіи годъ, два, три, четыре? Тутъ все непонятно человѣку «старого материка»¹⁾, потому что все ново, все въ первый разъ. Непонятно не только дипломатамъ, финансистамъ, стратегамъ, рутинерамъ, дѣльцамъ, эмпирикамъ нашего «Западно-восточнаго дивана»²⁾ (à la Gôthe, сочиненнаго на нѣмецкомъ языкѣ), но также непонятно чисто *западнымъ* диванамъ на Сенѣ и Темзѣ. Сегодня войско побито, завтра оно же идетъ впередъ... Сегодня не вѣрятъ послѣднему выпуску бумажныхъ денегъ, завтра ихъ выпускаютъ втрое больше—и дѣло поправлено. «Отечество въ опасности», поль-тѣла отщепилось и возстало, успѣхи не рѣшительны, потери страшны, и, вмѣсто понурой головы, какъ въ Австріи послѣ двухъ итальянскихъ сраженій, и, вмѣсто потерянной головы, какъ во Франціи послѣ Ватерлоо,—трансатлантической кондоръ не только дерзко смотритъ въ глаза старому міру, но еще вызываетъ его по-мѣряться въ открытую войну, вмѣсто контрабандной и воровской.

Иногда такъ и кажется, что этотъ старый міръ на новыхъ квартирахъ и есть именно *тотъ свѣтъ*, въ которомъ сохранилось все энергическое и живучее, умершее *въ этомъ*—Кромвель и 1789 годъ, пуритане и энциклопедисты, Гошъ и Марсо, суровыя личности конвента и суровые послѣдователи Кальвина. Новыя основы гражданственности въ старомъ мірѣ осѣлись въ трясинахъ вѣками накопившагося невѣжества и были занесены пылью и пескомъ всевозможныхъ развалинъ и обломковъ. Въ Америкѣ не было ни песка, ни рухнувшихъ памятниковъ, въ ней не было лаццароніевскаго осадка, низвергнутаго на дно для того, чтобъ верхніе слои прозрачнѣй отстоялись. Американское общество *не безъ души*, но зато мышцы у него покрѣпче,—это очень оскорбляетъ слабонервныхъ дѣтей европейской цивилизаціи...

¹⁾ Полагаю, что вы не забыли, что и нашихъ «предковъ» дѣлать на «обезьянъ стараго континента и обезьянъ новаго континента». А. И. Г.

²⁾ Намекъ на мѣсто, которое такъ называемый «восточный» вопросъ занималъ въ западной дипломатіи. «Westöstlicher Divan» или «Западно-восточный диванъ»—циклъ лирическихъ стихотвореній Гете.

Вы все это видѣли, осязали и жалѣете, что васъ не было ни здѣсь, ни въ Россіи. Полноте, пожалуйте! Счастье тѣмъ сыновьямъ Ноя, которыхъ не было дома, когда безобразно пьяный отецъ буянилъ и полунагой валялся на полу. Оттого, что васъ не было налицо, вамъ легче связать конецъ 1862 г. съ началомъ 1865, чѣмъ намъ; онъ немного обсохъ отъ крови и грязи, и вы не знаете, какъ онъ былъ мокръ, и какъ онъ былъ грязень.

Мы испытали на себѣ эти два года и теперь выходимъ изъ нихъ, словно, изъ больницы или дома умалишенныхъ: щупая, не обрита ли голова. Мы жили въ чаду, въ горячкѣ, въ раздорѣ съ собой, мы измѣняли разуму, слѣдуя сердцу, и измѣняли сердцу, слѣдуя разуму. Битые тяжестью каждаго дня, оскорбляемые событіями, оскорбляемые людьми, оставленные на однѣ свои силы, на свой неподдержанный протестъ, отрѣзанные отъ края,—мы подвизывали парусъ за парусомъ, ожидая, когда у пьянаго Ноя затрепщитъ голова, а, можетъ, и совѣсть, но хмель былъ силенъ и продолжителенъ. Едва теперь протрезвляются у насъ. *Завтри становаются какъ-то смиреннѣе*, они извиняютъ совершившееся, ищутъ причинъ и объясненій; годъ тому назадъ они хвастались страшными, вопіющими дѣлами, и едва теперь прежняя мысль всплываетъ надъ печальнымъ полемъ, на которомъ не обсохла еще кровь послѣ совершившейся исторической уголовщины.

Да, это было страшное испытаніе, лишь бы оно не прошло даромъ.

Смиреннѣе должны мы итти впередъ. Намъ предстоитъ трудъ, о которомъ мы не думали: намъ слѣдуетъ перевоспитать весь нравственный бытъ нашъ. Послѣдніе два года страшно обличили, сколько дикаго, звѣрскаго, узкаго, тупо-жестокаго дремало въ нашей душѣ, сколько каждый изъ насъ квартальный, помѣщикъ и палачъ. Всѣ прошлыя злодѣйства Петербурга и Зимняго дворца общество покрыло съ роскошью. Апоеозъ Муравьева былъ амністіей Бирону и Аракчееву; рукоплесканія, съ которыми встрѣчали дикія, позорныя, отвратительныя мѣры, запрещавшія полякамъ говорить польски, запрещавшія женщинамъ носить трауръ, рукоплескали съ тѣмъ вмѣстѣ избіенію стрѣльцовъ, гоненію кафтановъ и бородъ; оправданъ Петръ I, оправданъ Николай. Не въ нихъ лежало начало этого, наглаго вмѣшательства силы въ послѣднія святѣни личности, не въ нихъ, а *во насъ*. Москва и провинціи рукоплескали чему-то родному, знакомому; онѣ сочувствовали тому, что дѣлалось въ Литвѣ и Польшѣ, потому что въ душѣ лучшихъ остались элементы помѣщика и холопа, потому что у каждаго изъ нихъ была своя Литва въ деревнѣ и свои мятежники въ передней.

Ни слова о правительствѣ, ни слова о статскихъ и военныхъ генералахъ. Правительство никакого мнѣнія не имѣетъ — развѣ, Адлербергъ и компанія за него; правительство съ Муравьевымъ и съ Суворовымъ, съ братьями Милютиными и съ собственнымъ братомъ Константиномъ. Генералы имѣютъ мнѣнія генеральскія, присвоенныя ихъ рангу. Все это одѣто въ мундиръ и вѣрно своей ризѣ и своей ливреѣ. Пора перестать дивиться, что штыкъ колетъ, жандармъ доноситъ, а правительство вѣшаетъ и по надобности въ Сибирь заточаетъ. Въ послѣднихъ событіяхъ важно то, что кровавая гидра, поднявшая голову, была безъ краснаго и безъ шитаго воротника, это была гидра партикулярная, гидра англійскаго клуба и дворянскихъ сходокъ, гидра литературы и салоновъ, гидра журналістики, профессорскихъ конференцій, гидра всей псевдо-образованной Россіи. Вотъ отчего она намъ такъ ненавистна, вотъ отчего она такъ пятнаетъ насъ.

Никто послѣ горчаковскихъ нотъ и отвѣтовъ на нихъ не вѣрилъ ни въ какой 1812 годъ. Но чѣмъ безопаснѣе становилось наше положеніе, чѣмъ больше ослабѣвалъ противникъ, тѣмъ наглѣе становились мы, тѣмъ свирѣпѣе патріотствовали... Грубое, отвратительное чувство, чисто помѣшичье, чисто чиновническое «*дать себя знать*» непокорнымъ, наказать, унижить ихъ и съ тѣмъ вмѣстѣ подслужиться,—вотъ что являлось во всемъ цинизмѣ на каннибальскихъ банкетахъ, на изгнаніяхъ изъ англійскаго клуба порицателей Муравьева. Если не веревкой и не пулей, если не жертвуя ни шкурой, ни деньгами, то кулебяками и телеграммами, то оскорбленіемъ несчастнаго народа и сквернословіемъ принять участіе въ его казни...

...А тутъ добрые люди воображаютъ, что мы должны *сочувствовать* конституціонному прорѣзыванію зубовъ у этихъ московскихъ шакаловъ, которые съ самаго перваго слова безъ малѣйшей нужды привѣнчали себя Муравьеву и висѣлицѣ, *вотируя* свою чернильницу благодарности «Московскимъ Вѣдомостямъ». ² «И на насъ каплю крови, и на насъ комокъ грязи; дайте и намъ потянуть кончикъ веревки, хоть послѣ казни!» Пожалуй, палачъ можетъ имъ дать кончикъ веревки, такъ, какъ кучера даютъ баричамъ лѣжку пристяжной; но пусть же они не освобождаютъ отечества, не дѣлаются ни Гемпденами, ни Лафайетами, а остаются родовымъ потомствомъ Ноздрева, дѣтьми Собакевича и внучатами Фамусова.

И сколько при всей лжи, при всемъ раболѣпіи, коварствѣ, сколько глупости въ людяхъ, кичащихся дворянской грамотой, на ней строящихъ свои законодательныя притязанія и становящихся за уничтоженіе польской аристократіи! Чему радуются наши по-

мѣщики, что правительство такъ поступаетъ съ литовскимъ дворянствомъ?

Мы можемъ смотрѣть, какъ на необходимую мѣру, на польское освобожденіе крестьянъ съ землей. Вспомните, что писали мы споконъ вѣка, что писалъ полякамъ Бакунинъ, вырвавшись изъ Сибири. Но что же нравится въ разореніи и оскорбленіи польскаго дворянства такому жъ россійскому? Неужели они не понимаютъ, что стоитъ имъ еще побаловаться конституціонными кубарями да попасть неловко въ царскую ногу, съ ними сдѣлають точно то же и прогоняютъ ихъ сквозь строй такихъ же мѣръ и такихъ же Муравьевыхъ. За свѣжимъ Катковымъ, который воспоетъ ихъ гибель, какъ достославную побѣду, дѣло не станетъ. Вѣроятно, мы и тогда не будемъ на ихъ сторонѣ, *да они-то сами зачѣмъ не на своей сторонѣ?* Они-то что за японцы, что точуть ножи на свой собственный животъ? Вѣдь, ужъ имъ объ этомъ докладывавалъ ихъ собственный дворовый листокъ...

«Но... но большая разница между польской аристократіей и нашимъ барствомъ, между ехиднымъ литовскимъ паномъ и *кромки* степнымъ помѣщикомъ нашимъ»... Можетъ, до васъ въ Америкѣ не дошло новое открытіе, что наше русское столбовое дворянство *ужасъ какое демократическое*, что крѣпостное право у насъ было временнымъ затменіемъ братскихъ отношеній, недоумѣніемъ между старшимъ и младшимъ; что, въ сущности, помѣщики и крестьяне нѣжно любили другъ друга, господа были отцы-матери своихъ мужичковъ, ѣли въ тѣ же дни, какъ и они, постное, парились по субботамъ въ банѣ и ходили по воскресеньямъ въ ту же церковь къ обѣднѣ. Словомъ, если-бъ наши крупномѣстные и мелкопомѣстные демократы не засѣкали мужиковъ и дворовыхъ до смерти, не морили бы ихъ на барщинѣ и оброкѣ, не дрались бы безпрестанно въ передней, не насиловали женщинъ и не обирали бы мужчинъ, то ихъ самихъ по нравамъ и обычаямъ, особенно же по отношенію къ высшему начальству, можно бы было принять за самыхъ радикальныхъ смердовъ въ мірѣ или (такъ какъ они ходятъ пр-нѣмецки) за ихъ собственныхъ лакеевъ...

Часть нашихъ журналовъ этимъ путемъ приравненія къ передней и избѣ поднимала русское дворянство для того, чтобъ оправдывать дикія мѣры правительства и обвинять польское шляхетство, во многомъ неправо, но котораго кровь въ это время лилась всѣми жилами, котораго сыновья падали на полѣ битвы или шли на всѣлицу, жены—въ Сибирь, старики—въ изгнаніе, казна—на содержаніе тайной полиціи враждебнаго повелителя и на преміи за доносы.

Институтъ, который для своего сохраненія долженъ прикидываться не самимъ собой и класть свое знамя въ карманъ, не проченъ. Его собственные защитники спасаютъ его такъ, какъ спасали помѣщиковъ во время пугачевщины: накинувъ на барскія плечи мужицкѣй бараній тулупъ... Плакать объ немъ не станутъ. Прошедшее нашего барства сѣро и темно... и эта темнота—его счастье. Въ немъ одинъ свѣтлый день—14 декабря 1825 года, въ немъ одна свѣлая полоса—та, которая идетъ къ этому дню, та, которая идетъ изъ него. Если дворянство и сдѣлало что-нибудь, то сдѣлало исключительно для правительства, для государства, для царя,—для народа ничего, для защиты правъ, обороны личности, совѣсти—ничего. *Какъ сословіе*, оно не можетъ пережить вѣрную подругу свою—крѣпостное право; ему приходится зачехнуть въ безплодныхъ усиляхъ овладѣть движеніемъ (если нельзя остановить его) или откровенно снять съ себя очень некрасивый дворянскій мундиръ, отцѣпить очень тупую дворянскую шпажку и выйти изъ залы благороднаго собранія простымъ смертнымъ на чистый воздухъ.

Замѣчаніе графа Ростопчина становится пророчествомъ. La roture¹⁾—единственная гавань, въ которую можно спрыгнуть съ тонущаго дворянскаго судна. Пришлось изъ кобелящихся пергаментовъ переписываться въ ревизскія сказки. Рекрутчина уже занесла свою лапу на молодое поколѣніе и ловить его за бархатный воротникъ.

Дождевыя капли, притянутыя на время солнцемъ, должны снова упасть на землю, сверкнувши въ радугъ и поносившись туманомъ по воздуху. Россія—царство крестьянское, сельское. Все ухѣдившее по дѣлу и по бездѣлю изъ села, воротится въ него. Взятые во дворъ и попавшіеся въ рекруты, отданные въ науку и бродившіе по міру, воротятся дрожжами и солью въ нѣсколько прѣсную сельскую «опару» и внесутъ въ нее движеніе, котораго ей недоставало. Долгое введеніе наше въ исторію, долгій и тяжелый искусъ, которымъ мы проходили наше нѣмецкое плѣненіе, окончатся вмѣстѣ съ монополіей привилегированныхъ сословій. А что мы идемъ къ *безсословности*, въ этомъ трудно сомнѣваться.

Безсословная, демократическая Америка и идущая къ безсословности крестьянская Русь, остаются для меня попрежнему странами *ближайшаго будущаго*. Исторія, вопреки агрономамъ, заводитъ трехпольное хозяйство и, пока Европа, истощенная своими богатыми урожаями, лежитъ подъ паромъ, она пашетъ и боронитъ два другія поля.

¹⁾ Разночинцы.

На первый взгляд кажется страннымъ, отчего именно этотъ народъ колонистовъ съ угловатыми нравами, съ какой-то цивилизованной грубостью, съ неприятной свободой и всякими эксцентричностями и другой, едва пробуждающийся отъ рабства, избитый и покорный, — отчего именно они призваны къ дѣятельному совершенію своихъ судебъ именно теперь. Для того, чтобъ понять это, необходимо ярко отдѣлить ядро отъ скорлупы. Послѣдняя война показала не только мощь Америки, но и ея слабыя стороны. Линкольнъ въ одной изъ послѣднихъ рѣчей своихъ выразилъ своимъ мистическимъ языкомъ печальное сознаніе, что «войной провидѣніе наказало обѣ стороны, что обѣ согрѣшили передъ богомъ». Недостатки Россіи не только бросаются въ глаза, но въ нихъ признаются всѣ: правительство и литература, заголовки реформъ и дворянскія собранія. Сознаніе своихъ недостатковъ—великое дѣло; его высказываютъ или въ минуты отчаянія и смерти или въ началѣ новой жизни, по крайней мѣрѣ жизни обновленной. Оттого, что наше современное состояніе такъ скверно, и мы это знаемъ, оттого-то мы и идемъ впередъ. Самодовольство косо, гордое *suffisance* ¹⁾ не двигается. Англія знаетъ, что она—первая страна въ мірѣ, Франція—что она—великій народъ, чего же имъ еще? Америка и Россія—страны нездорѣлыя внутри и презрѣлыя снаружи, обѣ съ здоровой кровью и накожными сыпями, съ юными мышцами и старческими привычками. Въ послѣдніе годы Америка открыла, что у нея бездна чернаго бѣлья, а Россія—что у ней вовсе нѣтъ чистаго. Стирка сдѣлалась необходимостью.

Послѣ нея онѣ пойдутъ впередъ, но пойдутъ онѣ разное. Америка, съ лавровымъ вѣнкомъ и фригійской шапкой, торжественно выходитъ изъ гигантскаго боя; Россія, съ опущеннымъ покровомъ, смиренно и печально пройдетъ не триумфальными воротами, а скромной калиткой, которую отворяютъ беременной женщинѣ, осужденной, виновной, но въ которой хотятъ спасти «плодь чрева ея»!

Кто онъ? чей онъ? Объ этомъ мы поговоримъ въ другомъ письмѣ.

Женева, 15 мая 1865 г.

Письмо второе.

Сѣверо-Американскіе Штаты и Россія—два полюса той соціально-гражданской антиноміи, къ которой примыкаетъ западное развитіе со всѣми своими перестройками и переворотами. Они оба за

¹⁾ Самодовольство.

границей старой арены, представляютъ два противоположныя, но *неоконченныя* рѣшенія и потому скорѣе дополняющія другъ друга, чѣмъ исключаютія. Полная жизни и развитія, противоположность безъ замкнутости, безъ законченности, безъ физиологической розни,—не вызовъ на вражду и бой, не условіе на безучастную посторонность, а на трудъ для снятія чѣмъ-нибудь болѣе широкимъ *формальною* противорѣчія, хотя бы взаимнымъ пониманіемъ и признаніемъ.

Самую рѣзкую и типическую противоположность въ Европѣ представляютъ два народа, наиболѣе связанные другъ съ другомъ былымъ и настоящимъ, географіей и торговлей, интересами и образованіемъ. Противоположное воззрѣніе Англіи и Франціи, *отвердѣвшее* въ своей исключительной непереходимости, перешло въ видовой *habitus* ¹⁾, въ особенность, сложившуюся, окостенѣвшую, и отъ которой отдѣлаться очень трудно. Тутъ дошли до дна, задачи разрѣшены, шаткаго мало, сомнительнаго мало; обѣ стороны стоятъ слишкомъ близко и слишкомъ довольны собой, чтобъ уступить что-нибудь. Сѣверная Америка и Россія не рѣшили задачи, а *разрѣшаютъ ее* на разныхъ основаніяхъ; ни та, ни другая не достигли до *безапелляціонныхъ рѣшеній*. Постановленіе задачи взято ими изъ тѣхъ же источниковъ, изъ той же западной школы, но матеріалъ для разрѣшенія явился подъ руками совсѣмъ другой. Школа для нихъ не обязательна, наслѣдственныхъ долговъ на нихъ нѣтъ. Съ прошедшимъ ихъ не связываетъ ни родовая честь, ни дворянскій *point d'honneur* ²⁾, они могутъ отказаться отъ него, не безславя отцовскаго имени,—его никто не знаетъ. У нихъ нѣтъ майоратовъ, полученныхъ на рядѣ условій,—въ Америкѣ все благопріобрѣтенное, въ Россіи—одни засѣянные поля. Тамъ, гдѣ Европа останавливается, спотыкается, оттуда идутъ новые народы; то, что въ Европѣ считается невозможнымъ, нелѣпымъ, гибельнымъ, тамъ воочію совершается, и вотъ почему для меня гораздо интереснѣе все, что творится въ Америкѣ и въ Россіи, чѣмъ все, что дѣлается въ Европѣ, отъ Стокгольма до Лиссабона.

Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, страстно принять къ сердцу вопросы, теперь находящіеся въ западной работѣ, разрѣшаемые кровью и преніями, арміями и камерами? Голштейнъ и Данія, Пруссія и Австрія, Наполеонъ и Наполеонъ; тутъ Тьеръ защищаетъ папу, тамъ Викторъ-Эммануиль возвращается, какъ библейскій сынъ, къ римскому отцу, и отецъ не приказываетъ даже убить лучшаго

²⁾ Вопросъ чести.

¹⁾ Наружный видъ.

барана для него. «Польша, Польша! идемъ за Польшу!»—и вдругъ Польша забыта, предана на пропятіе, даже безъ замѣны Варравой. Все это носить тотъ характеръ случайности или внѣшней необходимости, который бываетъ въ ежедневныхъ встрѣчахъ; нельзя же, чтобъ чего-нибудь да не случилось—сегодня одно, завтра другое, а, можетъ, и третье. Научное движеніе, чужое окружающему, какъ быстрая рѣка, несется своей дорогой, орошая берега, обогащая ихъ и не останавливаясь на нихъ.

Была минута въ началѣ нынѣшняго года, сердце дрогнуло, но и она прошла и затерлась въ общей тинѣ—церковь и государство показали другъ другу свои старые зубы. Помните байроновское преставленіе свѣта ¹⁾? Середь общей гибели и мрака тихо поднимаются два исхудалыхъ умирающихъ старика,—последнія живыя существа гибнущаго міра и два заклятыхъ врага. Они узнали другъ друга, ихъ черты, искаженные наступающей смертью, исказились злобой; они задержали кончину и вперили другъ въ друга стеклянный взглядъ, въ которомъ агонія смѣшалась съ ненавистью. Мы видѣли эти двѣ головы и видѣли этотъ взглядъ: церковь и государство приподняли голову надъ старческимъ бредомъ энциклики и поняли еще яснѣе не только, какъ они другъ друга ненавидятъ, но и какъ они другъ другу необходимы. Убѣдившись въ этомъ, счастливѣе байроновскихъ героевъ, они остались живы и, побранившись, успокоились.

Америка и Россія натолкнулись на вопросы, поставленные въ родѣ сфинксовъ на всѣхъ выходахъ и бастионахъ старой западной фортеціи, и онѣ ихъ обойти не могутъ и не хотятъ. Сецессія ²⁾ и федерализація, индивидуализмъ и коммунизмъ, обезпеченіе земель и обезпеченіе правами, товарищество работниковъ и сельская община, круговая порука и личная независимость, раздѣлъ заработка и общинное владѣніе земель,—все это въ Европѣ сдано въ архивъ за неизмѣнимъ средствъ къ разрѣшенію, и все это на первомъ планѣ въ Америкѣ и Россіи. Президентъ, громко говорящій: «не вы для насъ, для государства, а мы, правительство, государство для васъ», и мужикъ, повторяющій съ незыблемой вѣрой, что «земля его, что онъ не можетъ быть безъ земляного надѣла», ставить цѣлую программу будущаго.

Къ ея-то осуществленію Америка и Россія идутъ противоположными путями.

¹⁾ The Darkness °). А. И. Г.

²⁾ Sécession—отдѣленіе.

^{°)} «Тьма».

Америка родилась изъ готовой головы и въ полномъ вооруженіи. Новая колонія, она глубоко пустила старыя англо-саксонскіе корни въ непочатую почву. *Новаю принципа* она съ собой не принесла, но принесла крѣпко закаленный и очищенный старый; это былъ выселокъ меньшинства, наибольше развитого въ извѣстномъ смыслѣ, и притомъ меньшинства недовольныхъ старыми порядками. Протестантизмъ, пуританизмъ имѣли въ себѣ сильно революціонную закваску, они *протестовали* противъ одной части европейскихъ традицій и ее не взяли съ собой за океанъ, они *очистились* отъ нея. Религіозная экзальтація нисколько не мѣшаетъ революціонной; школа Руссо и вся суровая часть «Горы» съ Робеспьеромъ и Сень-Жюстомъ слишкомъ *рѣзко* доказали это. Привезенная колонистами цивилизація явилась въ Америкѣ при совершенно новыхъ условіяхъ развитія и въ совершенно новой средѣ. Непочатая природа, дремучіе лѣса и степи, не перерѣзанные дорогами, дикость почти необитаемаго края, исчезающія племена другой формаціи встрѣтились лицомъ къ лицу съ послѣднимъ результатомъ образованія, съ наукой, съ развитой гражданственностью. Иди американцы на сѣверѣ со всѣмъ вѣковымъ баластомъ, во всѣхъ рыцарскихъ доспѣхахъ, какъ испанцы на югѣ, они недалеко бы ушли. Сѣверные колонисты, переходя въ новую среду, оставляли свою рыбу оболочку за собой, какъ головастики; отдѣлавшись отъ нея, имъ было легче работать и легче принять въ кровь и плоть гражданское ученіе, озарявшее вершины философской Европы. Они начали свою самобытную жизнь съ провозглашенія *правъ челоуѣка*.

Россія—тоже колонія, но колонія иныхъ вѣковъ и иныхъ условій; стекая въ незапамятныя времена съ Востока, славянское племя ничего не могло принести съ собой, кромѣ себя. Россія, обживая почву, встая въ нее, изъ нея выростала и росла, инстинктивно распостраняясь въ далеко разбросанное и далеко вѣтвившееся сельское государство. Всю европейскую исторію она оставалась въ сторонѣ, въ тѣни. Объ ея медленномъ, задержанномъ и потомъ переломленномъ развитіи говорили у насъ и говорятъ много, но мало обращаютъ вниманія на то, *что ей не было слѣда развиваться быстро и въ другое время*. Тутъ не фатализма, а историческая физиологія. Сначала Русь тихо осѣдала, обживалась, потомъ обособилась отъ чужого, собрала, стянула свои части и стала складываться въ земство. Смутное государство было нелѣпо; оно какъ-то сбивалось на допотопныя формы зоологическаго творчества, на тѣхъ неповоротливыхъ животныхъ, которыя въ самыхъ формахъ своихъ, колоссальныхъ и неуклюжихъ, носили доказа-

тельство незрѣлости. Нелѣпное царство не выдержало и превратилось въ нелѣпную имперію, въ военную тиранію съ западными формами и пріемами и безъ западнаго содержанія и смысла. Вся жизнь, искусственно вызванная и поднятая, притекла наверхъ. Внизу былъ застой и продолженіе до-государственнаго быта. Наверху дѣлались всевозможные опыты переложеній и сочетаній всѣхъ европейскихъ государственныхъ учрежденій, не противорѣчащихъ самодержавію. Ничего не принялось въ самомъ дѣлѣ, а все приняло уродливыя, безобразныя очертанія. Западное устройство явнымъ образомъ не соотвѣтствовало «апатическому, забитому, неспособному» народу русскому; онъ чувствовалъ себя въ немъ, какъ въ чужомъ кафтанѣ, и въ этомъ—*одно изъ величайшихъ достоинствъ ея*. Посмотрите, на примѣръ, какъ Франція дома въ централизаціи, въ военщинѣ, въ полиціи, какъ она во всемъ любитъ *pouvoir fort* ¹⁾, во всемъ ищетъ опеку; вчера были камеры, сегодня имперія, завтра будетъ республика,—это ничего не измѣнитъ. Гражданскій сельскій сторожъ—такъ же жандармъ и такъ же комиссаръ долиціи *сop atome* ²⁾ теперь, какъ коssidьеровскій монтаньярь въ 1848 году и муниципаль при Людовикѣ-Филиппѣ. Франція нашла учрежденія и государственныя формы ей соотвѣтствующія. Но Франція, еще по старой привычкѣ, наружно недовольна и выдумываетъ перемѣны въ родѣ нашихъ русскихъ перемѣнъ мундировъ, выпушекъ, пѣтличекъ. Англія и этой привычки не имѣетъ; она была бы готова свинтить покрѣпче всѣ государственныя гайки, чтобъ вѣтки вѣковъ жить, какъ теперь.

Даже протестъ «не приглашенныхъ» на пиръ, нищихъ труда, скитальцевъ работы, бездомныхъ бродягъ полей и городовъ въ своихъ стремленіяхъ вѣренъ началамъ, соотвѣтствующимъ характеру двухъ народностей, успокоившихся въ своихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Тихо, тяжело осматриваясь, выступаетъ изъ тѣсныхъ береговъ своей жизни англійскій пролетарій; онъ идетъ путемъ законности, скрѣпляя каждый шагъ и не выходя изъ нормъ англо-саксонскаго быта. Утопіи французскаго работника постоянно склоняются къ казенной организаціи работъ, къ казарменному коммунизму, къ 18 брюмера или 2 декабря социализма. И то и другое составляетъ особую прочность старыхъ государствъ. Путемъ строгой и робкой законности такъ же трудно уйти далеко, какъ увлечь перспективой галернаго устройства работъ. Далѣній ревъ

¹⁾ Сильную власть.

²⁾ Съ любовью.

голода и стонъ бѣдности, хотя и приближается и мужаеть, но при такихъ обстоятельствахъ «пирующее» государство можетъ спокойно доживать. Стонъ больше неприятенъ для нервъ, чѣмъ опасенъ. «Красный призракъ» долго не превратится въ *красную дѣйствительность*.

Мы ничего не бережемъ изъ существующаго, у насъ консерватизмъ дальше и выше деревни не идетъ. Село хранить быть свой, чужа въ немъ зародышъ будущаго... За селомъ никто ни къ чему не привязанъ, и всякій, если не понимаетъ, то чувствуетъ, что все остальное—временный балаганъ, который снаружи окрасили подъ старое прочное зданіе. Когда Мишле въ своей легендѣ о Костюшкѣ говорилъ, что у насъ, «русскихъ, нѣтъ слѣда нравственныхъ понятій, что *истинное* и *справедливое* для насъ не имѣетъ смысла», я спросилъ его, о *какой* истинѣ и о *какой* справедливости идетъ рѣчь, напоминая, что истинное и справедливое старой Европы—ложь и несправедливость для новой. Затѣмъ я замѣтилъ ему, что это не все, что нравственность русскаго народа вовсе не сложилась, не вышла изъ тѣснаго круга обычая, патріархальности и хранимыхъ преданій; что царскій судъ и царская расправа, что переведенныя съ нѣмецкаго и французскаго понятія обязанностей для него необязательны, просто оттого, что онъ не го да и не общечеловѣческія; что нравственность русскаго народа можетъ только сложиться на тѣхъ основаніяхъ, которыя составляютъ его религіозно-общественную *особность*, и которыя для этого должны быть приняты за первоначальный фактъ, отъ котораго идутъ, но на который не возвращаются, не дѣйя до предѣла.

Эта *особность* заключается въ вѣрованіи *русскаго человека*, что *русская земля принадлежитъ русскому народу*, что *русскій человекъ не можетъ быть въ Россіи безъ поземельнаго надѣла*. Это основное, натуральное, прирожденное признаніе *права на землю* ставитъ народъ русскій на совершенно другую ногу, чѣмъ та, на которой стоятъ всѣ народы Запада. Положимъ, что тутъ есть своя односторонность, но односторонность-то именно и выражаетъ характеръ, и потому самобытное развитіе только и будетъ съ нимъ. Право на землю предполагаетъ иную *нравственность*, другія общественныя отношенія, не развившіяся, но и незамѣнимыя чужими, идущими изъ гражданскаго устройства, отрицающаго всякое право на землю, кромѣ купли и наслѣдства. Въ основу нашему законодательству непременно лягутъ элементы нашего бытового, непосредственнаго социализма. Общинное начало, напр., круговая порука пойдутъ у насъ впередъ передъ самодержавіемъ собствен-

ности во всей его западной неумолимости ¹⁾). Задача нашего законодательства будетъ состоять въ соглашеніи правъ личной независимости съ сохраненіемъ общиннаго устройства.

Шаткость моральныхъ понятій, навязанныхъ намъ извнѣ, доказываетъ ясно, что это не наши понятія. Мы имъ покорились пойманные въ капканъ, обманутые, и нарушаемъ ихъ безъ угрызенія совѣсти. Заставить какого-нибудь самоѣда или лопаря дѣлать на трескучемъ морозѣ муміи изъ всѣхъ умершихъ звѣрей можно, особенно, увѣривъ его, что этого требуетъ *вѣчная* нравственность и спасеніе души. Но отвернитесь отъ него, дайте страху пройти— и лопарь съ покойной совѣстью, безраскаянно оставитъ мерзнуть моржей и тюленей, и ни солнечный зной, ни разливъ Нила, ни міазмы труповъ ему не напомнятъ грѣха. Англичанинъ смиряется передъ нелѣпостью одной части своихъ законовъ, потому что онъ въ другой видитъ защиту своихъ правъ и, главное, своей собственности, которая у него такой же догматъ *irréductible* ²⁾, какъ наше право на землю. Французъ считаетъ законъ обязательнымъ (всѣ будничные дни, кромѣ праздниковъ, т.-е. дней революціонныхъ), повинуется имъ изъ *point d'honneur*'а, изъ религіи дисциплины, изъ уваженія *ка будто бы* имъ установленнымъ властямъ. Оттого тотъ и другой чувствуютъ себя внутренно оскорбленными судебнымъ приговоромъ, а русскій чувствуетъ одинъ матеріальный вредъ наказанія—такъ же мало думая, что онъ нравственно уничтоженъ имъ, какъ человекъ, сломившій себѣ ногу или схватившій горячку.

Французскій и англійскій радикаль считаетъ свои законы усовершенными, но въ то же время очень *совершенными*. Вотъ отчего революціонные люди въ Европѣ съ бѣшенствомъ нападаютъ на людей, осмѣливающихся касаться не до частныхъ недостатковъ, а до религіозныхъ, юридическихъ или экономическихъ основаній. У насъ святость этихъ святынь подозрительна. Человека, привыкнущаго съ малыхъ лѣтъ къ тому, что *мужикъ есть собственность*, не удивишь, сказавъ ему, что *собственность есть кража*.

Все это не ново и было высказываемо много разъ нами и не нами, но въ общее сознаніе не перешло. Большимъ не меньше дѣтей нужно протверживать зады. Забывая ихъ, мы теряемъ ключъ

¹⁾ Никогда русскій умъ безъ повиха не пойметъ, что справедливо человекъ больше наказатъ за краденый платокъ, чѣмъ за побои женщинѣ; никогда не пойметъ, что можно быть честнымъ отцомъ и вести въ судъ дѣвочку или мальчика, дочь или сына лѣтъ одиннадцати-двѣнадцати за кражу нѣсколькихъ копѣекъ, а въ Англии это дѣлается всякій день, и всѣ находятъ, что это въ порядкѣ вещей. *А. И. Г.*

²⁾ Неразложимый неупростимый, основной.

къ пониманію того, что дѣлается, и случайно блуждаемъ, прикидывая то футъ, то метръ къ явленіямъ, къ которымъ прилагается другая мѣра. Безъ своей единицы, глядя на сумбуръ реформъ, прогрессовъ, регрессовъ, казней, учреждений, приговоровъ, проектовъ, патріотическаго неистовства, конституціонныхъ слабостей можно прийти въ отчаяніе, сойти съ ума.

Россіи мы съ пути не собьемъ нашимъ непониманіемъ; ее ни татары, ни нѣмцы, ни самъ Петръ Алексѣевичъ не своротили съ дороги. Она уперлась на петербургскомъ трактѣ, какъ лошадь съ норовомъ,—стегай, сколько душѣ угодно. Но намъ-то стыдно теперь не понимать, когда европейскіе *дальніе* горизонты сливаются съ нашими *близкими*, и европейская выстрадавшая наука ярко освѣщаетъ наши поля и наши проселки.

Сырой матеріалъ нашего быта оставался въ тѣни за дворянской грамотой, за массами войскъ, за императорской порфирой, за либеральными идеями. Мы его не знали, и онъ въ самомъ дѣлѣ былъ непонятенъ; для разрѣшенія его формулы недоставало какого-то элемента, недоставало опредѣленія чего-то неизвѣстнаго. Его намъ указали социальныя теоріи. Мы представляемъ *частный случай* новаго экономическаго устройства, новой гражданственности, *одно* изъ ихъ приложений.

Такъ, какъ Сѣверная Америка начала съ послѣдняго слова революціонной философіи, съ алгебры *правъ человека*, такъ мы начнемъ съ приложения социальныхъ ученій къ бытовому практикѣ нашей.

Исторія развитія мысли человѣческой и сознанія дошла, спускаясь съ вершинъ государственныхъ сферъ, конституціонныхъ хартій, правительственныхъ формъ, до вопросовъ о настоящемъ хлѣбѣ и хозяйствѣ, о работѣ и выработанномъ, о голодѣ и капиталѣ, о грамотѣ и правѣ... Вопросы мало разрѣшились, но поставлены они ясно наукой и ихъ-то свѣтъ, падая на наши низменныя поля, говоритъ, будто, съ Кольцовымъ:

Что ты спишь, мужичокъ,
Вѣдь, весна на дворѣ.

Наше дѣло на череду. Наши десять заповѣдей, нашъ гражданскій катехизисъ въ социализмѣ.

«Да неужели социализмъ, этотъ незрѣлый плодъ тридцатыхъ годовъ, выкинутый самой Франціей, еще существуетъ?»

Если-бъ онъ и въ самомъ дѣлѣ умеръ и былъ схороненъ въ Европѣ, то и тогда это мало бы имѣло вліянія на насъ. Наслѣд-

ство свое онъ передалъ намъ при жизни, но, сверхъ того, я сильно сомнѣваюсь въ его смерти. Онъ, какъ евангельская дѣвица, *не умеръ, а спитъ*.

Женева, 25 мая 1865.

Письмо третье.

Вотъ какой случай случился со мной нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Одинъ человекъ, игравшій большую роль въ своей родинѣ, и какъ революционеръ, и какъ администраторъ ¹⁾, спорилъ со мной о социализмѣ. Онъ,—и надобно признаться, что онъ не одинъ въ этомъ случаѣ, а имѣеть даже такихъ товарищей, какъ Маццини ²⁾—убѣдившись, что движеніе 1848 года погибло отъ примѣси социализма къ чисто политическому движенію, опрокинулся на социализмъ съ тѣмъ ожесточеніемъ, съ которымъ онъ прежде гналъ реакцію. Сколько я ни ораторствовалъ; мой противникъ стучалъ кулакомъ по столу, выходилъ изъ себя и говорилъ въ заключеніе такого рода вещи: «Посмотрите, какіе законы я провелъ, посмотрите, какъ ограждены работники, я самъ всѣми силами поддерживаю работничьи сходки, у насъ нѣтъ ни одного нищаго и на все на это мнѣ не было нужно никакого социализма...»

— А только почти деспотическая диктатура.

...«Этого,—продолжалъ онъ, не слушая меня,—этого проклятаго социализма, этой выдумки іезуитовъ, которой они затормозили революцію, раздѣлили нашъ станъ и сбили всѣ понятія у слабыхъ людей.

— Теперь я вижу, что, въ сущности, мы съ вами гораздо ближе, чѣмъ я думалъ. Вамъ, собственно, не нравится слово *социализмъ*. Попробуемъ то, что всѣ называютъ социализмомъ, называть *Клеопатрой*—и дѣло пойдетъ, какъ по маслу.

Уступку, которую я дѣлалъ моему «Діонисію, тирану Сиракузскому» ³⁾, я не сдѣлаю ни для васъ, ни для кого изъ русскихъ читателей.

Въ гоненіи на социализмъ, поднятомъ у насъ въ подражаніе Западу, есть что-то неимовѣрно бессмысленное и тупоумное, трус-

¹⁾ Д. Фази.

²⁾ Нельзя надивиться скудости знанія и пониманія полицейско-консервативныхъ органовъ; они постоянно называютъ Маццини социалистомъ, не смотря на его брошюры, статьи и пр. А. И. Г.

³⁾ Намекъ на попытки Діонисія Младшаго ввести благодѣтельныя реформы въ управленіе Сиракузами, для чего онъ неоднократно совѣтовался съ Платономъ.

ливое и невѣжественное. Европа боялась соціального переворота, потому что онъ былъ страшенъ для нея; встрѣтивъ суровый отпоръ, онъ шелъ путемъ отчаянія и насилія на разрушеніе узкаго, но вѣками слѣпленнаго и привычнаго государственнаго устройства... У насъ *это* бытъ не привыченъ, у насъ онъ чужой; гдѣ же, въ чемъ вредъ, причиненный Россіи социализмомъ, или чѣмъ можетъ онъ повредить ей? Развѣ освобожденіе крестьянъ *съ землею*—не *соціальный переворотъ*? Развѣ общинное владѣніе и право на землю—не *социализмъ* (какъ тамъ себѣ ни голоси наши славянофильскія кликуши)? Ненависть къ социализму крѣпостника, оплакивающего землю свою и барщину свою, понятна такъ, какъ понятенъ былъ страхъ откупщика, боявшагося отѣны откупа; но нашихъ теоретическихъ, литературныхъ враговъ социализма нельзя понять.

Когда же для насъ будетъ ясно то, что было ясно слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ для Бенгтама, говорившаго Александру І въ Лондонѣ о «счастьи, что Россіи не мѣшаетъ ни римское право, ни феодальный хламъ, ни католическая церковь»? Когда же у насъ перестанетъ болѣть голова съ чужаго похмелья?

Въ самой Европѣ преслѣдованіе социализма безумно. Какъ будто, какое-нибудь развитіе на череду, какое-нибудь логическое послѣдствіе ряда осуществившихся посылокъ можно остановить кулакомъ и бранью, не убивая организма или не дѣлая изъ него урода. Нашли ли главные соціальные вопросы рѣшенія или нѣтъ—все равно, ошибочны ли эти рѣшенія или односторонни—все равно они не менѣе живы и не менѣе стучатся во всѣ двери и бьются во всѣ стороны, ломая и подмывая стѣны и заборы, мѣшающіе имъ.

Вообще, ни ошибочныя рѣшенія, ни одностороннія не влекутъ съ собою въ гибель вопросъ или задачу. Какихъ чудовищностей ни наглядѣлись мы въ одинъ нашъ вѣкъ, напр., въ медицинѣ—отъ кровопролитій Брусе ¹⁾ до наводненій Присница ²⁾, отъ *нишилизма* гомеопатіи до всевозможныхъ лѣченій голодомъ, холодомъ, парами, молокомъ, гальванизмомъ, магнетизмомъ... тѣмъ не меньше и несмотря ни на мистическій эмпиризмъ, ни на традиціонную алхімію медицины, въ возможности патологіи и терапіи никто не сомнѣвается.

Соціальные идеи не убиты и не отстранены, ихъ побѣжденный авангардъ безъ знамени и шума занялъ множество непріятельскихъ мѣстъ, и не одинъ *новый* Діонисій Сирикузскій дѣлалъ со-

¹⁾ Франсуа-Жозефъ, извѣстный француз. врачъ, основатель физиологической школы.

²⁾ Винцентъ, основатель новѣйшей школы водолѣченія.

ціалізмъ, какъ Мольеровъ Журденъ ¹⁾ дѣлалъ прозу, не зная того. Не только с.-симонизмъ и фурьеризмъ не прошли безслѣдно, но неопредѣленныя стремленія, нашедшія отголосокъ въ поэзіи Гюго, въ романахъ Сю, въ цѣлой литературѣ 30-хъ годовъ, женскій протестъ Ж. Санда, индійская «Триада» Пьера Леру, полемика Прудона,—все это не только разбудило людей и направило ихъ мысли въ извѣстную сторону, но все это принялось, прозябло и проросло старую почву. Вглядитесь внимательно — и вы найдете социальныя оттѣнки въ тюльерійскихъ декретахъ и прусскихъ министерскихъ указахъ; слѣды проповѣдей Менильмонтанской улицы ²⁾ остались въ оборотахъ Перейры, въ ликвидаціяхъ недвижимой собственности; добродушная голова старика Р. Оуэна просвѣчиваетъ со дна всѣхъ англійскихъ кооперативныхъ обществъ. Какимъ образомъ Гладстонъ дошелъ до порицанія безусловнаго права собственности и до государственной организаціи страховыхъ обществъ и почему Стюартъ Милль остановился въ раздумьи передъ общиннымъ владѣніемъ, не рубя съ плеча вопроса, какъ наши молинарьевскіе подмастерья? О чемъ робко и не выступая изъ парламентскихъ формъ хлопочетъ Брумъ? Всѣ они пролагаютъ, отнѣживаясь и открещиваясь, дорогу социальному пересозданію государственнаго строя.

Въ тотъ день, когда несостоятельность юридическихъ, административныхъ и политическихъ реформъ оказалась очевидной, когда сама французская революція погибла въ крови и въ *теоретическомъ* освобожденіи меньшинства, а реальные умы догадались, что въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ искали разрѣшенія вопроса, *ею нѣтъ*, въ тотъ день отрицательно была поставлена вся задача социализма. Ей не доставало имени; имя явилось какъ-то само собой.

Разумѣется, что социализмъ только въ антитетическомъ смыслѣ противопоставляется переворотамъ чисто политическимъ, въ сущности онъ представляетъ ихъ исходъ. Политическій переворотъ дѣлается внутри извѣстныхъ государственныхъ учреждений, которыя идутъ впередъ, какъ неоспоримыя условія государственной жизни—будь это монархія или республика, централизація или федерализмъ. Тамъ, гдѣ анализъ, критика идутъ далѣе, тамъ, гдѣ вовлекаются въ споръ и борьбу сами эти условія, т.-е. гдѣ съ ними дѣлается то же самое, что реформа дѣлала съ папскою, а революція съ королевскою властью, тамъ мы переходимъ въ социализмъ. Раз-

¹⁾ Главное дѣйствующее лицо комедіи «Мѣщанинъ въ дворянствѣ».

²⁾ Гдѣ Анфантенюмъ была устроена коммуна.

граниченіе между политикою и соціализмомъ условное: двѣ разныхъ станціи одной и той же дороги.

Всѣ государственные и политическіе вопросы, всѣ фантастическіе и героическіе интересы по мѣрѣ совершеннѣтїа народа стремятся перейти въ вопросы народнаго благосостоянія. Принимая существующій результатъ историческихъ развитій за неизмѣнный въ своихъ основахъ, мы ихъ не разрѣшимъ; историческій бытъ, такъ, какъ онъ посильно сложился, подѣ влияніемъ совсѣмъ иныхъ идей и цѣлей, не совмѣстенъ съ общенароднымъ благосостояніемъ. Это-то и хотѣлъ сказать американецъ Брисбенъ, котораго слова я уже не разъ приводилъ, парижскимъ работникамъ въ 1848 году, говоря, что «въ Америкѣ республика дала все, что могла; что политическое устройство, основанное при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, но на старыхъ основаніяхъ, дало все, что могло, но вопросовъ, занимающихъ работниковъ, не *разрѣшило и не можетъ разрѣшить*»,—тутъ ея предѣлъ, а разрѣшить необходимо.

Я такъ и жду обыкновеннаго возраженія: что за разрѣшеніе—ломать зря и устраивать общество насильно, на какой-то каторжный манеръ?.. а соціализмъ только такъ и разрѣшалъ вопросъ.

Онъ ошибался и горько пострадалъ за это. Но кто же сказалъ, что онъ только *такъ* хотѣлъ разрѣшать и только *такъ и могъ* ихъ разрѣшать?..

Прудонъ упрекалъ въ этомъ соціализмъ, разумѣя подѣ соціализмомъ организацію работъ Луи Блана, коммунизмъ Теста, отца Кабэ, а не соціализмъ вообще. Не будьте ни Апеллесомъ, ни Павломъ и тогда вы не будете клясть церковь изъ-за Апеллеса или Павла.

Возставая прогивъ соціализма подѣ тѣмъ предлогомъ, что онъ хочетъ зря ломать и насильственно строить, люди со всѣми своими прогрессивными стремленіями становятся на сторону закоснѣлаго консерватизма и защищаютъ падающіе институты, составляющіе главное препятствіе развитію. Развѣ не на нашихъ глазахъ въ 1848 г. республиканцы сдѣлались гонителями и дали тотъ впрокъ пошедшій урокъ, который научилъ всѣхъ царей и всѣ власти, какъ надобно подавлять противниковъ.

Противниковъ они подавили и съ тѣмъ вмѣстѣ ихъ односторонность,—идеи остались, вопросы остались. Выброшенные полиціей за дверь, они за нею притаились и постоянно готовы взойти во всякую щель.

По несчастію, ихъ останавливаетъ не одна грубая рука насилія, ихъ останавливаетъ столько же, если не больше, роковое несчастіе массъ—ихъ невѣжество и *роковое просвѣщеніе* другихъ

сословій, ученыхъ, не хотящихъ переучиваться, монополистовъ, не хотящихъ поступиться ни одной привилегіей и оттого могущихъ потерять всё, и совершенно справедливо; они отстаиваютъ свои права безъ вѣры; наивное пониманіе, исключющее вину и отвѣтственность, давно возмущено и перервано выстрѣлами на площади и спорами вездѣ—въ книгахъ и сходкахъ, въ камерахъ и журналахъ. Невѣдѣніемъ социализма въ наше время отговариваться нельзя.

И это не все: социализмъ былъ не меньше задержанъ въ развитіи внутренними причинами, какъ и внѣшними. Чувство боли отъ общественной неправды было очень ясно, желаніе выйти изъ сознанно-сквернаго положенія очень справедливо, но отъ этого до лѣченія далеко. Социализмъ, страстно увлеченный, съ желаніемъ кары и мести, бросилъ свою перчатку старому міру прежде, чѣмъ узналъ силу свою и опредѣлилъ мысль свою. Сѣдой боецъ поднялъ ее, и не Голиаѳъ, а Давидъ палъ. Съ тѣхъ поръ ему было много досуга обдуматься въ горькой школѣ изгнанія и ссылки. Додумался ли онъ до того, чтобъ не бросать перчатки, не имѣя силы, не зная, что будетъ послѣ битвы, кромѣ казни врага? Не знаю.

Не воиномъ, не судьей долженъ онъ явиться... Судъ онъ держалъ, пусть же онъ явится исполнителемъ судебъ въ иномъ смыслѣ слова, пусть онъ «увѣнчаетъ зданіе» и завершитъ революцію. Ему слѣдуетъ столкнуть послѣднюю глыбу, мѣшающую идти впередъ своей *неподсудимостью*, въ рвущійся потокъ мысли и водрузить на ея мѣстѣ знамя разумныхъ отношеній людскихъ и дѣйствительныхъ, трезвыхъ, логическихъ законовъ общежитія. Не уничтожить и разбить долженъ онъ политическую экономію, а превратить ее изъ эмпирическаго свода разсужденій и наблюденій, не смѣющаго касаться до святыхъ твердынь существующаго, въ экономическую науку, посягающую на все.

Но для этого нуженъ огромный внутренній трудъ и огромный нравственный подвигъ. Для водруженія новаго знамени надобно отбросить старое знамя непримиримаго раздора, исключительно враждебнаго антагонизма. Военные крики его до того сбили понятія самыхъ передовыхъ бойцовъ, что они, какъ Квазимодо ¹⁾, бросаютъ камни и льютъ свинецъ на *truanderie* ²⁾, пришедшую спасти цыганку, которую онъ защищаетъ.

Пойметъ ли, наконецъ, звонарь ³⁾, что врагъ сзади, что онъ не ее спасаетъ, а помогаетъ *ему*, и броситъ ли онъ его черную

¹⁾ Дѣйствующее лицо въ романѣ В. Гюго «93-й годъ».

²⁾ Нищія.

³⁾ Т.-е. Квазимодо.

фигуру съ колбкольні?... это покажетъ будущее. Но во всякомъ случаѣ тѣмъ, которые стоятъ со стороны социализма, надобно яснѣе и покойнѣе высказаться, а для этого необходимо яснѣе и проще понять задачу.

Лихорадочный, острый періодъ нарожденія для социализма прошелъ.

Страстная, вдохновенная форма, въ которой является новое ученіе, глубоко захватывающее жизнь отъ очага до площади, его церковныя ризы, его фантазія, не знающая предѣловъ, его фанатизмъ, не знающій сомнѣній, его юная нетерпимость, его ревность прозелитизма,—все это на мѣстѣ въ началѣ. Безъ идеаловъ, безъ поэзіи люди не оставляютъ одръ свой, чтобъ итти за учителемъ; но за яркими цвѣтами зари настаеетъ дневная работа, съ помѣхами и ошибками, съ дождемъ и вѣдромъ, съ каменистой почвой и болотами, съ отклоненіями и уступками, съ компромиссами и діагоналями. Для этой работы нужны не кадила и не рипиды ¹⁾, а простыя орудія труда и простыя формулы разума.

Фразы, отъ которыхъ билось сердце, текли слезы и кровь всѣ эти молитвы гражданской литургіи въ началѣ революціи, съ которыми массы шли на бой, сгубили ее потомъ. У всякаго возраста свой языкъ и свой смыслъ словъ: псалмы Давида были марсельезой гугенотовъ. Порицать языкъ другого времени такъ же нелѣпо, какъ и говорить имъ. Соціальныя идеи пережили свою героическую интродукцію; ни бархатный жилетъ верховнаго отца Анфантена, ни фаланстеръ Фурье, ни государственная барщина, ни коммуна бологит ²⁾, ни разрушеніе семьи, ни отрицаніе собственности ничего не сдѣлаютъ теперь, сверхъ того, что они сдѣлали для вызова на сцену и постановки вопросовъ.

Поле, повидимому, стало бѣднѣе, но замѣчательно очистилось, много выяснилось въ томъ, гдѣ искать отвѣты и гдѣ ихъ не можетъ быть.

Люди недовольны экономическими условіями труда, упроченнымъ неравновѣсіемъ силъ, ихъ потерей, рабствомъ работы, злоупотребленіемъ накопленныхъ богатствъ—но они

не хотятъ переѣзжать въ рабочія казармы,
не хотятъ, чтобъ правительство гоняло ихъ на барщину,
не хотятъ разрушать семьи и очага,
не хотятъ поступиться частной собственностью,

т.-е. они хотятъ при обновленіи, при перерожденіи сохранить, на-

¹⁾ Принадлежность архіерейскаго богослуженія.

²⁾ Коммуна добрыхъ.

сколько возможно, свою привычную жизнь, согласуя ее съ новыми условіями. На какихъ же разумныхъ основаніяхъ можно сдѣлать, согласить такія сложныя и противорѣчащія потребности? Въ этомъ-то и задача, — весь соціальный вопросъ такъ и становится, освобожденный отъ громовыхъ тучъ своихъ и молній.

Есть ли рѣшенія?

Въ прошломъ письмѣ я взялъ на себя смѣлость, j'ai hasardé ¹⁾ сказать, что одно изъ *дѣйствительныхъ* рѣшеній представляетъ русскій народный бытъ въ его современномъ развитіи. Бѣдное село наше съ своей скромной общинной жизнью, съ своемъ общиннымъ землевладѣніемъ, наша черная Русь и крестьянская изба невольно вырѣзываются на сценѣ, съ которой больше и больше исчезаютъ въ туманѣ фаланстеры, Икаріи, національныя рабочія, государственныя подряды и пр.

Возраженія, которыя я слышалъ на эту стародавнюю мысль мою, всѣ безъ исключенія, не только не переубѣдили меня, но, вообще, были не серьезны и походили на богословскія доказательства *текстома*, имѣющія вѣсь только для тѣхъ, кто самъ принимаетъ текстъ за критеріумъ истины.

Жецева, 1 іюня 1865.

Письмо четвертое.

Прежде, чѣмъ мы будемъ продолжать нашъ *аргументъ*, какъ говорятъ здѣшніе школьники, я долженъ вамъ рассказать о разговорѣ, который былъ у меня съ однимъ изъ вашихъ друзей, по поводу моихъ писемъ къ вамъ. Онъ прямо изъ Москвы, и тутъ-то я увидѣлъ, какъ былъ правъ, что поздравлялъ васъ съ долгимъ отсутствіемъ изъ Россіи. Разговоръ, о которомъ идетъ рѣчь, близокъ къ нашему предмету, и мы имъ, какъ маленькимъ проселочнымъ объѣздомъ, незамѣтно выѣдемъ на нашу большую дорогу. «Вы престранный человекъ, — говорилъ онъ, — и я не могу вамъ надивиться; въ вашей мысли два потока; я думаю что вы, пишете двумя разными перьями; изъ двухъ разныхъ чернилницъ. Съ одной стороны, вы болѣзненно ясно понимаете все страшное положеніе наше и безпощадно клеймите его; съ другой, — вы полны прежнихъ надеждъ и вѣрованій. Какъ будто, ничего не было; какъ будто, правительство не рѣзало Польши и общество не плескалось съ дикимъ упоеніемъ въ ея крови; какъ будто, литература не превратилась: консерваторская — въ доносъ, прогрессивная — въ

¹⁾ Я рискнулъ.

извозчицью брань; какъ будто, вы не знаете, какая сонная, сытая, ко всему безучастная апатія овладѣла обществомъ, которое бѣсновалось года три-четыре тому назадъ въ «восторгѣ нѣкомъ пламенномъ», говоря о своемъ либерализмѣ, гуманизмѣ, прогрессизмѣ»...

Затѣмъ, такъ какъ это не въ первый разъ, я ужъ и ждалъ:.... «еслибъ вы только могли провести мѣсяць или два въ Петербургѣ или Москвѣ, какъ бы вы отрезвились»...

— Не думаю...

— Хорошо говорить издали, а-посмотрѣли бы, что дѣлается поближе. Люди, равнашіеся на дѣятельность, люди, которые были готовы итти на каторгу съ Михайловымъ и Обручевымъ, стояли сложа руки, когда Чернышевскій былъ у позорнаго столба; люди, находившіе васъ отсталымъ, люди, шедшіе на площадь, социалисты, демократы, теперь...

— Вольно же вамъ было пыль, поднявшуюся передъ грозой, принять за самую грозу.. Все легкое и пустое прежде всего уносится вѣтромъ, кружится въ воздухѣ, а потомъ опять падаетъ на мостовую, въ канаву; это — явленіе не новое, но ново то, что у насъ приходятъ въ отчаяніе оттого, что сухія листья и бумажные змѣи приняли за небесныхъ герольдовъ и архангеловъ. Мы проходимъ скверной полосой, но мы не сядемъ въ ней, и нашъ ропотъ, исполненный безнадежностью, происходитъ отъ непривычки къ борьбѣ съ ея капризными приливами и отливами. Въ этомъ отношеніи есть чему поучиться намъ у западныхъ людей, особенно у англичанъ. Мы ужасно скоро бросаемся на все и ужасно скоро все бросаемъ, — ни выдержки, ни терпѣнья. Выбиваемся изъ силъ отъ всякой неудачи, непредвидѣнное препятствіе конфузитъ насъ, ошибка заставляетъ теряться, пораженіе — опускать руки. Вѣры мало, дыханіе коротко. Отъ того ли это, что мы не находимъ все еще своего настоящаго дѣла, или отъ чего другого, — все это очень печально, тѣмъ не меньше въ настоящемъ случаѣ, въ этой невыдержкѣ лежитъ залогъ, что и бѣснующійся патріотизмъ такъ же скоро пройдетъ, износится, какъ прошелъ галопирующій либерализмъ. Перестрадавъ весь позоръ этой печальной эпохи, мы предвидимъ ея конецъ. Неужели вы думаете, что судьбы Россіи измѣнятся отъ этой катковско-муравьевской грязи по ступицу? Лапти по ней кой-какъ пройдутъ, а если увязнутъ кое-какіе сапоги, особенно нѣмецкой работы, бѣда, право, не велика.

— Да, вѣдь, и мы съ вами ихъ носимъ...

— Я и не вижу особой необходимости ни въ васъ, ни во мнѣ; но въ этомъ случаѣ вы ошибаетесь: мы выйдемъ, можетъ,

босыми, можетъ, потонемъ, но съ чистой совѣстью, съ чистыми ногами.

— А если не потонемъ, то куда же пойдѣмъ? Я не спору, мало ли что можетъ быть «лѣтъ черезъ пятьсотъ» ¹⁾, по пушкинскому выраженію, но теперь-то, когда все молодое состарилось за ночь, когда потухли таланты, въ университетахъ пьютъ тосты за Муравьева, когда журналы...

— Опять старая исторія. Прежде, чѣмъ требовать и негодовать, слѣдовало бы опредѣлить себѣ, въ чемъ состояла *общественная задача европеизма въ общей экономіи русскаго развитія*, — не та задача, которую сами себѣ ставили люди или которую мы за нихъ ставили, а та, которая досталась имъ на часть по самому теченію жизни. Вы ихъ клянете и браните, а мнѣ кажется, что они *свое дѣло сдѣлали*, и теперь сходятъ со сцены по минованіи надобности. И это въ то же время, какъ по другой лѣстницѣ спускается другая Россія, Россія англійскаго клуба, мертвыхъ и ревизскихъ душъ, гумна и конюшни.

— Ну, эти пьесу свою сыграли до конца, а какая же пьеса была у нашихъ?

Пьесу-то вы и проглядѣли... Она преинтересная и называется «Знакомство двухъ незнакомцевъ, или новая смѣсь французскаго съ нижегородскимъ».

— Ничего не понимаю.

— Что жъ мнѣ съ вами дѣлать. Общественная задача западной цивилизаціи въ Россіи состояла въ *объясненіи соціальныхъ началъ русскаго быта и въ усвоеніи /соціальныхъ идей Запада...* Двадцать лѣтъ тому назадъ едва осмѣливались намекать на это славянофилы, Гакстгаузенъ, мы и потомъ то новое поколѣніе, на которое вы нападаете; оно-то и заявило свои соціальныя стремленія и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленія чисто русскія, это—фактъ, и его изъ сѣзнанія топоромъ не вырубить. Люди, участвовавшіе въ этомъ, могутъ цвѣсти или завянуть, писать романы или и не читать ихъ, жить долго или скоро умереть — все равно, свою службу они отправили. Очень вѣроятно, что имъ мерещилось гораздо больше, а именно, что они будутъ призваны на осуществленіе своихъ идеаловъ... это не удалось. До полнаго приложенія много еще пройдетъ случаевъ и ужасовъ; ужасы почти всегда пропорціональны силѣ власти, неразвитости массъ и количеству войска; а тутъ еще наткнемся на какую-нибудь глупую войну, на какую-нибудь глупую дворянскую конституцію, на какую-нибудь «счастливую»

¹⁾ «Евгеній Онѣгинъ».

случайность», какъ выражался Александръ I, или на какую-нибудь «несчастную».... Все можетъ быть, но лишь бы продолжалось то социальное развитіе, которое прозябаетъ на нашихъ поляхъ. Наша сила тутъ, какъ Самсонова была въ волосахъ.

— Все это хорошо... да гдѣ же взять столько голландской флегмы или философскаго спокойствія?

— Хотите, я вамъ открою секретъ моей философіи? Онъ можетъ равно пригодиться для частной и для общей жизни. Вся тайна заключается въ текстѣ: «Марѳа, Марѳа, печешесе о мнозѣ, *едино же* есть на потребу». Узнать, опредѣлить для себя это *единое* и оставить все: отца, мать и прилѣпиться къ нему, за нимъ слѣдить со всей настойчивостью, страстью, ревностью, къ которой человѣкъ способенъ, допуская всему остальному мѣняться, измѣняться, уклоняться, совѣмъ лопать. Человѣкъ, глубоко сосредоточенный на одномъ, долженъ быть *леикомысленнымъ* во всемъ другомъ, иначе онъ растеряется и ни во что не принесетъ полной силы. Отчего Ротшильды богаты и богатѣютъ? Оттого, что все ихъ существованіе постоянно подчинено главной цѣли. Основной тонъ жизни Кобдена была свобода торговли, и онъ во всѣхъ событіяхъ, во всѣхъ вопросахъ смотрѣлъ прежде всего и послѣ всего на free trade ¹⁾. Передъ всякой войной и послѣ всякой войны Кобденъ обшуживалъ могущія быть отъ нихъ стѣсненія или расширенія международныхъ торговыхъ отношеній. Во Франціи революція,—Кобденъ разсчитываетъ шансы трактата; во Франціи другая,—Кобденъ посылаетъ проектъ. А тамъ Пиль-ли министромъ въ Лондонѣ, Персиньи ли въ Парижѣ, ограбили ли нѣмцы бѣлымъ днемъ Данію или нѣтъ—это не то, чтобъ было все равно, но не на первомъ планѣ. Равнодушны ли мы къ кровавымъ путямъ, по которымъ идетъ правительство наше, поддерживаемое обществомъ,—это вы знаете... Два года изъ нашей груди не вырвалось свѣтлаго звука, два года мы постоянно были на похоронахъ, униженные, словно, и мы участвовали въ убійствѣ, и при всемъ томъ живой о живомъ и думаемъ, и пока Россія не своротила съ главнаго трѣкта, пока она *туда идетъ*, какая бы скорбь ни была на душѣ, мы не впадемъ въ отчаяніе и не поступимся нашей вѣрой. Въ 1862 году я говорилъ ²⁾: «Только тотъ, кто, призванный къ дѣятельности, пойметъ быть народа, не утративъ того, что ему дала наука, кто затронетъ народныя стремленія и на осуществленіи ихъ оснуетъ свое участіе въ общемъ земскомъ дѣлѣ, тотъ только и будетъ *женехомъ грядущимъ*.

«Кто же будетъ этотъ суженый?

¹⁾ Свободная торговля.

²⁾ «В. Н. Каразинъ». А. И. Г.

«Императоръ ли, который, отрекаясь отъ петровщины, совмѣститъ въ себѣ царя и Стеньку Разина? Новый ли Пестель? Опять ли Емельянъ Пугачевъ, казакъ, царь и раскольникъ, или крестьянинъ и пророкъ, какъ Антонъ Безденскій?»

«Трудно сказать.

«Но кто-бъ онъ ни былъ, наше дѣло итти къ нему навстрѣчу съ хлѣбомъ и солью».

Вотъ вся тайна моей философіи, весь мой маккиавелизмъ. Многіе догадываются о ней, но никто не рискуетъ прямо высказать, такъ еще мало свободенъ нашъ разумъ и нашъ языкъ отъ разныхъ картонныхъ драконовъ и отставныхъ святыхъ. Къ тому же мы мало привыкли избирать *единое на потребу* и итти постоянно къ нему. Есть люди, которые постоянно въ жизни видятъ ея изнанку, ея шероховатую сторону, ея случайные недостатки, и изъ-за нихъ теряютъ всю гармонию, всю картину свѣтлой, лицевой стороны ея. Организациі желчно-раздражительныя и нетерпѣливыя, специалисты, неловкіе въ обобщеніи, затерявшіеся въ мелочахъ, они дѣлаются въ общественной жизни тѣмъ, что на языкѣ французской революціи называлось *алармистами* ¹⁾; они охлаждають каждый порывъ, бросаютъ сомнѣнія тамъ, гдѣ нужна вѣра, они стягиваютъ въ подробности тамъ, гдѣ ихъ надобно забыть, и всего больше *во лжи* тогда, когда *правы*, потому что лѣстница отъ частнаго къ общему у нихъ потеряна, потому что правда ихъ плоска и ихъ взаимное отношеніе утрачено. Если оптимизмъ—большая глупость, то пессимизмъ—большое несчастье, и какъ ни жаль ихъ, но удивляться мудрено тому, что комитетъ общественнаго спасенія рубилъ головы алармистамъ.

— Сила крестная съ нами—сказалъ вашъ пріятель, расхохотавшись,—да это вы меня просто прочите на гильотину.

— Непремѣнно, если вы воротитесь съ вашими привычками въ 1794 годъ.

Вы, мой милый путешественникъ, я знаю, не дѣлите нетерпѣливаго и капризнаго взгляда этого, но его дѣлятъ многіе, и это—дурной признакъ. Старцы Сибири возвратились черезъ тридцать лѣтъ каторги съ молодыми надеждами, съ горячей вѣрой! Мы сами вынесли длинное путешествіе черезъ николаевскую Сахару и чего, чего не было на пути. Разбуженные 1825 годомъ, мы росли, имѣя за собой страшную судьбу предшественниковъ, возлѣ страшное безучастіе среды и впереди страшное *ничего*. Грубые факты, глубыя факты гнали слово, мысль съ лица земли, а умственная дѣятельность росла втиши въ ту мѣру, въ которую бѣднѣла общественная

¹⁾ Бьющими тревогу по недостаточному для этого поводу.

жизнь. Люди спасались отъ погрома, отъ дикой силы, удаляясь въ отвлеченную науку или отыскивая между полусгнившими костями отгадку новыхъ бѣдъ и наталкиваясь именно на тѣ тайники русской жизни, о которыхъ мы говорили.... Сѣдые волосы показались на нашей головѣ... перешли мы за тридцать... за сорокъ лѣтъ. Сильнѣйшіе бойцы, съ крѣпкими мышцами гибли одинъ за однимъ, Бѣлинскій умеръ, Гоголь шелъ въ сумасшедшій домъ, Петрашевскій съ друзьями шли на каторгу—еще тише.... Одинъ грустный голосъ Грановскаго раздавался, какъ псалтирь, у похороненнаго тѣла и пророчилъ сквозь слезы жизнь будущаго вѣка и вѣру въ судьбы человѣчества... Молча смотрѣло новое поколѣніе, зачатое въ плачѣ и скорби, изуродованное до хилости, оскорбленное до юродства, сознававшее свое безсиліе, свое безправіе. Я жилъ тогда вдали,— что было въ этой дали, вы знаете по преданіямъ. Все, все измѣнилось; потерянный въ лондонскомъ туманѣ, свидѣтель голодной смерти единаго свободнаго народа и мученичества эмиграціи, я проповѣдывалъ о будущности Россіи, а Николай, Медуза-Николай, былъ еще живъ. Теперь *есть борьба, есть работа.*

Будучи въ меньшинствѣ собирающагося войска, матеріальная сила не съ нашей стороны, зато у противной грѣмады, кромѣ ея и привычки, ничего нѣтъ—ни ума, ни образованія, ни единства цѣли, ни плана. Правительство безпрестанно отталкиваетъ напоръ, кричитъ «смирно!», ловитъ забѣжавшихъ впередъ—это дѣло полицейское, но что жъ оно хочетъ сказать въ этомъ *смирно*, что сдѣлать на расчищенномъ плацѣ-парадѣ?—*Какъ что? Известно что.* А, въ сущности, вовсе неизвѣстно, и всего меньше правительству. Оно не злѣе и не хуже прежняго, но оно болье мечется, кидается, теревитъ, оно больше боится. Развѣ этотъ страхъ—не наша побѣда? Рядомъ съ «пороньемъ горячки» оно дѣлаетъ бездну несправедливостей, глупостей, ошибокъ—къ этому пора привыкнуть. Да и кто же ждалъ отъ него ума, гуманности, справедливости? Вѣдь, это, все же, продолженіе Николая, Павла и пр.

Вотъ когда оно, по нѣмецкому совѣту и по наговору помѣшницкихъ журналистовъ, подталкиваетъ всякими распоряженіями и искушеніями крестьянъ на замѣну общиннаго пользованія землей неслѣдственнымъ раздѣломъ ея въ собственность, тогда, дѣйствительно, морозъ деретъ по кожѣ. Мало ли что можно напортишь, имѣя въ своихъ рукахъ такую безконтрольную власть, такой приманчивой вещью, какъ буржуазная собственность, покупаемая съ льготами. Правительство, умѣвшее поддержать двѣсти лѣтъ крѣпостное состояніе и ввести его въ XVIII вѣкѣ тамъ, гдѣ его не было, имѣетъ слишкомъ богатые средства и слишкомъ широкую со-

вѣсть, чтобъ его не бояться. *Буржуазная оспа* теперь на череду въ Россіи; пройдетъ и она, какъ *дворянски-конституціонная*, но для этого не надобно дразнить болѣзнь и «высочайше» способствовать ей.

Если мы вынесемъ эти посягательства, не протестуя, мы не будемъ имѣть даже того извиненія, которое имѣли наши цивилизаторы: они или вовсе не понимали или вѣрили въ пользу вколачиваемаго образованія, скроеннаго по иностраннымъ шаблонамъ. Тутъ—мѣсто борьбѣ и обличенію, мѣсто энергіи и страсти, тутъ мы должны преслѣдовать, клеймить безъ устали и остановки. А вести войну съ частными промахами и гнустностями правительства; хотя и должно, но, это не можетъ стоять на первомъ планѣ.

То же приходится сказать о нашемъ благородномъ обществѣ, о томъ, которое называло увлекавшихся юношей зажигателями, которое рукоплескало ссылкѣ Чернышевскаго, казнямъ поляковъ и посылало телеграммы Муравьеву и его литературному дрягилю ¹⁾... Кто же составляетъ основу и ядро этого общества, этой Россіи, которой Зимній дворецъ—въ двухъ англійскихъ клубахъ, а крѣпости и будки—во всѣхъ помѣщичьихъ домахъ? Та же прежняя матушка Россія—Россія «Недоросля» и «Мертвыхъ душъ», «Горя отъ ума» и «разказовъ охотника». Пѣночкинъ ²⁾ сталъ либеральнымъ государственнымъ человѣкомъ, но, все же, остался Пѣночкинымъ; Ноздревъ сталъ *краснымъ* патриотомъ, муравьевскимъ якобинцемъ, оставшись Ноздревымъ... Развѣ мы этой Россіи, идущей отъ петровскихъ заводовъ, отъ разныхъ Салтычихъ и Бироновъ не знали прежде? Развѣ не пѣли мы ей на всѣ гѣлоса *de profundis* ³⁾ и «со святыми упокой»? Чему же дивимся мы, что она неизящно умираетъ; сна—не римскій гладиаторъ, а просто русскій помѣщикъ, отдающій богу душу, дѣлающій до конца глупости и заботящійся, какъ Николай, въ послѣднюю минуту, можно ли или нѣтъ причащаться, не выбривши бороды.

Какъ сословіе, дворянство имѣетъ меньше жизненной силы, чѣмъ правительство; послѣдняя, матеріальная сила его улетучилась—оно обнищало.

И передъ этими-то врагами наша молодежь хочетъ сложить руки въ уныніи... Полноте, это—мимолетныя минуты отчаянія и досады, въ которыхъ мѣшается гнѣвъ и любовь, плачь о павшихъ и чувство матеріальнаго безсилія. Онѣ должны пройти.

1 июля 1865.

¹⁾ Т.-е. Каткову, дрягиль—крючникъ.

²⁾ Герой разказа Тургенева «Бурмистръ».

³⁾ Одинъ изъ семи покаянныхъ псалмовъ, читаемыхъ во время заупокойнаго богослуженія у католиковъ.

Письмо пятое.

Васъ еще удивляетъ, оскорбляетъ глубокое непониманіе нашихъ старшихъ братій *о цивилизаціи*... Удивлялся и я, негодовалъ и я—и теперь едва покоряюсь темной силѣ. Злые духи, разъ поселившись въ человѣкѣ, да еще имѣя за себя давность, упорны; ихъ изгнаніе или заговариваніе никогда не было дѣломъ легкимъ. Нѣтъ людей подъ рукой,—они бросаются, какъ вы знаете по писаніямъ, въ стадо многокопытныхъ и съ ними мутятъ воду. Развѣ, изобрѣтутъ какую-нибудь машину для *дренажа человѣческой ума*, а то одной логикой не много стѣлаешь.

Человѣкъ увѣренъ, убѣжденъ, что истина, сказанная имъ, выведенная имъ, доказанная имъ убѣждаетъ и другихъ. Ему возражаютъ, онъ отвѣчаетъ; ему приводятъ новыя сомнѣнія, онъ приводитъ новые доводы и думаетъ, что дѣло сдѣлано. Противники соглашаются, восторгаются — и вы можете быть увѣрены съ той несомнѣнностью, съ которой вы ждете луннаго затменія, что черезъ два-три мѣсяца явятся тѣ же возраженія, тѣ же сомнѣнія, тѣ же озлобленія, въ родѣ утокъ въ извѣстной дѣтской игрушкѣ, которыя постоянно выходятъ изъ правой башенки и отправляются въ лѣвую, безъ всякаго конца, потому что все это однѣ и тѣ же.

Годы цѣлые бьешься, бьешься о непобѣдимую мощь непониманія, думаешь: ну, сколько-нибудь выигралъ!.. Не тутъ-то было—все на одномъ мѣстѣ!.. Послѣ десятаго разговора вамъ возражаютъ точно то же, что при началѣ перваго, *совершенно соглашаясь со вѣстью, что было юворено въ промежуткахъ.*

Казалось бы, оставить икъ въ покоѣ,—горбатаго лѣчить одна могила,—силъ нѣтъ. Человѣкъ не можетъ съ рыбимъ хладнокровіемъ смотрѣть на другого, когда тотъ идетъ не по настоящей дорогѣ да еще, того и гляди, попадетъ подъ колеса почтовой кареты, въ которой скачетъ сама исторія.

Откуда эта лѣнь ума, эта робость силлогизма, это желаніе не итти дальше, набросить покрывало?... Давно ли, кажется, западный человѣкъ, освобождаясь отъ двухъ самыхъ грубыхъ опекъ, рвался впередъ съ отвагой въ мысли и дѣла, отрицая все неоправданное разумомъ, потрясая все существующее и по дорогѣ создавая науку и ставя огромный вопросъ современности? Его-то онъ и испугался, какъ Фаустъ вызваннаго имъ духа. Смѣлъ онъ быть въ ожиданіи, въ теоретическомъ отрицаніи, въ ломаніи внѣшнихъ цѣпей; чередъ прицель до приложений, и западный человѣкъ

сталъ революціоннымъ консерваторомъ, краснымъ благо-цвѣта. Порогъ ли это, за который онъ запнулся, или его предвѣту покажетъ время, но до тѣхъ поръ у насъ съ нимъ нѣтъ размѣнка. Выходя изъ отвлеченныхъ сферъ, мы встрѣчаемъ въ немъ законнѣлаго врага или не понимающаго друга. Последній хуже. Для меня нѣтъ ничего противнѣе, какъ непониманіе съ сочувствіемъ и съ нѣкоторой любовью.

«Что вамъ нравится въ моихъ статьяxъ?»—говорилъ я многимъ и многимъ изъ западныхъ друзей. «Дайте себѣ отчетъ, вы увидите, что мы стоимъ на противоположныхъ полюсахъ. Вы или увлекаетесь дружбой ко мнѣ, или моимъ слогомъ; сущность моей мысли не принята вами и скорѣе противна вамъ, чѣмъ симпатична. Для меня это безконечно печально, печально за васъ и за вашихъ, и я васъ прошу: не восхищайтесь моими статьями или поймите ихъ. Въ 1848 году вы сдѣлали fiasco—затѣмъ реакція, апатія; на землѣ—имперія порядка, на небѣ—воздушный шаръ социальныхъ теорій, плавающій по воздуху безъ вожжей, руля и почвы, куда бы спуститься. Вы всё говорите, что видите прошлыя ошибки, что ищете новыхъ рѣшеній; вы всё жалуетесь, что старинныя стѣны и развалины вамъ не даютъ ступить шага; вы ждете въ раздумьи и не можете ума приложить, что дѣлать. Являются какіе-то люди, которые приносятъ вамъ вѣсть о странѣ, въ которой существуютъ искони задатки иного социального устройства, на поляхъ которой нѣтъ развалинъ, а есть только что поставленные острожные настоколы, нѣтъ устарѣлыхъ правъ, а есть надобвшее безправіе, нѣтъ консервативныхъ вѣрованій, а есть силой удерживающіяся цѣпи и веревки.»

«Что же вы сдѣлали съ этими вѣстями? Исслѣдовали ли вы, справедливы или ложны показанія этихъ людей и въ чемъ состоитъ это естественное рѣшеніе вопроса? Нѣтъ. Вы продолжали, съ одной стороны, риторическую войну возгласовъ на старшіе беранжеровски-либеральныя нагѣвы, которые насъ такъ и переносятъ въ блаженныя времена тьеровскаго либерализма и оппозиціи Гизо; съ другой, вы все еще хотите намъ перелить въ жилы вашу старую кровь съ вашей старой мудростію; съ которой вы дошли до второго пришествія имперіи.»

«Изъ вашей цивилизаціи намъ только и нужно то, что вы въ ней считаете варварскимъ, то, чему вы запираете двери; и то, что одно могло бы васъ спасти такъ, какъ спасетъ насъ. А вы, вмѣсто пониманія, хотите насъ учить вашему кодексу, вашему канцелярскому и камерному порядку. Намъ ваше пониманіе не нужно, намъ нужна ваша наука; скрыть ее вы не можете: она

родилась у васъ, но она не ваша. Вамъ нужно насъ знать, иначе вы можете по-римски поплатиться за старческое невниманіе къ варварамъ, за аристократическое пренебреженіе новыхъ народовъ».

Такъ, какъ въ «Гамлетѣ» трагедія представляется въ трагедіи и на сценѣ сцена, такъ я хочу въ письмѣ къ вамъ передать другое письмо, писанное мною года три тому назадъ. Вы увидите, какъ вопросъ этотъ мало двигается. Въ 1862 г. одинъ нелѣпый лондонскій журналъ снова напалъ на Бакунина и по дорогѣ зацѣпилъ и насъ; я отвѣчалъ нѣсколькими словами съ откровенностью македонскаго солдата и съ учтивостью русскаго гарнизоннаго офицера.

Вслѣдъ затѣмъ я получилъ письмо отъ одной англичанки...

Перебирая всю мою жизнь за границей, я долженъ сознаться, не обижая многихъ и многихъ мнѣ близкихъ и дорогихъ людей,— полное пониманіе нашего вопроса я встрѣтилъ *одина разъ*—и это не въ мужчинѣ, а въ женщинѣ и притомъ въ англичанкѣ ¹⁾).

Письмо было отъ нея. Она испугалась тона полемики и того озлобленія, которое могло итти за предѣлы жалкаго листка. Письмо ея было такъ благородно и полно дружбы, что мнѣ пришлось въ голову серьезно разъяснить вопросъ въ рядѣ писемъ къ ней. Пока я собрался, дѣла приняли другой оборотъ—насъ покрыло дымнымъ и кровавымъ туманомъ петербургской реакціи и польскаго возстанія. Ненависть ко всему русскому еще разъ оправдалась. Гдѣ тутъ было дѣлать различіе между официальной Россіей и той, о которой мы говорили! Къ тому же дворянская и литературная чернь заткнула за поясъ правительство и полицію.

Я оставилъ въ портфель письмо, написанное къ ней, и, съ горестью сложа руки, ждалъ, чѣмъ кончится это испытаніе. Вотъ **вамъ** оно:

...«Мнѣ трудно отвѣчать на ваше письмо; за ваши добрыя, дружескія слова я, кромѣ сердечной благодарности, не могу ничего сказать хорошаго или утѣшительнаго. Я боюсь за свою откровенность, но не могу, писавши къ вамъ, остановиться на полдорогѣ. Не сердитесь же на лампу за то, что она освѣщаетъ. Вообще, дѣла людскія хороши en gros. Исторія, какъ Альпы, красива издали.... вблизи сѣрые камни, замаранный снѣгъ, обрывы и все еще бездна дороги, и притомъ дурной, тяжелой дороги впереди...

¹⁾ E. Reeve.

«Позвольте мнѣ напомнить начало нашего знакомства. Вы протянули мнѣ руку, не зная меня лично, и протянули ее во имя дѣла, которое я дѣлалъ, и во имя міра, о которомъ я свидѣтельствовалъ. Не знаю, какимъ вдохновеніемъ, какимъ наитіемъ вы почувствовали *живые восходы* подъ нашими снѣгами и отгадали, что мрачный и нѣмой міръ нашъ не *отходилъ*, а *нарождался*. Вы привѣтствовали его во мнѣ, когда я случайно попался на вашей дорогѣ, и я безконечно вамъ благодаренъ за это, но что сдѣлали другіе? Что сдѣлала *старая гвардія* цивилизаціи, съ которой я сблизился на ея ватерлооскомъ полѣ, что сдѣлали покрытые сѣдинами и шевронами колонновожатые рода людского, которые завели его въ болото и потеряли путь?

«Сначала они меня слушали съ тѣмъ молчаніемъ, съ которымъ слушаютъ, находясь не въ авантажѣ, даже безвредныхъ сумасшедшихъ. Потомъ, когда половина предсказаннаго стала осуществляться, они, какъ римскіе сенаторы въ дѣлѣ Сципіона, закрыли глаза... А вы говорите: объясняйте имъ, толкуйте.

«Ненависть къ Россіи,—никакъ не надобно ошибаться,—не относится исключительно къ правительству, къ дворянству или «схизматическому» духовенству, а просто-напросто *уломъ ко всему русскому*. Вы составляете исключеніе,—можетъ, еще два-три человѣка,—да и то, если вы безъ ненависти смотрите на народъ русскій, то скажите откровенно, *любите ли вы Европу?* Ненависть къ Россіи не взаимна, совсѣмъ напротивъ; Россія съ начала XVIII-го вѣка находила въ Европѣ свои модели, свои выкройки, свои прописи, тянулась за ней во всемъ, подражала ей и едва теперь начинаетъ сторожить уши. Съ тридцатыхъ годовъ либеральная Европа привыкла на нашей спинѣ со спартанской педагогической несправедливостью наказывать гадости всѣхъ правительствъ; чѣмъ больше она теряла право критики домашнихъ дѣлъ, тѣмъ свирѣпѣе сѣкла она Россію, не замѣчая, что она хлещетъ не только по той Россіи, которая все ломитъ и все давитъ, а и по той, которую все давитъ и все ломитъ. Это зрѣлище довольно новое. Слыхали ли вы, чтобъ за неаполитанскихъ Бурбоновъ кто-нибудь сталъ позорить крестьянъ на terra di lavoro ¹⁾, горцевъ въ Калабріи или за австрійское удушливое императорство бросать грязью въ тирольца или моравя? *Тутъ* ненависть къ правительству и къ силамъ, его поддерживающимъ, *тамъ* зоологическое, инстинктивное отвращеніе, *консервативная* ненависть старой расы,

¹⁾ На полѣ.

встрѣчающейся съ неизвѣстнымъ intrus ¹⁾), съ новой расой, бродящей по границѣ и, словно, засматривающей въ глаза. А, вѣдь, мы смотрѣли до сихъ поръ вовсе не такъ, какъ Францъ Мооръ, спрашивая своего дряхлаго отца: «что жъ ты вѣчно хочешь жить, что ли?». Мы смотрѣли отъ внутренней тоски, мы искали совѣта и науки. Встрѣчая въ послѣднее время надменную ненависть, и мы, наконецъ, начинаемъ хмуриться. Изъ этого могутъ вырасти бѣды, кровавыя столкновения,—вы хотите ихъ устранить. Хотѣлъ бы и я, но гдѣ же возможность, гдѣ элементы?... Вы говорите: «продолжайте ваше апостольство, раскрывайте глаза западнымъ людямъ, не прибавляйте яду и озлобленія въ натянутое положеніе». Простите меня, я не узнаю тутъ вашу самобытную, безбоязненную мысль: sans peur ni reproche ²⁾. Гдѣ же ваше гордое смиреніе передъ фактической необходимостью? Васъ исполняетъ ужасомъ «собирающаяся борьба двухъ разныхъ цивилизацій», и я смотрю на нее съ ужасомъ, но не могу же я кинуться навстрѣчу лавинѣ!...

«Вы сомнѣваетесь въ *достаточности* причинъ, вы сомнѣваетесь въ ненависти и относите ее къ недоразумѣнію; вы говорите, что это чувство новое. Я былъ бы радъ согласиться съ вами, но мнѣ сдается, что причинъ больше, чѣмъ надобно, больше, чѣмъ ихъ было во всѣхъ роковыхъ столкновенияхъ «двухъ цивилизацій», міра греческаго, напр., съ міромъ персидскимъ, міра германскаго протестантизма съ міромъ романскаго католицизма, міра романской революціи съ міромъ германскаго консерватизма...

«Мы разумомъ побѣждаемъ въ себѣ, т.-е. мы—нѣсколько человѣкъ, порывы физиологическихъ антипатій, и то при малѣйшемъ поводѣ они берутъ верхъ.

«Ну, а тамъ, гдѣ всякое очеловѣченіе неизвѣстно и гдѣ ненависть раздуваютъ всѣми силами—изъ видовъ, изъ риторики, изъ непониманія? Вы правы, это чувство ненависти не всегда существовало, но на этомъ-то я и основываю его страшную будущность—*оно въ ростѣ*.

«Пока Россія являлась ученицей, антагонизму не было мѣста, философы XVIII-го вѣка ласкали ее, поощряли, льстили ей; лицемѣрный литературный либерализмъ Екатерины II былъ принятъ au pied de la lettre ³⁾. Хваля ее, бранили своихъ (обратная игра той, которую я отмѣтилъ выше). При Наполеонѣ Европа съ Россіей

¹⁾ Вторгшимся.

²⁾ Безъ страха и упрека.

³⁾ Буквально.

помѣрились, узнали, что имъ другъ друга не сломить, и успокоились на дипломатіи и конгрессахъ; вопросы были спутаны, дѣло шло не о «двухъ цивилизаціяхъ», а о завоевательномъ началѣ въ борьбѣ съ національнымъ. Польша-Европы было съ Россіей, русскія побѣды были нѣмецкими побѣдами, русская политика была обще-европейской, ультра-консервативной, специально нѣмецкой, но не національной, не русской. Открытый антагонизмъ между Европой и официальной Россіей начался съ 1830 года. Дерзкая, обуховая политика Николая, гоненія дома, а всего больше въ Польшѣ, вооружили общественное мнѣніе всего міра противъ Россіи. Россія казалась постояннымъ тормозомъ, задерживавшимъ всякое движеніе Европы, мѣшавшимъ всякому прогрессу.

«Но и этотъ антагонизмъ не былъ еще серьезенъ: борьба Ормузда и Аримана рѣшена впередъ. Европа представляла все хорошее—свободу, науку, цивилизацію, гуманность; Россія—материальную силу, безправіе, крѣпостное состояніе, самовластіе, Сибирь, рудники, кнутъ. Чисто отрицательное начало не можетъ выдерживать войну съ началомъ положительнымъ. И какъ бездарно ни была ведена Крымская война, со стороны союзниковъ, но она показала не одну, а нѣсколько Ахиллесовыхъ пятъ Россіи. Она показала, что народъ не былъ за войну, что общество не было за войну, что литература не была за войну. Она показала общее неудовольствіе, общій ропотъ. Мрачное отчаяніе, съ которымъ защищали Севастополь, выражало только народное «не тронь меня» и свидѣтельствовало о той силѣ, которую могла бы возбудить народная борьба. Для прочной, долгой борьбы, для серьезнаго историческаго антагонизма необходимъ *нерѣшенный вопросъ*, необходимо, чтобъ *правда и неправда* была съ обѣихъ сторонъ и чтобъ вопросъ былъ на животъ и на смерть.

«Гдѣ же вопросъ, на которомъ «двѣ цивилизаціи» могли бы торжественно слиться, отрекаясь отъ всѣхъ антагонизмовъ, или окончательно расшибиться другъ объ друга въ дикомъ единоборствѣ? Вы его ставили много разъ съ такой ясностью, что мнѣ, если-бы я не къ вамъ писалъ, пришлось бы переписать ваши слова»...

Первое письмо этимъ оканчивалось, второго я не писалъ. Польское возстаніе, какъ я сказалъ, захватило все вниманіе и надолго смѣшало карты. Озлобленіе, ненависть къ намъ Европы удалялись не только дѣйствіями русскаго правительства, но и чувствомъ собственного безсилія, невольной измѣны, стыда.

Въ этомъ хаосѣ страстей долженъ былъ бы потухнуть послѣдній лучъ пониманія. Совсѣмъ напротивъ, именно въ это время, по какому-то ясновидѣнію ненависти, заклятѣйшіе враги начали

разглядывать *дѣйствительную почву* нашего антагонизма... а наши западные друзья, не раскусивъ смысла, подхватили ихъ слова и начали бить, не отдавая себѣ никакого отчета, *кого они бьютъ*.

Въ 1863 году вышла въ Парижѣ брошюра, писанная полякомъ: «La Pologne et la cause de l'ordre» ¹⁾. Она ставила вопросъ совершенно ясно и указывая Европѣ, консервативной и либеральной, въ чемъ ей грозитъ опасность отъ Россіи и почему она должна всѣми мѣрами стараться стереть главу этой гидры. Католикъ, писавшій эту книгу, пошелъ дальше Доносо-Кортеса: Доносо-Кортесъ страдалъ одной покорной массой войскъ и единствомъ воли, располагающей ими. Авторъ брошюры прямо говоритъ, что Россія, сверхъ дикой силы, неустановившейся и готовой на все, представляетъ хаотическое отрицаніе западныхъ государственныхъ формъ, что во всѣхъ проявленіяхъ внутри бродящей силы ея страшный ферментъ *соціализма*, незаарканеннаго и мечущагося во всѣ стороны, который ничего не пощадить, ни передъ чѣмъ не остановится, ни передъ духовной, ни передъ гражданской святыею...

Наконецъ-то, то, что мы проповѣдывали столько лѣтъ, стало являться на площади въ полномъ парадѣ, въ санъ-бенито ²⁾, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, бросающими длинныя черты тѣни... Кто будетъ теперь сомнѣваться въ нашихъ словахъ?—ихъ подтверждаютъ враги. *Миръ порядка* отлучаетъ насъ, *миръ ниспроверженія* его протянетъ намъ руку...

Не тутъ-то было.

Они говорили объ официальной, окровавленной, казнящей Россіи. Не въ Зимнемъ же дворцѣ, не въ казармахъ и канцеляріяхъ *тотъ страшный ферментъ*, о которомъ говорилъ авторъ брошюры... Загляните подъ казенное красное сукно.

— Нѣтъ, нѣтъ!—кричатъ радикалы со всѣхъ сторонъ,—знаемъ мы васъ, вы не лучше, вы всѣ *коммунисты, социалисты!*

— А вы, господа,—такъ и хочется имъ отвѣтить—вы, все-таки, вдвое ближе къ всероссійскому императорству, которое ругаете по привычкѣ, чѣмъ къ вольнымъ людямъ, ищущимъ дѣйствительной свободы и дѣйствительной правды.

Съ ними, саго міо, будьте увѣрены, не скоро сговоримся мы.

20 іюля 1865.

¹⁾ Совѣтуемъ не читавшимъ этой брошюры ее прочесть. А. И. Г.

²⁾ Саванъ желтаго цвѣта съ вышитымъ на немъ краснымъ крестомъ, который одѣвали на осужденныхъ инквизиціею.

Письмо шестое.

На этотъ разъ, любезный другъ, я пишу къ вамъ не письмо, а скорѣе *post scriptum* къ двумъ прошлымъ письмамъ.

Меня паки и паки упрекають въ недомолвкѣ, въ неясности, требуютъ, чтобъ я сказалъ категорически, въ чемъ дѣло, отчего Россія *guter Hoffnung* ¹⁾, а Европа въ импассѣ...

Да, вѣдь, если я, двадцать лѣтъ говоря одно и то же, не дошелъ до того, чтобъ растолковать свою мысль, трудно себѣ представить, чтобъ мнѣ удалось теперь. Къ тому же рассказать, въ чемъ дѣло, значить ни больше, ни меньше, какъ изложить цѣлый курсъ социализма и рассказать историческое развитіе

Отъ Ромула до нашихъ дней ²⁾.

Это мнѣ не подъ силу. Что касается до общихъ мѣстъ, до сентенцій и афоризмовъ,—они большей частью оттого и безжизненны, что общи. Въ частныхъ развитіяхъ и примѣненіяхъ живѣе передается мысль. Къ тому же я не могу забыть, что и М. П. Погодинъ писалъ когда-то историческіе афоризмы.

Я черезъ два-три часа ѣду и хочу въ отвѣтъ на полученное мною замѣчаніе только поставить нѣсколько точекъ на *i*. Предупреждаю въ одномъ, что все это ужасно старо и можетъ скорѣе служить попрекомъ за невниманіе, чѣмъ новымъ постановленіемъ вопроса.

Государства,—таковъ нашъ главный тезисъ,—сложились, какъ все сложилось въ природѣ: по неопредѣленнымъ стремленіямъ, по открывавшимся возможностямъ, прилаживая и измѣняя внутреннія потребности къ внѣшнимъ обстоятельствамъ. По мѣрѣ развитія мысли, сознанія, является желаніе разумнѣе, цѣлесообразнѣе устроиться. Французская революція была колоссальной попыткой замѣнить политическій, юридическій, религіозный бытъ, такъ, какъ онъ выросъ подъ разными вліяніями, разумнымъ, такъ, какъ его понимали тогда. Книжный, философскій идеалъ энциклопедистовъ былъ совершенно достаточнымъ въ рукахъ меньшинства, чтобъ разрушить сѣдья стѣны старой Бастиліи... но, опрокидывая могучимъ потокомъ все церковно-политическое устройство, революція остановилась передъ экономическимъ вопросомъ, такъ, какъ реформація передъ текстомъ св. писанія. Ни реформація со своими сектами, ни революція со своими не могутъ *шагу итти дальше*,

¹⁾ Говорится о беременныхъ женщинахъ, находящихся въ ожиданіи; буквально «въ хорошей надеждѣ».

²⁾ «Евгеній Онѣгинъ».

не выходя—первая изъ христіанства, вторая—не касаясь экономического вопроса.

Предоставить орудія работы, экономическія силы, творчество и производительность, скученіе богатствъ и распредѣленіе ихъ случаю и привычному праву несообразно съ разумомъ, съ современнымъ пониманіемъ. Бездна матеріала пропадаетъ безъ рукъ, бездна рукъ гибнетъ безъ матеріала, огромныя богатства безъ производительности, огромные запасы безъ сбыта, избытокъ и голодъ, наконецъ, большинство всѣхъ народовъ, страдающее въ нуждѣ и невѣжествѣ, именно отъ случайнаго распредѣленія силъ и орудій. Въ этомъ хаосѣ нельзя жить; понявши его, невѣдѣніемъ теперь отзываться нельзя,—страстное желаніе исторгнуть жизнь изъ старыхъ формъ совершенно послѣдовательно. Но между прошедшимъ, за которое никто не отвѣчаетъ, и будущимъ, за которое *мы будемъ отвѣчать*, съ одной стороны, *сознаніе необходимой потребности*, съ другой—*вывода отстаиванія пріобрѣтеннаго*.

Недостаточность прежнихъ гражданскихъ идеаловъ ясна не только для тѣхъ народовъ, которые прошли ими, но и вообще для всѣхъ народовъ *идушихъ*. Для насъ это особенно важно. Намъ нѣтъ никакой необходимости переходить *вслѣми* фазами политической эволюціи для того, чтобъ вступить въ фазу экономического развитія.

Чѣмъ прочнѣе и больше выработаны политическія формы, законодательство, администрація, чѣмъ дороже они достались, тѣмъ больше препятствій встрѣчаетъ экономическій переворотъ. Во Франціи и Англіи ему представляется больше препятствій, чѣмъ въ Россіи, чѣмъ въ Молдо-Валахіи. Тутъ нѣтъ ни гордости, ни униженія, это—фактъ, бросающійся въ глаза. Само собой разумѣется, что одна неразвитость гражданскихъ формъ не обусловливаетъ еще соціальнаго развитія, иначе Турція была бы ближе всѣхъ странъ къ нему. Въ Россіи есть почва въ бытѣ народномъ, въ народномъ характерѣ,—почва невоздѣланная, но готовая принять первое сѣмя; сѣмя это принесло къ намъ съ Запада. Признаніе за народомъ права на землю—величайшая побѣда, сдѣланная народнымъ смысломъ и *соціальной идеей*. Консервативная партія въ экономическомъ смыслѣ у насъ только-что слагается, ея росту надобно помѣшать. Императорская власть чисто внѣшняя, у ней сила, а не смыслъ. Препятствія на пути нашего развитія искусственныя, это—не рвы, а бревна, но бревенъ могутъ натаскать много, если мы будемъ сидѣть сложа руки.

Вотъ все, что мы проповѣдывали. Я и теперь еще убѣжденъ, что мы можемъ итти далѣе по пути соціальнаго развитія безъ

общихъ потрясеній, безъ экспроприаціи, безъ колонизаціи, безъ всѣхъ тѣхъ страшныхъ вещей, которыми въ Европѣ останавливаютъ, какъ медузиной головой, естественный ходъ дѣлъ.

Именно на этой помѣхѣ естественному росту основано все безуміе современнаго состоянія, напр., во Франціи. Сила имперіи и реакціи въ этомъ avortement ¹⁾ революціи.

Революцію, такъ, какъ она шла съ 1789 года, не могли своротить съ дороги ни обѣ имперіи, ни обѣ реставраціи; ее остановила громадность соціальной задачи и парализовало необъяснимое отношеніе къ ней дѣятельной среды развитого меньшинства. Пока дѣло шло о политическихъ правахъ, все образованное стояло со стороны движенія; дошедши до соціального вопроса, сдѣлалось новое расщепленіе. Нѣсколько человѣкъ остались вѣрными логикѣ и движенію, но масса образованныхъ отступила и очутилась, при своихъ оппозиціонныхъ замашкахъ, съ консервативной стороны. Народъ, за котораго прежній революціонеръ становился ходатаемъ, снова палъ на руки попамъ или вовсе остался безпомощнымъ въ потемкахъ низменныхъ сферъ жизни; адвокаты его, скрывавшіе за собой его дѣтскую неразвитость, разступились, и мы увидали нѣсколько пророковъ на горѣ, а внизу спящую тяжелымъ сномъ народную массу. Итти впередъ боялись, итти назадъ было невозможно. вѣра въ прошедшее была утрачена; надо было выждать, ладить, удерживать нужное и ненужное, отстаивать пріобрѣтенное, отталкивать новое. Такому положенію дѣлъ простой деспотизмъ имперіи, т.-е. самодержавной полиціи, естественнѣе конституціонной монархіи.

Колеблющаяся среда либерализма, основанная на освобождающемъ разумѣ и держащаяся за обязательныя преданія,—среда неискренняя, полная страховъ и угрызенія совѣсти, въ которой сосредоточивается вся дѣятельная сила Франціи, падаетъ изъ ошибки въ ложь, изъ лжи въ ошибку. Она не вѣритъ и поддерживаетъ католицизмъ; она боится социализма и хлопочетъ о народномъ образованіи; она не имѣетъ храбрости открыто звать на помощь невѣжество и великую узду голода. Изъ такого нравственнаго сумбура жизнь не можетъ осѣсть серьезно, а непрерывно расплывается, чинится, мѣняется, непрерывно торопится, не зная куда, зачѣмъ, въ какомъ-то чаду противорѣчій.

«Имперія—миръ!» ²⁾, кричатъ передъ войной.

¹⁾ Недозрѣваніи.

²⁾ Слова Наполеона III.

«Даровое ученіе, всеобщее ученіе—и да погибнетъ социализмъ!»—говорять республиканцы.

Работникъ мрачно смотритъ на все, говоря: «Работы, работы, и не нужно мнѣ вашихъ свободъ», забывая, что не будетъ обезпеченной работы безъ обезпеченной свободы.

И эти хаотическія сумерки выдаютъ намъ за лучшій цвѣтъ цивилизаціи... Чтѣ за вздоръ!

...Неужели и вы находите что-нибудь неяснаго въ этомъ сжатомъ положеніи? гдѣ? въ чемъ? Пишите, я готовъ отвѣчать.

◆◆ 1. Эти «письма» адресованы были, собственно, Николаю Владиміровичу Ханыкову, извѣстному оріенталисту и этнографу, командированному въ 1860 г. кн. А. М. Горчаковымъ въ Германію, Францію и Англію съ ученою цѣлью. Пріѣхавъ въ Тифлисъ въ началѣ 1863 г., въ началѣ 1864 г. онъ былъ опять командированъ за границу. Писемъ (не литературныхъ) Герцена къ нему не удалось пока найти, но имѣется нѣсколько писемъ Н. В. къ Герцену.

2. Герценъ зналъ и огласилъ то, что тщательно скрывалось и стало фактомъ позже, въ ноябрѣ. 18 ноября 1865 г. Н. П. Мансуровъ писалъ Валуеву: «Московское дворянство готовитъ подарокъ Каткову. Онъ выставленъ въ залѣ засѣданій и представляетъ большую чернильницу, украшенную воиномъ временъ Грознаго со знаменемъ «единство Россіи». На пьедесталѣ нѣсколько нумеровъ «М. Вѣд.» и между прочимъ выдержки изъ статей о Ш.-Ферроти. Мысль о подаркѣ возникла не неожиданно, но любопытно, что она была окружена тайной». «Катковъ недоволенъ моментомъ, выбраннымъ для выставки чернильницы. Дворянство имѣетъ видъ какъ бы заказчика статей», (архивъ П. Я. Дашкова, письма Мансурова). Фотографія чернильницы приложена при I томѣ собранія передовыхъ статей Каткова.

2604. Михайлы и Михайлы Николаевичи.

Муравьевъ удаленъ въ графы. Иностранная газеты говорятъ, что за воровство,—мы не вѣримъ: жена Цезаря выше подозрѣнія. Дѣлая его графомъ, рука дрогнула у государя, и онъ не прибавилъ ожидаемаго слова «Виленскій». Эта насмѣшка надъ несчастіемъ показалась неумѣстной въ Ниццѣ (рескриптъ подписанъ тамъ). Ждемъ съ нетерпѣніемъ возведенія Каткова въ графское достоинство и назначеніе какого-нибудь литературнаго Кауфмана редакторомъ «Вѣдомостей». ^{1.}

Но что намъ дѣлать съ третьимъ *спасителемъ* отечества, съ *третьимъ Михаиломъ*? Онъ по рожденію князь да еще великій. Недавно кавказскій Михайль отвратилъ страшную бѣду, висѣвшую надъ головою Россіи: онъ открылъ двухъ-трехъ гимназистовъ, составившихъ тайное общество «Молодой Грузіи и Молодой Арменіи», и затѣмъ были арестованы въ Петербургѣ какіе-то грузинскіе студенты. Что было бы съ нами, если-бъ не его бдительности!

◆◆ 1. 31 января кн. Долгоруковъ писалъ Валуеву, что отъ Вѣшателя, повидимому, удастся отдѣлаться, «не даря его Москвѣ» въ качествѣ ген.-губернатора. «Важно только пожелать, чтобы онъ сложилъ съ себя свои обязанности. Вещь совершенно простая, лишь бы хотѣтъ ее сдѣлать. Я думаю, что скоро онъ самъ попроситъ отставку». 20 апрѣля онъ же писалъ: «Вы получите распоряженіе о назначеніи Кауфмана вмѣсто Муравьева и рескриптъ, дающій послѣдному графскій титулъ. Я очень доволенъ, что его царствованіе кончено, и хотя убѣжденъ, что для сохраненія нашихъ западныхъ губерній еще необходимо военное положеніе, но желаю, чтобы новый ген.-губернаторъ понималъ, какова должна быть его граница» (архивъ П. Я. Дашкова).

2605. Нашимъ читателямъ.

Мы перевезли станокъ нашъ въ Швейцарію, «Колоколь» съ 25 мая будетъ выходить въ Женевѣ. Переѣздъ нашъ не вноситъ никакой внутренней перемѣны въ наше изданіе. Тверже, чѣмъ когда-нибудь, стоимъ мы на нашей почвѣ. Опредѣлять ее и высказывать свое *profession de foi* по поводу географическаго передвиженія мы считаемъ лишнимъ. Основы нашего воззрѣнія вамъ извѣстны со времени основанія первой Вольной русской типографіи въ Лондонѣ. Вы ихъ знали и прежде, но всего больше знаете ихъ изъ «Колокола». Восемь лѣтъ звонилъ онъ одно и то же; *службы*, къ которымъ онъ звалъ, мѣнялись, но *религія*, *духъ* оставались тѣ же.

Теперь на череду ударятъ къ Собору, къ Земскому безсословному Собору. До чьего-нибудь слуха звонъ нашъ дойдетъ и разбудитъ мысль о немъ. Если-бъ мы думали, что онъ бесплоденъ, мы сложили бы руки.

Многое изъ нашихъ горячихъ, заповѣдныхъ желаній приняло плоть и осуществилось,—если уродливо и не вполне, то, все же, осуществилось.

Десять дѣтъ тому назадъ крѣпостное право стояло твердо, ревниво охраняемой основой имперіи. Народъ русскій били отъ Авачи ¹⁾ до Одессы, по суду и безъ суда, въ казармахъ и переднихъ, въ частныхъ домахъ и на гумнахъ. Малѣйшій ропоть, слово негодованія, двуперстый крестъ наказывались строже воровства и грабежа... И мы говорили наслѣднику Николаю, когда онъ садился на его мѣсто: «Уничтожьте крѣпостное право, дайте землю крестьянину, освободите слово отъ цензуры и спину русскаго чело-вѣка отъ палки, отворите двери суда, дайте волю совѣсти».

...Мы говорили и повторяли эти слова на разные лады цѣлые годы. И все, затронутое нами, покачнулось.

Рухнулось крѣпостное право и едва цѣпляется за землю.

Тѣлесныя наказанія уничтожены для *виновныхъ по суду*; можно думать, что скоро перестанутъ бить и сѣчь *невинныхъ*.

Запертыя двери суда раскрываются, и юридическая реформа, какова бы она ни была, — прямое сознаніе со стороны правительства въ негодности прежней расправы.

Надтреснула цензура — и ее оставляютъ скорѣе допускаемымъ зломъ, чѣмъ защищаемой необходимостью ²⁾.

За двуперстный крестъ не наказываютъ, какъ за душегубство, и старообрядцы сравнены правительствомъ съ публичными женщинами: ихъ не дозволяютъ, но терпятъ.

Мы не хотимъ сказать, чтобъ нашъ звонъ вызвалъ эти *почины*, но они совершились *не безъ него*, онъ ихъ предварилъ, онъ къ нимъ звалъ, онъ первый ихъ громко высказалъ и безпрестанно повторялъ. Какая доля его взошла въ живую ткань событій, какъ она измѣнилась въ ней, какъ она ее измѣнила, кто уловить это, прослѣдить, кто измѣритъ и къ чему? Общій потокъ исторіи снимаетъ въ себѣ, увлекаетъ въ свой стержень всѣ капли, брызги, дожди, ручьи, какъ живое тѣло клѣточки и ячейки, и армія своихъ солдатъ; тѣмъ не меньше нельзя у рядового отнять сознаніе, что и онъ былъ участникомъ въ бородинскомъ бою или севастопольской защитѣ, такъ, какъ нельзя малѣйшей клѣточкѣ отказать въ признаніи ея живой частью слона.

Реформы, осуществленныя правительствомъ, неудовлетворительны, всѣ онѣ недоделаны, неоткровенны, косы, узки, всѣ онѣ носятъ характеръ временной сдѣлки, чего-то *покалъствъ*, на скорую руку, *faute de mieux* ³⁾. Дѣйствительная важность ихъ въ *починѣ*

¹⁾ Рѣка на Камчаткѣ.

²⁾ Большая ошибка, въ которую сумѣли тогда ввести не только Герцена, но и жившихъ въ Россіи публицистовъ.

³⁾ За неимѣніемъ лучшаго.

и невольномъ отрицаніи существующаго порядка дѣль. Но, вѣдь, говорило и дѣйствовало во всемъ этомъ одно правительство, а мы гуломъ слушали и принимали, не имѣя даже права отказываться. Что время пришло и намъ сказать свое слово, до такой степени очевидно, что само правительство постоянно пріостанавливается и слушаетъ (какъ извѣстный московскій полицмейстеръ) *молчаніе*... А если кто вздумаетъ сказать слово не по шерсти ему, того оно сажаетъ въ казематы или посылаетъ на каторгу. Такая двойная нелѣпость должна окончиться, и голосъ народный—получить право гражданства. Потому-то *Земскій Соборъ* и составляетъ первую, ближайшую, насущную, неотлагаемую потребность Россіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ необходимость разъясненія соціальныхъ и экономическихъ, гражданскихъ и юридическихъ вопросовъ, тѣснящихся и выплывающихъ впередъ въ современномъ движеніи русской мысли, русской жизни.

Соборъ не долженъ насъ застать врасплохъ.

Хотѣлось бы и намъ, по мѣрѣ силъ, участвовать въ этомъ разъясненіи вопросовъ и, оставаясь при прежней критикѣ казенныхъ построекъ и при прежнемъ обличеніи казенныхъ строителей, выдвинуть на первый планъ начала возможнаго чиноположенія. Это заставляетъ насъ расширить планъ нашего изданія.

Мы не будемъ больше исключать ни чисто теоретическихъ статей, ни историческихъ монографій, лишь бы онѣ имѣли прямое соотношеніе къ нашему русскому соціальному и гражданскому развитію. Будетъ такихъ статей много, будутъ онѣ слишкомъ велики для «Колокола»—мы снова примемся за «Полярную Звѣзду». Посылайте же намъ статьи, которыя вы не можете печатать въ Россіи при нынѣшней свободѣ книгопечатанія *съ цензурой* ¹⁾.

И такъ какъ мы ужъ обратились къ вамъ за статьями, скажемъ въ заключеніе еще объ одной потребности нашей. При всѣхъ нашихъ усиліяхъ, при всѣхъ общихъ статьяхъ, мы не сдѣлаемъ «Колокола» живымъ русскимъ органомъ *безъ корреспонденціи изъ края*. Въ послѣдніе два года ихъ было очень мало. Мы *заявляемъ вамъ это*. Просить корреспонденцій намъ не приходится—дѣло заграничной гласности столько же ваше, сколько наше: ваша совѣсть должна сама рѣшить, что надобно дѣлать. Серьезныхъ затрудненій въ доставленіи къ намъ писемъ нѣтъ.

¹⁾ Труды такого рода требуютъ много времени, много книгъ; работать безъ возмездія не всѣ могутъ. Мы приглашаемъ желающихъ платы за статьи, помѣщенные въ «Колоколъ» или въ «Полярной Звѣздѣ», писать намъ объ этомъ. *А. И. Г.*

Слѣдующій, 198, листъ «Колокола» выйдетъ 15 юня.

Цѣна листу *пятьдесятъ сантимовъ*. Книгопродавцы внѣ Россіи не имѣютъ ни малѣйшаго права *подымать цѣну*.

2606. Письмо къ Р. Лессеру. ¹

1 juin (1865).

La Boissière.

Monsieur, j'ai reçu votre lettre et j'ai immédiatement écrit à M. George—en lui recommandant de vous envoyer q. q. exemplaires du «Kolokol» en commission. D'après notre convention—le dépôt du journal sera chez lui et sous sa direction.

Quant aux livres, vous pouvez les avoir directement de moi—en commission avec un rabais de 35%—et contre paiement avec un rabais de 45% (Une partie des livres appartient à l'éditeur, c'est-à-dire à M. Trübner; je pense pourtant qu'il acceptera les mêmes conditions).

Voulez-vous les №№ du «Kolokol» depuis le 1 janvier 1865? Voulez-vous l'édition de Bruxelles? (Je vous envoie un échantillon). Je pourrais faire venir de Bruxelles deux brochures; l'une vient de paraître chez Muquardt en français «Camicia Rossa» (sur Garibaldi). Combien pour ex. voudriez-vous avoir? M. Tchorzewsky (il demeure chez moi) peut vous expédier tout cela et fournir d'autres détails. Il vous propose de prendre en commission un certain nombre de photographies. A propos, je vous remercie d'avance du portrait que vous voulez m'envoyer.

Recevez, cher Monsieur, mes salutations empressées,

Alex. Herzen.

P. S. Vous m'obligerez en me disant, si c'est vrai qu'il y à Vevey une institution d'éducation pour les demoiselles—jouissante d'une grande réputation. On m'en a parlé—mais je ne connais pas le nom.

Переводъ.

Милостивый Государь, получивъ ваше письмо, я немедленно написалъ г. George ¹⁾, предлагая ему послать вамъ на комиссію нѣсколько экземпляровъ «Колокола». Согласно нашему условію, складъ нашего журнала будетъ у него и подъ его управленіемъ.

Что касается книгъ, то вы можете получать ихъ непосредственно отъ меня съ уступкою въ 35%, если берете ихъ на ком-

¹⁾ Женевскій книгопродавецъ.

миссію, и въ 45% при наличномъ платежѣ. (Часть экземпляровъ принадлежитъ издателю, т.-е. г. Трюбнеру, но я думаю, что онъ будетъ согласенъ на тѣ же условія).

Желаете ли вы получить №№ «Колокола» съ 1 января 1865 г.? Желаете ли вы бруссельскія изданія? (Посылаю вамъ образецъ). Я могу велѣть выслать вамъ изъ Брюсселя двѣ брошюры; одна изъ нихъ только-что появилась на французскомъ языкѣ у Muquardt: «Самісіа Россѣ» (о Гарибальди). Сколько хотѣли бы вы получать съ экземпляра? Г. Тхоржевскій (онъ живетъ у меня) могъ бы выслать вамъ все это, а также сообщить другія подробности. Онъ предлагаетъ вамъ взять на комиссію извѣстное количество фотографій. Кстати, заранѣ благодарю васъ за портретъ, который вы обѣщали прислать мнѣ.

Примите мой искренній привѣтъ,

Алекс. Герценъ.

P. S. Вы меня очень обяжете, если сообщите, правда ли, что въ Вевѣ имѣется учебное заведеніе для дѣвицъ, пользующееся хорошей репутаціей. Мнѣ говорили объ этомъ, но я не знаю, какъ оно называется.

◆◆ I. Рихардъ Лессеръ (R. Lesser) служилъ сначала въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа въ СПБ., а въ началѣ 60-хъ годовъ завелъ свой магазинъ въ Вевѣ, занимаясь и издательствомъ, напр., переводомъ «Что дѣлать?» Чернышевскаго,

2607. Письмо къ Н. П. Огареву.

(5 іюня 1865). Понедѣльникъ.

Я хотѣлъ сегодня итти къ тебѣ, чтобъ взглянуть на мальчика ¹⁾,—не могу, т.-е. не могу послѣ этого письма ²⁾ себя наладить. Къ тому же, что я скажу его матери, что ему о себѣ?

Письмо это меня поражаетъ сильнѣе по тону безусловно земному и дружескому моего письма и двухъ.

Я не понимаю, что мнѣ дѣлать. Чего она хочетъ? Какъ ѣхать въ Россію или что же заявить о твоей дали съ ней? кому? Это бываютъ недоразумѣнія. Съ чего же начатъ? Тата знаетъ, Саша знаетъ. Не полиціи же заявлять? И ѣхать къ зимѣ! Совѣта и ты не найдешь, но подумай объ отвѣтѣ. Я кончу тѣмъ, что

¹⁾ Тутъцъ.

²⁾ Неизвѣстное письмо Н. А. Огаревой.

скажу: «дѣлай, какъ знаешь». «Двое погибли,—бери третье дитя на твою отвѣтственность». Вѣдь, я хотѣлъ къ юлю ѣхать до ноября, а если бы, въ самомъ дѣлѣ, она была въ томъ положеніи, о которомъ писала,—остался бы и до января. Полгода не видаться съ тобой тяжело, но я въ Женевѣ задыхаюсь. Переписка иногда лучше,—покойнѣе. Мы на многое смотримъ больше разное, чѣмъ прежде.

Горе выходящимъ безъ силъ, а только съ мыслями изъ обыкновенной колеи жизни. Горѣ женатымъ пророкамъ и волхвамъ.

Жаль, что этого нѣтъ въ книгѣ Іова.

Я хотѣлъ послать Корм., но Тхоржъ желаетъ самъ снести; я посылаю съ нимъ Ш. ¹⁾ маленькій портмонэ и въ немъ 50 фр. Что за нелѣпость, что ты Сашѣ написалъ, что ей на харчи довольно 30 фр.! Ужъ не 30 ли сантимовъ!? Да какъ же ты за Г. ²⁾ платишь 30-ть. А propos, думаешь ли ты или нѣтъ отдавать Г. совсѣмъ въ школу? Я самъ не совѣтовалъ, но совладаешь ли ты съ тѣмъ, чтобы изъ него что-нибудь сдѣлать? Бго видъ *effeminé* ³⁾ и даже выраженіе *nicht ganz sicher* ⁴⁾.

Помнишь, какъ М. А. Языковъ мнѣ писалъ послѣ первой болѣзни своей жены: «Ну, люб. д., какъ эти священныя обязанности гнусны, и счастливое положеніе грузно»...

Ѣхать бы въ Америку съ 10,000 фр. въ годъ.

Я не буду писать дня два. Напиши твое мнѣніе скорѣе. Обѣдать, какъ хочешь,—всегда въ ¹/₄ 7-го.

2608. Московская пыль.

(Торговля дѣтьми.—Лѣчение отъ удара по методѣ квартальнаго.—Разбойники въ штатѣ полиціи).

(Изъ письма къ намъ).

Въ московскомъ воспитательномъ домѣ даютъ дѣтей на воспитаніе старымъ женщинамъ, ходящимъ по міру. Имъ раздаются тѣ дѣти, при доставленіи которыхъ ничего не прилагаютъ въ пользу чиновниковъ, завѣдывающихъ этимъ отдѣленіемъ, а тѣ дѣти, при которыхъ прилагается благодарность, отдаются по деревнямъ. На улицахъ часто встрѣчаются старухи лѣтъ 60 и больше съ грудными дѣтьми, которыхъ онѣ кормятъ жеванымъ хлѣбомъ,—большой частью это все питомцы воспитательнаго дома.

¹⁾ Шарлотта.

²⁾ Генри, сынъ Мэри.

³⁾ Изнѣженный.

⁴⁾ Не вполне увѣренное.

— 11/23 апрѣля лаборантъ московскаго университета коллежскій со-вѣтн. Я. Данквартъ, проходя Леонтьевскимъ переулкомъ, упалъ пораженный ударомъ и былъ взятъ въ Тверскую часть въ 9 ч. вечера. Тамъ онъ про-былъ всю ночь безъ медицинской помощи; только дежурный квартальный, считая его пьянымъ, сунулъ ему въ ротъ селедку. Впрочемъ, у Данкварта, отправленнаго на другой день въ полицейскую больницу, гдѣ онъ и умеръ, не нашлось ни золотыхъ часовъ съ цѣпочкой, ни денегъ, ни даже обру-чальнаго кольца, зато кусокъ селедки остался во рту.

— «Моск. Вѣдом.» извѣстили о благополучномъ открытіи усердіемъ и преданностью разныхъ квартальныхъ какихъ-то разбойниковъ, намѣре-вавшихся ограбить домъ. Полиція схватила преступниковъ въ то время, какъ они хотѣли взойти въ домъ. Все это хорошо, но зачѣмъ «Моск. Вѣдомости», по чувству понятной скромности, скрыли, что двое разбойниковъ были солдаты, а третій—*уродовой изъ Рюижской части?*

— Въ Москвѣ есть цѣлая часть, гдѣ нѣтъ мытищенской воды, именно: въ Якимайской, Пятницкой, Серпуховской. Туда въ фонтаны проведена москворѣцкая вода (большая польза живущимъ около этой рѣки). Округъ отказывается провести мытищенскую воду за недостаткомъ воды въ резер-вуарѣ, а въ то же время даетъ дозволеніе проводить воду въ бани и бер-етъ за это деньги, и во всѣхъ баняхъ, гдѣ проведена мытищенская вода, кромѣ дозволеннаго крана, есть еще секретные краны, такъ что гдѣ дозво-лено брать 1000 ведеръ въ день, тамъ берутъ 4000. Поэтому жители Москвы и должны пить вредную рѣчную воду, а это начальству водопроводовъ даетъ 10,000 руб. сер.

2609. Иконоборецъ и идолопоклонникъ.

Въ «Кіевлянинѣ» помѣшенъ циркуляръ волынскаго губерна-тора ¹⁾ о томъ, чтобы во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ имѣлись *приличныя* (еще бы другія!) иконы, *читимыя* православной церковью. Благочестивый губернаторъ рекомендуетъ, сверхъ того, имѣть, кромѣ иконъ приличныхъ, иконы *благотѣпныя*, сооруженныя и со-держимыя чиновниками. «Иконы же и кресты римско-католическаго характера» изгоняются, точно въ 1794 годѣ, во времена Эбера и Анахарсиса Клоотца.

2610. Свой наказанный принцъ.

Какъ благодѣтельно дѣйствуютъ благіе примѣры, и какъ, дѣй-ствительно, правительственная Россія все отстаетъ отъ своего фран-цузскаго идеала, показываетъ слѣдующій приказъ, помѣщенный въ «Инвалидѣ» 31 мая: «Е. и. в. князь Евгенийъ Макс. Романовскій, гер-

¹⁾ Михаилъ Ивановичъ Чертковъ 2.

цогъ Лейхтенбергскій, числящійся въ полкахъ л-гв. Преображенскомъ, Уланскомъ и Стрѣлковомъ баталіонѣ, исключается изъ списковъ *этихъ частей*. Sehr energisch! ¹⁾ Да гдѣ же онъ проносилъ рѣчь?.. За неимѣніемъ рѣчи велѣно было, говорить, принять декларацію въ любви за опасный манифестъ ²⁾.

2611. Письмо къ Н. П. Огареву.

15 іюня (1865).

Буасьеръ.

Бѣглець съ воинственной Женева, не вѣрится мнѣ, чтобъ ты дошелъ до Лозанны, да и не очень нужно. Но отъ этой неувѣренности писать трудно. Впрочемъ, все обстоитъ благополучно, кромѣ Турнерши, которая очень больна. У Таты и Ольги 24 часа болѣла голова. Лиза процвѣтаетъ. О Жираръ ³⁾, разумѣется, все было поронье горячки: онъ уѣхалъ въ понедѣльникъ, и я, скрѣпя сердце, послалъ глупую телеграмму. Вчера вечеромъ былъ Эдгаръ Кинэ; ⁴⁾ знакомый Касатк. пріѣхалъ. «Колоколь» готовъ и полонъ (т.-е. новый, 1 іюля), можетъ выйти 22 или 23. Статья твоя, стало, пойдетъ въ слѣдующій.

Грузинская статья ⁴⁾ очень хороша.

Да, саго тіо, вѣрю и знаю, чтó значитъ тишина и покой, и знаю, чтó они значать тебѣ. Но какъ ихъ согласовать съ болѣзнью, этого я не знаю. Вѣроятно, ты въ своемъ Ausfluge ⁵⁾ не пьешь, какъ здѣсь въ послѣднее время, больше безвреднаго количества.

Сверхъ обычной тяжести нашей жизни, ее очень портить неизвѣстность въ будущемъ. Я думаю, что такихъ людей на свѣтѣ нѣтъ, которые бы лѣтъ шесть къ ряду жили, не зная, чтó и какъ будетъ черезъ два мѣсяца.

Прощай.

¹⁾ Очень энергично.

²⁾ Въ 1869 г. герцогъ вступилъ въ бракъ съ Д. К. Опочининой, получившей титулъ гр. Богарнэ. 1 мая 1865 г. кн. Долгоруковъ писалъ Валуеву: «Премахъ кн. Евгенія постыденъ и, по-моему, требуетъ серьезнаго наказанія. Онъ уже долженъ быть въ Россіи. Но что меня огорчаетъ, это то, что ему открыли дверь. Необходимо было бы не стѣсняться съ виновнымъ, но мнѣніе это не будетъ поддержано» (архивъ П. Я. Дашкова).

³⁾ ?

⁴⁾ Н. Я. Николадзе подъ псевдонимомъ Ріо Нелли—«Освобожденіе крестьянъ въ Грузіи», 198 л.

⁵⁾ Поѣздка, экскурсія.

Статья твоя ¹⁾ можетъ занять полъ-«Колокола», даже колонной больше.

◆ 1. 8 июня, получивъ экз. «Camicia rossa», Мишле писалъ Герцену изъ Veutaux:

«Я никогда не читалъ ничего болѣе очаровательнаго и болѣе достойнаго вниманія, дорогой другъ мой. Здѣсь мы пробудемъ двѣ недѣли. Если бы вы могли приѣхать! Какая была бы радость для Кинэ и для меня! Напомните обо мнѣ г. Огареву, милѣйшему человѣку, который заставляетъ меня любить Россію, а также его женѣ, при мысли о которой у меня сердце щемить. Наконецъ-то, она въ Швейцаріи, покинула варварскій Парижъ. Мы ее любимъ, ~~благ~~ ^{благ}воляете передать ей это» («La Revue» 1907, XI).

2612. Письмо къ старшимъ дочерямъ и М. Мейзенбургъ.

17 июня 1865.

La Boissière.

Милая Тата, твое нагорное письмо получено, а также и карандашомъ. Все хорошо. Погода вамъ не измѣнила; пора и по дворамъ; ты ничего не пишешь о возвращеніи. У насъ все хорошо также, только у Огар. былъ довольно легкій обморокъ въ день вашего отъѣзда и явнымъ образомъ отъ того, что его разбудили. Далѣе вотъ какія дѣла. Была нигилистка Симоновичъ и сильно спорила; съ ней ея мужъ дуракъ, еще сильнѣе молчавшій; за ними—еще нигилистка изъ Цюриха Сулова съ сестрой, докторомъ медицины (эта дѣвушка очень умная; жаль, что ты ее не увидишь).

Еще далѣе ¹⁾

Черкесовъ!

Лугинины! ¹⁾

Wath's the matter? ²⁾ Шокенжъ! ³⁾

Ist's möglich! ⁴⁾

Allons donc! ⁵⁾

¹⁾ «По поводу письма Искандера къ государю», въ 200 листъ.

²⁾ Въ чемъ дѣло?

³⁾ Shocking (англ.)—фи! Стыдно! Произносится: шокингъ. Здѣсь, надо предполагать, подражаніе чьему-то неправильному произношенію.

⁴⁾ Возможно ли?

⁵⁾ Да что вы! Полноте!

Не можетъ быть!

Все можетъ быть—и *allons nul part, alles ist möglich, no matter...* ¹⁾

La grande Schelgunoff noch hatte ²⁾ 117 телеграммъ, получила 203... Во всемъ этомъ одинъ умный человѣкъ, это—сумасшедшій Серно-Сол.

Стуартъ долженъ былъ скакать изъ Липпе-Шаумбурга въ Липпе-Детмольдъ, Лугининъ—изъ Гейдельберга въ Цюрихъ, сама Шел.—изъ Женева въ Цюрихъ. Прежде Якобій былъ посланъ екле-реромъ ³⁾, потомъ на порогъ, т. е. въ Прагъ, поймали Черкесова; его, какъ желавшаго предаться бѣгству, выписали въ 24 часа... Потомъ начались обратныя поѣздки изъ Цюриха въ Женеву, начались телеграммы... А Серно-Сол., подшутивши надо всѣми, про-цвѣтаетъ въ новомъ *maison de santé* ⁴⁾, куда, вѣроятно, запретъ (и хорошо сдѣлаетъ) друга на рельсахъ локомотивнаго черкеса... — Вотъ вамъ исторія суеты, зигзаговъ, *événements* и *avénements* ⁵⁾ въ нашемъ городкѣ. ²

Тхоржевскій участвуетъ во всемъ съ сладкой желчью, Касаткинъ сердится на все съ горькой желчью, Чернецкій сердится, не участвуя, Саша купается, Линда лаетъ, Шарикъ лаетъ, я лаю, Огаревъ не лаетъ, *Natalie* думаетъ, что Лиза простудится, Лиза не простужается.

Ольга, въ ожиданіи отъ тебя подробностей о водвореніи твоёмъ у Фрѣлиха, я долженъ тебѣ донести, что Линда—увѣренъ—по утрамъ читаетъ съ Шарикомъ «всеобщую исторію собакъ» и романъ «Азорка и Земирка, или два шпица»; потомъ она ищетъ немного блохъ за ухомъ у Шарика и выходитъ въ сѣни обругать *Портоса* ⁶⁾. Спитъ она у Саши, совсѣмъ учтива, вечеромъ чинить свое бѣлье на диванѣ въ гостиной.

Прощай.

Liebe Malvida,

Berge... berge... Riehorn und Matterhorn... Jungfrau à la glace et à la neige... Sonne! Wonne!.. Und wir unten am Leman (ohne den Lehman zu sehen). Ich warte nur auf ihren Zurücktritt nach Bern um einen langen Brief zu schreiben — über Olga. Ich muss aber früher

¹⁾ Мы никуда не пойдемъ, все возможно, но...

²⁾ Великая Шелгунова получила еще.

³⁾ Развѣдчикомъ.

⁴⁾ Больница для умалишенныхъ.

⁵⁾ Происшествій и путешествій.

⁶⁾ Собака Касакина.

von Ihnen eine seriöse Rapporte haben—Votre impression, mit Schattenseiten, Skeptizismus und Unbarmherzigkeit.

Adieu.

Montag ¹⁾).

◆◆ 1. Въ іюлѣ и октябрѣ 1863 г. пограничнымъ жандармамъ было приказано о строжайшемъ обыскѣ ожидавагоса изъ-за границы Лугинина. 31 мая 1865 г. III Отдѣленіе получило отъ отстав. подполковника генер. штаба Федора Николаевича Лугинина докладную записку о его сынѣ Владимірѣ; изъ нея видно, что послѣдній въ чинѣ поручика прослужилъ всю Восточную войну на Дунаѣ и въ Севастополѣ, окончилъ курсъ артиллер. академіи и служилъ въ артил. учебномъ комитетѣ; по выходѣ въ отставку предался изученію механики и химіи, для чего поѣхалъ въ Россію, не можетъ, однако, этого исполнить, имѣя просроченный на одинъ-два мѣсяца паспортъ, и «опасается взысканія за знакомство свое съ нѣкоторыми русскими выходцами; но во все время пребыванія за границею онъ противъ правительства нашего ничего не писалъ, не предпринималъ, вообще замысловъ русскихъ выходцевъ не раздѣлялъ и въ нихъ ни прямо, ни косвенно не участвовалъ, а былъ только знакомъ съ нѣкоторыми выходцами случайно, по чувству, невольнo сближающему русскихъ между собою на чужой сторонѣ»; въ поѣздку свою за границу онъ получилъ дипломъ на званіе механика изъ политехническаго института въ Карлсруэ. Отецъ просилъ разрѣшенія сыну вернуться и жить у него въ СПб. и въ костромскомъ имѣніи; «пребываніе его, у меня въ домѣ, подъ личнымъ моимъ наблюденіемъ и руководствомъ, какъ отца и вѣрноподданнаго русскаго, послужило бы самымъ вѣрнымъ за него ручательствомъ».

Въ октябрѣ 1866 г. Лугининъ, въ качествѣ прикосновеннаго къ дѣлу о лицахъ, бывшихъ основателями гейдельбергской читальни былъ обреченъ отдачѣ подъ надзоръ полиціи, а въ случаѣ обна-

¹⁾ Дорогая Мальвида, горы... горы... Рифлегорнъ и Маттергорнъ... Юнгфрау *) во льду и снѣгу... Солнце! Блаженство! И мы внизу у Лемана (а Лемана **) не видимъ). Я жду только вашего возвращенія въ Бернъ, чтобы написать вамъ предлинное письмо... объ Ольгѣ. Но раньше я долженъ получить отъ васъ серьезный отчетъ—ваше впечатлѣніе съ его тѣневыми стонами, скептицизмомъ и безжалостностью.

Прощайте.

Понедѣльникъ.

*) Названія альпійскихъ вершинъ.

**) Игра словъ: Леманъ—Женевское озеро и Леманъ — учитель рисованія, Н. А. Герценъ.

уженія противозаконнаго образа мыслей—высылкѣ подъ надзоръ полиціи въ Вологодскую губ. при своемъ возвращеніи въ Россію. Въ маѣ 1867 г. отецъ его снова обратился къ шефу жандармовъ. Указавъ на ученую дѣятельность сына въ разныхъ университетахъ, послѣдніе два года въ Парижѣ, проявившуюся въ рядѣ работъ, напечатанныхъ въ «Comptes rendus des séances de l'Académie de France». «Если, въ первые два года пребыванія за границею, въ 1862 и 63 гг., со стороны сына моего и были какія-либо увлеченія политическими бреднями, которыя въ то время, къ сожалѣнію, очень распространены были между нашею молодежью внутри Россіи и за границею, въ видѣ какой-то нравственной эпидеміи, особливо поражавшей молодыя головы, то благоволите замѣтить, ваше с—во, что съ тѣхъ поръ прошло 4 или 5 лѣтъ; время и жизненный опытъ взяли свое, разочарованіе недолго спустя послѣдовало за увлеченіемъ заблужденіями, и отуманенныя головы отрезвились. Мнѣ неизвѣстно, былъ ли и въ какой степени пораженъ сынъ мой этою эпидеміею, но я положительно знаю только то, что послѣдніе три года онъ прервалъ всякія личныя знакомства и сношенія съ русскими выходцами, рѣшительно бросилъ всѣ политическія умозрѣнія и всецѣло предался одной наукѣ. Въ настоящее время я знаю, что единственное горячее желаніе его—возвратиться скорѣе въ Россію и стараться быть полезнымъ въ отечествѣ своемъ на поприщѣ гражданина, землевладѣльца, ученаго». Отецъ владѣлъ большимъ имѣніемъ въ Ветлужскомъ у. Костромской губ.: за надѣломъ крестьянъ, все-таки, въ 200,000 дес. Въ 1866 г. умеръ его второй сынъ Святославъ, служившій въ гв. конной артиллеріи. Третій сынъ, Юрій, служа въ л-гв. Финляндскомъ полку, дѣятельно подавлялъ польское возстаніе и былъ при смерти. «Естественно ли дѣло, чтобы будущій владѣлецъ 200,000 дес. могъ быть революціонеромъ и коммунистомъ, тѣмъ болѣе, что время всякихъ политическихъ бредней уже для него прошло: онъ уже не юноша, но въ полномъ развитіи умственныхъ силъ и имѣетъ 30 лѣтъ отроду».

Одновременно самъ В. Ѳ. Лугининъ просилъ бывшаго въ Парижѣ государя о томъ же самомъ.

14 мая гр. П. А. Шуваловъ сообщилъ министру вн. дѣлъ, что призналъ возможнымъ разрѣшить Лугинину вернуться въ Россію, но находитъ необходимымъ, первое время, впредь до удостовѣренія его благонадѣжности, ограничить пребываніе его одною Костромскою губерніею.

Тогда же отецъ и сынъ приходили къ Шувалову въ Парижѣ благодарить его; въ августѣ они оба пріѣхали въ СПб., въ сентябрѣ сынъ отправился въ имѣніе, но, больной, задержался въ

Москвѣ, гдѣ его лѣчилъ Захарьинъ. Послѣдній находилъ, что легкія В. Ѳ. не выдержатъ суровой ветлужскоѣ зимы, и рекомендовалъ южный берегъ Крыма. Шуваловъ разрѣшилъ больному ѣхать туда, но съ тѣмъ, чтобы 1 мая 1868 г. вернулся въ имѣніе. Къ осени 1868 г. болѣзнь усилилась; было предписано отправиться на о. Мадеру. Разрѣшеніе было дано 24 сентября. Въ іюль 1869 г., по прошенію отца (прошеній сына, вообще, въ дѣлѣ нѣтъ), Лугининъ былъ совершенно амнистированъ (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1865 г., дѣло № 180).

2. Съ ареста своего брата Николая и Чернышевскаго въ 1862 г. Александръ Серно-Соловьевичъ, вообще, былъ очень нервный; двухлѣтнее заключеніе брата въ крѣпости, потомъ приговоръ, ссылка его, наконецъ, смерть, — все это не могло не разстроить и безъ того слабое здоровье молодого человѣка (род. 1838 г.). Къ этому надо добавить увлеченіе женой извѣстнаго публициста Л. П. Шелгуновой, имя которой въ литературѣ назвала еще гораздо раньше Н. А. Огарева. А. С.-Соловьевичъ поселился въ ея пансіонѣ для русскихъ эмигрантовъ въ Женевѣ (Шелгуновъ былъ въ ссылкѣ). «Горячій, ревнивый, вспыльчивый, онъ имѣлъ съ г. Ш. бурныя сцены, и она стала его бояться. Когда у нея родился сынъ, то, чтобы покончить всѣ отношенія съ нимъ, она рѣшилась окрестить ребенка и отослать его на воспитаніе къ своему мужу Ш... Съ отъѣздомъ ребенка С.-С. былъ внѣ себя, грозилъ убить г-жу Ш., врывался къ ней въ комнату и становился, въ самомъ дѣлѣ, страшень». «У меня все взяли, — говорилъ онъ съ отчаяніемъ, — теперь я ничѣмъ не дорожу». Не знаю, какъ г-жѣ Ш. удалось, для своего успокоенія, помѣстить С.-С. въ домъ умалишенныхъ, но это несомнѣнный фактъ... Разъ передъ вечеромъ мы сидѣли втроемъ въ столовой: Огаревъ, Герценъ и я; вдругъ дверь быстро отворяется, и вбѣгаетъ человѣкъ съ растеряннымъ видомъ, оглядывается по сторонамъ, потомъ падаетъ на колѣни передъ Герценомъ — это С.-С., я узнаю его.

— «Встаньте, встаньте, что съ вами? — говоритъ А. И. тронутымъ голосомъ.

— «Нѣтъ, нѣтъ, не встану, я виноватъ передъ вами, Александръ Ивановичъ, я клеветалъ на васъ, клеветалъ на васъ даже въ печати... а, все-таки, я у васъ прошу помощи; вы защитите меня отъ моихъ друзей, они опять запрутъ меня туда, чтобъ ещѣ было покойно. Вы знаете, я бѣжалъ изъ сумасшедшаго дома и прямо къ вамъ, къ врагу.

«Герценъ и Огаревъ подняли его, жали ему руки, увѣряли, его, что не помнятъ зла, и оставили у насъ, но убѣдительно просили не ходить туда (къ г-жѣ Ш.), гдѣ все его раздражало.

«...Въ первое утро, какъ Серно-Соловьевичъ ночевалъ въ Château de la Boissière, мы всѣ рано встали и сошлись въ столовой; мы надѣялись, что С.-С. еще мирно отдыхаетъ на свободѣ, и, все-таки, немного тревожились; вдругъ является Жюль, неся кофе, и говорить: «Вы мнѣ велѣли слѣдить за нашимъ гостемъ, но, право, за это никто не возьмется. Былъ тутъ все время, а теперь комната пуста, его нѣтъ, m-g Herzen!» ...Вдругъ послышались шаги въ саду и все приближались, и вскорѣ С.-С. вошелъ почти веселый въ столовую. Онъ извинился и сказалъ вполголоса Герцену, что ходилъ купить хотъ бумажные воротникъ и нарукавники, потому что стѣснялся безъ нихъ завтракать съ дамой... Но черезъ короткое время С.-С. не выдержалъ, ушелъ туда, гдѣ его раздражали до бѣшенства, и его опять отвезли въ психіатрическую больницу» («Воспоминанія», 234—237). Поправлю только, что если сцена на колѣняхъ и была, то безъ покаянія, потому что тогда С.-С. противъ Герцена еще не выступалъ.

Шелгуновъ посвятилъ ему нѣсколько строкъ въ неизданной части своихъ воспоминаній: «Постоянно сильное возбужденіе, экзальтація и жизнь во-всю разбили, наконецъ, сильный организмъ, и С.-С. сошелъ съ ума... Вначалѣ болѣзнь перемежалась со свѣтлыми промежутками, и когда свѣтлый промежутокъ приходилъ къ концу и наступалъ приступъ болѣзни, С.-С. овдадѣвало сильное безпокойство, и онъ очень мучился. Но, должно быть, состояніе помѣшательства было еще мучительнѣе и томило нравственно гордаго и самолюбиваго С.-С., потому что онъ просилъ доктора заведенія, въ которомъ лѣчился, сказать ему, когда наступитъ послѣдній свѣтлый промежутокъ. И докторъ (вѣроятно, П. И. Якобій—М. Л.) имѣлъ неосторожность исполнить просьбу больного. Тогда А. А. поставилъ на ночь къ себѣ въ комнату жаровню съ калеными угольями, легъ, и кончилась его боевая, дѣятельная и рано погибшая несчастная жизнь» («Юбил. сборникъ Литер. Фонда» 1909, стр. 423). Это произошло 4/16 августа 1869 г. въ Женевѣ.

2613. Письмо къ сыну.

(27 іюня 1865).
(Интерлакентъ).

Сашъ.

1-ое. Объясненіе по части прусскаго короля и Данича.

Огаръ пишетъ, что Чернецъ требуетъ матеріала для «Колок.», который выйдетъ 15 іюля, потому что у Данича нѣтъ занятій.

Я пишу на это: мы иногда работаемъ на прусскаго короля (значить по-франц.—на вздоръ, «travailler pour le roi de Prusse»), но не для того, чтобъ занимать Данича.

О, вы, мудрецы!

2-ое. Какой-то итальянецъ мнѣ предложилъ корреспонденціи изъ Италіи; я ему отвѣчалъ, что не помѣщаю никакихъ корреспон., кромѣ изъ Россіи.

3. Неужели въ газетахъ (русскихъ) ничего не было достойнаго присылки?

4. Губка забыта, и я всякій день утромъ сержусь.

Дополненіе.

Вторникъ. Ёдемъ съ Черкесовымъ за городъ, т.-е. на Гисбахъ. Дѣло остановилось за запиской Фрелиха.

Скажи Огареву, что я Ч. ¹⁾ пробиралъ всѣмъ на свѣтѣ—смѣялся надъ нимъ, ругался,—ничего, какъ къ стѣнѣ горохъ. *Но деньги онъ отдастъ*, за это отвѣчаю и я, даже въ случаѣ смерти,—онъ сдѣлалъ распоряженіе.

2614. Письмо къ Н. А. Огаревой.

(27 іюня 1865).

Natalie, отдай Лизѣ приложенную записку; я такъ правъ насчетъ Ольги, что она меня просила не читать, потому что много ошибокъ. О, святое неумѣніе наше обращаться съ дѣтьми! Тата, ты и сама Мейзенбургъ могли бы сдѣлать много. Фрелихъ сдѣлаетъ закалъ. Главная вина на мнѣ. Что здоровье Огар.? Звонять.

2615. Письмо къ Лизѣ.

27 іюня 1865.
(Интерлакенъ).

Вотъ ты и сравни Вевэ, Jungfrau, Lucerne съ Берномъ: ви-дишь, какія статуи и горы, и медвѣди ²⁾. Я знаю объ тебѣ всѣ подробности, какъ ты была у madame Lion; мнѣ и Черкесовъ все рассказалъ, и Тата Ольгѣ написала. Я былъ очень радъ. Какой же ты мнѣ приготовишь сюрпризъ къ приѣзду? Ольга всякій день въ школѣ; тамъ одна очень милая русская дѣвушка; ее здѣсь зовутъ

¹⁾ А. А. Черкесовъ.

²⁾ Вверху почтоваго листа отпечатано 6 видовъ Берна.

Barbara ¹⁾, а я ее окрестилъ въ Ваву (это не «baby», а Vava). Ольга съ нимъ со всѣми подружилась. Что дѣлаеть Шарикъ? и что Линда?

Кланяйся мамѣ, побрани ее, что мало пишетъ. ¹ Кланяйся Татѣ, а Сашѣ отдай вложенную записку.

До завтра, т.-е. завтра буду писать папѣ-Ага.

Ольга и Мальвида цѣлуютъ тебя.

◆◆ 1. Ночью 14 июля Огаревъ писалъ своей женѣ: «Натали, сегодня день твоего рожденья. Я долго бродилъ удрученный. Въ памяти моей переходило много вещей, и пришелъ мнѣ на память отрывокъ изъ моихъ неизвѣстныхъ стиховъ во время скарлатины Лизы (1864 г.). Я его пишу тебѣ, потому что лучше ничего не умѣю».

Дальше слѣдовалъ длинный отрывокъ, изъ котораго приведу нѣсколько стиховъ.

Прости меня! я виновать,
Я погубилъ твой возрастъ юный,
Я порвалъ всѣ святяя струны,
На умъ навѣялъ праздный чадъ,
Я развилъ волей иль неволей
Духъ неразумныхъ своеволий,
Я допустилъ въ душѣ твоей
Тревогу мелкихъ нетерпѣній
И сухость мстительныхъ волнений,
И необузданность страстей.
Прости меня! передъ тобою
Клянусь преступной головою,
Но я любилъ, но я былъ слабъ,
Я былъ не старшій братъ, а рабъ.

Сойди въ себя! Отвергни оправданья,
Очисти жизнь слезою покаянья

Ужель ояты ни страхъ передъ судьбой,
Ни мягкая надежда исцѣленья
Не взяли верхъ надъ мелкой и сухой,
Презрѣнною тревогой озлобленья?

Подумай—оглянись назадъ:
Безумный вихрь, ревнивый чадъ...
Сердечной лаской не пригрѣты,
Двѣ дѣвочки забудутъ кровь родной;
Нарушены предъ урной гробовой
Тобою данные обѣты ²⁾.

¹⁾ В. А. Поджіо.

²⁾ Рѣчь идетъ о доверяхъ Герцена и обѣщаніи, данномъ Огаревой покойной его женѣ, взять на себя ихъ воспитаніе.

Ужель на жизнь своихъ дѣтей
 Навѣшь ты все то же роковое
 Дыханье злобы и страстей,
 Туманный вихрь, съѣдающій живое,
 Ума лишающій людей?
 Пойми, что злоба на всѣ лица,
 Что праздно бѣшеная кровь,
 Тревога дикая волчицы ¹⁾—
 Еще не женская любовь.

О! слухъ на голосъ мой склони!
 Пойми всю ширь любви и умиленья
 И тихой грустію благоволенья
 Порывы злобы замѣни!

Послѣ отрывка Огаревъ написалъ:

«Вотъ мое воспоминаніе! Теперь одно прошу: возьми себѣ въ сердце двѣ недавнія смерти и возведи свою жизнь до богослуженія, т.-е. до служенія тому, что для насъ составляетъ цѣль, до служенія любви и добру» («Русскіе Пропилеи», II, 146, 174—177).

2616. Письмо къ сыну и Н. А. Герценъ.

(28 іюня 1865). Среда.
 Schweizerhof (Бернъ).

Сашъ или Татъ.

Увлеченные Черкес., ѣздили въ Гисбахъ и проѣзжали черезъ Интерлакенъ, не заѣзжая къ Долгор.,—отъ него надобно это скрыть.

Дѣла наши немножко здѣсь идутъ туманнѣе. Какъ необыкновенно полезно, что я здѣсь самъ. Школа хороша и могла бы отлично faire notre affaire ²⁾, но локаль ³⁾, содержаніе и присмотръ у Фрелиха никуда не годятся. Скверно кормятъ дѣтей, скверно содержать; они тайкомъ пьютъ чай зимою, чтобъ отогрѣться, комнаты нетопленныя; я не возьму ни на свою совѣсть, ни на свою любовь къ Ольгѣ ее такъ бросить. Вотъ тебѣ и подводный камень и безъ Мейзенбургъ ничего не сдѣлаешь. А ей, кажется, хотѣлось бы сразу перемѣнить, рѣшившись. Нѣмецкое скряжничество мнѣ было уже извѣстно изъ спора одной русской дамы съ гейдельбергскимъ содержателемъ. Я хочу завтра ультиматума для того, чтобъ въ субботу ѣхать (а если можно, въ пятницу въ ночь); — думаю даже остановиться въ Лозаниѣ и тамъ взглянуть на школы.

¹⁾ Именемъ «волчицы» Огарева названа позже въ романѣ Н. А. Таль (Н. І. Утиной) «Жизнь за жизнь».

²⁾ Устроить наши дѣла.

³⁾ Помѣщеніе.

Не странно ли, Ольга всёхъ больше хочетъ остаться, но это изъ камрадеріи ¹⁾.

Она продолжаетъ себя вести превосходно—и притомъ не только, когда одна съ нами, но и съ двумя дѣвочками. (А прогос, Н.—звѣрь и опасный).

Добрѣйшая планта Черкесовъ сейчасъ уѣхалъ въ Russland; онъ еще юнъ и младъ. Къ женѣ Касаткина онъ писалъ длинное письмо.

Путешествіе наше, очень удачное, пусть описываетъ Ольга; что дѣлала Мальвида съ горами и, особенно когда добралась до Jungfrau, это нельзя себя представить. Ольга унимала ее, но горы велики, снѣгу много и инструментъ восторга великъ.

Я Ольгѣ отпустилъ 5 фр. на покупки швейцарскихъ вещей; она тотчасъ купила для miss Turner (которую она очень любитъ) и Лизы какой-то вздоръ, на что и вышло 3 ф.

Левицкіе ѣдутъ завтра изъ Парижа; я имъ буду телеграфировать.

Завтра подробности. Если успѣете, доставьте адресъ Жуковского въ Лозаннѣ.

Скажите Тхоржевскому, чтобъ онъ передалъ 50 фр. Жихонѣ ²⁾ и сказалъ бы, что я никогда не авансирую ничего въ долгъ, но прошу его ихъ принять.

Книги получилъ.

2617. Письмо къ неизвѣстному.

30 juin 1865.
Berne.

Vous me demandez un autographe pour un de vos amis et cela à la hâte; je ne trouve rien de mieux que de dire encore une fois ce que j'écrivai de Naples.

La situation de tout russe devient on ne peut plus pénible. Le Russe se sent de plus en plus étranger dans l'Occident et chaque jour il déteste plus profondément tout ce qui se fait chez lui... ³⁾ l'est à peine si dans les premiers siècles du Christianisme les moines d'origine germanique qui avaient vieilli dans les monastères romains éprouvèrent un pareil sentiment d'affliction en se trouvant étrangers à la fois à leur pays natal et à leur patrie d'adoption.

Alexandre Herzen.

¹⁾ Чувство товарищества.

²⁾ Работавшій въ Вольной русской типографіи.

³⁾ Слово не разобрано.

*Переводъ.*30 іюня 1865 г.
Бернъ.

Вы просите у меня автографа для одного изъ вашихъ друзей, и притомъ немедленно. Не нахожу ничего лучшаго, какъ повторить еще разъ то, что я писалъ изъ Неаполя.

Положеніе русскаго человѣка становится до-нельзя мучительнымъ. Русскій чувствуетъ себя все болѣе и болѣе чужимъ на Западѣ, и въ то же время съ каждымъ днемъ глубже ненавидитъ все, происходящее у него на родинѣ...¹⁾ врядъ ли даже монахи германскаго происхожденія, состарившіеся (въ первые вѣка христіанства) въ римскихъ монастыряхъ, испытывали подобное душевное страданіе, видя себя чуждыми одновременно и своей родной странѣ и своему пріемному отечеству.

*Александръ Герценъ.***2618. (Н. Серно-Соловьевичъ и пр.).**

Н. Серно-Соловьевичъ, П. Ветошниковъ, Н. Владиміровъ осуждены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и поселенію въ Сибирь. Публичное объявленіе приговоровъ было: Серно-Соловьевичу 2/14 іюня, Ветошникову 3/15, Владимірову 4/16. Къ чему эта постепенность, къ чему это продолженіе удовольствія во *время траура*?

Мы возвратимся къ приговору въ слѣдующемъ листѣ.

2619. Что городъ, то норовъ.

Въ газетѣ «Кавказъ» пишутъ, что 21 апрѣля (3 мая) исполненъ былъ въ тифлисскомъ уѣздѣ *обрядъ повѣшенія* трехъ преступниковъ. «Его императорск. высочеству не угодно было, чтобы въ дни общей горести и скорби, испытываемыхъ всѣми по случаю кончины цесаревича, лишены были жизни даже люди, подвергшіеся за свои злодѣянія карѣ закона. Въ этомъ случаѣ свѣтлая и невинная душа скончавшагося цесаревича предстательствовала предъ земнымъ правосудіемъ о помилованіи трехъ человѣкъ, осужденныхъ на смерть. Помилванные преступники были главными руководителями шайки разбойниковъ въ 25 человѣкъ, производившихъ грабежи съ 1859 по 1862 годъ въ окрестностяхъ Манглиса и въ Ахалкалакскомъ участкѣ, причемъ совершено ими нѣсколько убійствъ».

Рядомъ съ этой новостію мы читаемъ въ русскихъ газетахъ, что въ мѣстечкѣ Соколовѣ 11 мая были повѣшены ксендзъ Бржоско и Вильчинскій. Отчего же свѣтлая и невинная душа цесаревича не предстательствовала и объ этихъ осужденныхъ? Неужели для царскаго дома и послѣ смерти разбойники ближе къ душѣ, чѣмъ повстанцы?

¹⁾ Слово не разобрано.

2620. Графиня Строганова, строгій прусснй генераль-адъютантъ, услужливый король и влюбленный принцъ.

Не нужно быть Поль де Кокомъ, чтобъ изъ этихъ стихій создать романъ. Мы передаемъ сырой материалъ его изъ «Кельнской Газеты». «Вотъ что пишутъ въ «National Zeitung» о причинѣ исключенія принца Евгенія Лейхтенбергскаго изъ гвардіи. Молодой человѣкъ имѣлъ здѣсь съ начала зимы любовную связь (unterhielt seit Beginn des Winters hier eine Liebschaft) съ французской актрисой namens ¹⁾ Летиссье. Незадолго до отъѣзда в. княгини Маріи (графини Строгановой), въ апрѣлѣ мѣсяцѣ по Флоренцію, молодой человѣкъ, за котораго мать заплатила всѣ долги, обѣщаль ей отъ Летиссье отстать (von der Letissier zu lassen)», *но родительскій подкупъ не удался, молодой человѣкъ «слова не сдержаль, за то и былъ, подъ какимъ-то военнымъ предлогомъ, содержимъ подъ домашнимъ арестомъ. Мать, вѣроятно, его здѣсь (въ Спб.) оставила, уѣзжая сама, въ увѣренности, что надзоръ за нимъ будетъ строже. Арестъ за любовь, арестъ по фальшивой причинѣ,—за это слѣдуетъ отдать подъ судъ начальниковъ нѣжнаго герцога. «Indess ²⁾ два дня послѣ смерти наслѣдника, когда весь свѣтъ здѣсь былъ занятъ этимъ событіемъ», — это не такъ-то глупо; разумѣется, тогда и слѣдуетъ бѣжать, когда сторожа другимъ заняты — «принцъ обманулъ чиновниковъ желѣзной дороги и уѣхаль за границу въ сопровожденіи актрисы». Et vogue la galère ³⁾—на душь легче, пусть молодые люди пожурируютъ. Но на бѣду, у насъ, какъ у Ноздрева: и по эту сторону границы Россія и по ту Россія и та же полиція. «На одной прусской станціи (Магдебургъ, думаю я, т.-е. не я, а нѣмецъ «Націон. Газеты») принцъ былъ приглашенъ королевскимъ адъютантомъ выйти на минуту изъ вагона»—герцога опростоволосилъ и забылъ, что на минуту выходятъ люди изъ вагона по собственному желанію, а не по высочайшему королевскому прилашенію ⁴⁾. «Герцогъ только-что изъ вагона — свистокъ», и полетѣла моя Летиссье одна въ Парижъ. Какова шалунья! «Одна—jedoch mit der ihr anvertrauten Reiscassen—впрочемъ, съ ей порученнымъ дорожнымъ сакомъ». Вотъ хорошо бы ее отпустить безъ гроша! «Принца привезли сюда (въ Берлинъ); разгнѣванная мать*

¹⁾ По имени.

²⁾ Между тѣмъ.

³⁾ Была ни была.

⁴⁾ Русскій народный смыслъ именно съ этой точки зрѣнія и понималъ совершенную независимость людей отъ царской власти, какъ доказываетъ всѣмъ извѣстная пословица. А. И. Г.

хотѣла его предать всей строгости военного закона». Какой же законъ въ военномъ артикулѣ запрещаетъ любить хорошенькихъ дѣвушекъ, и какое наказаніе положено за это? Одинъ человѣкъ компетентный и есть въ Россіи, который можетъ обсудить это дѣло,—графъ *Амурскій*. Говорятъ, что казусъ этотъ хотятъ поручить ему и Буткову. Почему выборъ палъ на Буткова, этого мы не знаемъ ¹⁾.

Для васъ, герцогъ, въ этомъ случаѣ лежитъ великій урокъ. Вы, поставленный такъ близко къ трону, и вы не избѣгли скрещенныхъ лапъ союзнаго деспотизма! Подумайте о томъ, что случилось съ вами, и вамъ не захочется снова проситься ни въ стрѣлки, ни въ преображенцы, ни въ егеря. Вамъ, наслѣднику громкаго имени, не захочется называться какимъ-то княземъ Романовскимъ, и вы закаитесь бѣдить *назадъ* по прусскимъ желѣзнымъ дорогамъ, пока наступятъ другія времена для Россіи.

2621. О «Народной Лѣтописи».

(Поправка).

Намъ пишутъ изъ Петербурга: «197 л. «Колокола» вы говорите, что «Народная Лѣтопись» была запрещена за то, что не извѣстила о смерти наслѣдника. Не знаю, сколько эта кончина способствовала къ принятію валуевской мѣры, но могу васъ увѣрить, что на первомъ планѣ были другія причины. Московскій ораторъ Голохвастовъ хвалилъ въ Моск. Общ. Сельскаго Хозяйства фермерство. «Лѣтопись» возражала и упомянула что-то о лицемѣрїи англійскаго побора въ пользу бѣдныхъ. Голохвастовъ показалъ эту статью предсѣдателю моск. цензурнаго комитета Щербинину. Щербининъ ѣхалъ тогда въ Петербургъ и, въ свою очередь, показалъ Валуеву, которому до этого не было никакого дѣла: Валуевъ теперь въ припадкѣ сильнѣйшаго консерватизма, съ нѣкоторыми признаками крѣпостничества,—распушилъ цензора и велѣлъ прїостановить умный и дѣльный журналъ до 1 сентября».

Говорятъ, что Валуевъ надѣлъ и хотятъ его отнять отъ министерства. Помилуйте, да какого же имъ еще надобно министра? «Московскія Вѣдомости» отстоялъ, «Народную Лѣтопись» запретилъ и дѣлаетъ все возможное, чтобъ сохранить послѣдніе памятники крѣпостнаго права. ¹⁾

◆◆ 1. Только при нашей библиографіи возможно, чтобы въ массѣ справочныхъ и библиографическихъ работъ читатель не нашелъ даже и имени «Народной Лѣтописи». Интересующіеся найдутъ свѣдѣнія о ней на стр. 400—401 моей книги «Эпоха цензурныхъ реформъ». Газета не отмѣтила ничѣмъ смерть наслѣдника, а смерть Авраама Линкольна помянула статьей и сопровождала траурной каймой. Этотъ нумеръ и былъ послѣднимъ.

¹⁾ В. П. Бутковъ славился своими амурными похождениями.

2622. Государственная тайна.

Послѣ возвращенія государя въ Петербургъ была въ глубокой тайнѣ принята одна рѣшительная мѣра. Втиши были созданы полицейскія власти, втиши были имъ вручены пакеты; пакеты дозволялось вскрыть, отойдя столько-то верстъ отъ генераль-губернаторскаго дома, и то, если не будетъ пущена сигнальная ракета, въ послѣднемъ случаѣ тотчасъ побросать пакеты въ Неву. Ракеты не было пущено, всѣ *общественные* слуги, называемые *частными* приставами, открыли пакеты и сообщили тайну квартальнымъ надзирателямъ и ихъ помощникамъ, обязавъ ихъ передать ее по секрету *всѣмъ* городovýmъ. Въ чемъ состоитъ тайна, никто не знаетъ, но съ тѣхъ поръ курящихъ сигары на улицахъ не беспокоять.

2623. Приписка къ В. И. и В. Т. Кельсиевымъ.

(3 іюля 1865).

Вѣсти о Краснопѣвцевѣ были въ газетахъ до того страшныя, что мы не знаемъ, вѣрить или нѣтъ; а вы точно въ воду упали. Пишите по первой почтѣ. Ждемъ съ нетерпѣніемъ. ¹

◆◆ 1. Донесеніе нашего тульчинскаго агента вице-канцлеру отъ 25 іюля 1865 г.: «Агентъ тульчинской конторы Messageries Impériales принёсъ мнѣ на-дняхъ для прочтенія письмо, полученное имъ изъ Женевы отъ Огарева съ приложеннымъ къ нему письмомъ на имя Василя Кельсѣева:

Genève. Route de Chêne. Château Boissière.
3 juillet.

«Василій Ивановичъ, Варвара Тимофеевна, что съ вами? Сколько времени ни слуху, ни духу. Что вы, гдѣ вы, всё тѣ же ль вы? Пишешь къ вамъ, вы не откликаетесь; еще бы на простыя письма, а то пишешь вамъ, что наши бѣдныя маленькія Лели обѣ умерли— и то вы не откликаетесь. Осталась у насъ одна Лиза, которая очень умна, но утрата маленькихъ незамѣнима, и горе не проходить. Обѣ этомъ я вамъ пишу во второй разъ.

«Вотъ видите ли, мы пріѣхали въ Женеву. Откликнитесь же, наконецъ. Больше на этотъ разъ писать не дерзаю. Крѣпко жму вамъ руки и люблю васъ попрежнему; но ваше молчаніе меня тревожить и оскорбляетъ.

Вашъ Огаревъ.

«Кромѣ меня, Наталія Александровна писала вамъ изъ Монпелье и тоже не было отвѣта. Теперь мы всѣ вмѣстѣ въ Женевѣ».

Къ этому письму и была сдѣлана приписка Герцена:

«Въ августѣ (1864 г.), я думаю, — пишетъ Кельсіевъ въ своей «Исповѣди» — явился въ Тульчу Сливовскій. Это — человѣкъ не глупый, довольно образованный, безъ претензій, и мнѣ весело было, что онъ у меня поселился и занялся уроками музыки, — было хоть слово съ кѣмъ сказать. Въ одно время съ нимъ явился и другой эмигрантъ, артиллерійскій штабсъ-капитанъ Петръ Иваѳовичъ Краснопѣвцевъ, одинъ изъ участниковъ адреса Герцену русскихъ офицеровъ въ Польшѣ. Тогдашнее настроеніе и личная ссора съ начальникомъ побудили его бѣжать изъ полка и сдѣлаться повстанцемъ, — онъ, кажется, адъютантомъ былъ у Крука. Это былъ человѣкъ, по крайней мѣрѣ, умный, съ которымъ можно было слово сказать и который могъ только возражать на мучившіе меня вопросы. Оживилось у меня опять, какъ-то легче стало, какъ-то и будущее стало свѣтлѣй казаться, — опять возникли надежды, и опять стали планы строиться. Заведеніе гимназіи въ Тульчѣ было моею любимою мечтою, и Сливовскій съ Краснопѣвцевымъ отнеслись къ ней съ сочувствіемъ. Но насъ троихъ было мало для начатія этого дѣла. Краснопѣвцевъ же ни одного языка не зналъ, а языки въ Турціи — условіе необходимое; нужно было пополнить нашу общину. Я поѣхалъ въ Галацъ поискать между поляками, которыхъ было тамъ около сотни въ то время, не найдется ли кого-нибудь, желающаго сдѣлаться намъ братомъ и полезнымъ помощникомъ.

«Въ Галацѣ выбралъ я двухъ: кіевскаго студента Станкевича, украинофила въ польскомъ смыслѣ, который принадлежалъ къ отряду казаковъ полковника Вылежинскаго, и чеха Шварца, натуралиста, технолога, кончившаго курсъ въ Прагѣ и бѣжавшаго за границу отъ преслѣдованій нѣмцевъ. Этихъ двухъ было за глаза довольно, но, на бѣду, къ нимъ прицѣпилось еще двое: галицкій русскій Левицкій и чехъ Дауша, тоже технологъ. Они ѣхали въ Тульчу искать хоть какихъ-нибудь занятій и просили позволить хоть нѣсколько дней пожить у меня, пока что-нибудь не сыщется. Я отговаривалъ ихъ отъ этой поѣздки, зная, что въ Тульчѣ имъ ничего не найти, но они настаивали, — а въ гостепріимствѣ я никому не отказывалъ...

«Едва я воротился изъ Галаца со своими гостями, какъ одинъ изъ нихъ, Шварцъ, схватилъ тифъ. Не успѣлъ онъ поправиться, Дауша и Станкевичъ свалились съ ногъ. Тифъ или что-то въ родѣ

тифа постигаетъ всѣхъ новичковъ въ устьяхъ Дуная, состоящихъ изъ огромныхъ заливныхъ луговъ, называемыхъ «плавнями». Дочка моя тоже захворала, да и я былъ нездоровъ, — отъ моей болѣзни у меня осталось какое-то странное пораженіе ногъ, обнаруживающееся одеревенѣніемъ, а тогда открывшееся язвами. Пришлось сидѣть дома, но Шварцъ занялъ мое мѣсто въ школѣ, а Краснопѣвцевъ еще и прежде былъ моимъ помощникомъ въ ней. Болѣзни эти окончательно разстроили наши финансы, и мои товарищи напали на меня, зачѣмъ я не открываю гимназіи. Я ходить не могъ и просилъ ихъ осмотрѣть указанные мною дома, стороваться, заказать мебель, но ни одинъ не двинулся. Они до того привыкли смотрѣть на меня, какъ на своего вожака и начальника, что у нихъ энергіи даже не хватало шагъ самимъ сдѣлать въ какихъ бы то ни было пустякахъ. Они вѣрили въ меня, какъ въ Бога, а какъ у меня отнялись ноги, и я не могъ бѣгать по дѣламъ всей нашей общины, какъ пришлось ей стѣсниться въ денежныхъ дѣлахъ, такъ они и духомъ упали и обвинили меня въ недѣятельности, хотя сами на бою лежали. Кончилось все тѣмъ, что въ одно прекрасное утро они оставили меня и разселились по Тульчѣ вразсырную, существуя занятіями, которыя я же имъ доставилъ, а въ томъ числѣ и учительствомъ, главнѣйшимъ моимъ доходомъ. Оставили меня, какъ нарочно, въ такой именно день, когда въ домѣ не было ни копѣйки денегъ, ни полѣна дровъ.

«Глубоко оскорбилъ насъ съ женой этотъ безчеловѣчный поступокъ, эта черная сторона человѣческаго характера, существованія которой мы даже не подозрѣвали въ людяхъ, а уже тѣмъ болѣе въ этихъ. Жену мою это такъ потрясло, что даже здоровье ея поколебалось, и съ этой минуты она начала таять и таять... Между тѣмъ, Шварцъ, Сливовскій и Станкевичъ получили возможность кой-какого существованія. Дауша съ Левицкимъ куда-то уѣхали, а Краснопѣвцевъ сдержалъ свое слово, которое мы всѣ принимали въ шутку—онъ удавился на ремнѣ отъ брюкъ... Горько меня поразила смерть этого неглупаго и честнаго человѣка, котораго я очень любилъ. Перенесъ я тѣло къ себѣ, похороны справилъ—и тутъ же мы окончательно рѣшили съ женой бросить этотъ несчастный для насъ городъ и воротиться въ Западную Европу, гдѣ я могъ бы жить своимъ перомъ...

«Переписка моя съ Герценомъ оборвалась во время разстройства моей общины. Мнѣ такъ горько стало, что даже дѣлиться своимъ горемъ не хотѣлось. Вся эта переписка сводилась на то, что Герценъ и Огаревъ убѣждали меня не покидать стараго знамени и упрекали за малодушіе, но я не находилъ въ ихъ письмахъ

серьезныхъ возраженій на мои сомнѣнія и потому не могъ прійти къ старой вѣрѣ» («Исповѣдь»).

Названные Кельсіевымъ сосланные въ Саратовъ поляки Сливовскій и Станкевичъ отправились въ Константинополь тайно въ апрѣлѣ 1863 г. вмѣстѣ съ Константиномъ Заборовскимъ (не слѣдуетъ смѣшивать съ Александромъ Ивановичемъ Сборовскимъ, сектантомъ), причемъ Сливовскихъ было два брата, а фамилія Станкевича была потомъ спутана со Сташевскимъ. Въ іюнѣ 1863 г. Заборовскій вернулся въ Россію и былъ задержанъ въ Одессѣ съ паспортомъ турецкаго подданнаго Якова Костанди и высланъ въ Константинополь. Въ августѣ 1863 г. онъ снова прибылъ въ Россію съ турецкимъ паспортомъ и въ октябрѣ былъ задержанъ въ Керчи съ брошюрами: «Центр. Народный польскій комитетъ въ Варшавѣ и издатели «Колокола», «Солдатскія пѣсни» и съ воззваніемъ о земскомъ соборѣ. Сначала онъ отказался отъ показаній, а потомъ разсказалъ все изложенное, прибавивъ, что въ Константинополѣ былъ въ сношеніяхъ съ В. Кельсіевымъ (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 10 лит. А).

2624. Дѣло Серно-Соловьевича.

Одинъ изъ благороднѣйшихъ, чистѣйшихъ людей въ Россіи, Н. А. Серно-Соловьевичъ, отправленъ на вѣчное поселеніе. «Умное правительство, сказалъ одинъ изъ членовъ государственнаго совѣта, старалось бы имѣть за себя такихъ людей»—да!... *умное!*

Мы умоляемъ друзей нашихъ прислать намъ *in extenso* сенатскую записку этого дѣла. Приговоръ колоссальностию нелѣпости, отсутствіемъ единства и какой-то небрежной растрепанностью, (времени не было порядкомъ написать!) далеко оставляетъ за собою прежнія юридическія маски, которыми прикрывались царскія мести. Около *трехъ лѣтъ* держали людей въ казематахъ, изрѣдка доходили мрачные слухи о важности дѣла... Сенатскѣ стадо приговаривало ихъ къ каторгѣ, потомъ само увидѣло, что перебрело всѣ границы, и побрело назадъ. Въ чемъ же дѣло? Да въ томъ, что его *нѣтъ*. Отнимите у приговора маскарадныя слова, подъяческія выраженія, полицейскіе микроскопы, и останется тощій процессъ первой инстанціи. Серно-Соловьевичъ былъ знакомъ съ *лондонскими пропагандистами*, читалъ ихъ изданія, давалъ ихъ читать другимъ и встрѣтился съ *юридической рѣдкостью первой величины* (кто тутъ удержится, чтобъ не знакомиться?): съ *неосужденнымъ государственнымъ преступникомъ* Кельсіевымъ, который предста-

вленъ вдали какимъ-то Тамерланомъ, потрясающимъ имперію все-россійскую.... Далѣе все тайна: когда Кельсіевъ возведенъ въ новое званіе, не объяснено, въ чемъ состояли его неосужденныя преступленія до поѣздки его въ Россію, не сказано. Равно умолчано, отчего Кельсіевъ—преступникъ, если онъ не осужденъ, и зачѣмъ онъ не осужденъ, если онъ преступникъ, какъ будто, не судятъ отсутствующихъ. Все это страшная белиберда, но «неосужденный государственный преступникъ» останется скромной лептой, внесенной въ XIX-мъ столѣтіи русскимъ судопроизводствомъ въ сравнительное законовѣдѣніе.

Вина Ветошникова, Владимірова и другихъ менѣе наказанныхъ, само собою разумѣется, еще ничтожныѣ. Тутъ приговоръ отличается удивительной казуистикой. Серно-Соловьевичъ наказывается за распространеніе *заграничныхъ сочиненій ихъ преступнаго содержанія* (и запятой даже нѣтъ), а Ветошниковъ и Владиміровъ только за *распространеніе преступныхъ сочиненій* (безъ содержанія?). Далѣе одна глупость за другой: Лялинъ наказанъ за *подозрѣніе* въ перепискѣ съ Бакунинымъ; англійскаго подданнаго А. Бени, за *недоведеніе* до свѣдѣнія правительства о прибытіи Кельсіева *въ Петербургъ*—выдержавъ въ тюрьмѣ, а за недоведеніе до свѣдѣнія правительства о прибытіи Кельсіева *въ Россію*—оставить въ сильномъ подозрѣніи и затѣмъ выслать за границу. По какому трактату англійскіе подданные обязаны дѣлать такія любезности русской полиціи, мы не знаемъ и обращаемъ на это вниманіе Foreign office'a ¹⁾. Дѣвицу Марію Челищеву, за имѣніе у себя запрещенныхъ сочиненій и изображеній, велѣно выдержать *подъ арестомъ* десять дней. Въ пустиіе дни бѣшенства нашего незабвеннаго Саула ²⁾, не было ничего болѣе гнуснаго. Недоносъ — уголовное преступленіе! ³⁾

Вотъ и все—остальное канцелярская фіоритура, арматура, гарнитура, hors d'oeuvre ³⁾ и неловкое извиненіе самодержавной, но нечистой совѣсти въ свирѣпости преслѣдованій и звѣрствъ приговоровъ.

Судьба Серно-Соловьевича и его товарищей смягчена. Приговоръ *предназначенно* напечатанъ вслѣдъ за похоронами наслѣдника, съ которыми онъ такъ же мало имѣетъ общаго, какъ приговоръ вольнопрактикующаго врача Ганценбаха *востроумно* прибавленный въ газетахъ къ приговору Серно-Соловьевича (чья это выдумка

¹⁾ Министерство иностранныхъ дѣлъ (въ Англии).

²⁾ Николай I.

³⁾ Побочное.

Интересно-бы знать) ¹⁾. Огорченного государя хотѣли оставить въ подозрѣніи, что онъ смягчилъ участь приговоренныхъ, но е. в. заговѣлся на трехъ разбойникахъ, которыхъ великій князь ²⁾ заставилъ разыграть роль повѣшенныхъ, и на нѣсколькихъ тысячахъ *казенныхъ* денегъ, посланныхъ погорѣлымъ. Въ смягченіи участи Серно-Соловьевича и подсудимыхъ *онъ не участвовалъ*. Ихъ отстоялъ одинъ изъ членовъ государственнаго совѣта, пораженный благородствомъ, откровенностью, силой отвѣтовъ Серно-Соловьевича; онъ перебралъ дѣло и, удивленный инквизиторскимъ и съ тѣмъ вмѣстѣ тупо-полицейскимъ характеромъ его, отстоялъ, сколько могъ, Серно-Соловьевича, вопреки разной ветоши и, говорятъ, разныхъ нѣмецкихъ нахлѣбниковъ въ родѣ Петра Олденбургскаго.

Если у высочайшей мести нѣтъ больше изобрѣтательныхъ оберъ-секретарей, которые умѣли бы тотчасъ *вдумать* въ дѣло комцлотъ, поджогъ, покушеніе, клятву на кинжалѣ и пр., то ужъ лучше отказаться отъ тиранскихъ преслѣдованій или по-николаевски давить людей втихомолку, а кто хватится о задавленномъ, того втрое: «много, молъ, будешь знать, скоро состаришься».

Что отвѣты Серно-Соловьевича поразили порядочнаго чело-вѣка, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Серно-Соловьевичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ избранныхъ на великій примѣръ сосудовъ, тѣхъ впередъ помазанныхъ на мученичество лицъ, которыя спокойно идутъ своей дорогой и ясно смотрятъ въ глаза бѣснующимся судьямъ; передъ этими людьми власть срѣзывается и потому неохотно поднимаетъ на нихъ руку. Ихъ нельзя, по поучительному примѣру Тиверіа, осквернить въ тюрьмѣ, чтобъ сдѣлать достойнымъ казни. Таковъ былъ Грановскій, и Николай обошелъ его. Милосердый Александръ II, цѣловавшій Серно-Соловьевича губами князя Орлова, не такъ разборчивъ. ²

◆◆ 1. Въ приговорѣ по дѣлу Серно-Соловьевича не упомянуть Александръ Александровичъ Черкесовъ, разыскивавшійся вмѣстѣ съ Касаткинымъ, Кельсиевымъ и А. А. Серно-Соловьевичемъ. Въ августѣ 1865 г. Черкесовъ добровольно вернулся въ Россію и былъ заключенъ въ карцеръ при III Отдѣленіи. Между прочимъ, онъ сознался, что былъ единственнымъ за границею близкимъ человекомъ къ А. А. С.-Соловьевичу, но отвергъ свое знакомство съ Гер-

¹⁾ За пособничество въ составленіи фальшивыхъ документовъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ на поселеніе въ Сибирь.

²⁾ Михаилъ Николаевичъ, на Кавказѣ.

ценомъ. Сначала онъ былъ отданъ сенатомъ на поруки Трегубову, а весною 1866 г. и вовсе освобожденъ отъ всякой отвѣтственности.

Въ томъ же 200 л. «Колокола» напечатанъ «Протестъ В. Касаткина». Привожу его полностью:

«Пройдетъ еще, вѣроятно, довольно времени, пока настоящая, а не поддѣльная судебная реформа коснется и русскихъ политическихъ процессовъ. Прогрессивное и благодушное правительство все еще предпочитаетъ въ такихъ случаяхъ держаться старыхъ порядковъ временъ *слова и дѣла*. Великіе и малые инквизиторы темнаго царства не даромъ не любятъ свѣта и гласности. Оттого и процессъ Н. А. Серно-Соловьевича, и судъ надъ всѣми привлеченными къ этому дѣлу и, наконецъ, самое осужденіе представляютъ такой чудовищный образецъ азіатскаго правосудія, что настоящее правительство русское ничѣмъ инымъ не могло засвидѣтельствовать яснѣе всю свою кривду, всю свою безнравственность и всю ширь того дикаго произвола, которые еще царятъ надъ русскимъ народомъ. Время раскроетъ всѣ подробности этого дѣла. Мы, съ своей стороны, не забудемъ тѣхъ деталей, которыя бросаютъ яркія полосы свѣта на эту новую картину издѣлія петербургскихъ мастеровъ и художниковъ нашей не только слѣпой, но глухой и тупоумной юстиціи. Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ, по доносу какого-то русскаго шпиона, Серно-Соловьевичъ былъ брошенъ въ крѣпость; десятки другихъ лицъ попали также кто въ крѣпость, кто въ III-е Отдѣленіе, кто отрѣшены отъ должностей безъ всякаго слѣдствія и суда,—и всѣ вмѣстѣ очутились подъ тѣмъ рядомъ пытокъ, которыя достаются въ удѣлъ всякому русскому, обвиненному въ государственномъ преступленіи.

«Но что значать эти три года идущаго важною и медлительною поступью русскаго правосудія? Что за бѣда, если въ это время кто-нибудь изъ обвиненныхъ сойдетъ съ ума, кто-нибудь умретъ въ казематахъ, кто-нибудь, вслѣдствіе трехгодичнаго содержанія въ веселенькихъ чуланахъ Алексѣевского рavelина, разрушить всѣ свои силы? Что нужды, что иные, попавъ ни съ того ни съ (сего подъ судъ, очутятся не только сами, но и близкіе имъ безъ куска хлѣба и à la merci ¹⁾ перваго пьянаго квартальнаго или вѣжливаго архангела въ голубомъ мундирѣ. Что все это и тысячи другихъ бѣдствій, когда, по мнѣнію III-го Отдѣленія, дѣло идетъ о незыблемости петербургскихъ порядковъ и даже цѣлости государственнаго строя Россіи.

«Прошли эти три года—и что же вырабатываютъ всѣ слѣд-

¹⁾ На произволь.

ственные комиссіи, всё попытки и допросы, всё эти наказанія прежде суда и весь этот сонмъ бдящихъ и спящихъ возлѣ фальшивыхъ вѣсовъ русской Фемиды?

«Рядъ бессмысленно формулированныхъ обвиненій, въ числѣ которыхъ сношенія съ *неосужденнымъ* государственнымъ преступникомъ и то, что никто не хотѣлъ быть подлымъ доносителемъ, стоятъ на первомъ планѣ, затѣмъ не выдерживающій даже грамматической критики подборъ словъ съ темными ссылками на статьи уложенія и въ заключеніе прихотливая фантазія приговоровъ.

«Мнѣ нечего останавливаться на каждомъ изъ нихъ отдѣльно; я всего болѣе въ правѣ остановиться на моемъ собственномъ.

«Вотъ какъ было дѣло по отношенію ко мнѣ. Въ началѣ іюня 1862 года, больной, я уѣхалъ за границу съ тѣмъ, чтобы, запасясь силами, вернуться домой черезъ три-четыре мѣсяца и приняться вновь за прерванное на время изданіе. Въ іюлѣ, въ Киссингенѣ я прочелъ въ «Колоколѣ» мое имя въ спискѣ лицъ, которыхъ велѣно было при возвращеніи въ Россію взять на границѣ. Я еще не придавалъ тогда этому особеннаго значенія и не зналъ, чему приписать эту мѣру. Вслѣдъ затѣмъ до меня дошелъ слухъ объ арестахъ Ветошникова съ какими-то письмами Серно-Соловьевича и другихъ лицъ. Потомъ я получилъ извѣстіе, что въ сношеніяхъ Кельсиева съ Россіей шла рѣчь и обо мнѣ. Бѣлый терроръ того времени въ Россіи заставилъ меня не спѣшить возвращеніемъ и выждать болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, которыя бы могли разъяснить, въ чемъ и за что меня обвиняютъ. Здоровье мое не поправлялось; я перебрался въ Лозанну и, не получая никакихъ вѣстей изъ Россіи, остался въ Швейцаріи. Первые полгода, въ которые дѣло Серно-Соловьевича не только не было рѣшено, но и не предвидѣлось, когда оно кончится, слухи о новыхъ и новыхъ арестахъ, издавна сложившееся убѣжденіе, что положиться на русское правосудіе—чуть не безуміе,—все это само собой должно было принудить меня ждать лучшаго будущаго.

«Впоследствии до меня дошелъ слухъ о слѣдующемъ фактѣ: священникъ русской часовни въ Женевѣ г. Петровъ получилъ бумагу изъ III-го Отдѣленія, которая приглашала меня явиться въ Россію на слѣдствіе. Я вѣрилъ и не вѣрилъ слуху о такомъ приглашеніи: вѣрилъ, потому что III-е Отдѣленіе никогда и ничѣмъ не затруднялось, не вѣрилъ, потому что никакимъ образомъ не могъ понять, какъ служитель алтаря можетъ исправлять обязанности жандарма и почему бумага изъ III-го Отдѣленія идетъ черезъ его руки; не вѣрилъ еще болѣе потому, что приглашенія этого г. Петровъ мнѣ не присылалъ и не объявлялъ. Пускаться въ

развѣдки я не имѣлъ возможности, да и не считалъ нужнымъ: мало ли кого обвиняли по слухамъ и рѣдко ли бывало, что такія обвиненія оказывались вздоромъ?

«Время шло; ворота крѣпости не растворялись ни для Серно-Соловьевича, ни для его товарищей по заключенію. Слышно было, что всѣ старанія раздуть дѣло, по извѣстному способу Липранди, въ цѣлую гору, не удавались, что нѣтъ никакихъ, ни юридическихъ, ни фактическихъ основаній для обвиненій: стало, можно было думать, что все дѣло кончится ничѣмъ, что содержавшіеся подъ замкомъ поплатятся своимъ заключеніемъ—и только. Я не получалъ никакого офіціального приглашенія воротиться въ Россію; читая постоянно русскія газеты, я не встрѣтилъ ни въ одной изъ нихъ ничего подобнаго.

«И вотъ 30 марта царское *быть по сему* однимъ почеркомъ пера лишаетъ меня «за послушаніе противъ правительства, *состоящее въ неадѣкъ въ Россію, несмотря на дѣлаемые мнѣ вызовы*», всѣхъ правъ состоянія и изгоняетъ навсегда изъ Россіи. Гдѣ же и когда были эти вызовы? Когда были они объявлены мнѣ, какой отзывъ былъ съ моей стороны? Имѣя теперь болѣе основаній вѣрить въ духовно-жандармскую миссію г. Петрова, я спрашиваю: отчего же г. Петровъ не исполнилъ въ 1-й разъ и не повторилъ потомъ этой миссіи? Долженъ же онъ знать инструкцію своего Отдѣленія и своей части. Гдѣ же эти вызовы въ русскихъ газетахъ, начиная хоть съ катковскихъ «Вѣдомостей» и оканчивая «Nord'омъ»? И въ чемъ послушаніе, когда по закону, въ силу выданнаго мнѣ паспорта, я имѣлъ право пребыть за границей цѣлыхъ пять лѣтъ? А такъ какъ не было ни вызова, ни послушанія, гдѣ же смыслъ моего осужденія?

«Но это еще не все. Сенатъ счелъ нужнымъ прибавить еще 2 пункта: 1) что имѣніе мое конфискуется и 2) что въ случаѣ моего возвращенія въ Россію или *выдачи* правительству, надо мной, «по удадающимъ на меня обвиненіямъ» (какимъ и въ чемъ?), все-таки, виситъ мечъ русскаго правосудія.

«Почтенные *patres conscripti* могли бы обойтись и безъ этого ненужнаго прибавленія. Такъ какъ принадлежавшее мнѣ имѣніе не могло бы никакъ поправить крайне разстроенныхъ финансовъ Россіи, то я и распорядился имъ еще заблаговременно. Что же касается до моего добровольнаго возвращенія или до случая выдачи меня въ Россію, то ни первое, ни второе немислимо. Мнѣ вовсе незначѣмъ ѣздить въ Пруссію или Австрію, на которыя русскіе сенаторы не безъ основанія смотрятъ, какъ на своихъ жандармовъ, а возвращусь я добровольно на родину только тогда, когда

на Руси стануть невозможны ни подобные процессы, ни подобныя сужденія.

Викторъ Касаткинъ».

Женева, 26 іюня 1865.

2. 2 іюня 1865 г, агентъ III Отдѣленія, командированный на мѣсто объявленія приговора, донесъ, что все сошло благополучно, «приговоръ объявленъ С.-Соловьевичу въ 9 ч. утра, причемъ публики было значительно». 5 іюня С.-Сол. былъ отправленъ въ пересыльную тюрьму. 17 іюня кн. Суворовъ увѣдомилъ III Отдѣленіе, что Владиміръ С.-Сол. хочетъ сопровождать брата въ мѣсто ссылки; дѣдъ ихъ д. ст. сов. Н. Кирилинъ просьбу поддержалъ; государь не разрѣшилъ. Прошеніе Владиміра кн. Суворову интересно:

«Ваша Свѣтлость, несчастіе, постигшее моего старшаго брата, отразилось на всемъ нашемъ семействѣ. Семейныя денежныя дѣла, бывшія подъ его управленіемъ, пришли въ совершенное расстройство во время его заключенія, и мы лишились всего состоянія. Я нахожусь въ совершенной крайности, не имѣя ни состоянія, ни занятія, существуя только благодаря помощи родныхъ. Такое положеніе и непрочно и крайне пагубно въ нравственномъ отношеніи. Я стою на краю пропасти, нищеты и деморализаціи, не имѣя ни силъ, ни возможности выбиться изъ этого несчастнаго состоянія. Воспитаніе и образъ жизни вовсе не приготовилъ меня къ серьезному и самостоятельному труду, а, напротивъ, развили потребности и привычки достаточнаго человѣка. Всѣ мои усилія получить здѣсь какое-нибудь постоянное занятіе были до сихъ поръ безуспѣшны. Мнѣ не остается ничего, какъ погибнуть, и никакая отдѣльная временная помощь не можетъ существенно помочь мнѣ. Я чувствую, что меня спасти можетъ только полная перемѣна образа жизни и постоянная трудовая дѣятельность. Въ этой крайности, я прибѣгаю къ Вашей Свѣтлости съ убѣдительноѣйшею просьбою исхodataйствовать мнѣ высочайшее соизволеніе его императорскаго величества слѣдовать за братомъ моимъ Николаемъ Серно-Соловьевичемъ, отправляемымъ въ Сибирь на поселеніе. Я надѣюсь, что перемѣна образа жизни и обстановка повліяетъ на меня благоприятно въ моральномъ отношеніи и постепенно приучать къ дѣятельности и труду».

21 іюня Н. Серно-С. отправленъ въ Москву, 27-го оттуда—въ Тобольскъ; 26 сентября прибылъ въ Красноярскъ и отправленъ въ Иркутскую губ. 10 марта 1866 г. Н. Кирилинъ была получена телеграмма изъ Верхнеудинска: «Серно-Соловьевичъ божіей волей помре» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 54).

2625. Все еще горит Россія.

Пожаръ въ двадцати губерніяхъ! Все поджоги. — намекаютъ «Москов. Вѣдомости». Но кто же поджигаетъ? Неужели ни разу, нигдѣ полиція не добралась ни до одного *въ самомъ дѣлѣ* виноватаго, кромѣ какихъ-то юродивыхъ да малолѣтнихъ, отъ которыхъ путнаго слова нельзя было добиться? Какъ же не прогнать такую полицію со всѣми ея частными и общими приставами, гражданскими, военными губернаторами и военными генераль-губернаторами? Если же поджоговъ нѣтъ или если они составляютъ незамѣтную случайность, то какъ же не прогнать всю эту журнальную сволочь алармистовъ, всѣхъ этихъ *нравственныхъ отравителей* общественнаго мнѣнія?

2626. Старовѣры и евреи.

Маски падаютъ одна за одной, ихъ бросаютъ впрядь до новыхъ кровавыхъ святокъ. «Кельнская Газета» говоритъ, что съ полнымъ усмирениемъ возстанія въ Литвѣ начались снова невыносимыя гоненія на старовѣровъ. Имъ это урокъ; пора имъ знать, что неблагодарность австрійскаго правительства, которой хотѣлъ удивить міръ Шварценбергъ, ничего не значитъ передъ петербургской способностью неблагодарности. Горько раскаются они въ своихъ уступкахъ и лицемѣрной преданности. За раскольниками урокъ евреямъ ¹⁾.

...Такъ и пахнуло съѣзжей и Николаемъ. Какая тупость, дакая узкость, какое мелочничество у этого несчастнаго правительства! Враги ли его толкаютъ въ эти ямы глупости или собственная въ кровь и мозгъ вошедшая фельдфебельская страсть къ регламентаціи? Нѣтъ, это циркульное, портяжническое правительство ничего не примиритъ, ничего не сдѣлаетъ, никуда не поведетъ—*pas de réveries!* ²⁾.

2627. («Московскія Вѣдомости»).

«Московскія Вѣдомости» перепечатали изъ «Варшавскаго Дневника» перечень лицъ, будто бы удержавшихъ значительныя суммы общественныхъ денегъ во время возстанія въ Польшѣ. Первый листъ содержитъ только имена поляквѣ, участвовавшихъ въ возстаніи. Ждемъ второго; въ немъ, вѣроятно, будетъ такой же реестръ о русскихъ «задержаніяхъ, уклоненіяхъ, употребленіяхъ казенныхъ суммъ» во время возстанія. Листъ этотъ, какъ слѣдуетъ, начнется съ Муравьева, который *не хотѣлъ* отдать отчета въ *семи милліонахъ* руб., имъ взысканныхъ. Для сравнительной статистики преступленій такого рода перечень не лишенъ интереса.

¹⁾ Дальше слѣдуетъ приказъ варшавскаго оберъ-полицейстера о снятіи евреями кримокъ, пейсъ и «неприличнаго для горожанъ одѣянія» въ 7-мѣсячный срокъ.

²⁾ Никакихъ мечтаній.

2628. La bourse ou la vie! ¹⁾

«Нордъ», не замѣчая, что виновата или невиновата Польша, но что съ 1863 года она вѣрно утратила огромное количество людей, находить, что лишнихъ полтора рекрута съ тысячи въ Польшѣ слѣдуютъ за не выставленныхъ въ 1863 г. рекрутъ; но что, несмотря на справедливость этой мѣры, манифестъ 1/13 юня даетъ добавочнымъ рекрутамъ право откупаться. Разсужденіе довольно странное! Или люди для войска нужны,—имѣется ли война въ виду, смертность ли какаѣ произвела убыль въ войскѣ,— и тогда берутъ людей, потому что они нужны для безопасности страны, или ничего такого нѣтъ, и люди не нужны для войска, тогда не зачѣмъ ихъ и брать; а если народу говорятъ: «подавай людей, а не хочешь, то подавай денегъ», тогда это — чистый грабежъ, гдѣ *власть и мушій* говоритъ: «la bourse ou la vie!». Или «Нордъ» думаетъ, что за вынужденные деньги правительство станетъ нанимать взамѣнъ охотниковъ? Ну, ужъ это, извините, — pas de réveries!

2629. (Офицеръ Бейдеманъ).

¿ Правда ли, что русский офицеръ Бейдеманъ, принимавшій участіе въ итальянской войнѣ и выданный австрійцами въ Россію, съ тѣхъ поръ, т. е. третій годъ, содержится въ казематѣ безъ суда, слѣдствія и, стало, приговора?.. ¹

◆◆ 1. Конечно, Герценъ зналъ суть дѣла, изложеннаго на стр. 429—461 т. XI, но умышленно воспользовался случаемъ, чтобы показать непричастность Бейдемана къ дѣлу заграничной пропаганды..

2630. Письмо къ С. Тхоржевскому.

№ 2.

8 августа (1865).
Сионъ (Sion).

Сегодня, въ 5 часовъ утра послалъ корректуру и первую отписку. Получили ли?

Все хорошо, но толпа—и мѣсто достать трудно. Фетъ ²⁾ ѣдетъ въ Луешъ,—я не поѣду, а прямо на Симплонъ. 14 часовъ подниматься,—останусь тамъ до слѣдующаго дилижанса. Въ Горжѣ.

¹⁾ Кошелекъ или жизнь!

²⁾ ?

Триентскомъ ¹⁾ былъ, — очень хорошо. Здѣсь теплѣе, но ночью и утромъ была стужа—шинель необходима. Комары не даютъ спать.

Если-бъ Тата быстро дѣлала кроки, было бы что поработать.
Затѣмъ прощайте.

2 часа.

Сашъ. Si on y est on n'est pas ailleurs.

Scions cela en deux ²⁾).

Лизъ pour une ville de 20,000 habitants 900 pieds et les miens 902 ³⁾).

2631. Письмо къ сыну.

№ 4.

11 августа (1865).

Lugano.

Шестой часъ, я давно всталъ, и не могъ не встать: передъ моимъ окномъ озеро, и между двумя горами начинало всходить солнце. Это такое великолѣпіе, что и сказать нельзя; къ тому же совершенно теплый воздухъ. Здѣсь очень хорошо. Швейцарія къ Европѣ относится, какъ рельефная карта Швейцаріи къ ней самой; въ ней есть и Италія, и Сибирь, и всѣ историческіе слои, отъ римскихъ колонистовъ до французиковъ. Мало мы изучаемъ живую жизнь, но объ этомъ я напишу, пожалуй, статью Тиблену ⁴⁾ или иному. Теперь къ дѣлу. Во-первыхъ, Quadrio обрадовался мнѣ очень. Мнѣ изъ книжной лавки дали провожатаго; не доходя до дома Nathan, я его встрѣтилъ. Онъ не состарился, только, вѣроятно, нарочно зубы повывергалъ, чтобъ еще больше омациниться. Сегодня я обѣдаю у m-me Nathan, красавицы въ 45 лѣтъ. Вчера я видѣлъ ея сыновей,—необыкновенно красивы. У нихъ—большая дача.

На-дняхъ ты услышишь разныя подробности о дѣлѣ Сер.-Сол. Приговоръ читали въ открытыхъ дверяхъ сената; дѣло состоитъ изъ 15 томовъ, записка не была печатана, въ ней разныя чудеса были читаны, ех. гр., «И. Тургеневъ—читалъ сенатъ—доказываетъ статьями «Колокола», что онъ мнѣнія издателей «Кол.» не раз-

¹⁾ Gorges du Trient.

²⁾ Если находишься здѣсь, не находишься въ другомъ мѣстѣ. Распилимъ это пополамъ. Нѣсколько каламбуровъ: Si on и Sion произносятся одинаково; можно понять: Sion y est — тамъ Сіонъ; si on y est—если онъ тамъ; n'est pas ailleurs;—«онъ» не находится въ другомъ мѣстѣ. Scions cela en deux —распилимъ (раздѣлимъ) пополамъ; получимъ тотъ переводъ, который напечатанъ.

³⁾ Для города съ 20.000 жителей 900 ногъ и мои двѣ въ придачу. Сіонъ находится на высотѣ 900 футъ надъ уровнемъ моря; здѣсь опять игра словъ, такъ какъ pied значитъ и футъ, и нога.

⁴⁾ Николай, издатель.

дѣлялъ». Траверсе умеръ. Серно-Сол. держаль себя до конца благородно до-нельзя и даже, когда читали сентенцію «по просьбѣ матери», сказалъ: «Я ее объ этомъ не просиль».—Суворовъ (хороши и мы, что не догадались)—второй членъ, ставшій съ Назимовымъ, возсталъ противъ объявленія фальшивому монетчику приговора на площади вмѣстѣ съ Сер.-Сол., но не могъ ничего сдѣлать.—Гаевскій ¹⁾ при слѣд. сказалъ инквизитору Карніолину-Пинскому, что если-бъ онъ намъ сообщалъ вѣсти, то онъ, навѣрное, бы сообщилъ скандальную исторію того времени, но ее въ «Колоколѣ», т.-е. о его женѣ, не было.

Наконецъ, pour la bonne bouche: Головиннъ выхлопоталъ Каткову право посылать «Моск. Вѣд.» за полцѣны на почтѣ, а себѣ брать полную почтовую пересылку, за то, чтобъ онъ не ругалъ Константина.

Что, батюшка, въ Лугано-то не меньше вашего знаютъ?!

Завтра утромъ ѣду. Писемъ у Квадріо нѣтъ, стало, важнаго не было ничего; я справлялся и на почтѣ.

13 буду въ Coire,

14 въ Рагацѣ,

15 тамъ или на via Tamina,

16 поѣду черезъ Coire на Фурку, если возможно; это займетъ 17, 18 а, можетъ, и 19.

Совѣтуютъ всѣ ѣхать на Com'ское озеро и объѣхать S. Bernardino; еще не знаю.

NB. Скажи Татѣ: не во Флоренціи, не въ Римѣ надобно ей пожить когда-нибудь, а на берегахъ этихъ озеръ.

Тхоржевскому поклонъ.

2632. Письмо къ старшимъ дѣтямъ и Н. П. Огареву.

№ 5.

12 августа 1865.

Bellinzona (вѣрнѣе было бы Laidinzona ²⁾).

Саша обязанъ читать вслухъ.

Помнить ли Саша Саскаго,—Саскаго, который для меня дѣлалъ портретъ статуи Веллы изъ сада Чіани? Сегодня утромъ я отыскалъ его въ крошечной мастерской, въ которой онъ дѣлаетъ фотографіи... Радости его не было мѣры... Безъ притворной скромности, мнѣ иногда бываетъ странно, почти совѣстно отъ этой преданности простыхъ людей и непростыхъ. Разумѣется, Саскій—бросилъ коллодіумъ и все и побѣжалъ меня провожать... Прихо-

¹⁾ Викторъ Павловичъ.

²⁾ Belle—красивая, laide—некрасивая.

димъ на почту, а старикъ Квадріо и старшій сынъ m-me Nathan (лѣтъ 25) ужъ дожидаются.

— Мѣсто въ купэ на Фурку или на S. Bernardino.

— Con piacere ¹⁾, *если* будетъ.

— Вы постарайтесь.

— Sicuro ²⁾.

— Приходить надобно?

— Въ половинѣ одиннадцатаго (вечера).

Я тляжу на моего сосѣда англичанина такъ, какъ любившій гречанку смотрѣлъ на черную шаль (это объяснить Огар.), и, вспомнивъ, что я забылъ по-англійски, спросилъ его «та she tempo?» ³⁾.

— Una duni heurrato trois ⁴⁾ (онъ думалъ, что это по-итальянски).

— То-есть ждать *восемь часовъ?*

— Of корсь ⁵⁾.

На солнцѣ 40 градусовъ; вчера было душно, сегодня не душно, но жарить. Есть мѣста безъ смысла, Bellinzona въ ихъ числѣ; въ Магадино, по крайней мѣрѣ, озеро, и совершенно тнилой обѣдъ; есть репутація, что кто тамъ ночуетъ, у того дѣлается лихорадка, а здѣсь ни озера нѣтъ, ни лихорадки; нѣмчурка какой-то, образующій свое сердце и умъ путешествіемъ на Альпы, и котораго я уже встрѣчалъ въ Стрезѣ ⁶⁾ и Лугано, видя мое отчаяніе, предложилъ сходить на федеральную крѣпость, видъ, де, «zu splendid» ⁷⁾; я вышла изъ воротъ трактира. Да, этого курица на вертелъ не выносила... Я опустился на скамейку... и вдругъ мнѣ пришло въ голову, какъ иногда умные люди себя утѣшали, напр., Тата въ Римѣ писала «Швабинъ день». Я взошеть въ отель, сѣлъ на балконъ и сказалъ гарсону: «¹/₂ бутылки Иворну, порцію чернилъ, бумага и сельтерской воды». Напишу я все, что увижу, все, что придетъ въ голову и пройдетъ мимо. И вотъ, воображая, что я—самъ Левицкій, кряхтя и подымая помѣтки ⁸⁾ щеками и бровями, сталъ фотографировать...

) Съ удовольствіемъ.

¹⁾ Конечно.

²⁾ Но въ какое время?

³⁾ Въ три часа.

⁴⁾ Of course—конечно.


⁵⁾ Stresa.

⁶⁾ Слишкомъ великолѣпный.

⁷⁾ Простыня, темная матерія, прикрывающая фотографическій аппаратъ.

«Теперь начинается... Сидите спокойно... Ну... разъ... два... т... р... и... Петръ Александровичъ ¹⁾, да гдѣ вы?.. Ахъ... Боже мой... Воля! Леля! ²⁾ все испорчено...»

Carte de visite. № 1. Ottantalesima, за 12 уступка...

 T. s'il v. plait.

№ 1. Ottemta Centre.

Щелкъ, щелкъ—щелкъ... одинъ дилижансъ уѣхалъ направо, другой налѣво... Крикъ шумъ, тамбуръ-мажоры, служащіе кондукторами, почталыоны въ мундирахъ исчезли, и вся публика разошлась. Свѣтло до безобразія, камни побѣдили... печать... Собака легла середь площади. Я задалъ себѣ задачу: неужели она пролежитъ? Нѣтъ, и ея силы недостало. Она вдругъ вскочила, побѣжала въ тѣнь и разомъ шарахнулась на тротуарѣ, точно ее параличъ разбилъ. Пока я заботился о томъ, скончалась она или нѣтъ, какая-то богомъ посланная блоха укусила, и собака пошла охотиться на собственной спинѣ. Люди здѣсь (и вообще въ Лугано etc.) не разговариваютъ и ругаются (родъ Кетчера идетъ изъ этого Комо или Лугано).

— *Carogna di cane*... продай же рыбу,—говоритъ лысый Тас-синари грязной бабенкѣ, у которой за спиной коллекція патіографическихкихъ специменовъ.

— Разбойникъ, тебѣ бы даромъ?

— Скотина! кто тебѣ больше *три венты* дастъ (60 сантимовъ).

— Дуракы!.. всякій...

— Бестія!..

— *Assasino!*

— Даешь разбойница?

— *Septanta*... чтобъ тебѣ околѣтъ безъ исповѣди.

— На, подавись!.. Чортова невѣста...

И дружески одинъ беретъ рыбу, а другая 70 сантимовъ.

Экая неугомонная собака, опять встала, пошла на солнце, которое приняла за дворъ... потомъ чихнула и снова отправилась въ тѣнь.

Нѣмчурка увидѣлъ; что я пишу, спросилъ у кельнера бумагу и сѣлъ писать... возлѣ меня.

«Петръ Александровичъ, положите ее въ баню... Какъ это? Боже мой... Воля! Леля! готова пластинка... другая пластинка... Всегда заставляютъ ждать...»

¹⁾ Захарьинъ, былъ сотрудникомъ Левицкаго по фотографіи

²⁾ Близнецы-сыновья Левицкаго Владиміръ и Левъ.

Квадріо былъ милъ до невозможности, и когда дилижансъ поѣхалъ, онъ запѣлъ на улицѣ: «Вотъ мчится тройка удалая» такъ, что мой сосѣдъ англикъ спросилъ меня: «Cela n'est pas Italien?..» ¹⁾). И такимъ образомъ я оставилъ Лугано почти тронутымъ; доброе лицо Саскаго и Квадріо (состарившагося) передъ глазами. Вчера я обѣдалъ у Nathan. Тата, ты видѣла ея дочь во Флоренціи; она больна и тебѣ кланяется. Мать меня удивляетъ; это—*suí generi m-me Stansfield*, но дѣйствительная красавица и умная, энергическая женщина. Она живетъ окруженная дѣтьми (три сына и двѣ дочери); Квадріо ихъ учитъ, въ родѣ *paterfamilias'a*. Живутъ они богато.

Писемъ нѣтъ и нѣтъ. Вѣроятно, вы писали въ Куаръ или Рагацъ. Отсюда я ѣду въ $\frac{1}{2}$ одиннадцатаго и буду въ 9 утра по ту сторону Splügen'a. Пойду пѣшкомъ черезъ *Viamala* и, слѣд., къ ночи 13 августа или въ ночь буду въ Куарѣ, 14—Рагацѣ, 15—*pous pous grisons-toujours* ²⁾). Тамъ жду почту отъ васъ и пишу.

Если письмо было въ Симплонѣ, я его получу и писалъ ужъ къ настоятелю.

Огаревъ, помни, что къ слѣдующему № у меня ничего нѣтъ. Я вывезъ всѣ женевскіе ³⁾, теперь заставь себя и Ник. ⁴⁾. Долю вещей о процессѣ Сер.-Сол. можно печатать и «смѣсь» я составлю, но существенной *pièce de résistance* ⁵⁾ нѣтъ.

А правительство-то русское опять, говорятъ, не знаетъ, что дѣлать; Суворовъ открыто ругаетъ III Отдѣл. Государь предлагалъ Милют. ⁶⁾ минис. финансовъ; Константинъ хочетъ сдѣлать что-нибудь для Польши... Если-бъ мы могли серьезно нанести ударъ Каткову, было бы хорошо. Я думаю объ этомъ.

Прощайте. Что графиня ⁷⁾? нравится ли ей ея пансіонъ въ Паки?

Что Портось? Касаткинъ сообщите, что у *m-me Nathan* большая собака вѣчно съ музельерой ⁸⁾.

Что *Case of Miss Josephine*?

Что *Case of Miss Plain-Palais*? ⁹⁾

¹⁾ Это не по-итальянски?

²⁾ *Grisons*—Граубинденъ и «мы все выпиваемъ» (навеселѣ).

³⁾ Листы «Колокола» 197, 199, 200, 201.

⁴⁾ Николадзе.

⁵⁾ Основной.

⁶⁾ Николаю Алексѣевичу.

⁷⁾ Е. В. Салиасъ.

⁸⁾ Намордникъ.

⁹⁾ Какъ дѣла миссъ Жозефины и миссъ *Plain-Palais* (кладбище въ Женевѣ); очевидный намекъ на кого-нибудь изъ знакомыхъ.

Что чехоль miss Turner? ¹⁾

Касаткину кланяюсь, если онъ взялъ портосныя ²⁾ мѣры.

Всѣ ли письма дошли?

Лиза милая, посылаю тебѣ въ альбомѣ двѣ картинки; одна представляетъ домъ, въ которомъ я жилъ въ Лугано и который называется Hôtel du Parc, хотя ни одного дерева нѣтъ; второй представляетъ статую *Вильгельма Телля* передъ отелемъ.

Тата должна тебѣ рассказать, какъ онъ стрѣлялъ въ яблоко на головѣ у сына и спасъ Швейцарію, такъ, чтобъ ты знала къ прїѣзду. Онъ былъ очень славный и хорошій человекъ, его надобно любить, какъ Гарибальди.

Торопись мнѣ писать, а то не успѣешь; скажи то же мамѣ.
Прощай.

P. S. Домъ не взошелъ въ пакетъ и, вмѣсто него, павильонъ, къ нему же принадлежащій.

2633. Письмо къ Н. А. Огаревой.

15 авг. (1865).

Уцнахъ.

Такой штуки вы и не предполагали, а дѣйствительно, есть. Рагацъ не удался: проливной дождь лилъ сутки, но зато я тамъ получилъ телеграмму, письмо и брифъ ³⁾ (отъ Мейз.). Досадно, если Домбровскій уѣхалъ ⁴⁾. Получивъ 14, послѣ обѣда, телегр., т.-е. два раза, deux fois 24 h. послѣ, я ѣхать не могъ. Я выдумалъ новое возвращеніе проселками ⁵⁾.

Люцернъ я видѣть хочу; много мрачнаго напомнить онъ, но я не бѣгу. Мнѣ очень было дорого видѣть Лугано. Въ Люцернъ я, вѣроятно, прїѣду вечеромъ. Завтра пробуду тамъ полдня и отправлюсь въ Бріенцъ,—тутъ и ?. Проскакать по Берну не хорошо, остановиться на два часа тоже не хорошо, а, вѣроятно, придется часовъ 15 проѣхать въ какомъ-нибудь почтовомъ суплементѣ.

¹⁾ Такъ какъ case значить и чехоль, то снова каламбуръ.

²⁾ Porto, portos—стоимость оплаты почтовой корреспонденціи.

³⁾ Briefe—письмо.

⁴⁾ Ярославъ Викторовичъ, штабсъ-капитанъ 19 артил. бригады, изъ дворянъ Волинской губ.; окончилъ Константиновское военное училище въ 1855 г.; въ 1859 г. вступилъ въ академію генер. штаба; арестованъ въ августѣ 1862 г.; бѣжалъ изъ московскихъ Клымажныхъ казармъ въ серединѣ декабря 1864 г.; помѣстилъ въ 200 л. «Кол.» два письма; былъ членомъ Народнаго Центр. Комитета въ Польшѣ; принималъ дѣятельное участіе въ коммуѣ 1871 г.

⁵⁾ Нарисованъ набросокъ маршрута.

Татѣ посылаю дурную дорогу и Пфефферъ ¹⁾. Напрасно ты, т.-е. Тага, заботишься насчетъ Л., — что же ему дѣлать? Жду, впрочемъ, подробностей. Отчего вы, т.-е. Nat., и ты, выдумали, что надобно пользоваться моимъ отсутствіемъ, чтобъ гулять? Охота же дѣлать изъ меня Рауля Синюю бороду.

Мейзенб. крѣпко жалуется на здоровье; это тоже напасть.

Лиза приписала отлично; знаетъ ли она заданную мной исторію Телля?

Обнимаю васъ всѣхъ.

«Колок.», вѣроятно, вышелъ, да тамъ и мѣста не было ни Долгор., ни Голицыну, стало къ будущ. № объ этомъ успѣемъ потолковать.

Въ Люцернѣ остановлюсь
въ Schweizerhof'ѣ. Впрочемъ,
и телеграфъ, не успѣете.

И я прибавлю, Natalie, какъ ты пишешь: объ этомъ «переговоримъ». Жду отвѣта на мою записочку изъ Лугано.

На полдорогѣ
2 часа.

Опять прогулка до-нельзя превосходная: ѣхалъ съ 8 часовъ на козлахъ.

Прощайте.

2634. Письмо къ Н. А. и Н. П. Огаревымъ.

16 (августа 1865).
Luzern, Schweizerhof.

Что же дѣлать? Домбр., Домбр.—гдѣ онъ? Огаревъ могъ тоже переговорить (да и онъ могъ сперва спросить). Я былъ бы готовъ въ Цюрихъ къ нему ѣхать, если онъ тамъ. Писемъ свѣжихъ нѣтъ, а вотъ темы разсказамъ:

а) какъ я ѣхалъ съ чиновникомъ русск. посол. и его другомъ и разговаривалъ incognito;

б) какъ Потаповъ ²⁾ со мной завтракалъ и еще генералъ и молодой человекъ, который похожъ на Сат. (когда онъ былъ молодъ), какъ двѣ гутты воды;

γ) какъ я спалъ стѣна о стѣну съ Потаповымъ.

¹⁾ Вѣроятно, какое-нибудь изданіе женевской фирмы Pfeffer et Puky.

²⁾ Александръ Львовичъ, управляющій III Отдѣленіемъ.

Огаревъ, помни пословицу: non bis in idem ¹⁾). Домбр. хороший человекъ, но, все же, припомнить не мѣшаетъ. Гиллера и 1863.

Стало, 17—Meiringen,

18—ueber Grimsel,

19—буду въ Louesche или же въ Луешѣ (двѣ дороги),

20—могу приѣхать, если ничего не помѣшаетъ.

Сегодня день тяжелый, и голова болитъ немного (кажется, простуда).

Прощайте.

Вотъ какая бѣда: глядѣлъ въ озеро, безъ вѣтра, и уронилъ шляпу. Купилъ для наказанія отвратительную.

Зато вотъ и хорошая новость: Фредерикъ не умеръ и, не боленъ, а точно въ Фуламѣ, слава Богу, здоровъ, о чемъ доношу Тхоржевск. особенно.

Лиза, прощай, а то и здравствуй.

2635. Письмо къ Н. П. Огареву.

(25 августа 1865). Пятница, вечеръ.

Тувъ.

Не надобно мудрствовать лукаво: я былъ бы дома въ воскресенье утромъ, если бы поѣхалъ, какъ всѣ люди, но буду въ понедельникъ, потому что почта ходитъ разъ въ день отсюда въ Бюль; и я застрялъ здѣсь на цѣлый день, въ которой дождь льетъ, какъ изъ ведра. Зато отель премилый; меня помѣстили въ шале на горѣ, въ саду со всякими англичанами, которые не нарадуются, *что я говорю по-англійски*. Вѣроятно, это письмо только нѣсколькими часами предупредитъ меня, т.-е. я такъ думаю. Не бранитесь за невольное продолженіе побѣга, Дѣйствительно, гулять только и можно въ почтовыхъ каретахъ, которыя превосходны и организованы въ фантастическомъ порядкѣ.

На пароходѣ встрѣтились мы (сверхъ толпы русскихъ дамъ, представляющихъ очень недурно лоретокъ) съ Леве von Kalbe. Отъ него много узналъ объ Германіи, но худшее—что онъ ругаетъ климатъ Берна на чемъ свѣтъ стоитъ.

Какъ бы мнѣ не пришлось на себя взять страшнѣйшую отвѣтственность,—на моихъ плечахъ и такъ не легко. Онъ совершенно противъ stagnation²⁾ фрелиховской системы. Саша очень поверхностно

¹⁾ Нельзя дважды быть въ одинаковомъ положеніи.

²⁾ Застоя.

судить объ этомъ, и у меня Ольга—одна изъ ноющихъ струнъ. Если Мейз. уѣдетъ, я не знаю, что и дѣлать.

Бубенчики, деревни, крестьянки, повязанныя красными платками, поля и запахъ дерева въ комнатахъ... Ахъ, батюшка Николай Платоновичъ, какъ сильно въ насъ воспоминаніе, и какъ бы я дорого далъ, чтобъ и ты снова вышелъ изъ себя и взглянулъ бы на это.

Мейрингенъ всего больше напомнилъ мнѣ деревенскую жизнь. Ей-ей, поѣдемъ кататься,—еще старости не минуемъ!

Ну, до свиданья. Я сегодня всталъ въ 4 часа; почта изъ Мейрингена идетъ въ 5½; завтра въ 7 надобно ѣхать, а теперь 11 часовъ.

Тату, Лизу и всѣхъ обнимаю и цѣлую.

(26 августа). *Суббота.*

Бьетъ шесть.

Дождь продолжаетъ литься... Черезъ семь часовъ буду въ *Заневе*; говорятъ, оттуда есть проѣздъ въ Montbvon и небольшой переходъ въ Montreux,—это дома; но въ такой дождь итти нельзя. А Женева очень скучна въ сравненіи со всей остальной Швейц.

Если «Кол.» опоздаетъ 5 дней, утѣшьте Тхоржевскаго тѣмъ, что его нигдѣ нѣтъ: ни въ Соиг'ѣ, ни въ Рагацѣ, ни въ Лозаннѣ, ни въ Тунѣ. Въ Соиг'ѣ книгопродавецъ мнѣ сказалъ, что въ Рагацѣ нѣсколько разъ спрашивали, но что на комиссію не даютъ, а покупать онъ не хочетъ. Афишъ нашихъ тоже нигдѣ нѣтъ. Одинъ Интерлакенъ набить русскими. Кромѣ Георга, никто не догадъ, что, вмѣсто 1 сент., выйдетъ 5. Чернецкаго тоже успокойте, если онъ придетъ до Новаго года.

Душевно очень и очень хочу всѣхъ васъ застать въ хорошемъ духѣ, и графинъ вовсе не заставать.

Писать больше не буду.

2636. Русскій прогрессъ.

Въ газетѣ «*Dziennik Warszawski*» помѣщено слѣдующее объявленіе: «Варшава, 25 июня (7 июля). *Ректоръ главной школы* извѣщаетъ, что, согласно предписанію его сіятельства графа намѣстника Царства Польскаго, вслѣдствіе предложенія бывшаго генераль-губернатора губерній Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской генерала-отъ-инфантеріи графа Муравьева, молодые люди родомъ изъ помянутыхъ губерній, а равно изъ губерній Могилевской и

Витебской *не иначе* будутъ принимаемы въ учебныя заведенія королевства, *какъ съ дозволенія мѣстныхъ губернаторовъ*. А потому всѣ студенты главной школы, происходящіе изъ помянутыхъ губерній и желающіе матрикулироваться на будущій годъ, обязаны представить таковыя свидѣтельства, *ибо представленныя прежде при приѣмѣ въ школу утратили свое значеніе, вслѣдствіе новаго предписанія*. На сыновей же военныхъ и чиновниковъ, а равно и владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній въ королевствѣ, имѣющихъ постоянное жительство въ немъ, *не распространяется это предписаніе*, хотя бы они были родомъ изъ имперіи».

Оно понятно, что ректоръ отзывается почтительно на муравьевскія изобрѣтенія, но что же думали Берги, Черкасскіе, Милутины и tutti quanti, когда упитанный кровью Муравьевъ возлагалъ на нихъ исполненіе своего отвратительнаго насилія? Какъ это намѣстникъ Царства разсудилъ, что въ предложеніи Вѣшателя все хорошо: *дозволеніе губернаторовъ*, въ видѣ новаго рода тормоза и усиленія произвола, и *негодность прежнихъ свидѣтельствъ*, вопреки правилу, что законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія, и, наконецъ, то, *что сыновья чиновниковъ и пропріетеровъ* не подходятъ подъ предписаніе? Или Бергъ, чуя отставку, думалъ, какъ бы Катковъ не ускоришь ее?

2637. [Курляндское дворянство].

Курляндское дворянство, *по собственной инициативѣ*, постановило исходатайствовать у правительства отмѣну исключительнаго права, представляющаго одному только курляндскому дворянству, записанному въ мѣстныхъ матрикулахъ, на владѣніе рыцарскими имѣніями, *а распространить такое право на всѣ сословія*.

Какое великодушіе со стороны благородныхъ рыцарей Курляндіи, особенно послѣ того, какъ крѣпостное состояніе-то уничтожено?!

2638. [Куреніе на улицахъ].

Городское общество Ярославля нашло, что государственный совѣтъ, такъ долго думавшій надъ разрѣшеніемъ вопроса о куреніи на улицахъ и дозволившій это, сошкольничалъ и далъ маху, а потому оно, ярославское общество, и *запрещаетъ курить на улицахъ*. Въ этомъ опредѣленіи: и пика государственному совѣту и та зрѣлость ссображенія, которая полагаетъ, что курить на улицахъ можетъ быть дозволено, развѣ, лѣтъ черезъ триста.

2639. «Кіевлянинъ».

«Московскія Вѣдомости», перепечатаваютъ изъ какого-то дикаго «Кіевлянина» слѣдующіе отрывки изъ житомірской корреспонденціи.

«Польскія вѣвѣски исчезли въ Житомирѣ, но зато рядомъ съ русскими красуются неизбѣжно французскія.... если только ихъ можно назвать французскими; такъ, одинъ магазинъ выставилъ у себя русскими буквами *Лонцскій* и рядомъ съ нимъ *Latsky*, что едва ли въ состояніи былъ бы прочесть французъ. На вопросъ корреспондента, *что стоитъ лимонъ*, еврей отвѣчалъ ему: *то цитрина*, и объявилъ, что онъ стоитъ *дзесенць гроши*. Въ Житомирѣ есть театръ, обращенный изъ польскаго въ русскій посредствомъ *очень простою механизма*. Бывшей польской труппѣ объявили, что она должна играть по-русски и русскія пьесы или *убираться* во-свояси. Она *предпочла* остаться и играть на русскомъ языкѣ. Можете себѣ представить, что это за языкъ! Впрочемъ, и стоны, и смѣхъ, и пляски актеровъ раздаются большею частью въ пустынь: поляки не ходятъ, потому что играютъ не на польскомъ языкѣ, а русскіе также—потому что играютъ не на русскомъ, а на какомъ-то невѣдомомъ языкѣ».

Отвратительнѣе этой насмѣшки со стороны палачей надъ жертвами мы не знаемъ.

2640. Письмо къ Н. А. Огаревой.

29 августа (1865).

Я согласенъ во всемъ, кромѣ всего тона письма. Отвѣчать на него именно потому и не стану такъ, какъ бы я хотѣлъ. Если бы ты могла его перемѣнить, мнѣ было бы легче исполнить твою волю.

Я тебѣ докажу, что домъ мой—домъ твой, домъ Лизы, такъ, какъ онъ на фактѣ—домъ Огарева. Я не требую отъ тебя ни одной жертвы, кромѣ исключенія обвинительнаго и оскорбительнаго тона, пуще всего—мелкихъ намековъ при постороннихъ. Не довѣряя я прошу, а терпѣнія. Я прошу немного времени. Ѣхать съ тобой отъ Лозанны до Вильнева на нѣсколько дней совершенно готовъ. Для этого надобно только издать «Колоколь» и разослать «письма».

Миръ возстановится другимъ образомъ.

Прошу тебя, береги мое послѣднее письмо и эти строки. Разговаривать о скорбномъ предметѣ не будемъ. Время лѣченія себя и спасенія Лизы настало.

Прощай; помни, что, прося тебя, я первый кладу узду на себя и прошу не вѣры, а довѣрія. ¹

◆◆ 1. 2 сентября Огарева отвѣчала: «Скажи мнѣ, Герценъ, что ты хочешь? Я не понимаю тебя... Женщина, которая любила тебя (ты въ этомъ не сомнѣвался), умоляла тебя сдѣлать то, что считала нужнымъ и для Лизы и для того, чтобъ совершенно честно раскрыть жизнь нашу передъ старшими... Иначе уваженіе и, можетъ, любовь *за тебя* не могутъ вернуться... Ты не могъ принять этого,— я не возражаю болѣе... Дай же мнѣ итти спокойно по другой дорогѣ,—здѣсь жизнь невозможна; для Лизы раздоръ и холодъ вредны; для меня она всегда была страшно тяжела, но ея шероховатости смягчало присутствіе дѣтей. Когда я одна съ моими воспоминаніями, ложь къ окружающимъ, фальшивое положеніе, твоя необходимая даль, твоя офиціальная холодность мнѣ слишкомъ тягостны; я чувствую, что не соберу здѣсь силъ даже для Лизы. Ты принялъ мое рѣшеніе,—оно мнѣ дорого стоитъ. Я тебя любила, какъ могла; разрывъ съ тобою мнѣ мучителенъ; ты хочешь его длить,—зачѣмъ? что тебѣ въ моихъ страданіяхъ? Ты говоришь Лизѣ (при Тхор.) съ упрекомъ: «Тебя увозятъ отъ насъ». Это дурно, Герценъ; Лиза можетъ сдѣлаться фальшивой между нами. Дадимъ другъ другу руку, чтобъ ее сберечь, а не губить; не будемъ смотрѣть на нее, какъ на игрушку. Я должна ѣхать; ты на отъѣздъ мой легко согласился. Я повторяю: вы можете видѣть Лизу, т.-е. ты и Огаревъ, когда хотите, какъ бы это мнѣ ни было тягостно... Я бы желала пожить одна хоть короткое время, чтобы прийти въ себя, сладить настолько съ собой, чтобъ начать работать болѣе серьезно, и настолько, чтобъ переработать въ себѣ прошлое и наложить на все печать, которую уже не буду срывать... Но это только мое желаніе... Рѣшеніе мое отрѣшаетъ меня отъ всего, за исключеніемъ Лизы; я прошу тебя, имѣй доблесть уважать чужую муку и не растревлять ее... Затѣмъ эти разговоры, буду ли я пріѣзжать въ Ж.? Зачѣмъ мнѣ пріѣзжать? Если-бъ намъ было хорошо, мы бы жили вмѣстѣ; мы никого не обманемъ,—а мнѣ лично, конечно, чѣмъ рѣже буду въ Ж., тѣмъ лучше будетъ. Я не могу принять нашъ разрывъ такъ легко, какъ ты; мнѣ больно смотрѣть на тѣ черты, которыя въ страшную минуту сливались съ другими, и знать, что ты не утрешь ни одной слезы,—нѣтъ больше, что ты упрекнешь меня любовью къ тебѣ. Чтобъ унижить меня,

твоя злоба унизила мое прошедшее, всю мою жизнь; вдребезги безумной рукой разбилъ ты то чувство, которое еще сильнѣе возродилось въ страшный часъ для обоихъ. Надъ твоими словами я стояла ошеломленная... Послѣдній мостъ рухнулъ... Герценъ, дай свободно говорить; мы ничего не можемъ возвратить, но ты можешь понять, какъ ужасно мнѣ въ жизни, и пожалѣть меня, т.-е. дать зажить временемъ, Лизой тѣмъ ранамъ, которыя ты нанесъ, и которыхъ ты ужъ не можешь залѣчить. Я отъ тебя прошу только послѣдовательности; послѣ нашего разговора ты только одно можешь сдѣлать—нарушать какъ можно меньше мой внутренний миръ, не раздражать его ни упреками, ни намеками; если не можешь забыть прошлаго, я умоляю тебя тѣмъ, что насъ такъ тѣсно сблизило, не поминать о немъ... Я стала внутренне раздражительна, я стара, Герценъ, я хочу сама себя уважать; дай же мнѣ слово даже во всемъ наружномъ быть осторожнымъ... Я готова даже «ты» переимѣнить на «вы», чтобъ смягчить нашу угловатость; фамиллярность безъ близости — оскорбленіе. Остатокъ жизни мы проведемъ въ внутренней дали; я искренно тебѣ говорю, я не вѣрю въ твою любовь и не желаю никакихъ сближеній, но я бы хотѣла, чтобъ за прошлое мы воспитали другъ къ другу уваженіе... Если-бъ ты могъ на досугѣ обдумать мою жизнь, можетъ, ты бы увидалъ и прошлое въ совѣмъ другомъ свѣтѣ... Я, признаюсь тебѣ, если-бъ думала, какъ ты, не пережила бы этого, а если-бъ думала о тебѣ это, то не носила бы это десять лѣтъ въ сердцѣ, чтобъ бросить тебѣ это въ лицо въ минуту разлуки и послѣ 4 дек. 64 года... Но мы во всемъ разнo смотримъ... Мои обвиненія только въ томъ на тебя, что ты не настолько любишь вторую семью, чтобъ и ее не выбросить... Если-бъ у тебя былъ другъ, онъ бы тебѣ сказалъ, что, конечно, можно скорѣе тѣхъ отпустить, которые этого желаютъ, чѣмъ женщину въ горѣ, которую *прежде* ты одинъ могъ бы на ноги поставить, и ребенка, за котораго она боится... Если-бъ у тебя въ семьѣ было одно горячее, любящее сердце, я бы Лизу вамъ оставила, не упрекайте же за то, что я не могу ее оставить. Я съ жизнью покончила лично; не смѣйся, Герценъ,—о, я слишкомъ дорогой цѣной купила ненависть къ жизни: утратой мертвыхъ и живыхъ; можетъ, при ней я вынесла твою потерю,—да, да, я вынесла бы,—но одна за другой... Будь же доволенъ: ни одна женщина не была такъ наказана...

«Разъ ты меня упрекалъ, что у меня слезы на глазахъ при постороннихъ... Да, это правда,—середь вздорнаго разговора я вижу такія страшныя вещи (ты ихъ видѣлъ), что мнѣ хочется вскрикнуть... За обѣдомъ я беру кольцо и читаю двадцать разъ свое имя, чтобъ

сладить съ собой... Это не легко... Если-бъ ты могъ видѣть мою боль, какъ иногда я стою съ мольбой на губахъ, хочу и не смѣю и не знаю... и вдругъ я съ ужасомъ руки поднимаю кверху и прошу о пощадѣ, прошу, чтобъ наказаніе мое длилось долго-долго.. Ребенокъ—вотъ боець противъ эгоизма... Онъ менѣ заставляетъ выносить невообразимыя, невѣдомыя прежде муки... Ты силенъ, притомъ жизнь наша не равна: у тебя твоя семья, Огаревъ, твоя дѣятельность, а у меня Лиза.

«Дай же руку на отпущеніе обоюдныхъ грѣховъ въ прошедшемъ и на мирную *заиробную* жизнь вдали другъ отъ друга» («Рус. Прописки», IV, 289—292).

2641. Отъ издателей.

«Инвалидъ» напечаталъ ¹⁾, а другія русскія газеты перепечатали статью «О пожарахъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ», составленную, будто бы, по полицейскимъ, официальнымъ свѣдѣніямъ. Въ этой статьѣ обвиняютъ насъ въ томъ, что мы участвовали вмѣстѣ съ какимъ-то польскимъ комитетомъ, о существованіи котораго мы не слыживали, въ поджогахъ ²⁾.

Правительство ли такъ глупо, что его этимъ обманываютъ, или оно такъ безнравственно, что употребляетъ такія средства противъ своихъ враговъ,—намъ все равно. *Мы объявляемъ, что это—ложь, ложь нелѣпая, очевидная для всѣхъ, знающихъ нашу жизнь, наши мнѣнія.*

Съ какой цѣлью можемъ мы участвовать въ несчастныхъ поджогахъ? Странное *captatio benevolentiae* ³⁾.

Если бы что-нибудь подобное было напечатано въ странѣ, имѣющей, сверхъ шпионовъ и доносчиковъ, судъ и расправу по законамъ, мы отвѣчали бы или сдѣлали бы «Инвалиду» процессъ. Въ Россіи это невозможно.

Но внѣ Россіи возможно другое.

Мы требуемъ отъ этихъ официальныхъ негодяевъ доказательствъ и готовы отвѣчать не только въ печати, но передъ су-

¹⁾ № 171.

²⁾ Дней пять тому назадъ «Моск. Вѣд.» намекали, что мы—и фальшивые монетчики... Не участвовали ли мы еще въ убійствѣ Бригса?.. Не украли ли носовой платокъ у Каткова, когда онъ являлся къ намъ съ прочтеніемъ въ Фуламѣ и увѣрялъ насъ, что „Колоколь“—сила, нисколько не сердясь за это? А. И. Г.

³⁾ Снисканіе благоволенія.

домъ въ Англіи или Швейцаріи. Намъ интересно будетъ узнать, кто этотъ достопочтенный банкиръ Т..., и кому онъ платилъ деньги; а Европѣ еще интереснѣе будетъ ознакомиться съ тѣмъ, что за вертепъ разврата, клеветы, бездушія и подлости—русская полиція и русская официальная журналистика.

Вотъ главныя мѣста статьи:

«Общественное мнѣніе въ Россіи издавна указываетъ на польскую революціонную партію, какъ на главнѣйшую виновницу поджоговъ. Обвинить всю эту партію поголовно было бы несправедливо; мы имѣемъ, напротивъ того, данныя, удостовѣряющія, что между членами этой партіи встрѣчаются и такія лица, которыя открыто отказываются отъ солидарности съ поджигателями, и что поджоги входятъ въ систему дѣйствій преимущественно партіи *красныхъ*, то-есть той самой грязной партіи, которая хозяйничала въ Польшѣ въ теченіе 1863 года, которая придумала жандармовъ-вѣшателей и революціонный терроръ, освящала кражу и клятвopеcтупленіе, и которая вселила къ себѣ отвращеніе даже въ полякахъ, столь намъ недоброжелательныхъ. Солидарность этой партіи съ партіей поджигателей, дѣйствительно, отвергать невозможно. Къ этой же гнусной партіи слѣдуетъ причислить и извѣстную горсть нашихъ заграничныхъ ренегатовъ, которые, будучи окончательно опозорены въ общественномъ мнѣніи Россіи, добиваются нынѣ, во что бы то ни стало, возстановить свою незавидную извѣстность, хотя бы геростратовскими средствами.

«Отрывочныя свѣдѣнія о нынѣшнемъ положеніи вопроса о поджогахъ не могутъ быть точными уже и потому, что слѣдствіе продолжается еще производится весьма дѣятельно. При всемъ томъ они могутъ служить подтвержденіемъ справедливости молвы народной, что приписывать пожары однѣмъ случайностямъ значило бы закрывать глаза отъ истины и что поджоги—дѣло не отдѣльныхъ личностей, а цѣлой организаціи. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ еще организаціи этой вполнѣ, хотя и случилось нападать на слѣды ея. Вотъ, между прочимъ, свѣдѣнія, которыя имѣются объ этомъ изъ-за границы и которыя добыты также путемъ слѣдствій надъ нѣсколькими политическими преступниками, задержанными въ послѣднее время.

«Въ настоящее время за границей существуютъ двѣ шайки революціонныхъ поджигателей: 1) шайка польскихъ эмигрантовъ и 2) шайка самыхъ красныхъ русскихъ революціонеровъ (молодая Россія).

«Польская эмиграція, разсѣявшись по Европѣ, раздѣлилась на многочисленныя партіи и занимается въ настоящее время полити-

ческими спорами и распрями, составленіемъ проектовъ о различныхъ революціонныхъ предпріятіяхъ и отысканіемъ людей для приведенія проектовъ этихъ въ исполненіе. Между этими партіями существуетъ и тайная партія поджигателей, главнымъ притономъ которой служитъ Швейцарія, затѣмъ Парижъ и Лондонъ и, наконецъ, Турція. Большинство лицъ, составляющихъ эту страшную партію, извѣстно. Покуда мы не назовемъ ихъ. Въ составъ партіи въ Парижѣ входятъ многія лица, занимавшія въ послѣднее возстаніе должности революціонныхъ организацій въ Литвѣ и Царствѣ Польскомъ. Они занимаются нынѣ высылкой поджигателей въ западный край, а, можетъ быть, и въ Польшу. Людей для этого находятъ они въ изобиліи между эмигрантами, поселившимися въ Швейцаріи. Сильно нуждаясь въ средствахъ къ существованію, весьма многіе изъ нихъ готовы всегда на все. Парижскій комитетъ не отказываетъ въ средствахъ на подобныя предпріятія. Лица, отправляемые на поджоги, снабжаются особымъ легко воспламеняющимся составомъ изъ угля, сѣры и фосфора. Въ теченіе 1863 года жидкость эта изготовлялась въ Варшавѣ, въ аптекѣ Младенца Иисуса высланнымъ нынѣ въ каторжную работу аптекаремъ Строньскимъ, откуда и разсылалась въ нѣкоторые города. Эта самая жидкость была употреблена при пожарѣ ратуши въ Варшавѣ; съ помощью ея же была подожжена крыша казармъ около замка, но пожаръ былъ во-время замѣченъ и потушенъ. Эта же жидкость была употреблена при покушеніи на жизнь графа Берга, 8-го сентября 1863 года, причемъ составъ ея былъ силенъ до такой степени, что она горѣла еще на слѣдующій день на каменной мостовой.

«Шайка польскихъ эмигрантовъ поджигателей, сносясь съ тѣми изъ поляковъ, которые, будучи замѣшаны въ мятежѣ, высланы на жительство внутрь имперіи, въ то же время сносятся съ подобною себѣ шайкой русскихъ ренегатовъ, называющеюся «агентціей Герцена» и сосредоточенною въ Тульчѣ. Эта послѣдняя шайка, развившись сильно въ Турціи, при помощи бѣжавшихъ изъ Россіи липовановъ, скопцовъ и другіхъ выходцевъ, избрала поприщемъ своихъ преступныхъ дѣйствій южную Россію.

«Объ эти шайки состоятъ подъ покровительствомъ лондонскаго общества «Ognisko rewolucyjne» (революціонное пламя), дѣлами котораго завѣдываетъ польскій эмигрантъ; онъ же выдаетъ и денежные пособія злоумышленникамъ. *Въ мѣсяцъ 1864 г. онъ привозилъ деньги «агентству Герцена» и жилъ нѣкоторое время въ Тульчѣ. Самое же общество революціонеровъ получаетъ деньги отъ члена своего, лондонскаго банкира Т...., сердечною пріятеля Маццини.*

«Ограничиваясь на первый раз перечнем голых фактовъ, предоставляемъ читателямъ выводить изъ нихъ свои заключенія. Свѣдѣнія нами почерпнуты изъ официальныхъ источниковъ. Будемъ надѣяться, что обнародованіе ихъ послужитъ къ общему благу».

Ну, господа, выходите изъ вашихъ норъ и застѣнковъ! Мы ждемъ. Полно играть въ темную поддѣльными документами, какъ въ дѣлѣ Чернышевскаго! Являйтесь обвинителями бѣлымъ днемъ, передъ свободными судьями свободного народа, дайте посмотрѣть на ваши лица.. Мы готовы!

30 августа 1865.
Château Boissière. 1

◆◆ 1. Официальнымъ источникомъ басни о «тульчинской агенціи Герцена» явилось показаніе, данное 1/13 іюля 1865 года Владиславомъ Рудницкимъ, — повстанцемъ, вообще, отличавшимся болтливостью, но отнюдь не серьезной содержательностью своей «исповѣди». Рука чиновника, пользовавшагося этимъ матеріаломъ, — по видимому Павлищева, автора пресловутыхъ «Седмицъ», — зафиксирована карандашомъ подъ чернилами пера Рудницкаго. Приведу показаніе, сдѣлавъ подъ текстомъ Рудницкаго указанія на наиболѣе оригинальное использованіе его чиновничьей рукой.

«Осенью 1864 г. нѣкто Краснопѣвцевъ, бывший офицеръ русской артиллеріи и членъ общества «Молодая Россія», былъ высланъ Перценомъ изъ Парижа въ Тульчу и писалъ ^{потомъ}/_{оттуда} къ своимъ товарищамъ (въ Парижѣ — добавилъ чиновникъ), что они тамъ занимаются преимущественно высылкой людей съ различными порученіями во внутрь Россіи. Одинъ изъ товарищей Краснопѣвцева, именно Ельчаниновъ, проживающій и теперь въ Парижѣ, говорилъ мнѣ, что изъ этого письма легко было догадаться, что ^{они}/_{агенція Герцена} занимаются преимущественно производствомъ пожаровъ въ южной Россіи.

«Проѣзжая черезъ городъ Яссы въ маѣ 1864 г., я былъ у тогдашняго агента польскаго народнаго правительства нѣкоего Айвазовскаго и встрѣтилъ тамъ двухъ венгерскихъ эмигрантовъ: Стефани и Вогези, члена лондонскаго общества «Ognisko rewolu-syjne» и польско-венгерско-итальянскаго комитета. Оба они дѣйствовали въ Турціи и въ княжествахъ ниждунайскихъ по полномочію этого послѣдняго комитета, собирали въ Молдавію венгерскую эмиграцію и занимались вмѣстѣ съ агенціею Герцена въ Тульчѣ пропагандою между русскими раскольниками. Они рассказывали очень много о внутреннемъ состояніи Россіи и о пользѣ пожа-

ровъ, такъ что мнѣ тогда же казалось, что или они сами участвуютъ въ этомъ дѣлѣ или же, по крайней мѣрѣ, имѣютъ подробныя извѣстія отъ русской революціонной организаціи въ Турціи.

«Я слышалъ также отъ нѣкоего Мрозовицкаго ¹⁾, бывшаго комиссара польскаго народнаго правительства въ княжествахъ наддунайскихъ, что въ маѣ 1864 г. Божеславскій привозилъ деньги вышеупомянутымъ двумъ венгерцамъ и агенціи Герцена и жилъ нѣсколько времени въ Тульчѣ.

«Затѣмъ соображая все, что только я могъ себѣ припомнить въ это время и выше изложить, я полагаю, что за границей Россіи есть двѣ шайки поджигателей-революціонеровъ:

1) шайка польскихъ эмигрантовъ,

2) шайка самыхъ красныхъ русскихъ революціонеровъ.

«И тѣмъ и другимъ помогаетъ лондонское общереволюціонное общество «Ognisko rewolucyjne» преимущественно денежными средствами, каковы же отношенія двухъ этихъ шаекъ между собою, я этого уже не знаю» («Матеріалы по польскому возстанію» въ Росс. Публ. библиотекѣ, тетрадь № 12).

Разумѣется, зная, какъ подло было тогдашнее правительство, какъ ловко создавало оно нужные ему документы и какъ бессовѣстно публиковало ихъ (напр., дѣло Чернышевскаго, казанскій заговоръ и т. п.), можно быть совершенно увѣреннымъ, что Рудницкій написалъ все по офиціальному приказу, въ крайнемъ случаѣ—по заказу.

2642. Болтовня съ дороги.

(Министръ, не окончившій курсъ.—Бой Константина Николаевича съ Катковымъ.—О дѣлѣ Серно-Соловьевича).

...Мирноѣ наслажденіе горными отелями и видами русскихъ министровъ было возмущено на-дняхъ встрѣчей въ Интерлакенѣ двухъ старыхъ знакомыхъ. Головининъ, министръ просвѣщенія, встрѣтился съ извѣстнымъ литераторомъ П. В. Долгоруковымъ.—«Здравствуйте, Александръ Васильевичъ»,—говоритъ Долгоруковъ.—«Мы больше съ вами не знакомы»,—отвѣчаетъ просвѣщеніе, приподнявъ шляпу. Долгоруковъ ему въ отвѣтъ... Мало ли чѣмъ старые знакомые могутъ заключить свое знакомство, когда одинъ

¹⁾ До сихъ поръ этотъ абзацъ такъ исправленъ чиновникомъ: «Предположеніе мое о томъ, что «Ognisko rewolucyjne» имѣетъ связи съ агенціей Герцена въ Тульчѣ, основано на томъ, что нѣкто Мрозовицкій».

говорить «здравствуйте», а другой, по казенной надобности, отвѣчаетъ «мы съ вами больше не знакомы». Не все звучно въ печати, что звучно *viva voce* ¹⁾!

Окончивши знакомство, Головининъ уѣхалъ изъ Интерлакена, *не окончивши курса*. Это приобрѣтеть ему большую популярность между студентами, находящимися въ томъ же положеніи.

Исторія эта сдѣлала *сенсацію*, многіе изъ русскихъ оставили Интерлакенъ, кто поѣхалъ въ Тунъ, кто въ Бриенцъ. Одни финансы въ такомъ разстроенномъ состояніи, что Рейтернъ остался долѣчивать ихъ горными вершинами.

Головининская встрѣча съ Долгоруковымъ была вторая неудача для бѣднаго министра просвѣщенія въ нынѣшнемъ году.

Мнѣ рассказывали, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ взялся ходатайствовать о Константинѣ Николаевичѣ передъ Катковымъ. Головининъ хотѣлъ выхлопотать для Каткова, если онъ положить гнѣвъ на милость, какія-то льготы при пересылкѣ по почтѣ «Моск. Вѣдом.». Катковъ соглашался оставить въ покоѣ великаго князя, но требовалъ для себя, сверхъ почтовой льготы, не въ примѣръ прочимъ, безцензурности на томъ, вѣроятно, основаніи, что онъ, какъ Сусанинъ, спасъ царскій домъ отъ поляковъ и, слѣдовательно, имѣетъ право на то, чтобъ быть «вольнымъ газетопашцемъ» ²⁾. Головининъ похлопоталъ,—не удалось. Сусанинъ нашъ подождалъ,—толку нѣтъ; онъ и пошелъ снова намекать и подводить дальніе апроши—не великій ли, молъ, князь жжетъ Россію... Что Польша горитъ отъ его управленія,—сомнѣваться мудрено: почему, въ самомъ дѣлѣ, ни онъ, ни маркизь Вѣлепольскій не догадались сослать въ Сибирь всѣ зажигательныя спички и всѣхъ дѣлающихъ ихъ? Словомъ, въ то самое время, какъ Головининъ обнадеживалъ великаго князя и говорилъ ему, что «смягчилъ» «Моск. Вѣдом.», другъ Муравьева продолжалъ свое слѣдствіе о якобы чинимыхъ злѣупотребленіяхъ прежнимъ намѣстникомъ Польши, отрѣшеннымъ «Московскими Вѣдомостями» отъ дѣлъ, и даже намекнулъ, что онъ поддерживалъ «Колоколъ», когда это было нужно.

Положеніе великаго князя становится вовсе не легкое. «Моск. Вѣдомости» косятся на Грузію, и Михаилу Николаевичу ³⁾ не сдобровать. Назови государь Леонтьева своимъ меньшимъ братомъ,—Катковъ и его заподозритъ въ сепаратизмъ и желаніи имѣть осо-

¹⁾ Живымъ голосомъ.

²⁾ Вольный землепашецъ—терминъ стараго законодательства.

³⁾ Великій князь.

беннаго статсъ-секретаря при редакціи. Одно положеніе хуже и есть велико-княжескаго, это—положеніе Шедо-Ферроти. Чтò бы кто бы ни написалъ, въ Ригѣ или въ Кельнѣ, въ «Daily News» или въ «Крестовой Газетѣ», а ужъ Шедо-Ферроти достанется отъ Су-санина.

А прогос къ доносамъ и доносчикамъ, чернильнымъ инквизи-торамъ и литературнымъ полицмейстерамъ: одинъ военный госпо-динъ, заслуживающій полного довѣрія, рассказывалъ мнѣ нѣкото-рыхъ подробности, не важныя, но характеристическія, о финалѣ дѣла Серно-Соловьевича, о роли (извѣстнаго своими собственными исторіями) Карніолинъ-Пинскаго во время слѣдствія и пр. Отъ него я узналъ, что другой членъ государственнаго совѣта, говорившій въ пользу обвиненныхъ, былъ князь Суворовъ; что несчастный Траверсе ¹⁾ умеръ въ тюрьмѣ; что Тургеневъ съ большимъ успѣ-хомъ цитировалъ въ свою пользу отрывки изъ «Колокола», засви-дѣтельствоваанные въ парижскомъ посольствѣ ²⁾. Процессъ соста-вляетъ, говорятъ, *четырнадцать* ³⁾ томовъ.

Серно-Соловьевичъ, какъ мы и знали, вездѣ, во всемъ велъ себя удивительно. Сенаторы были подавлены его благородствомъ, его доблестью.

Суворовъ хотѣлъ, чтобъ осужденныхъ везли въ каретахъ на площадь, но благосердый Александръ Николаевичъ съ не менѣе благосерднымъ Третьимъ отдѣленіемъ велѣли ихъ везти на какой-то колесницѣ... Въ мелкихъ жестокостяхъ всего больше обрисовы-вается сердце челоуѣка. Сила, энергія иногда увлекаются до же-стокости, но никогда не колютъ булавками.

Настоящій поэтъ палачей, впрочемъ, тотъ изъ нихъ, кото-рый придумалъ читать Серно-Соловьевичу и его товарищамъ сен-тенцію вмѣстѣ съ какимъ-то господиномъ, дѣлавшимъ фальшивые документы. Суворовъ возставалъ и противъ этого, но его величе-ство хотѣло показать, что «не боится злоумышленниковъ».

...Пойду лучше опять смотрѣть на пустую площадь и на спя-щую собаку; наши сплетни, какъ всѣ наши разговоры, какъ всѣ мысли, чѣмъ бы ни начались, все-таки, оканчиваются мрачной не-навистью и печальнымъ презрѣніемъ...

Въ заключеніе, говорятъ, что Михайловъ и Чернышевскій очень больны...

¹⁾ Маркизь Николай Александровичъ де Траверсе сошелъ съ ума и умеръ въ тюремной больницѣ.

²⁾ Отрывки не изъ «Колокола», а изъ писемъ Герцена.

³⁾ Восемь.

2643. Нигилисты — фальшивые монетчики!

«Моск. Вѣд.» въ № 167 перепечатаваютъ изъ «Dziennika Warszawskiego» новость объ арестѣ во Франціи: «Въ Парижѣ и Энѣ (Aisne) арестовано было значительное число людей, занимавшихся поддѣлкою русскихъ ассигнацій въ весьма обширныхъ размѣрахъ, и конфискованы поддѣланные ими билеты на сумму отъ семи до восьми милліоновъ рублей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ необходимыя для поддѣлки инструменты. Корреспондентъ такъ объясняетъ подробности этого постыднаго дѣла: «Незадолго до возстанія 1863 года устроенъ былъ въ Лондонѣ комитетъ подъ покровительствомъ революціонной пропаганды всѣхъ странъ; задачей его было разореніе правительства и землевладѣльцевъ какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ». Подрывомъ денежнаго курса намѣревались разорить государство, поджогами—его жителей. *Комитетъ этотъ слылъ между самими членами его то подв именемъ комитета нишилистовъ, то подв именемъ скопища красныхъ пѣтуховъ».*

Что это—пошлый вздоръ, и что никто ничего не слыхалъ ни о скопищѣ красныхъ пѣтуховъ, ни о комитетѣ *нишилистовъ*, догадаться не мудрено. Но каковъ тотъ подлый органъ, который въ Москвѣ перепечатываетъ эту клевету, зная очень хорошо, что людъ именемъ *нишилистовъ* (долею благодаря той же редакціи) разумѣется у насъ литературная партія, враждебная Каткову съ К^ю.

2644. Отцы родные и воспитатели.

«Le Nord» рассказываетъ въ корреспонденціи изъ Нижняго о презабавномъ полицейскомъ предписаніи. Полиція рекомендуетъ жителямъ «вести себя *прилично* въ увеселительныхъ мѣстахъ, не позволять *себѣ* неприличныхъ и грубыхъ шутокъ, потому что иностранцы, будучи свидѣтелями неприличныхъ сценъ, могутъ сдѣлать дожныя заключенія о нравахъ». Очень хорошо или'очень «куръезно», какъ говорятъ безпрестанно «Московскія Вѣдомости».

2645. Потоки крови въ Тифлисъ.

Въ ожиданіи болѣе подробныхъ свѣдѣній объ отличившихся въ тифлисскомъ *дѣлѣ*, мы считаемъ далеко не лишнимъ пополнить официальные извѣстія, помѣщенные нами въ 202 л. «Колокола».

Вотъ что говорятъ иностранныя газеты: по частнымъ извѣстіямъ, *беспорядки* въ Тифлисѣ и послѣдствія ихъ гораздо значительнѣе, чѣмъ это представляетъ официальная замѣтка «Рус. Инвалида». А именно, ~~умно~~ не четыре, а около *сорока* человекъ, и хотя жители и общали князю Орбеліани ¹⁾ не нарушать болѣе спокойствія, но раздраженіе все еще весьма сильно, и всѣ дѣла совершенно остановились. По другимъ извѣстіямъ, князю Орбеліани указаны были около сорока зачинщиковъ, но онъ не рѣшился схватить ихъ—не по добротѣ, не по слабости характера, а просто потому, что долженъ былъ признать жалобы взявшихся за оружіе вполне основательными.

2646. Неудачная прогулка, стоившая двухъ судовъ.

По извѣстіямъ изъ Стокгольма, русская эскадра и извѣстный мореходъ Константинъ Николаевичъ были встрѣчены шведскимъ населеніемъ такими привѣтствіями, отъ которыхъ не поздоровится...

Зачѣмъ же это ему понадобилось въ Швецію? Напомнить ли своей эскадрой скандинавамъ, что вотъ, молъ, скомпрометировали вы себя симпатіей къ полякамъ, такъ посмотрите, какая есть у насъ морская сила, или такъ, просто разгуляться, себя показать да людей посмотрѣть?

Не лучше ли же сидѣть дома, когда нечѣмъ хвастаться: не погубили бы, по крайности, двухъ судовъ, а то и приняли незваныхъ гостей некрасиво, да и двухъ судовъ, какъ ни бывало.

2647. Письмо къ редактору.

Monsieur le Directeur,

Vous m'obligerez beaucoup en donnant une place, dans votre estimable feuille aux lignes qui suivent:

«Invalide» a publié un article sur les incendies néfastes qui désolent la Russie. Cet article, reproduit par autres feuilles russes, tend à nous accuser d'avoir pris part à ces incendies.

C'est un mensonge absurde, ignoble. Est-ce le gouvernement que l'on trompe, ou est-ce le gouvernement qui trompe de cette manière le public—cela nous est assez indifférent; mais nous ne voulons pas rester sous le coup de cette calomnie.

¹⁾ Григорій Дмитриевичъ, ген.-губернаторъ Тифлисской губ.

Si quelque chose de pareil avait été imprimé dans un pays jouissant non seulement d'une police vénale et toute puissante, mais aussi de tribunaux et de lois, nous aurions fait un procès à «l'Invalide».

C'est impossible en Russie. Mais hors de la Russie, pourtant la question peut s'éclaircir.

Nous demandons à ces calomniateurs des preuves, que nous sommes tout prêts à analyser dans les feuilles publiques ou devant les tribunaux anglais ou suisses. Que ces messieurs sortent donc de leur tanière de police, de leur caverne d'inquisition, qu'ils laissent une fois les ténèbres et arrivent au grand jour; c'est assez de jouer avec des documents faux, comme dans l'affaire de Tchernychevski; qu'ils viennent nous accuser devant des juges libres d'un peuple libre, qu'ils nous montrent leurs figures. Nous sommes prêts.

Alexandre Herzen,
Directeur du «Kolokol».

28 août 1865.

Genève, Château Boissière.

Переводъ.

Господинъ Редакторъ!

Вы меня очень обяжете, помѣстивъ въ вашей уважаемой газетѣ слѣдующія строки.

«Инвалидъ» напечаталъ статью о злосчастныхъ пожарахъ, приводящихъ въ отчаяніе Россію. Статья эта, перепечатанная другими русскими газетами, имѣетъ цѣлью обвинить насъ въ участіи въ этихъ пожарахъ.

Это—нелѣпая и подлая клевета! Обманываютъ ли правительство или правительство обманываетъ такимъ образомъ публику, для насъ это безразлично, но мы не желаемъ оставаться подъ гнетомъ этой клеветы.

Если бы нѣчто подобное было напечатано въ странѣ, обладающей не только продажной и всемогущей полиціей, но и судомъ и законами, мы бы привлекли «Инвалидъ» къ суду.

Въ Россіи это невозможно. Но внѣ Россіи этотъ вопросъ, однако, можетъ быть выясненъ.

Мы требуемъ отъ клеветниковъ доказательствъ, которыя охотно проанализируемъ въ газетѣ или передъ англійскимъ или швейцарскимъ судомъ. Пусть эти господа выйдутъ изъ своихъ полицейскихъ берлогъ, изъ инквизиціонныхъ притоновъ; пусть они хоть разъ разстанутся съ мракомъ и появятся на свѣтъ божій; достаточно имъ орудовать подложными документами, какъ это было

въ дѣлѣ Чернышевскаго; пусть они обвиняють насъ передъ свободными судьями свободного народа, пусть раскроють свое лицо! Мы готовы.

Александръ Герценъ
Редакторъ «Колокола». ¹

28 августа 1865.

◆♦ 1. 4 сентября въ «Le Siècle» появилась статья Henri Martin «Les incendies de Pologne», гдѣ въ примѣчаніи говорится объ абсурдности обвиненій Герцена въ поджогахъ.

Въ № 199 «Моск. Вѣд.» отъ 12 сентября Катковъ писалъ: «Теперь читаемъ въ иностранныхъ газетахъ новое посланіе г. Герцена. Въмѣсто того, чтобы разъяснить свои отношенія къ агентству въ Тульчѣ и попытаться очистить себя отъ участія въ организациі поджоговъ, издатель «Колокола» обращается, по своему обыкновенію, къ фразерству и къ обстоятельствамъ совершенно постороннимъ... Для кого могутъ имѣть силу подобныя «доказательства»? Для непредубѣжденнаго читателя письмо г. Герцена должно показаться одною изъ тѣхъ уловокъ, которыя служатъ лучшею уликой медобросовѣстности».

2648. Письмо къ М. К. Рейхель.

2 сентяб. 1865.
Genève, Boissière.

Вѣроятно, до васъ дошли слухи о послѣднемъ комѣ грязи Каткова и компаніи: они начали меня обвинять въ зажигательствѣ. Кричите же на весь міръ, что это — вздоръ! Я ихъ отшлифую 15 сентяб. и никакъ не оставлю даромъ.

Что у васъ?—напишите черточку.

Здѣсь, говорятъ, проѣзжала Станкевичева ¹⁾,—все это теперь враги. Тата хотѣла, было, видѣть, но поздно.

У насъ: Саша—опять во Флоренціи,

Тата—въ наличности,

Ольга—въ Бернѣ, въ школѣ съ Мейзенбургъ,

я пишу къ вамъ.

Здоровье Огар. плохо, припадки бываютъ часто, и онъ отъ нихъ слабѣетъ. Я сдѣлалъ путешествіе по Швейцаріи черезъ Симлонъ, Лугано, Сплюгенъ, Граубинденъ etc.

¹⁾ Елена Константиновна Станкевичъ.

«Колоколь» опять въ гору идетъ; это-то и бѣситъ ихъ. Получаете ли вы?

Рейхеля и дѣтей цѣлую. У Таты m-me Lion нашла голосъ, и она поетъ, т.-е. учится. Я ей скажу, чтобъ писала особо.

Вашъ старый другъ,

Ал.

2649. Письмо къ сыну.

5 сент. 1865.

Особенно важнаго послѣ твоего отъѣзда ничего нѣтъ. Ты хорошо сдѣлалъ, что проѣхалъ послѣ камнекрушенія. А бѣдный Саффи—и сигары и чемоданъ.

Въ «Моск. Вѣд.» статья за статьей объ моемъ участіи въ поджогахъ. Съ одной стороны, это показываетъ, что наши дѣла идутъ не худо, а съ другой—мнѣ вредитъ эта репутація. Къ тому же это—клевета. Я буду ихъ теперь жучить.¹

Дома то же. Огар. боленъ и что-то matte¹⁾,—все-таки, лишнее пѣть. Nat. ѣдетъ смотрѣть въ Vevey; со мной немного лучше въ послѣднее время. Лизино рождение прошло недурно, ходили на Пти Салевъ²⁾.

Отъ Мурав. ³⁾ ста франковъ не получалъ—ты напиши ему.

Въ слѣд. «Колоколь» особенно прочти мою статью «Къ „Русск. Инвалиду“»,—до этой дерзости я и самъ не доходилъ еще.

Мечник., Долгор., Касатк.,—все это ѣдетъ съ конгресса, который былъ пустъ⁴⁾. Мальвида отъ него въ восторгѣ, и Ольга еще болѣе усовершила незнаніе русской орфографіи.

◆◆ 1. Въ № 154 «Моск. Вѣдомостей» отъ 15 іюля Катковъ писалъ: «Было время, когда ловкимъ людямъ были пригодны для ихъ игры листки «Колокола», и вотъ эти листки дѣйствовали, какъ великая сила. Обстоятельства измѣнились, закулисные дѣятели, сообщавшіе этимъ листкамъ значеніе силы, были вынуждены прекратить свою подземную работу въ этомъ направленіи, и вотъ этотъ бѣдный «Колоколь» принялъ свое собственное значеніе, свой естественный видъ. Онъ сталъ явленіемъ болѣе забавнымъ,

¹⁾ Тусклый, тяжелый.

²⁾ Petit Salève, гора около Женева.

³⁾ Муравьевъ.

⁴⁾ 28 августа въ Бернѣ былъ открытъ международный конгрессъ les sciences sociales; онъ единодушно высказался за уничтоженіе постоянныхъ армій.

чѣмъ вреднымъ, и мы совершенно убѣждены, что если бы издатель этого листка переселился со своими станками изъ Лондона не въ Женеву, а въ Москву, и если бы имъ была предоставлена здѣсь такая же свобода проповѣдывать свой социализмъ, какую они пользовались въ Лондонѣ, то никакой бѣды не могло бы произойти отъ этого».

2650. Письмо къ Р. Лессеру.

13 sept. 1865.

Genève, Chât. Boissière.

Cher Monsieur Lesser,

Une dame malade avec un enfant et une gouvernante anglaise voudrait s'établir pour quelques mois à Vevey, Montreux ou ailleurs suivant le bord du lac. Elle voudrait pouvoir envoyer sa fille (de 7 ans) dans une bonne pension (peut être vivre elle même si faire le pouvoir dans la pension)—dans tous les cas avoir un petit appartement à part. Pourriez vous m'obliger en me disant un mot sur ceia? Par ex. quels sont les prix des pensions et des appartements meublés (deux chambres à coucher et salon). Elle aimerait à se placer pour le commencement—dans une pension où il n'y avait pas de russes—nommez moi un tel.

Un M-r m'a dit qu'il y a une lettre poste rest. à mon nom à Vevey. Est-ce vrai?

Excusez moi de l'embarras que je vous fais et recevez mes salutations empressées.

A. Herzen.

Переводъ.

13 сент. 1865.

Дорогой г. Лессеръ!

Знакомая мнѣ больная дама съ ребенкомъ и гувернанткой-англичанкой желала бы поселиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ Вевѣ, Монтрѣ или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ на берегу озера. Ей хотѣлось бы помѣстить свою дочь (7 лѣтъ) въ какомъ-нибудь хорошемъ пансіонѣ (можетъ быть, она и сама могла бы жить тамъ). Во всякомъ случаѣ она желаетъ для себя отдѣльную маленькую квартиру. Не будете ли вы такъ любезны, не черкнете ли словечко по этому поводу? Напр., каковы цѣны пансіоновъ и меблированныхъ квартиръ (двѣ спальни и салонъ)? Она желала бы для начала поселиться въ пансіонѣ, гдѣ не было бы русскихъ—назовите такой.

Мнѣ говорили, что въ Везѣ на почтѣ лежитъ для меня письмо «до востребованія». Правда ли это?

Извините меня за причиняемое вамъ безпокойство и примите мой искренній привѣтъ.

А. Герценов.

2651. Въ редакцію «Инвалида».

Господинъ Редакція ¹⁾,

Вы—не человекъ, вы—мѣсто, вы—чернильница, вы не несете никакой отвѣтственности за то, что вы печатаете, вы ниже нравственной отвѣтственности, ваша нравственность въ начальствѣ. Объ немъ-то мы и хотимъ съ вамъ поговорить; можетъ, наши слова возбуждаютъ въ васъ негодованіе, и вы взбунтуетесь. Оно употребило васъ на черное дѣло, оно вами гнуснымъ образомъ оклеветало меня. Мы васъ жалѣемъ и дивимся Милютину *военному*, что онъ допустилъ *безполезное* преступленіе и при томъ такое, которое не могло вызвать отпора. Мы считали, что онъ умнѣе, но въ наше черемѣнчивое время никого узнать нельзя, и братья Милютини—эти Гонорій и Аркадій русской имперіи—становятся какими-то сфинксами... бюрократы и либералы, организаторы и децентрализаторы, вчера западники, сегодня славянофилы; завтра... кто ихъ знаетъ что...

Обвинить меня косвенно и съ недомолвками въ поджогахъ, не только ложно, но глупо. Мои воззрѣнія извѣстны, я не скрывалъ ихъ, а старался всѣми мѣрами обнародовать ихъ. Моя общественная дѣятельность вся на виду, на совѣсти у меня нѣтъ не только пожара или наводненія, но даже тѣхъ легкихъ облаковъ, которыя носятъ въ воспоминаніяхъ *друшхъ* типографовъ и журналистовъ, ловко устроившихъ свое обзаведеніе на чужой счетъ.

Ни съ лондонскаго банкира Т., друга Маццини, ни съ московскаго раскольника С. ²⁾, эксъ-пріятеля Каткова, я денегъ не бралъ и кричи объ этомъ все Третье отдѣленіе и оба брата Милютини, ни одинъ умный человекъ, ни одинъ честный человекъ этому не повѣритъ.

Къ чему же вся эта клевета? Она только показываетъ,—а показывать это, конечно, не хотѣли ваши шефы,—что наши акціи поднимаются, что общественное мнѣніе снова въ нашу пользу и что насъ хотятъ донять не мытьемъ, такъ катаньемъ.

¹⁾ Редакторомъ былъ полк. генер. штаба Дмитрій Ильичъ Романовскій.

²⁾ К. Т. Солдатенковъ.

Да мы не дадимся, а будемъ безпрерывно требовать доказательствъ, суда... Я отъ васъ не отстану, пока вы не отвѣтите словами, что доказательствъ нѣтъ, что начальство солгало, или молчаніемъ дадите мнѣ право клеймить ваше заведеніе готовальной фальшивыхъ обвиненій.

Что же вы выиграли, т.-е. не вы, а наибольшіе ваши? Не могъ же думать ни Долгоруковъ, никто другой, что мы оставимъ дѣло безъ отвѣта.

Если-бъ все это было въ странѣ не только православной, но съ честнымъ правительствомъ во главѣ, я не сталъ бы къ вамъ приставать, а пошелъ бы дальше и выше. Я написалъ бы къ государю письмо, я попросилъ бы его *sauf-conduit* ¹⁾, пропускъ въ Россію и изъ Россіи; тамъ сталъ бы я добровольно передъ гласнымъ судомъ и втопталъ бы въ грязь поставщиковъ живого матеріала въ казематы и двора его величества фурнисеровъ ²⁾ и вербовщиковъ каторжной работы, а потомъ воротился бы за свой станокъ.

Возможно ли это? Спросите министерію и весь генералитетъ. Много ли генераловъ и не-генераловъ возьмутъ на свою отвѣтственность, *на свою честь, передъ вѣсьмъ свѣтлымъ*, что такая прогулка будетъ имѣть оба конца? Слову государя я довѣрился бы, но что его слово, когда дуэтъ московскихъ кастратовъ ³⁾ можетъ его перекричать.

«Однако, вы придаете важность этому обвиненію»—скажете вы, можетъ быть.—А то какъ же?

Три передовыя статьи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», три сряду, о моемъ участіи въ поджигательствахъ,—три статьи, писанныя чернилами III Отдѣленія

съ слюною бѣшеной собаки,

т.-е. Каткова. Три статьи, въ которыхъ этотъ *публичный мужчина* всея Россіи ругается, какъ сыщикъ при допросахъ въ московскомъ острогѣ, имѣя такъ же, какъ и онъ, передъ своими зубами не только щеку, но и руку императора и все пространство имперіи.

Статья вашего полицейскаго корреспондента послужила подножкой, чтобъ дальше прыгнуть Каткову. Онъ былъ нездоровъ, голодень, скучающъ,—Серно-Соловьевича съ товарищами сослали за то, что они читали «Колоколъ», Бени—за то, что *не донесъ*,—крѣпость пуста, Карніюлинъ-Пинскій безъ дѣла, надобно подзадорить полицію, напуфать публику, и вотъ Катковъ подхватилъ инвалидную

¹⁾ Охранный листъ, пропускъ.

²⁾ *Fournisseur*—поставщикъ.

³⁾ Катковъ и Леонтьевъ.

трубу и трубить, по той методѣ, по которой трубилъ въ дантовскомъ аду одинъ изъ тамошнихъ жандармовъ.

На меня, собственно, онъ лаетъ, но кусаетъ другихъ; его цѣли ближе, онѣ въ Петербургѣ,—его цѣль выдать Головнина за зажигателя, Константина Николаевича за зажигателя, его цѣль засадить въ застѣнокъ «Голосъ», «Петерб. Вѣдомости» и другихъ личныхъ враговъ.

Что касается до меня, онъ не только не вѣрить, чтобъ я участвовалъ въ поджогахъ, но *положительно знаетъ*, что это—клевета; у него и у его корреспондентовъ одна рука въ Долгоруковѣ, другая въ Муравьевѣ, одна въ канцеляріи намѣстника польскаго, другая въ III Отдѣленіи, — какъ же онъ можетъ вѣрить наравнѣ съ какимъ-нибудь княземъ *Василіемъ Баюшевымъ* ¹⁾ въ

¹⁾ Не можемъ не перепечатать изъ «Москов. Вѣд.» отрывокъ изъ наивнаго письма симбирскаго жителя князя Василія Баюшева; пусть читатели судятъ:

„Во время самыхъ пожаровъ взяты поляки по подозрѣнію въ поджогахъ и не простымъ народомъ, раздраженнымъ и безсознательнымъ, а людьми, вполне владѣвшими собой и дѣйствовавшими разумно къ охраненію своихъ домовъ и имуществъ. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ арестованныхъ въ то время поляковъ найдены, дѣйствительно, подозрительными, такъ что и до сего времени содержатся въ острогѣ; къ нимъ присоединены и другія личности польскаго происхожденія, даже изъ чиновнаго круга. Потомъ богохульныя и ругательныя надписи на польскомъ языкѣ, усмотрѣнныя на цоколѣ собора, такъ варварски истребленнаго, и на рѣшеткѣ периль, проведенныхъ по *вьюцу* близъ того мѣста, гдѣ были зарыты зажигательные матеріалы, приготовленные, вѣроятно, для истребленія города, часть коихъ употреблена зажигателями въ дѣло, а остальная часть была взорвана отъ загорѣвшагося на этомъ мѣстѣ разнаго вынесеннаго изъ домовъ имущества, и, наконецъ, всенародное провозглашеніе польскаго фанатика о мести поляковъ, какъ о причинѣ истребленія города могутъ служить достаточными основаніями установившагося мнѣнія о виновности нѣсколькихъ поляковъ въ погибели города. Впрочемъ, мнѣніе, что поляки были единственными дѣятелями поджоговъ, принадлежитъ большею частью простому народу и не только въ Симбирскѣ, но и во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ только бывали пожары. Большинство же образованныхъ симбирскихъ жителей полагаетъ, что бѣдствія эти происходятъ отъ дѣйствій общевропейской революціонной партіи, въ которой участвуютъ не только поляки, но люди всѣхъ націй, въ томъ числѣ и наши доморожденные агитаторы школы Герцена, эта нечистая накипь нашего общества. *Причины же*, побудившія это скопище негодяевъ направить свой ударъ преимущественно на Симбирскъ, заключаются въ особенномъ *патріотическомъ настроеніи симбирскаго общества, въ неизмѣнной преданности престолу и въ любви къ отечеству, въ восторженномъ приѣмѣ, содланномъ почившему въ Бозѣ цесаревичу*, а также въ высказанномъ публично сочувствіи лицамъ, стоявшимъ неуклонно (Катковъ и Муравьевъ!) на стражѣ великихъ интересовъ земли русской, что сильно противодѣйствовало цѣлямъ заговорщиковъ».

такой вздоръ? онъ не настолько одурѣлъ отъ величія своего положенія, отъ побѣдъ надъ министрами и великимъ княземъ, съ его стороны это—обдуманная клевета. Совѣсть невольнo сказала въ томъ, что онъ минуетъ называть меня лично и толкуетъ о *новыхъ церценистахъ, о церценовской агенціи*. Вѣрь онъ одну минуту, что мы изъ Лондона черезъ Тульчу подожгли Симбирскъ, мы первые отпустимъ ему не только брань его статей, но и ихъ скуку, ихъ повторенія, ихъ длинноту.

Откуда же взялся азартъ, пафосъ, въ которомъ писаны статьи, откуда языкъ казнящаго попа и проповѣдывающаго палача, откуда ярый гнѣвъ, горячечный патріотизмъ у этой лимфатической природы? Тутъ новаго мало, искусство ложныхъ раздраженій и натянутыхъ страстей всегда цвѣло у *ноктурнъ* Маріи Бредау ¹⁾, только онѣ никогда не употребляли его съ такими гнусными цѣлями, какъ *журналисты-доносчики*.

Если чему дивиться, такъ это отсутствію *страсти* у обвиненныхъ, у запутанныхъ въ дѣло, у поставленныхъ на порогъ Третьяго отдѣленія; имъ грозитъ каторга, поселеніе, отставка, нѣмецкія горькія воды, смотря по тому, кто просто литераторъ, кто не просто, кто министръ просвѣщенія и кто великій князь. Какъ же всѣ они не положить предѣлъ этой московской чумѣ, пятнающей Россію и губящей ихъ? Какъ же они, въ свою очередь, не обличать этотъ заговоръ реакціи, нео-крѣпостниковъ, всѣхъ этихъ Коцебу съ пушкинской рифмой? ²⁾

А, *впрочемъ...* а, *впрочемъ*, это ихъ дѣло... слабыхъ учить силѣ мудрено...

Но ложь Каткова, ложь вашего корреспондента нисколько не отнимаетъ важности самаго обвиненія, совсѣмъ напротивъ, оно особенно важно, коли высшіе профессора доносовъ, виртуозы шпіонства избрали именно это средство, и вотъ почему я хочу оправдаться.

Вы можете мнѣ способствовать въ этомъ и, навѣрное, хстите. Я дѣлаю отчаянное предположеніе, что вы, не зная того, послужили шпанской мухой, натянувшей такую обильную дрянь изъ Каткова, и съ тѣмъ вмѣстѣ даю вамъ средство поправить дѣло. Упросите Милютина, если надобно—двухъ, Додгорукова и все Третье отдѣленіе, чтобъ они обидѣлись и напечатали бы мнѣ на зло документы, на основаніи которыхъ они меня обвиняютъ, не

¹⁾ Публичныя женщины ея заведенія.

²⁾ «Иль смерти нѣмца Коцебу,

А, впрочемъ,

(«На Аракчеева»).

запамятовали бы, кстати, имя банкира Т., друга Маццини, и пр.,— а всего лучше послали бы сюда не ритора, не спадасина,—на эти штуки насъ не поддѣнешь,—а военнаго или гражданскаго чиновника, пожалуй, попа или протопопа, для уличенія меня передъ федеральнымъ или кантональнымъ судомъ. Посылають же они офицеровъ и статскихъ за всякимъ вздоромъ, за изученіемъ почтовыхъ марокъ, прусскихъ мундировъ... посылають же они дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ и кавалеровъ, какъ Хотинскій, подслушивать у дверей, чего же имъ стоитъ послать на казенный счетъ какого-нибудь титулярнаго совѣтника вовсе безъ ордена въ Швейцарію, для того чтобъ доказать соприкосновенность нашу въ дѣлѣ поджоговъ. *Faites cela* ¹⁾!

Между нами, скажу вамъ, мнѣ совершенно все равно, какъ обо мнѣ думаютъ не только такой чирій на Россіи, какъ Катковъ, но всѣ государственныя и *сепаратистическія*, коронныя и дворянскія полиціи; я не боюсь ни управы благочинія, ни англійскаго клуба; они могутъ меня *ad libitum* ²⁾ считать зажигателемъ или отравителемъ, воромъ или фальшивымъ монетчикомъ. Есть, вѣроятно, въ управѣ добрые люди, найдутся они и въ англійскомъ клубѣ, можетъ, и они повѣрятъ такому вздору—жаль, но зачѣмъ же они глупы?

Меня заботитъ другое: я боюсь, что эти мерзавцы оклеветаютъ меня передъ народомъ русскимъ. Любовь моя къ нему оскорблена, мое служеніе ему очернено, и вотъ почему я не хочу молчать и не хочу оставить на себѣ ни одной пылинки, ни одной брызги полицейской пѣны. У меня ничего нѣтъ: ни вашей религіи, ни вашего патріотизма, ни вашего общественнаго положенія; я—изгнанникъ, усыновленный другой страной, но у меня есть своя религія, своя любовь, свое положеніе; до нихъ я не позволю касаться всякой полицейской швали, особенно, когда она увѣряетъ, что я кому-то далъ уголь въ руки и сказалъ: «Иди и жги избы русскаго мужика!»,—мужика, котораго неволя, котораго нищета, котораго бѣдствія были страданіемъ всей моей жизни, обь освобожденіи котораго я мечталъ съ дѣтскихъ лѣтъ... Да ужъ не со-вѣтовалъ ли я возстановить крѣпостное право, развитъ пролетаріатъ, разбить общинное владѣніе, отдать крупной поземельной собственности въ кабалу мелкую? А, главное,—не хлопоталъ ли о возстановленіи *тѣлесныхъ наказаній*?.. За послѣднее не ручаюсь. Видите, жечь не только избы, но и Каткова благопріобрѣтенный

¹⁾ Сдѣлайте такъ.

²⁾ Какъ угодно.

домъ въ Москвѣ я не хотѣлъ бы—сосѣдній домъ загорится, пожитки кучера или горничной, пожалуй, сгорятъ... ну, а высѣчь коновода клеветниковъ было бы очень хорошо. Издатель «Моск. Вѣдом.» такъ убѣдилъ насъ, что есть неисправимо падшія натуры, для которыхъ одно средство спасенія—тѣлесныя наказанія, что, конечно, не ему пенять, если мы, желая его (т.-е. коновода) исправленія, желаемъ, чтобъ онъ былъ *послѣднимъ стѣпненнымъ въ Россіи.*

1 сентября 1865.

2652. Агентство Герцена въ Тульчѣ и «Московскія Вѣдомости».

«*Что же это за агентство Герцена въ Тульчѣ?*»—ораторски спрашиваютъ «Московскія Вѣдомости» съ торжествующимъ видомъ прокурора, который обладаетъ страшными документами виновности, и вслѣдъ затѣмъ помѣщаютъ статью о Кельсіевыхъ, изъ которой можно вывести разныя разности, кромѣ двухъ вещей: *нашею участія въ агентствѣ и участія агентства въ поджогахъ.* А только это и хотѣли доказать «Моск. Вѣд.» Неужели дикій хоръ, окружающій журналъ доносовъ, до того глупъ, что его можно обманывать такими жалкими средствами? Перепечатать всей статьи мы не можемъ, но беремъ главнѣйшія мѣста ея и съ тѣмъ вмѣстѣ просимъ всѣхъ, имѣющихъ возможность, прочесть статью in extenso ¹⁾ въ 183 № «Мос. Вѣд.» ¹⁾

«Главными дѣятелями и, какъ кажется, организаторами тульчинскаго агентства были братья Василій и Иванъ Кельсіевы... Въ 1857 г., въ то время, когда Вас. Кельсіевъ уже былъ на пути въ Русскую Америку, чтобы поступить на службу тамошней компаніи, онъ сошелъ съ компанейскаго корабля въ Плимутъ и бѣжалъ въ Лондонъ. Тамъ онъ присоединился къ г. Герцену, который былъ въ то время первокласснымъ свѣтиломъ для нашей учащейся молодежи, особенно для петербургской. Въ Лондонѣ Кельсіевъ принялся за переводъ библии на русскій языкъ по еврейско-раввинскому тексту, въ духѣ еврейскаго талмудическаго ученія. Затѣмъ онъ обратился къ изданію раскольническихъ книгъ и съ 15-го іюля 1862 г. началъ издавать при «Колоколѣ» добавочные листки подъ именемъ «Общаго Вѣча», при дѣятельномъ соучастіи г. Огарева. Онъ считалъ своею главнѣйшею задачею дѣйствовать на поприщѣ

¹⁾ Полностью.

религиозно-политической пропаганды. Это направлѣніе его, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что дѣдъ его былъ священникомъ, хотя отецъ его уже *и вышелъ изъ духовнаго званія и служилъ чиновникомъ при с.-петербургскомъ таможенномъ пакгаузѣ.*

«Младшій братъ его, Иванъ Кельсіевъ, за участіе въ уличныхъ студенческихъ проказахъ, въ октябрѣ 1861 года, былъ высланъ на жительство въ Верхотурье. Между тѣмъ, началось дѣло о перепечаткѣ сочиненій г. Герцена. Оказалось, что Кельсіевъ былъ участникомъ и въ этомъ дѣлѣ; его вытребовали для производства слѣдствія, но ему удалось бѣжать за границу.

«Такъ какъ братья Кельсіевы избрали своею спеціальностью міръ раскольничій, и такъ какъ въ сѣверныхъ предѣлахъ Турціи, неподалеку отъ русской границы, проживаетъ не малое число раскольниковъ, бѣжавшихъ въ прежнее время изъ Россіи, то туда *и были направлены* братья Кельсіевы лѣтомъ 1863 года. Они явились въ городъ Тульчу не одни, а въ сопровожденіи Сеидъ-паши (поляка Чайковскаго), который былъ тутъ, по соглашенію съ Чарторижскимъ. Кельсіевы, съ одной стороны, разсчитывали найти сочувствіе въ раскольничьемъ архіепископѣ Аркадіи, проживавшемъ близъ Тульчи, въ Славѣ, которому и предлагали устроить въ Славѣ типографію для печатанія старообрядческихъ книгъ и другихъ сочиненій, разумѣется, въ ихъ духѣ, и для отправленія ихъ въ Россію, а съ другой — вмѣстѣ съ Сеидъ-пашой они старались уговорить некрасовцевъ, чтобъ они шли на помощь къ польскимъ повстанцамъ въ Подолію и Волынь, и вмѣстѣ съ тѣмъ, выслали отъ себя эмиссаровъ на Донъ, на Терекъ и на Уралъ для возмущенія, во имя старой вѣры, тамошнихъ казаковъ. Но первыя ихъ попытки не имѣли ни малѣйшаго успѣха: Аркадій рѣшительно не согласился на предложеніе Кельсіевыхъ, а некрасовцы съ негодованіемъ выгнали изъ своихъ слободъ какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ спутника. Несомнѣнно, что съ тѣхъ поръ, какъ польско-русскіе революціонные агенты попытались употребить некрасовцевъ для борьбы за польское дѣло противъ Россіи, эти простые, необразованные, вовлеченные въ заблужденіе люди, тѣмъ не менѣе, живо почувствовали себя русскими людьми и стали просить о дозволеніи имъ возвратиться въ Россію ¹⁾).

«Между тѣмъ Кельсіевы не унывали. Возвратясь въ Тульчу, гдѣ къ нимъ присоединились нѣкоторые русскіе выходцы и поляки,

¹⁾ За это слѣдуетъ Кельсіеву андреевская лента. Какое! Второй Ермакъ... только тотъ покорялъ казаками Сибирь, а Кельсіевъ Сибирью покорилъ казаковъ. А. И. Г.

они завели тамъ русскую типографію, *о дѣятельности которой намъ, впрочемъ, ничего неизвѣстно*. Они снова пытались привлечь на свою сторону раскольниковъ митрополита Кирилла Бѣлокриницкаго, но точно также не имѣли успѣха: Кириллъ, въ своемъ посланіи, напечатанномъ въ 1864 году въ Яссахъ, напротивъ, даже запретилъ старообрядцамъ своего согласія имѣть какія бы то ни было сношенія съ этими людьми. Всѣ они, и особенно Василій Кельсіевъ, были въ презрѣннѣи у мѣстныхъ и окрестныхъ жителей русскаго происхожденія, за исключеніемъ людей совершенно потерянныхъ или принадлежащихъ къ самымъ противообщественнымъ сектамъ. Изъ этихъ-то людей имъ и удалось составить свою шайку, о которой говорится въ «Виленскомъ Вѣстникѣ». Впрочемъ, Иванъ Кельсіевъ умеръ въ Тульчѣ, а братъ его Василій *нынѣшнимъ лѣтомъ отправился въ Женеву* ¹⁾, гдѣ теперь издается «Колоколь», и, сколько извѣстно, до сихъ поръ еще не возвратился въ Тульчу. Связь собранной ими шайки съ лондонскимъ обществомъ *революціоннаго пламени до сихъ поръ была неизвѣстна, но она напоминаетъ* о митингѣ лондонскихъ революціонеровъ, разсматривавшемъ вопросъ о поджогахъ, какъ о революціонномъ средствѣ. На этомъ митингѣ, который былъ описанъ въ газетѣ «Наше Время» за 1862 годъ, одни высказывались противъ поджоговъ, другіе склонялись къ ихъ одобренію, и между этими послѣдними были нѣкоторые изъ русскихъ выходцевъ». ²

Гдѣ же малѣйшее доказательство, что Кельсіевы *участвовали въ поджогахъ*? Иванъ, прекрасный и даровитый юноша, умершій отъ тифа въ *июнь мѣсяца 1864* (время кончины его въ статьѣ скрыто), вѣроятно, не жегъ въ 1865, а Василій уѣхалъ изъ Тульчи (хотя и не въ Женеву). Гдѣ доказательства, что банкиръ Т... пересылалъ имъ деньги и пр.?

Типъ шпионской логики — въ глубокомысленномъ замѣчаніи, что Вас. Кельсіевъ считалъ себя религіозно-политическимъ пропагандистомъ, «можетъ быть, потому, что *дядь его былъ священникомъ, а отецъ служилъ на таможенѣ*»... Да, вѣдь, такимъ путемъ и съ большой вѣрностью можно заключить, что полицейская манія Каткова объясняется его воспитаніемъ въ московскомъ острогѣ, гдѣ его родительница была приставлена къ арестанткамъ... ³

◆◆ 1. Въ передовой статьѣ Каткова въ № 183 сказано: «Въ числѣ сообщенныхъ уже извѣстій наша публика не могла не остановиться на томъ, что и между русскими выходцами нашлось нѣ-

¹⁾ Плохи шпионы у Кауфмана, да не лучше и въ Женевѣ—Кельсіевъ въ Женеву не отправлялся. А. И. Г.

которое число негодяевъ и безумцевъ, которые организовались въ шайку подъ именемъ *агенство Герцена* и приступили къ своей преступной дѣятельности подъ покровительствомъ лондонскаго общества *революціоннаго пламени*. Что же это за *агенство Герцена* въ Тульчѣ? какъ оно возникло? изъ кого оно состоитъ?»

Дальше—приведенное Герценомъ о Кельсіевыхъ.

2. Для лучшаго ознакомленія съ аргументаціей Каткова рекомендую вспомнить эту замѣтку «Нашего Времени», приведенную въ XV томѣ. Въ № 170 «Виленскаго Вѣстника» приведены тѣ же данныя, что и въ «Русскомъ Инвалидѣ».

Когда Кельсіеву стало ясно, что въ Добруджѣ ему ничего сдѣлать не удастся и не удастся и что ни о какомъ тайномъ обществѣ въ Тульчѣ не могло быть и рѣчи, а въ то же время умерли жена и дочь и покончилъ самоубійствомъ Краснопѣвцевъ,—онъ рѣшилъ въ 1865 году перебраться въ Вѣну въ качествѣ дунайскаго раскольника-хлыста турецкаго подданнаго Василя Петровича Иванова-Желудкова («Пережитое и передуманное», 6—7, 9—11, 313—322).

3. Въ № 255 «Le Nord» отъ 12 сентября было помѣщено пространное письмо въ редакцію A. de Moller, изъ котораго приведу все, касающееся Герцена.

«Говоря о пожарахъ, которые опустошаютъ Россію и Польшу со времени окончанія послѣдняго возстанія, «Opinion Nationale», съ той развязностью по отношенію къ истинѣ, которая свойственна полемикѣ этой газеты, публикуетъ слѣдующее во главѣ *передовой статьи* своего нумера отъ вторника 6 сентября: «*Большое число русскихъ публицистовъ протестовало противъ доносовъ г. Каткова на поляковъ, молодую Россію и даже на умѣренную партію въ Санктъ-Петербургѣ*».

«Прежде всего это мнимое *большое число русскихъ публицистовъ* заключается въ особѣ г. Герцена, за которымъ пора бы перестать признавать право называть себя *русскимъ*. Я взываю по этому поводу къ патриотизму какъ французовъ, такъ и русскихъ: можемъ ли мы, по совѣсти, признавать за нимъ это право послѣ того, какъ онъ заявилъ напрямикъ, передъ лицомъ всей Европы, что въ той гигантской борьбѣ, которую эта страна, его родина, предприняла противъ Франціи, Англій, Турціи и Сардиніи, его симпатіи были съ врагами Россіи, и что онъ желалъ побѣды союзу «принциповъ индивидуальной свободы съ просвѣщенной властью, направленному противъ *татаро-германскаго деспотизма*».

«Побѣда эта могла быть достигнута только цѣною потоковъ русской крови, пролитыхъ на полѣ брани, цѣною несчетныхъ

бѣдствій всей его родины. Все равно, г. Герценъ не поколебался сдѣлать все возможное для удовлетворенія своей злобы противъ русскаго правительства. Пусть гибнетъ родина, лишь бы доктрины г. Герцена восторжествовали. Таковъ былъ вкратцѣ девизъ г. Герцена въ то время. Пусть же теперь онъ согласится принять на себя отвѣтственность, признавъ за тѣми, кто несъ тогда всѣ тяжести войны въ качествѣ солдата или русскаго гражданина, право судить о немъ, не какъ о врагѣ правительства, а какъ о врагѣ русскаго народа.

«Съ окончаніемъ войны г. Герцену представился новый случай доказать свои чувства къ родинѣ. Къ несчастію, несомнѣнно, что его неоспоримый публицистическій талантъ, а еще болѣе привлекательность скандала представляемаго газетой, столбцы которой открыты для анонимныхъ доносовъ и закрыты для оправданій, привлекли ему на родинѣ довольно большое число читателей, часть которыхъ, благодаря отсутствію у русской молодежи солидныхъ знаній и какого бы то ни было критическаго ума, не замедлила принять не только его коммунистическія разглагольствованія, но и политическій догматъ.

«Видя, что правительство отказывается итти по неумѣренному пути, который ему указывали неукротимые доктринеры Лондона, г. Герценъ сдѣлалъ все возможное, чтобы смѣшать карты, посѣять ненависть, возбудить крестьянъ противъ дворянства, а дворянство—противъ правительства. Далекій отъ того, чтобы протянуть руку помощи необъятному и трудному дѣлу, предпринятому правительствомъ съ цѣлью увѣнчать социальное возрожденіе родины, г. Герценъ весь свой мнимый патріотизмъ употребилъ на то, чтобы вызвать кровавый исходъ, поднять гражданскую войну, и при первыхъ симптомахъ, которые онъ нашелъ въ мятежномъ движеніи Польши, не поколебался протянуть руку этому «энергичному протесту стариннаго польскаго общества» ¹⁾ противъ новаго порядка вещей, освященнаго въ Россіи указомъ 19 февраля (3 марта) 1861 г.

«На этотъ разъ даже не вопросъ принциповъ привлекъ г. Герцена въ лагерь противниковъ его родины. Г. Герценъ не былъ въ положеніи парижскихъ буржуа, слышавшихъ голосъ только одной изъ партій этого большого политическаго процесса, кончившагося смертнымъ приговоромъ «старинному польскому обществу». Онъ читалъ по-русски и по-нѣмецки; онъ зналъ и за и про-

¹⁾ Такъ характеризовалъ г. Эмиль Мэзонъ польское возстаніе (въ 3-мъ №). Авторъ.

тивъ; онъ слышалъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, признанія во всякомъ случаѣ не достойныя уваженія, которыя дѣлали за кулисами главные артисты или, правильнѣе, авторы ужасающихъ драмъ 1863—64 гг. Онъ очень хорошо зналъ, что всѣ эти мнимыя побѣды возстанія были ложью, что либерализмъ *ржонда народоваго* ограничивался невѣроятной тираніей; онъ, демократъ и ярый социалистъ, не могъ не знать, что крестьяне въ Польшѣ не желали этихъ мнимыхъ освободителей, вооруженныхъ веревкой и кинжаломъ; онъ зналъ, что Лангевичъ былъ лишь агентомъ польской аристократіи; онъ зналъ, что аристократія эта, въ свою очередь, была наиболѣе ожесточеннымъ врагомъ народа, котораго обобрала; онъ зналъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, что движеніе, во главѣ котораго находятся Чарторижскіе, Замойскіе, Сапѣги, съ одной стороны, іезуиты, какъ Калининская, и аббаты, какъ Микочевскій, — съ другой, несомнѣстимо съ какой бы то ни было либеральной тенденціей, съ какой бы то ни было идеей демократическаго или социальнаго прогресса...

«Г. Герценъ зналъ все это, и я считаю себя въ правѣ сказать, что на этотъ разъ его девизъ былъ не только *пусть гибнетъ родина!*, но «пусть гибнуть родина и принципы, лишь бы была удовлетворена ненависть г. Герцена».

«До сихъ поръ онъ не можетъ простить Франціи, что она не объявила войны его родинѣ, Россіи, въ пользу польскаго возстанія. Со своей стороны, надо отдать ему справедливость, онъ ничѣмъ не побрезгалъ, чтобы приготовить триумфъ врагамъ своей страны, возводя въ священную догму измѣну воина своему знамени.

«На этотъ разъ его приемы достигли еще нѣкотораго успѣха. Несчастные молодые люди увлеклись этими мрачными софизмами, и если были такіе, которые, сознавая свою ошибку уже въ рядахъ возставшихъ, сами покарали себя за свой грѣхъ самоубійствомъ, то были и другіе, которые на эшафотѣ искупили свою измѣну.

«Теперь между русскимъ народомъ и г. Герценомъ лежитъ море крови, пролитой по его винѣ... Народъ, и общество имѣютъ право потребовать отъ него отчета, не признавая его болѣе русскимъ и отрицая за нимъ право говорить отъ имени Россіи.

«Не живя въ Россіи, мы не знаемъ фактовъ, на которыхъ основываются «Русскій Инвалидъ» и г. Катковъ, чтобы обвинить г. Герцена или его учениковъ изъ *молодой Россіи* ¹⁾ въ соумышленіи

¹⁾ Авторъ иронически называетъ Герцена и его сподвижниковъ «молодой Россіей» въ pendant къ дѣятелямъ литературно-политическаго движенія 30-хъ и 40-хъ годовъ въ Германіи, которые присвоили себѣ сохранявшееся за всей той эпохой названіе «Молодой Германіи».

съ польскими поджигателями. Но, если мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы подтвердить точность этого обвиненія, то мы еще дальше отъ того, что бы отрицать эту точность, такъ какъ прошлое г. Герцена даетъ намъ право съ спокойной совѣстью сказать, что въ политикѣ онъ, какъ намъ кажется, совершенно неразборчивъ при выборѣ средствъ для достиженія своей единственной цѣли, которая есть не что иное, какъ полнѣйшій социальный переворотъ въ Россіи.

«Что же касается яко бы протеста, который онъ опубликовалъ нѣсколько дней тому назадъ, то онъ напомнилъ намъ, какъ Маццини, другъ, оракулъ и учитель г. Герцена, тоже протестовалъ въ свое время, и при томъ самымъ форменнымъ образомъ, противъ заявленія французскаго прокурорскаго надзора, обвинявшаго его въ участіи въ покушеніи Орсини, а позднѣе—и Греко, и Трабукко. Онъ намъ напомнилъ также, какъ г. Герценъ гремѣлъ въ то время въ «Колоколѣ» противъ французскаго правосудія, какъ онъ призывалъ проклятія, не менѣе неистовыя, чѣмъ тѣ, которыя онъ теперь призываетъ на русское правосудіе при посредствѣ французскихъ газетъ.»

8 октября Бакунинъ писалъ Герцену и Огареву изъ Неаполя:

«...Послѣ долгаго молчанія я намѣренъ опять выступить печатно и начинаю письмомъ къ редактору «Le Temps» или «Opinion Nationale»,—вѣроятно къ первому—по случаю ругательнаго письма какого-то A. de Moller противъ тебя, Герценъ, въ «Nord» 12 сентября.

«Написалъ, было, статью въ «Колоколѣ» въ опроверженіе мирнаго, нереволюціоннаго социализма. Былъ ею недоволенъ и сталъ передѣлывать: вышла брошюра, а теперь брошюра чуть ли не растеть до книги. Публичное расхожденіе съ вами по такому важному вопросу для меня вещь чрезвычайно серьезная;—каждая мысль должна быть провѣрена, каждое слово взвѣшено и потому спѣшить не хочу. Черезъ мѣсяцъ, много черезъ два, буду готовъ и тогда къ вамъ же обращаюсь съ просьбою о напечатаніи брошюры или книги въ Женевѣ, на что постараюсь собрать достаточно денегъ. Ты меня насмѣшилъ и огорчилъ, Герценъ, напоминая, что, полемизируя другъ противъ друга, намъ не слѣдуетъ браниться; это хорошо для мальчиковъ. Безъ всякаго принужденія, совершенно естественно уваженіе и симпатія къ вамъ будутъ занимать въ моемъ сердцѣ всегда первое мѣсто, и какъ бы далеко ни зашла наша рознь въ средствахъ, въ путяхъ,—не въ цѣли,—я всегда буду цѣнить высоко право называться вашимъ союзникомъ и другомъ. Ну, да пусть все это окажется на дѣлѣ» («Письма», 160).

Тотъ же А. Моллеръ выпустилъ книгу «Situation de la Pologne au 1-er janvier 1865», Paris, 1865 («Положеніе Польши на 1 января 1865 г.»), которую написалъ для русскаго правительства, что видно, изъ слѣдующаго письма шефа жандармовъ кн. Долго-рукова отъ 6 мая 1865 г. къ министру вн. дѣлъ Валуеву:

«Вотъ, дорогой Петръ Александровичъ, трудъ, только-что опубликованный въ Парижѣ отставнымъ полковникомъ Моллеромъ, и пачка относящихся къ нему писемъ. Они объясняютъ, о чемъ проситъ Моллеръ, но прежде чѣмъ сдѣлать что бы то ни было, государь желаетъ, чтобы вы столкнувались объ этомъ съ Н. А. Милютнымъ. Я знаю, что Милютинъ сейчасъ въ Варшавѣ, но 14 мая долженъ вернуться... Моллеръ проситъ немедленнаго отвѣта; ему особенно хотѣлось бы получить сумму, которую онъ долженъ заплатить, кромѣ той, которую ему уже выдалъ Милютинъ» (архивъ П. Я. Дашкова).

Книга написана совершенно въ духѣ Николая Милютина и окружавшей его компаніи «реформаторовъ» Ц. Польскаго; цѣль ея понятна, какъ понятно и все сказанное о Герценѣ, котораго Моллеръ сдѣлалъ послушнымъ орудіемъ Маццини и авторомъ прокламацій 1861 года.

Кстати къ рептилизациі иностранной печати.

Въ 1866 г. гр. Петръ А. Шуваловъ—бывшій ген.-губернаторъ Прибалтійскаго края, писалъ Валуеву по-французски: «Наши сношенія съ германской прессой были мнѣ поручены императоромъ, и я докладывалъ о нихъ только ему. Разъ или два въ годъ я дѣлалъ ему короткій докладъ, основанный на періодическихъ отчетахъ, которые мнѣ представлялъ F (вѣроятно, бар. Фирксъ—*М. Л.*). Я представлялъ о количествѣ статей, появившихся въ различныхъ газетахъ, а также объ эффектѣ, произведенномъ ими въ Европѣ. Я же довольно часто указывалъ государю на статьи, только-что появившіяся, и большею частью императоръ зналъ ихъ содержаніе по извлеченіямъ, представляемымъ ему изъ другого мѣста (мин. иностр. дѣлъ—*М. Л.*). Жалю, что F. не можетъ продолжать—онъ былъ достаточно привыченъ, но мой замѣститель (П. П. Альбединскій—*М. Л.*) настолько хорошій мастеръ, что легко сумѣетъ научить кого-нибудь другого. S. въ Берлинѣ былъ нашимъ главнымъ центромъ; его сношенія съ германской прессой весьма обширны; онъ составлялъ статьи по канвѣ изъ СПб. Напечатаніе ихъ обходилось построчно; но какъ только S. былъ предоставленъ самому себѣ, онъ дѣлаетъ глупости и оказываетъ медвѣжьи услуги. S. знаетъ Гербеля, нашего агента въ Дрезденѣ. Въ этомъ дѣлѣ онъ еще со временъ бар. F., правую руку котораго и былъ.

Я совѣтоваль бы вамъ выписать Гербеля по телетрафу и дать ему ваши инструкціи. Помимо этого, мнѣ случалось употреблять остатки суммъ, чтобы приходить на помощь русскимъ газетнымъ писакамъ и этимъ прекращать враждебность въ отношеніи нѣмцевъ. Министръ вн. дѣлъ зналъ о нашемъ агентствѣ и вотъ какимъ образомъ: подобныя бюро существовали и въ мин. вн. дѣлъ, не будучи, однако, устремлены исключительно на Германію, но результаты ихъ были настолько плачевны, что поневолѣ приходилось — и вы сдѣлали бы то же самое — отказываться отъ статей, вдохновляемыхъ отсюда. Каждый разъ, когда министръ представлялъ свой отчетъ государю, что случается въ концѣ декабря, императоръ поднималъ вопросъ о соединеніи въ моихъ рукахъ этихъ двухъ параллельныхъ организацій. Я, можетъ быть, былъ неправъ, но видя, насколько министру вн. дѣлъ было непріятно передать дѣло мнѣ, я ежегодно игнорировалъ его и продолжалъ съ моими денежными средствами, тогда какъ централизація увеличила бы ихъ вдвое» (архивъ П. Я. Дашкова).

2653. Первая ретирада.

Сейчасъ рѣчили мы въ «Моск. Вѣд.» (№ 187) слѣдующее отступленіе союзныхъ войскъ «Инвалида», Каткова, III Отдѣленія, Валуева и братіи:

«„Кельнская Газета“ сообщаетъ, что она получила письмо изъ Жены отъ издателя «Колокола» г. Герцена, въ которомъ онъ протестуетъ противъ приведенныхъ «Рус. Инвалидомъ» *полуофициальныхъ извѣстій* объ участіи «партіи Колокола» въ поджогахъ. Г. Герценъ приглашаетъ своихъ обвинителей доказать свое обвиненіе и, съ своей стороны, выражаетъ готовность отвѣчать на это въ печати или предъ однимъ изъ судовъ Англии или Швейцаріи. (Въ статьѣ «Р. Инвалида» не было рѣчи о самомъ г. Герценѣ, а только объ *агентствѣ Герцена* въ Тульчѣ. Если г. Герценъ имѣетъ основаніе думать, что агентство это во зло употребляетъ его именемъ, то пусть обратитъ онъ противъ него свое судебное преслѣдованіе)».

2654. Изъ Сибири и Казани.

Мы получили довольно подробное изложеніе «казанскаго дѣла», начавшагося весной 1863 года и окончившагося тимашевскими казнями. Въ слѣдующемъ листѣ мы помѣстимъ извлеченіе изъ него. Для французскаго

правительства особенно будетъ интересенъ эпизодъ о казни *француза* ¹⁾, не уличеннаго ни въ какомъ преступленіи, письмо котораго къ французскому консулу Тимашеву изодралъ.

При тетради (за которую благодаримъ безмѣрно), приложено письмо, въ которомъ, между прочимъ, написано: «Изъ Сибири важныя новости: въ Томскѣ и Иркутскѣ были аресты; говорятъ, открыли тайное общество, всѣхъ схваченныхъ повеали въ Омскъ, въ числѣ арестованныхъ называютъ Потанина ²⁾».

2655. Изъ Петербурга.

«Валуевъ послалъ секретный циркуляръ ко всѣмъ губернаторамъ, требуя *непрелѣнно* открыть зажигателей. Донесеніе Кауфмана — слѣдствіе этого циркуляра». Все это превосходно и совершенно въ духѣ Валуева и петербургскаго управительства, но, все же, намъ былъ бы въ тысячу разъ дороже текстъ нашего *grand roué* ³⁾.

2656. Письмо къ Н. П. Огареву.

17 сент. (1865), утро, 10 часовъ.
Vevey.

Записку твою съ *ничѣмъ* получилъ. Я писалъ третьяго дня и вчера. Жду съ тяжелымъ сердцемъ Лизу и Н. — съ безконечно тяжелымъ, потому что не вижу впереди ничего; это—великое несчастіе.

Богданову, чтобъ онъ не умеръ съ голода, пошлю 20 фр., но теперь-то и слѣдуетъ испробовать комитетъ Мечниковъ, а потому я прошу Тхорж. сходить къ нему и спросить его: а) получилъ ли второе письмо мое? б) разрѣшаетъ ли онъ мнѣ послать 20 фр. (которые я вычту изъ мною жертвуемыхъ) Богд., который извѣстенъ, какъ смодвижникъ Босака ⁴⁾ и пр., раненый русскій офицеръ? Отвѣтъ Мечникова я ждать не буду, деньги пошлю, но хочу знать.

Климать и мѣсто здѣсь хорошо. Пансіоны для житья вездѣ хорошіе, но квартиры дороги и скверныя.

Я познакомился съ какимъ-то богачомъ и реакомъ; онъ ведетъ меня показывать дома.

¹⁾ Жеромъ Кеневичъ.

²⁾ Григорій Николаевичъ.

³⁾ Великаго повѣсы.

⁴⁾ Фридерикъ-Кароль Гауке, графъ Босакъ, дѣятель польскаго возстанія, по русской службѣ полковникъ.

Обѣдаю въ ресторанѣ, по приглашенію Лессера.

Если вы не оставили копіи съ перевода—*шлехтѣ*¹⁾. А статью о француз. не надобно посылать, пока они не напечатаютъ моего 2-го письма.

Пожалуй, мишите прямо: Vevey, Hôtel des Trois rois,—чадомъ раньше придетъ.

Татѣ кланяюсь, писать къ ней буду послѣ приѣзда.

Отчего Богдановъ разучился грамотѣ и пишетъ Homborg и Gomburg?

О чемъ же говорить со Стеллой?

2657. Письмо къ Р. Лессеру.

(19 сент. 1865).
(Vevey).

Chèr Monsieur,

Je n'ai rien trouvé. Dans le pensionnat Roggen on ne prend pas d'externes; le pens. Bonson—ne me plaît pas, ni à M-me Ogareff. On nous parle de

M-lle Dürieu,
— Thomas,
M-me ...²⁾

prennant des externes—mais où les trouver.

N'avez Vous pas q. q. nouvelles du maison? Je passerai chez Vous dans une heure.

Votre tout dévoué

A. H.

Переводъ.

Милостивый Государы!

Я не нашель ничего подходящаго. Въ пансіонѣ Роггенъ не принимаютъ приходящихъ пансіонеровъ. Пансіонъ Бонсонъ не нравится ни мнѣ, ни г-жѣ Огаревой. Намъ говорили

о m-lle Дюрье,
о — Томасъ,
о г-жѣ²⁾,

которыя принимаютъ приходящихъ, но гдѣ ихъ найти?

¹⁾ Плохо.

²⁾ Фамилія не разобрана.

Нѣтъ ли у Васъ какихъ-либо новостей о домахъ? Черезъ часть я буду у Васъ.

Преданный Вамъ

А. Г.

2658. Письмо къ Н. П. Огареву.

20 sept. (1865).

Сейчасъ прислала Мейз. еще письмо. Долгор. мнѣ слишкомъ другъ—этого не передѣлаешь вдругъ. Паденіе Поджіо, еще Поджіо,—мнѣ очень больно за него. Пріѣду я, вѣроятно, въ воскр.,—до сей минуты нѣтъ ни кварт., ни школы.

Лугинина деньги, вѣроятно, для Долг.; я сдѣлаю расчетъ по пріѣздѣ. Онъ напугалъ съ Мошкал. ¹⁾ долгомъ; гдѣ-то у меня записано.

А что сказать объ арестахъ въ Дублинѣ, о visit domus civills ²⁾ и пр.?

А Поджіо мнѣ жаль.

2659. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(20 сентября 1865). Среда.
(Vevey).

Милая Тата!

Письмецо твое получилъ, отъ Мейзенбургъ тоже; она пишетъ, что 26, будутъ въ Женевѣ на три недѣли. Бѣдная Лиза—не усидитъ она и не будетъ шалить съ Ольгой. Здѣсь ничего не нашли,—пансіоны (для дѣтей) плохи, въ самомъ большомъ не принимаютъ экстерновъ.—Nat. пріѣхала безъ чемодановъ, безъ платѣвъ; это поразительно. Все, что ты пишешь, печально безъ всякой мѣры; будь же ты тверда и сильна и помогай намъ, сколько можно, вытянуть нашу барку на самомъ тяжеломъ мѣстѣ.

И еще скверная вѣсть: Ад. Фогтъ получилъ телеграмму изъ Милана, что К. Фогтъ очень боленъ, и поскакалъ туда. (Можетъ, жена его не знаетъ, а потому не очень толкуйте объ этомъ).

Сегодня, два часа тому назадъ послала N. письмо къ miss Turner о чемоданѣ; пришло ли оно? Тамъ же я вложилъ записку къ Тхоржев. о винѣ, т.-е. не о моей винѣ, а о винѣ Detur'a.

¹⁾ Павелъ Сергѣевичъ Мошкаловъ.

²⁾ Подробный обыскъ въ домѣ.

Zum Lachen ¹⁾.

Когда Nat. приѣхала, я ждалъ на пристани... Лѣзетъ какой-то гнусный старче ²⁾, опираясь на англичанку... и, увидя меня, прячется въ толпу... Не удержался я,—за нимъ и... сталъ передъ... «Василій Петровичъ, Василій Петровичъ! Зачѣмъ перепугались?...—«Да... да я... да... да я... и т. д.... испугался—совсѣмъ не испугался»... бормоталъ онъ блѣдный... Я отвернулся и ушелъ.—Сегодня встрѣтилъ, шапку ломить издали, но ужъ ни слова.

Сообщаю о семъ литератору Касаткину.

Что Лизина фотографія?

Погода здѣсь итальянская, удивительно хорошо, въ полдень душно.

NB. Пошлите чемоданъ по *petite vitesse* ³⁾, адресуя въ *Hôtel des Trois rois, Vevey*. Можно, вѣроятно, съ пароходомъ.

2660. Письмо къ С. Тхоржевскому.

(21 сентября 1865). Четвергъ.

Montreux.

Любезный Тхоржевскій, пишу къ вамъ, какъ къ наибыстрѣйшему распорядителю. Главное — Лугининъ; его телеграмма меня сбילה. Онъ будетъ ждать до пятницы, а я, увѣренный, что онъ приѣдетъ въ среду, ждалъ его на желѣзной дорогѣ; телеграмму же принесли въ N-1 Montreux, гдѣ меня не было. Меня тамъ ограбили. Вчера и третьяго дня у меня былъ страшный катарръ. Нат. Ал. хотѣла ѣхать сегодня въ Вевэ за покупками, но я предложилъ ѣхать завтра, а потому, можетъ, самъ поѣду съ вечера и пробуду *всю пятницу* въ *Hôtel des rois* (или *des Trois rois*, близъ желѣзной дороги), а въ *субботу* приѣду въ Женеву. Если Лугинину нужно меня видѣть, онъ можетъ ѣхать въ Парижъ черезъ Вевэ—Бернъ или подождать меня въ Женевѣ, куда я приѣду въ 6 часовъ, т.-е. къ обѣду. На телеграммѣ Лугинина не было адреса. Вѣроятно, главное дѣло пойдетъ опять о Людмиловнѣ ⁴⁾. Хорошо, если-бъ онъ покончилъ дѣло съ Гул. ⁵⁾ помимо мѣня. А слышалъ ли онъ исторію Гижицкаго ⁶⁾? Я, впрочемъ, вообще не знаю, какія дѣла могли

¹⁾ Для смѣха.

²⁾ В. П. Боткинъ.

³⁾ Малой скоростью.

⁴⁾ Л. П. Шелгунова.

⁵⁾ Гулевичъ, Михаилъ Семеновичъ. 1

⁶⁾ Евгеній Казиміровичъ. 2

остановить Лугинина въ Женевѣ: процесса у него нѣтъ, часовъ не покупаетъ, форель не ловить.

А что вы всѣ сдѣлали съ разбойникомъ Стув. Объ этомъ я жду рапортъ.

Отдалъ ли Касат. (въ мой счетъ) 200 фр. Чернецкому? И сколько думаетъ онъ взять акцій типографіи и надѣлать добрыхъ акцій, получивъ суммы съ Черкес.? Я одинъ говорилъ постоянно, что онъ—шалопаи, но не воръ...

Ну, какъ же фирстъ Долгоруку послѣ продѣлки Элпидина ¹⁾?

Вѣроятно, писать будетъ поздно, но, въ случаѣ крайности, телеграфируйте въ Вевз, Hôtel des Trois rois (или du rois). Что за дрянъ Лессеръ, это невообразимо. Здѣсь у него есть лавчонка; русскіе ищутъ «Кол.» и онъ не даетъ и не посылаетъ своему комп. Я готовъ послать отсюда черезъ Нат. Ал. по 5 экз. «Колок.» съ того №, гдѣ отвѣтъ «Инвалиду», «Camicia rossa», «Христіанъ» ²⁾ и если что есть въ типографіи. Можно просто адресовать: M-me N. Ogareff, Aux soins de M-me Pilet, Montreux.

Прощайте. Огареву покажите письмо; я ему не пишу—новаго ничего нѣтъ. Вѣроятно, это письмо придетъ къ вамъ завтра, въ 8 утра. Вчера я писалъ Огар. изъ кафѣ.

Камины! Камины! Камины!

Какое счастье, что Жюль держитъ кабана въ кухнѣ.

Прощайте.

◆◆ 1. Въ 1861 г. Гулевичъ былъ арестованъ во время безпорядковъ въ Спб. университетѣ, въ числѣ постороннихъ лицъ, за слушаніе приказанія полиціи разойтись; зачисленъ въ категорію лицъ, подлежащихъ высылкѣ на родину подъ надзоръ, если у нихъ не окажется въ Спб. родителей или родственниковъ, которые взяли бы ихъ на поруки, безъ воспрещенія поступить на службу въ уѣздныя и городскія присутственныя мѣста; Гулевичъ былъ взятъ на поруки. Въ 1863 г., послѣ обыска по прикосновенности его къ Утину и Издебскому, былъ уволенъ въ отпускъ для лѣченія въ Крымъ.

26 февраля 1866 г. директоръ департамента удѣловъ гр. Ю. И. Стенбокъ увѣдомилъ Мезенцова, что уволенный въ отпускъ въ 1863 г. чиновникъ д-та Гулевичъ, а затѣмъ за неявку въ срокъ, недонесеніемъ о просрочкѣ и неизвѣстностью его мѣстопробыванія—и вовсе отъ службы, въ декабрѣ 1865 г., когда Стен-

¹⁾ Михаилъ Константиновичъ. ³

²⁾ «Вѣроисповѣданіе духовныхъ христіанъ, обыкновенно называемыхъ молоканами», изд. Русской Вольной типографіи.

бокъ былъ въ Женевѣ, явился къ нему, объяснилъ, что отлучился въ 1863 г. изъ Россіи «по легкомыслію и необдуманности», проживаетъ въ Швейцаріи, «снискивая уроками скудный насущный хлѣбъ», что «крайне раскаивается въ своемъ проступкѣ» что «почелъ бы за величайшее счастье возвратиться въ Россію, которой узналъ всю цѣну, живя на чужой сторонѣ», и просилъ бы разрѣшенія возвратиться на родину, которой желалъ бы посвятить всю свою жизнь, если бы не опасался взысканія за свою самовольную отлучку. «Убѣдившись лично въ жалкомъ положеніи и въ чистосердечномъ раскаяніи г. Гулевича, для котораго опытъ жизни не пропалъ даромъ, я желалъ бы быть ему полезнымъ, такъ какъ онъ одаренъ хорошими умственными способностями, которымъ слѣдовало бы дать практическое направленіе, но, не зная, не обвиняется ли онъ въ прикосновенности къ какимъ-либо противозаконнымъ поступкамъ», Стенбокъ просилъ управляющаго III Отдѣленіемъ увѣдомить его, можетъ ли Гулевичъ офиціально просить о разрѣшеніи вернуться въ Россію.

Мезенцовъ увѣдомилъ графа, что кн. Долгоруковъ находитъ возможнымъ представить Гулевичу право подать всепод. прошеніе. 8 апрѣля н. ст. Стенбокъ писалъ изъ Женевы шефу жандармовъ, что это «милостивое разрѣшеніе принято Гулевичемъ съ величайшею благодарностью», и онъ обратился къ нему съ просьбой представить князю его прошеніе на высоч. имя. Прошеніе отъ 6 апрѣля: «Ваше импер. величество, въ началѣ іюня 1863 г. я подвергся, вѣроятно по наговору, полицейскому обыску и кратковременному аресту, а также съ меня взято было обязательство въ томъ, что я не выѣду изъ С. П. Б. Боязню подвергнуться безвинно преслѣдованію и страхъ за свое разстроенное здоровье заставили меня сдѣлать необдуманный поступокъ—уѣхать за границу безъ позволенія. Два года совершенно безплодной жизни вдали отъ родины, два года нравственной пытки заставили меня вполне оцѣнить мой поступокъ. Я обращаюсь къ милосердію в. в. и осмѣливаю просить о позволеніи возвратиться мнѣ въ Россію. В. в. вѣрноподанный дворянинъ *Михаилъ Гулевичъ*». 12 апрѣля Мезенцовъ сообщилъ Стенбоку, что государь не соизволилъ дать разрѣшенія, приказавъ лишь принять прошеніе къ свѣдѣнію.

16 января 1868 г. Стенбокъ снова обратился въ III Отдѣленіе, уже прямо къ гр. Шувалову, изложивъ то же, что писалъ въ 1866 г., и прибавивъ, что ничего не имѣвшій Гулевичъ «вступилъ въ бракъ съ совершенно бѣдною русскою дѣвицею и въ скоромъ времени очутился въ самой крайней бѣдности». «На чужбинѣ онъ понималъ всю призрачность, всю несостоятельность увлекшихъ его

мечтаній; отъ трудовъ, семейныхъ заботъ и горя онъ вполнѣ отрезвился. Общество, его окружавшее, опротивѣло ему, и всѣми силами онъ рвется на родину». Находившійся въ СПБ. нашъ швейцарскій посланникъ передалъ Стенбоку лично «самыя удовлетворительныя свѣдѣнія о трудовой семейной жизни и безукоризненномъ поведеніи Гулевича»; поэтому графъ снова рѣшился просить, не возьметъ ли Шуваловъ исходатайствовать прощеніе Гулевичу и разрѣшеніе ему съ женой и дѣтьми вернуться въ отечество.

Шефъ жандармовъ потребовалъ справку. По свѣдѣніямъ III Отдѣленія, въ январѣ 1868 г. изъ Женевы было сообщено о прибытіи туда изъ Италіи агента Герцена — Гулевича съ женою Марією Ардаліоновною, жившихъ у Мечникова. Въ мартѣ донесено было, что между Гулевичемъ и Огаревымъ «происходилъ разговоръ о томъ, нельзя ли дать толчокъ обществу «Молодая Россія» и насколько безопасны лица, участвовавшія въ этомъ обществѣ. Въ разговорѣ, между прочимъ, коснулись Алексѣя Александровича Бобжицкаго, занимавшагося въ редакціи газеты «Голось». Огаревъ сильно порицалъ Бобжицкаго и называлъ его мошенникомъ, который донесъ на Альбертини. Защищая Бобжицкаго отъ взводимаго на него обвиненія въ шпіонствѣ, Гулевичъ въ доказательство своей защиты привелъ то обстоятельство, что когда полиція дѣлала въ СПБ. обыскъ, Бобжицкій имѣлъ у себя типографскій его, Гулевича, станокъ и 125 экз. воззваній и все это возвратилъ потомъ въ сохранности». Въ маѣ изъ Женевы было сообщено, что «Огаревъ былъ у Гулевича и предлагалъ соединиться, чтобы двинуть впередъ дѣло «Земли и Воли», но его предложеніе не было принято. По уходѣ его Гулевичъ выразился: «Что земля и воля, когда корона на головѣ! Дѣло въ томъ, чтобы не выставлять Каракозова сумасшедшимъ, а писать въ такомъ дужѣ, чтобы кровь кипѣла и рука не дрогнула взвести курокъ еще разъ». Въ іюнѣ оттуда же сообщалось: «Гулевичъ получилъ мѣсто при русскомъ пароходномъ обществѣ. Онъ намѣренъ, какъ говорятъ, пробраться въ СПБ. Съ виду онъ похожъ очень на грека; средняго роста, волосы и глаза черные, лицо смуглое».

19 января Шуваловъ сообщилъ Стенбоку, что не находитъ возможнымъ вторично утруждать государя, и къ официальному письму приложилъ еще собственноручную записку съ указаніемъ, что имѣющіяся свѣдѣнія противорѣчатъ его характеристикѣ Гулевича и не даютъ ему права возбуждать просимое ходатайство (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 3 эксп. 1866 г., дѣло № 25).

2. 13 іюня 1863 г. бѣжавшій изъ Мензелинска Гижицкій, посланный туда за участіе въ московскихъ студенч. беспорядкахъ.

1861 г., писалъ изъ Берлина къ В. Я. Зноску въ Уфу, что уже вторыя сутки живеть подъ чужимъ именемъ. Въ Москвѣ его выдалъ полиціи одинъ родственникъ, но, скитаясь по лѣсамъ, Гижицкому удалось бѣжать дальше ¹⁾. Въ 1872 г., проживая въ Лондонѣ, онъ просилъ разрѣшенія вернуться въ Россію и о дарованіи ему полной амнистіи. Шефъ жандармовъ нашель, что прежде амнистіи онъ долженъ пріѣхать въ Россію «на общемъ основаніи».

9 ноября, послѣ объявленія ему въ консульствѣ этого распоряженія, Гижицкій написалъ министру внутр. дѣлъ пространное письмо съ очень рѣзкой критикой дѣйствій чиновниковъ его министерства и лондонскаго консула Берга, не отдающихъ себѣ отчета въ томъ, что они пишутъ и говорятъ. Ни о какомъ помилованіи онъ не просилъ, а просто, по закону о давности, знаетъ, что долженъ быть допущенъ въ Россію безъ всякихъ послѣдствій.

Въ 1871 г., бывъ въ Парижѣ, Гижицкій состоялъ хирургомъ въ національной гвардіи, за что и былъ арестованъ, а послѣ двухъ мѣсяцевъ освобожденъ.

Въ январѣ 1873 г. III Отдѣленію стало извѣстно, что статьи въ «М. Вѣдомостяхъ» «Русскіе эмигранты» написаны Гижицкимъ, все еще находившимся за границей, а онѣ были очень на руку нашей власти и общимъ своимъ тономъ и массою лжи и клеветы.

Статья «по содержанію своему, вполнѣ благонамѣренному, обратила на себя особенное вниманіе правительства, такъ что ген.-ад. гр. Шуваловъ тогда же доложилъ объ этомъ его величеству»,—гласить жандармскій документъ. Свѣдѣнія о Гижицкомъ въ голицынской главѣ «Исторіи соц.-рев. движенія» ограничиваются указаніемъ именно на это: «эмигрантъ, позднѣе разоблачившій многое изъ жизни главныхъ вожаковъ русской коммуны въ интересныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «М. В.» 1873 г. №№ 12, 13 и 14».

Въ 1875 г. государь, по докладу шефа жандармовъ, въ виду прежняго дерзкаго письма Гижицкаго на имя министра вн. дѣлъ, приказалъ объявить ему по его новой просьбѣ о полученіи паспорта для возвращенія на родину, что онъ можетъ возвратиться въ отечество, но съ тѣмъ, что съ нимъ будетъ поступлено по законамъ.

Въ апрѣлѣ 1876 г. Гижицкій вернулся и былъ доставленъ въ Спб. къ градоначальнику, откуда посланъ въ домъ предварительнаго заключенія. Въ августѣ прокуроръ Спб. суд. палаты прика-

¹⁾ Подробности бѣгства изложены въ описаніи дѣла И. Андрущенко, на стр. 87, 108—109 «Матеріаловъ» Богучарскаго.

залъ освободить его изъ подъ стражи и отдать на поруки редактору «Гражданина» В. Ф. Пуцковичу; въ сентябрѣ послѣдовало высоч. повелѣніе прекратить всякое дальнѣйшее его преслѣдованіе. Вслѣдъ затѣмъ, страдая, по удостовѣренію матери, маніей преслѣдованія, Гижицкій въ 1881 г. безслѣдно исчезъ (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1863 г., дѣло № 23, ч. 209).

3. Приведу свѣдѣнія голицынской главы «Исторіи соц.-рев. движенія». «Эллидинъ, коллежскій регистраторъ, сынъ дьякона села Никольскаго Лаишевскаго уѣзда Казанской губ.; родился въ 1838 г., воспитывался въ казанскомъ университетѣ, откуда былъ уволенъ за участіе въ безпорядкахъ. Въ 1861 г. онъ обратилъ на себя вниманіе правительства присутствіемъ своимъ въ селѣ Безднѣ Лаишевскаго уѣзда, во время бывшихъ тамъ извѣстныхъ безпорядковъ подъ предводительствомъ крестьянина Антона Петрова. Онъ тутъ же былъ арестованъ, но, по недостатку уликъ, освобожденъ и оставленъ безъ всякаго преслѣдованія. Въ маѣ 1863 г. онъ вновь былъ задержанъ въ Казани и привлеченъ къ дознанію по обвиненію въ распространеніи между народомъ возмутительныхъ воззваній «Долго давили васъ братцы», и другихъ. Казанская слѣдственная комиссія предполагала предать его военному суду, но, по опредѣленію ген.-ад. Тимашева, онъ былъ преданъ суду казанской уголовной палаты и приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 2¹/₂ года¹⁾. При разсмотрѣніи же о немъ дѣла государственный совѣтъ, въ виду послѣдовавшаго 17 мая 1867 г. высочайшаго повелѣнія, по которому всѣ неоконченныя до того времени политическія дѣла подлежали прекращенію, 27-го іюня того же года мнѣніемъ положилъ: повергнуть участь Эллидина, въ числѣ прочихъ обвиняемыхъ, монаршему милосердію съ тѣмъ, чтобы, объявивъ ему опредѣленіе правительствующаго сената, освободить его изъ-подъ ареста и отъ всякаго наказанія съ отдачею подъ надзоръ полиціи на три года. Означенное опредѣленіе не было приведено въ исполненіе, такъ какъ во время производства дѣла, 7 іюля 1865 г. Эллидинъ бѣжалъ изъ казанскаго тюремнаго замка и успѣлъ пробраться за границу. Поселясь въ Женевѣ, онъ вошелъ въ ближайшія сношенія съ эмиграціею, но ни Герценъ, ни Огаревъ, вслѣдствіе чрезмѣрной дикости его взглядовъ, не пожелали имѣть съ нимъ ничего общаго. Попытка его натурализоваться швейцарскимъ гражданиномъ тоже не удалась. Тогда онъ началъ заниматься типографскимъ дѣломъ,

¹⁾ Тогда же дознано было о близкихъ отношеніяхъ его къ «нечаевцамъ». — *Голицыны*.

открывъ, при помощи разныхъ эмигрантовъ, революціонную книгопечатню въ Женевѣ въ 1869 г., въ которой вмѣстѣ съ Мечниковымъ, Николадзе и Ивановымъ печаталъ одно время революціонные листки «Подпольное Слово» и «Современность», также «Сочиненія Чернышевскаго», причемъ самъ набиралъ послѣдній томъ не изданныхъ до того времени его сочиненій. Типографскія его работы подвергались, однако, большой опасности въ началѣ 1870 г., когда швейцарская полиція производила много обысковъ у эмигрантовъ, вызвавшихъ протестъ Огарева въ «Suisse Radicale». Въ 1872 г. Элпидинъ старался устроить на границѣ и въ Россіи агентуру для пересылки и распространенія революціонныхъ изданій, но Владиміръ Лебедевъ (добровольно вернувшійся въ Россію въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1872 г.), на котораго онъ разсчитывалъ, отказалъ ему въ содѣйствіи. Отношенія его къ эмиграціи не были искренни, его немного чуждались и недолгоблюдали; его даже не пускали въ типографію Чернецкаго, когда тамъ печаталась одна изъ прокламацій общества «Народной Расправы» въ 1870 г. Въ апрѣлѣ этого года онъ намѣревался издавать «Политическій альбомъ» съ біографіями Пугачева, Стеньки Разина, Мировича и др. лицъ, «увѣковѣчившихъ свое имя разными покушеніями»¹⁾. Въ томъ же самомъ году имъ издано популярное «Землеописаніе для народа» (12°, 2500 экз.), часть которыхъ были отправлены на югъ Россіи чрезъ Ливорно. Въ 1871 г., въ ноябрѣ, онъ напечаталъ обличительную «Пѣсню русской няни у постели барскаго ребенка», предназначенную для разсылки по всей Россіи. Одно время женевскій книгопродавецъ Жаррисъ (Jarrys) хотѣлъ купить его русскую типографію, съ согласія издателя русскихъ книгъ (фирмы Элпидина) Georg'a, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы самъ Георгъ, Трусовъ и Элпидинъ обязались обезпечить типографію матеріаломъ для печатанія. Денежными средствами помогалъ ему иногда ювелиръ Гаасъ (Haas), ревностный членъ Интернаціонала. Въ февралѣ 1872 г. онъ перевезъ свою типографію въ Цюрихъ, гдѣ, одно время, завѣдывалъ ею Александровъ; затѣмъ она слилась съ польскою типографіею Коссобудскаго, которая также печатала русскія и польскія брошюры. Покончивъ тогда съ типографскимъ дѣломъ, Элпидинъ остался почти въ одиночествѣ, безъ опредѣленнаго круга дѣйствій. Устроивъ въ Женевѣ, въ августѣ 1871 г., вмѣстѣ съ Утинымъ какую-то дешевую кухмистерскую (Cuisine Coopérative) и получивъ даже отъ нея барыши, онъ вскорѣ затѣмъ поссорился съ Утинымъ и публично,

¹⁾ Помощникомъ его по революціоннымъ дѣламъ былъ, одно время, нѣкто Гильке. — *Голицынъ.*

при множествѣ русскихъ, въ Café de Genève, бранилъ его «жидомъ». Съ Бакунинымъ онъ совершенно разошелся въ маѣ 1872 г. ¹⁾, несмотря на то, что, въ январѣ 1872 г. онъ вмѣстѣ съ Озеровымъ и студенткой Дмитриевой составлялъ какъ бы триумvirатъ для вербованія членовъ Интернаціонала; съ этими же лицами онъ подписалъ протестъ въ пользу парижскихъ коммунаровъ въ то время, когда дѣло о выдачѣ ихъ или невыдачѣ разсматривалось въ Главномъ Союзномъ Совѣтѣ Швейцаріи. Намѣреваясь жениться, Элпидинъ просилъ нашу миссію въ Бернѣ объ истребованіи изъ казанской духовной консисторіи метрическаго свидѣтельства, въ чемъ ему было отказано; это на него такъ сильно повліяло, что вызвало въ немъ даже минуты раскаянія. Въ декабрѣ 1872 г. онъ напечаталъ еще брошюру по поводу ареста Нечаева, а въ декабрѣ 1873 г.—отчетъ по изданію «Сочиненій» Чернышевскаго, въ концѣ котораго обѣщаль помѣстить списокъ жертвователей на это изданіе. Около этого времени онъ сблизился съ Мечниковымъ, восторгался его лекціями о социализмѣ и самъ распродалъ и распространялъ билеты на его курсы среди русскаго общества за извѣстное, впрочемъ, вознагражденіе. Съ особеннымъ прилежаніемъ занимался онъ выслѣживаніемъ русскихъ агентовъ, которыхъ въ то время эмиграція подозрѣвала чуть ли ни въ каждомъ лицѣ, не принадлежащемъ къ ея кругу; но самъ онъ долго состоялъ, отнюдь того не подозрѣвая, въ самыхъ откровенныхъ отношеніяхъ къ одному изъ агентовъ. Въ 1874 г., онъ былъ вызываемъ правительствомъ, но на вызовъ его не явился. Изъ показаній эмигранта Гринберга (арестованнаго въ 1881 г. въ Бѣлградѣ) видно, что дальнѣйшая дѣятельность Элпидина осталась та же, и что сочувствіе къ революціонному дѣлу въ немъ не ослабѣло. У него собирались сходки, и на одной изъ нихъ (25 мая 1878 г.) вмѣстѣ съ барономъ Н. Корфомъ (педагогомъ) и б. профессоромъ кіевскаго университета Драгомановымъ было рѣшено убить шефа жандармовъ генераль-адъютанта Мезенцова (съ этой цѣлью были отправлены въ Россію четыре эмиссара). Элпидинъ продолжалъ тоже пересылать революціонныя изданія (на польскомъ, русскомъ и русинскомъ языкахъ) въ Россію черезъ Австрію и Львовъ, при помощи одного агента-еврея, который доставлялъ ихъ черезъ Галацъ въ Россію. Въ ноябрѣ 1881 г. онъ содержалъ въ Женевѣ русскую книжную лавку и былъ издателемъ журнала «Общее Дѣло», а въ февралѣ 1882 г.

¹⁾ Въ октябрѣ 1871 г. самого Элпидина разбранили въ кухмистерской Marmite Sociale, за подозрительную дружбу его съ нѣкимъ Сирдземъ (Sirdey).—*Голлицынъ.*

вмѣстѣ съ Дебогоріемъ-Мокріевичемъ, Турскимъ, Черкезовымъ, Зеньковичемъ и Пекарскимъ участвовалъ въ выборѣ въ Женевѣ лицъ, отправленныхъ въ Россію для совершения политическихъ убійствъ».

2661. Письмо къ сыну.

(26 сентября 1865). Вторникъ.
Boissière.

Я былъ въ Вевэ и въ Монтрё. Nat. и Лиза помѣстились въ Монтрё; мѣсто превосходное, я предпочитаю его итальянскимъ городамъ. Лиза будетъ ходить въ пансіонъ,—но общій тонъ всего былъ и gloomy ¹⁾ и печалень.

Сегодня пріѣхали Ольга и Мейзенб. Ольга довольна, что живетъ въ товариществѣ, выросла. Но я, все же, со школой не примирился: Фрелихъ постоянно бранится съ женой, съ дочерью или дочь съ нимъ; присмотра нѣтъ, мясо часто бываетъ тухлое. Въ Монтрё я видалъ пансіонъ Grossheim гораздо лучше, и Мальв. не говорила бы о климатѣ. Вѣроятно, онѣ воротятся къ 15 октяб., но, признаюсь, я хотѣлъ бы сократить ея время до-нельзя. ¹

Какъ дѣйствуетъ у васъ послѣдній «Колок.» со статьей къ «Инвалиду»? Это—мой горшокъ Таузену на голову Катк. ²⁾

«Nord» не хотѣлъ помѣстить моего письма, я послалъ черезъ Фонтэна huissier ³⁾, и это подѣйствовало.

Кстати, Мур. 100 фр. отдалъ, но онъ не понимаетъ, что билетъ почтовый *вс сто* франк. на его имя въ Неаполѣ poste rest., и просить, чтобъ ты его отдалъ матери. Растолкуй ей дѣло: надобно оттуда взять деньги и order. Мур. былъ здѣсь во время моего отсутствія.

Михайловъ умеръ на заводѣ.

Я встрѣтилъ погананаго Вас. П. Боткина и чудака Погодина. Погодинъ былъ очень милъ,—умень и обскурантъ. ²

Прощай. Я Ольгой, съ своей стороны, доволенъ. Тата сильно простужена.

Среда, 27 сент.

◆◆ 1. Цередь этимъ Огарева писала Герцену: «Во вторникъ Ольга будетъ съ вами. Не лучше ли ждать, чтобъ она сама присидась къ намъ? Свиданіе ничего не значитъ и ничего не поддер-

¹⁾ Мрачный.

²⁾ Такъ же объяснилъ это и Погодину (ср. «Былое и думы», ч. VI гл. VIII).

³⁾ Судебный приставъ.

жить,—свиданіе отъ души можетъ сблизить. Если же будетъ просить насъ видѣть, надо бы ее распросить, не пустое ли это желаніе, думаетъ ли она, что она насъ любитъ... Впрочемъ, это только запросъ тебѣ, а ты можешь поступать, какъ хочешь... Насчетъ Мейз., кажется, нечего бояться, но если-бъ Ольга сказала, что хочетъ видѣть Лизу, ты можешь сказать, что не думаешь, чтобъ это было мнѣ приятно; скажи ей: «М-ме О., сближаясь такъ съ вами, хотѣла сблизить дѣтей и при вашей помощи поправить многое; она ошиблась въ васъ; самолюбіе и зависть потушили всякое человѣческое чувство въ васъ,—она только увидитъ васъ, когда вы захотите просить у нея прощенія за ваше странное поведеніе съ ней, за вашу зависть, распространенную даже на несчастье... Тогда она все забудетъ и протянетъ вамъ руку». Я думаю, ты смѣлешься, думая: вотъ еще, этого никогда не будетъ... Пусть... Я потеряла больше, чѣмъ М., я теряла живыхъ и мертвыхъ. Насчетъ Таты я бы хотѣла нѣсколько мѣсяцевъ не видѣть ее, чтобъ прежде устроиться, успокоиться, и тогда съ кротостью въ душѣ, съ примирившимся сердцемъ, опуская занавѣсъ на прошлыя мученія, увидеть ее, какъ дочь близкой мнѣ женщины. Отложимъ свиданіе съ ней, пока я не напишу къ тебѣ, что готова ее принять, что сердце успокоилось въ своемъ вѣчномъ страданіи, не ищетъ ничего во внѣшнемъ мірѣ, спокойно смотритъ на бывшее и уже ничѣмъ не потрясется... Вотъ до чего мнѣ хочется дойти поскорѣй, дойду ли я? Мнѣ кажется» («Рус. Прописки», IV, 293—294).

2. О встрѣчѣ Герцена съ Погодинымъ послѣдній разсказалъ очень подробно. Приведу все, заслуживающее вниманія. Погодинъ признался, что при началѣ Герценомъ своего литературнаго поприща онъ «почти презиралъ» его, «видя въ немъ мелочное самолюбіе, желаніе своеобразничать и заставить, во что бы то ни стало, говорить о себѣ». «Такое мнѣніе составилось у меня по его статьямъ; не принадлежавъ къ его обществу, я не могъ имѣть въ виду его личное обращеніе, его любезность, веселость, остроуміе и прочія вечеровыя достоинства, которыя за бокаломъ вина играли значительную роль при созданіи репутацийъ того времени. Много лѣтъ спустя мнѣ попались за границею новыя его сочиненія, тамъ напечатанныя, и Герценъ выросъ въ моихъ глазахъ: я увидѣлъ въ немъ талантъ, силу, оригинальность, умъ. Осуждая его систему и образъ дѣйствій, я почуствовалъ тогда, что онъ любитъ отечество и желаетъ ему добра отъ души; хоть и заблуждается во всемъ прочемъ,—мое воззрѣніе на Герцена измѣнилось. Впослѣдствіи, еще черезъ нѣсколько лѣтъ, я замѣтилъ, что онъ началъ склоняться на нашу сторону, началъ понимать особенности русской исторіи

и русской жизни и откровенно въ томъ сознаваться,—я полюбияъ его больше и при случайной встрѣчѣ съ нимъ въ Монтрѣ (1865) передалъ ему свой взглядъ на вещи вообще и на него въ особенности».

Встрѣча произошла, дѣйствительно, совершенного случайно для обоихъ. Узнавъ отъ другихъ 20 сентября, что Герценъ въ Монтрѣ и только-что прошелъ мимо, Погодинъ пошелъ его нагнать.

— Узнаете ли вы меня?—спросилъ онъ.

— Извините, никакъ не могу припомнить. Скажите ваше имя.

— Нѣтъ, не скажу. Добирайтесь сами.

— По крайней мѣрѣ, скажите, гдѣ и когда мы встрѣчались съ вами въ послѣдній разъ?

— Въ послѣдній разъ, кажется, на обѣдѣ, данномъ въ честь Грановскаго по окончаніи его публичнаго курса.

— Но этому прошло уже двадцать лѣтъ... Неужели вы—Михаилъ Петровичъ?

— Къ вашимъ услугамъ.

— Какъ я радъ васъ видѣть! Благодарю, благодарю васъ!

— За что же?

— За то, что вы остановились, заговорили со мной. Благодарю васъ еще,—это по-русски. Помилуйте, что это дѣлають со мною, что говорятъ обо мнѣ, называютъ поджигателемъ?

— Для чего же вы подаете поводъ?

— Какой поводъ? Русскій крестьянинъ, изба, деревня, это—моя святыня, моя религія,—и меня оглашаютъ зажигателемъ!

— Объяснитесь, оправдайтесь.

— Я послалъ протестъ во всѣ газеты.. не печатають, но я заставаю. Гдѣ вы живете? Позвольте мнѣ къ вамъ прійти, я только провожу m-me Огареву. Благодарю васъ еще за вашу любезную встрѣчу.

— Терпимость—русское свойство. Мы любимъ, можетъ быть, одно, но каждый по своему.

— Вотъ объ этомъ я только и прошу, этого только и желаю. Прощайте, до свиданія!».

Въ этомъ діалогѣ Герценъ того момента переданъ почти фонографически. Дальнѣйшее (изъ приводимаго мною) также не менѣе вѣрно.

«Черезъ часъ пришелъ къ мнѣ въ гостиницу Герценъ и началъ объясняться. Я большею частью молчалъ, потому что врачи предписали мнѣ совершенное спокойствіе, а встрѣча моя случилась въ самомъ началѣ винограднаго лѣченія. Вотъ въ главныхъ чертахъ, что говорилъ Герценъ.

«Поджоги—обороны боже! Польское возстаніе—я въ ноги кланялся прїѣзжавшимъ ко мнѣ депутатамъ, умоляя ихъ во имя всего святого, чтобъ они воспрепятствовали возстанію. Послѣ я не могъ не принять участія въ ихъ дѣлѣ, видя ихъ самоотверженіе, слыша объ ихъ подвигахъ, усиліяхъ, несчастіяхъ. Я всегда за побѣжденныхъ, за угнетенныхъ».

На другой день, 21 сентября, Герценъ прислалъ Погодину нѣсколько №№ «Колокола» и изданныхъ имъ брошюръ, но свиданія не произошло, по просьбѣ жены Погодина, желавшей поберечь покой мужа.

Чтобы избѣгнуть предстоявшаго длиннаго разговора 22 сентября, Погодинъ написалъ записку, которую и прочелъ самъ Герцену на другой день.

«Вы тонете не въ грязи, не въ крови, — писалъ, между прочимъ, московскій ученый, — а въ какой-то тинѣ; гляцевитой композиціи, амальгамѣ изъ всякой всячины, книжной и площадной, накипѣлой въ вашей душѣ отъ разныхъ противностей, несчастій, обманутыхъ надеждъ, съ порядочной литатурой неудовлетвореннаго самолюбія. По временамъ вызываются у васъ прометеевскіе вопли, слышатся жалобы въ ямбахъ архилоховыхъ, замѣтки Тацитовы, — согласитесь, что я не унижаю васъ сравненіями и отдаю полную справедливость вашему необыкновенному и сильному таланту, — но, все-таки, вы погружаетесь глубже и глубже въ свою бездну... Темперешнюю вашу рѣчь, насколько я ознакомился съ нею вчера, намъ, русскимъ, читать тяжело и невыносимо. Ни одного добраго слова мы отъ васъ не слышимъ. Вы не встрѣчаете въ отечествѣ ни малѣйшей хорошей черты, точно какъ будто русскіе составляли какой-то отверженный народъ. Всѣ нѣжныя чувства вы перенесли на Польшу, воображая ее самою высокою и благородною странюю, исполненною всякихъ человѣческихъ и гражданскихъ доблестей... Въ Россіи вы принимаете подъ свое покровительство только безумцевъ, негодяевъ, мечтателей съ охотою смертною и участіемъ горькою, сволочь изъ посредственностей съ добрыми намѣреніями, которыми вымощенъ адъ, да и то на заднемъ дворѣ...

«Нѣтъ! Вашъ «Колоколъ» треснулъ: благовѣстить онъ не можетъ, а зловѣстить есть преступленіе, хотя бы вы не признавали грѣха....

«Вѣрьте искренности моихъ желаній: видѣть васъ протрезвившимся, покаявшимся (хоть съ повтореніемъ стиховъ Пушкина о печальныхъ строкахъ), очистившимся и омывшимся въ банѣ накипѣтій, возвращеннымъ русской словесности и европейской наукѣ, получившимъ все милостивѣйшее прощеніе и водвореннымъ на мѣсто

-жительства въ сосѣдной съ Москвою губерніи, пока мѣстная полиція аттестатомъ о добропорядочномъ поведеніи не облегчитъ для васъ переселеніе въ Москву, чтобы умереть, по крайней мѣрѣ, спокойно, между своими, тамъ, гдѣ родились, а не между небомъ и землею, на чужбинѣ, гдѣ вы теперь бобылемъ и пролетаріемъ тревожно скитаетесь».

«Прочитавъ Герцену эту записку, прослушанную имъ со вниманіемъ, я началъ выговаривать ему за послѣднюю статью, которую доставилъ онъ мнѣ (№ 2652—*М. Л.*)... Я продолжалъ доказывать Герцену все недостоинство подобной расплаты, какъ взошла жена.

«Михаилъ Петровичъ журитъ меня,—сказалъ онъ ей,—и мнѣ лѣтъ двадцать, какъ будто, съ костей долой. Я вспоминаю студенческое время и слушаю съ покорностью его выговоры». Потомъ началъ я говорить ему о польскихъ его симпатіяхъ и рассказалъ нѣкоторыя обстоятельства, ему неизвѣстныя. «Вотъ такъ я готовъ спорить и разсуждать,—сказалъ Герценъ. Такъ можно имѣть свое мнѣніе. Такъ можно состязаться»... Между тѣмъ, пора ужъ была ему отправляться назадъ въ Женеву по желѣзной дорогѣ. Онъ всталъ и просилъ меня захватить къ нему непременно въ Женеву. «Я буду ожидать васъ съ нетерпѣніемъ».

«Онъ выслушалъ меня со вниманіемъ, благодушно, несмотря на всю жестокость и грубость моихъ словъ... Мнѣ надо было воспользоваться его добрымъ настроеніемъ и передъ отъѣздомъ изъ Швейцаріи захватить къ нему въ Женеву, согласно съ усиленнымъ его приглашеніемъ, объясниться съ нимъ подробнѣе и выговорить рѣшительно то, объ чемъ онъ только думаетъ. Но я, каюсь въ малодушіи, этого не сдѣлалъ, не поѣхалъ въ Женеву, опасаясь, между прочимъ, подать поводъ къ подозрѣніямъ, столько у насъ легкимъ и безотчетнымъ, и навлечь на себя какія-нибудь неприятели. Оставляя Швейцарію, я предоставлялъ это будущему времени и написалъ только (7 октября—*М. Л.*) письмо къ Герцену».

Въ этомъ письмѣ характеренъ совѣтъ: «Эй, послушайте старика; который говоритъ вамъ хоть «рубленной прозой», но отъ души, желая вамъ добра: бросьте ваши настоящія занятія, примитесь за чистую науку, напримѣръ, за новую европейскую исторію или, по раздѣленію Кайданова, за новѣйшую, со времени французской революціи столько вамъ извѣстную, и дайте намъ сочиненіе, которое озадачило бы въ носъ всѣхъ нѣмецкихъ профессоровъ. Поднося его доброму нашему государю Александру Николаевичу, вы скажете: «не помни грѣховъ юности моя», и онъ, быть можетъ, проститъ васъ вмѣстѣ съ Огаревымъ, которому также посовѣтовалъ бы я...

занятися какимъ-нибудь историко-политическимъ изслѣдованіемъ, вмѣсто газетныхъ утомительныхъ разглагольствованій» («Заря» 1870, II).

Разумѣется, не правъ былъ Погодинъ, рѣшивъ, что «только самолюбіе мѣшало Герцену повиниться и попросить прощенія» у государя, чтобы вернуться въ Россію. Одного слова «обскурантъ», сказаннаго о немъ, достаточно, что бы понять, что не вразумленія искалъ у него Герценъ; ему было дорого, что онъ еще разъ могъ узнать отъ симпатично отнесшагося къ нему старика настроеніе и образъ мыслей широкаго русскаго общества, что онъ имѣлъ случай самъ высказаться передъ нимъ. Болѣзнь старика, конечно, не мало способствовала «доброму настроенію» Герцена.

2662. УБИЛИ.

Михайль Илларіоновичъ Михайловъ скончался 3/15 августа на Кандинскомъ приискѣ въ Восточной Сибири.

А 4/16 сентября напечатано въ «Голосѣ» № 244: «Исключенъ изъ службы бывшій горный начальникъ Нерчинскихъ заводовъ, нынѣ состоящій по главному управленію этихъ заводовъ полковникъ Дейхманъ, преданный суду за послабленія, оказанныя имъ въ содержаніи государственнаго преступника Михайлова». ¹

◆◆ 1. Пріѣхавъ на Нерчинскій заводъ, Михайловъ узналъ, что ему разрѣшено жить на Казаковскомъ приискѣ, которымъ завѣдовалъ его родной братъ. Тамъ онъ былъ освобожденъ отъ работъ, за что и пострадалъ Дейхманъ, разжалованный въ рядовые, и другіе. Узнавъ объ этомъ, Михайловъ 3 августа принялъ цѣанъ-кали.

2663. Письмо къ издателю «Отголосковъ».

Мы послали 9 сентября слѣдующее письмо г. издателю «Отголосковъ». Оно не было напечатано въ его журналѣ до 30 сентября, а потому печатаемъ его въ «Колоколѣ».

«Милостивый Государь,

Вы перепечатали нѣсколько словъ изъ моей протестаціи; позвольте мнѣ поблагодарить Васъ и просить, чтобы Вы дали мѣсто въ Вашемъ журналѣ моему письму.

Мнѣнія наши разны, но въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не о мнѣніяхъ, а объ обличеніи лжеца. Кто-нибудь да лжетъ: мои

обвинители или я. Мнѣ кажется, что не вовсе лишено интереса вывести на чистую воду лгуна. Можетъ, лгу я,—ну, и покончить со мной навсегда,—такого случая долго не придетъ опять.

Я торжественно утверждаю:

1. что никогда, нигдѣ не сказалъ ни одного слова, не написалъ ни одной строки, изъ которыхъ можно бы было заключить, прямо или косвенно, что я одобряю поджоги, бывшіе въ Россіи;

2. что я никогда не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ съ обществомъ «революціоннаго пламени», въ существованіи котораго сильно сомнѣваюсь;

3. что я ни отъ банкира Т., ни отъ кого другого денегъ для пересылки въ Тульчу не получалъ и въ участіе Кельсіевыхъ въ поджогахъ не вѣрю.

Впрочемъ, послѣдній пунктъ можно считать рѣшеннымъ. «Моск. Вѣд.» въ 183 № помѣстили подробную статью объ *агентствѣ* (откуда взялось это безобразное названіе?) *Герцена въ Тульчѣ*, изъ которой можно вывести что угодно, кромѣ двухъ вещей: *моего участія въ агентствѣ и участія агентовъ въ поджогахъ*.

Истину моихъ словъ я готовъ утверждать въ безцензурной печати и въ свободномъ судѣ—въ Англии или Швейцаріи.

Позвольте, М. Г., заключить мое письмо увѣренностью, что Вы не откажетесь помѣстить его въ «Отголоскахъ».

Готовый къ услугамъ Вашимъ

А. Герценъ.¹

◆♦ 1. «Отголоски Русской Печати, L'Echo de la Presse Russe, Echo der Russischer Presse—journal bi-hebdomadaire édité à Bruxelles par D. K. Schédo-Ferroti»—вотъ какъ называлось это мало кому извѣстное изданіе барона Фиркса. Оно выходило въ 1865—67 гг. на трехъ языкахъ два раза въ недѣлю. Подписка принималась въ СПб. у придворнаго книгопродавца Шмицдорфа и въ Ригѣ—у Гетшеля. 1-й № вышелъ 3 іюня 1865 г. Содержаніе журнала сводилось къ массѣ перепечатокъ и статьямъ самого Шедо-Ферротти.

Въ № 28 «Отголоски» перепечатали изъ № 242 «L'Opinion Nationale» конецъ посланнаго прессѣ протеста, сдѣлавъ слѣдующее вступленіе: «Въ отвѣтъ на обвиненія, поднятыя противъ него въ русской прессѣ, Герценъ послалъ въ «L'Opinion Nationale» письмо, въ которомъ читаемъ слѣдующее».

10 апрѣля 1866 г. Н. П. Мансуровъ писалъ Валугеву: «Какъ извѣстно, газету Фиркса въ Брюсселѣ поддерживаетъ кн. Орловъ какъ своимъ личнымъ положеніемъ, такъ и суммами, которыя даетъ впередъ» (архивъ П. Я. Дашкова, письма Мансурова).

Какой-то русский сановникъ 16 июля 1865 г. написалъ кому-то въ Брюсселѣ: «Во всякомъ случаѣ я прошу извѣстить Фиркса— безразлично, какимъ образомъ— что мнѣніе мое вообще слѣдующее:

во-первыхъ, газета слишкомъ пестритъ разными языками; она похожа на печатный образчикъ типографіи;

во-вторыхъ, слѣдовало бы снабжать каждую статью, извлеченную изъ русскихъ газетъ, большими буквами, чтобы ясенъ былъ сюжетъ. «Галиньяни» такъ поступаетъ;

въ-третьихъ, хорошо, вообще, слѣдовать примѣру «Галиньяни» и упрочить за собой кругъ читателей, давая имъ все, что можетъ ихъ заинтересовать, т.-е. главныя всемірныя извѣстія рядомъ съ русскими. Текстъ долженъ быть русскимъ. Газета должна быть предназначена для живущихъ за границей русскихъ и ставить себѣ цѣль повліять на мнѣніе Европы о Россіи и уяснить ей представленіе о русскомъ Иванушкѣ за-границей Вирбаллена» (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1865 г. № 114).

2664. (Отвѣтъ на предложеніе «Моск. Вѣдомостей»).

«Le Nord»... но зачѣмъ же намъ угощать нашихъ читателей разогрѣтой дичью, приправленной пикантнымъ соусомъ для скрытія ея несвѣжести, когда мы можемъ ее бить въ самыхъ дѣвственныхъ полицейскихъ лѣсахъ нашихъ. Оставляя въ сторонѣ *Сѣверное Сіяніе Московскихъ Вѣдомостей*, мы обратимъ вниманіе на ихъ предложеніе начать, если мы хотимъ, судебное преслѣдованіе не противъ клеветниковъ, а противъ мнимаго агентства Герцена въ Тульчѣ.

Кажется, чего справедливѣе... Но вотъ въ чемъ бѣда: 1-ое, агентство Герцена ни въ Тульчѣ, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ земного шара не существовало и не существуетъ; 2-ое, для того, чтобы начать судебное преслѣдованіе, надо вѣрить обвинителямъ, а обвинители—русскіе шпионы; 3-ье, если-бъ мы и вѣрили имъ, то надобно бы во всей Европѣ ввести русскіе законы, по которымъ наряжаютъ комиссіи и ссылаютъ въ каторжную работу по полицейскимъ доносамъ безъ всякихъ документовъ.

Ясно, что предложеніе это было нелѣпо и сдѣлано только потому, что «Моск. Вѣд.» зарпортовались и слыняли.

2665. Эсбукѣ ¹⁾ науфмановскаго цицеронства.

Въ бытность генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана въ Витебскѣ 12 іюля этотъ достопочтенный преемникъ Муравьева держалъ рѣчь гг. офицерамъ 64-го Казанскаго пѣхотнаго полка. Самое замѣчательное мѣсто въ этой рѣчи, по нашему мнѣнію, слѣдующіе: «Гг. офицеры полка, составляя общество сплоченное, дружное въ отношеніяхъ между собою, не должны, однакоже, упускать изъ виду того уваженія, которымъ они обязаны *старшему во чинѣ* изъ уваженія къ самимъ себѣ, къ своему званію; это—предметъ *первостепенной важности* и столь существенъ, что я въ особенности прошу не допускать между старшими и младшими *фамиллярности*, весьма скоро переходящей въ неуваженіе».

2666. (Спиритизмъ въ Петербургѣ).

¿ *Правда ли*, что у насъ въ Петербургѣ спиритизмъ цвѣтетъ, что государь бесѣдуетъ съ Юмомъ, который его растрогалъ разъ до слезъ?

И это еще! Зачѣмъ же они сами натягиваютъ такія сходства съ временами, предшествовавшими французской революціи 1789 года.

2667. Отъ издателей.

Мы просимъ покорнѣйше всѣхъ, имѣвшихъ свѣдѣнія о послѣднемъ времени жизни М. И. Михайлова на Кандинскомъ приискѣ, сообщить ихъ намъ во всей подробности. Исключеніе изъ службы Дейхмана (имя котораго русская исторія не забудетъ) и дошедшіе до насъ слухи говорятъ ясно, что русское правительство сдѣлало все, что могло, чтобы избавиться отъ глубоко презиравшаго своихъ палачей мученика.

Мы желали бы тоже имѣть подробности послѣднихъ арестовъ въ Иркутскѣ и слѣдствія, производящагося въ Омскѣ ²⁾.

¹⁾ Русская передѣлка essence de bouquet—родъ сильныхъ англійскихъ духовъ.

²⁾ Тогда было начато дѣло о «сибирскомъ сепаратизмѣ», по которому были привлечены Н. М. Ядринцевъ, Г. Н. Потанинъ и др. Подробности въ моей книгѣ «Н. М. Ядринцевъ» и въ статьяхъ А. А. Шилова «Общество „Не зависимости Сибири“ въ №№ 4—7 «Вольной Сибири». 1918 г.

2668. Письмо къ Н. П. и Н. А. Огаревымъ.

(23—29 сентября 1865).

Aia u Natalie,

Что я могу писать это письмо и тебѣ, само собой—великій шагъ впередъ. Я сильно не въ своей тарелкѣ. Конечно, и твое письмо нѣсколько способствовало, Огаревъ, къ тому; неправъ и ты въ призывѣ меня къ гуманности, ни ты, Natalie. Гуманность, замѣтилъ еще Бѣлинскій въ 1847 году,—основа моего характера, оттого-то все негуманное меня раздражаетъ больше преступнаго. Украдь у меня кошелекъ, я подосадую и баста, а начни вора при мнѣ пытатъ—я за него лягу костью. Пора было бы намъ другъ друга лучше знать. Я вамъ обоимъ обѣщаю ни словомъ, ни плечомъ не напоминать ни о чемъ отрицательномъ изъ прошлаго, съ выстраданной и наболѣвшей любовью свѣтло, тепло возвратиться. Ты, Natalie, знаешь всѣ струны, до которыхъ во мнѣ касаться нельзя,—не касайся до нихъ. Ты знаешь тѣ мелочи, которыя я не люблю (ни одной нѣтъ капризной съ моей стороны),—пожертвуй ими. Мелочи, нелюбовь лицъ, нетерпимость такъ же мало идутъ къ печали, какъ розовыя и пестрыя ленты къ глубокому трауру. Къ тому же онѣ были прежде... и тогда вели отъ бѣды къ бѣдѣ. Между нами тремя стоитъ живую связью Лиза. Въ глубокой любви къ ней Ог. и моей ты не сомнѣваешься, и ты ее любишь. Любовь моихъ дѣтей ты должна заслужить, потому что первая вина нелюбви не ихъ, а твоя. Саша!воротился; воротились бы и всѣ—зови, а не отталкивай за всякую дрянъ. Что дѣлать съ Ольгой, я не знаю. Отрицательная сторона здѣшняго воспитанія не меньше положительной. Вчера вечеромъ я узналъ, что въ рѣдкихъ случаяхъ наказываютъ тѣлесно и, между прочимъ, били Мечникову (вѣроятно, Касат. и др. этого говорить не надобно). Должно быть, что она очень шалитъ, но такого права я ни Фрелиху, ни Трауриху ¹⁾ дать не могу. Къ тому же эта несчастная репутація, которую ей, т.-е. Ольгѣ, всѣ вы сдѣлали—минусъ Огар., вызываетъ на строгость. Старуха Ф. и Фр. спрашивали объ шалостяхъ, бывшихъ въ Park Hous'ѣ. Кто все это кольпортировалъ ²⁾ по Европѣ? Каждый по зернышку: Саша, ты, Эмма Урихъ. На меня находили минуты ража, и я хотѣлъ вытребовать на правезъ хоть самое Урихъ, но ограничился тѣмъ, что сказалъ Фр.: «Вы—педагогъ, смотрите сами

¹⁾ Шутка: Fröhlich—веселый, traurig—печальный.

²⁾ Colporter—распространять.

и не слушайте бабьихъ сплетенъ». Надобно сказать, что Фр. (мужъ, а не жена) вселяетъ полное довѣріе, но зато онъ одинъ, и, впрочемъ, его дочь—очень милое и доброе существо.

Прощайте.

Саго мію, да что же ты хлопочешь о частныхъ твоихъ дѣлахъ? Найди . . . ¹⁾, возьми деньги и выписывай. Что же я-то могу сдѣлать больше? Школу сыщу, теперь я наторѣлъ. Въ Женевѣ нельзя. Объ окрестностяхъ узнать Сашу пошли.

Писать больше ненадобно.

2669. Письмо къ сыну.

4 окт. (1865).

La Boissière.

Я хотѣлъ къ тебѣ писать въ самую ту минуту, какъ получилъ отъ тебя отвѣтъ на мои вопросы. Стало, мнѣ приходится отвѣчать на твои.

20 лист. по 150 = 3,000 гонор.

печат. по 70 фр. — 1,400

Extr. — 100

4500 до 4,750

Объ нынѣшнемъ годѣ и говорить нечего: у меня все взято у Ротш. и дай богъ вывернуться безъ дефицита. На будущій я, пожалуй, авансирую (въ три срока) эту сумму, но, такъ какъ ты берешь изъ капитала, то, стало, вмѣсто 5/т. жалованья, ты будешь имѣть 4,750 + всѣ барыши отъ книги; обдумай прежде основательно. Оба перевода будутъ стоить не меньше, и тогда расходъ дѣйdetъ до 10,000 (а уменьшеніе твоего жал.—до 4,000). Ты—совершеннолѣтній человекъ, обсуди самъ. Лучше, если-бы ты нашель товарища и посовѣтывался бы съ экспертомъ.

Лугинину я писалъ и прилагаю.

M-me Schiff я вѣрю, но ея авторитетъ не принимаю; почему она такая педантка? Оттого что мужъ фізіологъ? Для того, чтобъ я рѣшился насчетъ Ольги, мнѣ надобно поподробнѣе отчетъ объ заведеніи. Осмотри, сколько можешь, самъ, да и узнай черезъ компетентныхъ судей. Фрелихово заведеніе таково, какимъ я его считалъ, т.-е. въ высшей степени скверно въ пансіонѣ. Ты виновать, и очень, да виновата и Мальвида. Поправляйте.

По-моему, имъ всего лучше остаться въ Женевѣ.

¹⁾ Слово не разобрано.

N. въ Montreux—ничего не ... ¹⁾

Съ Мечников. деньги будутъ подучены; съ ними у тебя
475 фр.,—какъ-нибудь пришло.

Отъ Таландые письмо и книги; книги у меня.

Быль ли у тебя Бѣлокопыт. ²⁾ и привезъ ли рубашки? Есть ли у тебя мои?

Отвѣчай о школѣ немедленно.

◆◆ 1. Бѣлоголовый быль у Герцена въ Château la Boissière въ началѣ сентября и долженъ былъ отвезти во Флоренцію къ сыну Герцена письмо и посылку. Письмо это не сохранилось. Приведу рассказъ Бѣлоголоваго о его посѣщеніи.

«На мои глаза Герценъ почти не измѣнился, только сѣдина прибавилась въ бородѣ, а блескъ выразительныхъ глазъ и юношеская живость рѣчи и движеній оставались тѣ же,—и я не подмѣтилъ въ немъ съ виду ничего, что бы говорило о разныхъ невзгодахъ, перенесенныхъ имъ со времени нашего парижскаго свиданія (лѣто 1861 года).

«Онъ самъ сознавалъ, что теряетъ почву подъ ногами, неясно понимаетъ причинную связь между многими жгучими вопросами, волнующими современную Россію,—словомъ, что большее его отчужденіе отъ родины неизбежно вліяетъ невыгодно на свѣжесть его органа и на недостаточную отзывчивость его ко многимъ крупнымъ явленіямъ текущей государственной и общественной жизни. «Какъ мнѣ ни печально такое сознаніе,—говорилъ Герценъ,—но я не на столько самонадѣянъ, чтобы отрицать фактъ охлажденія ко мнѣ русской публики. Видя невозможность оказывать впредь давленіе на правительственные круги посредствомъ нашего общественнаго мнѣнія, которое стало ко мнѣ гораздо равнодушнѣе, я хочу теперь измѣнить свою тактику и обратиться къ суду европейскаго общества, хочу попробовать издавать «Колоколъ» на французскомъ языкѣ и сообщать въ немъ свѣдѣнія о русскихъ порядкахъ... Жаль мнѣ мой прежній русскій «Колоколъ», но дѣлать нечего!» («Воспоминанія», 539—540)... Бѣлоголовый—достоверный свидѣтель, но и онъ не избѣгъ ошибокъ; сказанное о французскомъ «Колоколѣ» могло быть сказано полтора годами позже, когда они не видѣлись, но отнюдь не осенью 1865 г., когда какъ разъ Герценъ вѣрилъ, что уже съ весны Россія стала лучше прислушиваться къ голосу своихъ

¹⁾ Слово не разобрано.

²⁾ Николай Андреевичъ Бѣлоголовый, докторъ медицины.

заграничныхъ публицистовъ. Написанныя не сразу послѣ свиданія, «Воспоминанія» впитали въ себя слышанное не только тогда отъ самого Герцена, но и потомъ о немъ отъ другихъ.

«Все же, я попробовалъ, было, отстаивать сохраненіе «Колокола» въ русской редакціи, но Герценъ мнѣ возразилъ: «Да что же мнѣ-то дѣлать, когда газета вотъ уже два года приноситъ мнѣ чувствительный убытокъ? Не такія теперь времена, чтобы условія русской жизни скоро снова измѣнились, и чтобы я могъ рассчитывать на то, чтобы изданіе окупало мои затраты на него. Мои собственныя дѣла вовсе не такъ блестящи, чтобы не думать о будущемъ, о черномъ днѣ; вѣдь, у меня семья большая. А капиталъ мой и безъ того значительно-таки сократился за послѣдніе годы; у меня крупная часть его была помѣщена въ американскихъ бумагахъ, а когда началась война съверса съ югомъ, и всѣ американскія бумаги стали страшно и быстро падать, мой банкиръ посоветовалъ поскорѣе развязаться съ ними, и я имѣлъ глупость его послушать и продалъ, конечно, съ весьма чувствительной для меня потерей. Теперь эти бумаги снова приходятъ по окончаніи войны въ прежнюю свою цѣнность, и я наказанъ чувствительнымъ уменьшеніемъ своего годового дохода; это наказаніе мнѣ полѣдомъ и мнѣ теперь стыдно передъ самимъ собой, что я могъ сомнѣваться въ успѣхѣ такой благородной борьбы, какъ за уничтоженіе рабства, и гдѣ же? въ этакой здоровой и органически развитой странѣ, какъ американская республика. Этого я никогда себѣ не прощу и, право же, мнѣ не столько жаль моихъ пропавшихъ денегъ, сколько совѣстно за свое легкомысліе и недоувѣріе къ Америкѣ»...

Когда Бѣлоголовый сообщилъ Герцену, что вскорѣ одинъ его пріятель хочетъ совсѣмъ порвать связи съ Россіей и примкнуть къ эмиграціи, Герценъ прервалъ его съ необыкновенною живостью: «Бога ради уговорите вашего пріятеля не дѣлать этого; эмиграція для русскаго человѣка—вещь ужасная; говорю по собственному опыту; это—не жизнь и не смерть, а это нѣчто худшее, чѣмъ послѣдняя, — какое-то глупое, беспочвенное прозябаніе. Пускай лучше вашъ пріятель поживетъ за границей, осмотрится самъ и хорошенько провѣритъ себя прежде, чѣмъ рѣшится совсѣмъ съечь корабли, что онъ всегда успѣетъ сдѣлать. Мнѣ не разъ приходится раздумывать на эту тему,—и вѣрьте, не вѣрьте—но, если бы мнѣ теперь предложили на выборъ мою теперешнюю скитальческую жизнь или сибирскую каторгу, то, мнѣ кажется, я бы безъ колебаній выбралъ послѣднюю. Я не знаю на свѣтѣ положенія болѣе жалкаго, болѣе безцѣльнаго, какъ положеніе русскаго

эмигранта» (стр. 540—541). Разумѣется, и здѣсь нельзя довѣрять, что записанное буквально совпадаетъ со сказаннымъ; каторга, послѣ смерти Михайлова и Н. Серно-Соловьевича не могла быть привлекательна для Герцена,—условія своего возвращенія въ Россію имъ ясно указаны въ этомъ же году ниже.

2670. Лжюцы.

Сегодня мѣсяць, какъ мы требовали въ «Колоколѣ» доказательствъ, что мы прямо или косвенно, словомъ или дѣломъ, черезъ Тульчу или иное мѣсто участвовали въ пожарахъ. Доказательствъ клеветниками не представлено. Мы имѣемъ полное право назвать *лжецами* казенныхъ доносчиковъ и ихъ литературныхъ писарей.

2671. Рѣшимъ Кауфмана.

«Кельнская Газета» (№ 273) передаетъ слѣдующій фактъ. Какому-то жителю Варшавы понадобилось прїѣхать по дѣламъ въ Вильно. Едва успѣлъ онъ сказать нѣсколько словъ на улицѣ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, какъ стоявшій вблизи полицейскій пригласилъ его слѣдовать за собою. Чиновникъ съѣзжей потребовалъ съ него 10 руб. сер. Изумленный арестантъ спрашиваетъ «*Za co?*» и получаетъ въ отвѣтъ, что онъ теперь долженъ заплатить 15 руб. «*Za co?*» повторяетъ онъ еще разъ и платитъ за недогадливость уже 20 рублей. Эта новая система, обогащающая казну по 5 руб. за 4 буквы, безъ сомнѣнія, обезсмертитъ имя Кауфмана.

2672. Quasi павловская сентенція.

По извѣстіямъ изъ Москвы, смотры и парады, назначаемые государемъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ. На одномъ изъ парадовъ Александръ II замѣчаетъ одного офицера, осмѣливагося явиться не въ указанной формѣ. Поручивъ вел. кн. Михаилу освѣдомиться о причинѣ такого преступленія, онъ узнаетъ, что офицеръ по крайней бѣдности имѣлъ только два мундира, изъ которыхъ одинъ совершенно промокъ на парадѣ же, а другой не соответствовалъ новой формѣ. А такъ какъ офицеръ не хотѣлъ не быть на парадѣ, то и явился въ послѣднемъ мундирѣ. На это государь приказалъ посадить офицера (*за то, что онъ бѣденъ*) на 14 дней подъ арестъ и въ то же время выдать ему (*ради его бѣдности*) 150 руб. сер. для параднаго мундира, соответствующаго формѣ.

2673. Танса за доносы.

Въ «*Dziennik'ѣ*» было опубликовано, что всякій, указавшій на кого-либо, подлежащаго рекрутству и желающаго отъ него отдѣлаться, получаетъ за то 10 руб. сер., къ какому бы сословію ни принадлежалъ, т.-е. къ военнымъ

или къ штатскимъ. Выплачиваніе этихъ 10 руб. не сопряжено ни съ какими формальностями и дѣлается тотчасъ же въ округѣ, гдѣ случился доносъ. Военные начальники каждаго мѣста должны озаботиться, чтобы гражданскіе чиновники при уплатѣ за доносы не дѣлали затрудненій. Эта публикація сдѣлана по распоряженію главнаго директора внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ либерала *Черкаскаю*. Особенно характеристичны тѣ моральныя основанія, по которымъ полагается плата за доносы: если теперь число подлежащихъ военной службѣ окажется довольно велико (говорится въ началѣ приказа), то въ слѣдующемъ году понадобится уже гораздо менѣ рекрутовъ.

2674. Катковъ заводитъ кулачные бом.

Издатель «Петербургскихъ Вѣдомостей» получаетъ довольно часто отъ катковщиковъ подметныя письма съ ругательствами и, наконецъ, съ угрозами. Онъ выписываетъ въ 217 № окончаніе вновь полученнаго имъ письма: «Не совѣтовалъ бы я вамъ *поздно вечеромъ* одному ходить, потому что есть люди, которые ничего *не побоятся* (за исключеніемъ дневнаго свѣта), чтобъ васъ вразумить кулаками». А что въ Россіи дозволено носить life-preserver¹⁾ или нѣтъ? Мы совѣтуемъ издателю «Спб. Вѣд.» запастись: life-preserver чуть ли не лучше всякаго револьвера противъ кулачниковъ.

2675. Совѣтъ г. Герцу — собственнику концертной залы, г. Герцу — эстетину, г. Герцу — доктору медицины и всѣмъ нѣмецкимъ Герц — огамъ.

Намъ пишутъ, что одинъ харьковскій помѣщикъ г. Герцевичъ явился въ Австрію; его схватили по подозрѣнію, что онъ издатель «Колокола», таскали по всѣмъ мытарствамъ и грозили выдать Россіи. А потому мы и совѣтуемъ всѣмъ, имѣющимъ несчастье въ своей фамилии имѣть слогъ *Герц*, отправляясь въ Германію, прибавлять: nicht zu verweckeln mit dem berühmigten Flüchtling und Herausgeber des *Colokol's* ²⁾.

2676. Jérôme Kenevitz.

Vers le printemps de 1863, quelques étudiants de l'université de Kasan ont été arrêtés pour avoir répandu des écrits révolutionnaires, proclamations, appels... qui n'ont eu aucun effet. L'un d'eux avait un

¹⁾ Палица, дубина.

²⁾ Не смѣшивать съ пользующимся дурной репутаціею бѣглецомъ и издателемъ «Колокола».

révolver, d'autres ont parlé entre eux, et avec des officiers de leur connaissance, de la possibilité d'un prochain soulèvement en Russie.

C'était au plus fort de la panique du gouvernement russe. L'affaire acquit des proportions gigantesques, quatre individus furent fusillés, après deux années de prison, d'enquête. Parmi ces derniers, se trouve un sujet français, Jérôme Kenevitz né en France d'une famille polonaise, établi en France, marié à une française.

Au nombre des étudiants mêlés à cette affaire, il se trouve quatre jeunes gens de l'université de Pétersbourg, Novitzki, Olechnovitz, Malevski et Goscievitz: ces deux derniers déposèrent qu'ils avaient reçu les proclamations d'un ingénieur français attaché au chemin de fer, et que son petit nom était *Jéronime*. Il se trouvait que Jérôme Kenevitz, ingénieur d'un chemin, était antérieurement mis aux arrêts, suspecté de connivence avec les polonais, *mais non jugé*. On ordonna immédiatement sa translation à Kasan, où s'établit une commission d'enquête. Confronté avec les jeunes gens, Kenevitz ne fut pas reconnu par eux.

Malevski avait sur lui un revolver lors de son arrestation; il disait que cette arme lui avait été donnée par le même français Jérôme, et ajoutait que cet homme avait une cicatrice au bras. On se rappela cette particularité, on envoya chercher des experts.—Kenevitz n'avait point de cicatrice au bras. On apprit que son épouse était à Moscou, et l'on expédia un membre de la commission dans cette ville, pour faire une visite domiciliaire avec l'aide de la police. On ne trouva rien.

La commission d'enquête termina ses affaires au mois de janvier 1864. Le ci-devant chef de la police secrète, général Timacheff, fut désigné par l'empereur comme président d'un tribunal de guerre, qui devait prononcer sur le sort des inculpés.

Kenevitz adressa une lettre au consul français, demandant sa protection. Le général Timacheff déchira la lettre. *Quelques jours avant l'arrêt*, on permit Kenevitz d'écrire à ses parents, et d'en faire venir quelque argent... (Nous ne savons pas si l'argent a été envoyé ou non).

Timacheff condamna sans preuves, sans débats, sur des soupçons, Ivanitzki, Mrotzek, Stankevitz et *Kenevitz à être fusillés*. Kenevitz a été mené dans une voiture, couverte de tous les côtés, sur la place d'exécution.

Après la lecture de la sentence, Kenevitz dit à haute voix: «Pourquoi me tuez-vous?». Le colonel Gral ordonna aux hornistes de commencer une marche funèbre. «Vous êtes des lâches!» cria Kenevitz, et il tomba mort avec ses compagnons.

Une partie des jeunes gens a été envoyée aux travaux forcés pour dix, douze, quinze ans. Un officier Michalloff, pour ne pas avoir dénoncé un entretien privé, a été condamné à dix ans.

Переводъ.

Жеромъ Кеневичъ ¹⁾.

Въ началѣ весны 1863 было арестовано нѣсколько студентовъ казанскаго университета за распространеніе революціонныхъ сочиненій, прокламацій и призывовъ, не имѣвшихъ никакихъ послѣдствій. У одного изъ нихъ оказался револьверъ, другіе говорили между собою и съ знакомыми офицерами о возможности въ ближайшемъ будущемъ возстанія въ Россіи.

Это случилось въ то время, когда паника русскаго правительства достигла наивысшей точки. Дѣло приняло огромные размѣры; четыре человѣка, послѣ двухъ лѣтъ тюрьмы и допросовъ, были разстрѣляны. Среди нихъ былъ французскій подданный Жеромъ Кеневичъ, родившійся во Франціи, поселившейся тамъ въ польской семьѣ и женатый на французкѣнкѣ.

Среди молодыхъ людей, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ, было четыре студента петербургскаго университета. — Новицкій, Олехновичъ, Маевскій и Госцевичъ. Двое послѣднихъ показали, что прокламаціи они получили отъ французскаго инженера, служившаго на желѣзной дорогѣ, имя котораго было: Иеронимъ ²⁾. Дѣло было такъ, что Жеромъ Кеневичъ, желѣзнодорожный инженеръ, раньше былъ арестованъ по подозрѣнію въ единомысліи съ поляками, но *судимъ онъ не былъ*. Немедленно былъ отданъ приказъ о доставкѣ его въ Казань, гдѣ была назначена слѣдственная комиссія. На очной ставкѣ съ молодыми людьми Кеневичъ не былъ опознанъ ими.

У Маевского при арестѣ нашли револьверъ; онъ сказалъ, что получилъ его отъ того же француза Иеронима, и прибавилъ, что у этого человѣка былъ шрамъ на рукѣ. Вспомнили объ этой особенности, пригласили экспертовъ—у Кеневича шрама на рукѣ не оказалось. Узнали, что жена Кеневича живетъ въ Москвѣ. Туда былъ отправленъ членъ комиссія, чтобы, при помощи полиціи, произвести домашній обыскъ—но ничего не было найдено.

Слѣдственная комиссія закончила свое дѣло въ январѣ 1864. Государь назначилъ бывшаго начальника тайной полиціи генерала Тимашева предсѣдателемъ военнаго суда, который долженъ былъ рѣшить судьбу обвиняемыхъ.

Кеневичъ обратился къ французскому консулу съ письмомъ, прося его защиты. Генераль Тимашевъ разорвалъ это письмо. *За*

¹⁾ Обстоятельства дѣда изложены невѣрно; источники были указаны мною раньше.

²⁾ По французскому произношенію: Жеронимъ. А. И. Г.

нѣсколько дней до приговора Кеневичу было разрѣшено написать своимъ роднымъ и вытребовать нѣсколько денегъ... (Мы не знаемъ, были ли посланы ему деньги или нѣтъ).

Тимашевъ, безъ доказательствъ, безъ преній, единственно по подозрѣнiю, присудилъ къ разстрѣлу Иваницкаго, Мрочека, Станкевича и Кеневича. Кеневича, въ закрытой со всѣхъ сторонъ каретѣ, привезли на мѣсто казни.

Послѣ прочтенiя приговора Кеневичъ спросилъ громкимъ голосомъ: «За что вы убиваете меня?». Полковникъ Граль приказалъ горнистамъ сыграть похоронный маршъ. «Вы подлецы!» прокричалъ Кеневичъ и палъ мертвый вмѣстѣ со своими товарищами.

Часть молодыхъ людей была сослана въ каторжныя работы на десять, двѣнадцать и пятнадцать лѣтъ. Офицеръ Михайловъ за то, что не донесъ о частномъ разговорѣ, былъ осужденъ на десять лѣтъ каторги.

2677. Письмо къ сыну.

23 oct. (1865), понедѣльникъ.

1-ое, Послана ли «Camicia rossa» Гарибальди?

2-ое,—idem miss Reeve?

3-е,—idem Dolfi?

Чѣмъ кончилась исторiя съ муравьевскими *ста* франками?

Скажи Фрикену, что деньги С.-Сол. не нужны.

Скажи Лугинину, что я ему премного кланяюсь.

Упроси кого-нибудь изъ нашихъ давать Ольгѣ уроки русскаго. Могъ бы и ты, но лѣнивъ. Я предлагаю вносить въ общ. фондъ по 3 фр. за урокъ. Слышалъ ли ты о Кельсiевѣ?

Милуша умерла, другой ребенокъ умеръ, Варв. Тим. при смерти—и голодъ:

Деньги въ Лондонъ ¹⁾ отправлены; теперь до 1 января я квитъ. Домъ слѣдуетъ для Мальв. нанять *на годъ*—полно переѣзжать Твоя шутка съ Мальв. и Фрел. ²⁾ стоитъ 1,800 франк.

¹⁾ Т.-е. для Шарлоты и Тутца.

²⁾ Фрелихъ.

2678. Письмо къ Лизѣ.

27 октября 1865.

Дружокъ мой Лиза! отчего же ты такъ мало намъ пишешь? Здѣсь такой дождь и вѣтеръ, что намъ скучно, — мы и ждемъ отъ тебя письма. У меня все болятъ зубы. Ольга ѣдетъ во вторникъ во Флоренцію; она очень хотѣла къ тебѣ заѣхать, но онѣ поѣдутъ другой дорогой.

Что здоровье мамы? что ея палець?

Папа-Ага былъ боленъ, но теперъ лучше.

Прощай, цѣлую тебя много, много.

Когда я приѣду, я привезу тебѣ удивительную штуку: какъ дѣлать очень скоро пирожное.

Линда¹⁾ останется здѣсь. Голубей продали и дѣтямъ купили ботинки.

Прощай.

У Линды вчера родились три щеночка: одинъ черный, а двое съ пятнами.

Другое письмо отдай мамѣ.

2679. Письмо къ В. И. Кельсіеву.

29 октября (1865).
Genève, La Boissière.

Ужасное письмо ваше мы получили. О несчастіяхъ, постигнувшихъ васъ, говорить нечего; жмемъ руку вамъ и еще больше Варварѣ Тимошеевнѣ.

Мы къ вамъ писали черезъ д-ра Грасовскаго¹⁾ и черезъ него получили первыя вѣсти. Получили ли вы наше письмо?

Многое остается неяснымъ въ вашемъ письмѣ. Зачѣмъ вы бросили Тульчу и мѣсто? Зачѣмъ не писали тотчасъ? Въ какихъ отношеніяхъ вы разстались съ Гончаромъ?

Улучите минуту покойную и напишите реляцію. Насчетъ вашего намѣренія ѣхать или итти сюда ли, въ Лондонъ ли — одумайтесь и очень. Если теперъ для Варв. Тим. нужно немного денегъ, мы можемъ переслать сейчасъ *двѣсти франковъ*, но какъ это сдѣлать, напишите сейчасъ.

¹⁾ ?

Обвиненія Каткова васъ именно въ поджогахъ должны быть основаны на какой-нибудь клеветѣ. Не догадываетесь ли вы, не знаетъ ли Жуковский или Васильевъ? Гдѣ онъ? Вамъ бы слѣдовало Каткова ругнуть.

А, вѣдь, русскій-то фибринъ или церебринъ еще сыроватъ, оттого мы и не умѣемъ ничего довести до конца. Это — вина не личности, а расы и ея возраста. Лиха бѣда была осѣсть, — англичанинъ, голландецъ и даже нѣмецъ пустили бы корни въ землю, сосредоточили бы на одномъ зернѣ и сдѣлали бы что-нибудь.

«Колоколь» я велѣлъ вамъ послать. Замѣтите, что мы вамъ перестали посылать не такъ давно. Мы постоянно посылали на Жуковского и, кажется, до васъ никогда не доходило.

Въ будущее, въ наше русское, я смотрю безъ отчаянія, главное—все и цѣло и идетъ... а до акциденціи дѣла нѣтъ.

Прощайте, передаю Огареву перо.

А. Герценъ.

2680. Письмо къ сыну.

31 октября (1865).

La Boissière.

Письмо это везетъ тебѣ Ольга. Я ею былъ больше доволенъ, но занимается она, все же, плохо. Ты, Саша, долженъ теперь сбросить съ себя разсѣянное полувниманіе въ этомъ дѣлѣ. Мальвида совсѣмъ ослабла; она стала еще безвольнѣе, особенно въ отношеніи Ольги. Она, сверхъ того, серьезно больна. Я тебѣ поручаю уходъ и надсмотръ. Пусть она (т.-е. Ольга) аккуратно ходитъ въ школу. Освѣдомляйся правильно, чему учится, и не забудь мою комиссію къ Фрик. или Лугинину насчетъ уроковъ.

Денегъ я имъ далъ до генваря; въ генв. я пришлю 1,000 имъ и 1,000 тебѣ.

Дефицитъ великъ и нынѣшній годъ, — économie à l'ordre du jour ¹⁾.

Здѣсь все печально. Здоровье Огарева плохо, онъ не можетъ много работать.

Nat. въ томъ же нравственномъ ожесточеніи, какъ и прежде. Лизу жаль безконечно. Я на-дняхъ съѣзжу взглянуть на нее.

Можетъ, побываю зимой и у васъ, во Флоренціи, лѣтомъ — въ Комо или Лугано...

¹⁾ Въ порядкѣ дня—экономія.

Даже Чернецк. взбунтовался,—тебѣ расскажетъ Мейз.

Прощай. Помни же, что, сверхъ любви и моей просьбы, на тебѣ лежитъ $\frac{1}{2}$ вины за Бернъ. Жду твоихъ рапортовъ.

Прощай.

Ты о деньгахъ Мурав. не отвѣчалъ.

Вотъ записка Du Magt. ¹⁾

Кланяйся Кораблю ²⁾,
Кораблѣ.

Лугинину скажи, что Долгор. здѣсь поюнѣлъ, ѣздилъ съ Тхоржевс. въ Аарау въ лиасонскій праздникъ, даетъ направо и налево деньги.

Пусть Мейз. расскажетъ incident Stenbock ³⁾.

Людмиловна ⁴⁾ скучна до невозможности, С.-С. надоѣлъ всѣмъ, —sciagura ⁵⁾.

А ргорос, что же Луг. не велѣлъ мнѣ сказать, по его ли приказу выдалъ 100 фр. Элп. ⁶⁾.

Мошкаловъ не занимается больше переплетной.

2681. Агентство въ Тульчѣ.

То, въ чемъ мы не сомнѣвались ни одной минуты, подтвердилось письмомъ В. И. Кельсіева. Само собою разумѣется, что В. Кельсіевъ столько же былъ удивленъ, какъ и мы сами, прочитавъ клевету рутскихъ шпионовъ о не знаю какомъ участіи его въ поджигательствахъ. Когда подлая клевета эта дошла до него, несчастный Кельсіевъ, давно оставившій Тульчу, хоронилъ двухъ дѣтей своихъ.

Какіе мѣрзавцы всѣ эти царскіе лазутчики, лгуны III Отдѣленія и арендаторы полицейскихъ листовъ! ⁷⁾

¹⁾ ?

²⁾ Шиффу и его женѣ; Schiff—корабль.

³⁾ Очевидно, объ М. К. Элпидинѣ.

⁴⁾ Шелгунова.

⁵⁾ Несчастіе.

⁶⁾ Элпидинъ.

⁷⁾ Что «Моск. Вѣд.» подхватили съ полицейскимъ восторгомъ клевету, насъ это не удивило, но что сказать о слѣдующихъ строкахъ аксаковского «Дня»? Передаемъ ихъ безъ малѣйшихъ комментариевъ: «Послѣ статьи, напечатанной въ «Рус. Инвалидѣ» отъ 6 августа и составленной изъ официальныхъ источниковъ, было бы совершенно бесполезно входить въ изслѣ-

2682. Отъ редактора.

Мы очень благодарны москвичу, сообщившему намъ имя дантиста Извольскаго ¹⁾. Дѣло Кичеева ²⁾ мы, дѣйствительно, читали. Печатающія ужасныя подробности о немъ, мы должны отвѣтственность за ихъ достовѣрность оставить на совѣсти корреспондента.

2683. Avertissement ³⁾ Valoujeff между avertissement и Анатуевскимъ завѣдомъ.

Нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы отмѣна предварительной цензуры не была торжествомъ для всего народа, великимъ праздникомъ, великой побѣдой. Даже тамъ, гдѣ правительство обманываетъ свободой книгопечатанія, оно старается пышно обстановить свой обманъ. Несчастное начальство наше, напротивъ, умѣетъ

дованіе главной причины, если не всѣхъ пожаровъ, то того излишка пожаровъ, которыми подарилъ насъ этотъ годъ. Намъ очень страшными кажутся попытки нѣкоторыхъ петербургскихъ органовъ высвободить поляковъ отъ всякой отвѣтственности за поджоги въ Россіи! Нужно имѣть много упрямой непослѣдовательности въ головѣ, чтобы отрицать возможность поджигательства со стороны поляковъ, какъ логическій выводъ изъ ихъ революціоннаго ученія. Назови поджогъ «политическимъ»—и совѣсть спокойна! Развѣ не пыталась революціонная догматика, даже подъ перомъ русскаго эмигранта ⁴⁾, оправдать поступокъ Орсини, стоившій жизни *сотни (отчего не тысячу?)* людей, оправдать на томъ основаніи, что это, дескать, убійство политической! Мы же прямо объявляемъ, *что человѣка, измыслившаго фальшивые манифесты или прокламацію*, въ которой предлагается произвести всеобщую рѣзню на улицахъ, или оправдывающаго принципъ терроризма, считаемъ вполне способнымъ и на поджогъ. Если же онъ оказывается не способенъ, такъ, значитъ, онъ непослѣдователенъ: онъ или лгалъ въ своихъ прокламаціяхъ, или онъ дрянн характеромъ и нехватило у него духа быть вѣрнымъ своему мерзкому принципу» («День» № 28).

И это говоритъ человѣкъ, такъ коротко знавшій насъ, и говоритъ послѣ того, какъ въ напечатанномъ отвѣтѣ Касьянову было сказано о томъ, что мы не участвовали ни въ какихъ прокламаціяхъ и ни въ какихъ манифестахъ. Нѣтъ, г. Аксаковъ, вы—тоже *Катковъ*. А. И. Г

¹⁾ Петръ Александровичъ, курскій губернаторъ, билъ крестьянъ чубукомъ.

²⁾ Убилъ Бугона, обезчестившаго его сестру, за что и былъ сосланъ въ каторжную работу.

³⁾ Предостереженіе.

⁴⁾ Герцена.

каждый шагъ свой впередъ обстановить такими нелѣпостями, такими страхами, такими кривляньями, что самая уступка его становится противна и каждая льгота ~~отравлена~~.

О самомъ законѣ мы говорили подробно. Онъ рѣшительно глупъ и невозможенъ; довольно вспомнить, что онъ желающимъ остаться подъ цензурой предлагаетъ остаться. Злѣе критики быть не можетъ.

Теперь взглянемъ на приложение:

.Premier avertissement ¹⁾ все рабски сколото съ нелѣпой французской формы (Валуевъ переводить очень хорошо). Avertissement данъ Коршу ²⁾. Читая его, намъ пришелъ въ голову старый московскій анекдотъ объ одномъ буянѣ, сильно шулерничавшемъ въ картахъ. Разъ онъ игралъ съ какимъ-то господиномъ, мало знавшимъ московскіе обычаи. Господинъ этотъ остановилъ буяна, метавшаго банкъ. «Позвольте, позвольте, вы сейчасъ передернули карту!»—«Что?» закричалъ предшественникъ Валуева.—«Да то, что съ вами играть нельзя, вы передергиваете!»—«Я самъ знаю,—закричалъ онъ, ударивъ кулакомъ по головѣ неосторожнаго господина,—что передергиваю, да не люблю, чтобъ мнѣ говорили это».

Валуевъ поступилъ точно такъ же съ Коршемъ, посылая ему моральный тумакъ въ видѣ французскаго avertissement за то, что «Петербургск. Вѣд.» безнравственно утверждали, что заложенное имѣніе ни продавать, ни перезакладывать нельзя, не выкупивши. Конечно, нельзя намъ, смертнымъ, но для русскаго правительства—другое дѣло. Или В. Коршъ вмѣстѣ съ Аксаковымъ думаетъ, что власть Романовыхъ *отъ міра сею*, что они царятъ по народному избранію? Такъ, вѣдь, за такой дебошъ Аксаковъ чуть не попалъ въ товарищи Чернышевскому, со всѣмъ своимъ православіемъ, единодержавіемъ, царелюбіемъ и москвобѣсіемъ. «Indépendance» (14 oct.) очень интересно рассказываетъ, какъ наша *прѣсная администрація* была глубоко сконфужена статьей «Дня»; она думала, что Романовыхъ никто не хотѣлъ и никто не избиралъ, что они вдругъ явились на тронѣ, какъ грибы. При этомъ чиновничья натура и прорвалась сквозь французскія avertissement: она нацпла, что *каторги мною, а avertissement мало*. Ищутъ средней пропорціональной линіи. Ну гдѣ же свободному слову ужиться съ этими допотопниками!

¹⁾ Первое предостереженіе.

²⁾ Валентину Федоровичу, редактору «СПБ. Вѣдомостей».

2684. Къ характеристикѣ военныхъ судовъ.

Выписываемъ изъ «Спб. Вѣд.» слѣдующую страшную драму ¹⁾.
Вѣроятно, рачительное начальство узнало, *о какой ранѣ* на спинѣ
говорилъ Θεодосій и не преминетъ сообщить объ этомъ публикѣ.

2685. Герцогъ Евгенийъ Лейхтенбергскій.

Читатели наши не забыли романа кн. Романовскаго, разлученнаго на желѣзной дорогѣ свирѣпой матерью и берлинскимъ дѣдомъ съ парижскимъ предметомъ страсти (лл. 198 и 199). Мы тогда писали: «Для васъ, герцогъ, въ этомъ случаѣ лежитъ великій урокъ. Вы, поставленные такъ близко къ трону, и вы не избѣгли скрещенныхъ лапъ союзнаго деспотизма! Подумайте о томъ, что случилось съ вами, и вамъ не захочется снова проситься ни въ стрѣлки, ни въ преображенцы, ни въ егеря. Вамъ, наслѣднику громкаго имени, ни захочется называться какимъ-то княземъ Романовскимъ, и вы закаетесь ѣздить *назадъ* по прусскимъ желѣзнымъ дорогамъ, пока не наступятъ другія времена для Россіи». Мы съ большимъ удовольствіемъ узнаемъ теперь изъ иностранныхъ газетъ, что совѣтъ нашъ исполняется. Герцогъ хочетъ ѣхать во Францію и тамъ остаться, жертвуя своимъ прозваніемъ «Романовскаго» и оставаясь герцогомъ Лейхтенбергскимъ *tout de bon* ²⁾.

Если это справедливо, мы не совѣтовали бы герцогу слишкомъ долго оставаться на живописныхъ берегахъ Шпре. Конечно, Берлинъ—хорошій городъ, и Пруссія—хорошее королевство, но въ Петербургъ оттуда скорѣе попадешь, чѣмъ въ Парижъ.

2686. (Купецъ Сомовъ).

Не можетъ ли тульскій губернаторъ Шидловскій ³⁾ обязать насъ свѣдѣніемъ, чѣмъ окончилось дѣло о взломѣ воротъ и похищеніи экипажа у купца Сомова двумя частными приставами,—однимъ, на службѣ находящимся, и другимъ уволеннымъ? Дѣло было въ Тулѣ, и Сомовъ (ограбленный и избитый) сидѣлъ въ острогѣ.

¹⁾ Слѣдуетъ приговоръ крестьянамъ Θεодосію и Степану Ивановымъ за вооруженное сопротивленіе требованію оброка.

²⁾ Просто.

³⁾ Михаилъ Романовичъ.

2687. Письмо къ Г. Н. Вырубову ¹⁾.

12 ноября (1865), воскресенье.
Boissière.

Я только-что пріѣхалъ, опоздавши тремя днями, и слышалъ, что вы были у меня. Сдѣлайте одолженіе, приходите къ намъ обѣдать завтра; въ понедѣльникъ, въ половинѣ седьмого.

Книжку вашу я прочелъ и, хотя мнѣ не приходится говорить о предисловіи, такъ какъ вы меня похвалили, но я скажу вамъ два-три замѣчанія или вопроса; напр., одно право на будущее Россіи—ненужность христіанства, вы намѣтили, а социальный бытъ пропустили; за что же, говоря о Добролюбовѣ очень хорошо и справедливо, вы забыли Чернышевскаго?

Но объ этомъ при свиданьи.

Въ «Совр. Лѣт.» какая-то попытка васъ отдѣлать.

Если вы не можете обѣдать завтра, напишите, мы перемѣнимъ день.

До свиданья.

А. Герценъ. ¹

◆◆ 1. Въ своихъ «Революціонныхъ воспоминаніяхъ» Вырубовъ разсказалъ, какъ, будучи 22-лѣтнимъ юношей, онъ составилъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Е. В. де-Роберти брошюру «Нѣсколько словъ о положительной философіи» и отправился съ ней «не безъ нѣкотораго волненія» къ А. И., котораго высоко цѣнилъ. Онъ не засталъ Герцена, уѣзжавшаго на нѣсколько дней, и получилъ приведенное письмо. «Таково было мое первое знакомство съ А. И., перешедшее скоро, несмотря на разницу лѣтъ, въ самыя близкія отношенія до самаго конца его, увы, слишкомъ короткой жизни» («В. Европы» 1913, I). Въ «Соврем. Лѣтописи» (№ 40) была анонимная статья «Опасный другъ» о другой брошюрѣ Вырубова: «La science vis-à-vis la religion par Mm. Gr. Wyruboff et Em. Goubert», Paris, 1865 г. Печатаемая настоящаго письма Герцена въ «В. Европы», Вырубовъ прочелъ, вмѣсто «Совр. Лѣтописи», «Совр. Ант.» и сдѣлалъ выноску о томъ, какъ его критиковалъ въ «Современникѣ» М. А. Антоновичъ...

Вдова поручика Наталія Вырубова просила мѣсковского ген.-губернатора выдать заграничные паспорта ей и троемъ дѣтямъ:

¹⁾ Григорій Николаевичъ; философъ позитивистъ.

Григорию 16 лѣтъ, Василию 15 л. и Марии 10 л., чтобы отправиться за границу для лѣченія на 6 мѣсяцевъ. Тучковъ разрѣшилъ въ началѣ ноября 1859 г. (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло деп. полиціи 1859 г. № 1104).

2688. Письмо къ М. Мейзенбугъ и О. А. Герценъ.

13 novem. 1865.
La Boissière.

Chère Malvida, votre lettre est arrivée. Quant à moi j'ai des excuses de divers genres. J'ai été voir les Montreux et figurez vous, Lise est venue avec moi pour qq. jours à Genève. Elle est tout à fait bien, très intelligente.

Maintenant tout sera lugubre. La mort de miss Reeve nous a lourdement frappée. Bakounine et sa femme ont assisté à ses derniers moments. Le véritable choléra ne l'a prise qu'à 6 h. du matin le 6 nov. et une heure après minuit elle a expiré... Quelle force se perd en elle.

Et de l'autre bout—dans un petit hôpital en Valachie mourut la pauvre Kelsieff dans toute la plénitude de sa conscience et à 25 ans.

Allez vous, schopenhaurisez, Fantasiererin,—le tout est absurde.

De profundis, s'il vous plaît, comme on écrit dans les billets catholiques ¹⁾.

Ольга, цѣлую тебя; щенята въ здоровьи, Лиза беретъ одного... не отдать ли ей другого на воспитаніе?

Natalie благодарить за письмо. Ей дѣлали операцію—вырвали весь ноготь; писать она не можетъ долго.¹

◆◆ 1. 16 іюля 1865 г. ген. Мезенцовъ увѣдомилъ директора деп. таможенныхъ сборовъ, что М. Мейзенбугъ намѣрена провозить въ Россію и Ц. Польское переписку нашихъ эмигрантовъ и вообще

¹⁾ Дорогая Мальвида! Письмо ваше прибыло. У меня разнаго рода извиненія. Я ѣздилъ посмотрѣть Монтрѣ, и, представьте, Лиза была со мною и провела нѣсколько дней въ Женевѣ. Она очень мила, очень умна.

Теперь пойдетъ все мрачное. Смерть миссъ Reeve тяжело поразила насъ. Бакунинъ съ женою были при ней въ ея послѣднія минуты. Настоящая холера началась у нея въ 6 ч. утра, 6 ноября, а въ часъ по полуночи она скончалась. Какая сила погибла въ ней!

А въ другомъ мѣстѣ, въ маленькой больницѣ, въ Валахиі умерла бѣдная Кельсѣева, въ полномъ сознаніи и въ 25 лѣтъ.

Подите вы, шопенгауэризируйте, фантазерка, все—безсмысленно! De profundis ^{o)}, какъ пишутъ католики въ извѣщеніяхъ о смерти.

^{o)} «Изъ глубинъ», первыя слова псалма на панихидахъ.

будеть употребляться, какъ агентъ революціонеровъ для распро- страненія у насъ пропаганды. Паспорта будетъ она имѣть швейцар- скіе на разныя имена... Конечно, все это вздоръ.

2689. Письмо къ О. А. Герценъ.

(13 ноября 1865).

Письмо твое, милая Ольга, пришло; ты немного лучше пишешь, т.-е. красивѣе. Теперь тебѣ поздно итти къ Гарибальди въ сестры милосердія. Что же ты читаешь теперь въ S. Terenzo? я тебѣ пришло (вѣроятно, завтра отправлю по почтѣ) первыя тетради новаго романа, не хуже «Терезы», того же автора. Даже Лиза слушаетъ его съ большимъ вниманіемъ. Лиза ходитъ всякій день въ Kindergarten ¹⁾; она, какъ и прежде, капризничаетъ много, но зато очень умна. Здѣсь были итальянцы, большіе реакціонеры. Лиза мнѣ за обѣдомъ говоритъ: «Вотъ хорошо что, Ольги нѣтъ,—они всѣ за *старой королю и поповъ*, у нихъ была бы сцена». Напиши ей записочку.

У Таты безпрестанно болитъ голова.

Цѣлую тебя, прощай.

P. S. J'ai envoyé à Alex. 1, 000 fr. il doit vous en envoyer 500—j'envverrai encore—après avoir reçu d'Avigdor ²⁾.

2690. Двѣ кончины.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ скончалась на границахъ Турціи Варвара Тимоѣевна Кельсіева, супруга извѣстнаго В. И. Кельсіева. Безропотно, самоотверженно, кротко, безъ фразъ вынесла эта твердая, превосходная женщина добровольную ссылку, страшную бѣдность и всевозможныя лишенія. На ея рукахъ умеръ меньшей братъ Кельсіева; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она лишилась сперва одного изъ дѣтей, потомъ дочери пяти лѣтъ. Вслѣдъ за ними сошла и мать въ могилу... Ей едва ли было двадцать пять лѣтъ.

И она, этотъ человѣкъ, всѣмъ пожертвовавшій для своихъ убѣжденій, ходя съ похоронъ на похороны и опускаая одинъ доро-

¹⁾ Дѣтскій садъ.

²⁾ P. S. Я послалъ Александру 1000 франковъ; изъ нихъ онъ долженъ вамъ отослать 500. Послѣ, получивши отъ Авидора ³⁾, я пошлю еще.

³⁾ Авидоръ—банкиръ Герцена.

гой гробъ за другимъ въ чужую землю, долженъ былъ встрѣчать подлая клеветы Каткова и шайки!

А 7 ноября, на другомъ концѣ Европы, въ Неаполѣ смерть скосила холерой другое замѣчательное существованіе, другую женщину въ полномъ разгарѣ силъ и энергіи, и какихъ силъ и какой энергіи!

Мы не можемъ не помѣстить въ «Колоколѣ» рядомъ съ кончиной В. Т. Кельсиевой и эту кончину.

Можетъ, читатели наши вспомнятъ, что въ пятомъ письмѣ къ путешественнику («Кол». 17 авг. 1865., л. 202) шла рѣчь объ одной англичанкѣ которую мы тогда не назвали. «Перебирая, сказави мы, всю мою жизнь за границей, я долженъ сознаться, не обижая многихъ и многихъ мнѣ близкихъ и дорогихъ людей, полное пониманіе нашего вопроса я встрѣтилъ *одинъ разъ* и это не въ мужчинѣ, а въ женщинѣ, и притомъ въ англичанкѣ».

Англичанка эта—Эмилиа Ривъ. Въ 1862 году она устроила съ другими соотечественницами своими школу для бѣдныхъ дѣвочекъ въ Неаполѣ, и сама стала въ ея главѣ, занималась всѣмъ съ безграничной преданностью. Она окончила свою жизнь на дружескихъ рукахъ: нашъ М. Бакунинъ и его жена были безотлучно при ней. ¹

◆◆1. Извѣщая о смерти Ривъ, Бакунинъ писалъ лондонскимъ друзьямъ 7 ноября: «Вы и мы потеряли настоящаго друга, умнаго, вѣрнаго, благороднаго и горячо намъ преданнаго, единственнаго живого человѣка въ Неаполѣ. Всѣ остальные—но люди, а тѣни. Она глубоко уважала и нѣжно любила тебя, Герценъ. Лицо, улыбка ея выражали особенную нѣжность всякій разъ, какъ она говорила о тебѣ, и какъ мило и какъ отъ души она смѣялась, припоминая твои удачныя выраженія. Ко всему дому, ко всѣмъ твоимъ она относилась, какъ родная» («Письма», 162—163).

2691. Убійства своимъ чередомъ.

Благодушный монархъ и опричники доказываютъ черезъ годъ чего не успѣли казнить въ прошломъ. Поручикъ Чернякъ (читатели наши помнятъ его участіе въ казанскомъ дѣлѣ, изложенномъ въ 205 и 206 листахъ «Колокола») разстрѣлянъ въ Казани 11 октября.

2692. Мельниковъ и духовные пути сообщенія.

Къ водянымъ и сухопутнымъ путямъ сообщенія у насъ, стараніями генерала Мельникова ¹⁾, присовокупляется вѣдомство *духовныхъ путей*. Ученый генераль недавно ѣздилъ лично устроить въ Вѣнѣ сношенія съ разными *медіумами*, собиравшимися въ этомъ приличномъ для колдовства и шарлатанства центрѣ европейскаго обскурантизма. Не слѣдуетъ ли завѣдываніе земными путями отобрать у человѣка, занимающагося небесными? Грубое матеріальное занятіе можетъ отвлечь постукивающаго генерала отъ дѣла духовнаго и испортить его *медіумную* способность.

2693. Поцѣлуй Кауфмана.

Прибавился еще историческій поцѣлуй къ знаменитымъ поцѣлуямъ Франчески да Римини, Иуды Искариота, Николая Полежаева: Непг Кауфманъ поцѣловалъ руку русскаго попа. *Усердіе* все превозмогаетъ! «Виленскій Вѣстникъ», говоря о православно-нѣмецкомъ поцѣлуѣ Кауфмана, прибавляетъ: «Примѣръ этотъ *великъ*, а равно великъ и тотъ, кто подаетъ такой примѣръ!». Дѣйствительно, *великъ*! Будь это православный, самъ Аксаковъ, удивительнаго было бы мало, а нѣмецъ, вѣроятно, протестантъ, цѣлюющій *по службѣ* руку попа,—почтенно. Нельзя не порадоваться, что Кауфманъ живетъ въ нашъ образованный вѣкъ, а живи онъ во время святительства бога апіса, ему пришлось бы прикладываться къ обоимъ концамъ божественнаго хвоста его.

2694. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

(16 ноября 1865).

Oui, chère Malvida, la mort de miss Reeve est une des absurdités des plus remarquables—et je suis profondément ébranlé. Elle a été trop intelligente pour mourir de cette manière.

Votre lettre à Ogareff et la lettre à Tata sont parvenus.

¹⁾ Павелъ Петровичъ, главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями.

Je vous écrirai bientôt. Maintenant je n'ai plus de temps. J'écris à Louguinine une longue lettre. Je ne l'ai pas vu à Genève.

Adieu.

Je vous serre la main.

Переводъ.

Да, дорогая Мальвида, смерть миссъ Reeve, одна изъ замѣчательнѣйшихъ нелѣпостей, глубоко потрясла меня. Она была слишкомъ умна для того, что бы умереть такимъ образомъ.

Ваши письма Огареву и Татѣ получены.

Вскоро напишу вамъ, а сейчасъ у меня нѣтъ времени. Я написалъ Лугинину большое письмо. Въ Женевѣ я не видался съ нимъ.

Прощайте.

Жму вашу руку.

2695. Письмо къ О. А. Герценъ.

15 ноября (1865).

D'abord ¹⁾, милая Ольга, зачѣмъ твое письмо пахнетъ «пачулиями»? Это, вѣрно, вашъ пруссакъ вооружается такими запахами съ иглой. Къ моему приѣзду выбрось все и вымой весь домъ и улицу, если они пахнутъ.

Насчетъ похвалъ Доманже ты не вѣрь: письмо твое очень милое, но полно ошибокъ; старайся писать лучше, какъ подобаетъ дѣвушкѣ въ *пятнадцать лѣтъ*.

Посылаю тебѣ 25 фр. итальянскими деньгами—а тамъ дѣлай фотографіи или купи, что хочешь. Это—тебѣ подарокъ къ рождению. Проведи весело этотъ день да и этотъ годъ. Линда въ тирпографіи поймала крысу величиной въ *полъ* Линды.

2696. Письмо къ О. А. Герценъ.

20 ноября (1865).

C. de Boissière.

Милая Ольга, завтра тебѣ *пятнадцать лѣтъ*—не шутка; еще лѣтъ пять-шесть—и ты будешь совершенно совершеннолѣтняя.

¹⁾ Сначала, сперва, во-первыхъ.

Много времени ты потеряла; смотри—догоняй теперь, работай безъ устали, не смотри ни на головную боль, ни на то, что хочется лишнее полежать да погулять. Вотъ мои желанія для твоего рожденья.

Ты знаешь, что Лиза гостила у насъ пять дней; она чрезвычайно умна и выучилась хорошо читать по-французски, такъ что сама читаетъ цѣлыя сказки. Я ее отвезъ назадъ и возвратился вчера. У Natalie вырвали ноготь, и рука еще очень болитъ. Завтра ѣдетъ Ага въ Montreux. Тамъ очень хорошо и мнѣ нравится лучше Флоренціи и Женева.

У Таты страшно болитъ голова.

Мы сегодня справляли канунъ и пьемъ за твое здоровье.

Линда преумная собака, и, какъ только дверь ко мнѣ открыта, она оставляетъ мокрые слѣды своего вниманія, а иногда и визитные комочки. Надѣюсь, что ея дѣти будутъ умнѣе. Лиза (которая въ неописуемомъ восторгѣ отъ мамы и щенятъ), беретъ себѣ коричневаго. Вчера, когда я ѣхалъ, Лиза мнѣ, усаживая меня въ вагонъ, сказала: «кланяйся же и поцѣлуй папу, Тату и щенятъ». Я буду настаивать, чтобъ ихъ опять снесли къ Касаткину.

Отъ Полины Львицкой письмо; все хорошо и она очень довольна Россіей.

Ну, прощай, кланяйся и ты Сашѣ и щенятамъ, если на нашемъ «кораблѣ» есть.

При первой оказіи я тебѣ пришлю, какъ большой, *два золотыхъ*. Если они есть у Саши (а прогос, онъ получилъ, кажется, съ Фрикена), то пусть выдастъ теперь.

2697. Письмо къ Н. А. Огаревой.

20 ноября (1865), понедѣльникъ.

Вчера, когда я сѣлъ въ вагонъ въ Вевэ, на меня нашелъ какой-то страхъ и тяжелое чувство... Но съ тѣмъ вмѣстѣ я былъ доволенъ послѣднимъ днемъ и прошу тебя объ одномъ: *проведи черту* и, конечно, не переходи ее назадъ. Я прошу и умоляю тебя: будутъ случаться всякія небольшія столкновенія,—стань твердо во имя памяти троихъ¹⁾ и насъ, живыхъ. По боли, которую я вынесъ въ тотъ день, когда привезъ Лизу, я думаю, что у меня потрапи-

¹⁾ Н. А.—ны и малютокъ Алексѣя и Елены.

лись силы на нехорошую борьбу, и я хочу, желаю, сколько возможно, и твою жизнь вызвать къ свѣту и успокоить. Въ искренность мою ты вѣришь. Будемъ же другъ друга беречь, и да падеѣтъ вся отвѣтственность, всѣ проклятія на того, кто помянетъ лихомъ старое и разрушитъ зимнее, вечернее благо насъ троихъ. Черезъ день—день рожденья бѣдныхъ увядшихъ малютокъ. Вотъ моя молитва и дай руку, и клянись на ихъ могилѣ достигнуть взаимнаго очищенія и духа кротости.

Огаревъ собирается завтра. Я его засталъ свѣжѣе. Странное дѣло, утромъ вчера (въ 11 часовъ) былъ у него припадокъ, а вечеромъ онъ былъ здоровъ. Сдѣлай же, Natalie, чтобъ ему хорошо было и чтобъ онъ возвратился успокоенный и примиренный. Помни, что за нимъ надобенъ уходъ. Не лучше ли его, все-таки, помѣстить въ Hôtel du Pont? Обѣдайте тамъ раза два, иначе будутъ сердиться (у Ог. денегъ не много; если пойдете въ Chillon или куда, ты заплати). Насчетъ цѣны комнаты спроси и нужно ли дѣлать огонь.

У Таты свирѣлая головная боль; видно, ей сѣвер. климатъ не по натурѣ; она лежитъ сегодня.

Разница температуры страшная—здѣсь морозъ и туманъ.

Напиши мнѣ о твоёмъ пальцѣ. Лизу цѣлую много. А я еще и еще разъ обнимаю тебя, говорю: будемъ, будемъ работать надъ собой для Лизы и для честнаго заката, остальное все будетъ all right ²⁾.

Смѣсь.

1. Говорятъ, что Станфильдъ будетъ министромъ.

2. Касатк. поссорился съ Долгоруковымъ за то, что Долг. въ serje ³⁾ пожертвовалъ горшокъ,—Касатк. нашелъ это неуважительнымъ, въ силу чего примирительнаго обѣда не было.

3. Моск. двор. ходило просить ген.-губ., чтобъ запретить пьесу Потѣхина, въ которой смѣются надъ помѣщиками ¹⁾.

Прощай.

Пора.

Утинъ, говорятъ, нанялъ домъ большой за 1.500 въ годъ безъ мебели (8 комнатъ). Если бы можно, хотъ къ концу декаб., отдѣлаться отъ твоей квартиры, поговори съ содержат. Pension Anglais и съ поваромъ H-l Montreux.

¹⁾ «Отрѣзанный ломоть».

²⁾ Очень хорошо.

³⁾ Кружокъ, клубъ.

2698. Письмо къ Н. А. Огаревой.

28 ноября (1865), вторникъ.

И ты мнѣ говоришь: «пожалѣй меня», какъ будто ты не знаешь, какъ и насколько я жалѣлъ и жалѣю тебя. Эта «жалость» столько же насъ связуетъ, какъ и воспоминанія, какъ прошедшее и настоящее. Покорись покойно условіямъ жизни..., отдай свою судьбу на веденіе мнѣ,—ты сама никогда не умѣла вести ее—и я спасу тебя, но безъ вѣры и смиренія я ничего не сдѣлаю.

Ты меня спрашиваешь, что дѣлать съ запиской Мейз. Я ее не читалъ, но уверенъ, что это съ ея стороны порывъ заглазить бывшее; на какомъ же *добромъ* основаніи ты отвергаешь его? Письмо ея пришло въ нашу страстную недѣлю, связано съ памятью великаго несчастія,—развѣ ты въ эти можешь поступать злобно? Стало, по-моему, надобно написать нѣсколько строкъ и сказать: «Кончимъ распрю во имя иныхъ интересовъ», не бросаться на него, и не отталкивать. Вотъ, Natalie, наши человѣческіе пути, взойди въ нихъ и ты съ удивленіемъ, какъ непріязненныя отношенія будутъ исчезать. Ты хотѣла мой совѣтъ—вотъ онъ. Дай руку и слѣдуй ему. Выйди изъ міра личныхъ Grübeleien и ты не скажешь Natalie, что ты неспособна воспитывать Лизу, и покой и способность прѣснуты... Я буду тебѣ помогать, я хочу, хочу отъ души для тебя и для Лизы.

Знаешь ли, что я не допущу больше ни на письмѣ, ни на словахъ того тона который повергалъ меня въ бѣшенство. Мы перешли его. Если ты опять впадешь въ него, говоря о близкихъ или о далекихъ, я буду молчать или уйду. Я чувствую, что теперь, въ это будущее полугодіе я все устрою, но для этого надобно пуще всего избѣгнуть раздраженія.

Насчетъ miss Tur. дѣло не шуточное. Если ты думаешь, что она все будетъ больна, то ее можно бы отослать, но замѣнить кѣмъ? развѣ, нянькой до тѣхъ поръ, пока сыщется порядочная женщина. Я буду узнавать здѣсь, но мнѣ ты не повѣришь; Тата ходитъ теперь въ консерваторію и видитъ тамъ разныхъ матерей.

Огар. еще нѣтъ; вѣроятно, пріѣдетъ къ 1-му обѣду; тогда я припишу. Его письма были грустны, но хороши. А proros, первое письмо его отъ среды пришло сегодня, во *вторникъ*, и кѣмъ оно было послано? и откуда? У Raisin былъ; онъ говоритъ, что тѣ, кто принимаетъ участіе въ старушкѣ, должны передъ ея кончиной

извѣстить (и сказать въ пансіонъ, чтобы извѣстили) juge de paix ¹⁾ и объяснить ему, что, какъ родныхъ нѣтъ налицо, то чтобъ запечатали имущество и бумаги. Очень интересно, что будетъ дѣлать попъ, не упусти его изъ вида. Лично не очень мѣшайся.

Погода теплая, но скверная; сегодня разболѣлся опять зубъ (другой) и немного голова.

Прощай.

Худ. ²⁾ завтра отправ. въ Петербургъ.

4 часа.

Огар. нѣтъ. Погода ужасная; иду рвать зубъ. Напиши мнѣ, не привезть ли Лизину собачку (только ей не говори, если не надобно)—она очень забавна. ⁴⁾

◆◆ 1. Нѣсколько явныхъ пропусковъ ясно указываютъ на большую нервность Герцена во время составленія этого письма.

2699. Письмо къ Р. Лессору.

30 nov. 1865.

Genève, Château Boissière.

Cher Monsieur Lesser, je vous écris pour Vous remercier du service que Vous avez rendu à mon ami Ogareff. Mais quels sont donc ces brigands de gendarmes chez vous? Depuis quand les routes de la Suisse ne sont pas sûres—ce que l'on enferme au violon les voyageurs? Personne ne veut croire à Genève a cet événement. Ogareff est un homme malade—on lui ordonne de ... ³⁾ immensément. Pourquoi l'a-t-on arrêté? Et—sans motif aucun—pourquoi l'a-t-on mis dans une cellule infecte? J'en ferai du bruit dans les journaux. Voulez-Vous avoir l'extrême complaisance de m'écrire le nom du préfet de Vevey—et quel est le motif que le gendarme a donné. Le gendarme a été très grossier, cela serait bon de savoir le nom de ce butor.

Tous les renseignements que Vous nous donnerez seront acceptés avec la plus grande reconnaissance.

Je Vous salue beaucoup.

Al. Herzen.

¹⁾ Мировой судья.

²⁾ И. А. Худяковъ.

³⁾ Слово не разобрано

Переводъ.

30 ноября 1865.

Дорогой г-нъ Лессеръ, пишу вамъ, чтобъ поблагодарить васъ за услугу, которую вы оказали моему другу Огареву. Но какіе же эти разбойники жандармы у васъ! Съ какижъ поръ дороги Швейцаріи не безопасны для путешественниковъ до того, что любого путешественника могутъ заключать въ кутузку? Никто въ Женевѣ не хочетъ вѣрить этому происшествію. Огаревъ — больной чело-вѣкъ; ему предписана ...¹⁾ въ огромной мѣрѣ. И почему его арестовали? Почему безъ всякой причины его помѣстили въ эту вонючую камеру? Я подниму объ этомъ шумъ въ газетахъ. Вы меня крайнѣ обяжете, написавъ, какъ зовутъ префекта Вевэ, а также мотивъ ареста, указанный жандармомъ. Жандармъ былъ очень грубъ, и было бы хорошо знать имя этого дураля.

Всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя вы мнѣ сообщите, будутъ приняты съ большой благодарностью.

Кланяюсь вамъ.

А. Герценъ.¹

◆◆ 1. «Въ ноябрѣ 1865 г.— рассказываетъ Лессеръ— я неожиданно былъ вызванъ къ начальнику полиціи въ Вевэ. «Пожалуйста,— обратился ко мнѣ начальникъ, когда я явился,—помогите намъ выяснитъ личность одного страннаго иностранца, очевидно, русскаго, который подобранъ полиціею по дорогѣ въ Вевэ въ безчувственномъ состояніи. Вы знаете по-русски и, можетъ быть, вамъ удастся узнать отъ него, кто онъ». Исполняя желаніе начальника, я отправился въ камеру, гдѣ лежалъ на кровати довольно представительный мужчина лѣтъ пятидесяти, въ состояніи, которое начальникъ полиціи почему-то призналъ «невмѣняемымъ». Когда я вошелъ въ его камеру, незнакомецъ говорилъ самъ съ собою, то цитируя какіе-то стихи, то вспоминая, очевидно, разные случаи своей жизни, причемъ нерѣдко упоминалось то одно, то другое женское имя... Рѣчь заключеннаго, который даже не замѣтилъ, какъ вошли мы съ префектомъ полиціи въ камеру, была полна тоски и грусти. Я заговорилъ съ нимъ по-русски. Послѣ нѣсколькихъ фразъ, которыми мнѣ лишь съ трудомъ удалось обмѣняться съ незнакомцемъ, я узналъ, что онъ—Огаревъ, близкій другъ Герцена и русскій писатель. Больше ничего не удалось узнать, такъ какъ онъ вслѣдъ затѣмъ крѣпко заснулъ. Сообщивъ префекту полиціи, кто этотъ случайно арестованный чело-вѣкъ, и

¹⁾ Слово не разобрано.

выяснивъ ему общественное положеніе Огарева и какъ извѣстнаго писателя, и какъ извѣстнаго эмигранта, я предложилъ префекту, когда Огаревъ проснется, отвезти его къ себѣ. Но шефъ полиціи наотрѣзъ отказаль, замѣтивъ, что онъ долженъ оставить пока «незнакомца», назвавшася Огаревымъ, при полиціи. Я счелъ долгомъ немедленно сообщить объ этомъ Герцену... Герценъ тотчасъ по полученіи извѣщенія Лессера написалъ ему благодарность. Получивъ это письмо, Лессеръ снова отправился къ префекту и «указывая на то, что личность Огарева удостовѣрена письмомъ Герцена, требоваль освобожденія арестованнаго. Но шефъ полиціи опять рѣшительно отказаль, и Огаревъ остался подъ арестомъ. Лессеръ увѣдомилъ объ этомъ Герцена, поѣхавшаго въ Монтрѣ. («Вѣстникъ Литературы» 1907, I).

2700. Запросъ гг. издателямъ русскихъ партикулярныхъ журналовъ.

Почтеннѣйшіе сотоварищи,

Уничтоженіе предварительной цензуры ставитъ русскую независимую журналистику на болѣе совершеннѣйшую ногу. О запретѣ статей по одному имени писавшаго ее или приславшаго не можетъ быть и рѣчи.

Ясно, что помѣщеніе статей зависитъ отъ ихъ достоинства, отъ ихъ сообразности съ духомъ журнала и, наконецъ, отъ степени личной храбрости издателя,—въ ней, почтеннѣйшіе сотоварищи, мы не сомнѣваемся...

Совсѣмъ напротивъ, мы такъ увѣрены въ ней, что предлагаемъ вамъ посильные труды наши и съ нетерпѣніемъ ждемъ вашего отвѣта.

Радуюсь съ вами вмѣстѣ началу освобожденія русскаго слова, мы нашимъ предложеніемъ даемъ вамъ средство измѣрить его глубину и искренность.

Напечатаніе этого письма въ почтенныхъ журналахъ, издаваемыхъ вами, мы примемъ за особенное одолженіе и впередъ благодаримъ за него.

Желая вамъ всякаго успѣха и всякой дали отъ субсидіи, аренды, казенныхъ афишъ и иныхъ правительственныхъ поощреній, остаемся готовыми къ услугамъ вашимъ.

Александръ Герценъ.

Николай Огаревъ.

1 декабря 1865.
Château Boissière.

Р. С. Ежели вы желаете, мы пришлемъ перечень статей, которыя мы готовы прислать въ ваши распоряженія. ¹

◆ 1. Въ № 290 «Сына Отечества» былъ напечатанъ «Отвѣтъ за границу», изъ котораго приведу наиболѣе характерное для русской печати того времени.

«Не приходило ли вамъ попадать въ такой гостепріимный домъ, гдѣ хозяйка или дочка считаютъ за долгъ угостить васъ музыкой на разбитомъ, ноющемъ, стонущемъ и скрипучемъ инструментѣ, и угостятъ васъ съ полной увѣренностью, что услаждаютъ васъ, тогда какъ вы проклинаете минуту, въ которую попали въ этотъ домъ, и готовы бѣжать изъ него стремглавъ? Неправда ли и ощущение и положеніе скверное. Представьте же себѣ, что могутъ быть нѣкоторыя положенія еще похуже этихъ—въ которыхъ иногда можетъ очутиться общественный дѣятель. Въ одно изъ такихъ положеній были поставлены на-дняхъ и мы и отгадайте? жѣмъ бы?—Герценомъ, да—этимъ бѣглецомъ, засѣвшимъ теперь въ Женевѣ и оттуда изволяющимъ потѣшаться надъ русскою жизнью и обществомъ: мы получили на-дняхъ отъ него съ заграничной почтой письмо или, лучше, печатное предложеніе, подъ заглавіемъ: «Запросъ къ издателямъ русскихъ партикулярныхъ журналовъ». «Получивъ такое предложеніе первую мыслью нашей была мысль: Господи! за что ты насъ такъ наказываешь? Чѣмъ мы особенно прогнѣвили тебя? Но утѣшились тѣмъ, что Герценъ, вѣроятно, шлетъ свои предложенія, безъ всякаго разбора, всѣмъ, о комъ только узнаетъ, что они вышли изъ подъ предварительной цензуры, а въ такомъ случаѣ, что же мы можемъ сдѣлать съ свободнымъ, хотя и неразумнымъ человѣкомъ (въ этомъ отношеніи Герценъ представляетъ собой особенно замѣчательный экземпляръ человѣка), живущимъ ктомуужъ въ свободномъ городѣ. Пришлось намъ потому перейти къ вопросу о томъ, въ здоровомъ ли умѣ и твердой ли памяти Герценъ, или онъ шутитъ? Первый вопросъ разрѣшаемъ тѣмъ, что Герценъ на свободѣ и занимается печатаніемъ статей,—а будь онъ сумасшедшій, то навѣрно, хоть Женева и вольный городъ, а безумнаго засадили бы куда нибудь для излеченія. Остается признать, что онъ шутитъ. Да—онъ шутитъ; только онъ шутитъ такъ зло и такъ плохо уже давно, но его шутки теперь ужъ разгаданы; а мы поспѣшимъ разоблачить и послѣднюю его шутку, и показать, до чего можетъ пасть человѣкъ, когда-то считавшійся умнымъ и имѣвшій дерзость увѣрять другихъ въ своей честности...

«Герценъ и Огаревъ очень хорошо должны знать, что между

ими и русскими издателями не было, нѣтъ и не можетъ быть сотоварищества; ихъ агенты, такъ усердно сообщавшіе имъ всякій скандалъ и слухи, конечно, постарались познакомить ихъ и съ тѣмъ, что отвѣчала имъ пресса русская и какъ смотрѣла на нихъ и ихъ дѣятельность...

«Пусть издатели «Колокола» не тѣшатся надъ русской литературой; эта литература, начавшая такъ хорошо развиваться въ послѣднее время, и стояла и стоитъ на прекрасномъ пути. Она избрала девизомъ *благо Россіи* и честно несетъ знамя. Подъ это знамя негодятся такіе ратники, какъ Герценъ и Огаревъ. Теперь очевидно, что они и не любили и не любятъ Россіи. Люби они Россію, они не писали бы противъ нея, не пускали бы въ нее зловредныхъ идей, не развращали бы молодое поколѣніе, они и не старались бы заподозрить у правительства и общества русскую литературу».

2701. Къ концу года.

I.

Переживаемъ мы и 1865 годъ, какъ пережили 1863 и 1864.

Послѣ двухлѣтней бѣдой горячки наступаетъ утомительное выздоровленіе, медленное, неоткровенное, съ продолженіемъ горячешныхъ явленій, съ возвращеніемъ бреда. Яркаго перелома, въ который вѣрили старые доктора, не было, но припадки бѣшенства, видимо, ослабли и, взявъ все въ соображеніе,—дѣла идутъ не хуже.

Для насъ даже положительно лучше.

Съ нынѣшней весны звонъ нашъ опять сталъ проникать въ Россію, опять сталъ будить однихъ, беспокоить другихъ; насъ больше бранятъ, къ намъ больше пишутъ, у насъ больше корреспонденцій и читателей... А мы идемъ все *тѣмъ же своимъ путемъ* и вовсе не намѣрены его мѣнять, т.-е. самага пуги,—за тонъ и освѣщеніе мы не отвѣчаемъ: они зависятъ отъ событій, а не отъ насъ; это мы говорили много разъ ¹⁾.

Итти своимъ путемъ при обстоятельствахъ, при которыхъ мы шли послѣдніе три года, было трудно, и мы никогда не скажемъ, чтобъ при царившей путаницѣ идей, страстей, при противоположно несущихся потокахъ *насъ не уносило иной разъ въ сторону*, но съ главной линіи мы не сбились ни подъ неистовымъ ру-

¹⁾ «Малъ ли, великъ ли ручей, путь его зависитъ не отъ него, а отъ общихъ склоновъ и скатовъ материка» («Колок.» 1864). А. И. Г.

гательствомъ своекоштныхъ и казеннокоштныхъ враговъ, ни подъ совѣтами строптивыхъ друзей.

«Колоколь» остался тѣмъ, чѣмъ былъ, остался *самимъ собой*, онъ представлялъ ту же мысль и не представлялъ никакой котерии. Брошенный почти всѣми, онъ не бросился ни въ патріотическую реакцію, ни въ демагогическій алармизмъ.

Стоять на одномъ мѣстѣ и говорить одно и то же—еще не находка. Можетъ, мы потому-то и неправы, что твердимъ, какъ Платонъ Михайловичъ Горичъ ¹⁾, седьмой годъ тотъ же дуэтъ а мол'ный. Упираясь на одномъ мѣстѣ, мы дали опередить себя; упорствуя итти по одной дорогѣ, мы не замѣтили, что Россія пошла по другой. Все это для журналиста, для публициста — смертный грѣхъ, и стойкая добродѣтель Симеона Столпника всего меньше идетъ ему.

Что враги наши пошли по другой дорогѣ и захватили съ собой девять десятыхъ друзей, это мы знаемъ и видимъ. Но долго ли за ними пойдетъ читающій русскій людъ,—этого мы не знаемъ и не видимъ, а, вѣдь, мы пишемъ только для него. Не говоря о томъ, что мы не могли слѣдовать на путяхъ кроваваго и дикаго патріотизма за нашими врагами, намъ кажется, что по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ стынуть, по мѣрѣ того, какъ опротивятъ «Моск. Вѣдомости» и муравьевскія мѣры, по той мѣрѣ будутъ возвращаться наши читатели.

Что лично сильные люди, бойкіе таланты, полные юной свѣжести могли опередить насъ, должны были опередить, мы это не только знаемъ, но радуемся этому, какъ всякій человекъ, расчистившій путь, радуется, что по немъ идутъ далѣе, но опередило ли нашу пропаганду общественное мнѣніе въ Россіи, этого мы не знаемъ и сильно сомнѣваемся.

Теоретическое преподаваніе *ex cathedra* ²⁾ идетъ по другимъ законамъ, чѣмъ журнальная рѣчь. Кругъ *чистой* науки шире, выше и отвлеченнѣе; лекція уже потому независимѣе отъ аудиторіи, чѣмъ журналъ отъ общественнаго настроенія, что она говоритъ съ юношами. Тутъ поневолѣ надобно вспомнить раздѣленіе труда и различіе средствъ сообразныхъ разнымъ цѣлямъ. Первое условіе успѣха практической пропаганды — быть по плечу своему хору, всегда шагомъ впередъ и никогда двумя. Мы должны хору уяснить *его* собственныя стремленія, *его* смутныя мысли, ставить силлогизмы *его* посылаемъ, ставить точки надъ *его* і. Если мы уйдемъ отъ него

¹⁾ Персонажъ «Горе отъ ума».

²⁾ Съ кафедръ.

далеко, онъ не пойдетъ за нами; если уклонимся, онъ оставитъ; если отстанемъ, онъ задавитъ или обойдетъ насъ. Интересовъ его нельзя выдумывать или «конструировать», какъ дѣлали нѣмцы, ихъ надобно брать у него и развивать. Мало ли въ мѣрѣ интереснаго и хорошаго, но, если оно не на череду, оно такъ же мало пойдетъ въ ходъ, какъ квакерская агитація Peace Society ¹⁾ во время Крымской войны. Апостолъ Павелъ говоритъ своимъ пропагандистамъ: «будьте все со всѣми, съ подзаконными будьте подзаконными и съ свободными—свободны».

Ни отвлеченное мышленіе, ни дальніе идеалы, ни логическая строгость, ни рѣзкая послѣдовательность сами по себѣ не помогутъ дѣлу житейской пропаганды, если въ ней не будутъ уловлены ближніе идеалы, сегодняшнія стремленія, сомнѣнія массъ. Площадь и клубъ, зала и всякій сходъ людей тѣмъ и отличаются отъ замкнутаго круга школьныхъ друзей, что одни слушаютъ, другіе учатся или должны бы были учиться.

Слѣдить издали за мѣняющимся потокомъ мнѣнія, особенно такого молодого, необузданнаго и только наполовину раскованнаго, какъ наше, было не легко, и мы, только довѣряясь своему чутью, пролапировали кой-какъ темной и бурной ночью между противоположными маяками, да и то потеряли весь балластъ.

Въ этомъ, впрочемъ, мы себя не винимъ. Соотвѣтствіе съ направленіемъ общества имѣетъ предѣлъ, далѣе котораго оно становится *изтъной*. Звуки «Колокола» терялись, возбуждали гнѣвъ и негодованіе по той мѣрѣ, по которой росла популярность Муравьева и «Моск. Вѣдомостей». Муравьева откинули, «Моск. Вѣдомости» перешли свой апогей и, *навѣрное, будутъ блѣднѣть*; худшее время мы пережили, и скоро на нашъ звонъ снова явятся блудные дѣти наши съ сѣдыми волосами и совсѣмъ безъ волосъ изъ патристическаго стада, въ которомъ не они пасли, а въ которомъ ихъ пасли.

По счастью, время, которое они провели Навуходоносорами, не прошло даромъ, въ немъ выработались силы, которыхъ никто не зналъ и которыя могутъ быть иначе употреблены, чѣмъ на поддержку и защиту «скотнаго двора» и его пастуховъ, но объ этомъ потомъ.

Теперь возвращаемся къ нашей Viamala ²⁾ съ ея двумя противоположными пропастями. Ни одинъ схимникъ въ пустынь не былъ такъ преслѣдуемъ, такъ искушаемъ—съ правой и съ лѣвой стороны.

¹⁾ Мирнаго общества.

²⁾ Ущелье въ Граубинденѣ (Швейцарія).

Это началось не со вчерашняго дня. Когда въ 1858 году напалъ на насъ *Черво* ¹⁾ съ своимъ доктринерски-административнымъ актомъ, мы уже имѣли нѣсколько пурпурно-красныхъ писемъ, упрекавшихъ насъ въ модерантизмъ, и пукъ брани за социализмъ, якобинизмъ, разныя неуваженія, продерзости и пр.

Съ тѣхъ поръ одни постоянно считали насъ анархистами, другіе—губерненталистами, одни—гебертистами, другіе—маркизами Поза, одни—кровожадными террористами, другіе—постепеновскими прогрессистами, одни—говорили съ ужасомъ: «они зовуть къ топорамъ и пишутъ воззванія!», другіе—съ скрежетомъ зубовъ: «они не зовуть къ топорамъ и пишутъ не только къ государю, но и къ государынѣ».

На-дняхъ мы получили два письма: одно отъ стародавняго друга ²⁾, другое отъ стародавняго противника: «Вы выбиваетесь изъ силъ, пишетъ другъ, вы гибнете, вы садитесь на мель оттого, что не имѣете храбрости плыть на всѣхъ парусахъ, вы воображаете, что развитіе пойдетъ мирнымъ путемъ, а оно мирнымъ путемъ не пойдетъ; пожалуй, вы еще надѣетесь въ этотъ несчастный одиннадцатый часъ на правительство, а оно можетъ только дѣлать вредъ; вы запнулись за русскую избу, которая сама запнулась да и стоитъ вѣка въ китайской неподвижности, съ своимъ правомъ на землю; зовите людей, собирайте ихъ, кликните кличъ, великое настаеъ время, оно близко»...

«Вы тонете, пишетъ противникъ ³⁾, въ какой-то тинѣ и мнѣ васъ жаль. По временамъ у васъ вырываются прометеевскіе вопли, но, все-таки, вы погружаетесь глубже и глубже въ свою бездну. Вы должны перемѣнить атмосферу, забыть прошедшее, обновиться, освѣжиться, пріобрѣсти другой языкъ. Теперь вашу рѣчь намъ, русскимъ, читать тяжело, ни *одного добраго слова мы отъ васъ не слышимъ*. Вы не встрѣчаете въ отечествѣ *ни малѣйшей хорошей черты*, точно, какъ будто, русскіе составляютъ какой-нибудь отъверженный народъ... Двадцать пять милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ и двадцать пять милліоновъ казенныхъ получаютъ свободу и землю. Дворянское сословіе переноситъ свою нужду съ терпѣніемъ и по-

¹⁾ Старинное произношеніе буквы, съ которой начинается фамилія В. Н. Чичерина.

²⁾ М. А. Бакунинъ. ¹

³⁾ М. П. Погодинъ.

коемъ, раздаются свободные голоса въ думахъ, земскихъ собраніяхъ, въ печати. Войска узнать нельзя. Духовенство обновляется... Неужели все это *не находитъ отзыва въ души, любящей истинно отечество?* Нѣтъ, вашъ «Колоколь» треснулъ, благовѣститъ вы не можете, а зловѣститъ есть преступленіе... Прозвоните же *de profundis*, напишите эпилогъ»...

Такъ и хочется читая посыпать голову пепломъ и итти въ Соловецкій монастырь, а потомъ привести себя въ распоряженіе свѣтскаго начальства.

Новое обвиненіе, прибавившееся къ прежнимъ, *одно*—то «что мы добраго слова не говоримъ о Россіи», то «что мы равнодушны къ великимъ событіямъ, совершившимся тамъ», словомъ, что *мы ненавидимъ Россію и народъ русскій*. Этого, помнится, ни *Червъ* и вообще ни одинъ человѣкъ изъ нападавшихъ на насъ до патриотической проказы 1863 и 1864, никогда не говорилъ.

Трещина, о которой упоминаетъ нашъ уважаемый противникъ, — оптической обманъ, это — черная полоса, пролагаемая съ берега висѣлицами, позорными столбами и столбами, къ которымъ привязываютъ растрѣливаемыхъ.

Но при постоянствѣ этихъ обвиненій, напоминающихъ споръ о кафтанѣ Недоросля, не надобно выпускать изъ виду и третьяго постоянства—именно насъ, занимающихъ роль Тришки; мы не гибнемъ, не тонемъ, не вязнемъ, не грузнемъ, слушаемъ гласы сирени справа и слѣва и идемъ своей дорогой. За туманомъ и черными волнами насъ не было видно, теперь становится посвѣтлѣе—челнокъ опять на горизонтѣ, съ тѣмъ же знаменемъ...

Какое же это знамя у насъ? Мы, не нарушая законовъ скромности, думаемъ, что его пора бы знать,—знаютъ же цвѣтъ «Дня», цвѣтъ «Вѣсти»...

«Мы глубоко убѣждены, что нынѣшнія государственныя формы Россіи никуда негодны, и отъ души предпочитаемъ путь мирнаго человѣческаго развитія пути развитія кроваваго, но съ тѣмъ вмѣстѣ такъ же искренно предпочитаемъ самое бурное и необузданное развитіе застою николаевскаго *statu quo*».

Въ этихъ словахъ, сказанныхъ нами во второмъ листѣ «Колокола» (1 августа 1857)—не символъ нашей вѣры,—его знали всѣ прежде,—а, такъ сказать, практической артикулъ нашъ, *notre programme*, объясненіе нашихъ путей. Мы съ нихъ не сбились и такъ же послѣдовательно говорили: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!», когда государь сталъ открыто со стороны освобожденія крестьянъ, какъ послѣдовательно спрашивали его: «Куда вы?» и прибавляли «Прощайте, намъ съ вами не по дорогѣ», когда онъ, шаткій и коле-

блущійся, склонялся больше и больше въ реакцію и подогрѣвалъ въ 1860 г. нелѣпый Священный союзъ.

Союзъ не удался, опять Александръ могъ двинуться впередъ во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ, и опять, освобождая крестьянъ, онъ пятился и упирался во всемя.

Насъ мучило сознаніе, что *великое пересовданіе* «такъ близко, такъ возможно» и такъ безпричинно упускается изъ рукъ; долгое время гнались мы за императоромъ, хватали его за шинель, становились съ «Колоколомъ» за пуговицей ¹⁾ на его дорогѣ (онъ тогда еще читалъ насъ) и указывали ему кротко и дерзко, прося и раздражая, что онъ сворачиваетъ съ дороги. Но куда!—державный кучеръ заломилъ себѣ Мономахову шапку и несся по волѣ лошаковъ, запряженныхъ въ придворный рыдванъ.

Намъ было жаль его. У насъ не было ни систематической оппозиціи, ни демагогической натянutoй нечависти; мы первые привѣтствовали его свободнымъ русскимъ словомъ при его восшествіи на престолъ, мы хотѣли съ изгнанниками стараго міра, съ главами европейской революціи пить за освободителя крестьянъ и непременно сдѣлали бы это, если-бъ страшная вѣсть изъ Варшавы 10 апрѣля 1861 года не залила наши бокалы и плошки польской кровью.

Надъ этой кровью мы призадумались и печально спрашивали себя: «Наконецъ, кто же онъ такой и куда идетъ?». Конечно, польскій вопросъ наболѣлъ у нихъ, Польшу онъ боится, тѣмъ не меньше дразнить надеждами и стрѣлять въ безоружныхъ... это слишкомъ!

Вдругъ выстрѣлъ съ другой стороны—Антонъ Петровъ палецъ разстрѣлянный на груди убитыхъ крестьянъ...

Неужели ошибка, страхъ могутъ итти до того?.. Онъ обманутъ, это—клевета крѣпостниковъ, ихъ месть.

Еще блескъ молніи — Арнольдтъ, Сливицкій, Ростковскій... Это ужъ—не ошибка, это—преступленіе...

А тутъ и пошло одно дѣло за другимъ... дѣло Михайлова, Обручева, студентское дѣло, гоненіе на журналы, аресты, ссылки, выдумка политическихъ пожаровъ, поощреніе растлѣнной литературы... Нѣтъ, все это не ошибка, а какой-то нелѣпый и безнравственный заговоръ.

«Да, но 1862 годъ!»

Ну что же было въ этомъ пресловутомъ 1793 году на Невѣ? Вѣдь, четвертый годъ пошелъ съ тѣхъ поръ, пора людямъ, за-

¹⁾ Вѣроятно, въ смыслѣ русской пословицы: «И за свѣтлой пуговицей совѣсть живетъ».

крывшимъ глаза отъ страха, ихъ раскрыть и покраснѣть до ушей. Надобно было всю гадкую злобу педанта, надъ которымъ смѣялись юноши, всю мстительность вздутой ничтожности, поднятой несчастными событіями на высоту полицейскаго безконтрольнаго обвинителя, чтобъ увѣрять, что правительство и общество ходятъ по подкопамъ, сдѣланнымъ «Молодой Россіей», и что два дня позже—и кучка студентовъ съ двумя-тремя офицерами провозгласитъ на Адмиралтейской площади республику, окруженную нигилизмомъ и пугачевщиной.

Правительство представило испуганный видъ, хотѣло испугаться. Его начали беспокоить свободныя рѣчи, оно шутило въ либерализмъ; шутка эта начала ему надоѣдать, и оно, придравшись къ пожару, не имѣвшему ничего общаго съ тайно напечатанными листами, подняло общее преслѣдованіе.

...Если такъ, то, безъ сомнѣнія, было бы лучше, чтобъ кровь лилась за дѣло и люди гибли бы, сдѣлавъ больше тайно напечатанныхъ прокламацій и шиллеровскихъ professions de foi...

Безъ сомнѣнія, но имѣла ли она силу литься за дѣло? мученичество не во-время всегда остается великимъ примѣромъ, *но не есть дѣло.*

Въ этомъ-то состоялъ главный вопросъ. Не знаемъ, какъ его рѣшили тѣ и другіе; мы сомнѣвались въ положительномъ рѣшеніи его. Сколько мы ни смотрѣли и ни разглядывали, мы не видѣли въ Россіи 1862 года ни одного элемента достаточно крѣпкаго и зрѣлаго, ни одного вопроса достаточно разработаннаго и общаго, чтобъ во имя его могла собраться мощь, и мощь достаточная, чтобъ бросить перчатку правительству съ увѣренностью, что ее поддержать въ борьбѣ.

Развѣ, могъ удасться какой-нибудь лейбъ-гвардейскій переворотъ. Такіе перевороты дѣлаютъ и холера, и тифъ, и воспаленіе съ Мандтомъ ¹⁾).

Ни одна задача изъ возбужденныхъ задачъ не была ни такъ разработана, ни такъ обща, ни такъ ясна, чтобъ сдѣлаться хоруговью. Чисто политическій вопросъ не занималъ. Вопросъ крестьянскій съ поземельнымъ надѣломъ и общиной не совпадалъ съ экзотическимъ социализмомъ литературы, дворянскій либерализмъ шелъ въ разрѣзъ тому и другому. Правительство неуловимо шаткое, отъ отсутствія всякой опредѣленности, было сильно этой шаткостью и всякими отрицательными силами, сильно ожиданіемъ народа, нескончаемостью крестьянскаго вопроса, боязнью дворянства

¹⁾ Мартынь Мартыновичъ, лейбъ-медикъ Николая I.

упованіями литературы... Тутъ не могло быть ни прочности, ни взрыва. Элементы росли, и казенное платье поролось по швамъ. Съ пожара въ Петербургѣ начиная, правительство было готово разить и, глядя кругомъ, оно, какъ библейская Гоѳолія ¹⁾, находило одного врага—отрока, отроковъ, не боящихся говорить слова истины. Оно набросилось на молодое поколѣніе и непремѣнно срѣзалось бы, если-бъ ему на помощь не явился его злѣйшій, его законнѣйшій стародавній врагъ—*польское возстаніе*.

Польское возстаніе, опирающееся на Европу, разомъ остановило броженіе и ростъ стихій, развѣдавшихъ обветшалый организмъ русскаго императорскаго государства, и дало правительству точку опоры и оправданіе.

Мнѣніе «Колокола» о Польшѣ и польскомъ дѣлѣ было высказано въ рядѣ писемъ (1859—60); мы его никогда не мѣняли ни на юту; что Польша имѣетъ полное право на независимое государственное положеніе, въ этомъ не можетъ сомнѣваться ни одинъ добросовѣстный человекъ. Польшу можно подавить, убить, вывести въ Сибирь, вытолкать въ Европу,—все это зависитъ отъ силы, это можетъ сдѣлать Россія, такъ, какъ могъ сдѣлать прежде Чингизъ-Ханъ, Тамерланъ и не знаю кто; это будетъ фактъ, какъ кораблекрушеніе, и будетъ имѣть свое физическое объясненіе, но не больше. На зарѣзанномъ человекѣ ставится крестъ нѣмымъ протестомъ противъ злодѣйства, надъ убитымъ народомъ носится его исторія, и, кто знаетъ, что она, переселяясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, не воскреснетъ снова въ одномъ изъ нихъ.

Греція воскресла меньше полуѣвка тому назадъ.

Ирландія не сдѣлалась Англійей.

Венеція молчитъ, какъ молчалъ Миланъ. Мы знаемъ, что значить это безмолвіе.

Но, признавая право Польши, остается вопросъ: во-время ли она его предъявила? Мы думаемъ и думали, что несчастіе минуты нельзя было избрать. Все, даже длинный трагическій прологъ, все было противъ возстанія. Войска послѣ Крымской кампаніи отдохнули. Европа и не думала поднимать крестовый походъ изъ-за *чужою права*.

Мы знали, какого звѣря будили и дразнили подяки своими демонстраціями и выстрѣлами, и трепетали за нихъ и за Россію и до конца умоляли ихъ остановиться; мы говорили имъ, что въ

¹⁾ Мать царя Охозія; послѣ смерти сына и вступленія на престолъ Іуиуа, желая властвовать, истребила весь царскій родъ, кромѣ спасагося Іюаса, и была потомъ отмщена.

Россіи все готовится и *ничего не готово*, что движеніе, которое они видятъ, истинно и глубоко, но далеко отъ той «организациі», о которой они мечтали; мы повторяли сто разъ, что Европа пальцемъ не тронетъ, чтобъ ихъ спасти, что всѣ ея симпатіи и разглагольствованія — «упражненія въ стилѣ». Мы говорили имъ, что самое участіе русскихъ офицеровъ было больше *отрицательное*, что они не хотѣли быть палачами... Мы это знали и *вмѣстѣ съ ними* умоляли и правительство и Константина Николаевича пощадить русскую кровь, русскую честь и не искушать офицеровъ противорѣчіемъ долга и совѣсти. Такова была наша рѣчь наканунѣ Вѣлепольскаго набора и на другой день послѣ того, какъ кровь уже лилась въ царствѣ.

И послѣ этого насъ обвинили, что мы подстрекали поляковъ ложными увѣреніями о томъ, что Россія готова возстать на Волгѣ и Дону, въ Украинѣ и Сибири...

Слабья слова наши, которыми мы старались удержать трепетавшихъ отъ негодованія бойцовъ, ничего не могли сдѣлать и исчезли какимъ-то дальнимъ, непризнаннымъ сторожевымъ крикомъ.

Бѣда распахнулась во всей силѣ... горѣли деревни и мѣстечки, солдаты грабили и убивали, начальники грабили и вѣшали, поляки начинали мстить, русской народъ подымали слухами о новомъ 1812 годѣ; ненавидимый всей Россіей Муравьевъ ѣхалъ въ Вильно, общество рукоплескало его назначенію.

Положеніе наше было невыносимо тяжело. Броситься на сторону побѣдителя, свирѣпаго и сильнаго, встрѣтиться съ Муравьевымъ и Катковымъ, подтянуть хору палачей и придворныхъ эвменидъ... этого отъ насъ никто не ждалъ, ни даже враги наши. Съ Западомъ, обманувшимъ Польшу, не оставалось ни одной теплой, искренней связи. Въ польскомъ дѣлѣ мы, все же, были посторонними. Общественное настроеніе въ Россіи наводило ужасъ и отвращеніе... Наша журналистика превзошла все, видѣнное въ самыя печальныя эпохи политическихъ распрей и клеветъ. Давая себѣ видъ демократически-вѣрноподданный, она довела свой самодержавный якобинизмъ и православное санкюлотство до барковского сквернословія «Московскихъ Вѣдомостей», до безстыдства образовъ и просвирокъ Муравьеву.

Мы протестовали ¹⁾; т.-е. сдѣлали все, что можетъ сдѣлать лично человѣкъ передъ дикой силой, мы заявили нашъ голосъ для того, чтобъ онъ въ будущемъ свидѣтельствовалъ, что такой развратъ общественнаго мнѣнія и публичной рѣчи не могъ пройти

¹⁾ «Колоколь» 1 августа 1863 г. А. И. Г.

безъ отпора, безъ слабаго, отдѣльнаго, затеряннаго, но неизгладимаго veto.

Были минуты, въ которыя намъ хотѣлось замолчать, но насъ уже не оставляли въ покоѣ ни клевета, ни непрерывно повторявшіяся преступленія. Наглость росла, уступить ей мѣсто было сверхъ силъ.

Въ эту темную ночь были написаны слѣдующія строки:

«Ни вблизи, ни вдали нѣтъ ни успокоенія, ни отрады («Колоколъ», октябрь 1863 г., *Письмо изъ Неаполя*), такое положеніе рѣдко встрѣчалось въ исторіи. Развѣ, въ первые вѣка христіанства испытывали подобную скорбь *чуждости въ обѣ стороны* монахи германскаго происхожденія, развившіеся въ римскихъ монастыряхъ. Спасать языческій міръ не ихъ было дѣло; его паденіе они предвидѣли, но не могли же они сочувствовать дикимъ ордамъ единоплеменниковъ, бессмысленно шедшимъ на кровавую работу совершающихся судебъ. Имъ оставалось одно: итти съ крестомъ въ рукахъ и съ словомъ братскаго утѣшенія къ разсвирѣпѣвшимъ толпамъ, стараясь добратся до чего-нибудь человѣческаго въ ихъ загрубѣлыхъ сердцахъ. Креста у насъ нѣтъ... слово осталось, но до человѣческаго чувства мы еще не договорились».

И при всемъ этомъ замолчать было рѣшительно невозможно. Другой мощный голосъ рядомъ съ отчаяніемъ громко говорилъ, что наше будущее выбьется изъ этой грязи и крови...

II.

...«Но замолчать было невозможно. Другой мощный, голосъ громко говорилъ, что наше будущее выбьется изъ этой грязи и крови... Этими словами заключили мы прошлую статью и ими начинаемъ ея второй отдѣлъ.

Совершившееся зло было велико, обличившееся нравственное растлѣніе безмѣрно. Петербургское правительство, вышедшее изъ школы Бирона и Аракчеева, отстало, общественное мнѣніе толкало его дальше и дальше въ кровавую пропасть. «Мы втѣснили Петербургу Муравьева», говорилъ мнѣ одинъ изъ «свирѣпыхъ» въ 1864 году въ Лондонѣ. Общество поощряло доносы «Моск. Вѣдомостей». Помраченіе совѣсти дошло до того, что честный и независимый отъ *свѣтскихъ* властей органъ «День» помѣщалъ статьи ничѣмъ не лучше катковскихъ. Люди, которыхъ мы знали лѣтъ двадцать къ ряду врагами всякаго насилія, не краснѣя толковали о государственной необходимости всѣхъ нечеловѣческихъ мѣръ и полицейскихъ неистовствъ въ Литвѣ и Польшѣ.

Что же значилъ голосъ, поддерживавшій насъ въ самыя тяжелыя минуты?

....Голосъ вѣчной надежды и утѣшенья, который вмѣстѣ съ предсмертнымъ бредомъ раздается въ ухахъ умирающаго, суля ему выздоровленіе или обѣщая рай?... Голосъ, который изъ вѣка въ вѣкъ пророчитъ іудеямъ славу Іерусалима и возстановленіе храма Соломонова?

Нѣтъ, это былъ голосъ здоровой, сильной груди, голосъ, повидимому, непослѣдовательно отрекавшійся среди преступленій и злодѣйствъ отъ отвѣтственности за нихъ, во имя какихъ-то иныхъ началъ и какой-то грядущей жизни.... Какъ будто намъ, вмѣсто казни и каторги, слѣдовали вѣнки и плоды!

Нашей людской нравственности и справедливости не надо искать ни въ природѣ, ни въ исторіи: евангельское «имущему дастся» одно исполняется въ мѣрѣ стихій и развитій. Исторія—быль, а не басня; она имѣетъ часто въ концѣ періода урокъ, но никогда не имѣетъ нравоученія. Право сильного, крѣпкаго, право перваго захватившаго мѣсто, право дерзкаго, сунувшагося впередъ, одно признано безусловно. Тотъ, кто раньше вышелъ на работу и трудился, пока другіе спали... тому наименьшая жатва и самый тяжелый трудъ. Тотъ, кто первый отправился въ путь, плетется себѣ какимъ-нибудь проселкомъ въ телѣгѣ, а тотъ, кто опоздалъ, обгоняетъ его въ вагонѣ да еще посмѣивается изъ окошка, какъ другой вязнетъ въ грязи. Но обыкновенно трубить побѣду не приходится ни тому, ни другому... По большей части *оба* остаются въ дуракахъ и кто-нибудь *третій*, который вовсе не ѣздилъ и не работалъ, воспользуется и трудомъ и вагономъ—и это потому только, что онъ, не зная опасности, не боится ѣхать за протянутую цѣпь или за торную дорогу, не боится искать на свой страхъ бродъ или, еще проще, потому что стоитъ по ту сторону оврага.

Одинъ народъ за другимъ, выбиваясь изъ силъ, идетъ къ *свѣту и свободѣ*; ноги скользятъ, теряется грунтъ, течетъ кровь... они подаются назадъ... начинаютъ снова свой путь, кто тихо, кто быстро и, далеко не доходя ни до свободы, ни до свѣта, натыкаются на границу, на опущенный слагбаумъ и на громовое «halt!»¹⁾. У нихъ подкашиваются ноги, опускаются фуки, они пятятся и строятся передъ какой-то неизвѣстной бѣдой, опираясь на одномъ мѣстѣ. Смѣльчаки, стыдя ихъ, идутъ за кордонъ, ихъ побиваютъ камнями, какъ *дезертировъ въ будущее*.

¹⁾ Стол!

«Haltel»—и французская республика отступаетъ въ имперію, строится въ имперію, потеряны дальніе горизонты, брошены трубы, которыми «великій народъ» трубилъ всему міру послѣднюю великую *повѣстку* въ 1848 г., забыты смѣлыя идеи, вездѣ благочинный порядокъ, словно, ждуть непріятеля, и *самъ народъ чувствуетъ, что остановиться было пора*, что еще шагъ—и онъ упалъ бы въ зіяющую пропасть...

Можетъ, это самое худшее, самое печальное въ современной драмѣ.

...Бывало, наши солдаты на постоѣ у крестьянъ проводили черту мѣломъ по полу и все, что попадалось за нее, отбирали. Жаловаться тому, кому не хотѣлось имѣть, вмѣсто одной черты на полу, сотню на спинѣ, было невозможно. Такимъ образомъ вся изба, вмѣсто того, чтобъ дѣлать дѣло, занималась карауломъ и обращеніемъ вспять неугомонныхъ куръ и цыплятъ, переходившихъ линію. Но самый замѣчательный фактъ во всемъ этомъ состоялъ въ томъ, что ни солдатъ, проводившій мѣломъ черту, ни крестьянинъ, не смѣвшій ее стереть, *не вѣрили въ нее*. Одинъ, не вѣря, въ свое право, насильствовалъ, благо власть въ рукахъ; другой, не вѣря въ его право, повиновался; это очень дурно, очень скверно, очень безнравственно, но легче проходить, чѣмъ то, когда тѣснить съ вѣрой и повинуются съ религіей.

Слѣды нашего рабства позорны и бросаются въ глаза, какъ слѣды розогъ, и, какъ слѣды розогъ, остаются на поверхности.

Ни правительство, ни барство, ни крѣпостные, ни духовенство, ни сенатъ, ни синодъ, никто, въ сущности, не вѣритъ въ истину своей власти или своего безвластія. Оттого-то всѣ и боятся всего, а иные всего надѣются, оттого-то всѣ и порютъ безпрестанно горячку. Съ одной стороны, *они* видятъ, какъ распускается, таетъ этотъ государственный бытъ, съ другой — они чувствуютъ, что не на чемъ стоять, а поддерживать надо выгодный для нихъ механизмъ; они и поддерживаютъ его чѣмъ попало, вздувая наше парное православіе въ какой-то иконописный іезуитизмъ, раздѣляя Россію на военные удѣлы и предоставляя удѣльнымъ генераламъ право на жизнь и смерть ихъ подданныхъ и пр. И при всемъ этомъ печатный листокъ въ тайной типографіи, странно вспыхнувшій лабазъ приводитъ ихъ въ ужасъ; всякій юноша, выходящій впередъ свободнымъ человѣкомъ, заставляетъ трепетать. Они боятся Михайлова, боятся Чернышевскаго. Орловъ-Давыдовъ проситъ конституцію, чтобъ отражать Бокля и Бунзена, Безобразовъ благодаритъ публично Каткова за спасеніе отечества и попаніе «Колокола».

Правительство, словно, обрадовавшись польскому возстанію и пожарамъ, пошло съ конца 1862 г. прямѣе осаживать на всѣхъ путяхъ, на всѣхъ точкахъ... Съ тѣхъ поръ оно безпрерывно шумитъ, давитъ, кричитъ, ставитъ барьеры, дерется, убиваетъ, претъ народъ назадъ своей грудью и лошадинымъ задомъ, т.-е. тайной полиціей и «Московскими Вѣдомостями». Никто явно не препятствуетъ ему, и ничего не идетъ *назадъ*, все только жметъ и подается то вправо, то влѣво.

Не будь каждый шагъ этого сумбура политъ кровью, сопровождаемъ казнями, казематами, каторжной работой, то зрѣлище, представляемое теперь Россіей, было бы исполнено всемірно-историческаго комизма и ироніи, до которой не доходила ни одна ни божественная, ни дьявольская комедія. Это — какое-то столпотвореніе вавилонское, шабашъ, геологическій переворотъ, приложенный къ пластамъ гражданской жизни. Все странно, громадно и спутано. Правительство насильственно ломаетъ, либеральное дворянство дѣлается болѣзненной *обструкціей* на дорогѣ къ выходу; консервативенъ, собственно, одинъ аграрный коммунизмъ, и весь этотъ растворъ подъ надзоромъ полиціи, которая ни во что не мѣшается, а спрашиваетъ «кого бить?» и бьетъ.

Страшная путаница.

Да, господа, и да здравствуетъ она! Благословите жмурки, въ которыя мы играемъ. Въ этомъ хаосѣ, въ этомъ броженіи, въ этомъ творилѣ устоятъ новыя нормы, скристаллизуются иныя основанія, тѣ, которыя близки душѣ нашей и которымъ было бы труднѣе пробиться при готовыхъ понятіяхъ, принятыхъ порядкахъ, при вѣрѣ, что солдатъ по праву протягиваетъ мѣломъ черту.

На Западѣ реакція имѣетъ единство и смыслъ. Ея ломанная линія представляютъ уклоненія и изгибы, приспособленія и уступки *одной пути*, въ ея выступающихъ и входящихъ частяхъ, въ ея острыхъ и тупыхъ углахъ есть планъ. Западная реакція вовсе не есть дѣло одного правительства, одного плана, а дѣло всѣхъ существующихъ властей и силъ — академіи и церкви, литературы и биржи, исполнительной власти и парламента. Есть *одни и тѣ же* слова, предметы, точки, которыя неминуемо, когда вы ихъ коснетесь, вызовутъ во всей Европѣ грозно *постукивающихъ* духовъ. По ихъ появленію можно вѣрно начертить пограничную *линію*, за которую европейская жизнь не идетъ, за которой она окапывается на долгія зимнія квартиры...

Говорите всеобщей подачѣ голоса, объ уничтоженіи смертной казни, о свободѣ книгопечатанія, вѣроисповѣданій, митинговъ, — у васъ будутъ сторонники, будутъ противники, пожалуй, явятся

постукивающіе жандармы, но *постукивающихъ духовъ* вы не зовете. Но рядомъ есть вопросы, отъ которыхъ равно встрепенутся и отпрянутъ папа и Маццини, архіерей Дюпанлу и Эдгаръ Кинэ, вчерашній бернскій консиліумъ соціальныхъ лѣкарей и завтрашній туринскій Sacré College въ Римѣ, и европейскій комитетъ въ Лондонѣ.

Въ Россіи пограничная линия эта, мѣстами такъ, какъ и *снежная*, теряется. *Мы за ней, мы по ту сторону.*

Отсюда ясно, что правильной реакціи у насъ быть не можетъ, въ ней нѣтъ, дѣйствительно, *необходимости...* А какъ скоро реакція безсмысленна, то она и должна носить тотъ безсмысленный характеръ, въ которомъ она является у насъ. Случайные поводы, случайныя мѣры, капризы, непониманія, власть, необузданная разумомъ и не боящаяся отвѣтственности, азіатскія привычки и казарменное воспитаніе, никакого плана и никакой системы. Главный отпоръ всегда былъ устремленъ на наружное, на слово, а не на дѣло. Къ половинѣ гоненій примѣшана трусость неспокойной совѣсти и правительственная обидчивость. Типъ петербургскихъ мѣръ остается—бритье бородъ, стрижка волосъ, возвращеніе дѣльной бумаги изъ канцеляріи, потому что она *не по формѣ написана*. Самъ Николай, тридцать лѣтъ оборонявшій Россію отъ всякаго прогресса, отъ всякаго переворота, ограничивался только *фасадомъ* строя, не порядкомъ, а *видомъ порядка*. Ссылая Полежаева, Соколовскаго за смѣлые стихи, вымарывая слова «вольность», «гражданственность» въ печати, онъ пропустилъ сквозь пальцы Бѣлинскаго, Грановскаго, Гоголя и, сажая на гауптвахту цензора за пустые намеки, не замѣтилъ, что литература съ двухъ сторонъ быстро неслась въ *соціализмъ*.

Снова вступая въ пути отпора и реакціи, правительство «освобожденій и реформъ» показало, что и оно не поумнѣло.

Лицъ оно сгубило бездну съ бездушіемъ и жестокостью, которыя ужаснули бы всякаго Бенкендорфа и Дубельта, — вотъ и все. Движенія оно не остановило, даже не вогнало его внутрь, какъ это было при Николаѣ.

А, между тѣмъ, правительство никогда не было сильнѣе. Хорошее и дурное, Севастополь и парижскій миръ, освобожденіе крестьянъ и возстаніе Польши, пустыя угрозы Европы и реформы *in spe* ¹⁾,—все было ему на руку. Литература измѣнила, журналы сдѣлались каланчами III Отдѣленія, университетскія кафедры—по-

¹⁾ Въ будущемъ.

лицейскими будками, дворянство парализовало себя тоской по крѣпостному праву, крестьяне продолжали ждѣть воли отъ царя.

Правительство такъ поставленное могло сдѣлать *чудеса по плюсу и по минусу*. Что же оно сдѣлало?

Постоянно испуганное и насторожѣ, оно казнило и казнить направо и налѣво, чего никогда не дѣлають правительства, чувствующія твердую почву подъ собой. Оно казнило поляковъ, побѣдивши ихъ оружіемъ, оно казнило поджигателей, объявляя потомъ, что тѣхъ поджоговъ, о которыхъ кричали его литературные шпіоны, вовсе нѣтъ; оно ссылало за воззванія, за перехваченныя письма, за чтеніе «Колокола» и било съ плеча и безъ разбора каждаго человѣка, выдававшася впередъ не по начальству, не *по формѣ*. Идетъ съ чужбины домой крестьянинъ Мартьяновъ съ поэтической вѣрой въ земскаго царя, съ довѣріемъ, которое тронуло бы любого не только помазаннаго, но и разрисованнаго африканскаго самодержца, — хватъ и Мартьянова дубиной по головѣ да на каторгу.

И въ то же время растутъ другія силы возлѣ, вдали, вблизи и перерастають *официальную* силу, живущую въ Зимнемъ дворцѣ.

Даже тѣ силы, которыя самъ Зимній дворецъ вызвалъ, купилъ, воспиталъ и наградилъ, оказываются змѣями, отогрѣтыми на груди его.

Правительство разнуздало дикія заявленія патріотизма, поддразнило народную ненависть и религіозную нетерпимость клеветой своихъ журналовъ, оно призвало народъ въ судьи. Какъ въ 1812 году передъ занятіемъ Москвы французами графъ Ростопчинъ вывелъ на площадь Верецагина и отдалъ его разсвирѣпѣвшей толпѣ, такъ наше *ласное* правительство отдавало своихъ противниковъ стаѣ грязныхъ борзописцевъ, останавливая прикладомъ цензуры всякое оправданіе и всякую защиту. Народныя сходки, открытое обсуживаніе земскаго дѣла, заявленіе своихъ сочувствій къ правительственнымъ лицамъ и мѣрамъ, политическіе банкеты, демагогическіе тосты, террористическія иконы, — все было разрѣшено. Государственные мудрецы потирали себѣ руки и не могли нарадоваться, какъ «славно подожгли» общественное мнѣніе и какъ/злы, кровоохочи спущенные ими агенты литературно-полицейской своры. Глубокіе психологи съ портфелемъ воображали, что, привыкнувши къ людскому стону и людской крови, звѣри ихъ, какъ крыловскія дворняшки, полагають и перестануть, какъ только хозяйева свиснуть, — не тутъ-то было.

Двухъ съ половиною лѣтъ не прошло, какъ перейденное въ своемъ собственномъ смыслѣ, правительство захотѣло заарканить свою свору и не могло. У одного министра искусана рука, у другихъ

исподнее въ ключьяхъ. Да и что министры, особенно изъ *штатт-скихъ!*—самъ Константинъ Николаевичъ не нацель спуску. «Моск. Вѣдом.» затеребили его; онъ и на кисля воды отъ нихъ и въ нѣмое предсѣдательство—нѣтъ отбоя, и теперь только покажется изъ совѣта, въ которомъ притаился, такъ онъ и зальются опять, такъ и норовятъ изорвать адмиралтейскую шинель...

Правительство съ какимъ-то тупымъ остолбенѣніемъ видитъ передъ собой до сихъ поръ неизвѣстную ему власть, которую хочетъ по миновеніи надобности прогнать и которая упирается... Зачѣмъ было замѣшивать въ семейный концертъ постороннихъ музыкантовъ?

Комическое единоборство министра просвѣщенія съ казеннымъ листомъ, издающимся противъ него подъ фирмой одного изъ подвѣдомственныхъ ему мѣстъ, пройдетъ, пройдетъ и то гнусное настроеніе общественнаго мнѣнія, на которое опирается гнусная газета; но *сознаніе того, что можетъ сдѣлать журналъ, когда общественное мнѣніе за него, останется.*

То же самое мы видимъ въ другой сферѣ, больше близкой къ самому дѣлу.

Патріотическіе банкеты замолкли, никто не пьетъ Муравьеву ни просто, ни по телеграфу, никто не шлетъ больше любовныхъ адресовъ государю, и время, въ которое будутъ краснѣть, вспоминая эту роскошь раболѣпія, не за горами. А привычка сходки коллективнаго обсуживанія и челобитья останется. Адресъ московскаго дворянства, въ которомъ они хотятъ не только *любить* государя, но и говорить съ нимъ безъ свидѣтелей, безъ опричниковъ, и говорить именно о чиновничьемъ безобразіи, станетъ началомъ конституціонной агитаціи, которая обойдетъ всю Россію и, въ свою очередь, разбудитъ иную агитацію, чѣмъ ту, о которой мечтаютъ Безобразовы и Давыдовы-Орловы. Если-бъ Александръ II, руководствуясь примѣромъ родителя, молча душилъ поляковъ, и молча посылалъ бы на каторгу своихъ, вопросъ о взятіи подъ опеку самодержавія не поднялся бы такъ скоро...

Ne reveillez pas le chat qui dort!.. ¹⁾ Только, на бѣду, будитъ кошку или нѣтъ не такъ зависитъ отъ личной воли, какъ кажется. И въ этомъ нѣтъ никакого фатализма, а одна эмбриогенія, однѣ фазы органическаго развитія. Вчера плодъ не былъ зрѣлъ, и кошка спала мертвымъ сномъ, сегодня онъ зрѣлѣе... и кошка спитъ сномъ дѣвичьимъ и, какъ нарочно, ее всѣ будятъ.

Дѣло въ томъ, что *наша груша зрѣетъ* не по днямъ, а по часамъ, и потому все будитъ насъ—императоръ Александръ и «Мо-

¹⁾ Не будите спящую кошку!

лдая Россія», московскіе дворяне и петербургскіе нигилисты, льготы и каторги, ведро и ненастье. Пора вамъ твердо убѣдиться въ этомъ и дѣйствовать сообразно убѣжденію.

Дойдемъ мы, конечно, куда идемъ, безъ компаса и секстанта, если сила—новая и неожиданная—не остановитъ: но сознание освѣтитъ путь и предупредитъ пустое шатаніе изъ стороны въ сторону, смутные шаги назадъ и грубыя ошибки. Намъ надобно впередъ знать, *въ какой зодіакальный знакъ* мы вступаемъ.

Мы какъ будто робѣемъ ставить нѣкоторые вопросы. Робость эта почтенна, это—тотъ страхъ вмѣстѣ съ вѣрой, съ которымъ христіане звали къ пріобщенію тѣломъ и кровью, къ участию въ «тайнѣ», но и его необходимо побѣдить. Не все же иностранцамъ указывать намъ, что у насъ подъ ногами, какъ это сдѣлалъ Гакстаузенъ. Досадно видѣть, что они ненавистью больше понимаютъ, чѣмъ мы любовью, а, дѣйствительно, понимаютъ.

Оставляя въ сторонѣ враждебные голоса, завывающіе въ ежедневной прессѣ, мы сошлемся на стараго мыслителя, у котораго кровь обращается покойно, который много жилъ въ прошедшемъ, много видѣлъ въ настоящемъ и много думалъ объ обоихъ. Рѣчь идетъ объ Эдгарѣ Кинэ. Онъ до сихъ поръ мало говорилъ объ Россіи,—онъ ею не занимался,—но пораженный теперь «аграрнымъ характеромъ» освобожденія крестьянъ и взглянувши въ него, онъ, нѣсколько испуганный, принялся упрочивать мнѣніе, что конвентъ, что революція, что 1793 годъ, что Робеспьеръ и его товарищи, разрушая все общественное зданіе, касаясь до всего,—до головы живого человѣка, до церковныхъ колоколенъ, до верховной власти, никогда не касались до «собственности» и всего больше до «поземельной собственности», до этой животворящей единоспасающей основы общества, образованія, семьи, личности, *свободы*. Гражданскій кодексъ—величайшій памятникъ конвента—освятилъ и упрочилъ ее. Для Кинэ *бабуизмъ* (соціализмъ)—*чуждый* элементъ, несомвѣстный съ гениемъ народовъ франко-гальскихъ, который сбиваетъ революцію съ величавыхъ путей ея, переходитъ предѣлы, ей назначенные, и теряетъ изъ-за своихъ аграрныхъ грабежей и чечевичей похлебки то, изъ-за чего она сама лила столько крови и пота—*свободу*.

И вотъ онъ указываетъ вдали на какія-то необозримыя степи рабства и коммунизма, въ которыхъ едва замѣтно и почги молча рухнула колоссальная поземельная собственность двухъ дворянствъ, прибавляя, какъ будто съ ироніей, что «терроръ конвента никогда такъ далеко не ходилъ—*онъ только убивалъ!*»

...Оно и немудрено, что такъ мало отъ него осталось...

Передъ такого рода сужденіями пора и намъ громко и, поднявъ голову, сказать нашимъ судьямъ: «Да, вы правы, мы—народъ, иначе понимающій поземельную собственность; для васъ социализмъ былъ заходящимъ солнцемъ, для насъ—восходящимъ... Мы шли за вами, пути наши пересѣклись, и мы снова пойдемъ не по одной дорогѣ: *вы—пролетариатомъ къ социализму, мы—социализмомъ къ свободѣ*».

◆◆ 1. 8 октября Бакунинъ писалъ друзьямъ: «Нашихъ друзей губятъ, а черная русская изба, заключающая, по вашимъ словамъ, разрѣшеніе социальныхъ вопросовъ, спитъ, какъ спала, мертвая и бесплодная въ продолженіе вѣковъ, потому что давить ее государство, и будетъ спать она тѣмъ же глупымъ сномъ и не сдѣлаетъ ни шагу впередъ русской социальной вопросъ, пока будетъ существовать это государство. А если будутъ шаги, такъ въ сторону или даже назадъ, отнюдь не впередъ» («Письма», 161).

2702. Поджигатели и подлѣцы.

Иностранная газеты уже сообщили Европѣ факты, обнародованные органомъ министра внут. дѣлъ въ Петербургѣ по поводу пресловутыхъ поджигательствъ. Клевета негодяевъ осталась клеветой и обличена самимъ правительствомъ... Куда дѣлась эта мрачная ассоціація «мстителей огнемъ», имѣвшая своимъ центромъ Лондонъ? гдѣ банкиръ Т., другъ Маццини, снабжавшій деньгами зажигателей? гдѣ сѣрное, фосфорное агентство въ Тульчѣ? *Omne exit in fumo* ¹⁾, какъ и слѣдовало ожидать, въ дѣлѣ пожаровъ? Намъ становится стыдно, что мы оскорбились клеветами подлѣцовъ, которыхъ выдаетъ само правительство. ¹

◆◆ 1. № 227 «Сѣверной Почты» отъ 20 октября 1865 г., въ статьѣ «О пожарахъ въ Россіи» сказано прежде всего о народной молвѣ: «И печатные толки не избѣгали преувеличеній. Такъ, въ однихъ журналахъ хотѣли видѣть обширную и правильно организованную поляками шайку поджигателей, дѣйствовавшихъ съ политической цѣлью вездѣ... Въ другихъ печатныхъ органахъ впадали въ другую крайность—всѣ поджоги до одинаго приписывали случайностямъ или же проповѣдывали о какой-то «пожарной эпидеміи»... Дѣйствительно, были въ Западномъ краѣ поджоги, гдѣ злодѣями оказались

¹⁾ Все исчезло въ дыму.

люди той категоріи, изъ которой незадолго до того выходили жандармы-вѣшатели. Были и въ другихъ мѣстахъ поджоги, явно обнаруживающіе тѣ же самыя злонамѣренныя стремленія, которыя такъ ярко были освѣщены заревомъ Петербургскихъ пожаровъ 1862 года; но при всемъ томъ далеко нѣтъ достаточнаго основанія предположить, чтобы *все* пожары, опустошившіе въ 1864 и 1865 гг. Россію, чтобы *все* поджоги были дѣломъ польской или какой другой интриги. Въ общемъ числѣ поджоговъ и пожаровъ, бывшихъ за это время въ Россіи, не голько случаи, гдѣ доказано присутствіе злодѣйской руки, направленной политическими зажигателями Россіи, но даже и тѣ, въ которыхъ лишь подозрѣвается дѣйствіе этой руки, составляютъ самое незначительное, ничтожное можно сказать меньшинство».

2703. Наши будущіе пэры и наши прошедшіе англomanы.

«Nord» рассказываетъ, что депутація англійскаго клуба (ждемъ съ нетерпѣніемъ, не пошлютъ ли депутаціи Троицкій трактиръ и Красный кабачокъ) просила московскаго генераль-губернатора *запретить* пьесу Потѣхина «Отрѣзанный ломоть» потому, де, что въ ней достается крѣпостникамъ. Ген.-губ. отказалъ и прекрасно сдѣлалъ, зато и досталось «императорскому театру и императорскимъ актерамъ» отъ эксъ-англомановъ, нынѣ арендующихъ «Моск. Вѣд».

Хорошо, что Фонъ-Визинъ заблаговременно успѣлъ поставить на сцену свой скотный дворъ дикихъ помѣщиковъ, а Гоголь — издать свое кладбище «Мертвыхъ душъ»... Хорошо и то, что И. Тургеневъ, не переходя въ *отцы*, рассказалъ, какъ онъ еще *сыномъ* хаживалъ на охоту и какихъ Пѣночкиныхъ съ К-ней онъ подстрѣливалъ въ то время, какъ дупеля и бекасы спокойно порхали съ вѣтки на вѣтку.

2704. Николай, какъ ораторъ.

Въ августовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» помѣщена статья «О происшествіяхъ въ Новгородской губерніи во время первой холеры». Вслѣдъ за описаніемъ невѣроятно глупыхъ и стѣснительныхъ мѣръ, взятыхъ начальствомъ въ Новгородской губ. во время холеры 1830 года, и нѣсколькихъ эпизодовъ изъ печальной исторіи старо-русской *месты* военныхъ поселенцевъ въ 1831 году, авторъ, бывший очевидцемъ этихъ событій, приводитъ *краткую, но краснорѣчивую* рѣчь, произнесенную Николаемъ собраннымъ посе-

лянамъ. Рѣчь эта—такой *chef d'oeuvre*, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи передать ее цѣликомъ. Тутъ высказался весь Николай неподдѣльно, наивно, натурально, какъ мать родила и монахи воспитали: «Что вы это дѣлаете, дураки? Съ чего вы взяли, что васъ отравляютъ? Это—кара божія. На колѣни, глупцы! Молитесь Богу! *Я васъ!*» Что за неподражаемое корнелевское «*Я васъ!*».

Простодушный очевидецъ прибавляетъ: «военные поселяне судились военнымъ судомъ, и всѣ получили по дѣламъ своимъ достойное возмездіе», но онъ забылъ, что прежде возмездія они получили царское прощенье, а *послѣ амнистіи* виновныхъ прогнали сквозъ строй.

Не думая мы, что именно «Русскій Вѣстникъ» бросить этотъ тяжелый камень въ могилу Николая... On n'est trahi que par les siens! ¹⁾

2705. Письмо къ Р. Лессеру.

5 decemb. 1865.
Montreux.

Cher Monsieur Lesser, il y a une jeune personne attachée à l'éducation de la petite Ogareff, qui désire faire son portrait photographique. Je Vous la recommande.—Nous avons maintenant peur d'aller pour Vevey—peur de l'étrange idée que les veveyens ont sur la liberté personnelle. De grâce, protégez donc miss Turner. J'ai reçu Votre lettre—et je suis tout heureux de trouver que Vous êtes mauvais avocat. Nous ne comprendrons jamais comment dans un pays qui s'appelle république on peut mettre *au violon* un homme qui se promène, at que le prefet *au lieu de s'excuser* fait des observations sur les coutumes des divers pays. Vous pouvez être sûr que ni Ogareff ni moi nous n'irons pas prendre ... ²⁾ avec lui (comme Vous le proposez). Cela n'empêche en rien que Vous ordonniez de faire un bon portrait de miss T.

Je Vous salue beaucoup et Vous remercie.

A. Herzen.

Переводъ.

5 декаб. 1865.

Дорогой г-нъ Лессеръ!

Одна молодая особа, воспитательница маленькой Огаревой, желаетъ заказать свой фотографическій портретъ. Рекомендую ее

¹⁾ Только свои и измѣняютъ.

²⁾ Слово не разобрано.

вамъ. Мы боимся ѣздить въ Вевэ, боимся изъ-за страннаго представленія о свободѣ личности, которое существуетъ у обитателей Вевэ. Пожалуйста, окажите покровительство миссъ Турнеръ. Я получилъ Ваше письмо и вполне счастливъ, узнавъ, что Вы плохой адвокатъ. Мы никогда не поймемъ, какъ въ странѣ, котоая называется республикой, могутъ сажать въ тюрьму человѣка, совершающаго прогулку, и какъ префектъ, вмѣсто того, чтобы извиниться, начинаетъ дѣлать замѣчанія объ обычаяхъ разныхъ странъ. Вы можете быть увѣрены, что ни Огаревъ, ни я не согласимся ... ¹⁾ съ нимъ (какъ Вы это предполагаете). Все это ничуть не мѣшаетъ тому, что бы Вы приказали сдѣлать хорошей портретъ миссъ Т. Кланяюсь вамъ и благодарю.

А. Герценъ. ¹

◆◆ 1. Лессеръ говоритъ, что «одновременно съ посылкою этого письма Герценъ послалъ въ разныя газеты замѣтки о незаконномъ арестѣ русскаго эмигранта по произволу вевэйской полиціи и поднялъ на ноги буквально всю женевскую бюрократію, указывая, какой позоръ для Швейцаріи, что она не въ состояніи оградить свободы иностранныхъ путешественниковъ. Это имѣло свое дѣйствіе, и Огаревъ былъ освобожденъ изъ заключенія, причемъ префектъ полиціи извинился передъ нимъ въ своемъ поступкѣ». Мнѣ не удалось найти ни въ одной газетѣ замѣтку Герцена по этому поводу.

2706. Письмо къ Лизѣ.

(Начало декабря 1865).

Милая моя Лиза, я смотрю въ окошко на морозъ и думаю, какъ Лиза послѣ обѣда плакала и говорила: «Я люблю дядю»—ну и дядя любитъ Лизу и просить ее не огорчать маму и умно играть съ Мари.

Фогтова дѣвочка необыкновенно похорошѣла.

Цѣлую тебя много
твой

Швейцарскій дядя.

2707. Письмо къ В. И. Кельсіеву.

13 декабря (1865),
Genève, La Boissière.

Долго не писалось къ вамъ послѣ послѣдняго письма вашего. Оно ужасно... Мы въ предвидѣніи несчастія писали наше письмо. Что тутъ дѣлать словами?

Письмо ваше носитъ слѣды вынесенныхъ бѣдствій и лихорадочнаго расположенія духа. Если этотъ тонъ отчаянія и своего рода метанья изъ стороны въ сторону васъ сколько-нибудь врачуетъ, то и хорошо, но дѣлать изъ него норму и теорію жизни невозможно. Жизнь васъ страшно раздавила; вы лично имѣете всѣ права на скитанія, какъ перекаати-поле, но, все же, это случайность; васъ несчастія захватили прежде, чѣмъ вы устоялись на чемъ бы то ни было, и оскомина у васъ дѣлается натошакъ. Если у васъ былъ субъективный интересъ къ дѣлу, то вы, все же, не имѣете права сердиться, потому что вы, въ сущности, ничего не сдѣлали, а можете итти прочь. Если же былъ и объективный интересъ, то вы ошибаетесь, что все идетъ дурно. И мы, и не мы большею частью дѣлали вздоръ, а дѣло шло своимъ чередомъ. Лично можетъ спасти человѣка одно— работа. Какая цѣль, какая польза?—вопросы чрезвычайно важные, но вся природа и всѣ люди, захваченные постоянно дѣломъ своего развитія, устройства, кормленія, продолжаютъ, философуя и не философуя, работу. На людяхъ и смерть красна. Я полагаю еще разъ, что индивидуально вы, я можемъ отказаться. тянуть канитель, итти въ бѣгуны или шарманщики,—это и не порокъ, и не добродѣтель.

Отчего бы вамъ не начать писать? Что раскольники оказались демосоками на свой манеръ, а не на вашъ, это еще не бѣда. Въ отношеніяхъ невѣрующихъ къ фанатикамъ всегда бываетъ хромая нога.

Напишите еще разъ о вашихъ планахъ. Если вамъ нужны деньги, франковъ 200 я пришлю, но научите, какъ, чтобъ дошли (я спрашивалъ васъ уже объ этомъ).

Отчего Жуковский такъ плохо доставлялъ вамъ «Колоколъ»? Не возьметъ ли онъ на комиссію экзempl. 10—20?

Прощайте.

2708. Письмо нъ Э. Кинэ.

14 decemb. 1865.
Genève, C-au Boissière.

Monsieur,

Oserai-je prendre sur moi d'introduire un jeune ami Alexandre Mordvinow ¹⁾—qui voudrait avoir une occasion pour Vous parler? Il appartient à une des meilleures familles en Russie—je connais beaucoup son frère. Dans tous les cas soyez indulgent et pour lui et pour moi.

Je viens de parcourir et d'étudier Votre ouvrage. Si je me sentai assez de force—je serais venu pour Vous dire—premièrement que j'admire Votre oeuvre—mais ensuite qu'il m'est impossible de comprendre que l'auteur éminent qui a si parfaitement tracé le tableau de la réaction—envahissante lorsque Robespierre s'est arrêté devant le catholicisme, devant le moyen age comment se fait-il que l'héritage de Rome, de la cité ancienne—le droit de la propriété foncieré, d'après le code—lui semble absolu?

Donnez moi la permission de venir Vous soumettre nos idées tant soit peu barbares. Je pense venir vers le 5 janvier à Montreux.

Pardonnez moi le bavardage et recevez mes salutations respectueuses.

Alex. Herzen.

Переводъ.

14 декаб. 1865.

Милостивый Государы!

Осмѣлюсь ли рекомендовать вамъ моего молодого друга Александра Мордвинава ²⁾, который желалъ бы имѣть случай поговорить съ Вами? Онъ принадлежитъ къ одной изъ лучшихъ фамилій въ Россіи, я хорошо знаю его брата. Во всякомъ случаѣ, будьте снисходительны и къ нему и ко мнѣ.

Я только-что просматривалъ и изучалъ Вашъ трудъ ³⁾. Если бы я чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ, я пріѣхалъ бы, чтобы сказать Вамъ прежде всего, что я восхищаюсь Вашимъ произведеніемъ, но затѣмъ, что мнѣ невозможно понять, почему замѣча-

¹⁾ М. М. s'occupe de l'histoire des religions.—А. Н.

²⁾ Г. М. занимается исторіей религій. А. И. Г.

³⁾ «De Révolution», 1866, Paris; книга вышла въ концѣ 1865 г. и имѣла большой успѣхъ въ оппозиціонно-настроенныхъ кругахъ.

тельному автору, который такъ превосходно начерталъ картину вторженія реакціи, когда Робеспьеръ остановился предъ католицизмомъ и средневѣковьемъ, наслѣдіе Рима, древняго государства,—право земельной собственности, согласно кодексу,—кажется ему абсолютнымъ?

Дайте мнѣ разрѣшеніе пріѣхать къ Вамъ, чтобы изложить мои идеи, немножко варварскія. Я думаю пріѣхать 5 января въ Монтрѣ.

Простите мнѣ эту болтовню и примите мой почтительный привѣтъ.

Алекс. Герценов. ¹

◆◆ 1. 25 (во франц. изданіи 24) декабря Э. Кинэ отвѣтилъ Герценоу изъ Вейто (Veitāux): «Я уже давно ожидаю васъ сюда. Удивительно, какъ мнѣ недостаетъ французскаго «Колокола».

«Развѣ я сказалъ, что *сводъ гражданскихъ законовъ* является абсолютнымъ? Я этого не думаю; я, вѣроятно, сказалъ, что *сводъ гражданскихъ законовъ* былъ основою принциповъ собственности для членовъ конвента, и что не было необходимости устраивать *терроръ* для организаціи собственности согласно толкованіямъ и принципамъ *римскаго права*.

«Я принялъ Вашего друга, какъ могъ лучше. Онъ долженъ найти меня очень дикимъ и,—не сердитесь,—разъ во сто больше варваромъ, чѣмъ вы. Примите и проч. Э. Кинэ».

Привожу переводъ съ подлинника, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена; въ «Lettres d'exil», t. III это письмо напечатано неполно и неисправно; выноска къ «другу» гласитъ, что это былъ... Бакунинъ.

2709. Первое запрещеніе, первое предостереженіе, первый судъ!

I.

Запрещеніе пьесы Потъхина.

«Отрѣзанный ломоть», все-таки, запрещенъ! Да здравствуетъ *англійскій клубъ*! Что за безпутнѣйшее правительство! Ни въ чемъ ни выдержки, ни единства. Оно, какъ хмельной солдатъ, котораго Суворовъ заставлялъ пройти «по одной доскѣ», изъ усердія *идетъ по двумъ*.

II.

Первое предостереженіе.

Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ 10 ноября 1865 г.:
«Принимая въ соображеніе!

«что въ статьѣ «Новыя времена», помѣщенной въ августовской книжкѣ журнала «Современникъ», въ особенности на страницахъ 376, 383—384, оскорбляются *начала брачнаго союза*;

«что въ статьѣ «Записки Современника», помѣщенной въ той же книжкѣ, въ особенности на стр. 308—321, заключается косвенное порицаніе началъ собственности въ примѣненіи къ капиталистамъ, несправедливо, будто бы, присвоившимъ себѣ сбереженія рабочихъ классовъ;

«что въ статьѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ въ сентябрьской книжкѣ того же журнала, въ отдѣлѣ, носящемъ названіе «Какъ измѣрить примѣрно долгъ народу цивилизованныхъ классовъ?», въ особенности на стр. 93—95, начала собственности подвергаются прямому оспариванію и отрицанію, и

«что въ этой же статьѣ, особенно на стр. 97, 98, 103—112, возбуждается вражда къ высшимъ и вообще имущественнымъ классамъ, выставляемымъ по самому принципу ихъ существованія безнравственными и зловредными для народнаго благосостоянія,—

«министръ вн. дѣлъ, на основаніи ст. 29, 31 и 33 высоч. утв. 6 апрѣля с. г. мнѣнія госуд. совѣта, и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить *первое* предостереженіе журналу «Современникъ» въ лицѣ издателя-редактора дворянина Николая Некрасова и редактора, состоящаго въ чинѣ VII класса, Александра Пыпина».

Наконецъ-то мы, воочію видимъ игру «предостереженій», эту *французскую болъзнь несвободной свободы* книгопечатанія... Предостереженіе «Спб. Вѣдомостямъ» было такъ глупо и такъ смѣшно упало на голову Валуеву, да еще замаравшись въ Катковѣ, что его считать нельзя: оно было, по выраженію гр. Толстого, «въ булку». Новое предостереженіе имѣетъ совсѣмъ иное portée ¹⁾.

«Современникъ» давно обреченъ богамъ. Еще два валуевскіе «презерватива» — и лѣтопись окончена его. Ни повредить, ни помочь мы ему не можемъ; край его одежды не нынче попался въ колесо петербургской плющильной машины, а это не жена Потти-

¹⁾ Значеніе.

фара ¹⁾, отъ нея не отдѣлаешься клочкомъ мантии. Въ тотъ день, когда Чернышевскій былъ взятъ безъ всякаго юридическаго основанія, освобожденъ сенатомъ отъ обвиненій, принятыхъ совѣтомъ, когда онъ, невинный кругомъ, былъ выставленъ къ позорному столбу и сосланъ на каторгу, — безъ того, чтобы правительство сочло нужнымъ или возможнымъ сказать вѣрноподданымъ, въ чемъ дѣло, — въ тотъ день судьба «Современника» была рѣшена. Валуеву хотѣлось побаловаться «предостереженіями»; это — новая игрушка, притомъ парижская, что-то либеральное, легальное, буквальное.. Но конецъ будетъ тотъ же: *они* порѣшатъ «Современникъ» *безъ суда*.

Поводъ, по которому дано предостереженіе, тоже чрезвычайно замѣчательнъ.

Русскій министръ внутреннихъ дѣлъ дѣлается министромъ отживающей цивилизаціи; такъ это и поняла либеральная «Кельнская Газета».

Анри Мартэнъ въ «Сіэклѣ», Валуевъ въ министерствѣ и «Кельнская Газета» въ Кельнѣ указываютъ своимъ трехперстиемъ *одной врата*. Только Генри Мартэнъ, учившійся не въ Пажескомъ корпусѣ, относитъ превратное пониманіе законовъ собственности въ Россіи къ духу народному, къ тому враждебному цивилизаціи туранскому, татарскому, кочевому элементу, на которомъ выросла Россія, а Валуевъ — къ редакціи «Современника».

Considerants ²⁾ валуевскаго предостереженія можно приложить не къ одному «Современнику», а чуть ли не ко всей современной Россіи. Многіе избѣгли министерской нахлобучки только тѣмъ, что печатали свои статьи до снятія цензуры.

Будь у насъ *свобода* книгопечатанія въ 1861 г., мы непременно прочли бы, что «министръ вн. дѣлъ, принимая въ соображеніе:

«что въ статьѣ «Положенія», напечатанной отдѣльно и въ періодическомъ изданіи Редакціонной Комиссіи, оскорбляются начала *крѣпостнаго союза*, заключается косвенное порицаніе собственности въ примѣненіи къ помѣщикамъ, несправедливо, будто бы, присвоившимъ себѣ трудъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ;

«что въ тѣхъ же «Положеніяхъ» начала поземельной собственности подвергаются прямому оспариванію и ставится недобросовѣстное различіе между *собственностью и ея пользованіемъ*, — различіе, неминуемо ведущее къ враждѣ между собственниками и пользователями,

¹⁾ Царедворецъ египетскаго фараона, купившій у измаильтянъ Іосифа.

²⁾ Соображенія.

«министръ вн. дѣлъ, на основаніи § 29 и проч., опредѣлилъ объявить *первое* предостереженіе Редакціонной Комиссіи и издателю «Положеній» въ августѣйшемъ лицѣ нынѣ благополючно царствующаго государя императора Александра Николаевича»...

Но, если законъ не имѣеть обратнаго дѣйствія даже для лицъ внѣзаконныхъ, то что же за привилегіи даны комиссарамъ комитета общественнаго спасенія, рассылаемымъ нашимъ Карно-Милутинымъ по провинціямъ? Эти революціонные генералы не только подкапываютъ «брачный» союзъ, но церковь, не только «собственность», но и *собственниковъ*. Демагогическія рѣчи (изъ нѣмцевъ) Кауфмана въ цѣломъ краѣ возбуждаютъ ненависть къ классу имущему и презрѣніе къ духовенству. «Хочу, говорить, руку попу поцѣлю, *не хочу—ссориться* съ духовенствомъ буду»¹⁾. Какое же послѣ можетъ быть уваженіе у народа къ своимъ пастырямъ. «Дворянство,—сказалъ Кауфманъ въ Вилькомірѣ, *успѣвъ въ часъ времени коснуться до всего* (вѣроятно, тоже и до поповской руки губами),—угнетало народъ, развращало его» (насчетъ женскаго пола, вѣроятно?). Это—просто призывъ къ топорамъ. «Вы должны исполнять желаніе русскаго народа» (т. е. отдать всю землю крестьянамъ)? И въ какое время?.. когда возлѣ другой агитаторъ (не изъ нѣмцевъ, даже богъ знаетъ, изъ кого) Безакъ *переводитъ* католичество на русскій языкъ...

Гдѣ же тутъ равенство передъ закономъ?.. Мы даемъ Валуеву *первое* предостереженіе!

III.

Первый судъ.

19 ноября (1 декабря) въ Спб. уголовной палатѣ судились *публично* нѣсколько дѣлъ «о преступленіяхъ противъ законовъ о печати. Сначала производился при *закрытыхъ дверяхъ* докладъ о преданномъ суду кандидатѣ Блюммерѣ за изданіе за границею «Свободнаго Слова» и «Европейца». Блюммеръ являлся въ качествѣ арестанта и изъ палаты отправленъ опять въ тюрьму.

Послѣ этого мрачнаго и таинственнаго инцидента *при закрытыхъ дверяхъ, двери отворились*, но въ нихъ именно не взошелъ бенефициантъ Бибиковъ²⁾, «привлеченный къ отвѣтственности за

¹⁾ «Если вы останетесь въ *напрасномъ напряженіи* (это что-то медицинское, мы не понимаемъ), я буду съ вами ссориться» («Голосъ» 2 дек.).

А. И. Г.

²⁾ Петръ Алексѣевичъ, критикъ и публицистъ.

изданіе книги *Критическіе этюды*. Несмотря на то, что Бибиковъ не явился, палата занялась разборомъ Стюарта Милля, Дарвина, Фурье и проч. «Двѣ сальютныя ¹⁾ черты» («Спб. Вѣд.» № 306) въ книгѣ Бибикова были найдены: во-первыхъ, то, что онъ сочувствуетъ Фурье въ его желаніи сравнять женщину въ правахъ съ мужчиной; во-вторыхъ, что онъ не сочувствуетъ мѣщанину Краснову, который убиваетъ (по счастью, въ комедіи Островскаго ²⁾), а не на самомъ дѣлѣ) свою жену, въ то время, какъ «докладъ» желалъ бы видѣть въ немъ особенную симпатію къ убивающему мѣщанину. «Докладъ» видѣлъ въ этомъ со стороны Бибикова желаніе подорвать крѣпость брачнаго союза, не замѣчая, что и убійство жены до нѣкоторой степени фактически подрываетъ крѣпость союза. Семейныя дѣла мѣщанъ Красновыхъ заставили составителей «доклада» усомниться насчетъ поведенія Бибикова, и тутъ мы видимъ очень удачное и *чисто русское* прибавленіе къ европейскимъ законамъ о книгопечатаніи: вмѣсто того, чтобы судить книгу, докладчики пошли сплетничать и выслушивать друзей Бибикова, да еще подъ присягой, каково его поведеніе. Оказалось, что Бибиковъ себя ведетъ, какъ «хорошій гражданинъ». Къ тому же и *«при обыскѣ въ квартиру Бибикова ничего подозрительнаго не найдено»*. Прекрасно!

Хороша также и ссылка на 1356 ст. улож. о наказ., которая начинается со словъ: *«Если кто-нибудь будетъ тайно отъ цензуры или инымъ образомъ издавать»*... а цензура отмѣнена! «Состоялось ли судебное рѣшеніе по этому дѣлу или оно отложено до другого засѣданія, *неизвѣстно* ³⁾».

2710. Лукашевъ и Масловскій.

Въ «Рус. Инвалидѣ» пишутъ, что изъ партіи *политическихъ преступниковъ* въ числѣ 76 человѣкъ, слѣдовавшихъ въ г. Иркутскѣ, 2 сентября, во время ночлега на Тельнинской фабрикѣ, *бѣжали* два политическихъ преступника: Никифоръ Лукашевъ и Александръ Масловскій. Кто они, за что были судимы, гдѣ, когда? Не явное ли это—доказательство, что правительство *втихомолку* губить множество людей подъ предлогомъ политическихъ преступленій?! Не убѣги Лукашевъ и Масловскій, кто бы зналъ о ихъ ссылкѣ?

¹⁾ Saillant—бросающійся въ глаза.

²⁾ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ».

³⁾ Бибиковъ былъ подвергнутъ аресту на гауптвахтѣ на семь дней, а продажа книги была разрѣшена.

2711. Отецъ Мартыновъ и отецъ Самаринъ.

Иезуитъ отецъ Мартыновъ написалъ короткое письмо къ издателю «Дня» и тотчасъ нашель богослова отца Самарина ¹⁾, который ему длинно отвѣтилъ. Иезуитамъ всегда везеть. Вотъ мы писали *четыре письма* къ противнику, но противникъ ¹⁾ не отвѣчалъ!

2712. [Общій фондъ].

Собранные 7 сентября 50 франковъ получены отъ М. С. Д. и переданы по назначенію.

2713. «Нолоколь» на 1866

будеть издаваться въ Женевѣ на тѣхъ же основаніяхъ и въ томъ же духѣ.

2714. Письмо къ Лизѣ.

15 декабря 1865.

Милая Лиза! Какъ же ты отпустила Бакста? Онъ сегодня спалъ на твоей кровати. Только очень холодно, камина нѣтъ,— боюсь, чтобы онъ не простудился.

Щенята здоровы.

Всѣ тебя цѣлуютъ

и

я десять разъ.

2715. Письмо къ сыну.

19 декаб. (1865), вторникъ.
Boissière.

Любезный Саша,

Вотъ post-office ²⁾ для Ольги и на ея имя. За прожданіе

¹⁾ Ю. О. Самаринъ.

²⁾ Почтовый чекъ.

прибавляется 5 фр. Въ Лондонъ ¹⁾ на 1-ый случай послано 250 фр.— у меня денегъ нѣтъ и быть къ концу года не можетъ.

Въ Montreux мой bosse de sagesse ²⁾, Бакстъ, даетъ Лизѣ уроки. Жаль, что онъ тамъ только на мѣсяцъ.

Когда у Levier досугъ, пишетъ стихи (плохіе, какъ я видѣлъ по началу), а ты—и прозой мало.

У Таты ячмень,—это очень досадно:

отъ катарра не можетъ пѣть,
отъ ячменя не можетъ рисовать,
отъ обоихъ не можетъ выходить.

Занимается она много и очень дѣльно. Стелла—находка, она ее даже и ариѳметикѣ учитъ—вмѣстѣ съ физикой и геологіей. Пишу второпяхъ: Тхорж. ждетъ. Завтра у насъ Campo Formio—примирительный обѣдъ Долгор. съ Касаткинымъ. Ты знаешь, что съ Жюлемъ онъ уже давно помирился.

Л. ³⁾ дѣйствительно, очень хорошій человѣкъ, но слабый; можетъ, съ лѣтами онъ выровняется. Не могу себѣ представить, чтобъ онъ когда-нибудь успѣшнѣе предложилъ бы руку Т. ⁴⁾. По счастью, она теперь вовсе не думаетъ о бракѣ. Это среда наша, теперь особенно серьезная, на нее такъ дѣйствуетъ. Она вовсе не скучаетъ. Флоренці я для нея боюсь, какъ огня, и безъ себя, вѣроятно, не пушу.

Цѣлуй Ольгу
и филь, филь Фрейндшафтъ ⁵⁾ Мальвидѣ.
Прощай.

2716. Письмо къ М. К. Рейхель.

22 декаб. (1865).
Genève, La Boissière.

Ѣдетъ въ ваши стороны очень добрый человѣкъ Домгеръ, полякъ, который часто бывалъ у насъ; мнѣ и пришло въ голову, что вамъ, можетъ, захочется видѣть очевидца нашего житья-бытья. Я его рекомандую. Я ему разсказалъ, какъ вы бумаги въ Ville d'Avray спасли и прочее такое хорошее.

¹⁾ Шарлоттѣ Huttson.

²⁾ Игра словъ: горбъ мудрости и шишка мудрости; Бакстъ былъ горбатъ.

³⁾ В. О. Лугининъ.

⁴⁾ Наталія Александровна.

⁵⁾ Viel, viel Freundschaft—много, много дружбы.

Ну что вы и что Рейхель? Объ немъ m-me Lion писала, что онъ былъ боленъ, и что болѣзнь прошла.

Теперь слѣдуетъ отчетъ. Ольгу пока отправили во Флоренцію; Саша и безъ того тамъ. Тата много и хорошо занимается, рисуеть сама по себѣ и поеть и, вообще, беретъ направленіе довольно серьезное.

Ей 21 годъ будетъ на-дняхъ... Какова же наша старость?

Въ Женевѣ довольно противно (какъ это вы пріучились къ Дрездену?); вѣроятно, къ веснѣ мы перейдемъ подальше въ глушь.

Здѣсь всѣ русскіе сплетничаютъ и ссорятся, и такая ихъ бездна—и refugiés и праздношатающіеся. Съ мѣсяцъ тому назадъ былъ у меня Рекель ¹⁾, судившійся вмѣстѣ съ Бакун.,—кажется, хорошій человекъ и вынесъ свою целюлярную тюрьму хорошо.

Какия у васъ вѣсти изъ Россіи о знакомыхъ? Что всѣ они сдѣлались врагами и большая часть дрянью, это мы знаемъ,—Кетчеръ во главѣ,—но мнѣ хотѣлось бы знать о другихъ, напр., о Марьѣ Ѳедор. ²⁾ и, наконецъ, еще объ Ег. Ив. Львицкому трудно вѣрить; онъ писалъ мнѣ удивительную исторію о смерти своего брата Ив. Льв. Мнѣ иногда приходитъ мысль, за что же Тата лишится доли наслѣдства, имъ же, т.-е. Ег. Ив., назначеннаго?—а потомъ, кажется, дѣлай онъ себѣ, какъ знаетъ. Американскія дѣла уже поправились. А Алекс. Алекс. ? ³⁾

Прощайте—черкните о томъ и семь. Если кто знакомый подвернется, передайте поклонъ, напр., Юліи Ѳедоровнѣ ⁴⁾ или Палеологъ ⁵⁾.

2717. Надпись для М. К. Рейхель.

Одинъ вамъ, другой Рейхеляю.

22 дек. 1865.

2718. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

25 déc. (1865).

Genève, La Boissière.

Carissima Malvida.

Quoiqu'il n'y a rien de plus faux que de fêter le jour de naissance de Tata le 25 décem. (c'est le 6 janvier donc) mais pour la

¹⁾ Карль-Августъ.

²⁾ Коршъ.

³⁾ Яковлевъ, «химикъ».

⁴⁾ Курута.

⁵⁾ Евгенія Ивановна, урожд. Курута.

dernière fois nous fêtons aujourd'hui 21 ans!... Quel «memento mori» pour «l'ancêtre» comme s'exprimait Gavroche. Je suis très content de Tata en général—quo! qu'il y a encore beaucoup d'obstination et de rudesse., elle s'occupe sérieusement et beaucoup, les idées matrimoniales s'éloignent au lieu de s'approcher et, dites tout ce que vous voulez, heureuse la fille qui ne se précipite pas à 18, 19 ans dans le gouffre de la vie de famille.

Tout va doucement chez nous, rien de bon, peu d'entièrement mauvais. La santé d'Ogareff toujours mauvaise, un de ces jours Mayor a été présent à une des crises. Quant à N. je vous le répète c'est une existence très malheureuse. Selbstzerfressende Grillen, éloignement des hommes sans savoir rester dans la solitude—c'est un empoisonnement psychique qui la rend extrêmement malheureuse. Avez-vous écrit la seconde lettre? Je n'ai rien entendu.

Passons aux affaires générales. Je vous attristerai par la conduite de Tardieu à Paris (avez-vous lu?) dans l'affaire des étudiants; par la nouvelle concernant la santé de Mazzini, on dit qu'il est très malade. A propos, le 19 déc. la vieille Crauf est morte. Avez-vous lu le message du président Johnson? Crénom! Quel tailleur et quel ivrogne! L'Europe s'en va. Soyez persuadée plus que jamais et la Russie et l'Amérique ensanglantées—montent des deux cotés de l'Océan, comme je l'ai prédit depuis 1849.

Eh bien! que souhaiter pour la nouvelle année? Même les désirs vieillissent. Conservons ce qui nous est cher—und damit basta.

Votre ami

A. H.

Tâchez de lire «La théorie de la propriété» par Prôudhon. Ogareff vous salue con amore.

P. S. J'ai voulu vous envoyer cette lettre par la poste—mais je l'envoie par un ami intime de M. Talazzi—c'est un... ¹⁾).

Переводъ.

25 дек. 1865.

Дражайшая Мальвида!

Хотя нѣтъ ничего болѣе неправильнаго, чѣмъ праздновать день рожденія Таты 25 декабря (вѣдь, это было 6 января), но ужъ въ послѣдній разъ отпразднуемъ сегодня 21 годъ!... Какое помни о смерти «для предка», по выраженію Гавроши ²⁾. Въ общемъ я очень

¹⁾ Конца нѣтъ.

²⁾ Гавроша—одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ Виктора Гюго «Les misérables», парижскій уличный мальчишка, умный, насмѣшникъ, мужественный и великодушный.

доводень Татою, хотя въ ней еще много шероховатостей и упрямства. Она много и серьезно занимается; мысль о замужествѣ не только не становится ей ближе, но уходитъ все дальше, а, вѣдь, что ни говорить, счастлива дѣвушка, не бросившаяся въ пучину семейной жизни въ возрастѣ 18—19 лѣтъ.

Все идетъ у насъ по-маленьку, нѣтъ ничего хорошаго, но и ничего очень плохого. Здоровье Огарева все неважно; на-дняхъ припадокъ случился въ присутствіи Майора. Что касается Н. ¹⁾, то, повторяю вамъ, жизнь ея несчастна. Снѣдающія ея мрачныя мысли-бѣгство отъ людей при неумѣнн оставаться въ одиночествѣ,—все это для души ея ядъ, дѣлающій ея крайне несчастной. Написали ли вы второе письмо? Я ничего объ этомъ не слыхалъ.

Перейдемъ къ общимъ дѣламъ. Огорчу васъ поведеніемъ Гардые въ Парижѣ въ дѣлѣ студентовъ (вы читали?) ²⁾; затѣмъ—извѣя стіемъ о здоровьѣ Маццини: говорятъ, онъ очень боленъ. Между прочимъ, 19 декабря умерла старушка Сгауі. Читали ли вы посланіе президента Джонсона ³⁾? Чортъ возьми, настоящій портной—и настоящій пьяница! Европа сходитъ со сцены; можете быть въ этомъ увѣрены болѣе, чѣмъ когда-либо—что Россія и Америка, обѣ окровавленныя, встануть съ обѣихъ сторонъ океана, какъ я предсказываю это съ 1849.

Ну, что же пожелать вамъ къ новому году? Даже! желанія старатся.

Сохранимъ то, что намъ дорого—а затѣмъ баста.

Вашъ другъ А. Г.

Постарайтесь прочесть «Теорію собственности» Прудона. Огаревъ вамъ кланяется нѣжно.

P. S. Хотѣлъ, было, послать вамъ это письмо по почтѣ, но посылаю его черезъ близкаго друга г. Талацци. Это... ⁴⁾

¹⁾ Н. А. Огарева.

²⁾ Огюсть-Амбуазъ, деканъ медицинской школы, былъ сначала очень популяренъ среди студентовъ, но потерялъ это положеніе послѣ утвержденія строгихъ мѣръ въ отношеніи студентовъ, отправившихся на конгрессъ въ Льежъ, и долженъ былъ подать въ отставку.

³⁾ Въ своемъ посланіи сенату отъ 19 декабря рекомендовалъ допустить на конгрессъ представителей южныхъ штатовъ.

⁴⁾ Конца нѣтъ.

2719. Лисьмо къ Э. Кинэ.

30 décembre 1865.
Genève, Grande Boissière.

Monsieur,

Vous ne me refuserez pas le droit de m'expliquer sur ce que j'ai hasardé de dire dans la lettre d'introduction d'un jeune ami qui a eu l'honneur de vous la remettre. Peut-être me suis-je mal exprimé. Or voilà ma pensée et le motif pour le quel elle m'est particulièrement chère.

Nous sommes l'avènement d'un *autre* rapport de l'homme au sol; notre problème consiste dans un essai de développer la liberté individuelle sans perdre *le droit à la terre*; de limiter le droit souverain de la propriété foncière par le droit souverain de chacun à une possession territoriale, de maintenir la propriété communale à côté de la possession individuelle. Colons, ayant défriché notre sol, habitués à un certain repartage agraire, sans couche conquérante sur nos épaules, il nous est plus facile qu'aux autres peuples de résoudre le problème dans un sens social. Le rapport de l'homme au sol, tel que nous l'entendons, n'est pas une nouvelle invention en Russie, c'est un fait primordial, *naturel* pour ainsi dire; nous l'avons trouvé en naissant, nous l'avons négligé, méconnu; nous voulons maintenant, avec un emords sincère, le développer à l'aide de la science et de l'expérience occidentales. Otez nous ce problème à résoudre et nous retombons dans la barbarie de laquelle nous sortons à peine—et nous restons une horde de cosaques conquérants.

Et voilà pourquoi nous n'échangerons pas notre loi agraire, dans son état d'embryon, contre la vieille codification latine, contre la législation anglo-saxonne. La religion de la propriété d'après la loi romaine et le code français, nous tuerait notre avenir,—comme elle a tué, en alliance avec l'église, la grande révolution. C'est évident qu'avec deux abortifs pareils—la République ne pouvait créer quelque chose de viable.

Le peuple de Paris l'a bien compris lorsque, levant pour la première fois la tête après les orages de la terreur—il fait retentir à la Convention le cri lugubre—«du pain!»—On le renvoie il ne se mêle plus aux affaires,—et il a raison.

Les extravagances de Baboeuf, les utopies de presque toutes les écoles socialistes n'impliquent pas le fond. L'intensité du délire—témoigne de l'intensité du mal. La souffrance est constatée par les

hallucinations, la question pathologique posée. Si la thérapie a fait défaut—ce n'est pas une raison pour tourner la question—et aussi comme nous le voyons, c'est impossible. La question économique et sociale—c'est le «*Magnum ignotum*» de notre temps. Or nous appellons, chaque fois lorsque l'occasion se présente l'attention de nos «*ainés*», de nos «*pères conscrits*» en science et en civilisation—sur ce qui germe dans nos steppes. La Russie n'a été envisagée, jusqu'à présent que comme une avalanche qui menace. Eh bien! nous autres, nous voulons montrer qu'au dessous de la neige, il y a une terre et que cette terre est possédée *d'une autre manière*—que la terre historique des vieux monde.

Telle a été la cause, Monsieur, qui m'a déterminé en 1851 à écrire une longue lettre à votre illustre ami—(j'ose le dire maintenant, et au mien) J. Michelet «*sur le peuple russe et le socialisme*». Depuis l'avortement de la Révolution de février, je ne fais que prêcher la même chose. Vous me donnerez le bénéfice de cette cause atténuante. Lisant avec admiration le tableau large, sévère, plein de force et de courage, que vous donnez du suicide de la Révolution par le catholicisme, j'ai involontairement pensé à *l'autre ennemi*.

Permettez moi de vous offrir (dès que j'aurai un exemplaire (c'est une publication de Londres faite en 1862) un travail de mon ami Ogareff «*Sur la situation de la Russie*»—en y jettant un coup d'oeil vous trouverez «*in extenso*»—ce que je viens de toucher dans ma lettre.

L'édition française du «*Kolòkol*» ne paraît plus. M. Fontaine a l'intention de rédiger une revue composée de la traduction de nos articles.

Recevez, Monsieur, l'expression sincère de mon respect profond.

Alex. Herzen.

P. S. Vous me permettrez, Monsieur, de citer la partie générale de la lettre dans notre journal?

Переводъ.

30 декабря 1865.

Милостивый Государь!

Вы не откажете мнѣ въ правѣ объяснить относительно того, что я взялъ на себя смѣлость сказать въ рекомендательномъ письмѣ, которое мой молодой другъ имѣлъ честь вамъ пере-

дать. Можетъ быть, я плохо изъяснился; такъ вотъ какова моя мысль и мотивы, по которымъ она мнѣ особенно дорога.

Мы—предвѣстники *иной* отношенія челоуѣка къ землѣ; наша задача состоитъ въ попыткѣ развить индивидуальную свободу безъ отказа отъ *права на землю*, въ попыткѣ ограничить абсолютное право земельной собственности абсолютнымъ правомъ каждаго на земельное владѣніе, удержать общинную собственность на ряду съ индивидуальнымъ владѣніемъ. Намъ, земледѣльцамъ, самимъ разработавшимъ свою землю, привыкшимъ къ извѣстному земельному передѣлу, не имѣвшимъ на плечахъ слоя завоевателей, легче, нежели другимъ народамъ, разрѣшить этотъ вопросъ въ социальномъ смыслѣ. Отношеніе челоуѣка къ землѣ, какъ мы его понимаемъ, не есть въ Россіи новое изобрѣтеніе, это — фактъ первоначальный, такъ сказать, *естественный*; мы застали его при рожденіи, мы имъ пренебрегли, мы его не оцѣнили. Теперь мы хотимъ съ искреннимъ раскаяніемъ развить его съ помощью науки и опыта Запада. Отнимите у насъ эту задачу, требующую разрѣшенія, и мы снова впадемъ въ варварство, изъ котораго едва выходимъ... и останемся ордою казаковъ-завоевателей.

И вотъ почему мы не промѣняемъ нашего аграрнаго закона въ его зародышевомъ состояніи на старую латинскую кодификацію, на англо-саксонское законодательство. Религія собственности соотвѣтственно римскому закону и французскому кодексу убила бы наше будущее, подобно тому, какъ въ союзѣ съ церковью она убила великую революцію. Очевидно, что съ двумя подобными abortивными средствами республика не могла создать что-либо жизненное. Парижскій народъ хорошо понималъ это, когда послѣ бурь террора, въ первый разъ поднявъ голову, онъ прогремѣлъ въ конвентѣ своимъ мрачнымъ крикомъ «хлѣба!». Его прогнали прочь,—онъ больше не мѣшается въ дѣла, и онъ правъ.

Экстравагантности Бабефа, утопии почти всѣхъ социалистическихъ школъ содержатъ въ себѣ сущность дѣла. Интенсивность бреда свидѣтельствуетъ объ интенсивности болѣзни. Странаніе констатируется наличностью галлюцинацій, разъ патологическій вопросъ поставленъ. Если терапия оказалась недѣйствительной, то это еще не основаніе для того, чтобы перевернуть вопросъ,—да это, какъ мы видимъ, и невозможно. Экономическій и социальный вопросъ, это—«великое неизвѣстное» нашего времени. И каждый разъ, когда представляется случай, мы обращаемъ вниманіе нашихъ «старшихъ», нашихъ «отцовъ сенаторовъ» въ наукѣ и въ цивилизаціи на то, что начинается нарождаться въ нашихъ степяхъ. На Россію до сихъ поръ смотрѣли только какъ на угрожающую

лавину; ну, а мы хотимъ показать, что подъ этимъ снѣгомъ есть земля, и что этою землею владѣютъ *не такъ*, какъ историческою землею стараго міра.

Такова причина, побудившая меня въ 1851 написать длинное письмо къ знаменитому другу вашему (и моему, осмѣлюсь теперь сказать) Ж. Мишле «о русскомъ народѣ и социализмѣ». Со времени неудачи февральской революціи я не перестаю проповѣдывать все то же. Вы признаете за мною это смягчающее вину обстоятельство. Восхищаясь данной вами широкой, суровой, полной силы и мужества картиной самоубійства революціи католицизмомъ, я невольно думалъ *о другомъ братѣ...*

Позвольте мнѣ предложить вамъ (какъ только я буду имѣть экземпляръ,—это лондонское изданіе, вышедшее въ 1862) работу моего друга Огарева «О положеніи Россіи»; просмотрѣвши ее, вы найдете въ подробности то, что я сейчасъ затронулъ въ своемъ письмѣ.

Французское изданіе «Колокола» уже не выходитъ. Г. Фонтэнъ намѣренъ редактировать журналъ, составленный изъ перевода нашихъ статей.

Примите, Милостивый Государь, искреннее выраженіе моего глубокаго уваженія,

Алекс. Герценов.

Р. S. Вы мнѣ позволите, Милостивый Государь, привести общую часть письма въ нашемъ журналѣ?

1866

2720. [Примѣчаніе].

Двѣ статьи «Къ концу года», помѣщенныя въ двухъ послѣднихъ листахъ «Колокола», такъ органически, естественно втекаютъ въ письма Огарева о *русскомъ социализмѣ*¹⁾, такъ служатъ имъ введеніемъ, что я не счелъ нужнымъ продолжать ихъ.

2721. Крѣпостники.

Tu te reveilles, belle endormie!²⁾

Правой ли, лѣвой ли ногой вступить Россія въ новый годъ, мы не знаемъ и скорѣе, думаемъ—*лѣвой*, но во всякомъ случаѣ каждый шагъ ея въ немъ будетъ чрезвычайно интересенъ.

Мертвые, полусгнившіе выходятъ изъ могилъ, не хотятъ лежать въ землѣ, если она отходитъ крестьянамъ.

Правительство безсмысленно хлещетъ по социальнымъ теоріямъ, крѣпостники прогуливаются съ распущенными знаменами.

Мы слышали, что передъ смертью выходятъ рубцы кнута у наказаннаго, но никогда не слышали, чтобъ они выступали и у палачей.

Годъ тому назадъ самъ Катковъ, замазанный всѣми грязями, нагло улыбавшійся, когда его называли «доносчикомъ», отталкивалъ отъ себя обвиненіе крѣпостничества.

Теперь, совсѣмъ напротивъ, цѣлая банда бывшихъ рабовладѣтелей открыто плачетъ объ утраченномъ крѣпостномъ правѣ. Она вспоминаетъ о 19 февраля 1861, какъ о днѣ великаго несчастья, въ томъ родѣ, какъ французскіе республиканцы вспоминаютъ о 2 декабря. Чувства эти были у нихъ всегда, мы въ этомъ не сомнѣвались, но они ихъ скрывали. Что же развязало ихъ языкъ?

¹⁾ «Частныя письма объ общемъ вопросѣ», лл. 211, 216, 220, 223 и 225 «Колокола».

²⁾ Ты пробуждаешься, спящая красавица!

Два года террора царской демагоги, плавания въ крови и на-
силіяхъ, два года подкупной клеветы и казенной журналистики.

Это—первый плодъ того растлѣнія общественнаго мнѣнія, ко-
торое такъ мастерски вело правительство, того дикаго, кровожад-
наго настроенія, въ которомъ его защитники поддерживали и раз-
жигали умы съ 1862 года. Это—первые лавры съ польскихъ по-
бѣдъ, позорныхъ столбовъ въ Петербургѣ, со ссылокъ, казней,
пытокъ.!

Безцеремонность, съ которой является у насъ крѣпостниче-
ская реакція, не часто встрѣчается въ исторіи. Оплакивающіе про-
шедшее стараются обыкновенно придать ему видъ почтенныхъ
мощей, нравственный смыслъ, на его безчестныя раны и грязныя
наготы набрасываютъ покрывало. Ничего подобнаго у нашихъ нео-
крѣпостниковъ: они жалѣютъ своего права на чужую работу и
сердятся на помѣху такъ, какъ воры сердятся на руку закона,
мѣшающую имъ красть. Въ нашъ вѣкъ только одна страна дохо-
дила до этихъ Геркулесовыхъ столповъ разврата мысли и слова,
это сѣверо-американскіе южане, когда они передъ войной явля-
лись въ церквахъ и журналахъ защищать рабство. Свой своему
поневоля брать.

Черезъ какія же бѣдствія пройдетъ Россія, если она можетъ
производить такой ядъ и не умѣетъ отдѣлываться отъ него? Гнилое
худосочіе, унаслѣдованное нами отъ цѣлыхъ поколѣній, родив-
шихся въ развратѣ рабовладѣнія, бродитъ въ нашихъ жилахъ,
притупляя сердце, помрачая умъ и доводя горестъ за утрату не-
правой корысти до дерзкаго протеста, какъ будто, одна страсть къ
даровому стяжанью въ состояніи вывести насъ изъ апатической
дремы и страдательнаго повиненія.

Юбилей въ *Вольномъ* экономическомъ обществѣ далъ случай
обличиться нашимъ нео-крѣпостникамъ. Что такое это *вольное*
общество, знаетъ всякій, а кто не знаетъ, пусть прочтетъ отчетъ
В. Безобразова. Это—одна изъ тѣхъ неискusstныхъ декораций, ко-
торыми Екатерина II обманывала Европу, въ родѣ картонныхъ де-
ревень, которыми Потемкинъ обманывалъ ее. Пустое, бессмысленное
и безжизненное, оно дожило до ста лѣтъ съ той же пользой, съ
которой доживаютъ до нихъ попугаи и вороны. Зная, съ кѣмъ
имѣетъ дѣло, правительство разрѣшило столѣтнему *вольному*
обществу собрать со всѣхъ концовъ Россіи сельскихъ хозяевъ, по-
совѣтоваться съ ними и, въ случаѣ нужды, сдѣлать свои
представленія, т.-е. правительство давало ему право собрать кон-
грессъ по важнѣйшему вопросу народной жизни и предоставило
право петиціи, въ которомъ отказало московскому дворянству.

Этот конклавъ, этотъ конвентъ сельскаго хозяйства заохотѣлъ показать, что и онъ живой, и рѣшился... на что вы думаете?.. Отгадайте!..

Наши милые трутни подѣ вывѣскою пчель рѣшились безпокоить правительство *о принятіи законодательныхъ мѣръ, способствующихъ распаденію сельской общины!* Самому предсѣдателю отдѣленія стало совѣстно и онъ этимъ непроходимымъ рабамъ замѣтилъ, что о такихъ вещахъ судятъ и разсуждаютъ, но не протятъ распоряженій начальства.

По счастью, нашелся въ залѣ чловѣкъ, который не вытерпѣлъ и сталъ за общину. Рѣчь свою (которую петербургскія газеты имѣли небрежность передать въ нѣсколькихъ словахъ) г. Панаевъ ¹⁾ заключилъ тѣмъ, что рѣшать вопросъ о мѣрахъ къ уничтоженію общины въ собраніи представителей капитала и безъ представителей труда было бы несправедливо. «Самъ же г. Панаевъ видитъ въ общинѣ лучшее рѣшеніе вопроса объ отношеніи капитала къ труду—великое начало, существующее только у насъ. Это начало—*право чловѣка на землю*».—«*Право на землю*—замѣтилъ г. Бушень,—то же самое, что извѣстное *право на трудъ!*» ²⁾).

Этимъ *намекомъ* дѣло не кончилось, а только началось; букетъ приготовилъ издатель «Вѣсти» г. Скарятинъ: «бойко, внятно и самодовольно сказалъ онъ длинную рѣчь... въ защиту крѣпостнаго права. Говоря, что защитники общины поставляютъ ея заслугою невозможность пролетаріата, батрачества, г. Скарятинъ нашель, что *въ этомъ-то и состоитъ вредъ* общины, ибо, по его мнѣнію, *батрачество* (пролетаріатъ) *полезно для юсударства*, такъ какъ оно отдаетъ рабочія руки во власть искусныхъ домохозяевъ и собственниковъ. До сего времени, по мнѣнію г. Скарятинъ, благодѣтельную роль въ этомъ отношеніи играло крѣпостное право. Крѣпостное право была великая производительная сила,—говорилъ г. Скарятинъ, пересчитывая благодѣянія крѣпостнаго права, состоящія въ томъ, что помѣщикъ слѣдилъ за хозяйствомъ крестьянина, помогаль ему, поощрять трудолюбивыхъ, исправлялъ нерадивыхъ, и заключилъ такъ: «*Отъ этого порядка вещей выдвинулись: весь этотъ порядокъ рухнулъ 19 февраля 1861 г.* Община не можетъ замѣнить его и поэтому (въ виду распространенія батрачества) и слѣдуетъ ее уничтожить».

И чловѣкъ, публично сказавшій это, цѣль и невредимъ?

¹⁾ Валеріанъ Александровичъ.

²⁾ Выписки сдѣланы нами изъ «Спб. Вѣд.», № 293 и др. А. И. Г.

Да дѣло-то въ томъ, что вовсе не одинъ чедовѣкъ, а легіонъ. Вотъ что проповѣдуетъ г. П. Бланкъ:

Г. Петръ Бланкъ положительно отрицаетъ у всего, что не изображаетъ изъ себя російскаго патриція, право вмѣшиваться въ управленіе общественными дѣлами; обязанность и право заботиться «объ общественномъ благосостояніи, спокойствіи и порядкѣ», по его мнѣнію, принадлежитъ исключительно однимъ патриціямъ. «Эту лепту обязано дворянство нести на алтарь своего отечества, *въ возмездіе за трудъ рабочій, его питающій, и за дѣла торговля, обезпечивающія его домашнюю жизнь и удовлетворяющія его потребностямъ*». Онъ говоритъ: «рабочіе люди, куда естественно отнесемъ весь болѣе бѣднѣйшій классъ народонаселенія, по самому названію своему имѣютъ обязанность, *вызываемую и нуждою* къ содержанію себя (и нуждою, стало бѣть чѣмъ-то другимъ еще? можетъ быть, необходимостью питать російскихъ патриціевъ?) и своего семейства, работать на другихъ жителей государства и тѣмъ извлекать средства жизни, а иногда и выгоды для самихъ себя» (но только *иногда*, замѣтте; постоянно же не болѣе, какъ на содержаніе себя и притомъ такъ, какъ привыкъ содержать себя рабочій русскій чедовѣкъ).

«Вы напечатали вашу сказку,—говоритъ «Голось»,—въ газетѣ, именующей себя, говорятъ, *представительницею и защитницею интересовъ російскаго дворянства*;—если никто изъ этого дворянства не уличитъ васъ *въ томъ, что вы зашли дальше, нежели требуетъ, по меньшей мѣрѣ, приличіе*, то намъ остается думать, что вашъ взглядъ раздѣляется всѣми російскими патриціями, то-есть, что всѣ они, *вопреки закону*, отрицаютъ у народа, у рабочихъ людей право на участіе въ дѣлахъ земства,—право, предоставленное ему недавнимъ закономъ, чуть ли не отрицаютъ даже право на образованіе подъ тѣмъ предлогомъ, что рабочій чедовѣкъ, будто бы, и «не гонится за большимъ образованіемъ». Между тѣмъ, въ томъ же номерѣ газеты, гдѣ помѣщена статейка г. Петра Бланка, говорится, что какіе-то «тайные враги дворянства стараются внушить (кому?), будто оно недовольно, раздражено уничтоженіемъ крѣпостнаго права», и говорятся громкія фразы по поводу того, что «Законодатель имѣлъ въ виду уничтожить великую неправду; онъ хотѣлъ возстановить *право людей*, которыхъ прежній порядокъ приравнивалъ къ вещи». Да развѣ проповѣдывать, что *рабочіе люди* обязаны только вѣкъ свой работать «на другихъ жителей государства» и только *иногда*, ради выгоды, для самихъ себя», не значить, въ сущности, стремиться къ этому прежнему порядку?

Что, господа адресные и неадресные дворяне, какъ вы вывернетесь, какъ уклонитесь отъ нескромно поставленнаго вопроса «Голосомъ»?

Или вы тоже вѣрите по Аристотелю и Бланку, что есть натура рабская и натура человѣческая и что, если гдѣ нѣтъ пролетаріата, такъ *ейю надобно разводить*? ¹⁾

И вы, г. Голохвостовъ, «живущій вѣрою хоть въ день смерти поклониться Россіи, какъ самой великой, самой могучей и самой свободной державѣ въ мірѣ»?

И вы, г. Орловъ-Давыдовъ, графъ-богословъ, любомудръ ²⁾ и ученикъ эдинбургскаго университета?

Не можетъ быть.

Конечно, не можетъ быть, но дайте намъ медь вашихъ рѣчей, а то какъ бы и васъ не постигла участь, которой одинъ изъ васъ «между жаркимъ и бланманже» пугаль клеветниковъ дворянства, говоря, «что они преступники передъ *человѣчествомъ* (*ennemis du genre humain!*) и что ихъ ждетъ проклятіе потомства и разныя историческія неприятели».

...И куда дѣлись всѣ рьяные матерые друзья и защитники меньшихъ братій, общины, общиннаго землевладѣнія?..

Гдѣ И. Аксаковъ?

Гдѣ Ю. Самаринъ?

Не лучше ли было бы, вмѣсто *духовнаго* «Дня», издавать «День» *святскій* и ломать копыя за наше *право на землю*, чѣмъ отвѣчать цѣлыми печатными листами убійственной скуки какому-то отцу Мартынову, котораго письма никто не читалъ и читать не будетъ?

Проснитесь, Бруты! Пока вы ликовали побѣду надъ Польшей и занимались уничтоженіемъ іезуитовъ, посмотрите, какую безобразную голову подняло православное помѣщичество.

¹⁾ Какъ жаль, что помѣщики поздно догадались огрядущемъ запросѣ на пролетаріатъ; они могли бы, при тѣхъ поощрительныхъ и христіанскихъ средствахъ, которыя имъ давалъ законъ до несчастнаго 19 февраля, поставить большое количество матеріала. А. И. Г.

²⁾ Извѣстному противнику Бунзена и Бокля титулъ богослова принадлежить давно, но истиннымъ любомудромъ явился графъ въ послѣдніе «дебаты», гдѣ онъ съ такой новой ясностью истолковалъ московскому дворянству различіе между олигархіей и аристократіей. «Аристократія и олигархія, сказалъ сіятельный ораторъ, это два понятія совершенно несогласныя между собой. Олигархія есть стремленіе сосредоточить власть въ рукахъ *немногихъ* людей, тогда какъ аристократія стремится привлечь къ управленію *лучшихъ* людей». Изъ этого ясно, что демократія старается набрать въ управленіе что ни есть хуже негодаевъ. Какая же будущность у нея? Мы рекомендуемъ составителямъ прописей и хрестоматій не упускать изъ вида эту дѣтскую, но глубокую сентенцію графа. А. И. Г.

2722. Судебное убійство въ Москвѣ.

27 ноября (9 дек.) крестьянинъ Архипъ Пудинъ приговоренъ полемымъ судомъ къ разстрѣлянiю. Намъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла ни до преступленiй Пудина, ни до дѣйствiй суда со шпорами. Безобразiе полевого суда не на полѣ, а въ мирномъ городѣ очевидно. Стѣны Москвы обогрятся русской кровью,—пусть московскiе неистовые патрiоты поближе увидятъ, какъ разстрѣливаютъ людей.

2723. Имѣютъ ли право коронные чиновники измѣнять законы?

Пересматривая русскiя официальныя реляцiи, мы нашли слѣдующiй фактъ безпримѣрнаго самоуправства. Генераль *фонъ-Кауфманъ* пришелъ къ мысли *назначать* въ западно-русскихъ городахъ въ городскiе головы *не по выбору общества* (какъ велитъ законъ), *а по опредѣленiю отъ правительства*. Мало ли какой вздоръ можетъ прiйти *фонъ-Кауфману* въ голову, но онъ осмѣлился эту противозаконную мѣру привести въ исполненiе и назначилъ ковенскимъ градскимъ главой какого-то Петровскаго.

2724. Школа въ Лугано.

Мы прочли въ «Нордѣ» 15 декабря интересную рекламу какой-то русской школы, заведенной какимъ-то докторомъ Гейслеромъ въ Лугано. «Гейслеръ обращаетъ особенное вниманiе на то, что онъ не принимаетъ въ учителя на одного русскаго или польскаго выходца». Родители могутъ по этому судить о гражданской нравственности луганской школы. Бывали школы (особенно иезуитскiя), въ которыхъ не принимались протестанты, но такой наивной политической рекламы намъ чтать не случалось.

2725. Симбирскiе поджигатели.

Девять мѣсяцевъ тому назадъ («Кол» 1 апр. 1865) мы спрашивали: «Не скажете ли намъ г. Ждановъ, производившiй слѣдствiе по симбирскому пожару, много ли открыто нигилистовъ, много ли поляковъ, а главное, не скажете ли чего-нибудь насчетъ несчастiя, постигнувшаго канцелярiю подполковника Бендерскаго, сдѣлавшуюся жертвою хищной стихiи точно такъ же, какъ и канцелярiя его предшественника, поглощенная той же ненасытной стихiей».

Съ тѣхъ поръ г. Ждановъ умеръ или отравленъ (по намекамъ «Моск. Вѣд.»), а бывшiй симбирскiй губернаторъ г. М. Анисимовъ, защищаясь отъ «Моск. Вѣд.», печатаетъ слѣдующее: «Притомъ изъ самой статьи г. К. П. В. Б. видно, что характеръ поджоговъ былъ таковъ, что никакiя мѣры предупредить ихъ не могли. По словамъ той же статьи, мѣстнымъ руководителемъ дѣйствiй заговорщиковъ было лицо, котораго начальныя буквы

фамиліи выставлены въ статьѣ. Господинъ этотъ, какъ извѣстно, *призываетъ былъ для охраненія города отъ пожаровъ, но если онъ, вмѣсто того, чтобы городъ охранять, самъ распоряжался его жечь, то спрашиваю всѣхъ и cadaго: возможно ли было предупредить эти поджоги?*

Не наша вина, что на статью «Колокола» не обратили вниманія. И послѣ этого безсовѣстность «Моск. Вѣд.» идетъ до того, что онѣ ставятъ вопросъ: «Польскіе ли заговорщики, или доморощенные нигилисты, или агенты всесвѣтной революціи?—общество должно знать своихъ враговъ»... Такъ это губернское начальство призвало для охраненія города—нигилиста, мацциневскаго агента, польскаго повстанца... Скажите, пожалуйста?!

◆◆ Предсѣдатель нижегородской казенной палаты донесъ 8 ноября 1865 г., что Ждановъ, слѣдуя изъ Симбирска съ СПб., скоропостижно скончался въ Нижнемъ-Новгородѣ; врачи пришли къ заключенію, что причина—нервно-мозговой ударъ...

2726. Подарки къ новому году.

«Современникъ» получилъ второе предостереженіе. Не надобно было имѣть много пророческаго таланта, чтобы предсказать судьбу его, какъ мы сдѣлали въ прошломъ листѣ. Ай да Валуевъ!.. работаетъ исправно. Какъ пріятно должно быть «Дню», что его православіе такъ усердно ограждается отъ нечестиваго духа!

2727. (Изъ Сибири).

Мы получили страшную вѣсть, но не знаемъ, достовѣрна ли она: намъ пишутъ о смерти Яковлева въ Сибири и помѣшательствѣ Обручева. Умоляемъ извѣстить насъ, правда ли это?

2728. Объявленіе.

Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на то, что Вольная Русская типографія въ Женевѣ принимаетъ съ новаго года, сверхъ заказовъ для печатанія на русскомъ, и на польскомъ, сербскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ.

Типографія снабжена новыми шрифтами и можетъ ручаться не только за точное и красивое выполненіе, но и за сравнительную дешевизну заказовъ.

Подробный тарифъ цѣнамъ печати на разныхъ языкахъ, въ разномъ форматѣ и на разной бумагѣ желающіе могутъ найти въ Бюро типографіи, 40, Pré L'Evêque.

2729. Письмо къ М. Мейзенбуъгъ.

*Pour Malvida.*4 jan. 1866.
С-ау Boissière.

Cherissime lettrophile, vous nous accablez de douces injures, d'aimables reproches, pour notre silence, et nous écrivons, nous écrivons avec Talazzi, avec la poste, nous écrivons mais sans envoyer... Est-cé que Talazzi a enfin été chez vous?.. Et au bout des comptes, Il y a très peu de chose à vous communiquer, notre existence est monotone et agitée, mais monotonement agitée. *Rien ne va* à l'exception, de Tata—qui s'occupe—et très heureusement ne sent pas l'ennui du couvent laïc. La santé d'Og. très mauvaise, et aussi il ne fait *rien* pour se tirer de sa position. J'ai tout essayé—jusqu'à la colère—non possumus.

Tout est triste à Montreux. Baxt y est et donne des leçons, il est étonné de l'esprit, de l'intelligence de Lise. Mais il part dans deux semaines en donnant le conseil (très sage) d'aller pour un semestre ou un an—à Francfort.

La seule consolation qui nous remplit d'allégresse—c'est le prince Dolgoroukoff bien portant, bien parlant, plus ventreux que jamais et qui fait son testament—et me désigne comme exécuteur.

Czerniecky — Douglas *le noir*, toujours taciturne et sa dame rêvant au beau ciel de King's Cross et avec horizons de Tottenham court road.

Thorzevsky—la volupté chauve, l'élément—Urbrei der Menschen—s'attachant à Kassatkine par les querelles et regrettant de la même manière comme m-me Czern. les *belles* vues de Haymarket et la fraîcheur de l'Argyll room.

Zwierciakewitch—l'étrusque Polonais, et Vogt—qui vient de paraître—voilà les éléments, le canevas pour un roman en lettres...

Vous savez que Mazzini est très malade? Au moins il peut dire—qu'il a créé la moitié de l'édifice.

Tout s'en va. Le vieux pr. Volkonsky que vous avez vu à Paris vient de mourir.

Der traurige Froelich hat sich sehr schlecht benommen mit Metschnikoff.

C. Schurz a une position magnifique, il est proconsul de Johnstow dans une partie du Sud comme le gén. Grant.

Переводъ.

Для Мальвиды.

4 ян. 1866.

Дражайшая письмофилка! Вы осыпаете насъ нѣжной бранью и любезными упреками за наше молчаніе, а мы все пишемъ, пишемъ, пишемъ съ Талацци, по почтѣ, пишемъ, но не отсылаемъ писемъ... Былъ ли, наконецъ, у васъ Талацци?.. А въ конечномъ счетѣ мало, чего и сообщать вамъ: жизнь наша однообразна и тревожна, тревожна и однообразна. *Ничто не подвигается*, за исключеніемъ Таты, которая работаетъ и, къ великому счастью, не чувствуетъ скуки этого свѣтскаго монастыря. Здоровье Ог. очень плохо, и опять-таки онъ *ничего* не дѣлаетъ, чтобы выпутаться изъ своего положенія. Я все испробовалъ до гнѣва включительно, — больше не можемъ.

Въ Монтрѣ все грустно. Бакстъ тамъ, занимается уроками; онъ пораженъ умомъ и развитіемъ Лизы. Но черезъ двѣ недѣли онъ уѣзжаетъ и совѣтуетъ (очень разумно) уѣхать на семестръ или на годъ во Франкфуртъ.

Единственнымъ утѣшеніемъ, исполняющимъ насъ радости, является князь Долгоруковъ, здоровый, разговорчивый, съ болѣе круглымъ, чѣмъ когда-либо, брюшкомъ; онъ пишетъ завѣщаніе, а меня назначаетъ душеприказчикомъ.

Чернецкій, *мрачный* Дугласъ, всегда молчаливый, а его супруга мечтаетъ о прекрасномъ небѣ King's Cross'a съ горизонтами Tottenham court road'a ¹⁾).

Тхоржевскій, это лысая чувственность, элементъ человѣческой протоплазмы, вѣчно ссорящійся съ Касаткинымъ и вздыхающій точно такъ же, какъ г-жа Чернецкая, о прекрасныхъ видахъ Naumarket'a и о свѣжести Argyll room ²⁾).

Цверцякевичъ, этрусскій полякъ, и только-что пріѣхавшій Фогтъ — вотъ элементы, канва для романа въ письмахъ...

Вы знаете, что Маѳцини очень боленъ? Онъ-то можетъ, по крайней мѣрѣ, сказать, что возвелъ зданіе наполовину.

Всѣ уходятъ одинъ за другимъ. Недавно скончался старый князь Волконскій, котораго вы встрѣчали въ Парижѣ.

Печальный Фрелихъ очень плохо велъ себя по отношенію къ Мечникову.

¹⁾ Мѣстности и улицы Лондона.

²⁾ Увеселительное мѣсто въ Лондонѣ.

К. Шурцъ достигъ прекраснаго положенія: онъ проконсуломъ Джонстоуна ¹⁾, въ одномъ изъ южныхъ штатовъ, какъ ген. Грантъ ²⁾.

2730. Письмо къ Н. П. Огареву.

5 янв. (1866).

Съ досадою и внутренней злобой вижу я, что, несмотря ни на что, все-таки, финансы плохи и вывернуться мудрено безъ ежегоднаго дефицита отъ 10 до 12.000 фр., что, по-моему, скверно. Чтобы не возвращаться до 1867 года, вотъ тебѣ отчетъ для того, чтобъ ты зналъ, что съ моей стороны тутъ нѣтъ произвола.

Дохода теперь около 48.000.

Расходъ:

	Содержаніе дома, т.-е.	
	Кухня	} 12.000
	Вино	
	Отопл.	
	Освѣщ.	
Прислуга и стирка		2.000
Наемъ дома		5.000
Сашѣ		5.000
Ольгѣ и Мейз.		5.000
Татѣ съ уроками		2.500
Типографія— <i>minim.</i>		4.000
Н. и Лизѣ		8.000
		<hr/>
		43.500

Экономій сдѣлать можно на 2—3.000, — это всё extra для меня. Затѣмъ остается 4.500 для тебя, платье etc. А потому я и долженъ тебѣ сдѣлать предложеніе: до полученія отъ Сатина, Салиасъ или Виргиніи ³⁾ денегъ свести твои расходы на 300 фр. въ мѣсяцъ, а для начала прилагаю 500 фр., что съ 100 фр. и составитъ 600 до 1 марта.

Вѣрь мнѣ, что мнѣ досадно это, но мы не дѣти. Изъ счета ты увидишь, что я для себя ничего не назначилъ.

Къ этому надобно присовокупить, что при полученіи отъ Сат. или Сал. ты долженъ долю, $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{5}$, брать на ремонтъ.

Вотъ и отчетъ и бюджетъ

Рейтерна ⁴⁾ Буасьерскаго.

¹⁾ Городъ въ Сѣв.-Америк. Соединенныхъ Штатахъ.

²⁾ Главнокомандующій сѣверной американской арміи.

³⁾ Т.-е. процентовъ по американскимъ бумагамъ.

⁴⁾ Фамилія русскаго министра финансовъ.

Р. S. Замѣть, что если-бъ я сталъ экономить на деньгахъ Саши etc., я поневолю ихъ еще больше возстановилъ бы противъ N. Экономія можетъ только быть въ хозяйствѣ, она и будетъ съ 1 апрѣля. Записочку эту мнѣ отдай: у меня нѣтъ другого бюджета, такъ ясно составленнаго.

Это было написано прежде твоей записки.

2731. Письмо къ О. А. Герценъ.

4 января (1866).
La Boissière.

Милая Ольга, я тебѣ очень благодаренъ, что написала особое письмо, и былъ имъ доволенъ, несмотря на ошибки, поэтому и я пишу тебѣ. У насъ, хоть и не весело, но ничего. Тата много учится и читаетъ, Линда совсѣмъ не читаетъ, а визжитъ, и я съ ней въ ссорѣ. Насчетъ дѣтей ¹⁾ ты знаешь: дѣвочка отправилась во Флоренцію съ Талацци; маленькій Portos очень боленъ, жилъ у доктора и теперь у прачки; его назначилъ я Лизѣ; третій подаренъ прачкѣ. Нечище собаки, какъ Линда, я не видалъ.

5 янв.

Саша писалъ опять письмо; изъ него я вижу, что Тал. у васъ еще не былъ, а Саша читаетъ выговоръ; его, вѣроятно, Мальвида Филиповна подзадорила такъ, а самъ пишетъ въ мѣсяцъ разъ о томъ, что некогда писать.

Тата сдѣлала очень большіе успѣхи въ пѣніи; можетъ, я ее отпущу на недѣльку къ m-me Lion въ Бернъ.

Мечниковъ поѣхалъ взять Надю ²⁾ сюда.

Прощай. Напиши со временемъ длинное письмо Лизѣ; она очень умна и учится славно, зато и балуетъ славно; ты можешь ей написать прямо: maison Pillet, M-elle L. O. ³⁾, Montreux.

Прощай, цѣлую тебя hundred ⁴⁾ разъ.

Ага кланяется вамъ обѣимъ. Письмо вверхъ ногами Мальвидѣ ⁵⁾, Сашѣ поклонъ. Я у Таты видалъ тетради писемъ для него.



Писать ли вамъ по новому адресу?

¹⁾ Щенята.

²⁾ Свою дочь, бывшую въ школѣ Фрелиха.

³⁾ Lise Ogareff.

⁴⁾ Сто.

⁵⁾ № 2730.

2732. Письмо къ Э. Кинэ.

5 janvier 1866.

Genève, C. de Boissière.

Monsieur,

Je vous remercie infiniment pour votre respectable lettre que j'ai eu l'honneur de recevoir et je vous offre la brochure de M. Ogareff—qui vient d'arriver de Londres. Jetez y un coup d'oeil—et vous verrez quel monde étrange cette Russie!

Il m'est impossible de venir à Veytaux avant une dizaine de jours. Je me ferai un véritable plaisir de profiter de votre invitation.

Recevez, Monsieur, mes salutations respectueuses et empressées.

*Al. Herzen.**Переводъ. 1*

5 января 1866.

Милостивый Государь!

Безконечно благодарю васъ за ваше почтенное письмо, которое я имѣлъ честь получить, и предлагаю вамъ брошюру г. Огарева, только-что полученную изъ Лондона. Загляните въ нее, и вы увидите, какой странный мѣръ эта Россія.

Мнѣ невозможно прѣхать въ Вейто раньше, нежели дней черезъ десять, и для меня будетъ истинное удовольствіе воспользоваться вашимъ приглашеніемъ.

Примите, Милостивый Государь, мой почтительный и усердный привѣтъ.

Алекс. Герценъ.

◆◆ 1. 4 января 1866 г. Кинэ написалъ Герцену: «Было бы очень досадно, если бы ваше письмо оказалось только для меня одного. Особенно жалѣю, что оно появится по-русски. Вы имѣете за себя традицію, фактъ, которые мы знаемъ очень плохо. Многіе изъ нашихъ обнимаютъ облака, сведите ихъ на землю. Я васъ жду, не дождусь. Я выхожу обыкновенно отъ трехъ до пяти часовъ. Остальное время—ваше. Примите выраженіе преданности». Привожу переводъ съ подлинника, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена; въ изданіи «Lettres d'exil», t. III это письмо напечатано съ грубыми ошибками, не полно и въ качествахъ конца письма отъ 25 (во франц. изданіи 24) декабря 1865 г.

2733. Письмо къ М. К. Рейхель.

7 янв. 1866.
Chât. Boissière.

Вотъ какія бываютъ чудеса. Около 20 декабря ѣдетъ одинъ милый полякъ въ Дрезденъ, похожъ на Хоецкаго, любитъ поволочиться и поплясать; вдругъ мнѣ пришла мысль, пусть же вамъ кто-нибудь привезетъ живую вѣсть,—давай строчить письмо, и я и Тата.. Письмо отдали и сидимъ себѣ въ увѣренности, что вы давно и почитали и похотали... Какъ вдругъ возвращаюсь домой, нахожу карточку: «Domherr»—онъ еще не успѣлъ уѣхать... Вотъ и принялся васъ поздравлять послѣ крещенія съ Новымъ годомъ.

Вчера (первый разъ послѣ 1847, потому что прежде ошибочно справлялся этотъ день 25 дек.) ввели мы Тату въ совершеннolѣтiе; 21 годъ—дѣло не шуточное ¹⁾). Она, по счастью, вовсе не думаетъ о сладкой горечи замужества; этимъ я безгранично доволенъ. Да и, вообще, я ею доволенъ; теперь у нея страсть къ пѣнiю, побѣдившая страсть къ живописи; изъ этого выйдетъ, что она будетъ и пѣть живописно и рисовать музыкально.

Ну что же бываютъ у васъ вѣсти изъ Русландiи, какъ назыв. Аксаковъ? Сообщайте, матушка, иное намъ, грѣшнымъ, чтобъ опять икнулось родиной (съ рѣдичнымъ букетцемъ). Что Егоръ-то Ивановичъ и квадратная Татьяна Петровна ²⁾).

А друзья-то наши—враги? Зимой мало русскихъ, да и лѣтомъ больше страшная дрянь.

Можетъ, я Тату отпущу недѣли на двѣ къ Ольгѣ Ив. въ Бернъ.

Обнимаю Рейхеля. Напишите мнѣ реестръ о вашихъ дѣтяхъ съ подробностями:

	Лѣта.	Чему учатся и какъ.	Разныя примѣты.	Лицо и наружность.
1				
2				

* * *

Прощайте и лихомъ не поминайте.

¹⁾ Ошибка была именно на этотъ разъ; Н. А. Герценъ родилась 13 декабря 1844 г. по старому стилю, значить, 25 декабря по новому, а Герцены набавили еще 12 дней и получили 6 января.

²⁾ Пассекъ.

2734. Письмо къ сыну.

12 января (1866).

C. de Boissière.

Любезный Саша, если Авигдоръ еще не посылалъ денегъ, пиши къ нему, пожалуй, телеграфируй. Мнѣ что-то мудрено, что, живши годы въ одномъ городѣ, у тебя нѣтъ знакомаго, у кого бы перехватить сотню-другую. Посылаю тебѣ отъ себя расписку въ 200 фр.; на нее ты можешь взять у Пульскаго, Дольфи, Фрикена, Муравьевыхъ, даже у банкира Фензи.

Ты, какъ всегда, ничего не понялъ, о чемъ я писалъ относительно Таты, и отвѣчаешь элегіей о семейномъ счастьѣ Шиффа, которымъ и Мальв. мнѣ надоѣдаетъ. Если бы вы оба уиѣли обобщать предметы, вы никакихъ примѣровъ не брали бы, а брали бы изъ всѣхъ *мысль*.

То, что Тата проводитъ одна эту зиму въ нашемъ аббатствѣ, ей *сдѣлало и сдѣлаетъ*, больше пользы, чѣмъ всѣ бесѣды Шиффа & С-піе съ ней, и она это теперь чувствуетъ. Здѣсь она становится самобытнымъ и мыслящимъ существомъ, а потомъ захочетъ выйти замужъ; если найдетъ, дѣйствительно, достойнаго человѣка, выйдетъ, а нѣтъ—нѣтъ. У васъ же, тронутая нормальнымъ, по-твоему, счастьемъ Шиффа, она вышла бы замужъ за Левье, за Лежена или не знаю кого и сгубила бы свое развитіе да на дорогѣ нанесла бы и мнѣ окончательный ударъ во всѣ остающіяся теплыя чувства сердца. Ты этого ничего не понялъ... Переведи все, о Татѣ сказанное, Мейзенб.; я повторяю, что бросать дѣвочекъ въ 18—19 лѣтъ въ замужество—преступленіе, и, конечно, не она будетъ возражать, дѣлая «эмансипацію», какъ говорила Ольга когда-то.

Что жъ Талацци былъ, наконецъ? Когда долго писемъ нѣтъ, ограничивайтесь вопросомъ, а потомъ бранитесь.

Огаревъ собирается и ужъ началъ лѣчиться льдомъ и горячими припарками по методѣ Шарпан'а; какъ ты думаешь?

Я воспитаніе Таты и Ольги (ты ужъ стоишь на своихъ ногахъ) поставилъ одной изъ краугольныхъ задачъ моей жизни.

Огаревъ убѣждалъ, умолялъ,—никакой перемѣны не было, *когда надобно было разстаться*. Мы хотѣли видѣть перемѣну отъ одиночества, въ каждомъ письмѣ протягивали руку на разумное примиреніе, успѣха не было.

То ли говорить, то ли думать Сер.-Сол.? Дадутъ тысячи причинъ отъ ненависти до ревности и никто не догадается, что причина глубже и святѣе.

На этотъ разъ довольно.

Помни, что порядочный человѣкъ только тотъ, кто умѣеть *молчать*.

Все это я пишу по секрету.

Что касается до національности и Густава ¹⁾ (одинъ Густавъ Ваза и былъ уменъ, а этотъ — ваза глупости, я это прочелъ у него на лицѣ), опять мнѣ больно, что ты меня не понимаешь. Объ этомъ я тебѣ буду писать въ слѣдующемъ письмѣ, т.-е. по-лучивши отвѣтъ.

А прогос, что ты разумѣешь подъ «*inde ire*»?.. ²⁾ Я не понималъ; есть «*inde ira*» — «вотъ откуда гнѣвъ», но это не идетъ.

Затѣмъ прощай.

Я думаю, что не лучше ли Ольгѣ весной прѣѣхать подольше къ вамъ. Въ послѣднее время Тата съ ней гораздо лучше. Можетъ, мы и соберемся всѣ въ Швейцаріи или въ Италіи.

Домагальскій ³⁾ сдѣланъ какимъ-то полковымъ начальникомъ у Гарибальди.

2735. Письмо къ Н. А. Огаревой и Лизѣ.

14 янв. (1866); воскресенье.

Вчера я послалъ книгу Бибикова, о которой было столько говорено, — первая книга, публично судимая и осужденная въ Петерб. Читать ее слѣдуетъ всю, я только просмотрѣлъ. Много здороваго и свѣтлаго, но грубо и заносчиво. Статью о Фурье можемъ прочесть вмѣстѣ, а статью «о ревности» ⁴⁾ съ Бакс. вслухъ читать *нельзя*; въ ней слишкомъ много *натур*, хотя понятіе очень вѣрно.

Русскій Новый годъ мы и не встрѣчали, а разошлись въ 11 часовъ; вообще, жизнь идетъ скучно и не до празднованій. У Огар. опять былъ припадокъ; онъ долго послѣ бродилъ по всему

¹⁾ Фогтъ.

²⁾ Откуда итти.

³⁾ Михайлъ.

⁴⁾ «Ревность животныхъ (по поводу неслыханнаго поступка Вѣры Павловны Лопуховой)» — о критикахъ «Что дѣлать?» и особенно о Ципринусѣ (псевд.) изъ «Голоса». Въ одномъ изъ этюдовъ своихъ «Критическихъ очерковъ» Бибиковъ взялъ эпиграфомъ фразу изъ «Дилетантизма» Герцена, глухо указавъ ея источникъ: «Изъ Отеч. Зап. 1843 года».

дому совершенно бессознательно. Новое лѣчение льдомъ онъ началъ; можетъ, оно помогло бы, но онъ ничего не хочетъ дѣлать ни для режима, ни для чего. Это падаетъ на меня камнемъ. И, будто, Natalie, у тебя нѣтъ желанія этотъ камень облегчить? И, будто, тебѣ легко къ кресту прибавлять крестъ, а развѣ твое намѣреніе выписать Нат. Ап. ¹⁾—не крестъ, а развѣ самое (теперь безцѣльное) гулянье по Германіи не будетъ крестомъ? Я думалъ о семестрѣ въ пансіонѣ Гильтенбрандтъ. А тутъ теперь рѣчь объ осматриваніи,—какое осматриваніе? Вчера получилъ отъ Мар. Касп. письмо; она пишетъ, что у Рейхеля *дифтерія*, и что докторъ велѣлъ дѣтей удалить. А Берна... тотъ молодой господинъ, который ѣздилъ съ Фогтомъ въ Исландію, умеръ 29 лѣтъ страшнымъ крупомъ. Подумай, что еще во Франкфуртъ (онъ на особыхъ правахъ) я могъ бы пріѣхать, а въ другія части Германіи? Т.-е., конечно, я пріѣду, если-бъ была малѣйшая опасность, но уже пріѣду ли назадъ или прямо на висѣлицу, это—вопросъ.

Осматривать школы можно въ Базелѣ, во всей Швейцаріи. Ты хотѣла азиль; смотри, стало Kinder Garten'ы. Не рѣшая ничего о Миланѣ (отъ Lugano два шага), я полагаю, что Миланъ—хорошій городъ и, пожалуй, стоитъ Флоренціи. Но все это въ 1868 году. А теперь я прошу и требую остаться въ Швейцаріи. Жизнь я устрою, занятія Лизы устрою, развяжи же мнѣ руки. Довольно мученій. Я на Ог. гляжу, какъ на отпѣтаго или приговореннаго. Дай же мнѣ элементъ дѣтства въ Лизѣ, и преданности въ себѣ. Неужели тебѣ легко топтать всѣ мои призывы и не легче подчиниться необходимости жить близко въ двухъ домахъ, чѣмъ впутывать всякихъ Жемч. ²⁾, о которыхъ ты ничего не знаешь, кромѣ того, что мнѣ это ножъ острый. Кстати, Ог. не можетъ надивиться, откуда онъ возьметъ денегъ на житье за границей.

Что пишетъ Сат.? Деньги пришли превосходно, т.-е. ко времени. Я не продалъ амер. бумажку и изъ 3200 отдалъ 500 Ог. не въ-счетъ и 2500 заплатилъ долга. Мы полагаемъ, что тебѣ нужно на остал. 200 черной матеріи, шляпу и пр.; не привезть ли мнѣ? Ты, вѣроятно, понимаешь, что дѣло идетъ не о щегольствѣ, а о томъ, что я называю decorum'омъ.

Я перечитывалъ письма Энгельсона отъ 1852 и 53 года... Не странно ли: все, вступившее близко ко мнѣ, терзало меня... Га-

¹⁾ Для Лизы ея пріѣздъ—гибель, а для тебя это, развѣ, развлеченье? А. И. Г.

²⁾ Николай Аполлоновичъ Жемчужниковъ, дядя Огаревой по матери.

вань, Havre de Grâce ¹⁾), думалъ я десять лѣтъ тому назадъ, когда прѣѣх. Ог. и ты, и черезъ десять лѣтъ я съ вами же ищу гавани и не нахожу. И онъ и ты ничего не дѣлаете для меня, а, вѣдь, вамъ жаль меня!

Прощай.

4 часа. Письма нѣтъ. Посылаю мое маранье. Все утро читалъ старыя свои «Записки». Я, можетъ, напечатаю томъ «Был. и думъ» (объ Энгел.). Natalie, помоги мнѣ устроиться тихо и близко, такъ, чтобъ я могъ и работать и видѣть васъ всѣхъ поочередно.

Неужели нѣтъ?

Лиза, когда же ты мнѣ напишешь въ «Колоколъ» сказочку? Ну, а если и не въ «Колоколъ», то для насъ, мы будемъ почитать. Тата тебѣ такой сюрпризъ приготовила, что прелесть. Должно быть, я самъ его привезу. А получилъ ли Бакстъ минеральную воду?

Кланяйся ему.

Тата опять лежитъ въ головной боли и совсѣмъ сегодня не вставала.

Цѣлую тебя много.

А. Д. ²⁾

2736. Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій.

Сходятъ въ могилу великіе страдальцы николаевского времени, наши отцы въ духѣ и свободѣ, герои нашего пробужденія Россіи, участники великой войны 1812 и великаго протеста 1825...

Пусто... мелко становится безъ нихъ..

Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій скончался 28 ноября (10 декабря).

Съ гордостью, съ умиленіемъ вспоминаемъ мы нашу встрѣчу со старцемъ въ 1861 году. Говоря объ ней въ «Колоколъ» (л. 186, 1864), мы боялись назвать старца ³⁾.

Удивительный кряжъ людей... Откуда XVIII вѣкъ бралъ творческую силу на созданіе гигантовъ вездѣ, во всемъ, отъ Ніагары и Амазонской рѣки до Волги и Дона?.. Что за бойцы, что за характеры, что за люди!

Слѣшимъ передать нашимъ читателямъ некрологъ князя С. Г. Волконскаго, присланный намъ княземъ П. В. Долгоруковымъ ⁴⁾.

¹⁾ Гавань милосердія.

²⁾ Вѣроятно, «альпійскій дядя».

³⁾ Слѣдуетъ цитата двухъ абзацовъ изъ IV «письма» № 2341.

⁴⁾ Слѣдуетъ некрологъ. ¹

◆◆ 1. Въ Женевѣ Долгоруковъ опять долженъ былъ временно не посѣщать Герцена. Послѣ одного обѣда, онъ «вышелъ изъ залы и хотѣлъ отдать какое-то приказаніе нашему повару,—разсказываетъ Огарева. Чтобы дойти до кухни, нужно было сойти нѣсколько ступеней; тамъ князь остановился, услыша разговоръ, въ которомъ упоминалось его имя: поваръ Жюль жаловался громко на князя, говоря, что онъ доставляетъ гораздо болѣе хлопотъ прислугѣ, чѣмъ остальные гости. вмѣсто того, чтобъ сдѣлать видъ, что ничего не слыхалъ, и позвать Жюля, П. В. толкнулъ дверь и, выхвативъ кинжалъ изъ трости, началъ бранить Жюля и кричать, замахиваясь на него кинжаломъ. Жюль не остался въ долгу, и поднялъ руку на князя. Слыша страшный шумъ внизу и зная спокойный нравъ князя, Герценъ, позвавъ съ собой Вырубова, послѣшно спустился въ кухню, чтобы во-время остановить разгоряченныхъ готовыхъ вступить въ бой. Герценъ схватилъ за руки П. В. и попросилъ Вырубова держать Жюля; князя отвели въ столовую; послѣдній былъ въ изступленіи отъ бѣшенства, схватилъ графиню и разбилъ его вдребезги объ столъ, потомъ взялъ стулъ и бросилъ его такъ, что онъ разбился на куски. Герценъ смотрѣлъ на него молча и въ недоумѣніи. Князь задыхался отъ гнѣва; наконецъ, онъ произнесъ: «Нога моя не будетъ болѣе въ этомъ домѣ» и уѣхалъ. Но ему невозможно было не видать Герцена, и черезъ недѣлю онъ прислалъ послѣдному письмо, въ которомъ просилъ выгнать Жюля за его дерзость къ нему; только по исполненіи этой просьбы П. В. можетъ снова бывать въ *Château de la Boissière*» (стр. 232—234). Въ концѣ концовъ, князь позвалъ къ себѣ Жюля, выпилъ съ нимъ на примиреніе, и все пошло попрежнему.

Бѣлогорый разсказываетъ, какъ декабристъ А. В. Поджіо былъ возмущенъ некрологомъ кн. П. В. Долгорукова, сказавшаго, что Волконскій былъ принятъ въ тайное общество М. А. Фонъ-Визинимъ въ домѣ гр. П. Д. Киселева, гдѣ Пестель читалъ отрывки изъ «Русской Правды». Старикъ очень былъ обиженъ за такой намекъ на ренегатство Киселева, имѣлъ съ авторомъ некролога крупное объясненіе, очень разгорячился и, говоря о заграничной оппозиціонной печати, между прочимъ, передалъ и свой взглядъ на нее; находя ее и полезной, и даже необходимой, когда она въ рукахъ талантливаго и тактичнаго руководителя и ведется правдиво и дѣловито, онъ признавалъ, что она скорѣе подрываетъ въ обществѣ довѣріе къ печатному слову, если служитъ личнымъ интригамъ, сплетнямъ, искажаетъ событія, даетъ фальшивыя представленія о лицахъ и т. п.; что печать послѣдняго рода, напротивъ, крайне вредна, ибо позволяетъ безпрестанно уловлять себя во лжи.

Говоря все это, Поджіо имѣлъ въ виду все тотъ же злополучный некрологъ Волконскаго; но взбѣшенный Долгоруковъ побѣждалъ прямо къ Герцену, рассказалъ ему о только-что бывшемъ объясненіи и представилъ все дѣло въ такомъ видѣ, что Поджіо считаетъ газету «Колоколъ» изданіемъ вреднымъ и лживымъ, и сплетническимъ. Теперь пришла очередь Герцена оскорбиться и вспыхнуть, и тутъ же рѣшено было, послѣ совѣщанія съ Огаревымъ, прервать немедленно всякія сношенія съ Поджіо... Для ознаменованія разрыва съ Поджіо Герценъ и Огаревъ постановили возвратить всѣ полученныя отъ него газеты и книги, что и было немедленно приведено въ исполненіе безъ объясненій... Впослѣдствіи недоразумѣіе это, не знаю, какими путями, сгладилось; знаю только, что когда вскорѣ, въ томъ же 1866 г., Герценъ покинулъ Женеву для Флоренціи, онъ разстался съ Поджіо такъ дружески, какъ будто никакихъ размолвокъ между ними не было. Эти подробности о размолвкѣ съ Герценомъ я услышалъ впервые послѣ смерти Поджіо отъ вдовы его; самъ же онъ, несмотря на всю нашу короткость, никогда мнѣ о ней не говорилъ или потому, что не придавалъ ей никакого значенія, а еще вѣроятнѣе, просто вслѣдствіе старческой забывчивости» («Воспоминанія», 122—126).

Можно сказать съ полной увѣренностью, что, хорошо зная и правильно оцѣнивая Долгорукова, ни Герценъ, ни Огаревъ никогда не рѣшились бы пойти на разрывъ со старикомъ-декабристомъ, не узнавъ лично отъ него сущности дѣла; не даромъ же Поджіо скрылъ его отъ своего друга; съ другой стороны, передача жены—источникъ не очень надежный. Я увѣренъ, что было что-нибудь болѣе серьезное.

2737. Вранье «Варшавскаго Дневника».

Въ 279 № «Варшавскаго Дневника» ¹⁾ между разнымъ пошлымъ враньемъ напечатано о какомъ-то *военномъ обществѣ* польскихъ изгнанниковъ, переѣхавшемъ изъ Невшателя подъ мое «покровительство въ Женеву». «Совѣтъ общества имѣетъ правильныя засѣданія каждую недѣлю, на которыхъ почти всегда бываетъ самъ Герценъ или его сотрудникъ К... Засѣданія бываютъ или въ мѣстахъ публичныхъ или въ домѣ Герцена. Одно только общество военное и представители Мѣрославскаго живутъ между собой и съ Герценомъ въ какой-то гармоніи, другія же находящіяся здѣсь

¹⁾ Корреспонденція изъ Женевы.

общества держатся вдаль». «Герценъ и Д. даютъ у себя поочередно два раза въ недѣлю, такъ называемые, литературные вечера. На одномъ изъ такихъ вечеровъ Чарнецкій и Ржонсницкій *выширали у Герцена въ штосъ переплетное заведеніе*, которое въ настоящее время оплачиваетъ издержки совѣта военного общества». Въ заключеніе сказано, что изъ другихъ польскихъ обществъ никто не приглашается на вечера Герцена, *Бакунина* и К-и (Бакунинъ-то въ Женевѣ!).

Мы не прячемся въ тѣни, а потому всѣ знающіе и насъ и меня могутъ по этому нелѣпому образчику оцѣнить, какихъ дрянныхъ и негодныхъ лазутчиковъ имѣетъ русское правительство за границей. Это стыдно Бергу: деньги на шпіонство отпускаются большія,—тутъ нѣмецкая экономія неумѣстна. Дежурнаго корреспондента, написавшаго этотъ бредъ, слѣдуетъ отставить съ тѣмъ, чтобы впредь къ шпіонскимъ должностямъ не опредѣлять.

Нужно ли говорить, что во всемъ этомъ враньѣ нѣтъ слова правды, что я никакого польскаго *военнаго общества* не знаю, что я вовсе не играю въ карты, что въ моемъ домѣ никогда не собирався никакой комитетъ, никакое общество, бюро, клубъ, департаментъ и пр., и пр., и что я не былъ ни въ какомъ засѣданіи въ «мѣстахъ публичныхъ».

Къ чему вся эта ложь? Для кого это пишется? Чортъ ихъ знаетъ! Видно, недостаточно ~~связались~~ связаны на катковскихъ поджигательствахъ!

2738. Вранье о симбирскихъ зажигателяхъ — сами себя и другъ друга предаютъ!

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» по поводу различныхъ толковъ о симбирскихъ пожарахъ пишутъ слѣдующее: «Теперь мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія, которая показываютъ, что по дѣлу о симбирскихъ пожарахъ не только не было еще судебного разбирательства, но даже и само слѣдствіе еще не окончено. Мы можемъ сообщить нашимъ читателямъ, что все, что до сихъ поръ было сдѣлано слѣдственной комиссіею, еще *весьма далеко отъ окончательнаго уличенія кою бы то ни было; напротивъ, есть много поводовъ сомнѣваться въ основательности первоначально возникшихъ подозрѣній и обвиненій*».

2739. Великокняжескій социализмъ—михайловская теорія собственности.

Къ римскому понятію о неприкосновенной собственности, къ аллодіальному и феодальному праву, къ прудоновскому колебанію между собствен-

ностью и владѣніемъ, къ ученію коммунистовъ и фаланги является новое социальное ученіе *михайловское* и нѣсколько магометанское. «Голосъ» (№ 343) изложилъ довольно хорошо велико-княжескій «бабувизмъ»¹⁾, въ корнѣ уничтожающій право собственности. «Смыслъ всѣхъ рѣчей его высочества; говорить «Голосъ», заключался въ томъ, что, объявляя представителямъ народа, именемъ государя, какъ высшею санкціею нашего закона, о *неприкосновенности* правъ каждаго на полученнѣю ими землю, увѣрить ихъ также и въ томъ, что они, вступая такимъ образомъ юридически въ общія права гражданина, принадлежащія каждому вѣрноподданному, кромѣ того, что съ 1 января 1866 г. должны будутъ платить за это подать на содержаніе своей же администраціи, но *что это право всякаго гражданина на землю будетъ имъ обезпечено ненарушимо правительствомъ лишь до тѣхъ поръ, пока они не будутъ слушать* злонамѣренныхъ людей, стремящихся поколебать ихъ довѣріе къ правительству».

2740. (Изъ Петербурга).

Изъ Петербурга есть письмо—новаго мало. Разсказы ютъ о дракѣ протопопа съ діакономъ въ Исаакіевскомъ соборѣ по окончаніи архіерейскаго богослуженія,—дѣло чисто *личное*, такъ его и принялъ митрополитъ, по просьбѣ одесскаго архіерея, родственника протопопа, давшаго *заушеніе* и *ланитобитіе* отцу діакону. Разсказываютъ о томъ, что новгородскій полицмейстеръ наказалъ палками двухъ арестантовъ въ острогѣ — *одною дворянина, другую французскаго подданнаго*; о томъ, что Френкель за *что-то* осерчалъ на Гернгросса, а Гернгросъ на Френкеля²⁾; о томъ, что палачъ Муравьевъ скоро будетъ палачомъ финансовъ и казнить кредитъ. Между больше или меньше любопытными подробностями корреспондентъ нашъ пишеть, что въ I-мъ департ. сената, гдѣ большею частью подрядныя дѣла съ казною, *гласность не допущена*.

Лучшее, что есть въ письмѣ, это — то, что въ Петербургѣ служили панихиду по полученіи достовѣрнаго извѣстія изъ Сибири о кончинѣ Михайлова.

¹⁾ Подъ этимъ именемъ извѣстно утопическое ученіе социалиста XVIII в. и главы коммунистическаго заговора во Франціи Бабефа.

²⁾ Герценъ, конечно, зналъ, что товарищъ мин. госуд. имуществъ Николай Александровичъ Гернгросъ и директоръ поземельнаго банка Френкель, бывшіе пріятелями, создали черезъ Валуева первое (и въ исторіи печати) предостереженіе «Спб. Вѣдомостямъ» въ сентябрѣ 1865 г. за споръ съ «Сѣв. Почтой», игравшей въ ихъ руку.

2741. (Изъ Сибири).

До насъ дошелъ ужасный слухъ; мы умоляемъ написать намъ, справедливъ ли онъ. Говорятъ, будто бы, Михайловъ былъ тѣлесно наказанъ, и, будто бы, онъ умеръ съ цѣпами на ногахъ. Мы боимся вѣрить въ такую роскошь злодѣйства...

2742. Письмо къ Н. П. Огареву.

(22 января 1866). Понедѣльникъ.
(Montreux), Hôtel des Alpes.

Не писалъ я къ тебѣ вчера, потому что не о чемъ. Приѣхалъ я какъ то не во-время, засталъ русскую даму и пр. Приемъ былъ холодный и началась, было, война колкихъ замѣчаній. Я просилъ оставить мелкую войну... Тотъ же хаосъ, что и прежде. Сегодня хочу узнать всѣ планы.

Погода превосходная. Лиза цвѣтетъ. Она очень мнѣ была рада и водила по горамъ, и рассказываетъ мнѣ, какъ большая, всю подноготную, что у нихъ дѣлается. Изъ игрушекъ сигарочный ящикъ взялъ приму. «Это, вѣрно, выбралъ ты, у тебя больше вкуса», говорить она мнѣ.

Въ трактирѣ, гдѣ я остановился, хорошо и покойно. Видъ удивительный изъ окна... Вотъ бы тебѣ пожить и отдохнуть, и омыться, и прійти въ себя. Прощай.

Бакстъ здѣсь, собирается ѣхать. Плащ.—не сынъ Наумовой, а второй жены Пл. ¹⁾.

2743. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(23 января 1866). Вторникъ.

Мнѣ писать нечего, поэтому я пользуюсь не почтой, но почтенной оказіей, называемой Бакстъ. Ему не нужно въ Женеву, потому онъ и не можетъ отложить долѣе сегодняшняго своего путешествія. Живу я здѣсь въ Hôtel des Alpes и плачу въ день 8 фр., потому что большую часть ѣмъ у N.—Изъ окна видъ великолѣпный. Такъ какъ теперь время крещенскихъ морозовъ, то и не удивительно, что страшная теплынь.

Н. рѣшительно хочетъ весной ѣхать во Франкф. на мѣсяць и потомъ куда-то еще въ Германію, послѣ въ Миланъ и тамъ остаться (о чемъ, кромѣ нашихъ, не говори). Можно и такъ. Лиза процвѣтаетъ и все съ сентенціями; мной очень довольна.

Пиши, какъ у васъ. Пиши о здоровьѣ Огар. и о болѣзняхъ Тхорж.

Я, вѣроятно, еще пробуду нѣсколько дней—тихо и заниматься можно, т.-е. писать.

Обнимаю тебя.

2-я часть.

Тата, не забудь, что Бакстъ, въ какое время бы ни прѣѣхалъ, ему надобно:

холодное а) $\frac{1}{2}$ фунта мяса соленого,

теплое б) $\frac{1}{2}$ фунта варенаго

entre chien et loup ¹⁾ в) $\frac{1}{2}$ фунта жаренаго

д) на это бутылку beau-joli ²⁾, какъ говоритъ гарсонъ.

Онъ на діэтѣ и потому меньше ѣсть боится. Въ комнатѣ температура должна быть все равно какая, но температура.

НАКОРМИ НЕПРЕМѢННО БАКСТА.

Пришлите «Русскій Вѣстникъ».

Прощай.

Корректуру получилъ, письмо также.

Что праздникъ польскій?

Что о bête у Долгорукова?

~~NB.~~ NB. || Очень нужно.

Сейчасъ, чтобъ Жюль отправилъ клѣтку бѣлую и гнѣзда, пришлите не съ Бакстомъ—у него и такъ много. Поскорѣе.

NB. Пришли Мальвид. Эдвардса въ переплетѣ.

2744. Письмо къ Н. П. Огареву.

24 (января 1866), среда.

Бакстъ, хотѣвшій ѣхать на день въ Женеву вчера, ѣдетъ сегодня. А, все же, я не знаю, чтѣ сказать, несмотря на то, что день идетъ за днемъ. Здоровье Н. плохо, тѣ же мысли, тѣ же возраженія. Если будетъ малѣйшая возможность, мы приѣдемъ

¹⁾ Въ сумерки, въ концѣ дня.

²⁾ Вино Beaujolais.

другую квартиру. Она непременно хочет съѣздить въ маѣ во Франкфуртъ и далѣе мѣсяца на два, потомъ собирается въ Миланъ. Развѣ, сами обстоятельства измѣняютъ что въ этомъ планѣ,—убѣжденія только укрѣпляютъ. Впрочемъ, вреда и нѣтъ. Лиза, цвѣтетъ, но почва около нездорова. И тутъ ничего не сдѣлаешь.

Пищу къ Жукъ, насчетъ дачъ. Если можно нанять что-нибудь лутное за 2.500 въ годъ, я найму для того, чтобъ имѣть точку, отъ которой считать координаты. Туда свезу весь хламъ, тамъ возможно будетъ и жить вмѣстѣ, и развѣзжаться. На время переселенія въ апрѣлѣ Тата можетъ ѣхать къ Lion, а осенью я провозу Nat. и Лизу и заѣду къ Ольгѣ. Вотъ мой планъ,—запомни его.

При поправкѣ *mise en page* особенно взгляни опять на мою статью: пропущена бездна ошибокъ.

Прощай.

Подстрочное замѣчаніе необходимо.

Кстати, я перемѣнилъ кое-что въ смѣси въ «Графѣ Бергѣ»¹⁾. Тоже просмотрѣ порядкомъ.

2745. Письмо къ Н. П. Огареву.

(26 января 1866). Пятница.
Hôtel des Alpes.

Письмецо и телеграмму (хотя и ненужную, потому что извѣщаетъ въ четвергъ о воскресеніи, тогда какъ въ пятницу приходитъ почта) получилъ. Я приѣду въ воскресенье, *въ 10 вечера*, о чемъ скажи Тхоржъ для ради куска мяса для ужина. 29 янв.—годовичное засѣданіе банка. Я думалъ 28 перевезти N. въ Hôtel. Ты подробности знаешь отъ Б—ста. Новаго ничего, приливы и отливы. Кажется, я убѣдилъ не спать на диванѣ, но и это *кажется*. Здоровье, дѣйствительно, хуже; единственное спасеніе было бы ринуться на полное примиреніе со всѣми и, проведя черту, начать не исключительно заниматься Лизой,—но до этого очень далеко... какая-нибудь болѣзнь ближе. Въ послѣдніе дни дурного мало, но каждое слово вызываетъ тотъ отпоръ, на который молчать просто безсовѣстно и нечестно. Я очень усталъ.

Вѣрю очень въ твое лѣченіе (т. е. вѣрю въ эспасированіе²⁾ припадковъ), но вѣрю несомнѣнно, что оно возможно только съ исключеніемъ дикаго питья. Кто возьметъ верхъ въ тебѣ: разумъ

¹⁾ № 2751.

²⁾ *Espacer*—дѣлать интервалы между чѣмъ-нибудь.

или безволье?—that is the question ¹⁾), и его я не рѣшаю тоже, какъ вопросъ о N.

Кинэ меня принялъ съ распростертыми объятіями, оставилъ обѣдать и пр. Жена его—умная, энергическая женщина. Онъ очень доволенъ твоей брошюрой и хотѣлъ даже писать тебѣ хвалебное письмо. А въ той брошюрѣ, которую ты прислалъ мнѣ изъ Флоренціи, прописано, что «я, убѣгая по степямъ снѣга, преслѣдуемый *уланами* и волками, добѣжалъ до Лондона, снялъ съ себя цѣпи и изъ ихъ желѣза отлилъ неизвѣстныя буквы, которыми измѣнили правительство и чуть не освободилъ народъ» ²⁾).

Я продолжаю быть въ модѣ, и «Opinion Nat.», не помѣстившая нашего дѣльнаго письма, пишетъ въ послѣднемъ № о томъ, что *всякій день* таинственная рука кладетъ Александру II «Колоколъ» подъ салфетку.

Статья Скарятина ³⁾) очень замѣчательна, но чего же ты ей удивился, когда Касатк. объ ней говорилъ и о томъ, что ее взялъ Мошкаловъ? Я, можетъ, объ ней напишу словъ пять. Хотѣлось бы мнѣ поговорить и о книгѣ Бибикова: она, все-таки, очень хороша, и весь клоповникъ молодой дряни, отъ Утина до Элдыгина ⁴⁾), ничего подобнаго не напишетъ.

Бьюсь, если я не успѣю перевезти, какъ бы опять дѣло не застряло.

Засимъ кланяюсь.

НВ. Ольга родилась не въ 1851, а въ 1850; разумѣется, натурализована.

2746. Письмо къ Э. Кинэ.

27 janvier 1866.
Hôtel des Alpes.

Monsieur,

J'ai été bien malheureux de n'avoir pas été à la maison hier matin. Je me proposais de venir aujourd'hui vous présenter mes respects, mais il me faut encore une fois aller à Vevey. J'ai trouvé quelque chose de très bon non loin de la gare de Vevey, du côté de la promenade.

En vous parlant du «Dovere» je l'ai confondu avec la «Liberté e Lavoro» qui a été interrompue pour quelques mois. Je vous envoie

¹⁾ Вотъ въ чемъ вопросъ.

²⁾ Такой брошюры мнѣ отыскать не удалось.

³⁾ Владиміръ Дмитріевичъ, ред.-издатель «Вѣсти».

⁴⁾ Элпидинъ.

un № et un № du «Nord» que j'ai fait venir de Genève. Vous y trouverez le Règlement supplémentaire de l'expropriations du clergé en Pologne. C'est par erreur qu'on ne m'a pas envoyé le № du 18 janvier; je tâcherai de le trouver.

Recevez, Monsieur, mes salutations respectueuses.

A. Herzen.

Переводъ.

27 января 1866.

Милостивый Государы!

Мнѣ очень не посчастливилось, что вчера утромъ не былъ дома. Я предполагалъ прийти засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе сегодня, но мнѣ нужно еще разъ поѣхать въ Вевэ. Я нашелъ нѣчто очень хорошее недалеко отъ вокзала Вевэ, во стороны аллеи для прогулокъ.

Говоря съ вами о «Dovege» я смѣшалъ его съ «Libertà e Lavoro» ¹⁾, которая приостановлена на нѣсколько мѣсяцевъ. Я вамъ посылаю одинъ № и одинъ № «Nord», который выписалъ изъ Женевы; вы найдете тамъ дополнительныя правила объ экспроприаціи духовенства въ Польшѣ. По ошибкѣ мнѣ не прислали № отъ 18 января. Я постараюсь найти его.

Примите мой почтительный привѣтъ.

A. Герценъ.

2747. Письмо къ М. Мейзенбугъ и О. А. Герценъ.

26 janvier (1866).

Voyez-vous, carissima Malvida—l'hiver de la Suisse n'est pas tellement chên, je suffoque dans un paletot et Baxt trouve que c'est trop d'avoir deux bosses dans un tel climat.

Avez-vous écrit à Schurz? Vous voyez il est dans les fonctions d'un Mouravieff républicain, va et vient, fait des rapports—peut donc aussi faire des comptes.

J'ai été chez Ed. Quinet, il est mon voisin; il y a une lettre que je lui ai adressée concernant son livre, elle est imprimée dans deux-trois petites feuilles. C'est un homme d'esprit—mais français. Le nationalisme ne se perd jamais. Lisez-vous les journaux, avez-vous vu ce que l'emp. Alex. a fait avec le clergé catholique en Pologne?

† ¹⁾ «Долгъ», «Свобода и Трудъ».

Je vais à Vevey (Vivis verdeutsch) voir une maisonette. Demain à Genève. Nadia est retirée de chez les Froelich. Quand pourrai-je pardonner à nous tous et à moi cet essai absurde.

Adieu.

Lise va très bien. N. est malade et souffrante et toujours les mêmes tourments ¹⁾).

Милая Ольга!

Я теперь въ Montreux, откуда завтра ѣду въ Женеву; здѣсь настоящее лѣто, и очень хорошо. Лиза все собирается тебѣ писать, но разсѣяна. Учится она удивительно и поразительно умна. Она понимаетъ все, какъ бы ей было 12 лѣтъ. Шалить меньше, но много. Читаетъ сама почти такъ, какъ ты читала года три тому назадъ.

Когда будешь мнѣ писать, не забудь сказать подробно, чему учишься: въ исторіи—то-то

въ географіи—то и тѣ.

Мечниковъ ѣздилъ въ Бернъ и взялъ оттуда твою товарку. Я ее видѣлъ; все такая же, только выросла; она будетъ учиться здѣсь, т. е. въ Женевѣ.

Прощай, цѣлую тебя.

Тата сидитъ на микроскопѣ и смотритъ въ электрическую машину.

¹⁾ Какъ видите, дражайшая Мальвида, зима въ Швейцаріи не такъ ужъ отвратительна: я задыхаюсь въ своемъ пальто, а Бакстъ находитъ, что слишкомъ большая роскошь носить въ такомъ климатѣ два горба ⁹⁾).

Писали ли вы Шурцу? Онъ, повидимому, исполняетъ функции республиканскаго Муравьева: уѣзжаетъ и пріѣзжаетъ, составляетъ рапорты, можетъ и счетъ подвести.

Я былъ у Эд. Кинэ, онъ—мой сосѣдъ. Письмо, съ которымъ я обратился къ нему по поводу его книги, напечатано въ двухъ-трехъ небольшихъ газетахъ ¹⁰⁾. Онъ—умница, но французъ. Націонализмъ никогда не исчезаетъ. Читаете ли вы газеты? Прочли ли вы, что сдѣлалъ имп. Алекс. съ католическимъ духовенствомъ въ Польшѣ?

Я уѣзжаю въ Вевэ (по-нѣмецки—Вивисъ), чтобы осмотрѣть тамъ домикъ. Завтра буду въ Женевѣ. Надю ¹⁰⁰⁾ взяли отъ Фрелиховъ. Прошу ли я когда-нибудь намъ всѣмъ и себѣ этотъ дурацкій опытъ!?

Прощайте.

Лиза вполне здорова. N. больна и мучается попрежнему.

⁹⁾ У Бакста былъ горбъ спереди и горбъ сзади.

¹⁰⁾ № 2719.

¹⁰⁰⁾ Мечникова.

2748. Письмо къ сыну.

27 янв. 1866.

Montreux, Hôtel des Alpes.

Твое письмо пришло здѣсь. Нынѣшній годъ до сегодня удивительная погода, а въ Montreux—просто Италия; вся поѣздка, егѡ Мальвиды, была не нужна. Я смотрю дачи; рекомендуютъ одну возлѣ Вевэ (надъ желѣзной дорогой); если отдадутъ за 3,000, я ее возьму и туда свезу все. Ожидаю, когда и мы съѣдемся,—мѣста довольно.

На сію минуту денегъ, я полагаю, Кел. ¹⁾ посылать не слѣдуетъ,—à propos, онъ уже обзавелся новой женой; у него семейныя чувства, вѣроятно, развиты до совершенства,—а потому спроси Фрик., могу ли я располагать для другихъ по 50 фр.; могу приберечь и для Кел.

Что же, à la fin des fins ²⁾, Талацци?

NB. Къ исполненію и не забыть.

Мнѣ присылаютъ какую-то литографированную корреспонденцію изъ Флор., «Piazza d. Signoria»; сходи туда и объяснись, что «Кол.» выходитъ черезъ 15 дней, что франц. перевода нѣтъ.

Какъ же я могу брать на обмѣнъ ихъ журналъ, стоящій 400 фр. и мнѣ вовсе ненужный? я благодарю ихъ, но прошу не посылать.

Далѣе, какой у васъ Vachin, приславшій мнѣ брошюру? Онъ тебя знаетъ, онъ писалъ ко мнѣ; желаетъ мѣсто учителя въ Россію; кланяйся ему и скажи, что это не то, чтобъ очень было легко.

Посоветуй русской колоніи завести «Этюды» Бибикова (первая книга, имѣвшая въ Россіи процессъ); въ ней есть мѣстами жестокости и *furia philosophica* ³⁾, но фондъ здоровъ и тебѣ былъ бы очень полезенъ ⁴⁾.

Прощай.

NB. Что ты не займешься продажей «Колок.»? Я бы тебѣ посылалъ, ex. gr., 25 экзем.

Rogalovsky, Lithographe, Rue du Mont Blanc,—я его знаю и могу передать.

¹⁾ В. И. Кельсіевъ.

²⁾ Въ концѣ концовъ.

³⁾ Философское безумство, бѣшенство.

⁴⁾ Опускаю нѣсколько строкъ, по желанію семьи Герцена.

2749. (Указъ 10 декабря).

Указъ 10 декабря предписываетъ въ западныхъ губерніяхъ владѣльцамъ секвестрованныхъ имѣній (гдѣ-то они проживаютъ и скоро ли узнаютъ объ указѣ!) и владѣльцамъ имѣній, сосланнымъ *административнымъ порядкомъ* (т.-е. безъ всякаго суда), продать эти имѣнія въ теченіе *двухъ лѣтъ* русскимъ владѣльцамъ или промѣнять на имѣнія въ Россіи. Казна даже отказывается отъ крѣпостныхъ пошлинъ со сдѣлокъ по этому предмету. «Le Nord» увѣряетъ, что уже теперь казенныя пособія русскимъ помѣщикамъ на покупку польскихъ имѣній подняли цѣны на эти имѣнія. Какъ ни великодушно самопожертваніе и безъ того бѣднѣющей казны, чтобы достигнуть разоренія безъ суда изгнанныхъ и сосланныхъ поляковъ, все же, мы не можемъ усомниться въ мнѣніи офиціозной газеты, не подкрѣпленномъ никакими фактами, и не можемъ не видѣть, что имѣнія, которыя, вслѣдствіе юридической нелѣпости и преднамѣреннаго неправосудія, должны быть проданы или промѣнены въ опредѣленный срокъ, пойдутъ за ничто, тѣмъ болѣе, что для русскихъ помѣщиковъ, исключая пріобрѣтенія *за ничто*, нѣтъ никакой достаточной причины ни на покупку, ни на промѣнъ. Поэтому юридически новое постановленіе равняется *ограбленію безъ суда сосланныхъ*. Но положимте, что вслѣдствіе министерства «Моск. Вѣд.», такъ ужъ слѣдовало всѣми неправдами обрусить западный край; все же зло, которое начальники края обличили, состоитъ, по ихъ словамъ, въ томъ, что «сила сословія заключается въ *корпоративной* замкнутости владѣнія недвижимой собственностью». Зачѣмъ же пополнять русскими покупателями «*корпоративную* замкнутость владѣнія недвижимой собственностью»? *Развѣ нельзя было продать тѣ же земли крестьянамъ и крестьянскимъ громадамъ?* Дѣло могло бы обойтись легче и менѣе разорительно для продавцовъ при пособіи крестьянству со стороны казенныхъ кредитныхъ учреждений.

Или это средство не по вкусу демократической имперіи?

2750. Новый видъ крѣпостного права.

Намъ пишутъ, что Рязанской губерніи Пронскаго уѣзда помѣщикъ Ценинъ далъ своимъ освободившимся крестьянамъ *взаимы*

тысячи двѣ рублей сер. съ тѣмъ, чтобы проценты и уплату капитала получать въ годы работою. Проценты оказались такъ велики, что совершенно поглощаютъ работу, и погашеніе долга для крестьянъ невозможно. Къ сожалѣнію, этотъ новый видъ крѣпостного права, сводящій дѣло совсѣмъ на старые порядки, не составляетъ исключительнаго, единичнаго явленія не только въ цѣлой Россіи, но и въ одной Рязанской губерніи. Россія должна благодарить за упроченіе крестьянской свободы общее дворянское безденежье, иначе прежнее крѣпостное право боярское легко перешло бы въ крѣпостное право ростовщиковъ.

2751. Еще глупѣе.

Бергъ, графъ Бергъ, вы обмануты, вы ограблены, вы даромъ платите шпионикамъ *in partibus* ¹⁾, они васъ дѣлаютъ смѣшнымъ, а насъ ставятъ на какой-то таинственный пьедесталъ революціоннаго міродержавія. Вотъ что мы прочли въ № 16 «Кельнской Газеты»: «Въ числѣ неправдоподобныхъ изобрѣтеній указываемъ мы на новость, перешедшую изъ «Варшавскаго Дневника» въ разныя газеты, что бѣжавшій изъ Дублина *глава феніанъ* Стефенсъ поѣхалъ въ Женеву *совѣщаться съ Герценомъ*. Сколько мы знаемъ Герцена, онъ никогда не мечталъ объ отторженіи Ирландіи отъ Англіи и пр.». Какъ же можно было печатать такой вздоръ? Спросите хоть князя Черкаскаго, который насъ лично знаетъ, играемъ ли мы въ штосъ и бунтуемъ ли ирландцевъ?.. Этого шута-корреспондента мало отставить, какъ я вамъ совѣтовалъ въ прошломъ листѣ,—велите ему пріѣхать въ Варшаву и.. высѣките его.

2752. Откуда холера и какъ распространяется.

Мы съ гордостью прочли въ «Моск. Вѣд.», что медицинскому факультету московскаго университета принадлежитъ пальма двухъ замѣчательныхъ открытій по части злой эпидеміи. Факультетъ особой энцикликой, или прокламаціей, объявляетъ, что «эпидемическая холера называется *азіатской*, потому что она изъ *Азіи* распространяется въ прочія части свѣта» и что «распространеніе холеры изъ Азіи совершается посредствомъ людей; люди переносятъ холеру изъ одной мѣстности въ другую»... *Nostra docta corpora*! ²⁾

¹⁾ Подразумѣвается *infidelium*—въ землѣ невѣрныхъ.

²⁾ О, премудрая корпорація!

2753. Письмо къ сыну.

10 фев. (1866).
Boissière.

Г. ассистентъ in spe ¹⁾, не знаю, что ты нашелъ хорошаго въ не-мѣстѣ. Мѣсто какъ будто даетъ le dernier coup de serviette ²⁾ совершеннолѣтію. А, впрочемъ, это все второстепенно. У насъ проѣздомъ Б—сть—ma bosse de sagesse ³⁾; все такъ же хохочетъ до спазмъ въ животѣ и трюшноты, все такъ же сердится на Касатк и завтра ѣдетъ въ Германію и именно въ Берлинъ.

Туда же ѣдетъ съ противоположной стороны Сатина and family ⁴⁾, въ силу чего, вѣроятно, поѣдетъ и Nat. съ Лизой туда мѣсяца на три (въ маѣ или концѣ апрѣля). Я ищу дачу подъ Женевоі, гдѣ будетъ центръ тяжести, и оттуда пойдутъ «абштехеры» ⁵⁾.

Куда я васъ звалъ, и въ особенности Ольгу съ Мейзъ? Что ты морозишь? Я всегда писалъ, что на время дѣкихъ жаровъ и пансіонскихъ вакацій можно пожить на Lago di Como.—Татѣ, вамъ и мнѣ. Ну, я полагаю, что изъ Флоренціи туда переѣздъ не затруднителенъ,—намъ ли 2 съ Линдой или вамъ 3 безъ Линды.

Худшимъ остается Ог. Онъ таетъ наглазно. Адолфъ Ф. ⁶⁾ писалъ длинную консулѣтацію, но, кажется, все поздно; Ог. вина вьетъ очень мало, но силы не возвращаются; онъ становится еще молчаливѣе и внутренне страдаетъ отъ невозможности работы и питья.

Это такъ безконечно тяжело и больно, что я самъ становлюсь раздражительнѣе.

Сообщите это Мейзъ, она умѣла его любить и цѣнить.

Остальное все попрежнему. К. Фогтъ хлопочетъ (и очень дѣльно) о нашихъ деньгахъ въ Россіи (это—секретъ)... Каковы чудеса! Со мною онъ тотъ же, прятель.

Еще разъ тѣ же комисіи:

1-ое. Vachin живетъ Piazza del Independenza, № 21; ты ему скажешь, что я брошюру получилъ и письмо, возвратившись изъ путешествія и, какъ подвернется мѣсто въ Россію, сообщу.

¹⁾ Въ будущемъ.

²⁾ Послѣдній ударъ салфеткой.

³⁾ Шишка мудрости.

⁴⁾ Съ семьей.

⁵⁾ Abstecher—прогулка.

⁶⁾ Фогтъ.

2-ое. Объясни литографированной корреспонд. P. Signoria, что мнѣ стыдно даромъ получать ихъ корресп. за «Колоколь» (и еще было бы стыднѣе платить 400 фр. за вовсе ненужный журналъ).

Прощай.

Тата поеть; вчера была въ консерваторіи, завтра будетъ писать.

Отдай Ольгѣ письмо отъ N.

Ты знаешь или нѣтъ, что въ Петерб. вышло новое изданіе «Кто виноватъ?» и, говорятъ, было нарасхватъ куплено? ¹⁾

Кланяюсь и жму руку Мальвидѣ. Я какъ-то не знаю порядкомъ ихъ адреса.

Братъ Лугинина при смерти боленъ; онъ хотѣлъ скакать туда, но, кажется, остается.

О комиссіяхъ жду рапортъ; ты, вѣрно, знаешь, что какъ бы ком. ни были скучны, ихъ должно дѣлать de bonne grace ²⁾.

2754. Ужасъ во вражемъ стану.

«Соціализмъ! Будто соціализмъ существуетъ? Прудонъ, пережившій его, самъ умеръ; никто во всей Европѣ не занимается имъ, не боится его, spectre rouge ³⁾ былъ электоральной уловкой бонапартизма. Утописты и мечтатели образумились, кто въ Каенѣ, кто въ конторѣ у Перейръ ⁴⁾, кто въ сенатѣ»...

Такъ кричатъ консерваторы и тонкіе политики, а съ ними и вся золотая посредственность въ Европѣ.

То же, но съ ругательствами и грубостями повторяетъ наша мѣдная посредственность, наши свѣжепросольные тори, нео-крѣпостники и славяно-идіотствующая братія.

А на сердцахъ у нихъ все что-то неладно. Нѣтъ-нѣтъ, а что-то страшно и все страшнѣе, будто, и spectre rouge не бредь, будто, и не весь соціализмъ въ конторѣ Перейръ, будто, они ходятъ по кратеру...

Кому не случалось быть свидѣтелемъ увѣренности чахоточныхъ въ томъ, что болѣзнь прошла, и они выздоравливаютъ, и вдругъ глухой, странный кашель изъ пустой груди пугаетъ боль-

¹⁾ Изданіе Влад. Онуфр. Ковалевскаго.

²⁾ Съ любезнымъ видомъ.

³⁾ Красный призракъ.

⁴⁾ Эмиль и Исаакъ, извѣстные французскіе банкиры.

ного, беспомощно смотритъ онъ на васъ большими глазами, какъ бы спрашивая: «Какъ вы думаете, кажется, это не простой кашель?».

Чажоточные больные очень жалки; этого нельзя сказать о нашихъ Собакевичахъ койсерватизма.

Газета крѣпостниковъ¹⁾, шпынявшая надъ социалистами, шпынявшая надъ нами, послѣ того, какъ «Моск. Вѣдомости» насъ убили, вдругъ закашлялась, поперхнулась чѣмъ-то зловѣщимъ, и передъ испуганными глазами пронеслось все ненавистное—Положенія 19 февраля и «Колоколь» (который такъ ничтоженъ, такъ ничтоженъ...), и право на землю, и *батраки*, домогающіеся его... Что же это говоритъ газета: «Прежде социализмомъ занимались гимназисты, юные канцеляристы и умственные недоросли, а теперь занимаются имъ люди серьезные и гдѣ же?—въ самомъ правительствѣ, и еще подъ чьей эгидой?—подъ эгидой Положеній 19 февраля, послужившихъ *рѣшительнымъ* шагомъ къ усиленію у насъ социализма.. При такомъ ходѣ социализмъ дѣлается серьезной опасностью, подъ право собственности (какъ его понимаетъ газета) подкапываются люди практическіе, имѣющіе *опредѣленную цѣль*... Собственности угрожаютъ люди *способные, энергическіе, дѣльцы*... Что значать передъ этими дѣльцами такіе младенцы, какъ Прудонъ, Луи Бланъ? Эти послѣдніе говорили праздна рѣчи и умѣли бунтовать чернь, съ которой легко справляться картечью, какъ это сдѣлалъ Кавеньякъ, первые же дѣлаютъ свое дѣло втихомолку, но *прочно и основательно*».

Не зная, какъ быть, газета бросается очистить правительство отъ пагубнаго признанія *права на землю* въ принципъ: «Этотъ принципъ, дѣйствительно, провозглашенъ и поддерживался настойчиво, но гдѣ?—въ лондонскомъ журналѣ «Колоколь». Отсюда до введенія права на землю, какъ принципа, въ русское законодательство еще далеко».

Далю насъ не испугаешь... мы и почтовыхъ лошадей ждуть умѣемъ, и на своихъ привыкли ѣздить изъ степныхъ деревень въ Москву. А что на *фактъ* право на землю признано, этого топоромъ не вырубешь. Если *фактъ* постоитъ за себя, такъ взойдетъ и въ законъ, обобщится и въ принципъ, и въ право.

«Крестьяне освобождены съ землею не потому, чтобы законъ призналъ *какое-то право* работника на обрабатываемую имъ землю, а потому, что законодатель опасался предоставить неизвѣстности 20 миллионъ людей».

Эта-та *опасность* и сдѣлается закономъ (*nécessité fait loi*²⁾),

¹⁾ «Вѣсть».

²⁾ Необходимость создаетъ законъ.

эта-то необходимость, не имѣя передъ собой болѣе энергическаго препятствія, какъ возгласы нѣсколькихъ крѣпостниковъ, и станетъ правомъ. Или, можетъ, праву придается мистическій, теологическій смыслъ? тогда это не по части шляхетной «Вѣсти», а принадлежитъ въ бозѣ преставившемуся «Дню», но «День»-то именно и проповѣдывалъ «право на землю» точно такъ, какъ и мы, грѣшные социалисты.

Въ заключеніе «Вѣсть» обращаетъ серьезное вниманіе всѣхъ русскихъ собственниковъ на этотъ новый фактъ социализма:

«Пусть они всмотрятся серьезно въ положеніе дѣла и зорко слѣдятъ за людьми, которые стали заниматься социализмомъ не изъ любви къ искусству, а потому что это сдѣлалось выгоднымъ (?). Пусть они не послужатъ жалкимъ орудіемъ въ рукахъ людей корыстныхъ. Или право собственности, или социализмъ какъ въ Тамбовской, такъ и въ Лифляндской губерніи. Если батраковъ, людей свободныхъ, не крѣпостныхъ слѣдуетъ надѣлать помѣщичьею землею въ Курляндской губерніи, то слѣдуетъ же и московскихъ мѣщанъ надѣлать чьею-нибудь землею. Повторяемъ, или право собственности или социализмъ, или Европа или киргизская степь. Середины тутъ нѣтъ».

Ну, а какъ есть?

2755. [Отъ редакціи].

Съ благодарностью помѣщая корреспонденцію «Москвича», мы считаемъ себя обязанными сказать, что значеніе обѣда принимаемъ не такъ. ¹

◆ 1. Рассказывая объ обѣдѣ, данномъ московскимъ купечествомъ американскому посланнику ген. Клею, корреспондентъ отнесся къ нему насмѣшливо и отрицательно, сказавъ, что Клей долженъ былъ вынести отъ него странное впечатлѣніе.

2756. Изъ Петербурга.

(Земскія учрежденія. Валуевъ-цензура. «Народная Лѣтопись». «День». Сосланный купецъ).

Въ комитетѣ министровъ шла рѣчь о закрытіи земскихъ учрежденій въ виду того, что земскія собранія стремятся все болѣе и болѣе къ независимости отъ администраціи, занимаются предметами, не касающимися прямо ихъ вѣдѣнія; что въ нихъ произносятся рѣчи, волнующія умы, и что

развитіе этихъ учреждений клонится къ ограниченію самодержавной власти. Предложеніе о принятіи репрессивныхъ мѣръ противъ земства исходило отъ Милютина-Варшавскаго, какъ говорятъ, и большинство министровъ было на его сторонѣ. Защищаль земскія учрежденія одинъ Валуевъ, и дѣло остановилось на какомъ-то компромиссѣ.

Чиновники испугались первыхъ проявленій живого духа въ земскихъ собраніяхъ и конспирируютъ въ своихъ канцеляріяхъ противъ земства. Они дрожатъ за казенное содержаніе, за экстраординарныя суммы, за казенныя квартиры. Ихъ страшитъ мысль, что, можетъ быть, когда-нибудь придется отдать отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ не начальству, а представителямъ народа. При всей ихъ ограниченности они понимаютъ, что настоящей порядокъ не останется во вѣки вѣковъ въ Россіи; что не будетъ же она вѣчно въ безграничной власти промотавшагося правительства и грабящихъ ее чиновниковъ.

Вѣроятно, бюрократы вовлекутъ правительство въ репрессивныя мѣры, и въ такомъ случаѣ оно само вызоветъ и приготовитъ почву для насильственнаго переворота.

Издатель «Современника», послѣ двухъ предостереженій, просилъ у Валуева поставить «Современникъ» снова подъ цензуру. Валуевъ отказалъ, ссылаясь на то, что переходъ «Современника», «этого свободолюбиваго журнала», подъ цензурное положеніе будетъ равносильнъ прямому фактическому заявленію, что новое безцензурное положеніе русской журналистики хуже стараго цензурнаго. Впрочемъ, не исполняя просьбы Некрасова, Валуевъ утѣшилъ «Современникъ» слѣдующаго рода совѣтомъ: «продолжайте ваше изданіе на томъ же положеніи, а я *даю слово* не давать третьяго предостереженія и не закрывать журнала.. если только редакція «Современника» согласится представлять статьи *на мое предварительное разсмотрѣніе*...»

«Народная Лѣтопись» издаваться не будетъ. Сначала, при дозволеніи вновь открыть эту газету, запрещено было публиковать ея программу, а потомъ Валуевъ попросилъ, нельзя ли доставить ему примѣрный списокъ сотрудниковъ этой газеты. Ему указали гг. Антоновича, Елисеева, Жуковскаго и пр., на что Валуевъ милостиво отвѣтилъ, что все это прекрасно, но что по выходѣ 1-го № газета получить первое предостереженіе, по выходѣ 2-го—второе и т. д. «Пока я министръ, добавилъ онъ, я не дамъ ходу *нигилистической закускѣ*»...

(Гг. Антоновичъ, Елисеевъ, Жуковскій—нигилисты!!!)

Аксаковскій «День» не будетъ выходить. Что это значить? Не частныя же обстоятельства могли издателя заставить прекратить журналъ, о которомъ онъ объявлялъ мѣсяцъ тому назадъ. Разыгрался что-то нашъ Валуевъ; видно, скоро свернется.

Не проще ли бы было поручить Каткову издавать въ обѣихъ столицахъ пять-шесть журналовъ съ разными названіями и однимъ направленіемъ?

Правда ли, что изъ Петербурга сосланъ въ Сибирь безъ суда и слѣдствія какой-то купецъ, ходившій по дѣламъ торговцевъ Маринскаго рынка?

2757. Выговоръ генераль-адъютанту графу Строганову 2-му.

Въ «Сенатскихъ Вѣдом.» (№ 7) напечатано, что государь, обративъ вниманіе на рѣчь, произнесенную Строгановымъ 8 декабря 1865 года въ за-

сѣданіи одесской городской думы, призналъ рѣчь его *крайне оскорбительной* для министра финансовъ *въ высшей степени неприличной и неумѣстной*, а потому велѣлъ Строганову сдѣлать «выговоръ», а князю Воронцову (градскому главѣ въ Одессѣ) объявить его *неудовольствіе* за допущеніе такой рѣчи и ея распространеніе въ печати.

Вотъ и Строгановъ и Воронцовъ ¹⁾ попали въ одну категорію съ Благосвѣтловымъ, Некрасовымъ, Краевскимъ... демагоги, нигилисты!..

2758. Письмо къ Н. П. Огареву.

(15 февраля 1866). Среда.

Саго тію, письмо и мой отвѣтъ прочти очень внимательно, это дѣло *первой важности*. Собери всѣ силы и дойди до рѣшенія или предложенія просто и дѣльно.

Я пишу, потому что ты утромъ говорилъ мало и разсѣянно, а отвѣтъ мой послать надобно. Я его готовъ переписать, если ты не согласишь.

По дорогѣ необходимо же рѣшить и то, смотрѣть намъ за городные дома съ Тхор. или нѣтъ. Въ переводѣ это такъ: можешь ли ты надѣяться, что Жюль будетъ тебя тереть льдомъ умѣючи или нѣтъ? Время идетъ, двѣ дачи въ получасовомъ разстояніи есть.

Я готовъ взять домъ въ городѣ, но это значитъ еще хуже попасть въ пекло Елдыриныхъ ²⁾, Утиныхъ, Бржоплешскихъ etc.

Въ небольшомъ разстояніи для Таты, собственно, разницы, не будетъ. Думай и рѣшай, только Бога ради просто и ясно.

Можетъ, ты напишешь N.?

P. S. Еще одно дѣло. Думаешь ли ты, что тебѣ возможно спросить жиденка Утина отчета, почему онъ надуваетъ Тхорж., у котораго нѣтъ денегъ? Онъ вырѣзалъ ему изъ «Совр.» всѣ статьи Чернышевск., т.-е. испортилъ «Совр.» за годы, а тотъ хочеть отдѣлаться 12 фр. Благословляющій имѣетъ право и назиданія. Серьезно, какъ ты думаешь?

2759. Письмо къ сыну.

15 февр. 1866.

G-de Boissière.

Отъ мѣста отказаться можешь. Мнѣ мѣсто нравилось, какъ *toga virilis* ³⁾, а, въ сущности, чортъ съ нимъ. Мнѣ очень хотѣ-

¹⁾ Свѣтл. князь Семенъ Михайловичъ.

²⁾ Элпидинъ.

³⁾ Тога зрѣлаго мужа.

лось бы, чтобъ въ твоихъ занятіяхъ по части естествовѣдѣнія ты не слишкомъ бы спеціализировался. Есть предѣлъ, за которымъ изъ-за деталей теряется ensemble.

Желѣз. ¹⁾ скажи, что печатать можно всячески: съ именемъ и безъ имени; цѣны, кажется, были въ «Колоколѣ». Можно даже выставить фирму въ Германіи (съ дозволенія); разумѣется, у насъ печать обойдется дешевле.

Тата была такъ умна, что все мнѣ рассказала. За нее, пока она со мной, не бойся, а постарайся имѣть больше вѣры или довѣрія ко мнѣ. По этой части я десогит соблюдаю строго и плачевнаго примѣра наружнаго нигилизма не такъ боюсь, какъ пастушескаго благоденствія. Худяк. ²⁾ — очень хорошая женщина и въ душѣ артистка. Она вредя Татѣ не сдѣлала, а Тата — ей пользу. Она бываетъ у насъ часто, а Тата у нея — раза три.

Далѣе, она послѣзавтра ѣдетъ въ Россію. Перваго апрѣля кончается наемъ нашего дома. Мы ищемъ съ Тхорж. денно и ночью, но еще не нашли. Я хочу квартиру небольшую (отъ 2,500 до 3,000), готовъ даже безъ мебели взять (возлѣ Женева).

¹⁾ Теперь вотъ разныя предположенія.

Въ маѣ приѣзжаютъ Сатины на три мѣсяца въ Берлинъ, и Nat. ѣдетъ туда. Я могъ бы въ вакаціонное время приѣхать, хоть въ Сото, могъ бы даже Татѣ дать отпускъ на зимніе мѣсяцы во Флоренцію, но, право, боюсь. У васъ вы ее въ мѣсяцъ завертите такъ, что она выйдетъ замужъ за Levier или Giannuzzi... или не знаю кого. Здѣсь она ведетъ совершенно серьезную жизнь, но á la longue монотонную. Отнимите у меня страхъ этотъ, и я ее привезу. Ты понимаешь, что во всякомъ случаѣ лучше быть замужемъ за Л. ³⁾, чѣмъ за милыми иностранцами. Вотъ и разсуждай.

Если бы впредь была болѣзнь или что, можешь сейчасъ телеграфировать.

Въ Россіи «Кто виноватъ?» перепечатали и распродаютъ съ особой быстротой. Теперь печатаютъ всѣ мои статьи, въ Россіи вышедшія.

¹⁾ Желѣзновъ.

²⁾ Жена Ивана А. Худякова.

³⁾ В. О. Лугининъ.

2760. Письмо къ Н. П. Огареву.

25 февраля (1866), суббота.
Hôtel des Alpes.

Несмотря на все, я уговорилъ, и ~~я~~ сегодня рѣшилась, т.-е. нынѣшнюю ночь, спать какъ слѣдуетъ. Это опять большой шагъ впередъ. Увидимъ, что дальше. Послѣ первыхъ бурь спрашиваютъ моего мнѣнія насчетъ устройства. А прогос, теперь опять ходитъ пароходъ до Монтрё и Вейто. Это могло бы облегчить тебѣ путь, если вздумаешь. Nat. хочеть остановиться гдѣ-то близъ Женевы. Вчера я усталъ до лихорадочной безсонницы.

Лиза ужасно умна. Ей нравится въ hôtel'ѣ гораздо больше; она кокетничаетъ со всѣми англичанками и говоритъ мнѣ: «Ты не говори, что я родилась въ Англии, чтобъ онѣ удивлялись, какъ я говорю по-англійски». Географію знаетъ по-своему и учится охотно. Жаль, что учителя нѣтъ. Au reste N. ею занимается больше.

Скажи Тхорж., что двойной № «Моск. Вѣд.» онъ долженъ искать у Касатк.; здѣсь нѣтъ...

Что дома? Я очень желалъ бы, чтобъ ты взглянулъ Villa Geretzett.

Засимъ жду вашихъ отписокъ.

2761. Письмо къ Н. П. Огареву.

27 (февраля 1866), вторникъ.

Бахъ ¹⁾ заходилъ вчера въ шесть и не засталъ. Должно быть, онъ больше русскій, чѣмъ нѣмецъ: онъ забылъ въ отелѣ у насъ, въ ложѣ портъе, всѣ свои бумаги и *распортъ*, не сказавъ, гдѣ остановился. Я жду его.

У насъ ни то, ни се. Спанье въ постели снова налажено. ²⁾ Дизѣ я очень полезенъ (и отель тоже: здѣсь много англійскихъ дѣтей, и очень недурныхъ); я ей читалъ и объяснялъ «Самоучитель» Худикова ³⁾—превосходно составленный учебникъ, т.-е. изъ ряда вонъ.

¹⁾ Александръ Николаевичъ, впоследствии народоволецъ.

²⁾ Иванъ Александровичъ, писатель и собиратель русскихъ народныхъ пѣсень и сказокъ; «Самоучитель для начинающихъ обучаться грамотѣ», СПб., 1865 г., изд. Е(вгенія) П(ечаткина); вскорѣ былъ запрещенъ къ обращенію.

Очень жалѣю, что я его не зналъ прежде. Она не любитъ учиться долго, но зато полчаса слушаетъ вѣмательно, съ толкомъ и помнить все.

28, среда.

Русскіе приводятъ меня въ отчаяніе и бѣшенство. Бахъ не былъ... и бумаги. Новаго мало. Ночью былъ шквалъ. Жду писемъ. Вчера Лиза сдѣлала новое знакомство съ Кинэ. Онъ тебѣ кланяется и, кажется, сдѣлаетъ это лично. Онъ ѣдетъ на шесть недѣль въ Глифъ.

Прощай.

Часъ. Письмо Фогта и твоя приписка. Во Франкфуртъ, ерго, можно. Насчетъ дома я знаю одно: больше 3.500 пі—пі, объ остальномъ разсуждаю философски. Давай твой проектъ. Я съ Татой могу ждать въ пансіонѣ, хоть здѣсь (если погода будетъ хороша), хоть въ Женевѣ.

Письмо отъ Сатиной. Она въ Москвѣ, Сат. въ Петербургѣ. О его прїѣздѣ ни слова. Ал. Ал. получаетъ какой-то дивидендъ наслѣдства Суровщикова (меня это интересуетъ ужъ по части Лизы). Сатина не прочь прїѣхать до Франкфурта. Я считаю—это въ сто разъ лучше Берлина.

Прощай.

Что статья къ этому «Кол.»?

2762. Письмо къ Н. П. Огареву.

(28 февраля 1866).

Секретно.

Саго тіо, Долгоруковъ мнѣ написалъ таинственную записку (не говори никому), въ ней зоветъ переговорить о *важнѣйшемъ дѣлѣ*—what's the matter ¹⁾? Терпѣть не могу загадокъ. Чтò такое? ¹

Баха нѣтъ, а паспортъ и бумаги все еще тутъ. Нѣтъ, это не Себастьянъ, а просто фуга ²⁾.

Писемъ не было.

Довольно тихо, но не хорошо. Я остаюсь для Лизы, можетъ, до среды.

Жуковский ³⁾ вчера надоѣлъ. Сегодня придетъ съ Ауэрбахомъ ⁴⁾.

¹⁾ Въ чемъ дѣло?

²⁾ Шутка, основанная на сходствѣ фамиліи съ композиторомъ Себастьяномъ Бахомъ; fuga—по-латыни бѣгство.

³⁾ Николай Васильевичъ.

⁴⁾ Т.-е. съ Бахомъ.

Онъ хотѣлъ тебѣ послать бумаги Веденяпиной и адресъ Голубева.

На первое время планъ такой. Сат. прїѣдетъ, вѣроятно, не ближе 1 мая. Она пробудетъ два мѣсяца, ergo, до 1 июля. Я желалъ бы, чтобъ около 20—25 марта Тата со мной съѣздила бы сюда и въ Бернъ. Въ Бернѣ я ее оставилъ бы недѣли на двѣ, и въ это время Тхор, устроилъ бы домъ, а ты исполнилъ бы желаніе свое—мѣсяцъ употребить на лѣченіе.

Засимъ прощай.

Тату цѣлую, писать некогда, да и не о чемъ.

◆◆ 1. Совѣтъ Герцена нуженъ былъ по обстоятельствамъ семейной жизни Долгорукова, съ которыми читатель будетъ встрѣчаться и дальше.

Родовыя имѣнія князя Петра Владиміровича въ Тульской и Костромской губерніяхъ были обращены конфисковавшимъ ихъ правительствомъ въ собственность сына князя, Владиміра.

Какъ только мальчику исполнилось 17 лѣтъ, мать его гн. Ольга Дмитріевна (урожд. Давыдова) потребовала отъ сына своей седьмой части или закладной на одно изъ имѣній. Зная, что отецъ за шесть лѣтъ не получилъ отъ него ни одного письма, юноша счелъ необходимымъ лично повидаться съ нимъ и, увѣренный въ томъ, что не получитъ на это разрѣшенія, просто уѣхалъ въ Женеву по поѣложному паспорту. Тамъ онъ пробылъ очень недолго, и прежде, чѣмъ возвратиться, Петръ Владиміровичъ описалъ нашему швейцарскому посланнику, своему родственнику А. П. Озерову, зачѣмъ пріѣзжалъ къ нему сынъ, и сообщилъ о своемъ совѣтѣ не давать матери ни доли, ни закладной, а платить ей пожизненно часть доходовъ. Сынъ явился съ этимъ письмомъ въ посольство.

21 февраля 1866 г. Озеровъ адресовался къ шефу жандармовъ:

«Поспѣшаю довести до свѣдѣнія В. С., что сего числа былъ выданъ мною паспортъ для возвращенія въ Россію тайно отправившемуся за границу 17-лѣтнему сыну выходца князя Петра Долгорукова, Владиміру. Предъявитель сего паспорта отправляется отсюда въ будущую среду, 28 февраля, прямымъ путемъ, черезъ Германію, въ Петербургъ. При семъ честь имѣю представить В. С. подлинное письмо отца юноши, вслѣдствіе котораго сей послѣдній лично явился ко мнѣ, вполне сознавъ всю важность своего противозаконнаго проступка, искренно объяснилъ мнѣ всѣ обстоятельства, побудившія его къ тайному побѣгу подъ чужимъ именемъ, и подробности путешествія черезъ Одессу, Константинополь, Грецію и Францію и до Женевы. Онъ знаетъ, что подвергнется строгой отвѣтственности

зналъ даже это, рѣшившись бѣжать, но твердо стоитъ на томъ, что въ этой рѣшимости не слѣдовалъ ничьему внушенію и другой щѣли не имѣлъ, какъ повидаться съ отцомъ столько же по сыновнему чувству, сколько по вопіющимъ семейнымъ и дѣловымъ, до состоянія его относящимся требованіямъ. При семъ честь имѣю равномѣрно приложить отобранные у него паспортъ, съ коимъ онъ совершилъ бѣгство и который, по показанію его, взять имъ съ письменнаго стола матери его, и двѣ подорожныя. Всѣ остальные подробности объяснить В. С. виновный лично, не скрывая ничего. О жизни и занятіяхъ отца своего онъ ничего не знаетъ и здѣсь не видѣлся ни съ кѣмъ изъ постороннихъ лицъ. Во все время пребыванія его въ Женевѣ дверь отца его оставалась закрытой для всѣхъ его обычныхъ друзей и знакомыхъ, а, такъ какъ по средамъ у него собираются къ обѣду всѣ здѣшніе выходцы наши, то онъ отправляетъ сына своего утромъ въ этотъ день, дабы не вводить его въ это общество. «Юноша просилъ меня убѣдительно поручить его великодушному заступленію В. С. Зная отца его и мать, я былъ удивленъ скромности и откровенности его сужденій. Положеніе его невольно внушаетъ участіе; онъ мнѣ показался неспорченнымъ нравственно и, по лѣтамъ его, твердо стоящимъ въ правилахъ чести и въ чувствахъ вѣрноподданнаго. Участъ свою онъ съ полнымъ раскаяніемъ повергаетъ милости государя императора». На оборотной сторонѣ конверта была приписка: «Пакетъ мой уже былъ закрытъ, когда молодой кн. Долгоруковъ принесъ мнѣ открытое письмо къ княгинѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ¹⁾, которое проситъ меня доставить черезъ благосклонное посредство В. С.»

Шефъ жандармовъ доложилъ обо всемъ государю и, по его приказанію, сообщилъ о содержаніи письма министру вн. дѣлъ Валуеву. Повидимому, рѣшено было принять бѣглою юношу не очень свирѣло, потому что онъ пріѣхалъ благополучно въ Петербургъ и остановился въ одномъ изъ отелей (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1843 г.; дѣло № 50 ч. 2).

Онъ благополучно проѣхалъ въ Москву, а оттуда въ тульскую деревню и вскорѣ просилъ своего жандармствовавшего родственника переслать отцу письмо, прибавивъ, что беспокоится, не получая отъ него ничего вотъ уже двѣ недѣли. Въ іюнѣ молодой князь жалуется шефу жандармовъ, что мать «вездѣ говоритъ Богъ знаетъ что» про него. Она просила черезъ своего довѣреннаго кн. А. И. Шаховского заплатить ей за двѣ седьмыхъ имѣнія, около 40000 рублей, но сынъ, помня совѣтъ отца, отказался, предложивъ

¹⁾ Долгорукова, старѣйшая въ родѣ, почетная статсъ-дама.

уплачивать ежегодно по 4 тысячи рублей. Уговорившись в подробностях, они подписали съ Шаховскимъ частное условіе, но мать отказалась принять его. Кромѣ того, князь жаловался, что бывшимъ его крѣпостнымъ, а теперь сосѣдамъ, поѣхавшимъ по дѣламъ въ Москву, мать его говорила: «я вашего князя имѣю право послать работать, какъ простаго мужика, на шоссе, и я скоро буду тамъ для расправы съ нимъ»... и указывалъ, что это подрываетъ его положеніе среди окрестнаго крестьянства ¹⁾).

Изъ писемъ шефа жандармовъ кн. Долгорукова къ Валуеву видно, что семейное дѣло родовитаго эмигранта интересовало ихъ обоихъ. 10 марта 1866 г. Долгоруковъ писалъ: «Не слѣдовало бы придавать официальной окраски тому, что вы напишете Озерову, такъ какъ мы должны будемъ въ отношеніи княгини исполнить то, что отъ насъ потребуетъ Долгоруковъ; поэтому ваше письмо должно быть только частнымъ сообщеніемъ для Озерова. Вотъ записка, полученная мною отъ Теофила Толстого, beau frèr'a жены Петра Долгорукова, которая сейчасъ находится здѣсь. Дѣло идетъ о бумагѣ, которая должна находиться въ министерствѣ вн. дѣлъ и въ которой онъ. Долгоруковъ, обязался выдавать своей женѣ 3000 руб. сер. Не можете ли вы приказать найти ее и прислать мнѣ копию?»

Въ тотъ же день было и другое письмо: «Вы должны были сообщить Горчакову о прекрасныхъ дѣлахъ Петра Долгорукова. Дѣло его сына, я думаю, устроится, такъ какъ отвѣтъ министра юстиціи по вопросу о попечителѣ будетъ согласованъ въ вашимъ. Сынъ Владиміръ уже представилъ дѣло въ письмѣ къ отцу, которое я сегодня уже отправилъ въ Женеву. Содержаніе письма успокоить, вѣроятно, сумасшедшаго адресата. Но вы во всякомъ случаѣ можете ввести Озерова въ назрѣвающий скандалъ и обяжете его предупредить князя. Будьте добры прибавить также, что, благодаря несказанной добротѣ государя, князь вовсе не преслѣдуется, и что Екатерина Долгорукова и я проникнуты его интересами, благодаря содѣйствію Вашему и министра юстиціи» (архивъ П. Я. Дашкова).

Чтобы лучше уяснить семейныя дѣла Долгоруковыхъ, приведу нѣкоторыя данныя изъ архива мин. вн. дѣлъ (дѣла по канц. 1856 № 181 А. и полиціи 1860 г. № 1013).

7 января 1854 г. П. В. Долгоруковъ просилъ гр. А. Ѳ. Орлова «усмирить и укротить мою жену и привести ее въ должное повиновеніе ея мужу». «Весною 1851 г. она поѣхала за границу. Видя, что пребываніе ея сперва въ Италіи, потомъ въ Парижѣ продол-

¹⁾ Обѣ бумаги въ рукописномъ отдѣленіи Россійской Публичной Библиотеки.

жается болѣе двухъ лѣтъ, я написалъ ей, что приказываю ей оставить Парижъ, гдѣ имѣю причины быть недовольнымъ ея поведениемъ, и предписываю ей ѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ въ Бельгію или Германію, а весною возвратиться въ Россію». Княгиня, вмѣсто того, 4 января 1854 г. явилась въ СПБ. и стала требовать отъ мужа паспортъ на новый заграничный путь, говоря, что не желаетъ жить въ Россіи.

Другимъ письмомъ отъ того же числа на имя Д. Г. Бибикова Долгоруковъ назначилъ женѣ 3000 руб. сер. въ годъ, «доколѣ состояніе мое будетъ находиться въ настоящемъ онаго положеніи», а племяннѣнаго сына просилъ помѣстить, при первой возможности «и по вашему усмотрѣнію», въ одно изъ казенныхъ заведеній, состоящихъ подъ покровительствомъ наслѣдника; «сверхъ того прошу княгиню О. Д. обѣщать мнѣ никогда не вѣзжать ни въ одно изъ имѣній моихъ». 21 января княгиня письменно заявила Бибикову: «я согласна принять предложенія князя П. В. Д., въ надѣждѣ быть обѣспѣченной симъ положеніемъ по смерти моей»...

8 января П. В. Долгоруковъ просилъ Дубельта: «остановить дѣло по случаю моей жалобы на жену мою, съ коею мы примирились и, надѣюсь, нынѣ примирилась навсегда». Тогда же, «въ ночь съ 8 на 9 января» князь выдалъ женѣ обязательства: 1) дать отпущенную крѣпостнымъ людямъ его Наталіи Герасимовнѣ и сыну ея Ивану Васильеву Посниковымъ и вдовѣ Аннѣ Романовнѣ Чистяковой, съ тѣмъ, чтобы Васильевъ прослужилъ княгинѣ три года, и 2) подарить ей въ полное владѣніе имѣніе свое въ Костромской губерніи.

20 января 1856 г. княгиня обратилась къ министру вн. дѣлъ съ просьбой, въ которой объяснила, что въ 1854 г. министръ увѣдомилъ ее, что мужъ назначилъ ей въ годовичное содержаніе по 3000 р. сер., прося деньги эти доставлять черезъ Бибикова во все время бытности его министромъ; кромѣ того, ей было дано костромское имѣніе; теперь она просила и С. С. Ланского взять на себя эту передачу, а также вытребовать отъ мужа ея фамиліныя иконы, какъ благословеніе родителей.

6 февр. Долгоруковъ обѣщалъ выдать образа на слѣдующей недѣлѣ, и 8 числа послалъ ихъ въ министерство въ особомъ ящикѣ.

Въ 1857 г. княгиня просила министра выдать ей заграничный паспортъ на два мѣсяца для дѣченія въ Германіи и получила его 30 іюля. 24 марта 1859 г. П. В. Долгоруковъ писалъ, что, отъѣзжая за границу до ноября, посылаетъ для жены деньги до конца года. Въ сентябрѣ 1859 г. ей былъ выданъ заграничный паспортъ на 8 мѣсяцевъ на остр. Мадеру.

Долгоруковъ перевелъ для себя за границу капиталъ въ 225,000 р. сер.

2763. Дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ М. С. Хотинскій.

(Эпизодъ изъ исторіи нашего заморскаго шпіонства).

М. С. Хотинскій, прочли мы съ мѣсяць тому назадъ въ русскихъ газетахъ, умеръ; онѣ отмѣтили его ученые труды, его 65 лѣтъ, ловкій переводъ популярной астрономіи Араго и забыли его *походъ въ Лондонъ*. Желая пополнить этотъ пробѣлъ, мы расскажемъ его.

Въ началѣ 1863 года какой-то старикъ явился въ нашу типографію въ Лондонѣ и, послѣ разныхъ приготовленій и околочностей, сказалъ Чернецкому, что у него есть тетрадь какихъ-то отрывковъ, непропущенныхъ цензурой, что онъ хотѣлъ бы дать ихъ мнѣ, но боится, что я окруженъ шпіонами. Онъ спрашивалъ: не возьмется ли Чернецкій ихъ передать. Чернецкій обѣщавъ ему сказать мнѣ и совѣтовалъ просто заѣхать въ Orsett House. Онъ отказался... Нѣсколько разъ приходилъ въ типографію, бралъ книги и «Колоколь» и, наконецъ, все-таки, рѣшился, несмотря на опасность, ѣхать ко мнѣ. Два раза онъ не засталъ меня; я поѣхалъ къ нему. Наружность Хотинскаго (онъ же по-русски былъ въ грязномъ, засаженномъ халатѣ нараспашку и въ грязномъ бѣльѣ) очень не понравилась мнѣ. Онъ былъ учтивъ до униженія, шамшилъ беззубые комплименты, не могъ прийти въ себя отъ радости, отъ волненія, что видитъ меня. И вдругъ началъ мнѣ рассказывать, что и онъ на старости лѣтъ гонимъ, что его дрizzlyвали въ III Отд. за какіе-то стихи въ пользу студентовъ; потомъ, чтобы похвастать поэтическимъ дарованіемъ своимъ, сталъ мнѣ декламировать отвратительно-циническое стихотвореніе à la Вагкоff. Когда онъ кончилъ, я промолчалъ и не улыбнулся. Онъ нѣсколько сконфузился и замѣтилъ, что онъ эти стихи читалъ Потапову въ свое оправданіе въ III Отдѣлен. «И, вѣрно, съ успѣхомъ», прибавилъ я.

Что это: просто ли развратный плюгавый старичишка, вывавшийся изъ общества, въ которомъ «оправдываются» похабными стихами, или хуже? Во всякомъ случаѣ я рѣшился быть съ нимъ очень осторожнымъ.

Вечеромъ, въ одно воскресенье онъ явился ко мнѣ; я предупредилъ всѣхъ, что *я за него не отвечаю*. Онъ разспрашивалъ ●

русскихъ и полякахъ и показался мнѣ до того подозрительнымъ, что я его шутя спросилъ во второе посѣщеніе: «А что, какъ вы думаете, слѣдуетъ или не слѣдуетъ колотить шпионовъ, если под-вернутся?»—«Что за доказательство—колотить,—отвѣчалъ Хотинскій;—исколотить можно всякаго, если есть сила въ рукахъ».—«Вы—мирный гражданинъ», сказалъ я ему и подумалъ: «онъ боится; это очень подозрительно, надобно отъ него отдѣлаться».

Онъ былъ раза два еще и тоже вечеромъ, въ воскресенье. Пока я придумывалъ, какъ ему затворить дверь, приходитъ письмо. Знакомый почеркъ извѣщаетъ меня о томъ, что Хотинскій от-правлень шпиономъ изъ Петербурга, съ 1000 фр. жалованья въ мѣсяцъ, слѣдить за мной и моими знакомыми. Въ истинности письма я не имѣлъ никакого сомнѣнія.

Здѣсь надо пріостановиться и сказать, что подобнаго рода письма мы получали не разъ. Искренняя и глубокая благодарность анонимнымъ друзьямъ, дѣлавшимъ намъ или, лучше, *нашему дѣлу* такую великую услугу.

Первое письмо извѣщало насъ о Михаловскомъ, сидѣльцѣ у Трюбнера. Онъ предложилъ свои услуги черезъ Хрептовича (тогдашняго русскаго посла въ Лондонѣ) и обѣщался за 200 фунтовъ въ годъ доставлять списки лицъ, посѣщающихъ насъ, образчики рукописей, выкраденныхъ изъ типографіи, по мѣрѣ возможности узнавать пути, по которымъ посылаются «Колоколь» (отъ Трюб-нера онъ же самъ посылалъ), и имена корреспондентовъ. Вышло затрудненіе: кто долженъ платить эти 200 фунтовъ? Князь Горча-ковъ отказался, князь Долгоруковъ тоже не хотѣлъ; рѣшились спросить государя. Пока шли переговоры, мы получили письмо, уличили Михаловскаго, прогнали его отъ Трюбнера и напечатали въ журналахъ.

Дѣло было въ 1857 году, въ тѣ времена, когда государю «еще новы были всѣ наслажденія самовластья» и шумъ льстецовъ, и сонмъ шпионовъ.

— Кто велѣлъ составить этотъ листъ?—спросилъ Александръ Николаевичъ, бросая образцовый списокъ нашихъ гостей въ каминъ.

— Его представилъ Хрептовичъ.

— Онъ меня компрометируетъ.

И Хрептовичу достался нагоняй.

Брунновъ былъ \слишкомъ уменъ, чтобъ дѣлать что-нибудь подобное. Тайные агенты при немъ перестали дѣйствовать явно.

Второе письмо извѣщало насъ о шуваловской родомонтадѣ, грозившей извести меня. Это письмо, послужившее косвеннымъ образомъ моему воскрешенію изъ мертвыхъ въ русской печати

и прямѣмъ—отвѣту отъ Шедо-Ферроти на мое письмо къ Брунову, было получено въ двухъ экземплярахъ: одинъ было адресованъ на имя Ліонеля Ротшильда и прочтенъ мною въ его присутствіи, другой—на имя одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ литераторовъ, который тотчасъ мнѣ его доставилъ.

И вотъ — третье письмо, предупреждающее о Хотинскомъ. Обличить стараго негодяя было необходимо. Съ письмомъ въ рукѣ отправился я къ князю П. В. Долгорукову 10 апрѣля 1863 года. Онъ только что пріѣхалъ въ Лондонъ и жилъ въ Альбемарль отелѣ. Онъ Хотинскаго знавалъ еще въ Петербургѣ и не подозрѣвалъ, но письмо, мною полученное, его не удивило. Дѣйствительно, въ Хотинскомъ было что-то, впередъ подтверждавшее всякаго рода обвиненія.

Рѣшили мы пригласить астронома ко мнѣ и прочесть ему при свидѣтеляхъ письмо. Я бралъ на себя обвинить его въ глаза; далѣе программа не шла,—мнѣ особенно хотѣлось ее оставить импровизациі, вдохновенію минуты. Чтобъ сговориться о времени, мы послали одного изъ нашихъ знакомыхъ звать вечеромъ койкого изъ назначенныхъ къ Долгорукову; распорядившись, я пошелъ читать газеты, а Долгоруковъ—обѣдать въ Wellington. Тутъ счастливая звѣзда помогла астроному-наблюдателю. Онъ случайно тоже обѣдалъ въ Wellington'ѣ, подошелъ къ князю и объявилъ ему свое желаніе итти къ нему вечеромъ. Такимъ образомъ встрѣча съ нимъ, по его собственной винѣ, была не у насъ.

Когда я взошелъ къ Долгорукову, я засталъ почти всѣхъ и, между прочимъ, Хотинскаго, покойно развалившагося на диванѣ; онъ былъ въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа, хорошо поѣлъ, хорошо выпилъ и, ничего не подозрѣвая, ждалъ чаю.

— А вотъ и А. И.,—сказалъ онъ, вставая и подавая мнѣ руку.

— Погодите; прежде, чѣмъ я вамъ подамъ руку, я хочу вамъ прочесть письмо.

Всѣ кругомъ молчали. Хотинскій взглянулъ на меня, на нихъ и совершенно измѣнился въ лицѣ.

— Что такое? Очень радъ.

— Садитесь...

Онъ сѣлъ къ столу, я взялъ другой стулъ, сѣлъ возлѣ и громко прочелъ письмо, напирая на слово *шпіонъ*.

Старикъ вскочилъ и, растерянно глядя то на меня, то на другихъ, сказалъ:

— Гдѣ? кто? кто этотъ злодѣй, этотъ подлецъ, который меня обвиняетъ? его имя? Дайте его письмо!

— Да, вѣдь, не меня, а *ваше превосходительство* обвиняють въ шпионствѣ, а если я вамъ скажу имя, дамъ письмо, я такой же *буду* шпионъ.

— Господа, — сказалъ онъ, — этого я не ожидалъ.. Что же это? — и онъ вдругъ, понижая голосъ и кривляясь, плаксиво про-
стоналъ: — вспомните, у меня есть дочь, пощадите *честное* имя старика... вы его запятнаете по извѣту...

— Объ вашей дочери слѣдовало прежде думать, — сказалъ я, съ презрѣніемъ глядя ему въ глаза.

Хотинскій закричалъ:

— Что это, *guet-apens* !)?!

Огаревъ, вѣчно тихій, закричалъ на него еще сильнѣе. Онъ сръзался.

Какъ невыразимо гадокъ былъ этотъ грязный старичишка; каждая черта его выражала страхъ, стыдъ, безсильную злобу пойманнаго звѣря; онъ былъ увѣренъ, что его поколотятъ; если-бъ не князь Долгоруковъ и не *Albemarle Hotel*, можетъ, его довѣріе и оправдалось бы. Я, конечно, не препятствовалъ бы. Этого рода тварей, въ сущности, ничѣмъ не проберешь, кромѣ тѣлесной боли и лишеніемъ средствъ, но послѣднее невозможно.

Я усталъ, глядя на него, нервы не выдержали столько гадости — и почти не принималъ никакого участія въ финалѣ.

Хотинскій обернулся ко всѣмъ бывшимъ въ комнатѣ и вопіющимъ гласомъ спросилъ:

— Неужели, господа, вы меня считали за доносчика?!

— Считали, — отвѣчали всѣ.

— Вы меня спрашивали имя банкира, которому можно вѣрно поручить деньги *въ Петербургъ* для пересылки въ *общій фондъ*.

— Вы три раза допытывались узнать отъ меня фамилію молодого русскаго, котораго вы встрѣтили въ *Orsett House*.

Наступило минутное молчаніе:

— Князь, — сказалъ я, — вы — хозяинъ, освободите насъ отъ его присутствія.

— Вы понимаете, — сказалъ ему Долгоруковъ, — что единственное одолженіе, которе вы можете намъ сдѣлать, это выйти вонъ.

Хотинскій хотѣлъ что-то сказать.

— Возлѣ васъ колокольчикъ, — сказалъ Долгоруковъ.

Слово «колокольчикъ» подѣйствовало. «Я иду, я оставляю васъ», — бормоталъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ, —

!) Засада, западня.

я прерываю всѣ сношенія, я такъ уважалъ»... и онъ бросился, забывъ свое пальто и внутренно радуясь цѣлости щекъ и реберъ.

Пальто ему бросили вслѣдъ, а Долгоруковъ громко сказалъ лакею внизу; «этого человѣка не пускать больше».

Мы пошли по домамъ въ грустномъ расположеніи; сцена сама по себѣ была гадкая, и чего-то недоставало...

...Знаменитый физиологъ Лонже ¹⁾, гуляя какъ-то со мною въ Montpellier и жалуясь на боль, оставшуюся въ боку отъ сильной плѣрези, сказалъ мнѣ: «А знаете ли, отчего у меня была эта проклятая плѣрези? Вы не повѣрите, а я васъ увѣряю, что такъ. Вы знаете, что мы заклятые враги съ ***». Онъ назвалъ одного академика. «Разъ этотъ злой старичиска до того меня разсердилъ, что я схватилъ его за руку и внѣ себя отъ бѣшенства сказалъ ему: «если вы не замолчите, еще одно слово»... Онъ замолчалъ, и я его не поколотилъ, а пришелъ домой въ лихорадкѣ и слегъ въ постель. Поколоти я этого изверга, у меня не было бы плѣрези».

Въ 161-й листѣ «Колокола» (15 апрѣля 1863) мы напечатали о вѣсти, полученной нами насчетъ астронома Хотинскаго, и прибавили: «Предоставляя г. Хотинскому всѣ средства подтвердить или опровергнуть официальность своего ученаго порученія, мы, съ своей стороны, готовы всегда способствовать благодѣтельнымъ видамъ правительства и, убѣжденные, что въ Англии всего труднѣе дѣлать знакомства, постараемся *слѣдующаго миссіонера-наблюдателя* рекомендовать англійскому народу».

Послѣ сцены въ Albemarle Hotel Хотинскій скрылся, и мы стали забывать его, какъ вдругъ снова письмо: «Хотинскій опять отправляется въ Лондонъ; вѣроятно, онъ будетъ тамъ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ» и проч. Неимовѣрная глупость этого шпионскаго *рецидива* заставила меня сначала усомниться, а потомъ вдвое повѣрить въ нее.

Нѣсколько дней прошло—ни слуха, ни духа. Русскіе, не говорящіе по-англійски, останавливаются обыкновенно въ грязныхъ французскихъ отеляхъ на Лестеръ-Скверъ и на улицахъ и переулкахъ, къ нимъ притекающихъ. Это—центръ лондонскаго разврата, ночныхъ кабаковъ, ночныхъ сильфидъ, кафе-шантановъ, Аргайль-рума и всѣхъ другихъ румовъ, съ музыкой и безъ музыки. По химическому сродству и этнографической необходимости наши соотечественники средней руки льнутъ къ этимъ мѣстамъ. Хотинскій по всѣмъ правамъ долженъ былъ осѣсть тамъ, да тамъ онъ и прежде жилъ. Я отправился сначала на его старую квар-

¹⁾ Франсуа-Ашиль.

тиру; хозяйка сказала, что у нея онъ не былъ (она продавала газеты), но что, кажется, она его видѣла на улицѣ.

Затѣмъ я пошелъ въ Sablonnière Hôtel.

— Помните ли вы, — сказалъ я консьержу, — мѣсяца два тому назадъ у васъ стоялъ такой-то? Мнѣ говорили, что онъ опять пріѣхалъ.

— Нѣтъ, не помню.

— Да онъ такой, такой... старый, беззубый.

— Позвольте, онъ польскій генераль?

— Можетъ быть.

И консьержъ справился въ книгѣ. «M. Chotinsky, général polonais», — да, онъ съѣхалъ.

— Гдѣ же генераль теперь живетъ?

Комиссіонеръ, стоявшій у входа, сказалъ, что онъ живетъ возлѣ, на Лестеръ-Скверѣ, въ такомъ-то №.

— Пожалуйста, сходите къ нему и спросите, дома ли онъ.

Комиссіонеръ пошелъ, а я, обратясь къ консьержу и гарсонамъ, сказалъ: «Вы не подумайте, что я знакомъ съ этимъ чело-вѣкомъ или что онъ въ самомъ дѣлѣ польскій генераль, онъ — русскій шпіонъ. Если вамъ случится кому-нибудь это рассказать, даже ему самому, то не забудьте, отъ кого слышали, — и я передалъ консьержу карточку, къ великому удовольствію его и его товарищей.

Комиссіонеръ возвратился. Дѣйствительно, Хотинскій жилъ тамъ, но его не было дома.

Оставить Хотинскаго въ покоѣ было невозможно. Я началъ съ того, что пошелъ въ ближнее кафэ и написалъ короткое извѣщеніе о возвращеніи «русскаго агента Хотинскаго въ Лондонъ», предостерегая поляковъ, нашихъ друзей, и отмѣтивъ его квартиру. Съ этой запиской пошелъ я въ «Daily News». Въ редакціи засталъ я Эдуарда Пигота. «Напечатаете?» — спросилъ я. — «Да, если вы подпишете». — Письмо подписано. Отъ Пигота я пошелъ лабиринтомъ крошечныхъ продымленныхъ переулковъ, каждый съ своимъ сквернымъ запахомъ, отдѣляющимъ Флитъ-Стритъ отъ Соо. Тамъ, въ одномъ изъ наиболѣе продымленныхъ переулковъ, держалъ крошечный кафэ бывший мой поваръ, отличнѣйшій и прекраснѣйшій старикъ Валеріано Тассинари. Романьоль, старый солдатъ, итальянскаго возстанія, рефюжье со временъ римской кампаніи 1849 года, одна изъ тѣхъ цѣликомъ выдѣлавшихся плебейскихъ натуръ, недалнихъ, честныхъ, простыхъ, героическихъ, для которыхъ la patria, l'unita, l'indipendenza italiana ¹⁾ — религія,

¹⁾ Отечество, единство, итальянская самостоятельность.

долгъ, нравственность, семья, для которыхъ Мацини и Гарибальди—Богъ и папа. Уставши жариться у плиты нѣсколько часовъ кряду, старикъ завелъ свое маленькое заведеніе, едва достававшее ему пропитаніе.

Къ нему-то я и явился часу въ девятомъ вечера. Старый левъ печально сидѣлъ съ трубочкой въ зубахъ передъ бутылкой какого-то итальянскаго вина, положи свою сѣдую буанарротіевскую голову на руку; онъ крѣпко думалъ... объ Италіи ли думалъ онъ, или объ томъ, что финансы плохи?

— Тассинари, я къ вамъ съ просьбой.—Онъ поднялъ голову. Я рассказалъ ему первую исторію съ Хотинскимъ, а потомъ мое новое обрѣтеніе честнаго старца.

— *Birbone!* ¹⁾— говорилъ старикъ, и лицо его все больше и больше оживлялось.—*Faut-t-il le battre?* ²⁾

— *Pas encore* ³⁾,— отвѣчалъ я, смѣясь, — но надо его взять подъ надзоръ, чтобъ онъ не уѣхалъ, не переѣхалъ, не пропалъ бы изъ виду. Гдѣ его въ Лондонѣ потомъ сыщешь?

— *Je capite parfaitement, je capite* ⁴⁾, будьте покойны.

«*Le vieux couffier a senti l'aiguillon*» ⁵⁾.

Старикъ скучалъ, былъ безъ дѣла; единственное развлеченіе, которое у него было,—«эскармуши» ⁶⁾ съ его супругой французенкой и съ мальчикомъ сыномъ, котораго онъ любилъ безъ души и колотилъ, чтобъ сдѣлать «человѣкомъ»,—ему надоѣло; онъ былъ безъ дѣла, безъ занятія. Вдругъ *Iddio* ⁷⁾ посылалъ ему заботу, хлопоты и въ перспективѣ надежду поколотить *un agente del tzar* ⁸⁾... и Тассинари помолодѣлъ, налилъ мнѣ стаканъ ужаснаго итальянскаго вина, увѣряя, что оно очень хорошо, и что онъ его покупаетъ прямо съ корабля какого-то капитана; послѣднее могло быть справедливымъ, но о вкусахъ спорить не вѣлно.

«*Daily News*» утромъ, «*Express*», «*Evening Star*» и проч. вечеромъ возвѣстили на другой день Лондону о приѣздѣ шпіона и о его мѣстѣ жительства. Хотинскій, съ христіанскимъ смиреніемъ схлебнувшій все, что было въ *Albemarle Street*, увидя свое имя въ

¹⁾ Злодѣй!

²⁾ Не надо ли его избить?

³⁾ Нѣтъ еще.

⁴⁾ Я прекрасно понимаю, я шонимаю.

⁵⁾ Старый конь почувствовалъ шпору.

⁶⁾ *Escarmouche*—стычка.

⁷⁾ Богъ.

⁸⁾ Царскаго агента.

английскихъ газетахъ, написалъ мнѣ слѣдующее письмо («Кол.» л. 165, 10 июня 1863) ¹⁾.

Мы отвѣчали въ томъ же «Колоколѣ» ²⁾.

...Черезъ день послѣ того, какъ я посѣтилъ Тассинари, онъ явился ко мнѣ часовъ въ 8 утра, причесанный и веселый; онъ принесъ мнѣ рапортъ, что Хотинскаго отдалъ подъ надзоръ, что *questo birbante* ³⁾ труситъ чего-то, никого не принимаетъ, не открываетъ ставни въ спальнѣ и что ему принесли вчера на домъ три бутылки *porto* и шесть портѣра.

— *Allez! il est sous une bonne surveillance.*

— *J'ai là, au rez-de chaussée, un perroquet, qui me dit tout...* ⁴⁾

Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на итальянца.

— *Si, si, il est des nostres ce perroquet, è da Forli...* ⁵⁾

Давно ли это попугай, извѣстные за болтовню, употребляютсѣ по части шпіонства за шпіонами?

— *Lui m'a arrangé la barba stamatine, c'est un grand ami à moi...* ⁶⁾

Тутъ только я понялъ, что дѣло шло не о попугаѣ, а о *парикмахерѣ*, который жилъ въ одномъ домѣ съ Хотинскимъ.

Я не могъ не рассказать этотъ комическій инцидентъ, который насъ тогда необыкновенно смѣшилъ.

Хотинскій замѣтилъ надзоръ и, вѣроятно, раза два встрѣтивъ Тассинари, не вынесъ его глаза и однимъ добрымъ утромъ уѣхалъ изъ Лондона «*въ Генерифѣ дѣлать наблюденія надъ солнечнымъ затменіемъ*», какъ онъ объявилъ хозяину.

Похожденія его, какъ шпіона, въ Лондонѣ и сцена въ домѣ у Долгорукова разнеслись, но такъ велико растлѣніе русскаго общества, что лазутчикъ осмѣлился явиться ораторомъ въ Географическомъ обществѣ, и считающія себя честными газеты помянули его добрымъ словомъ послѣ его смерти.

Годъ тому назадъ мнѣ рассказывалъ одинъ флотскій капитанъ, что его товарищъ, бывшій въ 1863 г. въ Лондонѣ съ своимъ кораблемъ, сказывалъ ему, что Хотинскій пріѣзжалъ на его корабль, предлагалъ молодымъ офицерамъ, штурманамъ и гардема-

¹⁾ Шлю письмо Хотинскаго, помѣщенное въ № 2174.

²⁾ Слѣдуетъ отвѣтъ Герцена подъ тѣмъ же №.

³⁾ Этотъ мошенникъ.

⁴⁾ — Идите, онъ подѣ хорошимъ присмотромъ.

У меня тамъ въ нижнемъ этажѣ *попуай*, который мнѣ говорить все...

⁵⁾ Да, да. этотъ попугай изъ нашихъ.

⁶⁾ Онъ привелъ мнѣ въ порядокъ бороду сегодня утромъ, это мой близкій другъ...

ринамъ «Колоколь» и «Полярную Звѣзду», говорилъ, что знакомъ со мной, что бываетъ у Долгорукова, и спрашивалъ, не хотятъ ли они познакомиться. Быть представленнымъ Хотинскимъ никто не хотѣлъ, но молодые люди взяли у него книги и «Колоколь», а онъ донесъ объ этомъ въ III Отдѣленіе и, если-бъ, говорилъ мнѣ капитанъ, не братъ начальника того корабля, то молодые люди попали бы по милости этого негодяя въ бѣду.

Какой почтенный старецъ и какое почтенное правительство, употребляющее такія средства!¹

◆◆ 1. Проф. И. И. Ивановъ находитъ, что «исторія съ Хотинскимъ полна общаго смысла». «По ней можно судить о цѣнности обличеній «Колокола». Читатели безпрестанно укоряли Герцена въ легкомысліи. Нѣкоторыя возраженія онъ печаталъ; напр., одинъ читатель опровергалъ его огульное обвиненіе мировыхъ посредниковъ въ покупокъ должностей и прибавлялъ: «съ какою, къ сожалѣнію, легкостью сообщаются вами новости». Герценъ не смутился. Онъ разъ навсегда обнародовалъ слѣдующее поразительное правило, какимъ онъ руководствовался при отдачѣ своихъ преступниковъ «подъ судъ»: «легко говорить о фактахъ и доказательствахъ! Возможны ли они не только намъ, но редакціи «Таймса»? Есть нравственное убѣжденіе, правдоподобіе въ изложеніи, въ обстоятельствахъ описываемыхъ происшествій, словомъ; есть вѣроятность, что фактъ справедливый»,—и Герцену достаточно чтобы вывести «на лобное мѣсто» кого угодно, отъ императора Александра II до своего личнаго друга Тургенева» (стр. 597). Слѣдуя правилу въ отношеніи ко всему, что говорить г. профессоръ, я надѣюсь на возраженія самого читателя.

2764. Письмо къ Н. А. Огаревой.

1 марта 1866.

Я хочу съ тобой много и серьезно поговорить,—время *решеній* настаетъ. Сколько я пережилъ въ эту недѣлю, удивляетъ меня самого; кажется, все ничего,—обѣдъ да чай, а я мучительно сладилъ съ собой во многомъ. Приѣзжая, я ждалъ по письмамъ, по вѣчному озлоб. противъ всего мнѣ дорогого, что ты встрѣтишь меня дурно, но не ждалъ, что на другой день ты со слезами мнѣ скажешь: «Мнѣ до того больно и жаль тебя, что я духомъ и тѣломъ покоряюсь тебѣ, говори, что дѣлать?» Что не могли

сдѣлать ни разлуки, ни гуманность, то сдѣлала любовь. Итакъ, думаль я, теперь возьму на себя спасти семью, спасти Лизу и снять терни съ Огар. одра болѣзни. Я обдумываль планъ сначала наружныхъ сближеній и хотѣлъ итти дальше. Но вечеромъ слѣдующаго дня, *безъ вызова, безъ повода*, по какому-то капризу, ты вылила на меня еще разъ все оскорбительное и злое, и тѣмъ дерзкимъ языкомъ, который привелъ ко всемъ бѣдствіямъ. Если тутъ или тамъ не была обмана, то была измѣна, измѣна своимъ словамъ, игра всѣмъ святымъ для ч—ка. Я тебѣ ничего не отвѣчалъ, но подобныя вещи *не должны повторяться*. Поэтому мы просто займемся планомъ будущаго. Въ прошед. я считаю, что *ты виновата*, — и это было бы неважно, но ты безраскаянно виновата, *скрывая передъ своей совѣстью* свою вину, сваливая ее на другихъ. Это очень важно. Предоставл. пробуж. той же совѣсти излѣчение и иду впередъ.

Полной гармоніи, даже возможной я не жду до полного чело-вѣческ. отношенія всѣхъ, до тѣхъ поръ на главномъ мѣстѣ—воспитаніе Лизы. *Одна* ты съ нимъ не сладишь. Я могу и хочу тебѣ помочь. Для этого надобно двѣ вещи: чтобъ я къ осени устроилъ такъ, чтобъ осень и часть зимы я былъ въ одномъ городѣ съ вами... Если ты отдашь на $\frac{1}{2}$ года Лизу къ Гильдебрандту, я отложу мое прямое участіе. Всякая школа для Лизы будетъ спасительна, но, все же, тебѣ еще много предстоитъ ломки, чтобъ себя сдѣлать возможною для дѣтей. Страшное горе не убило въ тебѣ ни раздражительность, ни строптивость, — двѣ вещи, наиболѣ вредныя въ дѣлѣ воспитанія...

Я въ воспитаніи виноватъ передъ тремя, — не буду виноватъ передъ Лизой, но помоги и ты мнѣ. Я не могу ничего путнаго сдѣлать, если ты не укротишь избалованности твоей бранчивой рѣчи со мной и постояннаго обругиванія не только дѣтей, но и Ог. Я глубоко извѣдалъ теперь, что изъ этого дряннаго источника идутъ бѣды; я ставлю тебѣ это на видъ, какъ одно изъ главнѣйшихъ препятствій. Образъ Ог., свято любящаго Лизу, изстрадавшагося за тебя, — не потому, что твое отношеніе перемѣнилось, а потому, что онъ стыдился сферы, въ которую ты спихнула насъ, и хотѣлъ тебя поднять, — образъ N., оскорбленный въ дѣтяхъ, не дозволяютъ мнѣ хладнокровно выносить бури. Не ищи въ этихъ словахъ нетерпимости, недостатка снисхожденія. Снисхожденіе идетъ къ порочнымъ, необдуманнымъ, слабымъ дѣйствіямъ (можно снисходить къ пьянству, картамъ...), но *не словами*, въ сотый разъ повторяемымъ.

Итакъ, мнѣ надобна съ твоей стороны среда (или усилія ее

создать) такая, чтобъ я не былъ оскорбляемъ въ ней. Я ищу не одной любви, но и уваженія. Человѣкъ, который не хочетъ, чтобъ его уважали,—рабъ или подлець.

2765. Письмо къ Н. П. Огареву.

(1 марта 1866). Четвергъ.

Задача, заданная тобой, не легка. Разсужденіями не можешь. Что ты сдѣлалъ большой грѣхъ надъ собой и вызвалъ за это горькое наказаніе на себя и на всѣхъ тебѣ близкихъ, не думая того,—ты знаешь. Мысль эта меня столько же преслѣдуетъ, какъ безуміе N.

Симъ финаль—и къ лѣченію.

Вотъ что я предлагаю: 1) Труднѣйшее — добраться до конца марта. До того времени удалиться на мѣсяць безъ огромнаго эскландра ¹⁾ трудно, особенно при твоей неподвижности. Послѣ проѣзда Бакста скажи, что идешь въ горы, что никого не хочешь видѣть и нашелъ средство лѣчиться на Салевѣ, отправляйся дней на десять (напр., отъ 10 до 20); тогда, т.-е. послѣ, я поѣду тоже дней на 10 въ Montreux, а ты пробудешь въ Буасьерѣ. Если въ мартѣ Тата будетъ полмѣсяца у Ольги Ив. ²⁾ (которая послѣ ея умнаго и превосходнаго поступка съ письмомъ З. поднялась въ моемъ уваженіи), ты прибавишь ихъ къ отлучкѣ. Пока я и Тхорж. сыщемъ дачу и перевеземъ туда вещи.

2) Послѣ 1 апрѣля тебѣ необходимо имѣть комнату въ Женевѣ, чистую, большую, возможную, такую комнату, чтобы въ ней можно было и заниматься и, въ случаѣ крайности, принять кого-нибудь. Такая комната, ех. гт., у *Цверцякевича*; цѣна врядъ можетъ ли быть дороже 60 фр. въ мѣсяць. Но такую вещь надобно сдѣлать открыто.

3) На дачѣ твоя комната будетъ постоянно готова.

До апрѣля ты постоянно можешь говорить, что уѣхалъ въ Монтрé. Ты можешь всегда очень легко взять чемоданъ и сказать Жюлю и Касатк., что ѣдешь. Ты какъ-то съ роскошью неловкости дѣлаешь эти вещи. А, можетъ, разъ съѣздить до Сат. въ Монтрé и не дурно, да просто съѣздить, безъ Mondschein'a ³⁾, безъ ноктурнъ. Пароходъ ходитъ до Вевэ.

¹⁾ Esclandre—скандалъ.

²⁾ Лионъ.

³⁾ Лунный свѣтъ.

Въ заключение, оставь всякую работу, дописавши эту статью ¹⁾, кромѣ чтенія. Я полагаю, что это необходимо. «Кол». выйдетъ двойной, и мѣсяцъ его не будетъ... ¹

Думалъ я ввести Тату еще больше въ закулисную жизнь — трудно и, знаешь ли, отчего? Для молодого существа надобно *vergnis* ²⁾, надобно *mise en scène*. И эта *mise en scène emporte le fond* ³⁾. Простая, сырая реальность (въ подобныхъ дѣлахъ) не по зубамъ. Она покажется или слишкомъ старческимъ или слишкомъ прозаическимъ. Сумашествіе N. скорѣе *improvisu*руетъ. Не знаю, понимаешь ли ты, а для меня это ясно.

Теперь стоитъ исполнять.

А вотъ и календарь:

апрѣль	}	на дачѣ съ короткими отлучками моими и, вѣроятно, короткими приѣздами твоими,
май		
іюнь		
іюль		
августъ	}	— провожу N. въ Миланъ,
сентябрь		
октябрь	}	Миланъ и Флоренція.
ноябрь		
декабрь		

Въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ, вѣроятно, возвращусь недѣли на двѣ для тебя и «Колок.» въ Женеву.

Если дача будетъ стоить до 3.000, то переѣзды становятся возможными. Насчетъ льда на дачѣ, я полагаю, затрудненія не будетъ.

Коли что перемѣнить, скажи, а записку эту брось въ печь. Прощай.

◆◆ 1. Въ 1866 г. «Колоколь» выходилъ сначала каждое 1-е и 15-е число, а съ 1 сентября — только по 1-мъ числамъ.

2766. Письмо къ Н. П. Огареву.

2 марта (1866).

Montreux, Hôtel des Alpes.

Вотъ и Жемчужниковъ... Ни отъ него, ни отъ Сатиной я помощи не жду... Нѣтъ, Огаревъ, тутъ или будетъ чудо, или все

¹⁾ Т.-е. второе «Частное письмо объ общемъ вопросѣ» въ 216 л.

²⁾ Лоскъ.

³⁾ Инсценировка беретъ верхъ надъ сутью.

потеряно. Я больше, чѣмъ усталъ,—старѣю, становлюсь равнодушнѣе...

Это—помѣшательство, надъ которымъ N. власти не имѣтъ и не хочетъ имѣть. Что мы можемъ сдѣлать? На столько ли ты его знаешь, что можешь съ нимъ говорить? имѣю ли я право жаловаться и располагать тайной?

Я сдѣлалъ опытъ правильно заниматься съ Лизой; она очень понятлива, очень мило учится. N. на все смотритъ съ какой-то затаенной злобой. Всякое слово вызываетъ колкій отвѣтъ. Я готовъ бы былъ полгода быть учителемъ Лизы и, если сначала не умѣлъ порядочно воспитывать старшихъ, заняться ею... Но при такой обстановкѣ да еще при постороннихъ, что же я сдѣлаю? Разумѣется, я записки никакой не далъ. Если бы, Огар., ты, не говоря ни слова, вдругъ могъ бы Юпитеромъ упасть во Франкфуртъ на нихъ, можетъ, ты и поразилъ бы С—ну. Приготовь къ ней письмо на всякій случай. Приготовь, насколько можно, и Жемчужникова. Какое глубокое и *плоское* несчастье!

О, Долгоруковъ,—*pater familias* ¹⁾.

A Lion, *mater familias* ²⁾, пишетъ, что мужъ на краю разоренія; она ѣдетъ, можетъ, во вторникъ въ Петерб. Я ей писалъ, чтобы повидалась съ Сатинымъ и сказала бы ему, что ему съ тобой видѣться необходимо.

Могу пріѣхать во вторникъ, но съ тѣмъ, чтобы въ среду у Долгор. не быть, а у насъ, когда онъ хочетъ, я радъ. Объ этомъ напишу.

Насчетъ дома сходи взглянуть, это же дорога Цамкерини. Я согласенъ на маленькій, потому что надежды никакой на толкъ и соединеніе. Въ Lancy, такъ въ Lancy.

Не понимаю, что значить, что письмо боффера не нравится о домѣ. Если грубо, ты долженъ былъ прислать или также грубо отвѣчать.

О твоёмъ лѣченіи *in der Einsidelei* ³⁾ я писалъ вчера. Бахъ былъ, наконецъ; *il beato* ⁴⁾—и не хватилъ паспорта. Онъ уменъ,—мы съ нимъ спорили. ПРИСЫЛАЙ СКОРѢ бумаги Веденяпиной, онъ тотчасъ напишетъ. Сегодня онъ придетъ вечеромъ.

Прощай.

О деньгахъ писано Тхорж. давно.

¹⁾ Отецъ семейства; намекъ на долгоруковскія семейныя неурядицы.

²⁾ Мать семейства.

³⁾ Въ одиночествѣ.

⁴⁾ Блаженный.

2767. Письмо къ сыну.

2 марта 1866.

Montreux, Hôtel des Alpes.

Третьяго дня я писалъ диссертацию къ Мейз., сегодня собираюся писать къ тебѣ.—Споръ о семьѣ и Т. пора, дѣйствительно, оставить. Ты не понимаешь, чего я хочу, чего я боюсь. Я хотѣлъ, чтобъ Тата не ставила цѣлю, и притомъ близкой, замужество, и достигъ ея. Затѣмъ я и не думалъ отклонять ее отъ брака, и скажи она мнѣ сегодня, что Л. ¹⁾, ех. гт., ей нравится, я отвѣчу: «въ годъ времени ты могла обсудить, иди за него». Я боюсь не-лѣпаго поступка, т.-е. брака очертя голову и несчастія ея на цѣлую жизнь. The matter is dropped ²⁾.

Есть надежды, что костр. имѣніе и доходъ не пропадутъ, особенно, если при этомъ часть пожертвуется; я узнаю и хлопочу; объ этомъ никому.

Есть и другія надежды—что Виргинія мало-по-малу будетъ платить старый долгъ. При экономіи, стало быть, gouffre ³⁾, сдѣланный американской войной (собств., не больше совокуп. виргиніевскихъ процентовъ и части капитала), затянетъ. Руки больше развязаны будутъ, и я снова прихожу къ мысли начать рядъ выдѣловъ вамъ.

Досадно мнѣ, что Ольга скверно учится; я молчу Мальв., но тутъ доля грѣха на ней. Послѣ поѣздки въ Парижъ въ 1861 я постоянно говорилъ о школѣ, Мальв. едва стала слушать въ 1865, а тутъ тройная глупость (твоя, ея и моя) съ острогомъ Фрѣлиха. Надобно предоставить времени, а, все же, больно.

Намѣреніе твое нѣсколько нагнать потерянное въ твоемъ образованіи хорошо настолько, насколько оно не повредитъ специальности. Именно въ соединеніи специальности съ общностью и состоитъ настоящая учено-научная дѣятельность. Специалистомъ можетъ быть тотъ, кто идетъ отъ общаго, иначе онъ будетъ работникъ хорошій для другихъ или для матер. пользы (фотографія Левицкаго)—и баста. Мальв. пишетъ, что ты намѣренъ читать Конта; это тоже хорошо, но онъ пишетъ пространно, а Stuart Mill и Литтре и рядъ русскихъ статей о положительной философіи дадутъ существенное (St. Mill «Logic»).

¹⁾ В. О. Лугининъ.

²⁾ Вопросъ исчерпанъ.

³⁾ Бездна, пучина.

Если же эти занятія тебя оторвутъ отъ дѣла, это—бѣда. Занимаясь въ день часовъ 10, можно бездну сдѣлать и общаго, и спеціальнаго.

Писалъ я тебѣ, что Ковал. издалъ въ Петерб. «Кто виновать?» и что онъ былъ купленъ нарасхватъ? Теперь онъ издаетъ «Сороку-воров.», «Крупова» и пр.—и пишетъ, что будетъ мнѣ посылать по 600 руб. сер. (1,000 фр.) за волюмъ. Вотъ до какихъ чудесъ мы дожили.

Н. ждетъ въ апрѣлѣ Сат. въ Германію мѣсяца на два. Пере-мѣнъ нѣтъ никакихъ; она влечетъ себя въ гробъ и мученія своими фантастическими и раздражительными ипохондріями. Помочь трудно. Лизу смертельно хотѣлось бы поставить на реальный путь; она,—я ужъ писалъ, —необыкновенно умна; умъ и память и своего рода *sagacité* ¹⁾ дѣлаютъ ея ученье легкимъ. Съ другой стороны, одиночество, неровность требованій и добрая, волокнистая и пустѣйшая *miss Turner*.

Покажѣсть прощай.

Тхор. писалъ о 250 фр. въ Лондонъ.

Шольцъ ²⁾ въ Женевѣ былъ. Огар. въ восторгѣ отъ него. У него былъ при немъ припадокъ.

Мальвидѣ и Ольгѣ поклонъ. Я, вѣроятно, поѣду въ Женеву,—дома еще нѣтъ.

Тхорж. нашелъ какой-то въ Лансу, за Арвой, за 2,500.

2768. Письмо къ Э. Кинэ.

Dimanche, matin.
(4 марта 1866).

Monsieur,

J'ai reçu un télégramme qui me force à partir immédiatement pour Genève. Il m'est impossible de venir présenter mes respects à Madame Quinet et à vous. J'espère revenir dans quinze jours et profiter alors de votre bonne invitation.

Recevez, Monsieur, l'expression de ma sincère sympathie et de mon respect profond.

A. Herzen.

P. S. Je vous ai envoyé «le Nord».

C'est un de mes amis, M. Bach, qui s'est chargé de cette lettre; permettez moi de vous le recommander comme une personne très distinguée.

¹⁾ Проницательность.

²⁾ Врачъ и профессоръ.

Переводъ.

Воскресенье, утро.

Милостивый Государь,

Я получилъ телеграмму ¹⁾, которая вынуждаетъ меня немедленно уѣхать въ Женеву; мнѣ невозможно лично засвидѣтельствовать свое почтеніе m-me Кинэ и вамъ. Я надѣюсь вернуться черезъ двѣ недѣли и тогда воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ.

Примите, Милостивый Государь, выраженіе моей искренней симпатіи и моего глубокаго уваженія.

Алекс. Герценъ.

P. S. Я вамъ послалъ «le Nord».

Одинъ изъ моихъ интимныхъ друзей г. Бахъ взялся передать это письмо; позвольте мнѣ рекомендовать его вамъ, какъ очень порядочнаго человѣка.

2769. Письмо къ Лизѣ.

(7 или 17 марта 1866).

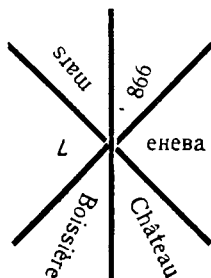
Лиза, Лизунчикъ, ѣдетъ къ тебѣ новый не дядя, а такъ — дядикъ; я ему о тебѣ все рассказалъ — и хорошее и дурное, а теперь тебя цѣлую сто разъ.

Тата приѣдетъ, когда уложимся, — у ней очень болитъ голова.

Прощай

твой старый

дядя.



¹⁾ Отъ кн. П. В. Долгорукова.

2770. Письмо къ сыну.

9 марта (1866).
Boissière.

Письмо твое отъ б я получилъ и не знаю, имѣлъ ли ты, писавши, въ рукахъ мое длинное письмо изъ Montreux или нѣтъ. Въ немъ я впередъ отвѣчалъ на многое. Очень мнѣ жаль, что ты запускаешь твои спеціальныя занятія. Ты могъ вести ихъ de front ¹⁾ съ общимъ образованіемъ. Я снова начинаю думать, что придетъ время, когда ты легко можешь ѣхать въ Россію натуралистомъ. Твое tâtonnement ²⁾ отниметъ у тебя ту часть науки, которая удалась. Тебѣ черезъ три года тридцать лѣтъ... Опасно, и я совѣтую обдумать. Въ тридцать лѣтъ обыкновенно человѣкъ осѣдаетъ, и всѣ главные plis ³⁾ готовы. Замѣчаніе Шиффа объ «энтузіазмѣ» всего печальнѣе. Изслѣдуй же себя, «къ чему же есть энтузіазмъ?», и напиши исповѣдь.

За твой совѣтъ нисколько не сержусь. Есть тутъ и правда и неправда, а главное — никакой нѣтъ возможности измѣнить дѣла. Въ теоріи можно, на практикѣ нѣтъ средствъ. «Колоколъ» можетъ выходить разъ въ мѣсяцъ, но выходить *долженъ*; это — honneur du drapreau ⁴⁾ и якорь спасенія всего сдѣланнаго.

Ты видѣлъ, въ нашемъ дѣлѣ только двѣ большія силы и сдѣлали все — талантъ и *выдержка*, персистенція ⁵⁾ почти всегда приводитъ къ успѣху. Покинуть «Колоколъ» теперь значить подать въ отставку. Конечно, я отдалъ бы всю матеріальную часть кому-нибудь, но гдѣ же этотъ кто-нибудь? Мечниковъ, Утинъ, Гулевичъ, Касаткинъ и tutti quanti совершенно неспособны или способны на другое. Можетъ, Лугининъ могъ бы .. но пишетъ онъ плохо, да и онъ еще ѣдетъ домой, что лучше.

Къ тому же болѣзнь Огар, отняла лучшую половину опоры, — онъ рѣшительно работать постоянно не можетъ.

Далѣе, отъ всего вмѣстѣ нѣтъ того покоя и досуга, который необходимъ работѣ большой.

Къ «Былому и думамъ» я прибавилъ много, цѣлыя главы (о Сазоновѣ, о Кетчерѣ) къ прежнему тексту, и тома два большихъ есть.

¹⁾ Одновременно.

²⁾ Нашупываніе, сомнѣніе, колебаніе.

³⁾ Черты (характера).

⁴⁾ Честь знамени.

⁵⁾ Persistence — стойкость.

Главное мы сдѣлали, и то, что сдѣлали, осталось, возшло и растеть. Мы, улыбаясь, съ Огар. видимъ въ официальныхъ статьяхъ толкъ о *правѣ на землю*, и въ официальныхъ after diner ¹⁾ спичахъ— провозглашеніе Америки и Россіи странами будущаго ²⁾. Теперь только видно, какъ глубоко возшла пропаганда въ умы даже заклятыхъ враговъ нашихъ. Насъ подѣли 1863 и 1864 годы. Побѣдимъ ли ёсес ³⁾ и станемъ на ноги, не знаю, но нельзя же бѣжать.

Много лежитъ на совѣсти Мих. Ал. ⁴⁾, есть долею и на Ог., а я больше ихъ виноватъ, потому что уступалъ отъ слабости и нехотѣнія спорить.

Дома еще не нашли,—главную квартиру, все же, надобно имѣть въ Генфѣ ⁵⁾.

Но дома здѣсь дороги; меньше 3,500 я ничего не видаль возможнаго, даже безъ мебели 3/т. Вспоминая, что въ Англии мы платили 7,000 и 7,500, уравниваться можно.

Къ 31 марта слѣдуетъ съѣхать.

Вотъ на первый случай все.

P. S. Ты что-то пишешь о статьѣ о Хотинскомъ; что же вѣрно описанъ дѣтскій праздникъ въ Albemarle Hotel'ѣ?

2771. «Дневникъ Варшавскій».

Шпіоны-корреспонденты «Дневника Варшавскаго» не забываютъ насъ. Въ 52 № говорятъ о томъ, что *русская эмиграція* считаетъ издателя «Колокола» сумасшедшимъ, что «Колоколь» никѣмъ не читается и пр., но заключеніе всего лучше и становится рядомъ съ знаменитымъ «штосомъ», въ которомъ было проиграно переплетное заведеніе: «Колоколь» давно бы прекратился, если бы его *не поддерживалъ европейскій революціонный комитетъ* и если бы не прибѣгали къ таинственнымъ *денежнымъ операціямъ въ Женевѣ*,—*операціямъ плохой рода, которыя должны имѣть бѣдственный исходъ* ⁶⁾.

Скажите на милость, князь Черкасскій (обращаемся къ вамъ именно по старому знакомству), для чего вы допускаете такую гнусную клевету, которой самъ Катковъ не повѣритъ? Отчего вы

¹⁾ Послѣ обѣда, послѣобѣденный.

²⁾ Вотъ какое значеніе придалъ Герценъ московскому обѣду.

³⁾ Ударъ, неудача.

⁴⁾ Бакунинъ.

⁵⁾ Женева.

⁶⁾ А. М., Paryz, «Dziennik Warszawski» 1866, № 52.

этихъ мерзавцевъ не заставите писать дѣло вмѣсто вздора? Явная полиція перешла къ вамъ; вѣрно, съ ней захватили немного и тайной,—распорядитесь же!

2772. Письмо къ сыну.

(16—20 марта 1866).

Cher ex-docteur Florentin ¹⁾.

Изъ письма къ ученому другу Мейзенбугъ ты видишь новую эволюцію, которую приняло наше кочеваніе. Послѣ долгихъ разговоровъ съ Огар. (онъ недѣлю тому назадъ, ночью, въ третьемъ часу упалъ за письменнымъ столомъ, расшибъ страшно глазъ и плечо), въ которыхъ онъ отказался отъ того, чтобъ Жюль спалъ возлѣ, чтобъ рѣшительно ложиться въ 12 часовъ, я дошелъ до убѣжденія, что онъ безъ ухода жить не можетъ; онъ, въ силу этого же убѣжденія, захотѣлъ попробовать целюлярное заключеніе на дачѣ,—разумѣется, не одинъ—до 1 октября. Въ силу чего я беру квартиру въ 3 комнаты и тамъ дѣлаю свой staff ²⁾ (1,600 фр. въ годъ безъ мебели, мебели надобно на 1,500, т.-е. при потерѣ 50% = 750, итакъ, въ годъ 2,350; это не важно). Къ 1 октября Тата можетъ быть во Флоренціи и сдѣлать опытъ остаться зиму съ тобой и Мейз. въ одномъ домѣ, стало, и квартиру слѣдуетъ искать осенью,—развѣ, попадетъ необыкновенщина.

Напиши мнѣ цѣны квартиръ; напиши перечень, съ кѣмъ можетъ вести знакомство изъ дамъ,

— дѣвушекъ,

— кавалеровъ.

Nat. съ Лизой ѣдутъ въ концѣ апрѣля во Франкфуртъ, оттуда тоже собираются въ Италію. Я назначаю вамъ для первой встрѣчи Сото.

Тата собиралась, собиралась писать и все еще не написала.

Твое длинное письмо получилъ. Все, что можно сдѣлать для «Кол.», это—издавать его *ежемесячно*. IV часть «Былого и думъ» (почти то же, что было въ «Пол. Звѣздѣ») печатается, т.-е. начнется на-дняхъ.

Qui vivra—verra ³⁾

Прощай.

Не мѣшаетъ. снова слова два объ успѣхахъ и неуспѣхахъ Ольги; мнѣ больно, что она продолжаетъ тунеядствовать.

¹⁾ Дорогой эксъ-докторъ флорентинецъ.

²⁾ Штабъ.

³⁾ Поживемъ—увидимъ.

2773. Письмо къ сыну.

24 марта 1866, суббота.

Я поджидалъ отъ тебя письма и оттого не писалъ. Огар. тебѣ пишетъ диссертацию въ четыре листа. Мы переѣзжаемъ въ домъ, принадлежащій банку: Quai Mont Blanc, 7; квартира крошечная, но я могу всегда взять еще въ томъ же домѣ; цѣна 1800 фр. да мебели на 1,800. Теперь я совершенно мобиль ¹⁾). Тхоржевскій будетъ вице-роемъ и Жюль—le roi des Vices ²⁾). Огар. ѣдетъ въ Лансу. Nat. съ Лизой здѣсь на недѣлю и ѣдутъ опять въ Montreux. Насчетъ Таты я остаюсь совершенно при тѣхъ же мысляхъ и при тѣхъ же колебаніяхъ. Время, проведенное у насъ, она не потеряла, серьезную жизнь она здѣсь продолжать можетъ. Но больше, я вижу, я дать и устроить не могу,—слишкомъ велико пространство, дѣлящее меня, напр., съ женевскимъ beau monde'омъ. Тата приобрѣла развитіе и новый талантъ, но зато утратила живопись; никакіе совѣты, рекомендаціи не могли ее заставить взять кисть въ руки. Я пересталъ говорить; отсутствіе любви къ искусству равняется отсутствію таланта. Противъ такихъ *лѣней* я не боецъ. Вопросъ нерѣшенный для меня, что ей лучше: съ сентября до будущаго апрѣля провести во Флоренціи или здѣсь? Вопросъ этотъ я готовъ рѣшить по + и по —.

Безъ сомнѣнія, при всемъ этомъ переѣздъ Огар. на 4 мѣсяца равняется перевороту. Мнѣ его безпредѣльно жаль; онъ самъ не знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Но матеріальный уходъ ему необходимъ, и застарѣлая упорность ничему не подчиняться дѣлаетъ необходимымъ няньку. Онъ соскучится въ этой жизни; au reste, что будетъ—увидимъ. Главное, почему я соглашаюсь, это его безсонница; два раза онъ упалъ ночью съ зажженными свѣчами. Когда приближается его эпоха, весь домъ боится, а надзора онъ не терпитъ. По счастью, Ог. почти совсѣмъ не пьетъ.

Да-съ, жизнь—не легкая вещь, и оборотная сторона медали больно шероховата.

Прощай. Можешь писать на старый адресъ, письмо дойдетъ.

Прочти непременно въ «Revue des D. Mondes» 15 mars статью Мазада о Россіи. Знаютъ ли у васъ, что было въ петерб. дворян. собр. 2/14 марта?

¹⁾ Mobile—подвижный.

²⁾ Королемъ пороковъ.

2774. Письмо къ Н. А. Огаревой.

(28 марта 1866). Среда.

Письмо твое пришло.

Шауэрбахъ ¹⁾ пришелъ.

Театръ уложень, его везеть Шауэрбахъ, хотя это и совѣстно. Веденяпина—Татариновъ.

Огар. нашель очень милую фатерку,—ему везеть. Прежнюю сдалъ. Дешевизна страшная: за новую (безъ меб.) 300. Обморока не было.

У насъ, какъ я и ожидалъ, «сарынь на кичку!» ²⁾; ты этого выраженья не поймешь, потому что тебя воспитывали «не въ отеческомъ законѣ», а въ вермишели. Очень жаль, что я не предвидѣлъ твоего посѣщенія. Можно бы было нанять дачу побольше и, хоть до зимы, прожить въ ней (за вычетомъ двухъ мѣсяцевъ во Франкф.). Ну, да дѣлать нечего. Саша теперь пишетъ, что подвѣртывается хорошая квартира; если Тата съ 1 окт. или ноября ѣхала бы, можетъ, и можно бы взять. А тутъ письмо отъ Бакунина: онъ *на все лето* пріѣзжаетъ, отъ юня пріѣзжаетъ въ Женеву... Я чуть не закашлялъ, опять прочитавъ. ¹

Думай, придумай, посовѣтуй, что и какъ. Я на все согласенъ, что не будетъ перечить разуму.

Тата ѣдетъ къ вамъ *въ пятницу*, въ 1—30, т.-е. будетъ въ 6. Помѣстите ее на 6 фр. пансіонъ. Всѣ спальныя хорошія—на озеро. Я желаю въ томъ же этажѣ, гдѣ вы. Возлѣ было бы всего лучше. (Вѣроятно, они за гостиную сплуютъ много, а если не больше 2-хъ фр. при 6 пансіона, можно взять).

Домъ сдается 1 апрѣля ³⁾, стало, до 4 врядъ ли весь расчетъ окончится; я буду писать.

Лизу цѣлую, и папа Ага.

◆ 1. 23 марта Бакунинъ писалъ изъ Неаполя: «Спѣшу отвѣчать, тѣмъ болѣе, что кругомъ виновать передъ вами. Объяснять причинъ молчанія не стану; прошу васъ только, друзья, объ одномъ: не приписывать его отчужденію или охлажденію дружбы. Чему же: занятіямъ? Да, занятіямъ. Только вчера кончилъ я огромное письмо, ко-

¹⁾ Schauer—ужась, Bach—ручей и фамилія; думаю, что рѣчь идетъ объ А. Н. Бахѣ.

²⁾ «Бурлаки, на носъ судна!» — приказъ волжскихъ разбойниковъ по овладѣннi судномъ.

³⁾ Сейчасъ узналъ, что это—большой праздникъ; еще потеря. Я здѣсь не оставусь четверти часа лишняго. А. И. Г.

торое, хотя и печатается, никогда, вѣроятно, свѣта божьяго не увидитъ. Вотъ вамъ и загадка, которую вмѣстѣ со многими другимъ я постараюсь объяснить вамъ лично въ Женевѣ, куда непременно приѣду въ началѣ или въ серединѣ юня. Надѣюсь, что васъ всѣхъ тамъ застану. Мы намѣрены пробыть въ Швейцаріи цѣлое лѣто, только не въ самой Женевѣ, а подлѣ Женеви, гдѣ-нибудь въ дешевомъ пансіонѣ. Въ Женевѣ, думаю, дорого, а по причинѣ многочисленнаго русскаго эмансипированнаго, праздно и тщеславно болтливаго сосѣдства также и несносно. Русскій навязчивый коммунизмъ мнѣ сталъ противенъ,—я же привыкъ здѣсь къ западной самостоятельности. Итакъ, лѣто, надѣюсь, проживемъ не далеко другъ отъ друга и будемъ, послѣ долгаго молчанія и съ той и съ другой стороны, имѣть время и полную возможность другъ съ другомъ переговорить обо всемъ; а матеріала для серьезнаго разговора накопилось много. Только, друзья, прошу васъ, перестаньте же думать, чтобы я когда-либо занимался серьезно фанмасонствомъ. Это можетъ быть, пожалуй, полезно, какъ маска или какъ паспортъ, но искать дѣла въ фанмасонеріи все равно, пожалуй, хуже, чѣмъ искать утѣшенія въ винѣ. Въ Лондонѣ я не хотѣлъ разувѣрять тебя, Герценъ, потому, что не могъ отвѣчать на другіе вопросы. Теперь буду имѣть это право, и о фанмасонствѣ между нами не будетъ и рѣчи. Что-жъ касается твоего предложенія писать въ «Колоколъ», я его принимаю съ радостью и съ благодарностью. Только дай мнѣ приѣхать къ вамъ. Я рѣшилъ ничего не печатать до того времени, во-первыхъ потому, что при теперешнихъ занятіяхъ мнѣ не хотѣлось бы обращать на себя вниманія, а во-вторыхъ, прежде чѣмъ я рѣшусь высказать свои убѣжденія насчетъ настоящаго положенія Россіи и русскаго дѣла, мнѣ хочется, мнѣ необходимо еще разъ подробно и долго обо всемъ переговорить en trois съ вами. Расходясь съ вами, кажется, во многомъ,—разумѣется, только въ путяхъ, а не въ цѣляхъ,—я такъ высоко цѣню сознательную глубину и силу вашихъ убѣждений, что не могу и не хочу выступать наружу со своими, не попытавшись еще разъ провѣрить ихъ вашею мыслью. Для этого нуженъ разговоръ. Письмо и печать лучше для людей недобросовѣстныхъ,—потому что, что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. Но для насъ, людей добросовѣстныхъ, не тщеславныхъ, разговоръ будетъ лучше. Итакъ, отложимъ все до юня» («Письма», 163—165).

2775.

1789 ¹⁾.

Еще шагъ, и мы увидимъ États Généraux ²⁾ на Невѣ. Мы прямо идемъ къ 1789. Насъ это не удивляетъ, мы это говорили съ перваго листа «Колокола». Глубину, силу, неотразимость *движенія*, подымавшаго послѣ Крымской войны и смерти Николая, мы давно оцѣнили и поняли. Такого рода движенія иногда сбиваются съ дороги, иногда вязнуть въ грязи, но не останавливаются, особенно не останавливаются полицейскими мѣрами, случайными жестокостями и бессмысленными ссылками.

Петербургское самовластье только могло держаться, не замѣчая дряхлости своей, въ нѣмой тишинѣ рабства и косномъ застоѣ всѣхъ живыхъ силъ. При первомъ колебаніи Архимедова точка ускользнула изъ правительственныхъ рукъ, у нихъ остались однѣ перегорѣлыя вожжи и одинъ перержавѣвшій тормозъ... а склонъ съ каждымъ шагомъ круче и круче... Куда дождемъ, мы не знаемъ, *но остановиться нельзя!*

...Казалось, что «сердечное согласіе» правительства съ общественнымъ мнѣніемъ по польскому вопросу поглотить *движеніе*,— нисколько! *Движеніе* въ немъ окрѣпло, стало сильнѣе, оно убѣдилось въ слабости правительства и въ своей силѣ, оно видѣло его растеряннымъ въ минуту опасности и кровожаднымъ отъ страха передъ крикунами; оно видѣло Зимній дворецъ въ зависимости двухъ англійскихъ клубовъ ³⁾ и перестало его уважать; оно видѣло государя болтающаго, плачущаго, желающаго остановиться, увлекаемаго противъ воли,—и перестало его бояться. Человѣкъ, который въ минуту первой опасности вызывалъ адреса преданности, долженъ принимать и другого рода адреса. Князь Щербатовъ ⁴⁾ совершенно справедливо замѣтилъ это въ своей рѣчи.

Инцидентъ въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи имѣетъ значеніе историческаго событія,—событія революціоннаго, оппозиціоннаго, съ полнымъ букетомъ 89 года и съ разными оригинальностями, какъ и слѣдовало ожидать, съ Суворовымъ, напр., кото-

¹⁾ Годъ начала великой франц. революціи.

²⁾ Генеральные штаты—національное собраніе.

³⁾ Петербургскаго и московскаго.

⁴⁾ Григорій Александровичъ, бывшій попечитель Спб. учебнаго округа.

рый (по свидѣтельству «Nord'a») съ душевнымъ прискорбіемъ перedalъ дворянству veto «исполнительной власти», заторопившейся до того, что отвѣчала прежде официальнаго вопроса, стало быть, по доносу какого-нибудь лазутчика.

Подробности читатели наши знаютъ лучше насъ; мы не читали даже, благодаря скромности *свободныхъ* газетъ русскихъ, текста четырехъ пунктовъ, предложенныхъ Щербатовымъ; особой корреспонденціи мы еще ждемъ, а потому рассказывать не считаемъ нужнымъ.

Но сказать наше мнѣніе о новой фазѣ революціоннаго движенія мы не считаемъ неумѣстнымъ.

Мы не со стороны дворянства, какъ сословія.

Мы не со стороны правительства въ его петровской формѣ.

У правительства съ дворянствомъ свои счеты. Зачѣмъ оно сначала подкупало его, отдавая ему землю и народъ? Зачѣмъ оно сперва изъ него сдѣлало опрочину и дворню, а потомъ стало отбирать неправое отданное отцамъ у дѣтей?

Зачѣмъ дворянство позволяло себѣ колѣ на головѣ тесать, пока правительство отдавало ему на грабежъ и сѣченіе народъ, и сдѣлалось нетерпѣливо-лихорадочно либеральнымъ, когда *часть* добычи стали отнимать?

Въ ихъ семейную ссору мы не вступимъ.

Но, если мы не со стороны дворянства и не со стороны правительства, то безусловно со стороны *движенія*.

Все, что можетъ подмытъ, смыть казарму и канцелярію, все, что можетъ увлечь въ общій потокъ и въ немъ распустить бюрократію и сословные монополіи, военную администрацію штатскихъ дѣлъ писарей, обкрадывающихъ казну, казну, обкрадывающую народъ,—все это будетъ принято нами съ радостью и восторгомъ, *чьими бы руками ни было сдѣлано*. Ломайте, господа, ломайте пуще всего другъ друга. На эту ломку уйдетъ вся ваша и вся наша жизнь... Дѣти наши потомъ сосчитаются. Революціи, вообще, оставляютъ не майораты, а полудостигнутые идеалы и вновь раскрытые горизонты.

Странная вещь,—два бойца схватились, а побѣда зависитъ отъ *третьяю*; къ кому онъ примкнетъ союзникомъ, тотъ и одолѣетъ, и этотъ третій — безмолвный народъ, нѣмое множество. Онъ *еще молчитъ* и держится за землю.

Только увлекая его въ движеніе, дѣлая изъ своего дѣла дѣло общее, дѣло народное, земское, только отрекаясь отъ монополій, можетъ дворянство вести серьезную рѣчь съ правительствомъ.

А правительство только и можетъ подрывать олигархическія

притязанія, поставивъ ихъ лицомъ къ лицу съ народнымъ большинствомъ, съ народной волей, которая хочетъ отстоять и отстоять свое право на землю.

Въ то самое время, какъ князь Щербатовъ доказывалъ невозможность итти далѣе, канцелярски управляя Россіей, вышла въ Парижѣ книжка «Revue des Deux Mondes» съ новой статьей Мазада о Россіи. Вѣроятно, читатели наши помнятъ его примѣчательную статью, напечатанную года два тому назадъ. Статья эта опечалила Александра Николаевича, надѣлала много шума и была поддержана возраженіемъ Жомини fils'a ¹⁾. Мы находимъ вторую статью еще вѣрнѣе и замѣчательнѣе, несмотря на то, что, во многихъ случаяхъ мы не дѣлимъ мнѣній г. Мазада. Французы поняли, на примѣръ, какого рода силы проснулись въ Россіи и какая работа двигаетъ и поднимаетъ этотъ материкъ, а у насъ еще есть желчевики, остающіеся въ старческомъ брюзжаніи или узкомъ отчаяніи.

Мы надѣмся въ слѣдующемъ листѣ «Колокола» ближе ознакомить читателей съ трудомъ Мазада.

2776. Изъ дневника.

9 апрѣля 1866.

Неужели мой призывъ носилъ въ себѣ черное пророчество? «Такъ-то рука въ руку входили мы съ тобою въ жизнь»— писалъ я года три тому назадъ;—«я дошелъ не до цѣли, а до того мѣста, гдѣ дорога идетъ подъ гору, и невольно ищу твоей руки, чтобъ вмѣстѣ выйти, чтобъ пожать ее и сказать, грустно улыбаясь: *вотъ и все!*».

Да я и готовъ бы былъ выйти, если бы въ дверяхъ не стояли дѣти. Никого кругомъ: ни изъ близкихъ, ни изъ дальнихъ, всѣ сами не ломились или сломились, всѣ въ горячкѣ—и я опять одинъ защитникъ, одинъ подъ бременемъ обѣщаній и клятвъ.

Первый разъ послѣ осени 1851 на меня повѣяло чѣмъ-то домашнимъ, я опять могъ съ полной теплотой и безъ утайки рассказывать то, о чемъ молчалъ годы... Мы праздновали нашу встрѣчу печально, но, помню, съ 9 апрѣля по 4 мая ²⁾. Пора опять

¹⁾ Александръ Генриховичъ, русскій дипломатъ, писатель; издалъ въ Парижѣ: «La Russie sous Alexandre II. Lettre à „la Revue des Deux Mondes“.

²⁾ 9 апрѣля 1856 г. Огаревъ пріѣхалъ въ Лондонъ. Все написанное относится къ нему.

за работу. Трудно, прогулявши цѣлую недѣлю, начинать въ еоминной понедѣльникъ будничную жизнь.

Небольшая черта въ счетѣ напомнила мнѣ, что праздникъ прошелъ, и я снова тороплюсь въ чистилище труда и работы.

2777. Отъ издателей.

Длинные филиппики, помѣщенные въ русскихъ газетахъ о статьѣ Мазада въ «Revue des Deux-Mondes», заставляютъ думать, что статья эта не запрещена въ Россіи: было бы слишкомъ глупо дозволить возраженія, не дозволивъ статьи. А потому мы и приостановились съ печатаніемъ ея, несмотря на то, что переводъ статьи сдѣланъ, и г. Бюло ¹⁾ самымъ любезнымъ образомъ позволилъ ее помѣстить. Если, впрочемъ, наши читатели заявятъ желаніе, мы помѣстимъ ее въ одномъ изъ слѣдующихъ листовъ. ¹

◆◆ 1. Катковъ прозрачно намекалъ, что Мазадъ далъ свое имя статьѣ, написанной Головиннымъ и Валуевымъ съ одобренія вел. кн. Константина Николаевича, и такимъ образомъ дѣлалъ ихъ опять предметомъ общаго вниманія, что «М. В.» было крайне выгодно и необходимо. Въ частности о «Колоколѣ» Катковъ иронизировалъ: «Что значить этотъ бѣдный «Колоколъ» въ сравненіи съ нынѣшней русской печатью, особенно съ «М. Вѣдомостями», которыя захватили его мѣсто? Вмѣсто издателей «Колокола», появились теперь атлеты революціи, атеизма и матеріализма, передъ коими «Колоколъ» блѣднѣетъ. Учащееся юношество предалось умственному разврату во всѣхъ его видахъ и съ жадностью бросилось изучать Фейербаха, Макса Штирнера и Бюхнера, о которыхъ прежде не вѣдало» («М. Вѣд.» № 65).

Однако, статья эта, въ которой Катковъ очень грубо и неумно восхвалялъ себя, пользуясь обличеніями Мазада, произвела неожиданное впечатлѣніе даже въ далеко не либеральныхъ кругахъ. Для примѣра, очень важнаго, какъ иллюстрація общественной оцѣнки лидера русской политики и-врага Герцена, приведу отрывокъ изъ рукописнаго стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго:

Его и министерство просить,
 Чтобъ онъ вступилъ въ ихъ дѣла;
 Ему и адреса подносятъ,
 И нѣтъ тѣмъ адресамъ числа.

¹⁾ F. Bulloz, издатель «Revue d. D.-M.»

Патріотизма мы не знали,—
Его онъ первый изобрѣлъ;
Всѣ крѣпкимъ сномъ въ Россіи спали,
Онъ пробудить насъ лишь умѣлъ.

Лишь погрозится онъ мизинцемъ:
Шедо-Ферроти и Мазадъ,
Полякъ съ остзейцемъ и грузинцемъ
Предъ нимъ съ стыдомъ бѣгутъ назадъ.

(«Голосъ Минув.» 1917, I).

2778. Послѣ смерти.

Наконецъ-то, и правительство отслужило по Михайловѣ своего рода панихиду. Мы помѣщаемъ ниже «Дѣло о послабленіяхъ начальствующими лицами Михайлову, Обручеву и Макѣеву».

Что за мелкое, гадко-злое, ничтожное правительство, которое идетъ черезъ годы копать около могилы страдальца, замученнаго имъ, и отыскивать *виновныхъ въ состраданіи*... Какъ это у нихъ нѣтъ никакого такта, воспитанія, коли нѣтъ сердца, настолько, чтобъ понять, что роль сытой гіены, шляющейся около ея же обглоданныхъ костей, мерзка, глупа... Будничные люди, узкіе лбы, не вамъ вести Россію на совершеніе ея судебъ, вы только можете тормозить колеса или прибавлять грязь подъ ними. Даже «Indépendance Belge» не вынесла и, пожимая плечами, спросила: «Что же выигрываетъ правительство отъ такихъ процессовъ?».

Мы перепечатаваемъ эту меѳитическую гадость царскаго злопамятства для того, чтобъ сохранить въ «Колоколѣ» еще документъ для будущей характеристики этихъ людей и еще оправданье, почему мы такъ отъ души ихъ ненавижимъ ¹⁾.

И въ то же самое время въ Англии освободили безъ наказанія волонтера ирландца, который подъ хмелькомъ говорилъ, что намѣренъ убить принца Уэльскаго. ¹

◆◆ 1. Очевидно, послѣ прочтенія этой статьи В. Скарятинъ написалъ въ № 30 «Вѣсти» корреспонденцію «Изъ Швейцаріи». Тамъ, между прочимъ, сказано:

¹⁾ Слѣдуетъ пространное официальное изложеніе дѣла, которое интересующіеся найдутъ въ моей книгѣ «Политич. процессы etc.».

«Извѣстно, что въ Женевѣ же издается «Колоколь». Говорятъ, дѣла его идутъ далеко не блистательно. Не ручаюсь за точность, но меня увѣряли, что онъ потерялъ 80% своихъ читателей... Не могу не замѣтить, что (судя по прочитанному мною 217 номеру) «Колоколь» сдѣлался несравненно умѣреннѣе, если не по своимъ идеямъ, то, по крайней мѣрѣ, по своимъ выраженіямъ. Рѣзкихъ, ругательныхъ остротъ несравненно меньше. (Беру назадъ эти слова, прочитавъ № 218)».

2779. Слухъ.

Намъ пишутъ, что въ государственномъ совѣтѣ или въ совѣтѣ министровъ *серьезно* обсуживается проектъ обложенія иностранныхъ паспортовъ большой податью и что есть полная надежда, что проектъ этотъ утвердится.

Браво! И николаевскій грабежъ на большихъ дорогахъ возвращается... Освободитель прикрѣпленныхъ хочетъ быть прикрѣпителемъ къ землѣ свободныхъ... И все это вынесутъ. И Аксаковъ и Самаринъ будутъ рукоплескать!

2780. (Оберъ-полицмейстеръ Анненковъ).

Оберъ-полицмейстеръ Анненковъ не далъ дозволенія купеческому клубу пригласить Стасюлевича ¹⁾ для чтенія въ немъ историческихъ лекцій,—имъ, молъ, и Лохвицкаго ²⁾ довольно.

2781. (Всеволодъ Костомаровъ).

В. Костомаровъ, извѣстный своей гнусной ролью въ дѣлѣ Чернышевскаго, своими подлогами, доносами и пр., умеръ.

2278. (Баронъ Гакстгаузенъ).

Баронъ Гакстгаузенъ издалъ новую книгу о сельскихъ учрежденіяхъ Россіи: «Die ländliche Verfassung Russlands, ihre Entwicke-

¹⁾ Михаилъ Матвѣевичъ, профессоръ всеобщей исторіи, издатель-редакторъ «В. Европы».

²⁾ Александръ Владиміровичъ, юристъ.

lung und ihre Feststellung in der Gesetzgebung von 1861», Leipzig, Brockhaus 1866. Въ предисловіи Гакстгаузенъ говоритъ, что въ составленіи книги ему помогаль д-ръ Скреблицкій ¹⁾ своими переводами изъ огромнаго количества матеріаловъ, собранныхъ авторомъ. Изъ этихъ-то матеріаловъ д-ръ Скреблицкій составилъ полнѣйшій сборникъ всего, относящагося до крестьянскаго вопроса въ Россіи. Онъ начнетъ печать перваго тома (всего будетъ пять) въ нынѣшнемъ году.

2783. Письмо къ Н. А. Огаревой.

16 апрѣля (1866), понедѣльникъ, 5 часовъ вечера.

Зачѣмъ же ты опять сердиться и наказываешь меня? Это и не хорошо, и не можетъ итти. Мало ли что есть труднаго и невозможнаго въ жизни. А бѣдность? А болѣзни?

Больно мнѣ, что Лиза кашляетъ. Телеграфируй, если что; я думаю, что это такое время; я опять простудился.

У Огар. сегодня опять обморокъ,—вотъ и наша надежда.

Я теперь прикованъ здѣсь и довѣренностью ²⁾ и . ³⁾.

Можетъ, лучше пріѣхать за Татой (какъ ты пишешь) съ тѣмъ, чтобы дня на два побывать въ Женевѣ и подписать довѣренность, а потомъ возвратиться къ вамъ. А хочешь ли ты этого? Вотъ тутъ-то и вопросъ и всѣ старые вопросы.

Баронъ ⁴⁾ говоритъ, что есть еще много поправокъ чисто язычныхъ въ переводѣ; я ишу француза; хвалятъ одного *Бушо*; не внукъ ли того, что меня училъ?

Лексиконъ купленъ.

Жалкій Жем. назначилъ мнѣ свиданіе на пароходѣ и не поѣхалъ.

Неужели ты никогда не писала къ Ог.? Хотъ Лизу заставь. Я совсѣмъ простудился.

Прощай.

¹⁾ Александръ Ильичъ, авторъ извѣстной работы «Крестьянское дѣло въ царствованіе имп. Александра II», Боннъ, 1862—1868. Герценъ получилъ не точныя свѣдѣнія, а Огаревъ, очевидно, не имѣлъ еще вышедшихъ къ тому времени трехъ томовъ.

²⁾ По дѣлу о костромскомъ имѣніи.

³⁾ Слово не разобрано.

⁴⁾ Вѣроятно, Францъ-Людвигъ-Августъ Гакстгаузенъ; рѣчь о переводѣ вышеуказанной его книги, за который хотѣла взяться Огарева.

Въ Ниццѣ Хитрово ¹⁾, аристократъ, племянникъ Горчакова, сплутоваль въ карты, пойманъ, избить... камергеръ двора е. в. и богатый человекъ.

2784. Письмо къ сыну.

21 (апрѣля 1866), суббота.
Montreux.

2. Главная новость, занимающая всѣхъ, это — выстрѣлъ въ Алекс. Ник.; еще мало извѣстно подробностей ²⁾. Дѣло это можетъ привести бездну добра и зла, и я мучительно ищю поскорѣе узнать, чтобъ, можетъ быть, сказать и свое слово въ дѣлѣ. Письмо au caupon ³⁾ получилъ и не понимаю, что тебѣ не ясно. Я писалъ, что въ маѣ будутъ Сатины, пробудутъ два мѣсяца—іюнь и, вѣроятно, часть іюля. Тогда, вѣроятно, Nat. поѣдетъ въ Lugano, Como или не знаю куда; я съ Татой ее довезу и могу послѣ съ нею пріѣхать (или съѣдемся по условію); будетъ ли это 1-го августа или 15, сказать теперь нельзя. Что же не ясно? Съ 1 сентября я согласенъ, чтобъ она осталась полгода (если сама хочетъ) во Флоренціи. Квартира въ Женевѣ крошечная, но красивая, будетъ стоить около 2,000. Сдача дома Voissière привела къ coup d'état ⁴⁾, Жюль и вся прислуга отпускается. Жюль лежитъ въ больницѣ—въ водяной, затѣмъ можетъ лежать въ морской и ѣхать въ Англию. Сдача дома мнѣ стоила, по его милости, до 1,000 фр. (750 деньгами, остальное поправками и пр.). Онъ держалъ притомъ людей и грабилъ все съ добродушной улыбкой и все прогуливалъ; онъ отходитъ нищимъ. Экономія необходима; домъ нашъ надобно было ликвидировать и снова начать. Счастье еще, что Сат. прислалъ Огар. 4,000 фр. и обѣщалъ еще привезти. Съ другой стороны, типографія грозитъ совершенно пасть на мои плечи. *Кстати, и прошу не забыть*—Желѣзновъ писалъ опять; Чернецкій купилъ бумагу и началъ наборъ; Желѣзновъ говоритъ, что платитъ будетъ тебѣ; если ты въ немъ увѣренъ, я буду здѣсь платить Чер., а ты получай съ него; если же нѣтъ, то я остановлю работу. Ты долженъ все это обдѣлать очень деликатно.

¹⁾ Захаръ Алексѣевичъ, вице-президентъ капитула россійскихъ орденовъ.

²⁾ Покушеніе Дмитрія Владиміровича Каракозова 4 апрѣля 1866, неудавшееся благодаря О. И. Комиссарову.

³⁾ Карандашное.

⁴⁾ Переворотъ.

Что же тебѣ сказать о твоёмъ преткновеніи съ французомъ? Споръ былъ дѣльный, твое письмо больше ловко, чѣмъ устойчиво; его возраженія стары,—вотъ и все.

То, что ты пишешь объ Ольгѣ, будетъ хорошо, если удержится. Удивительна для меня лѣнь вашего развитія. Въ сущности, и Тата лѣнива. Конечно, это не наследственная черта: ни съ моей стороны, ни со стороны покойницы.

Если-бъ въ свое время Мальв. согласилась, т.-е. въ 60—61 году, ее отдать куда-нибудь, какъ я совѣтовалъ... Да вотъ, если-бъ и N. согласилась Лизу отдать во Франк. на два года... Она начинаетъ скверно учиться и не то, что лѣнь, а капризничаетъ.

Я ѣду съ Татой въ Женеву, вѣроятно, въ среду. Бумага (т.-е. довѣренность) по костр. дѣлу готова; ей надобно подписать.

Кланяйся много Мальвидѣ, поцѣлуй Ольгу; Линда ея больна; она стояла мнѣ при сдачѣ дома до 100 фр. за изгаженную мебель (воспитанье-то!).

2785. Письмо къ С. Тхоржевскому.

23 (апрѣля) 1866. Понедѣльникъ.
Montreux.

Любезнѣйшій Тхоржевскій, я къ вамъ не писалъ, потому что рѣшительно писать было не о чемъ. Мы отъ васъ ждали новостей и очень благодарны. Я небольшую статейку объ атентатѣ ¹⁾ написалъ, но не могу ее послать (недостаетъ подробностей о стрѣлявшемъ). Вы объясните Чернецкому, при дружескомъ поклонѣ отъ всѣхъ монтрезцевъ, что на этотъ разъ, можетъ, «Колоколъ» и по необходимости опоздаетъ. Событіе 16 апрѣля такъ важно, что тутъ дня два ничего не значать. Завтра я вамъ напишу окончательно, когда мы ѣдемъ; вѣроятно, въ среду, но не говорите никому постороннему.

«Смѣсь» посылаю, она необходима (кромѣ «Вятки»). Есть ли мѣсто? Коли нѣтъ, не хочетъ ли Огар. или Мечниковъ оставить до слѣдующаго листа. ¹

Вы знаете, что Лиза сильно ушибла себѣ руку?

Всѣ вамъ кланяются, а N. Ал. опять зоветъ дня на два отдохнуть.

Не забудьте объявленія о «Еще разъ» ²⁾ въ «Колоколѣ».

¹⁾ Покушеніе 4/16 апрѣля.

²⁾ Сборникъ статей Герцена.

Джунковскій ¹⁾ перешель опять въ русскую вѣру и принять въ Петербургѣ съ распростертыми объятіями.

◆◆ 1. Тогда въ «Колоколѣ» шла статья Льва Мечникова «Прудонова „Новая теорія собственности“», а Огаревъ продолжалъ свои «Частныя письма» etc.

16 апрѣля 1866 г. владимірскій жандармскій штабъ-офицеръ донесъ шефу жандармовъ, что въ какой-то колоніи близъ Самары, у колониста Блейхшмидта живетъ Огаревъ... (Архивъ III Отд. с. е. и. в. канц. 1 эксп. 1849 г., дѣло № 67, ч. 4).

2786. Письмо къ сыну.

29 апрѣля (1866), воскресенье.
7, Quai du Mont Blanc.

Письмо твое пришло; 250 фр. пошлю завтра. Письмо это придетъ къ тебѣ 2 мая,—день печальной памяти для насъ. Годъ за годомъ—и вотъ *четырнадцать лѣтъ*, и ты ужъ 27 лѣтъ. Тата 5 мая подписываетъ довѣренность на процессъ по дѣлу костром. имѣнія, хотя м-г Lion (который пріѣхалъ навѣстить свою жену въ Швейцаріи, выписавши ее сначала въ Россію) говоритъ, что деньги не отдадутъ за потерю 10-тилѣтней давности.

Ну, что у васъ говорятъ объ атентатѣ?

Катковъ, какъ и слѣдовало ожидать, обвинилъ намеками насъ; ну, да я въ долгу не остался. Я пришлю тебѣ побольше «Колок.». Знаешь ли ты о смерти Серно-Сол. въ Иркутскѣ? ²⁾

Здѣсь натуралистъ Вагнеръ ³⁾, проф. изъ Казани; я вчера его познакомилъ съ Фогтомъ. Онъ былъ долго въ Неаполѣ. Это тотъ самый, который писалъ въ «От. Зап.» очень замѣчательныя статьи.

Я за Желѣзнава дамъ впередъ отъ 250 до 300 фр., но, если онъ тебѣ не отдастъ ихъ, я остановлю печать. Дѣла типографіи идутъ очень дурно, она вся снова упала на мои плечи. Я очень серьезно занимаюсь уменьшеніемъ расходовъ. Жюль еще въ больницѣ; у него, кажется, оказалась вода въ ногѣ. Но если у него будетъ тамъ и песокъ, я его больше не возьму, буду держать одну

¹⁾ Степанъ Степановичъ.

²⁾ 9 или 10 февраля 1866 г., черезъ него переѣхали сани по дорогѣ изъ Красноярска; солдатъ ударилъ его прикладомъ и, наконецъ, тифъ—все это сразило.

³⁾ Николай Петровичъ, зоологъ и писатель подъ псевдонимомъ «Коть-Мурлыка».

кухарку и горничную, небольшую квартиру,—иначе не могу выпутаться изъ дефицитовъ.

Прощай, вчера я опоздалъ послать письмо.

Кельсievъ въ Вѣнѣ.

«Nord» отъ 29 апр. прямо связываетъ мое имя съ атентатомъ. ¹

◆◆ 1. Въ корреспонденціи изъ Петербурга какого-то У. сказано: «Насквозь пропитанный жалкими доктринами, которыя Герценъ и его приверженцы стараются распространить въ Россіи, Каракозовъ принадлежитъ къ партіи нигилистовъ, которая, къ сожалѣнію, образовалась у насъ въ низшихъ слояхъ общества, но, къ счастью, не имѣетъ серьезныхъ корней въ странѣ» и т. д. («Le Nord» 1866, № 119).

2787. Иркутскъ и Петербургъ.

(5 марта и 4 апрѣля 1866).

Намъ рѣшительно нѣтъ шанса, хоть косвенно, сказать слово въ пользу предрержащихъ властей. Выстрѣлъ 4 апрѣля былъ намъ не по душѣ. Мы ждали отъ него бѣдствій, насъ возмущала отвѣтственность, которую на себя бралъ какой-то фанатикъ. Мы, вообще, терпѣть не можемъ сюрпризовъ ни на именинахъ, ни на площадяхъ; первые никогда не удаются, вторые почти всегда вредны. Только у дикихъ и дряхлыхъ народовъ исторія пробивается убійствами. Убійства полезны больше всего лицамъ, династическимъ перемѣщеніямъ. Къ серальнымъ упраздненіямъ вѣнценосцевъ Петербургъ привыкъ, онъ не забылъ ни Ропши ¹⁾, ни Михайловскаго дворца ²⁾.

Пуль намъ не нужно... мы въ пѣльной силѣ идемъ большой дорогой; на ней много капкановъ, много грязи, но въ насъ еще больше надеждъ; на ногахъ тяжелыя колодки, въ сердцѣ колоссальныя не низлагаемая притязанія. Остановить насъ невозможно, можно только своротить съ одной большой дороги на другую, съ пути стройнаго развитія на путь общаго возстанія.

Пока мы собирались высказать это иными словами, рѣчь наша подкосилась черной вѣстью изъ Иркутска: Серно-Соловьевичъ умеръ 5 марта ³⁾...

¹⁾ Убійство Петра III.

²⁾ Убійство Павла I.

³⁾ Дата невѣрная.

...Эти убійцы не даютъ промаховъ!

Благороднѣйшій, чистѣйшій, честнѣйшій Серно-Соловьевичъ— и его убили...

Укоряющая тѣнь Серно-Соловьевича прошла мимо насъ печальнымъ протестомъ, такимъ же напоминовеніемъ, какъ вѣсть о варшавскихъ убійствахъ 10 апрѣля 1861 года пронеслась грознымъ *temento* и покрыла трауромъ нашъ праздникъ освобожденія крестьянъ.

Послѣдній маркизъ Поза, онъ вѣрилъ своимъ юнымъ, дѣвственнымъ сердцемъ, что *ихъ* можно вразумить; онъ человѣческимъ языкомъ говорилъ съ государемъ, онъ его тронулъ и—и умеръ въ Иркутскѣ, изнеможенный истязаніями трехлѣтнихъ казематовъ. За что? Прочтите сенатскую записку,—и всплесните руками.

Враги, заклятѣйшіе консерваторы по положенію, члены государственнаго совѣта были поражены доблестью, простотой, героизмомъ Серно-Соловьевича. Человѣкъ этотъ былъ до того чистъ, что «Моск. Вѣдом.» не обругали его, не донесли на него во время слѣдствія, не сдѣлали намека, что онъ—поджигатель или воръ... Это былъ одинъ изъ лучшихъ, *весеннихъ* провозвѣстниковъ новаго времени въ Россіи... И онъ убитъ... «Да они не хотѣли его смерти».—Что за вздоръ! Михайловъ умеръ, Серно-Соловьевичъ умеръ, Чернышевскій боленъ... Какія же это условія, въ которыя ставятъ молодыхъ и выносливыхъ людей, что они не выдерживаютъ пяти лѣтъ? Въ этой методѣ замучивать своихъ враговъ понемногу, безъ прямой отвѣтственности, лежитъ такая глубь лжи, трусости, лицемерія или такая преступная небрежность, передъ которой всякое прямое тиранство чувствуетъ себя настолько выше, насколько разбойникъ выше вора.

Развѣ жизнь этихъ людей *не тѣмъ же* свята для Россіи, не *тѣмъ же* застрахована, какъ и жизнь императора? Развѣ они не изъ *тѣхъ*, которые вмѣстѣ съ нимъ участвовали въ пробужденіи Россіи, въ крестьянскомъ вопросѣ, въ упованіяхъ на будущее?..

Нѣтъ, не нуженъ нашъ голосъ въ соборномъ хорѣ ликованій, негодованій, протестацій, демонстрацій. Пусть ждущіе на водку радуются *намеками* и плачутъ *доносами*, пусть раболѣпное ханжество, растлѣвающее юношество до поддѣльнаго идолопоклонства, до того, что учащіеся инженеры заказываютъ икону, а московскіе студенты слоняются къ Иверской служить молебень,—пусть они одни участвуютъ въ концертѣ. Звукъ нашего голоса не идетъ въ ихъ строй.

Мы не можемъ понимать другъ друга.

Вотъ примѣръ. Сумасшедшій, фанатикъ или озлобленный че-

ловѣкъ изъ дворянъ стрѣляетъ въ государя; необыкновенное присутствіе духа молодого крестьянина, рѣзкая быстрота соображенія и ловкость его спасаютъ государя. Чѣмъ же онъ его награждаетъ?—возведеніемъ въ дворянское достоинство! Не для сравненія ли въ общественномъ положеніи со стрѣлявшимъ? Весь смыслъ, весь урокъ, въ которомъ исторія для вѣщей простоты сдѣлалась аллегоріей, притчей,—все вымарано ¹⁾), заклеено «дворянской грамотой».

Придумайте изъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ, изъ всѣхъ нелѣпѣйшихъ наградъ самую нелѣпую,—все будетъ не такъ вопіюще безобразно. Назовите Комиссарова «лейбъ-крестьяниномъ», дайте ему ленту черезъ плечо, но на крестьянскую поддевку, дайте ему медаль на брилліантовой цѣпи, дайте ему самый большой брилліантъ изъ короны на цѣпи медалей, дайте ему милліонъ (и притомъ золотой монетой, а не бумажками),—только оставьте его *крестьяниномъ*, только не дѣлайте изъ него фонъ-Комиссарова.

Вывывая Комиссарова изъ его среды, оскорбляютъ крестьянство; надѣвая на него дворянскій мундиръ, его самого дѣлаютъ смѣшнымъ, опошляютъ. Что же за понятіе имѣетъ государь о крестьянствѣ, если онъ думаетъ, что человѣкъ, совершившій подвигъ, долженъ быть исторгнутъ изъ этого болота?..

Что бы Комиссарову бить челомъ объ увольненіи его отъ дворянской грамоты?.. Другой крестьянинъ, который также бы защитилъ своею грудью своего земскаго царя и который совершенно невинно страдаетъ на каторгѣ жертвой правительственнаго неистовства,—Мартьяновъ, такъ бы и поступилъ.

Живъ ли онъ, бѣдный? ²⁾ Или и онъ пошелъ за Михайловымъ и за Серно-Соловьевичемъ?

¹⁾ Даже «Кладдерадачъ» не вынесъ этого:

Müller—Also der Mörder war ein Russischer Edelman?

Schultze—Ja...

Müller—Und der den Kaiser gerettet hat war ein Bauer?

Schultze—Ja...

Müller—Und zur Belohnung dafür is nu der Bauer?..

Schultze—Zum Edelman gemacht.

Müller—Nu, diese Zeitungen. Hol der Deibel die ganze Presse ^{o)}). *А. И. Г.*

^{o)} *Мельникъ*. Стало быть, убійца былъ русскій дворянинъ?

Староста. Да...

Мельникъ. А тотъ, который спасъ императора, крестьянинъ?

Староста. Да...

Мельникъ. И въ награду за это крестьянинъ теперь...

Староста. Сдѣланъ дворяниномъ.

Мельникъ. Ну, ужъ эти мнѣ газеты! Чертъ побери всю прессу.

²⁾ Хотъ бы въ память крестьянскаго подвига возвратили его... Во

Что покушение 4 апрѣля опять рядомъ съ искреннимъ участіемъ взболтаетъ все раболѣпіе русскаго общества, всѣ полицейскія маніи шпионовъ-самозванцевъ, журналистовъ-доносчиковъ, литературныхъ палачей, всю неуклюжую низость полуобразованной орды, всю необузданность чиновничьей среды, когда она выслушивается, принижаясь,—мы въ этомъ не сомнѣвались, а, все же, читаемъ, краснѣя за безстыдство выраженій и поступковъ.

Разносится слухъ, что назначаютъ слѣдователемъ Ланского ¹⁾,— клубный вопль: «Дай намъ Муравьева.. дай намъ его, облитаго кровью и покрытаго проклятіями цѣлой страны!»... Правительство позволяетъ себя насиловать и милостиво соглашается...—клубный восторгъ, и эта страшная фигура водяного воина, посѣдлаго въ каверзахъ и пыткахъ, полуслѣпотаго инквизитора въ одышкѣ встаетъ изъ какого-то угла, гдѣ онъ былъ брошенъ, и общается дворянамъ поработать исправно... Орловъ-Давыдовъ, будущій пэръ, «глава олигархической оппозиціи», наслѣдникъ Орловыхъ, убившихъ Петра III, привѣтствуетъ его съ чувствительностью *и цѣлуетъ Комиссарова, по порученію Паскевича* ²⁾,—Орловъ-Давыдовъ, который, когда государь хотѣлъ его обнять послѣ покушенія, какъ Тургенева бурмистръ, поцѣловалъ у государя руку... «Ручку, батюшка, ручку!»...

Рядомъ съ такимъ вѣрноподданническимъ самозабвеніемъ,

всемъ хламѣ дурной риторики и битыхъ фразъ, которыми наполнены теперь русскія газеты, мы не могли не отмѣтить слѣдующихъ строкъ въ «Голосѣ»: «Говорятъ, что двое родственниковъ О. И. Комиссарова ³⁾ находятся въ Сибири, куда они были сосланы при существованіи крѣпостнаго права помѣщикомъ безъ суда, и что послано приказаніе о возвращеніи ихъ. Не ручаемся за справедливость этого слуха. Но да позволено будетъ намъ при мысли о крестьянинѣ, спасшемъ жизнь государя-освободителя, выразить сердечное желаніе, чтобы это событіе было освящено разрѣшеніемъ воротъ на родину всѣмъ тѣмъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ людей, которые были сосланы въ Сибирь не по суду за преступленіе, а по безсудному распоряженію помѣщиковъ. Какъ часто при существованіи крѣпостнаго состоянія ничтожный проступокъ, даже просто защита своихъ человѣческихъ правъ, вели крестьянина въ Сибирь!» *А. И. Г.*

¹⁾ Петръ Петровичъ, ген.-ад.

²⁾ Катковъ и тутъ перешеголялъ. Вотъ что онъ печатаетъ въ формѣ письма къ издателямъ: «Я былъ сегодня въ одномъ почтенномъ домѣ. Ура раздалось въ послѣдней комнатѣ, ура! въ десять голосовъ, и я вбѣжалъ удивленный этимъ радостнымъ крикомъ, когда, за минуту передъ тѣмъ, все общество бесѣдовало со смущеніемъ и неудержимымъ негодованіемъ о злодѣйскомъ покушеніи. «Что такое?» Десять голосовъ наперерывъ закричали мнѣ навстрѣчу: «Графъ Муравьевъ назначенъ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи—ура! Теперь дѣло пойдетъ не подъ спудомъ, а на чистоту! Теперь дѣло прямо пойдетъ по своей дорожкѣ, а не вокругъ да около!» *А. И. Г.*

³⁾ Отецъ.

какъ скромный полевой цвѣтокъ, является какое-нибудь милѣйшее, наивнѣйшее письмо, прибитое къ кровавымъ столбцамъ «Моск. Вѣдомостей»:

«Получивъ ужасное извѣстiе, что въ августѣйшаго и возлюбленнѣйшаго нашего монарха какой-то злодѣй стрѣлялъ въ то время, когда его величество изволилъ выходить изъ Лѣтняго сада, я, по обязанности своей, долженъ былъ отправиться къ своимъ пациентамъ въ два большія семейства, гдѣ сообщилъ объ этомъ варварскомъ поступкѣ. И что же? Какъ въ одномя, такъ и въ другомъ семействѣ всѣ навзрыдъ заплакали и начали собираться въ церковь помолиться о спасенiи нашего обожаемаго монарха. Факту этому покорнѣйше васъ прошу дать мѣстечко на столбцахъ вашей уважаемой газеты, чтобы зналъ злодѣй, что онъ стрѣлялъ не въ одно сердце, а въ сердце всей великой русской семьи нашего великаго государя.

Военный медикъ *Меншиковъ*».

Само собою разумѣется, что всѣ эти отдѣльныя блестящія блѣднѣютъ передъ полицейскими пароксизмами «Московскихъ Вѣдомостей». Мы ихъ ждали, мы впередъ себѣ дѣлали праздникъ, предвидя, что онѣ непременно постараются и насъ пристегнуть къ дѣлу. Такъ и вышло.

Мы глубоко убѣждены, что полицейская манiя—одна изъ самыхъ крутыхъ формъ сумасшествiя, и что психiатры слишкомъ мало обращаютъ на нее вниманiя. Само собою разумѣется, что эта болѣзнь развивается не у нормальныхъ людей, а въ особенно приготовленныхъ и способныхъ организмахъ, снѣдаемыхъ завистью, самолюбiемъ, самообожанiемъ, желанiемъ власти, ленты, мѣста, мести. Все это такъ, но однажды вытравивъ все человѣческое въ субъектѣ, для болѣзни удержу нѣтъ. Подозрительность, клевета, доносы становятся потребностiю, голодомъ, жаждой... Когда не на кого доносить, у больного дѣлается тоска, онъ выдумываетъ Молодую Грузiю, Молодую Арменiю... А тутъ въ насъ стрѣляютъ. Не можетъ же Катковъ отдѣлать себя отъ единства Россiи, отъ государя,—онъ разомъ—государь и Комиссаровъ. Спасать Россiю для него привычное дѣло. Что на немъ много елея царскаго помазанiя, онъ заявилъ накануне покушенiя (3 апрѣля), объявляя, что онъ вовсе не намѣренъ слушаться министерскихъ распоряженiй, что никому не подчиняется, кромѣ государя, что онъ знаетъ своего Александра Николаевича, а никого другого знать не хочетъ... Скромненькiе министры вынесли, и хорошо сдѣлали... а то не далеко бы ушли отъ Константина Николаевича и Шедо-Ферроти, которымъ достанется теперь, съ муравьевской помощью. Услышавъ свистъ пули и оттолкнувъ руку убiйцы, Катковъ съ головой, еще не обритой, мечется на короткой веревкѣ, какъ бульдогъ, котораго не спустили, прыгаетъ, визжитъ, лаетъ, стараясь перекусать всѣхъ. —

Получивъ телеграмму изъ Петербурга, вотъ что онъ печатаетъ: «Сегодня, въ 4^{1/2} часа пополудни неизвѣстный выстрѣлили... *Полагаютъ*, что это *переодѣтый* революціонный эмиссаръ», и затѣмъ: «Недавно зарево пожаровъ освѣщало все пространство Россіи; теперь совершается покушеніе на жизнь ея государя. Неужели и теперь не найдемъ *мы средствъ проникнуть* въ тайну злодѣянія и не коснемся корней его?».

Кто же это полагалъ? И что значить *переодѣтый* эмиссаръ? Развѣ революціонные эмиссары имѣютъ свой мундиръ, свои пушки и петлички, какъ жандармы? Это что-то напоминаетъ «заграничныхъ выходцевъ» той же газеты.

Но «патось», какъ писывалъ гегелистъ-эстетикъ Катковъ въ сороковыхъ годахъ, не тутъ—онъ весь въ этомъ томномъ, замирающемъ: «Неужели и *теперь не найдемъ мы средствъ проникнуть?*». Тутъ какое-то млѣніе, какой-то страхъ... Ну, можетъ, какая-нибудь жертва ускользнетъ... а вмѣстѣ съ тѣмъ сердце чувствуетъ жженое мясо, хрупъ ломаныхъ костей... Можетъ быть, попадется какой-нибудь нигилистъ, издѣвавшійся надъ Катковымъ въ «Искрѣ», и его кости будутъ хрустѣть; узнаетъ онъ, что значить писать противъ насъ... «Ну, а какъ не найдутъ средствъ?» Успокойтесь, *найдутъ*; въ этомъ отношеніи наша исторія насъ оставляетъ не безъ наслѣдства, не безъ примѣра: стоитъ прочесть царствованіе великаго Петра... Съ легкой руки перваго намекъ пошли писать «Вѣдомости... Мы только удивлялись одному: куда дѣлся лондонскій банкиръ Т., другъ Маццини, вербовавшій въ Тульчѣ черезъ насъ зажигателей... Но удивлялись не долго, только до 7 апрѣля.

«Можетъ ли допустить Россія, чтобы эти области (дунайскія княжества) еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде при князѣ Кузѣ, стали гнѣздомъ всесвѣтной революціи, которая оттуда вела бы свои подкопы противъ сосѣдней Россіи, чтобы тамъ попрежнему и еще болѣе, чѣмъ прежде, скоплялись шайки русскихъ отверженцевъ и польскихъ революціонеровъ, организовали изъ себя общества поджигателей и высылали противъ Россіи всякаго рода политическихъ преступниковъ?»

И потомъ—полоборота, фронтъ и доносъ съ блиндажемъ:

«Нечего называть вамъ, *на кою*, то-есть на какую враждебную внутреннюю партію, указываетъ общественное мнѣніе. Вся надежда теперь на слѣдствіе: на его обязанности раскрыть истину во всей ея наготѣ, со всѣми мельчайшими подробностями, со всѣми оттѣнками».

Полноте, да, вѣдь, это скорѣе поляки?

И нашъ Ноздревъ, не обинуясь, говоритъ: «Да, да, самые».

польскіе поляки, въ этомъ никто не сомнѣвается... все это сдѣлалъ Сѣраковскій съ того свѣта и Огризко съ каторги»... Стрѣлявшій— не русскій, пишетъ Катковъ, по несчастью, въ самое то время, какъ полякъ оказался саратовскимъ помѣщикомъ Каракозовымъ.

Но волчокъ спущенъ,—Каткову мало Молдо-Валахи и поляковъ, нигилистовъ и зажигателей—«подавай барынѣ весь туалетъ», и вотъ онъ собираетъ въ какую-то корреспонденцію Хера все и оканчиваетъ доносомъ. Отгадайте на кого? Не скажу.

Корреспонденція начинается дальними апрошами. Сначала, какъ обычная форма, какъ принятый ритуаль, безъ котораго Катковъ не можетъ обойтись: намекъ на молодежь, на «авторовъ Земли и Воли», потомъ сомнѣніе, не были ли эти авторы «оружіемъ въ рукахъ болѣе искусныхъ», далѣе догадка, что искусныя руки—руки польскія... Апроши становятся ближе, тѣснѣе... и вдругъ атака:

«Я могу указать на корень зла лишь слегка, но вотъ симптомы неясной постановки русскаго дѣла. Во-первыхъ, это почти одновременное нападеніе на русскую печать и на ту якобы чрезмѣрную свободу, которою она пользуется при системѣ административныхъ предостереженій,—нападеніе съ двухъ разныхъ сторонъ, съ точки зрѣнія крупныхъ землевладѣльцевъ (русскихъ!) въ газетѣ «Le Nord» и съ польской точки зрѣнія въ «Revue des Deux-Mondes» и «Journal des Débats»... Вотъ вамъ одинъ симптомъ. Другой состоитъ въ томъ, что газета «Вѣсть» подъ фирмой поддержки русскаго крупнаго землевладѣнія, явно покровительствуетъ идеямъ отнюдь не русскимъ. Всякое заявленіе, служащее къ распространенію невыгоднаго мнѣнія о землевладѣніи въ Западномъ краѣ, она тотчасъ помѣщаетъ въ свои столбцы, а противоположныя проходитъ упорнымъ молчаніемъ... «Вѣсть» вытѣснила «Голосъ» изъ Западнаго края и трубитъ побѣду. Она имѣетъ на то полное право».

На этой прелести мы оставляемъ литературный застѣнокъ съ полнымъ и глубокимъ презрѣніемъ вовсе не къ Каткову,—онъ дѣлаетъ свое катковское дѣло,—но къ его публикѣ.

Мы ждемъ съ нетерпѣніемъ доносъ Каткова на Леонтьева (доносить ему больше не на кого) и обращаемся къ жалкому стаду нашего общества, нищаго духомъ, но благороднаго происхожденіемъ.

Наградить нелѣпѣ того, какъ сдѣлалъ государь, Комиссарова невозможно. Но вѣрноподданые и тутъ попробовали не безъ успѣха состязаніе. Оппозиціонный Щербатовъ находитъ, что спасти жизнь государя показываетъ большія экономическія способности, и именно по части «сельскаго хозяйства», и предлагаетъ его *членомъ* эко-

номического общества,—съ этой легкой руки пошли дѣлать Комиссарова членомъ клубовъ, ученыхъ обществъ, собраній, музеевъ, лицеевъ и пр. Того и смотри, что корпорація московскихъ привилегированныхъ повивальныхъ бабокъ избереть его почетнымъ повивальнымъ дѣдушкой, а общество минеральныхъ водъ включить въ число почетныхъ больныхъ и заставить даромъ пить эмскую, зедлицкую, пирмонтскую и всяческую кислую и горькую воду.. Зачѣмъ же вы это дурачитесь? Пожалѣйте же человѣка, который спась государя. ¹

◆◆ 1. 14 апрѣля московскій губернаторъ кн. А. В. Оболенскій телеграфировалъ министру вн. дѣлъ: «Ежели фамилія преступника Каракозовъ, то онъ долженъ быть родственникъ Огарева, сотрудника Герцена». Изъ справки, составленной послѣ этого, видно, что уже «говорять о родствѣ Каракозова съ Панчулидзевымъ, а также и Огареву, сотруднику Герцена». Московскій губернаторъ получилъ эти свѣдѣнія отъ Александры Николаевны Бахметевой, жены предводителя дворянства; она знала г-жу Каракозову, родственницу Огарева, уже умершую, и предполагала, что преступникъ, можетъ быть, — ея сынъ. III Отдѣленіе потирало руки отъ удовольствія... но басня не подтвердилась.

21 апрѣля саратовскій губернский предводитель дворянства Александръ Павловичъ Слѣпцовъ телеграфировалъ министру вн. дѣлъ: «Сейчасъ официальная газета отняла у насъ всякій лучъ надежды, что, можетъ быть, измѣнятся слухи, разнесшіеся въ Саратовѣ, о томъ, что преступникъ, покушавшійся на жизнь государя, родомъ изъ Саратовской губ., дворянинъ; теперь нѣтъ уже мѣста этой надеждѣ; истина передъ нами во всей своей ужасающей наготѣ. Конечно, не можетъ быть сопоставлено отношеніе между страною, губернію, цѣлымъ сословіемъ и личностью, которая, съ дѣтства покинувъ родную среду, получила развитіе сердца въ странѣ отдаленной и невѣдомой. Хотя разумъ повторяетъ это, но тѣмъ не менѣе остается нынѣ неопровержимымъ, что русскій, покусившійся на жизнь царя, родился въ Саратовской губ., дворянинъ губерніи. Предводители всѣхъ уѣздовъ спѣшатъ сюда. Прошу ваше выс-во повергнуть предъ государемъ императоромъ чувство невыразимой скорби, ощущаемое саратовскимъ дворянствомъ при ударѣ судьбы, которымъ Провидѣнію угодно было испытать вѣрноподданнческія сердца наши». Валувъ успокоилъ дворянство: «Государь императоръ изволилъ отозваться, что поступокъ одного лица въ его глазахъ не бросаетъ никакой тѣни на сословіе, и повелѣтъ мнѣ удо-

стовѣрить въ томъ ваше пр-во» (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1866 г. № 1).

Дѣло Каракозова еще очень мало изслѣдовано; найденная при немъ прокламація напечатана на стр. 159—162 X—XII кн. «Голоса Минувшаго» 1918 г., тамъ же и кое-какія фактическія данныя.

Приведу нигдѣ не опубликованный адресъ Академіи наукъ; онъ показываетъ, до какой изюсти дошло и тогдашнее «ученое» общество вообще.

«Всемиловѣйшіи Государы!»

«Провидѣнію угодно было отвратить роковой ударъ убійцы, направленный, въ особѣ Вашей, противъ миллионовъ обожающаго Васъ народа,—и народъ, объятый ужасомъ угрожаемаго ему бѣдствія, теперь ликуетъ и благословляетъ спасительную десницу за сохраненіе ему его державнаго Отца, Освободителя и Законодателя.

«Лица, составляющія ученое сословіе Импер. Академіи Наукъ, какъ члены великой силы русской, вмѣстѣ съ нею возносятъ къ небу одинаковыя благодарственныя молитвы и проникнуты одинаковыми чувствованіями. Изъясненіе этихъ чувствованій они осмѣливаются повергнуть къ стопамъ Вашего Импер. В-ва.

«Удостоите, Августѣйшіи Монархъ, принять милостиво эту глубокую сердечную дань людей, которые посвятили всю жизнь свою скромнымъ изслѣдованіямъ истины путемъ строгой науки, въ сей самой истинѣ почерпаютъ новыя причины и новыя побужденія богоговѣйно чтить все великое, чѣмъ украшается Ваше царствованіе.

«Да продлится же это достославное царствованіе многіе годы на величіе, просвѣщеніе и благоденствіе Россіи, чтобы и отечество могло сказать, произнося имя Ваше: имъ начато и довершено ея обновленіе» (архивъ А. Никитенка, копія).

Въ книгѣ Шедо-Ферроти «Le nihilisme en Russie», Berlin — Bruxelles, 1867 г., приведены два очень курьезныхъ документа, подлинники которыхъ были изданы по-французски. Передаю оба въ переводѣ, оговариваясь, что они написаны такимъ страннымъ, чтобы не сказать больше, языкомъ, что мѣстами онъ не поддается сколько-нибудь связному и логическому переводу, благодаря чему поневолѣ приходится мѣстами отступать отъ словъ, явно не имѣющихъ никакого смысла.

Шедо-Ферроти не далъ никакихъ указаній о происхожденіи документовъ, ни подробнаго библиографическаго ихъ описанія, сказавъ только, что «самые фанатическіе изъ нигилистовъ, партія этихъ жалкихъ людей», опубликовала первый изъ нихъ, а

о второмъ прибавилъ, что онъ появился въ концѣ августа 1866 г. безъ указанія мѣста печатанія и цитируется имъ въ болѣе выдающихся мѣстахъ.

Первый документъ:

Лондонскій Комитетъ Космопоэтической Общества Стражей Истинныхъ Познаній, съ великимъ изумленіемъ, ужасомъ, сожалѣніемъ, горемъ, негодованіемъ и презрѣніемъ прочтя въ № 219 «Колокола» статью подъ заглавіемъ: «Иркутскъ и С.-Петербургъ» и не будучи въ силахъ простить подобной ошибки частной редакціи, органу вольной мысли 70 милліоновъ народа БОЖЬЯГО, именуемаго русскимъ народомъ, послалъ автору упомянутой статьи слѣдующее письмо:

«Если статья «Иркутскъ и Петербургъ» фальсифицирована или написана авторомъ въ минуту заблужденія, то онъ долженъ публично отречься отъ нея или признать ее громадной ошибкой, недостойной порядочнаго и разумнаго человѣка. Въ противномъ случаѣ онъ будетъ объявленъ предателемъ ТВОРЦА и человѣчества, какъ самый ярый защитникъ политики и монархизма.

«Человѣку, называющему себя представителемъ вольной мысли 70-ти милліоннаго БОЖЬЯГО народа, именуемаго русскимъ народомъ, и котораго доннынѣ и мы такъ называли, непозволительно совершить столь вредную ошибку, и поэтому мы не можемъ обойти ее молчаніемъ. Подобная ошибка непростительна, такая глупость заразительна и наводитъ на сильное подозрѣніе: не подкупленъ ли монархизмомъ, чтобы, подобно Виктору Гюго, пока монархизмъ существуетъ, порицать смертную казнь и величайшій изъ подвиговъ.

«Мы не приглашали автора статьи «Иркутскъ и С.-Петербургъ» въ члены нашего общества, но мы не предполагали, что онъ будетъ противъ насъ, выступая противъ Каракозова, когда онъ могъ, по меньшей мѣрѣ, молчать.

«ТВОРЕЦЪ далъ человѣку разумъ, слѣдовательно, и волю имѣть или не имѣть своими господами ядовитыхъ змѣй и двуногихъ тигровъ, т.-е. монархизмъ.—Схватить ихъ нельзя; запереть нельзя тѣмъ болѣе и, если авторъ противъ «приговора и ареста» основателя нашего Общества, значить, онъ считаетъ, что слѣдуетъ допустить дальнѣйшее ихъ размноженіе и что слѣдуетъ подчиниться ихъ жестокости или, какъ онъ, выступить при помощи монархической пропаганды защитникомъ охоты на нихъ. Ему хорошо, такъ какъ онъ эмигрантъ, онъ не желаетъ міровой Республики, онъ осуждаетъ величайшій изъ подвиговъ съ извиненіемъ, достойнымъ монархиста и сводящимся къ тому, что для того, чтобы спасти

нѣсколько субъектовъ, позволительно толкнуть миллионъ въ тьму невѣжества,

«Возвышенный фактъ, величайшій изъ подвиговъ, безкорыстное и безусловное самоотверженіе долженъ быть *исполненъ* или, по крайней мѣрѣ *хвалимъ* безъ фанатизма, но логично. Никто не запрещалъ автору «Колокола» только *молчать*, развѣ, его глупая гордость или царь. Но порицать величайшій изъ подвиговъ, безъ котораго монархизмъ вѣченъ, можно, несомнѣнно, или за деньги, или вслѣдствіе безконечной глупости монархическаго фанатизма. Это—величайшій грѣхъ, это—зараза, соединенная съ мракомъ невѣжества для сохраненія рабства и несчастія!

«Не только ты, авторъ, который не способенъ былъ бы пожертвовать такимъ образомъ своею жизнью, но даже наше общество, къ которому *de facto* принадлежитъ Каракозовъ, мы всѣ вмѣстѣ недостойны развязать ремень его обуви, потому что Каракозовъ дѣйствительный поэтъ, какъ Христосъ безкорыстный святой, мученикъ за Свободу, за Науки, за счастье Человѣчества, за Царство БОЖІЕ на землѣ! И такого Человѣка, истиннаго сына БОЖІЯ, авторъ «Колокола» называетъ «сумасшедшимъ фанатикомъ»!

«Когда царь, что вѣроятно и будетъ, покажетъ Каракозову «Колоколъ», это разобьетъ его сердце—значитъ, ты убьешь его раньше, чѣмъ царь! Развѣ въ этомъ твоя задача? Развѣ ты сдѣлалъ это не за плату? Отвѣчай!

«Отрекись отъ твоей позорной статьи, въ которой ты Христовъ называешь «сумасшедшими фанатиками», т. к. желаешь стать выше Ихъ. Если ты этого не сдѣлаешь, повторяемъ тебѣ, ты будешь объявленъ измѣнникомъ Человѣчеству и товарищемъ тѣхъ, кто убиваетъ его спасителей.

«Мы ждемъ! Но знай, что, въ случаѣ измѣны или гордости, мы, Комитетъ лондонскаго космопоэтического Общества стражей истинныхъ Познаній, мы разошлемъ открытыя, напечатанныя письма всѣмъ комитетамъ нашего Общества, чтобы они всюду соотвѣтственно наказали разрушителя сознанія 70 миллионъ...»

«Революція сдѣлаетъ дворянами крестьянъ всего міра,—она дастъ имъ титулы бароновъ, графовъ, князей, королей, императоровъ, словомъ, монарховъ. Но это только потому, что нѣтъ другого способа достигъ Равенства привилегій, т.-е. непрерывной Свободы.

«Послѣ смерти царей всѣ крестьяне будутъ царями... Это вполне естественно.

«P. S. Мы пользуемся каждымъ случаемъ, чтобы предложить нашимъ соотечественникамъ въ городахъ и деревняхъ всего міра организовывать комитеты для нашего Общества».

Второй документъ:

«*Московскій Комитетъ Космопоэтической Общества Стражей истинныхъ Познаній*, уполномоченный всѣми комитетами дать объясненія причинъ бездѣтельности Общества, считаетъ долгомъ обнародовать слѣдующее:

«Лондонскій комитетъ нашего Общества напечаталъ и распространилъ открытое письмо, осуждающее защиту жизни монарховъ, предпринятую двумя, такъ называемыми, «либеральными» европейскими литераторами.

«Вышеупомянутое письмо было обнародовано по случаю того, что одинъ изъ упомянутыхъ писателей осмѣлился порицать величайшій изъ подвиговъ, совершенный Человѣкомъ, память о которомъ будетъ безсмертна, истинно-великимъ Человѣкомъ, Дмитриемъ Каракозовымъ.

«Величайшій изъ подвиговъ, т. е. безкорыстное самопожертваніе, выполненный кѣмъ бы то ни было, вслѣдствіе какихъ угодно причинъ и съ какими угодно издержками, заслуживаетъ подражанія или, по крайней мѣрѣ похвалы или молчаливой почтительности. А порицаніе величайшаго изъ подвиговъ не можетъ быть терпимо, ибо безъ этого Подвига монархи продолжаютъ существовать и распространять рабство и мракъ невѣжества, предъ лицомъ которыхъ истинныя Познанія являются мечтами старцевъ, наивныхъ дѣтей или хитрецовъ.

«Познанія, возстаніе и революція—все это въ настоящее время находится въ рукахъ монарховъ, и поэтому, пока монархи живы, это не больше, чѣмъ тщетныя мечты этихъ авторовъ, потому что, повторяемъ, ради чего существуютъ монархи, если не для мрака невѣжества и для рабства.

«Вышеуказанное обстоятельство, столь вредное для дѣятельности комитетовъ нашего Общества, заключается въ слѣдующемъ:

«Въ нашемъ Обществѣ уже образовалась партія, хотя и одобряющая принципы Общества, но тѣмъ не менѣе не желающая нести денежные жертвы.

«Они критикуютъ наши слова, а такимъ образомъ каждое святое дѣло можно превратить въ крючкотворство и, наконецъ, убѣдиться въ томъ, что лучше ничего не дѣлать и только вести либеральные разговоры, чѣмъ агитировать противъ ложнаго прогресса; они предпочитаютъ отрицать добро, вмѣсто того, чтобы объяснить существованіе добра для добра.

«Такая старая классическая критика искусства политики противъ Науки Поэзіи всегда была вредна той святой наукѣ, которую политика назвала «романтизмомъ или искусствомъ писать стихи»,

и вотъ почему мы, хотя и предпочитаемъ употреблять наше время и наши деньги на нѣчто лучшее, чѣмъ новое письмо; мы вынуждены принести еще маленькую жертву литературной пропагандѣ, безъ чего величайшій изъ подвиговъ Спасителей будетъ названъ монархистами «фанатизмомъ или безуміемъ».

«Вотъ слова атеистовъ, пропагандирующихъ изъ скупости атеизмъ, праздность и безнаказанность.—Намъ нечего больше сказать этимъ господамъ, введеннымъ политикою въ заблужденіе, развѣ только то, что, порицая насъ и ничего не дѣлая, они гніютъ въ мечтаніяхъ, и что истинныя Познанія, т.-е. Поэзія, станутъ главнымъ и будетъ жить среди Человѣчества безъ посредничества людей. Слуги монарховъ-папъ находятъ еще худшее: они утверждаютъ, что истина уже живетъ среди нихъ, и они довольны.

«Человѣчество такъ подавлено политикою, что только молнія Поэзіи можетъ вывести его изъ летаргіи! Мы выпустили эту молнію и даемъ слово не отвѣчать больше нашимъ обвинителямъ.—Мы отсылаемъ ихъ за отвѣтомъ къ произведенію поэта Человѣчества, защитника Поэзіи Христа и основателя нашего Общества, подъ заглавіемъ: «Приговоръ и постановленіе Поэзіи противъ политики».

«Космопоэтическое Общество проситъ всѣхъ лицъ, не желающихъ предать его, уничтожить имѣющіяся у нихъ ненапечатанныя письма Общества».

Есть большая доля вѣроятности, что авторомъ этихъ курьезныхъ прокламацій является А. М. Коробовъ, поэже, уже въ 1876 г., издававшій въ Женевѣ нелѣпый «Вѣстникъ Правды, журналъ политико-религіозной», выходившій очень нерегулярно въ видѣ брошюрь, «служащихъ къ указанію источниковъ живыхъ водъ (идей) для исцѣленія или возрожденія, или воскресенія мертвого по отношенію къ Богу человѣчества», «первый журналъ—официальный органъ обѣтованныхъ сыновъ Божіихъ на землѣ въ образѣ человѣческомъ, право и обязанность которыхъ есть водвореніе на землѣ царства небеснаго, т.-е. правды и мира и радости о Духѣ Святомъ, плоды котораго есть непрерывный прогрессъ въ тѣлесномъ, умственномъ и нравственномъ совершенствѣ, благоденствіе всѣхъ и cadaго и жизнь вѣчная». Къ 1888 г. было издано 47 брошюрь на русскомъ, часть на франц. языкѣ и 28 №№ самаго журнала. Редакція не имѣла официального адреса и означала его: № 1581 ящика въ женевскомъ почтамтѣ. Нѣкоторыя изъ брошюрь обнаруживаютъ несомнѣнную умственную ненормальность редактора.

2788. Благодарственные помѣщеники.

(Графиня Орлова-Денисова, баронъ Иксуль, графъ Шереметевъ).

Намъ пишутъ изъ Россіи о слѣдующихъ благодарственныхъ и отеческихъ мѣрахъ, взятыхъ разными помѣщиками для упроченія благосостоянія крестьянъ. Передавая эти факты, мы оставляемъ достовѣрность ихъ на совѣсти корреспондента ¹⁾).

2789. («Le Nord»).

«Le Nord» (отъ 29 апрѣля), подхватывая пѣснь своего регента и запѣвалы, Каткова, сдѣлалъ уже не намекъ, а простое указаніе на *наше ученіе*, какъ на печальный источникъ *нигилизма*, изъ котораго Каракозовъ почерпнулъ свое воззрѣніе... Всѣ эти продѣлки и шутки въ родѣ *complicité morale* ²⁾, изобрѣтенной министромъ Эбертомъ, стары и биты. Пусть «Le Nord» укажетъ, въ какихъ книгахъ, статьяхъ, изданныхъ нами въ «Полярной Звѣздѣ», въ «Колоколѣ», гдѣ бы то ни было, мы проповѣдывали убійство,—мы, протестовавшіе противъ воровскаго введенія смертной казни въ русское уголовное право, мы—противники всякихъ кровавыхъ тасправъ. ¹⁾

◆◆ 1. Разумѣется, преемственность каракозовцевъ отъ идей Герцена устанавливалась не разъ, и противъ нея по существу возражать нельзя, если понимать вліяніе широко и полно. Другое дѣло—установленіе прямой связи старой эмиграціи съ «Организаціей» и «Адомъ», какъ сдѣлалъ министръ юстиціи Замятинъ въ «Обвинительной рѣчи», произнесенной въ засѣданіи верховнаго уголовного суда 21 сентября 1866 г. Указавъ, что Ив. А. Худяковъ ѣздилъ за границу въ серединѣ 1865 г., министръ подчеркнул, что онъ «былъ въ сношеніяхъ съ русскими *изгнанниками* и по возвращеніи въ Спб. сообщилъ Ишутину о существованіи европейскаго комитета», и что «къ числу членовъ этого комитета принадлежать русскіе изгнанники и эмигранты, проживающіе въ Женевѣ».

¹⁾ Слѣдуетъ корреспонденція.

²⁾ Моральное соучастіе.

2790. Изъ рѣчи Муравьева.

Мы только-что прочли рѣчь Муравьева и выписываемъ изъ нея слѣдующія замѣчательныя слова: «*Я счастливъ, что поставленъ государемъ во главѣ того учрежденія, которое должно служить къ открытію злого умысла и преступника. Я скорѣе лягу въ гробъ, чѣмъ оставлю не открытымъ это зло,—зло не одного человека, но многихъ дѣйствовавшихъ въ совокупности*» (какъ же это онъ знаетъ прежде слѣдствія? или онъ уже заготовилъ *бумаги*, фальшивыя документы, какъ въ дѣлѣ Чернышевскаго? Хорошъ залогъ въ безпристрастіи!). «Надѣюсь, что *вы, дворяне*, поможете въ этомъ» (въ раскрытіи дѣла). Да развѣ все дворянство поступило въ III Отдѣленіе?

2791. Шахъ Константину Николаевичу.

На мѣсто Головнина назначенъ министромъ просвѣщенія графъ Толстой ¹⁾. Особенно жалѣтъ Головнина нечего: слабый былъ чело-вѣкъ и подъ конецъ бросился въ самое театральное ханжество, но и это не помогло. Графъ Д. Толстой — сочинитель книги «*Du catholicisme romain en Russie*» ²⁾. Такое назначеніе — шагъ дальше въ правительственное изуверство и катковщину... Хорошъ первый результатъ выстрѣла. И всего больше хорошъ онъ для Константина Николаевича. Графъ Толстой служилъ въ морскомъ министерствѣ и поссорился съ великимъ княземъ изъ-за Головнина... а теперь садится на его мѣсто.

2792. «Колоколь».

Насъ спрашиваютъ, можно ли пополнить коллекцію «Колокола» ли-стами отъ 141 до 196. Очень можно, — просимъ выслать адресъ на имя г. Тхоржевскаго: Женева, Русская типографія, 40, Pré L'Évêque.

2793. Письмо къ В. И. Нельсіеву.

9 мая 1866.

7, Quai du Mont Blanc.

Поздно отвѣчаю вамъ, но все это время проведено такъ тре-возно, что не хотѣлось просто писать; гадости, совершающіяся

¹⁾ Дмитрій Андреевичъ.

²⁾ «О римскомъ католицизмѣ въ Россіи».

на Руси по поводу выстрѣла, безмѣрны. Печатные доносы, Некрасовъ, воспѣвающий на обѣдахъ Муравьева, царство Каткова руки опускаются. Если вы, въ самомъ дѣлѣ, бросили дѣла міра сего и начали снова изучать китайскую азбуку, если это не натяжка, завидую вамъ.

Вы понимаете, что при теперешнихъ обстоятельствахъ о работѣ въ петер. журналы черезъ насъ и думать нечего. Напишите что-нибудь для «Колок.», мы вамъ заплатимъ фр. по 10 за колонну, или для предполагаемой «Поляр. Звѣзды». Да отчего вы не хотите переводить? — тутъ что-то видно стараго Адама. Переводовъ требуется у насъ всего больше.

Мы живемъ кое-какъ съ нашимъ политико-соціальнымъ ракомъ, взошедшимъ внутрь. Огаревъ въ деревнѣ лѣчится, Нат. Ал. переѣхала въ Лозанну; я съ Татой въ Женевѣ — и жду, будетъ война или миръ, чтобы знать, куда можно ѣхать. Что-жъ вы не пишете о вашей полькѣ? или вы ее не захватили?

Прощайте. ¹

◆◆ 1. «Переписку, завязавшуюся у меня съ Герценомъ, тотчасъ по приѣздѣ въ Вѣну, — писалъ Кельсievъ — я прекратилъ. Въ послѣднихъ письмахъ своихъ онъ очень негодовалъ на «этотъ несчастный выстрѣлъ», который, по его мнѣнію, оттягивалъ созваніе земскаго собора, предлагалъ мнѣ довольно выгодныя условія за сотрудничество въ «Колоколѣ» и въ «Полярной Звѣздѣ» — онъ по письмамъ моимъ замѣтилъ, что у меня слогъ нѣсколько выработался, и хотѣлъ войти со мною въ полемику, но ужъ было поздно: блудный сынъ находилъ домъ отчій. Я отказался и отъ сотрудничества, и отъ полученія «Колокола», и отъ переписки, подъ предлогомъ опасности со стороны австрійской полиціи, а, въ сущности, для того, чтобы спокойнѣе обсуживать наединѣ возникшія во мнѣ чувства и мысли. Съ тѣхъ поръ, какъ я остался одинъ, я отвыкъ дѣлиться съ людьми своими мыслями, — я весь ушелъ въ самого себя» («Исповѣдь»).

2794. Письмо къ Н. Фогту.

9 mai (1866).

7, Quai du Mont Blanc.

Cher Gönner, Vous devenez de plus en plus mon directeur de conscience et je m'adresse à vous dans des questions de procès, de pédagogie, de maladie etc. Hier, un jeune homme m'a dit qu'il a reçu des nouvelles de Pétersbourg et qu'on lui dit entre autres que le gou-

vernement voudrait bien tenter quelques démarches auprès du gouvernement fédéral pour demander des expulsions, même des extraditions, toujours sous le prétexte de ce coup de pistolet tiré par un fou. Il faut vous dire qu'ils inculpent tout le monde.

Votre nom est cité dans les dénonciations de Katkoff. Il affirme que c'est par vos ouvrages que l'on traduisait *ad hoc* et par les livres de Moleschott que l'on déprave la jeune génération. Or, on peut s'attendre à toute bêtise de la part de ce choléra de police. Mais je ne sais trop à quoi on pourrait s'attendre de Berne. Y a-t-il là des personnes auxquelles on pourrait s'adresser? Moi je ne demande pas mieux que d'y aller.

Enfin dites-moi ce que vous pensez de tout cela.

Votre tout dévoué

A. Herzen.

Переводъ.

9 мая (1866).

Дорогой покровитель! Вы все больше и больше становитесь руководителем моей совѣсти, и я обращаюсь къ вамъ по вопросамъ судебнымъ, педагогическимъ, медицинскимъ и т. д. Вчера нѣкій молодой человекъ сообщилъ мнѣ, что получилъ извѣстія изъ Петербурга, между прочимъ, о томъ, что правительство намѣрено попытаться обратиться къ федеральному правительству съ просьбой о нѣкоторыхъ высылкахъ и даже выдачахъ. Все это подъ предлогомъ этого пистолетнаго выстрѣла, сдѣланнаго сумасшедшимъ. Они, надо вамъ сказать, обвиняютъ всѣхъ.

Ваше имя упоминается въ доносахъ Каткова. Онъ утверждаетъ, что молодое поколѣніе развращается вашими сочиненіями и книгами Молешота, которыя переводились специально для этого. Со стороны холеры-полиціи можно ждать всякой глупости. Не знаю только, чего можно ждать со стороны Берна. Есть ли тамъ люди, къ которымъ можно было бы обратиться? Я радъ туда отправиться.

Скажите, наконецъ, что вы обо всемъ этомъ думаете?

Весь вашъ

A. Герценъ.

2795. (Новости изъ Россіи).

Новости изъ Россіи безконечно печальны.

Выстрѣлъ 4 апрѣля растетъ не по днямъ, а по часамъ въ

какую-то *общую бѣду* и грозить вырасти въ страшнѣйшія и въ еще больше незаслуженныя Россіей бѣдствія.

Полицейское бѣшенство достигло чудовищныхъ размѣровъ. Какъ кость, брошенная разсвирѣпѣлымъ сворамъ, выстрѣлъ вновь раззадорилъ злобу грызшихся и сдулъ слабый пепелъ, которымъ начало, было, заносить тлѣвшій огонь; темныя силы еще выше подняли голову, и испуганный кормчій ведетъ на всѣхъ парусахъ чинить Россію въ такую черную гавань, что при одной мысли объ ней цѣпенѣтъ кровь, и кружится голова. •

Выстрѣлъ безумень, но каково нравственное состояніе государства, когда его судьбы могутъ измѣняться отъ случайностей, которыхъ ни предвидѣтъ, ни устранить невозможно, именно потому, что онѣ безумны. Мы рѣшительно не вѣримъ ни въ серьезный, ни въ огромный заговоръ... Заговоръ создается, выдумывается теперь такъ, какъ Фуше выдумывалъ якобинское участіе въ «адской машинѣ» улицы Никезъ. Такого рода дѣйствія могутъ быть местию отходящаго, личнымъ отчаяніемъ, но не водвореніемъ новаго... Кому полезенъ былъ бы успѣхъ? Развѣ, консерваторамъ-крѣпостникамъ.

Жизнь народная превосходно поняла выстрѣлъ. Она его превратила въ торжество. Какая овація, коронація, какой елей или *sainte chrême* ¹⁾ могли больше утвердить тронъ, больше укрѣпить личную силу государя, какъ этотъ выстрѣлъ съ рукой спасающаго крестьянина, со всей обстановкой? Тутъ-то бы государю и стать во весь ростъ, во всей полнотѣ великодушнаго забвенья... а стрѣлявшаго предоставить обыкновенному суду, но суду гласному. Онъ и этого не сдѣлалъ и не можетъ сдѣлать — онъ окруженъ другимъ заговоромъ, онъ окруженъ *русскимъ тайнымъ ржондомъ*. Темная интрига сдѣлала себѣ изъ выстрѣла знамя гибели, то знамя, которое на старинныхъ нѣмецкихъ картинкахъ мы видимъ въ рукахъ смерти вмѣстѣ съ косой... Да, ржондъ будетъ косить направо и налево, — косить прежде всего своихъ враговъ, косить освобождающееся слово, косить независимую мысль, косить головы, гордо смотрящія впередъ, косить народъ, которому теперь льстятъ, и все это подъ осѣненіемъ знамени, возвѣщающаго, что *они* спасаютъ царя, что *они* мстятъ за него. Горе Россіи, если царь *окончательно* повѣритъ, что тайный ржондъ его спасаетъ. Мы пройдемъ страшнѣйшей бироновски-аракчеевской эпохой, мы пройдемъ застѣночнымъ ханжествомъ новыхъ Магницкихъ, мы пройдемъ всѣми ужасами свѣтскаго инквизиторства николаевского времени да еще

¹⁾ Священное миро.

со всѣми усовершенствованіями, вводимыми поддѣльной гласностью и полицейской, сквернословящей литературой.

При Николаѣ мучили, пытали, бросали въ казематы и ссылали на каторгу молча,—*не было обиды*. Теперь никакая казнь, никакая каторга не можетъ предохранить отъ ругательствъ и клеветъ казенныхъ лаятелей. Безстыдные, злые и подлые, они бьютъ лежачихъ, они оскорбляютъ трупы... для нихъ предѣловъ нѣтъ... это опять таки наша «голь кабацкая», но употребленная на полицейское дѣло... Отъ лицъ они перейдутъ къ идеямъ, къ институтамъ... и ничего не устоитъ противъ этихъ *нигилистовъ консерватизма*... Развѣ мы не слышали уже крикъ противъ образования бѣдныхъ, противъ слишкомъ легкой доступности къ наукамъ?... Развѣ мы не читали доносы, восходящія въ могилы, гдѣ похоронены трупы, и въ могилы, гдѣ похоронены живые?... развѣ не везутъ изъ каторжной работы, изъ рудниковъ какія-то тѣни въ цѣпяхъ?... Они хотятъ судить исторію и привязать ее къ позорному столбу, какъ привязывали Чернышевскаго.

...И во всей-то толпѣ шитой золотомъ, во всей-то «Памятной книжкѣ», во всемъ «Адресь-календарѣ» не найдется ни одного человѣка съ душой честной и правдивой, ни одного преданнаго... дѣлалъ же имъ государь добро... который бы сводилъ его, не на другой день послѣ Варѣоломеевской ночи, а наканунѣ, за тайныя кулисы... Это былъ бы второй Комиссаровъ.

Ну что же, есть между вами *живъ человѣкъ*?

2796. Вотъ вамъ и гласный судъ!

Въ засѣданіи С.-Петербургской думы 15/27 апрѣля было объявлено генераль-губернаторомъ, что постановленіе думы объ испрошеніи высоч. повѣлѣнія *судить гласно* стрѣлявшаго въ государя было повергнуто на разсмотрѣніе... но что государю «благоугодно было отклонить ходатайство по этому предмету».

2797. Объ Огризкѣ.

Говорятъ, что Муравьевъ велѣлъ привезти изъ каторжной работы Огризко—по навѣтамъ ли «Московскихъ Вѣдомостей», по собственному ли чувству ненависти. Его и Домбровскаго ¹⁾ Муравьевъ непремѣнно хотѣлъ убить... Хорошо жить теперь въ Россіи: съ одной стороны Катковъ указываетъ, съ другой,—Муравьевъ приказываетъ. Неужели кто-нибудь, кромѣ нихъ, спокойно спитъ?

¹⁾ Ярослава, погибшаго позже во время Парижской Коммуны.

2798. Военная юстиція.

Намъ столько разъ приходилось говорить о безобразіи военныхъ судовъ въ мирное время и о кровавыхъ приговорахъ, что передаемъ безъ всякихъ комментариевъ приговоръ, произнесенный въ Тобольскѣ 25 февраля по дѣлу объ убійствѣ трехъ женщинъ въ Тюмени: Сметанинъ, Бердюгинъ, Устюжанинъ и Лукинъ приговорены къ разстрѣлянію, а Слѣпушкинъ къ каторжной работѣ на 12 лѣтъ. Приговоръ посланъ на утверждение командующаго войсками въ Западной Сибири.

Не можемъ удержаться, чтобы рядомъ съ дикой сентенціей, незаконной по *русскимъ* законамъ и по русскому понятію права, не выписать изъ рѣчи защитника г. Реутскаго (кандидата кіевскаго университета) біографіи одного изъ приговоренныхъ на военно-юридическое убійство. ¹⁾

2799. Стихи и проза Некрасова.

Вслѣдъ за стихами Комиссарову Некрасовъ явился со стихами Муравьеву; вслѣдъ за стихами Муравьеву онъ явился съ прозой въ томъ же игорномъ клубѣ, который превращенъ въ эскуріаль темнаго ржонда. «Муравьевъ,—пишутъ «Моск. Вѣд.», № 84,—говорилъ довольно много послѣ обѣда; онъ указывалъ на вредныя ученія, распространенныя въ обществѣ, на нигилизмъ, прививаемый къ молодому поколѣнію. Г. Некрасовъ, издатель «Современника», присутствовавшій при этой бесѣдѣ, повторялъ, обращаясь къ графу: „Да, ваше сіятельство, нужно вырвать это зло съ корнемъ“. «Нельзя не порадоваться такому согласію между взглядами литературныхъ дѣятелей и потребностями общества».

Браво, Некрасовъ, браво!... Что вы написали стихи въ честь крестьянина, который спасъ государя, насъ не удивило. Мы не любимъ ни официальныхъ восторговъ, ни горестей, совпадающихъ съ распоряженіями полиціи, однако, понимаемъ, что подвигъ Комиссарова могъ расшевелить демократическую музу вашу... Но что вы пишете стихи въ честь Муравьева, въ которыхъ вы говорите: «вся Россія бьетъ ему челомъ», чтобъ «онъ виновныхъ не щадилъ!»... но что вы, забывая всякій стыдъ и всякое приличіе, осмѣливаетесь приговаривать палачу, оттачивающему свой топоръ — «да, в. с.,

¹⁾ Изъ выписки ясно, что юноша Лукинъ явился жертвой нелѣпыхъ административныхъ распоряженій.

нужно вырвать это зло съ корнемъ»... — признаемся, этого и мы отъ васъ не ждали, а, вѣдь, вамъ извѣстно, какъ *интимно* мы знаемъ вашу біографію, и какъ *многаю* мы могли отъ васъ ждать.
Браво, Некрасовъ, браво! ¹

◆◆ 1. Въ стихотвореніи «О. И. Коммиссарову», между прочимъ, находятся слѣдующія строфы:

Онъ великую пѣсню споетъ,
И героями пѣсни той чудной
Будутъ: Царь, что стезей многотрудной
Царство русское къ счастью ведетъ;

И крестьянинъ, кого возрастилъ
Въ нѣдрахъ Руси народъ православной,
Чтобъ въ себѣ весь народъ онъ явилъ
Охранителемъ жизни державной.

Стихотвореніе въ честь Муравьева-Вѣшателя до сихъ поръ неизвѣстно. Специально интересующіеся имъ были введены «Рус. Архивомъ» въ заблужденіе, очень характерное для прежнихъ нашихъ историческихъ журналовъ вообще, такъ часто обнаруживавшихъ свое полное невѣжество въ массѣ вопросовъ русской общественно-политической жизни. Редакторъ «Рускаго Архива» (1885 г. т. II) напечаталъ стихотвореніе, произнесенное Некрасовымъ «М. Н. Муравьеву-Виленскому» послѣ обѣда въ петербургскомъ англійскомъ клубѣ 27 апрѣля 1865 г., предпославъ этому разсказъ со словъ «очевидца» о томъ, какъ оно было принято «героемъ» дня. По справкѣ, никакого обѣда Муравьеву въ этотъ день, мѣсяцъ и годъ не было, да и не могло быть, потому что тогда держался трауръ по умершему наслѣднику. Обѣдъ въ англійскомъ клубѣ былъ 16 апрѣля 1866 г., вслѣдъ за избраніемъ Муравьева наканунѣ почетнымъ членомъ клуба, въ которомъ онъ состоялъ съ 1843 г. (Некрасовъ былъ членомъ клуба съ 1854 г.). (Нѣкоторые, напр., г. Вѣтринскій, выходили изъ этого неизвѣстнаго имъ затрудненія просто: предполагая опечатку только въ цифрѣ года, они ставили «27 апр. 1866 г.»)... Но напечатанное Бартеневымъ стихотвореніе ни однимъ словомъ даже не намекаетъ ни на незадолго бывшее покушеніе 4 апрѣля, ни на предстоящую Муравьеву инквизиторскую дѣятельность, а все посвящено славословію за уже забываемое тогда усмиреніе С.-Западнаго края. Между тѣмъ, въ № 83 «Москов. Вѣдомостей» отъ 20 апрѣля 1866 г. указано, что въ

своёмъ стихотвореніи Некрасовъ говорилъ, что «вся Россія бьетъ челомъ», и что надо «виновныхъ не щадить», т.-е. приводятся слова, которыя выражаютъ мысли, именно вполне гармонизировавшія съ настроеніемъ еще разъ шарахнувшейся вправо массы русскаго общества. Не говорю уже о томъ, что напечатанное въ «Рус. Архивѣ» стихотвореніе написано такъ слабо, что, особенно по первой и послѣдней строфамъ, можно сомнѣваться въ принадлежности его, вообще, хотя бы одному изъ сколько-нибудь заслуженно извѣстныхъ поэтовъ.

Редакторъ новаго изданія «Стихотвореній» Некрасова, К. Чуковский (СПБ. 1920) включилъ стихотвореніе съ исправленной датой и произвольнымъ заглавіемъ («Виленскій» отнюдь не было официально принятой прибавкой къ фамиліи), полагая, что *непринадлежность* его «до сихъ поръ не была подтверждена фактами»... Казалось бы, онъ долженъ бы былъ искать *фактовъ*, подтверждающихъ принадлежность стиховъ поэту...

Недолго спустя послѣ 16 апрѣля, Некрасовъ съ большой душевной тяжестью написалъ покаяніе, но, конечно, не смылъ съ себя муравьевское пятно, которое и самъ считалъ чернымъ.

Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣнн
 Вчерашній другъ, качая головой.
 И вы, и вы отпрянули въ смущеньи,
 Стоявшія безсмѣнно предо мной,
 Великія, страдальческія тѣни,
 О чьей судьбѣ такъ горько я рыдалъ,
 На чьихъ гробахъ я преклонялъ колѣни
 И клятвы мести грозно повторялъ.
 Зато кричатъ безличныя: «ликуемъ!»,
 Спѣша въ объятія къ новому рабу
 И пригвождая жирнымъ поцѣлуемъ
 Несчастнаго къ позорному столбу.

2800. Второе предостереженіе и второй Годуновъ.

Главное управленіе по дѣламъ печати получило *второе* предостереженіе отъ Каткова. Оно, повѣся голову, ждетъ третьяго а затѣмъ — и упраздненія. Перепуганный Валуевъ, у котораго открылось такое краснорѣчіе, что «залы благороднаго собранія» его называютъ *le prince de la parole* ¹⁾, успѣшилъ умиловити

¹⁾ Рѣчи, сказанныя Валуевымъ на извѣстномъ обѣдѣ, плохи по пустотѣ, по неясности, по трюизмамъ и проч., но министръ чрезвычайно лстить

правительствующаго издателя смиреніемъ, уничиженіемъ и похвальной кротостью. Но арендатору этого мало и, если кающаяся администрація не отречется, бія себя въ грудь и ланиты, отъ своего предостереженія, онъ грозитъ сложить съ себя регенство. Мы предвидимъ свѣтило, идущее на затменіе Комиссарова. Поѣдутъ дворяне, избранные сами собою, поѣдутъ со всѣхъ концовъ Россіи на долгихъ и почтовыхъ битъ челомъ отцу-редактору и самодержиу... Квартальные и жандармы, агенты тайной полиціи, попы, обскуранты пошлютъ телеграммы... Россія изойдетъ, истощится адресами такъ, какъ она истощалась нѣсколько лѣтъ тому назадъ юбилеями. Катковъ будетъ отказываться, какъ Борисъ Годуновъ, какъ Іоаннъ въ Александровской слободкѣ, дворянство заплатитъ за него штрафъ и поднесетъ вторую чернильницу... Государя забудутъ, Каракозова (изъ татаръ) казнятъ.... Нѣтъ, нѣтъ, Муравьевъ протянетъ дѣло до смягченія сердца редактора-регента.

И оно смягчится, но на какихъ условіяхъ? Ему нельзя дешево взять за второе спасеніе единства Россіи ¹⁾: Константина Николаевича — въ отставку, всѣхъ соприкосновенныхъ къ дѣлу о предостереженіи — въ Сибирь, уничтоженіе всей семьи Коршей, переводъ Краевского на другіе золотые пріиски (въ Камчаткѣ), Скедо-Ферроти — на каторжную работу, смертную казнь тремъ полякамъ по его выбору; наконецъ, онъ, вѣроятно, потребуетъ, чтобъ его поминали на ектеньѣ: «и еще помолимся о единства Россіи хранителѣ, воеректорѣ и архистратигѣ московскомъ и всероссійскомъ боляринѣ Михаилѣ и супругѣ его».

Пусть держится — все дадутъ... Страхъ многомилостивъ и всещедръ.

И, въ самомъ дѣлѣ, отойди онъ отъ «Вѣдомостей» — что будетъ съ Россіей, на кого оставить государя? *На одну* Муравьева? — *съ нимъ съ однимъ* страшно въ комнатѣ оставить кого бы то ни было... ¹

◆◆ 1. Для иллюстраціи совершенно особаго положенія, которое создано было для Каткова въ кругахъ русской администраціи,

дворянамъ и, зная языкъ, къ которому наши «крупные помѣщики» привыкли, онъ употребляетъ слова «вы изволили», рѣшительно оставшіяся въ употребленіи у старыхъ дворовыхъ людей, у нянекъ, ключницъ и прсч. Въ отместку ему «залы дворянскаго собранія» *изволятъ* находить, что Внутреннія Дѣла — Цицероны, и возводятъ его въ сіятельное званіе «князя рѣчи». А. И. Г. 2

¹⁾ Эти два слова написаны на стягѣ, съ которымъ Катковъ изображенъ на поднесенной дворянами чернильницѣ.

приведу нѣсколько выдержекъ изъ писемъ члена совѣта министра вн. дѣлъ Н. П. Мансурова къ Валуеву.

1 октября 1865 г.: «Я вчера нанесъ визитъ Каткову. Свиданіе было сердечно и пріятно; удивленіе при видѣ, что я дѣлаю первый шагъ для завязыванія отношеній, повидимому, было поводомъ для смущенія знаменитаго редактора, который, можетъ быть, на минуту допустилъ мысль, что мнѣ поручено завязать съ нимъ отношенія, чтобы заставить его говорить и передать затѣмъ свои впечатлѣнія о свиданіи. Мнѣ было очень легко безмолвно разсѣять эту мысль разговоромъ, лишеннымъ прямого интереса, и разговоръ былъ очень вѣжливъ и, между прочимъ, далъ мнѣ нѣсколько комплиментовъ о моей предыдущей дѣятельности и благодарность за мой первый визитъ».

23 ноября 1865 г.: «Отчетъ по министерству вн. дѣлъ былъ переданъ Каткову мною конфиденціально еще третьяго дня; я спѣшилъ увѣдомить его объ этомъ трудѣ, замѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ».

23 февраля 1866 г.: «По возвращеніи изъ Спб. въ Москву Ѳ. И. Рахманиновъ (московскій цензоръ—*М. Л.*) немедленно отвезъ извѣстный пакетъ къ М. Н. Каткову. Это было первое его свиданіе, притомъ вполне любезное и предупредительное. Катковъ подробно разспрашивалъ о петерб. новостяхъ, о дѣятеляхъ, цензурѣ, Глав. упр. по дѣламъ печати и пр. Изъ разговора видно было, что Катковъ далеко равнодушенъ къ распоряженіямъ министра внутр. дѣлъ, если же дозволяетъ себѣ рѣзкость въ статьяхъ, то не наобумъ, а строго соображаясь съ девизомъ своего знамени. Вскорѣ Рах. былъ у Каткова еще два раза для обратнаго полученія бумагъ, которыя уже отправлены къ начальнику Гл. Упр. по дѣламъ печати. Вообще, отношенія Рах. съ Катковымъ установились дружжелюбныя, но Рах. справедливо замѣчаетъ, что Катковъ слишкомъ самостоятеленъ, гордъ и своеобразенъ, чтобы на него онъ могъ дѣйствовать прямо и настойчиво. Рах. убѣдился что прочтеніе бумагъ произвело сильное впечатлѣніе на Каткова, хотя онъ въ томъ не признавался; добрый результатъ уже оказался тѣмъ, что Катковъ по самымъ важнымъ вопросамъ сталъ менѣе рѣзокъ. Согласно вашему наставленію, Рах. продолжаетъ посѣщать Каткова, конечно, не въ качествѣ цензора, а въ видѣ знакомаго; только при этомъ положеніи возможенъ свободный обмѣнъ мыслей и смѣлое выраженіе обоюдныхъ воззрѣній по современнымъ вопросамъ»¹⁾.

¹⁾ 6 марта 1866 г. шефъ жандармовъ Долгоруковъ писалъ Валуеву по-французски: «Мансуровъ могъ бы вполне проснуться—у него на попеченіи

14 марта 1866: «Рахманиновъ очень ловко продолжаетъ свое знакомство и свиданія съ Катковымъ, который съ нимъ болѣе сблизился, чѣмъ со мною. Отдавая полную справедливость Рах. за его тактъ и умѣніе взяться за дѣло, не могу, однако, не повторить, что на дружелюбныя и откровенныя отношенія съ Катковымъ разсчитывать нельзя; впрочемъ, Рах., въ качествѣ знакомаго, пользуется правомъ посѣщать Каткова часто и запросто, и потому его совѣщанія и разговоры не могутъ не принести пользы» (архивъ П. Я. Дашкова).

При такомъ отношеніи къ газетѣ ей вдругъ 26 марта было объявлено первое предостереженіе... Валуевъ поставилъ Каткову въ вину не только передовую въ № 61, но и «систематическую оппозицію правительственной сферѣ», указавъ въ своей резолюціи на журналѣ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати: «нельзя допускать *ad infinitum* ¹⁾), чтобы издатели «М. В.» провозглашали себя изобрѣтателями единства Россіи и обвиняли въ государств. измѣнѣ всѣхъ тѣхъ, которые не раздѣляютъ вполне ихъ воззрѣнія по какому-либо вопросу».

1 апрѣля Мансуровъ сообщилъ Валуеву, что относительно кары «Московскимъ Вѣдомостямъ» онъ все время совѣтуется съ ген.-губерн. кн. Влад. А. Долгоруковымъ и оберъ-полицмейстеромъ... Катковъ не принялъ объявленнаго ему предостереженія и, на точномъ основаніи закона 6 апрѣля 1865 г., рѣшилъ платить ежедневно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ штрафъ по 25 рублей и затѣмъ или побѣдить или, слѣдуя тому же закону, пріостановить изданіе. Мало того, 3 апрѣля онъ отвѣчалъ большою статьей въ № 69. Арестъ этого № (съ отказомъ напечатать опроверженіе) не сдѣланъ Мансуровымъ, обсудившимъ это съ ген.-губернаторомъ и членами цензурнаго комитета, тѣмъ болѣе, что Катковъ, по ихъ мнѣнію, отчасти былъ правъ, опираясь на законъ. «Сегодня у Каткова былъ настоящій раутъ; до 80 лицъ пріѣзжали къ нему записываться и выражать сочувствіе за его статью. Распускаютъ слухъ о посланномъ, будто бы, Катковымъ письмѣ государю».

Большинство совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати предлагало объявить «Московскимъ Вѣдомостямъ» второе предостереженіе, а меньшинство — подвергнуть судебному преслѣдованію. Резолюція Валуева: «Статья въ полной мѣрѣ предосудительна. Но въ ту минуту, когда во всей Россіи должна преобладать одна

только Катковъ и ему нетрудно установить съ нимъ такія отношенія, чтобы давать ему хорошіе совѣты. Они могли бы быть приняты, это возможно, но во всякомъ случаѣ попытка была бы сдѣлана».

¹⁾ До бесконечности.

мысль и господствовать одно единодушное чувство, я не желаю принимать мѣръ взысканія. Поэтому не соглашаюсь ни на призывъ къ суду, ни на предостереженіе. Считаю это тѣмъ болѣе возможнымъ, что отличительный характеръ статьи «Московскихъ Вѣдомостей» состоитъ въ грубомъ нарушеніи всѣхъ приличій, а грубое неприличіе, не досягая до тѣхъ, противъ кого оно направлено, остается на уровнѣ того, кто къ нему прибѣгаетъ. Отвѣтъ на статью «Московскихъ Вѣдомостей» будетъ въ свое время напечатанъ въ «Сѣверной Почтѣ». Сообщить московскому цензурному комитету копію съ этого журнала и съ моей отмѣтки» («Собственноручныя отмѣтки министра внутреннихъ дѣлъ на журналахъ совѣта главнаго управленія», Спб., 1868 г., 19). Привожу часть отвѣта Валуева въ «Сѣверной Почтѣ»:

«Въ статьѣ отъ 3 апрѣля «Московскія Вѣдомости» невѣрно изъяснили законъ и неточно изложили обстоятельства дѣла. Повременнымъ изданіямъ не предоставлено право выбора между ст. 31 и ст. 33 закона 6 апрѣля 1865 г. Ст. 31 содержитъ въ себѣ указаніе закона, требующаго напечатанія предостереженія «въ главѣ перваго, имѣющаго послѣ того выйти въ свѣтъ номера, безъ всякихъ измѣненій или возраженій». Въ ст. 33 опредѣлено взысканіе за нарушеніе ст. 31. Объявлять, что «Московскія Вѣдомости» *подчиняются* себя платежу штрафа, ст. 33 устанавливаемаго, значить объявлять рѣшимость нарушить ст. 31, предпочитая соблюденію закона опредѣленное за несоблюденіе его взысканіе. Столько же невѣрно и другое предположеніе, будто отъ повременныхъ изданій зависитъ принимать или не принимать объявляемая имъ предостереженія и будто предостереженіе можетъ считаться *не совѣств* состоявшимся, доколѣ оно не напечатано въ томъ повременномъ изданіи, которому оно объявлено. Предостереженіе состоялось въ ту минуту, когда текстъ его утвержденъ подписью министра внутреннихъ дѣлъ, и объявлено въ ту другую минуту, когда этотъ текстъ сообщенъ редакціи повременнаго изданія.

«Неточное изложеніе обстоятельствъ дѣла заключается въ ссылакахъ на извѣстную брошюру «Que fera-t-on de la Pologne?» и на разсмотрѣніе въ комитетѣ министровъ, въ началѣ прошлаго года, ходатайства московскаго университета объ изыятіи «Московскихъ Вѣдомостей» отъ общей цензуры. Въ предостереженіи указана не только статья, которою оно вызвано, но и тѣ выраженія, которыя въ особенности приняты во вниманіе при его объявленіи. Издателямъ «Московскихъ Вѣдомостей» извѣстно, что между брошюрою «Que fera-t-on de la Pologne?» и взглядомъ, которымъ въ настоящемъ случаѣ руководствовалось главное управленіе

по дѣламъ печати, ничего нѣтъ общаго; и не менѣе положительно извѣстно, что комитетъ министровъ никогда не рѣшалъ вопроса о характерѣ ихъ дѣятельности, потому что онъ вовсе не былъ переданъ на обсужденіе комитета. Вопросъ заключался въ изъятіи отъ общей цензуры, и этотъ вопросъ рѣшенъ отрицательно; но при этомъ всѣ члены комитета свидѣтельствовали о заслугахъ издателей передъ Россіей, а г. министръ народнаго просвѣщенія, кромѣ того, и о заслугахъ ихъ по учебному вѣдомству. Комитетъ заключилъ: «предоставить министру внутреннихъ дѣлъ и *впредь* оказывать всѣ, по его усмотрѣнію, возможныя облегченія въ примѣненіи цензурныхъ правилъ къ «Московскимъ Вѣдомостямъ». Эти подлинныя слова журнала комитета не нуждаются въ поясненіяхъ.

Цензурное управленіе отдавало въ свое время полную справедливость издателямъ «Московскихъ Вѣдомостей». Ту же самую справедливость отдаетъ имъ и главное управленіе по дѣламъ печати въ тѣхъ случаяхъ, когда ее отдавать возможно. Главное управленіе по дѣламъ печати будетъ сожалѣть, если издатели «Московскихъ Вѣдомостей» прекратятъ свою дѣятельность въ этой газетѣ. Это зависитъ отъ нихъ и можетъ послѣдовать или на основаніи ст. 33 закона 6 апрѣля, черезъ 3 мѣсяца, или ранѣе, если «Московскія Вѣдомости» подвергнутся въ теченіе этого срока второму и третьему предостереженію. Главное управленіе по дѣламъ печати обязано настоять на соблюденіи закона и оградить неприкосновенность закономъ ввѣренной ему власти. Эту обязанность оно исполнить» («Сѣверная Почта» 1866 г., № 78).

Тулскій губернаторъ М. Шидловскій писалъ Валуеву 8 апрѣля 1866 г., что предостереженіе «М. В.» не произвело въ Тулѣ особеннаго впечатлѣнія. «Здѣсь преобладаетъ старая дворянская партія. Лица, принадлежація къ ней, находятъ, что г. Катковъ въ послѣдніе два года мало сдѣлалъ для дворянства, и потому онъ нѣсколько потерялъ въ ихъ глазахъ. Говорятъ, что онъ давно заслуживалъ предостереженія за статьи гораздо болѣе рѣзкія, нежели та, которая обратила на себя вниманіе главнаго управленія по дѣламъ печати, и что поэтому предостереженіе несвоевременно. Передовая статья, помѣщенная въ № 69 «М. В.», встрѣчена съ громаднымъ сочувствіемъ,—въ ней видятъ открытую оппозицію, а всякого рода оппозиція пользуется популярностью... Мнѣ больно видѣть, что истинные дворяне, при ихъ несомнѣнно добрыхъ намѣреніяхъ, уклоняются отъ того пути, котораго они должны бы держаться» (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1864 г. № 51).

Зная заступничество за него Муравьева-Вѣшателя, считавшаго прекращеніе газеты просто невозможнымъ, Катковъ отвѣтилъ на

эту декларацию въ №№ 81 и 83 очень рѣзко и опредѣленно. 8 мая Валуевъ увѣдомилъ гр. Шувалова, что объявилъ «М. В.» второе и третье предостереженія съ приостановленіемъ выхода ихъ въ свѣтъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, 10 мая московскій генералъ-губернаторъ телеграфировалъ: «Все исполнено точно. Третье предостереженіе вручено. Подписка взята. Отправлена по почтѣ. Должныя мѣры приняты. Пока все благополучно»...

11 мая Мансуровъ писалъ: «Сегодня «М. Вѣд.» не вышли. Совѣтъ университета постановилъ просить о передачѣ редакціи проф. Любимову. Издатели рассчитываютъ, что Д. А. Толстой это утвердитъ. Они хотятъ избавиться отъ обязанности печатать казенныя объявленія, потому что платимая ими университету плата за печатаніе ихъ выручается только оплатою подписчиками всего журнала; Катковъ и Леонтьевъ платятъ по 600—1300 руб. аренды за объявленія».

13 мая 1866: «Ходатайство университета повелѣно разсмотрѣть министрамъ вн. дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ гр. Строгановымъ. Толстой спѣшитъ, чтобы угодить ученому вѣдомству и Москвѣ» (архивъ П. Я. Дашкова).

Такъ же неожиданно было и отмѣнено приостановленіе при условіи изданія газеты не Катковымъ, а его сотрудникомъ Н. А. Любимовымъ.

Не выходя съ 9 по 17 мая, 18 мая газета вышла подъ новой «временной» редакціей. Катковъ и Леонтьевъ прощались съ публикой до удобнаго случая встрѣтиться. 25 мая Катковъ имѣлъ аудіенцію у пріѣхавшаго въ Москву государя, который выразилъ ему свое вниманіе и пожеланіе, чтобы дѣятельность его продолжалась при его, государя, непосредственной помощи въ затруднительныхъ случаяхъ... 25 іюня Катковъ выпустилъ «М. Вѣд.» опять за своею подписью.

2. Ораторскія способности Валуева отлично схвачены гр. А. К. Толстымъ въ «Снѣ статскаго совѣтника Попова».

«Всѣхъ, господа, всѣхъ васъ благодарю!
 Прошу и впредь служить такъ аккуратно
 Отечеству, престолу, алтарю!
 Вѣдь, мысль моя, надѣюсь, вамъ понятна?
 Я въ переносномъ смыслѣ говорю:
 Мой идеалъ—полнѣйшая свобода,
 Мнѣ цѣль—народъ, и я—слуга народа.

«Прошло у насъ то время, господа,—
 Могу сказать: печальное то время—

Когда наградой пота и труда
 Былъ произволъ. Его мы свергли бремя.
 Народъ воскресъ, но не вполне—да, да!
 Ему вступить должны помочь мы въ стремя,
 Въ извѣстномъ смыслѣ сгладить всѣ слѣды
 И, такъ сказать, вручить ему бразды.

«Искать себѣ не будемъ идеала,
 Ни основныхъ общественныхъ началъ
 Въ Америкѣ,—Америка отстала:
 Въ ней собственность царить и капиталъ.
 Британія строй жизни запятнала
 Законностью, а я ужъ доказалъ,—
 Законность есть народное стѣсненье,
 Гнуснѣйшее межъ всѣми преступленіе!

«Нѣтъ, господа! Россіи предстоитъ,
 Соединивъ прошедшее съ грядущимъ,
 Создать, коль смѣю выразиться, видъ,
 Который называется присущимъ
 Всѣмъ временамъ; и, ставъ на свой гранитъ,
 Имущимъ, такъ сказать, и неимущимъ
 Открыть родникъ взаимнаго труда.
 Надѣюсь, вамъ понятно, господа?»

2801. Спасибо Муравьеву.

Отрѣзанные отъ Россіи, мы всегда радуемся, когда случай доводитъ до насъ вѣсть о старыхъ знакомыхъ. Такъ, мы узнали съ искреннимъ удовольствіемъ о томъ, что Н. П. Боткинъ живъ и здоровъ, по телеграммѣ Муравьева, въ которой тотъ его благодарить за какой-то мадригалъ, присланный почтеннымъ Николаемъ Петровичемъ еще болѣе почтенному Михаилу Николаевичу, о чемъ и извѣщаетъ публику alter ego ¹⁾ Михаила Николаевича—Михаилъ Никифоровичъ ²⁾).

2802. Не стѣбить.

(Отъ издателей).

Мы просимъ позволенія у особъ, подписавшихъ письмо, которымъ требуется, чтобъ редація «Вѣсти» назвала хоть одно рус-

¹⁾ Второй «я», неразлучный другъ.

²⁾ Катковъ.

ское имя въ числѣ тѣхъ «всемирныхъ» революціонеровъ и ихъ общниковъ», которые въ Женевѣ говорили 6/18 апрѣля, что знаютъ званіе стрѣляшаго въ юсударю, не печатать его. Несмотря на очень замѣчательныя подписи, мужскія и женскія, намъ кажется, что подымать эту тысяча первую клевету не стоить. Ни одною русскою имени, принадлежащаго къ той средѣ, о которой говорить петербургскій листокъ, онъ не назоветъ. Въ этомъ мы утѣрены. ¹

◆ 1. Въ № 36 «Вѣсти» напечатано было сообщеніе, названное въ 221 л. «Колокола» «Важной поправкой»: «Въ № 29 нашей газеты напечатано извѣстіе изъ Женевы, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что «истинная цѣль покушенія на жизнь государя должна быть въ замыслахъ революціонеровъ всемирной пропаганды. Предположенія эти получили нѣкоторое подтвержденіе. Въ Женевѣ (гдѣ печатается «Колоколъ» и другія революціонныя славянскія изданія) журналы печатали 6/18 апрѣля, что преступникъ—русскій; люди, завѣдомо состоящіе въ сообществѣ съ революціонерами всѣхъ народовъ, утверждали, что преступникъ—не только русскій, но и дворянинъ. Откуда знали они это 6/18 апрѣля утромъ, когда въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ только 12/24 апрѣля имя и званіе преступника? Не желая вводить въ заблужденіе кого бы то ни было, мы считаемъ своимъ долгомъ пояснить, что *одинъ изъ редакторовъ «Вѣсти»* ¹⁾ *находился въ то время въ Женевѣ и ничею подобною не слыхалъ.* Оставляя напечатанное въ № 29 «Вѣсти» извѣстіе на отвѣтственности автора письма и открывая ему наши столбцы, если онъ пожелаетъ подтвердить сообщенный имъ слухъ, выше означенный редакторъ «Вѣсти» предполагаетъ, не былъ ли авторъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ обстоятельствомъ, что, дѣйствительно, въ одномъ изъ женевскихъ журналовъ была напечатана, кажется, 6/18 апрѣля телеграмма, въ которой сообщалось извѣстіе, что англійскій журналъ «The Owl» напечаталъ, что преступникъ есть русскій дворянинъ».

2803. „Не солги“

«Двора е. в. оберъ-церемоніймейстеръ, вице-президентъ капитула російскихъ орденовъ (*сею хранителя чести, заслугъ, доблестей и рыцарскихъ подвиговъ и дѣяній!*), тайный совѣтникъ

Хитрово всемилостивѣйше уволенъ, согласно прошенію его, по болѣзни вовсе отъ службы».

Тутъ въ трехъ строкахъ *три лжи*. Во-первыхъ, Хитрово, слава богу, здоровъ; во-вторыхъ, вышелъ не только изъ службы вопреки своему желанію, но и изъ клуба въ Нициѣ, откуда его уволили за оригинальное пониманіе выигрышей и проигрышей и нѣкоторыя практическія улучшенія въ ставкахъ и полученіи денегъ, не нашедшія сочувствія товарищей не по капитулу, а по игорному дому.

Мы давно знали объ этомъ дѣлѣ и молчали, не находя въ этой обыкновенной исторіи ничего умнаго, новаго, ни хитраго, кромѣ фамиліи шалуна вице-президента капитула, но передъ всемилостивѣйшими укрывательствами не могли не напомнить правды.

2804. Ю. Н. Голицынъ на воздухъ.

Мы съ большимъ удовольствіемъ прочли въ «Моск. Вѣдомостяхъ», что нашъ лондонскій Орфей, кн. Ю. Н. Голицынъ, имѣлъ тоже свою долю овацій, непрерывно продолжающихся съ 4 апрѣля. «18 апрѣля на Кузнецкомъ Мосту служили молобенъ. Голицынъ управлялъ пѣвчими... Несмотря на дождь и вѣтеръ, народу собралась громадная масса; крыши сосѣднихъ домовъ были унижены зрителями. По удаленіи духовенства, хоромъ военной музыки и хоромъ пѣвчихъ, подъ общимъ управленіемъ князя Ю. Н. Голицына, много разъ исполненъ былъ народный гимнъ, а также и хоръ «Славься» изъ оперы Глинки. Громкое тысячеустное «ура» почти непрерывнымъ гуломъ оглашало воздухъ. По окончаніи пѣнія народъ восторженно выражалъ признательность кн. Голицыну, *подбрасывая* его, по русскому обычаю, и на «ура» Комиссарову, предлагаемое княземъ, отвѣчалъ громкимъ «ура» князю».

Тотъ, кто знаетъ объемъ, высоту, густоту, словомъ, волюмъ кн. Голицына, у того такъ же замреть душа, какъ у насъ, при чтеніи, что его швыряли въ воздухъ. Ну, сорвись такая масса,—подумать страшно!

2805. Еще о Некрасовѣ.

Въ «Отголоскахъ» № 38 сказано, что Муравьевъ — повидимому, не большой поклонникъ виршей Некрасова,—замѣтилъ ему: «Я желалъ бы васъ отстранить отъ всякой круговой поруки съ зломъ, противъ котораго мы боремся, но врядь могу ли... Ха, ха, ха..»

Vivez donc des privations,
Prenez donc des précautions! ¹⁾.

Вотъ первая награда..... А вторую пророчить одинъ крѣпостнической органъ, говорящій наивно, что «*все равно*, найдутъ ли или нѣтъ сообщниковъ Каракозова, *они виноваты*».

¹⁾ Живите лишеніями, принимайте предосторожности.

2806. Письмо къ сыну.

15 мая 1866.
Genève.

Ты пишешь очень мало, любезный Саша, а потому и я буду лакониченъ. 300 фр. отъ Желѣз. я записалъ на твой счетъ. Мнѣ кажется, что въ случаѣ войны и замѣшательства въ нее Швейцаріи (не участіемъ, а вооруженіемъ), тебѣ бы слѣдовало бы отслужить твой срокъ ¹⁾. Куда ѣхать и какъ, трудно теперь сказать, но ты въ Женеву можешь пріѣхать, когда хочешь, только остановиться придется возлѣ,—мѣста нѣтъ. О Татѣ я думалъ, что ее можно инсталлировать ²⁾ къ 1 сент. и, стало быть, ѣхать отсюда въ началѣ августа.

Пиши подробнѣе и понятнѣе твой планъ.

Ольгу цѣлюю; жду отъ нея письма немного поподробнѣе. Лиза, которая въ Лозаннѣ теперь, ей кланяется много и Мейзенбургъ.

Прощайте.

2807. Письмо къ Лизѣ.

21 мая (1866), понедѣльникъ.

Милая Лиза, завтра недѣля, что ты ходишь въ дѣтскій садъ; напиши мнѣ, что ты дѣлаешь и какъ тебѣ нравится; представляла ты *le lapin, qui avait du chagrin* ³⁾, и дѣлала ли ру-ру-ру, какъ голуби? У насъ плохо. У Таты страшно болятъ зубы, больше прежняго. Я ее привезу къ вашему дантисту. У меня вчера весь день болѣла голова. На дворѣ стужа.

Прощай, слушайся маму, чтобъ, когда я пріѣду, я могъ удивиться и сказать: «вотъ какая стала умная Лизуточка».

Тата цѣлуетъ тебя; у нея сдѣлался нарывъ. Тхоржевскій кланяется, а Линда все въ больницѣ.

2808. Письмо къ В. И. Кельсіеву.

24 мая (1866).
7, Quai du Mont Blanc.

Ужасы, которые творятся въ Россіи, переходятъ сказки и романы. Главными дѣятелями—само благородное общество и журналы

¹⁾ Швейцарскіе граждане обязаны отбывать воинскую повинность поголовно, но очень непродолжительное время.

²⁾ Installer—устроить на жительство.

³⁾ Огорченного кролика.

въ родѣ «Моск. Вѣд.». Вотъ почему я думаю, что сношеніе съ К. представляетъ много невыгоднаго. Пишите Краевск. или Коршу въ «СПБ. Вѣдомости».

Сто франк. я посылаю. Заработать ихъ вы непременно должны и потому будемъ ждать. Получаете ли вы «Колок.»? или какъ вамъ его посылать? Не нужно ли какихъ книгъ изъ нашихъ для продажи?

Прощайте. Сынъ мой во Флоренціи все занимается животными и рѣжетъ собакъ съ проф. Шиффомъ. Мих. Ал. въ Неаполѣ. Вѣроятно, крупныя волны новыхъ событій и его выпрутъ ближе на сцену. Все кипитъ и кипятится — и безуміе, и поэзія. Помните старую поговорку: «Si la raison dominait dans le monde— il ne s'y passerait rien ¹⁾».

Будьте здоровы.

Адресъ вашъ меня долго затруднялъ—выдадутъ ли вамъ деньги?

2809. Письмо къ императору Александру II.

Государь,

Было время, когда Вы читали «Колоколь», теперь Вы его не читаете. Которое время лучше: то или это, время ли освобожденій и свѣта или время заточеній и тьмы, скажетъ Вамъ ваша совѣсть. Но читаете Вы насъ или нѣтъ, этотъ листъ *Вы должны прочесть*.

Вы кругомъ обмануты и нѣтъ честнаго человѣка, который смѣлъ бы Вамъ сказать правду. Возлѣ Васъ пытаются, вопреки вашему приказанію, и Вы этого не знаете. Васъ увѣряютъ, что несчастный, стрѣлявшій въ Васъ, былъ орудіемъ заговора, но ни большого, ни малаго заговора *вовсе не было*; то, что они называютъ заговоромъ, это—возбужденная мысль Россіи, это — развязанный языкъ ея, это—умственное движеніе, это—ваша слава рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ. Васъ ведутъ отъ несправедливости къ несправедливости, Васъ приведутъ къ гибели, если не въ этомъ свѣтѣ, то въ будущемъ свѣтѣ исторіи. Васъ приведутъ къ гибели заговорщики, въ самомъ дѣлѣ Васъ окружающіе, не потому, чтобъ они этого хотѣли, а потому, что имъ это выгодно. Они пожертвуютъ Вами такъ, какъ они жертвуютъ теперь сотнями невинныхъ, которыхъ невинность они знаютъ, такъ, какъ они жертвуютъ честью семей, выдавая позорныя билеты честнымъ женщинамъ...

¹⁾ Если бы въ мірѣ господствовалъ разумъ, ничего въ немъ не случилось бы.

Что Вамъ не можетъ это нравиться, я въ этомъ убѣжденъ и оттого-то рѣшаюсь писать къ Вамъ. Но этого мало. Узнайте *сами* истину и проведите *свою волю*, какъ Вы ее провели при освобожденіи крестьянъ.

Четвертый разъ выхожу я на дорогу, по которой Вы идете, и останавливаюсь на ней, чтобъ обратить ваше вниманіе не на себя, а на Васъ самихъ.

«Отъ Васъ ждутъ кротости, отъ Васъ ждутъ человѣческаго сердца», писалъ я, когда Вы сѣли на престолъ. «Вы необыкновенно счастливы!»—«И до сихъ поръ ждутъ, вѣра въ Васъ сохранилась», прибавилъ я черезъ два года съ половиной.

Прошло семь лѣтъ, и какъ много прошло въ эти семь лѣтъ! Я былъ на югѣ Франціи, когда потухалъ вашъ сынъ. Первая вѣсть, услышанная мной въ Женевѣ, была вѣсть о его кончинѣ. Я не выдержалъ и, бранимый многими, взялся за перо и написалъ Вамъ третье письмо, въ которомъ говорилъ: «Судьба неумолимо, страшно коснулась Васъ; въ жизни людской есть минуты грозно торжественныя. Вы въ такой минутѣ, ловите ее. Остановитесь подъ всей тяжестью удара и подумайте, только безъ сената и синода, безъ министровъ и штаба, подумайте о пройденномъ и о томъ, куда Вы идете. Рѣшитесь, не дожидаясь второго удара».

Вы не рѣшились. Судьба еще разъ коснулась Васъ, и пусть меня называютъ сумасшедшимъ и слабымъ, я пишу къ Вамъ—такъ трудно мнѣ окончательно разстаться съ мыслью, что Вы вовлечены другими въ тотъ историческій грѣхъ, въ ту страшную неправду, которая совершается возлѣ Васъ.

Вы не можете желать зла Россіи за ея любовь къ Вамъ. Это неестественно. Станьте же во весь ростъ за нее, изнемогающую подъ тяжестью клеветы и испуганную тайнымъ судилищемъ и явнымъ произволомъ.

По всей вѣроятности, это послѣднее письмо мое къ Вамъ, Государь. Прочтите его. Одно безконечное, мучительное горе о гибнущей юной, свѣжей силѣ подъ нечистыми ногами нечестивыхъ стариковъ, посѣдѣлыхъ во взяткахъ, каверзахъ и интригахъ, одна эта боль могла меня заставить еще разъ остановить Васъ на дорогѣ и еще разъ поднять голосъ.

Вниманія, Государь, вниманія къ дѣлу. Его имѣетъ право требовать отъ Васъ Россія.

2810. Напоминаніе.

Мы просимъ нашихъ читателей, утромъ вставая и вечеромъ ложась спать, вспоминать, что дѣло о выстрѣлѣ 4/16 апрѣля не будетъ судиться публично.

2811. Изъ Петербурга.

Наконецъ-то письмо изъ Петербурга. Передаемъ главную часть его: «Аресты самые безобразные, самые безпричинные продолжаются. Во что бы то ни стало, хотятъ запугать государя и увѣрить его, что онъ своей кротостью и благодушіемъ далъ созрѣть охватившему всю Россію заговору, что необходимы рѣшительныя мѣры. Зло, причиняемое доносящими журналами, безмѣрно. Все общество сначала было увѣрено, что не нынче — завтра раскроютъ огромный заговоръ; всѣ готовы были помогать полиціи, и на первомъ планѣ помогали *гвардейскіе офицеры*. Тайна, въ которой ведется дѣло послѣ обѣщанной Муравьевымъ гласности, охладила многихъ, начинаютъ подозрѣвать интригу. Но дѣло сдѣлано, и толчокъ данъ... Изъ полиціи Треповъ ¹⁾ выгоняетъ всѣхъ, кто, по его понятію, неспособенъ быть злымъ гонителемъ всего молодого и живого; изъ учебныхъ заведеній гонятъ учителей, на урокахъ которыхъ ученики держатъ себя развязнѣе. Шпіоновъ бездна здѣсь, много отправлено въ Москву, въ провинцію и въ чужіе края, особенно въ Швейцарію (*милости просимъ!*). Муравьевъ удвоилъ имъ жалованье.

«Каракозовъ не признаетъ себя Каракозовымъ и не признаетъ двоюроднаго брата, его признавашаго ²⁾. Муравьевъ требовалъ выписать изъ Сибири Чернышевскаго, *на что государь не согласился*. Изъ лицъ извѣстныхъ арестованы: Благосвѣтловъ ³⁾ (въ самомъ началѣ), Зайцевъ ⁴⁾, Курочкины ⁵⁾, Худяковъ ⁶⁾, полковникъ Лавровъ ⁷⁾, Елисеевъ ⁸⁾, Европеусъ ⁹⁾ съ женой и его братъ,

¹⁾ Федоръ Федоровичъ, петербургскій оберъ-полицмейстеръ.

²⁾ Николай Андреевичъ Ишутинъ.

³⁾ Григорій Евлампіевичъ, писатель, редакторъ «Рус. Слова»; былъ арестованъ въ августѣ.

⁴⁾ Варѳоломей Александровичъ, публицистъ, сотрудникъ «Рус. Слова».

⁵⁾ Василій и Николай Степановичи, поэтъ и публицистъ.

⁶⁾ Иванъ Александровичъ.

⁷⁾ Петръ Лавровичъ, философъ и публицистъ, арестованъ 25 апрѣля.

⁸⁾ Григорій Захаровичъ, публицистъ.

⁹⁾ Александръ Ивановичъ.

Ковалевскій ¹⁾, Слѣпцовъ ²⁾; арестовано много дѣвицъ и женщинъ (нигилистокъ). Изъ послѣднихъ нѣкоторыя выпущены и вмѣстѣ съ тѣмъ награждены *желтыми билетами, которые выдаются публичнымъ женщинамъ*.

«Отысканы ли слѣды какого-нибудь общества?» — спросилъ одинъ знакомый Муравьева. «Общества нѣтъ никакого, но будетъ, если не истребить вредныя *задатки*». Муравьевъ ищетъ этихъ задатковъ вездѣ, даже за границей. Онъ хочетъ приплести къ дѣлу 4/16 апрѣля не только обличителей, отрицателей и нигилистовъ, находящихся здѣсь, но и тѣхъ, которые за границей. Говорятъ, что вольный слушатель медицинской академіи *Бѣльскій* (или *Бельшино*), здоровый, красивый малый, находясь подъ арестомъ, заболѣлъ и отправленъ въ секретное отдѣленіе военно-сухопутнаго госпиталя. Въ прошлую субботу, 30 апр. (12 мая), утромъ въ 9 час. въ своей каморкѣ онъ повѣсился. На стѣнѣ найдена надпись: «Меня, по приказанію Муравьева, пороли нагайками».

«Говорятъ, что Каракозова пытали разными оригинальными средствами. Онъ твердо отвѣчалъ при первомъ допросѣ. Ночью допросы опять начались и продолжались непрерывно *трое сутокъ*. Пытать его хирургическими средствами не смѣютъ: *утверждаютъ, что государь не приказалъ*, а потому прибѣгли къ новымъ *безслѣднымъ* пытаніямъ и къ наукѣ. Сначала его ставили въ какой-то футляръ, но докторъ *Здекауеръ* ³⁾ сказалъ, что онъ или умретъ, или совсѣмъ сойдетъ съ ума, а потому ученый врачъ и посовѣтовалъ футляръ замѣнить раздражающимъ электрическимъ токомъ. (Здекауеръ пожалованъ 16/28 апрѣля въ *тайные совѣтники*). Несчастный пациентъ заболѣлъ, пересталъ принимать пищу, говорятъ, онъ при смерти. Многіе увѣряютъ, что онъ умеръ 2/14 мая (?). (Что сдѣлаетъ Муравьевъ? развѣ, поставитъ свѣжаго Каракозова)...

...«Въ день выстрѣла графиня Ридигеръ сказала императрицѣ, что она давно слышала, что будетъ покушеніе, что она слышала это отъ Потоцкой ⁴⁾ и говорила Анненкову ⁵⁾, который не повѣрилъ. Потоцкая посажена въ тюрьму и сошла съ ума (этотъ фактъ мы прежде читали въ «Times»). Партія Муравьева и «Московскихъ Вѣдомостей» старается изъ-подъ руки бросить подозрѣніе на Кон-

¹⁾ Владиміръ Онуфріевичъ.

²⁾ Василій Алексѣевичъ, писатель.

³⁾ Николай Федоровичъ.

⁴⁾ Сесилія Антоновна, фрейлина.

⁵⁾ Иванъ Васильевичъ, оберъ-полицмейстеръ, узнавшій о покушеніи черезъ полтора часа послѣ выстрѣла.

стантина Николаевича... Муравьевъ разсорился уже съ Шуваловымъ.

«Р. С. Курочкиныхъ выпустили».

Передъ этимъ письмомъ мы остановились съ какой-то безконечной, жгучей болью... Вотъ куда пришло это царствованіе *освобожденія*, и виноватъ не царь (изъ письма видно ясно, какъ онъ бьется и упирается въ потемкахъ, сдѣланныхъ около него), а *общество*, превратившееся въ полицію, и безнравственная *пресса*, сдѣлавшаяся общественнымъ доносчикомъ и обвинителемъ при Муравьевѣ.

Несчастный народъ, въ которомъ могла зародиться и назрѣть такая среда, наглая и уродская, которая безнаказанно учитъ палачей, рукоплещетъ имъ и натравливаетъ ихъ!

«Мы еще не созрѣли», говорилъ кто-то ¹⁾ въ Петербургѣ, и всѣ сердились на него, а *ужь синили*, прибавимъ мы — *страшно синили...*

У насъ была готова статья, но, прочитавши письмо, мы ее изорвали,—все слабо и бѣдно, словъ недостаетъ, мы это глубоко чувствуемъ!

Но нельзя же и руки сложить въ праздномъ озлобленіи, нельзя же замолчать съ проклятіемъ на губахъ! Нѣтъ, это была бы измѣна всей нашей жизни, а ея немного впереди. Мы остатокъ ея употребимъ на обличеніе передъ міромъ историческаго преступленія, совершающагося въ Россіи, и на подкрѣпленіе и утѣшеніе несчастнаго молодого поколѣнія, идущаго на мученичество за свою святую любовь къ истинѣ, за свою юную вѣру въ Россію. Мы, старики, станемъ у изголовія гонимыхъ, отирая пятна клеветы и благословляя погибающихъ провозвѣстниковъ *будущей Россіи*.

Ее они не запутають, отъ нея Здекауеръ не вылѣчитъ новымъ электрическимъ токомъ.

...А хорошо это употребленіе электричества. Наука и пресса, исполняющія должность палача и орудія пытки!.. Далѣе паденіе человѣческое итти не можетъ.

Что же, въ самомъ дѣлѣ, прибавить? Развѣ, *желтые билеты*, выданные дѣвицамъ и женщинамъ за то, что они остригли волосы и мечтали, что лучше жить работой, чѣмъ на чужой счетъ, и тотъ журналъ, который въ нихъ же и бросилъ грязью...

Насъ упрекали недавно, что мы, смѣясь, говоримъ о мерзостяхъ и неистовствахъ, дѣлающихся теперь въ Россіи.

Не поняли нашего смѣха.

¹⁾ Е. И. Ламанскій, въ 1860 г.

Но пусть такъ; будемъ говорить серьезно и, во-первыхъ, поставимъ вопросъ: откуда явилась эта удесятенная нетерпимость въ обществѣ, окружающемъ, какъ вѣнокъ, слѣдственную фабрику, на которой Муравьевъ тачаетъ не существующій заговоръ? Откуда это новое остервенѣніе противъ «*нигилизма*», подъ которымъ теперь разумѣютъ всякую свободную, независимую мысль, всякое ученіе не похожее на то, что проповѣдуютъ нео-крѣпостники?

Неужели просто изъ любви къ Александру Николаевичу, освободившему большую часть ярыхъ обличителей отъ половины дохода? Столько сентиментальности въ нихъ нѣтъ, и тутъ корни, видно, идутъ дальше.

...Два года тому назадъ въ первый разъ на дворянскихъ вершинахъ Россіи заявила потребность совершеннолѣтнихъ учрежденій, высказалось желаніе гражданской свободы и собственнаго участія въ своихъ дѣлахъ. Это было въ Москвѣ. Чего же лучше?

Но вотъ что уже не такъ хорошо. *Первое* слово, сказанное въ московскомъ дворянскомъ собраніи, было враждебно независимой печати, и вслѣдъ за благодарностью журналисту-доносчику явился съ своей плоской рѣчью Орловъ-Давыдовъ, требуя ограниченія самовластия и *книгопечатанія* (у насъ-то!), браня произволь чиновниковъ и переводъ Бокля...

По химическому сродству, среда, которая не могла выносить свободного слова, соединилась съ инквизиторами и палачами. До Каракозова или какъ онъ тамъ называется, дѣла имъ нѣтъ, его тотчасъ же оттерли на второй планъ; доносы въ ихъ журналахъ обвинили въ атентатѣ все *свободно мыслящее въ Россіи*, восходя отъ нигилистовъ до Чернышевскаго, отъ Чернышевскаго до Петрашевскаго, добираясь до Бѣлинскаго и т. д. Умри Каракозовъ, живи онъ—имъ совершенно все равно; затѣмъ-то и *тайна* передъ публикой, а вдвое того—передъ государемъ, который долженъ вѣрить, во что бы ни стало, *во вселенскій заговоръ*.

Какую же *свободу* нужно было этимъ азіатскимъ рабамъ съ ихъ боязнью мысли и слова? На что она имъ? Оплакивать крѣпостное состояніе они и теперь могутъ—они сами не знаютъ, какво имъ будетъ безъ ливреи; она прироста къ нимъ,—имъ будетъ жутко и холодно на вольномъ воздухѣ... Это—тѣ же помѣщики и тѣ же чиновники въ другомъ изданіи. Орудія у нихъ взяты изъ сѣбѣжихъ, изъ уголовныхъ палатъ; литература у нихъ—слѣдственное дѣло; въ серьезный споръ ни они, ни ихъ журналы не идутъ. Въ серьезномъ спорѣ мы первые готовы поднять перчатку; на-шлись бы и другіе дома, если-бъ возраженіе имъ не пахло Петропавловской крѣпостью. Они не спорятъ, а жалуются по начальству;

они обращаются не къ противникамъ, а доносятъ о безпорядкахъ; они вызываютъ не возраженіе, а экзекуціи; они хотятъ не убѣждать, а *усмирять*.

Пока консервативно-либеральное дворянство было одно съ своими литературными дворецкими, со своей слабонервной оппозиціей, оно было смѣшно; но когда съ нимъ испугъ Россіи, Муравьевъ да три полиціи, да армія, да электрическіе токи, да самъ Валуевъ *изволилъ* быть съ ними,—тогда не до шутокъ.

Вмѣстѣ они представляютъ ту темную силу, которая влечетъ слабого государя отъ одного преступленія къ другому и толкаетъ Россію въ ея прежній хаосъ.

...Да зачѣмъ же у государя нѣтъ энергіи вырваться изъ опеки? Зачѣмъ онъ не сдѣлаетъ того, что умѣлъ сдѣлать Наполеонъ I съ Салой, и не допроситъ самъ Каракозова для того, чтобы узнать не только правду о выстрѣлѣ, но правду о томъ, какъ въ Россіи во второй половинѣ XIX вѣка дѣлаютъ слѣдствія?

Зачѣмъ?..

2812. Поправленное недоразумѣніе.

Въ прошедшемъ листѣ «Колокола», говоря о пѣснопѣннѣ Некрасова Муравьеву и его одобрительномъ поощреніи въ прозѣ, мы сказали: «Этого и мы отъ васъ не ждали, а, вѣдь, вамъ извѣстно, какъ интимно мы знаемъ вашу біографію, и какъ *многаю* мы могли отъ васъ ждать». Эти строки приняты за доносъ однимъ господиномъ, писавшимъ къ намъ на-дняхъ; ему, вѣроятно, показалось, что мы хотѣли сказать, что, *зная* біографію Некрасова, мы ждали отъ него много *хорошаю*. Но самое простое перечитываніе фразы ему покажетъ, что мы ждали отъ Некрасова, зная его antecedенты ¹⁾, бездну *дурною*, но, все же, не ждали панегирикъ Муравьеву. А потому слова наши—не только не доносъ, но оправданіе, но облегчающая причина, которой поэтъ можетъ воспользоваться. Послѣ высказаннаго мнѣнія можно ли думать, чтобы между нимъ и нами были какія бы то ни было сношенія?

¹⁾ Мы готовы, если нужно для его оправданія и, по желанію его друзей, ихъ напечатать. А. И. Г.

2813. Уничтоженіе, гоненіе, срытіе съ лица земли, приравнваніе къ нулю Каракозовыхъ.

Вглядываясь въ необузданность нашего азіатскаго рабства, въ его монгольскій характеръ, въ самомъ дѣлѣ, начинаешь вѣрить Анри Мартэну, что мы—чистые туране, т.-е. какая-то тибетская чухна, укравшая иранскій языкъ, кое-какъ спрятавшая монгольскія скулы и надѣвшая нѣмецкое платье. Мы неблагопрістойно раболѣпны. На-дняхъ мы читали, какъ какой-то ветеранъ требовалъ уничтоженія фамиліи Каракозовыхъ (по счастью, ограничиваясь *и.менемъ* и позволяя лицамъ продолжать свое существованіе подъ другимъ заглавіемъ), и дивились нелѣпости этой фантазіи, никакъ не ожидая, что помѣщичій «Père Duchesne» ¹⁾ подаритъ насъ и не такой прелестью ²⁾.

До этой бѣлой горячки раболѣпія, до этого дикаго тупоумія, дѣйствительно, не доходили европейскіе народы. Какъ же государь позволяетъ гнать, оскорблять совершенно невинную семью изъ-за выстрѣла 4 апрѣля? Хорошо, что надо ѣздить въ Сердобскъ, чтобъ искать Каракозовыхъ, да и тамъ ихъ двое; ну, а будь стрѣлявшій Ивановъ или Петровъ—имъ же числа и мѣры нѣтъ?

Да покраснѣйте же...

Или хоть бы Шуваловъ ³⁾, министръ полиціи, заставилъ васъ покраснѣть по начальству.

2814. Задержаніе „Моск. Вѣдомостей“.

Россія на два мѣсяца избавлена отъ «Московскихъ Вѣдомостей». Рано радовался Катковъ поправленію Головнина. Какъ правъ поэтъ ⁴⁾, сказавшій:

У царя, у нашего,
 Все такъ политично,
 Что и безъ Тимашева
 Высѣкутъ отлично.
 И къ чему тутъ зданіе
 У Цѣпного моста?
 Выйдетъ приказаніе—
 Отдерутъ и просто.

¹⁾ «Вѣсть».

²⁾ Слѣдуетъ длинная цитата изъ «Вѣсти», напечатавшей корреспонденцію изъ Сердобскаго уѣзда съ рассказомъ, какъ тамошнее дворянство терроризировало братьевъ Каракозова, отлучало отъ своего общества, намѣревалось откупить ихъ землю, а всѣ постройки сжечь и т. п., и какъ оно было поддержано мѣстной полиціей.

³⁾ Графъ Петръ Андреевичъ; тогда говорили объ учрежденіи министерства полиціи.

⁴⁾ Гр. А. К. Толстой.

Итакъ, къ *отрицательнымъ* рѣдкостямъ Москвы прибавляется еще одна: къ большой пушкѣ, изъ которой нельзя стрѣлять, къ большому колоколу, въ который нельзя звонить, присоединяется большой издатель, который не будетъ издавать. Это двухмѣсячное задержаніе статей Каткова именно теперь, когда поле доносовъ такъ горячо, можетъ сильно разстроить здравіе воередактора и тѣлохранителя единства Россіи. Какая неосторожность со стороны правительства... Все сепаратисты и поляки!

2815. Барометръ на градусъ ниже.

Благородная фигура князя Суворова исчезаетъ съ перваго плана дѣйствій ¹⁾). Это ужъ «шахъ» самому себѣ. Оберъ-полицмейстеръ С.-Петербургскій подчиняется III Отдѣленію, какъ и вся Россія.

2816. А они все ищутъ заговора!

Отецъ Каракозова, пишутъ изъ Сердобска въ одну петербургскую газету, служилъ засѣдателемъ сердобскаго земскаго суда и умеръ лѣтъ 10—15 тому назадъ *помтшаннымъ*; старшій братъ его тоже впалъ въ *помтшательство* и по настоящее время содержится въ домѣ умалишенныхъ.

2817. Лебединая острога князя Меншикова.

При князѣ Меншиковѣ говорили о невозможности найти при теперешнихъ обстоятельствахъ способнаго министра финансовъ. Меншиковъ сомнѣвался.—Ну да вы, князь, приняли бы портфель Рейтерна?—спросилъ его кто-то. «Непремѣнно, отвѣчалъ Меншиковъ, да оно мнѣ и слѣдуетъ. Я былъ морскимъ министромъ, когда почти не было флота,—главнокомандующимъ въ Крыму, когда не было арміи, кто же лучше меня можетъ быть министромъ финансовъ, когда нѣтъ ни гроша денегъ?».

Эта острога напоминаетъ тѣ времена, когда ѣдкія замѣчанія Меншикова развлекали мрачную тоску Зимняго дворца при Николаѣ. Мы боялись, что усердіе, показанное княземъ при защитѣ крѣпостного права, лишило его этой способности, и съ удовольствіемъ видимъ, что ошиблись.

¹⁾ Онъ былъ оттертъ и «утѣшенъ» назначеніемъ инспекторомъ всей пѣхоты; однако, принялъ это, какъ опалу.

2818. Просьба.

СПРАШИВАЕТСЯ, не могутъ ли доставить намъ свѣдѣнія о томъ «блѣдномъ» заговорщикѣ, гулявшемъ съ злыми умыслами по саду 4/16 апрѣля, котораго знаменитый генераль Тотлебенъ собственноручно схватилъ, скрутилъ, смутилъ, вручилъ? Гдѣ онъ? Кто онъ? Полякъ или нигилистъ? Когда его будутъ гальванопластать? Имя, отчество, профессія?

(Просимъ прислать прямо въ типографію).

2819. Письмо къ сыну.

1 іюня 1866.

7, Quai du M-t Blanc.

Будетъ еще третій, который и не говоритъ и не молчить. Я отъ души хохоталъ надъ твоимъ письмомъ; я зналъ, что такое Генрихъ Гржимала-Любинскій, я отъ него страдалъ подъ всѣми широтами и долготами. Что же ты не несешь свою тягу?—вотъ тебѣ Гржимала.—Теперь ѣдетъ полякъ инженеръ и требуетъ, дай я ему рекомендацію къ Гарибальди, а я его не знаю. Ну, я сказалъ: «вы посовѣтуйтесь съ моимъ сыномъ; онъ скажетъ, куда и какъ». Ты его прими учтиво и, если можно, отошли къ Маріо или кому-нибудь.

Завтра отправится «Колоколъ». Этотъ № ¹⁾ особенно важенъ. Я пришло черезъ дней пять по-франц. «Письмо» и статью ²⁾. Сунь ихъ въ журналы и такъ дай знакомымъ. «Колок.» мы посылаемъ прямо государю. Дѣло въ томъ, что, несмотря на всѣ пытки и гадости, заговора нѣтъ, Каракозовъ явнымъ образомъ фанатикъ и дѣйствовалъ на свой кулакъ, а потому реакція хочетъ захватить нѣсколько сотъ человекъ и *sommairement* депортировать ³⁾.

Разумѣется, à la longue ⁴⁾ и изъ этого ничего не выйдетъ, но за что же они сгубятъ лучшую часть молодого поколѣнія... «Письмо» мое сдѣлаетъ крикъ въ обѣ стороны. Ужъ за статью «Иркутскъ и СПб.» я получаю ругательства (и, какъ всегда, анонимныя письма) отъ поляковъ, которые, сгубивши свое отечество, сидятъ и мечтаютъ о теоріи цареубійства; меня хотятъ опубликовать, какъ измѣнника, 70 ⁵⁾ человекъ и наказать *collectivement*

¹⁾ 221-й.

²⁾ №№ 2809 и 2811.

³⁾ Огуломъ отправить въ ссылку.

⁴⁾ Надолго.

⁵⁾ Слово не разобрано.

et proportionnellement ¹⁾ (слово въ слово) за то, что я Каракоз. называлъ сумасшедшимъ...

Впередъ заглядывать трудно и въ общей и въ частной жизни; во-первыхъ, я еще въ войну не вѣрю, а во-вторыхъ, можетъ, ждутъ войны, а дождутся въ Германіи взрыва.

Во всякомъ случаѣ на первое время въ Россіи будетъ реакція, грубая и глупая. Сатину не пустили за границу; это сдѣлало рикшетомъ много зла и у насъ, т.-е. Nat. въ самомъ дѣлѣ больна и была уничтожена этимъ ударомъ.

Ея положеніе тяжелое и ничего не придумаешь для того, чтобъ устроиться. Огар. было лучше, послѣднее время обмороки опять чаще. Пьетъ онъ очень мало и, вообще, живетъ очень гигиенически, хотя мнѣ и больно видѣть его въ узко-буржуазной жизни какимъ-то умилненнымъ гаусфатеромъ ²⁾.

Пріѣзжай, когда будешь свободенъ, потолкуемъ еще и еще. Я въ этой борьбѣ, послѣ выстрѣла, опять, какъ всегда, поднялся энергіей и «гнѣвомъ» (это Мартинъ Лютеръ такъ выразился).

Зачѣмъ, вмѣсто дѣльнаго чтенія, ты набиваешь голову такой дребеденью, какъ «Bible de l'humanité» ³⁾? читалъ бы Конта, какъ собирался.

Мишле, какъ историкъ, хорошъ, но, какъ философъ, никуда не годится.

Его другъ Анри Мартэнъ издалъ теперь книгу «L'Europe et la Russie»,—такъ руки и чешутся.

Жемчуж., дѣйствительно, добрый и пустой дуракъ, но добрый.

Посылаю Мальвидѣ, сверхъ грусса ⁴⁾, записочку отъ Адели Кинкель.

Если очень хочется на Эльбу — варумъ нихтъ ⁵⁾. 500 фр. я пришлю по почтѣ, напр., къ 10 іюня для Мальв. на твой адресъ.

Засимъ порте ву бьень ⁶⁾.

У Линды на-дняхъ опять щенки, съ чѣмъ Ольгу и поздравляю. А, кажется, ей больше хочется сюда, чѣмъ въ Эльбу; ну что же, не пріѣхать ли ей съ тобой, пока Мальвида будетъ купаться? Это—одно предложеніе.

¹⁾ Сообща и пропорціонально. Очевидно, рѣчь идетъ о Коробовѣ.

²⁾ Hausvater—глава семьи, хозяинъ.

³⁾ Сочиненіе Ж. Мишле, 1864 г.

⁴⁾ Gruss—поклонъ.

⁵⁾ Warum nicht?—почему нѣтъ?

⁶⁾ Portez-vous bien—будьте здоровы.

2820. Письмо къ Н. А. Огаревой.

(13 іюня 1866). Среда.

Странные вы люди! что же за резонъ пріѣздъ Тхоржевскаго, чтобы не писать? Если не задержитъ *forçе тајеуге*, я пріѣду въ пятницу, если не къ 5, то къ 7 часамъ. Чернецкій опять опоздалъ, «Колоколъ» готовъ въ рукописи. Моя статья ¹⁾ приводитъ всѣхъ въ восторгъ. Ог. говоритъ, что это изъ лучшихъ ст. въ «Колоколѣ»; я самъ чувствую *два* огня, пробѣгающіе по ней: *ироніи и вѣтры* вмѣстѣ; «оно и лестно», какъ говорилъ Языковъ. Жаль, что не могу привезти—она у Чернецк. А *propos*, не уничтожай того листа «Nord'a, въ которомъ письмо къ Гагарину ²⁾».

Письмо пришло.

Итакъ, тебѣ лучше... Ёду къ тебѣ, чтобы и психически было лучше и физически. Какъ бы, *Natalie*, я хотѣлъ немного стереть чернаго и въ твоихъ письмахъ, и словахъ. Знаю, чувствую, что то, что требуется отъ тебя, самое трудное,—*терпѣніе*. А что будешь дѣлать? наша нитка попала въ канатъ историческаго корабля... да еще и въ частной жизни закрутилась. Терпѣніе же—и дай твою руку тепло и дружески.

Что значить, что ты благодаришь за хлопоты по пансіону, или это такъ пустая слова? Въ пансіонѣ Марго я бы желалъ сходить съ ея знакомыми (дай мнѣ на это право), какъ отъ Рю-Рау ³⁾,—или послать его къ ней прежде: на нихъ дѣйствуютъ авторитеты.

Франкфуртъ дѣлается возможнѣе: изъ него хотятъ вывести оба войска. Я готовъ съѣздить послѣ 1-го іюля.

Пусть Лиза приготовитъ комнату мнѣ; разумѣется, ближе къ вамъ лучше, но нѣтъ, такъ гдѣ-нибудь,—немного вида и возможность писать. Давай искать квартиру (поѣздка во Франк. не помѣшаетъ). Тата, вѣроятно, пріѣдетъ послѣ меня, и я ворочусь за ней.

Итакъ, до свиданія. Помни, *Natalie*, что я ёду въ томъ хоро-

¹⁾ № 2825.

²⁾ Рескриптъ государя предсѣдателю комитета министровъ П. П. Гагарину отъ 13/25 мая,—начало новой открытой реакціи.

³⁾ Вѣроятно, *Scipion-Edouard Raoux*, франц. писатель, докторъ философіи, профессоръ академіи въ Лозаннѣ.

шемъ расположеніи, которое и ты любишь, и которое, по несчастью, fragil ¹⁾).

Турнеръ отправляй по-добру да по-здорову; фр. 400 я съ собой привезу.

Если вздумается, черкни доброе слово, оно меня застанетъ, если будетъ послано отъ васъ до 5 вечера завтра.

2821. Письмо къ Шарлю Шассэну ²⁾.

16 juin 1866.

Genève, 7, Quai du M-t Blanc.

Cher Monsieur,

Mon voisin m'a communiqué votre lettre. C'est bien tentant et j'aurais immédiatement profité de l'offre que vous faites,—mais les circonstances ne sont pas trop favorables. La terreur continue à Pétersb. Le dernier cahier du «Sovrem.» est decoloré, le redacteur en chef fait des bassesses, les autres sont sous l'épée de Damoclés.

Rien de sérieux, j'en suis sûr, ne passera. Et il me serait impossible d'écrire (même sans nom)—quelque chose d'indifférent. C'est bien possible que dans un mois—il y aura moins de nuages—et je pourrai hasarder qq. pages.—Dans tous les cas je vous remercie d'avoir pensé à moi et vous salue de tout mon coeur.

Que font les Reclus? Je leur ai fait une proposition littéraire par un de nos amis communs.

Votre tout dévoué.

Al. Herzen

Переводъ.

16 июня 1866.

Милостивый Государь!

Сосѣдъ мой передалъ мнѣ ваше письмо. Это очень соблазнительно, и я немедленно воспользовался бы вашимъ предложеніемъ, но обстоятельства не слишкомъ благоприятны. Терроръ въ Петербургѣ продолжается. Послѣдняя книжка «Соврем.» обезцвѣчена, ре-

¹⁾ Хрупкое, непостоянное.

²⁾ Charles Chassin, французскій публицистъ и политич. дѣятель, былъ одно время редакторомъ журнала «Etats-Unis d'Europe».

дакторъ ¹⁾ дѣлаеть разныя низости, остальные—подъ Дамокловымъ мечомъ.

Я увѣренъ, что не случится ничего серьезнаго. Но мнѣ невозможно (даже безъ подписи) написать что-нибудь безразличное. Весьма возможно, что черезъ мѣсяцъ будетъ меньше тучъ, и я смогу рискнуть написать нѣсколько страницъ. Во всякомъ случаѣ благодарю васъ, что вспомнили обо мнѣ, и привѣтствую васъ отъ всего сердца.

Какъ поживаютъ Реклю ²⁾? Недавно я сдѣлалъ имъ черезъ одного изъ нашихъ общихъ друзей литературное предложеніе.

Совершенно вамъ преданный.

Ал. Герценъ.

2822. Письмо къ Лизѣ.

(17 июня 1866).

Лиза, мой другъ! Тата и Саша пріѣдутъ въ среду т.-е. завтра, къ тебѣ, а потомъ и папа Ага и дядя старичокъ, а теперь онъ цѣлуетъ тебя.

2823. Письмо къ Лизѣ.

(19 июня 1866).

Здравствуй, милая Лиза. Ходишь ли ты за miss Turner, помогаешь ли мамѣ? Къ вамъ собираются разные гости: и мамъ Шернецки ³⁾ и miss Tata, и я... и рара Ага, если будетъ здоровъ. Она тебя цѣлуетъ.

Прощай.

А Фрикенъ говоритъ, что Ольга очень выросла, а что Мальвида совсѣмъ состарилась и постоянно больна.

Онъ завтра будетъ въ Лозаннѣ ⁴⁾.

Цѣлую тебя.

¹⁾ Н. А. Некрасов.

²⁾ Жанъ-Жакъ-Элизе извѣстный франц. географъ и политическій дѣятель, Мишель-Эли,—писатель; третій братъ, географъ Онезанъ не былъ знакомъ съ Герценомъ.

³⁾ Madame Чернецкая.

⁴⁾ *Мамъ.* Но я не зналъ, хочешь ли ты его видѣть.—А. И. Г.

2824. Письмо къ сыну и О. А. Герценъ.

19 іюня (1866).
7, Quai du M-t Blanc.

Въ послѣднемъ письмѣ твоёмъ еще нѣтъ ничего о 800 фр. золотомъ; они были посланы, кажется, 13-го. Если Авидгоръ аккуратно пришлетъ сюда деньги и по итальянскому займу, то я отправлю тѣмъ же путемъ 1,000 тебѣ и 1,000 Мейзен. Теперь у меня денегъ нѣтъ и до іюля не будетъ.

Фрикенъ сегодня ѣдетъ на житье въ Montreux; онъ былъ дня четыре и прошелъ всѣми здѣшними tribulations ¹⁾, т.-е. обѣдалъ у Долгорукова.

Твои знакомыѣ Sommeillier ²⁾ прескучные и я ждатель ихъ вовсе не намѣренъ. Завтра или въ четвергъ мы и Ог. (т.-е. Тата и я) хотимъ ѣхать въ Лозанну. Тата, можетъ, по телеграфу воротится, но я такихъ нѣжностей не дѣлаю. Фрикенъ говорилъ, что они сами не знаютъ, ни куда, ни когда ѣдутъ. Онъ безъ вѣстей отъ нихъ.

Слышали ли вы, что «Варшавскій Дневникъ» напечаталъ, что меня свезли въ сумасшедшій домъ возлѣ Женева въ состояніи бѣшенства ³⁾?

Это официальная-то газета отличается!

Нѣмцы перепечатали, и вчера меня спрашивалъ Ліонъ, цѣль ли я.

Черезъ 6 дней тебѣ стукнетъ 27 лѣтъ. Одно въ этомъ досадно, что ты все еще не имѣешь осѣдлаго положенія, все еще между ученикомъ и дилетантомъ. А пора... Мы съ Татой, будемъ пить твое здоровье. Она же двѣ недѣли тому назадъ уже праздновала твое рожденіе.

Фрикенъ говоритъ, что Ольга выросла и стала потише... И ей ужъ 15 лѣтъ!

Даже становится страшно. Ну что, какъ идетъ ея грамота? Хоть бы она выучилась по-французски правильно; итал. и нѣмецк. языки—дѣло очень хорошее, но франц. языкъ необходимъ.

Объ рус. я боюсь и поминать,—всѣ вы вмѣстѣ не могли сладить.

¹⁾ Неприятностями.

²⁾ Вѣроятно, Germain, франц. инженеръ.

³⁾ Q, Zurich, «Dziennik Warszawski» 1866, № 128; Герценъ назвалъ официальный русскій «Варшав. Дневникъ».

Ольга, милая, хотѣлъ писать къ тебѣ, но Серно-Соловьевичъ помѣшалъ: говорилъ три часа кряду ¹⁾).

Прощай.

2825. Отъ государя князю П. П. Гагарину.

«Князь Павелъ Павловичъ. Единодушныя изъявленія вѣрноподданнической преданности и довѣрія ко Мнѣ, ввѣреннаго Божиимъ Промысломъ управленію Моему народа служатъ Мнѣ залогомъ чувствъ, въ коихъ Я нахожу лучшую награду за Мои труды для блага Россіи.

«Чѣмъ утѣшительнѣе для Меня сіе сознаніе, тѣмъ болѣе признаю Я Своею обязанностію охранять русскій народъ отъ тѣхъ зародышей вредныхъ лжеученій, которые со временемъ могли бы поколебать общественное благоустройство, если бы развитію ихъ не было постановлено преградъ.

«Событіе, вызвавшее со всѣхъ концовъ Россіи доходящія до Меня вѣрноподданническія заявленія, вмѣстѣ съ тѣмъ послужило поводомъ къ болѣе ясному обнаруженію тѣхъ путей, которыми проводились и распространялись эти пагубныя лжеученія. Изслѣдованія, производимыя учрежденною по Моему повѣленію особою Слѣдственною Коммисією, уже указываютъ на корень зла. Такимъ образомъ Провидѣнію благоугодно было раскрыть предъ глазами Россіи, какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все для нея искони священное, на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ.

«Мое вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества. Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направляемо въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка, и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ не было допускаемо ни явное, ни тайное проповѣданіе тѣхъ разрушительныхъ понятій, которыя одинаково враждебны всѣмъ условіямъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа. Но преподаваніе, соотвѣтствующее истиннымъ потребностямъ юношества, не принесло бы всей ожидаемой отъ него пользы, если бы въ частной семейной жизни проводились

¹⁾ Очевидно, все по поводу позиціи, занятой Герценомъ въ отношеніи Каракозова и покушенія вообще.

ученія несогласныя съ правилами Христіанскаго благочестія и съ вѣрноподданническими обязанностями. По сему Я имѣю твердую надежду, что видамъ Моимъ, по этому важному предмету, будетъ оказано ревностное содѣйствіе въ кругу домашняго воспитанія.

«Не менѣ важна для истинныхъ польвъ государства въ его совокупности, и въ частности для каждаго изъ Моихъ подданныхъ, полная неприкосновенность права собственности во всѣхъ его видахъ, опредѣленныхъ общими законами и Положеніями 19 Февраля 1861 года. Независимо отъ законности сего права, одного изъ самыхъ коренныхъ основаній всѣхъ благоустроенныхъ гражданскихъ обществъ, оно состоитъ въ неразрывной связи съ развитіемъ частнаго и народнаго богатства, тѣсно между собою соединенныхъ. Возбуждать сомнѣнія въ семъ отношеніи могутъ одни только враги общественнаго порядка.

«Къ утверженію и охраненію сихъ началъ должны стремиться всѣ лица, облеченныя правами и несущія обязанности государственной службы. Въ правильномъ государственномъ строѣ первый долгъ всѣхъ призванныхъ на служеніе Мнѣ и Отечеству состоитъ въ точномъ и дѣятельномъ исполненіи своихъ обязанностей, безъ всякаго отъ видовъ Правительства уклоненія. Превышеніе и бездѣйствіе власти одинаково вредны. Однимъ лишь неуклоннымъ исполненіемъ сихъ обязанностей можетъ быть обезпечено то единство въ дѣйствіяхъ Правительства, которое необходимо для осуществленія его видовъ и достиженія его цѣлей.

«Мнѣ извѣстно, что нѣкоторыя изъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, принимали участіе въ разглашеніи превратныхъ слуховъ или сужденій о дѣйствіяхъ или намѣреніяхъ Правительства, и даже въ распространеніи тѣхъ противныхъ общественному порядку ученій, которыхъ развитіе допускаемо быть не должно. Самое званіе служащихъ даетъ въ такихъ случаяхъ болѣе вѣса ихъ словамъ и тѣмъ самымъ способствуетъ къ искаженію видовъ Правительства. Подобные безпорядки не могутъ быть терпимы. Всѣ начальствующіе должны наблюдать за дѣйствіями своихъ подчиненныхъ и требовать отъ нихъ того прямаго, точнаго и неуклоннаго исполненія предудказанныхъ имъ обязанностей, безъ котораго невозможно стройный ходъ управленія и которымъ они сами должны подавать примѣръ уваженія къ власти.

«Наконецъ для рѣшительнаго успѣха мѣръ, принимаемыхъ противъ пагубныхъ ученій, которыя развились въ общественной средѣ и стремятся поколебать въ ней самыя коренныя основы вѣры, нравственности и общественнаго порядка, всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ правительственныхъ частей надлежитъ имѣть

въ виду содѣйствіе тѣхъ другихъ, здравыхъ, охранительныхъ и добронадежныхъ силъ, которыми Россія всегда была обильна и доселѣ, благодаря Бога, преизобилуетъ. Эти силы заключаются во всѣхъ сословіяхъ, которымъ дороги права собственности, права обеспеченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнія, права общественныя на законѣ основанныя и закономъ опредѣленныя, начала общественнаго порядка и общественной безопасности, начала государственнаго единства и прочнаго благоустройства, начала нравственности и священныя истины вѣры. Надлежитъ пользоваться этими силами и сохранять въ виду ихъ важныя свойства при назначеніи должностныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управления. Такимъ образомъ обезпечится отъ злонамѣренныхъ нареканій, во всѣхъ слояхъ народа, надлежащее довѣріе къ правительственнымъ властямъ. Въ этихъ видахъ, согласно всегдашнимъ Моимъ желаніямъ, и неоднократно выраженной Мною волѣ, надлежитъ по всѣмъ частямъ управления оказывать полное вниманіе охраненію правъ собственности и ходатайствамъ, относящимся до пользы и нужды разныхъ мѣстностей и разныхъ частей населенія. Надлежитъ прекратить повторяющіяся попытки къ возбужденію вражды между разными сословіями, и въ особенности къ возбужденію вражды противъ дворянства и вообще противъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ враги общественнаго порядка естественно усматриваютъ своихъ прямыхъ противниковъ. Твердое и неуклонное соблюденіе этихъ общихъ началъ положить предѣлъ тѣмъ преступнымъ стремленіямъ, которыя нынѣ съ достаточною ясностію обнаружилась и должны подлежать справедливой карѣ закона. Поручаю вамъ сообщить настоящій рескриптъ Мой, для надлежащаго руководства, всѣмъ Министрамъ и Главноначальствующимъ отдѣльными частями.

«Пребываю и пр.

Александръ».

Въ Царскомъ-Селѣ 13/25 мая 1866 г.

..Итакъ, вотъ оно, послѣднее эхо на выстрѣлы!

Страхъ передъ чѣмъ-то неопредѣленнымъ, благочестивыя, но не новыя размышленія, дурной слогъ, безыменные намеки, заученный урокъ, и нравственный soup d'état...

Мы рѣшилисъ цѣликомъ перепечатать эту тяжело думанную и тяжело написанную диссертацию ¹⁾, потому что видимъ въ ней своего

¹⁾ По всей вѣроятности, письмо это писалъ «самъ къ себѣ» Гагаринъ. Все это—продолженіе системы, начатой съ извѣстнаго пожара въ Петер-

рода исторической, пограничный столбъ, дурно сдѣланный, дурно окрашенный, неуклюжій межевой знакъ, но, все же, знакъ.

Будь это риторическое упражненіе о развращеніи умовъ и сердець, о лжеученіяхъ и теоріи собственности писано не только Деляновымъ, туда же пустившимся въ красноречіе, но и самимъ Толстымъ, министромъ *духовныхъ дѣлъ*, мы не обратили бы на него ни малѣйшаго вниманія,—такія ли чудеса мы читали въ журналахъ, старшихъ поперекъ дороги русскаго развитія. Но высочайшая діа-триба, брошенная съ той высоты, на которой стоитъ тронъ,—совсѣмъ другое дѣло. Какъ бы она ни была лишена собственнаго вѣса, она должна долетѣть до нашихъ низменныхъ полей пушечнымъ ядромъ и что-нибудь разбить или разбиться.

Внимательно разсматривая эту царскую грамоту, напоминающую намъ въ своемъ свѣтскомъ любомудріи духовную иконопись, которой изукрасилъ митрополитъ Филаретъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, насъ прежде всего поражаютъ *три вещи*.

Во-первыхъ, изъ нея выходитъ ясно, какъ день, что заговора, примыкающаго къ выстрѣлу 4/16 апрѣля (какъ мы говорили и повторяли), *не было,—до той поры не было*, что его не могли натянуть, несмотря ни на потемки, въ которыхъ дѣлалось слѣдствіе, ни на выборъ слѣдопроизводителя, ни на средства, употребленныя имъ. Заговоръ и поляки, участіе нигилистовъ и всемірной революціи,—все это—интрига, ложь, клевета. Ее вложить въ уста государя даже они не осмѣлились. Осталось выѣхать на *нравственною соучастіи*, т.-е. на безнравственной *complicité morale*¹⁾, перехватывая дружескія и семейныя переписки, помѣченныя для себя мысли, запутать ими все мыслящее въ молодомъ поколѣніи, все проснувшееся къ умственной жизни смертью Николая и вздохнувшее свободно послѣ нея. О какихъ виноватыхъ говорить письмо, понять невозможно. По дѣлу Каракозова могли быть виноватыми одни *сопричастные ему*, а не всѣ люди, думающіе, что русское правленіе не есть идеалъ всѣхъ правленій, и разсуждающіе о правѣ собственности. Прудонъ очень много писалъ о собственности, но никогда не былъ обвиняемъ ни въ какомъ атентатѣ. Это младенческое неразвитіе самыхъ первоначальныхъ юридическихъ понятій какъ-то грустно поражаетъ... Тѣмъ не меньше *отрицательное* признаніе, что заговора нѣтъ, мы

бургъ,—системы интимизаціи государя. Его увѣряютъ и стращаютъ; онъ увѣряется, стращается и подписываетъ, какъ будущій конституціонный императоръ, не зная, что *il régne, mais ne gouverne pas*²⁾. А. И. Г.

¹⁾ Моральное соучастіе.

²⁾ Онъ царствуетъ, но не управляетъ.

отмѣчаемъ, какъ первую и великую побѣду правды надъ интригой мелкаго петербургско-московскаго ржонда.

Одинъ противникъ указанъ и признанъ, безъ имени, живою силой и мощью, соперникомъ, съ которымъ надобно считаться, который растеть и будетъ расти, если его не задушить теперь, словомъ, признанъ и объявленъ государемъ за *беллигерантную* ¹⁾ *сторону*. Кто этотъ противникъ съ опущеннымъ забраломъ? Вѣрно, либеральное дворянство, такъ упорно и самостоятельно стремившееся ограничить самодержавіе, оппозиціонное, петиціонное?... О немъ ни слова.... Гигантъ въ колыбели, котораго правительство боится, въ которомъ чуетъ будущаго наслѣдника, это—*соціалныя ученія*, это—идеи нѣсколькихъ ничтожныхъ литераторовъ, молодыхъ людей, нигилистовъ и насъ, грѣшныхъ. Характеръ того движенія, которое стремится къ разложенію старыхъ формъ русской жизни, мѣшающихъ сложиться вырастающимъ силамъ ея, инстинктивно сознанъ *соціальнымъ* ²⁾.. и потому правительство становится за вѣчный утесъ консерватизма и реакціи,—за поземельную собственность; ее оно хочеть защищать, ею оно хочеть защищаться... на помощь ей зоветъ катехизисъ, домашнее воспитаніе, соглядатайство начальниковъ и всѣ свои силы, т.-е. всѣ свои полиціи.

Эту царскую инвеституру мы принимаемъ за *вторую побѣду*.

Третья побѣда—«не намъ, не намъ», но и не *народу русскому*. Кстати къ народу; одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ фактовъ письма къ Гагарину, это—полнѣйшее отсутствіе *народа*, которому такъ недавно льстили.... ни одного ласковаго слова, ни одного привѣтствія, ни даже спасибо за спасеніе жизни! Пейзаны надоѣли. Комиссарова лишили правъ состоянія, зачислили по дворянству—и довольно съ нихъ. Третья побѣда—прежнему старому царскому другу дѣтства, *полтыществу* ³⁾. Его, какъ слабаго цыпленка, дву-

1) Belligérant—ведущій войну.

2) Само собою разумѣется, что ни одно серьезное соціальное ученіе никогда не нападало на право собственности съ точки зрѣнія грабежа. Читатели наши видѣли недавно изложеніе Прудоновой новой теоріи ⁶⁾. Критика собственности грабежомъ дѣлается только имперскими социалистами въ Западныхъ губерніяхъ. Однимъ изъ главъ этого ученія самъ П. П. Гагаринъ. Мы знаемъ его мнѣніе при обсуживаніи въ государственномъ совѣтѣ милютинской инструкціи. Ультра-соціалныя и нивеляторскія тенденціи князя (хотѣвшаго въ 1849 арестовать Милютину по дѣлу Петрашевскаго) тѣмъ больше удивили, что князь былъ одинъ изъ яростнѣйшихъ крѣпостниковъ, когда дѣло шло о земельномъ надѣлѣ русскихъ крестьянъ. А. И. Г.

6) Въ статьяхъ Л. Мечникова въ №№ 218, 219 и 221.

4) Дворянство такъ это и поняло; «Вѣсть» (№ 38) въ своихъ комментаріяхъ къ эпистолѣ прямо говоритъ, что «не понимаетъ, какъ послѣ рес-

главный орелъ беретъ подѣ оба крыла за него, вѣчнаго недоросля, правительство, какъ мамка Митрофанушки, готова выцарапать глаза каждому. Письмо *кладетъ предѣль* всякому гласному обсуживанію великаго процесса помѣщиковъ съ крестьянами.

Вотъ все.

Затѣмъ государь сообщаетъ сквозь Гагарина народу, что онъ хочетъ вести Россію *друшмъ* путемъ. *Какимъ?* Этого, кажется, онъ и самъ еще порядкомъ не сообразилъ, но ясно, что *дурнымъ*. Изъ всего письма видно раздраженіе, желаніе управлять круче, подтянуть поводья короче, тѣснить больше, давить крѣпче.... Съ этой цѣлью державный корреспондентъ князя Гагарина предлагаетъ сдѣлать изъ всѣхъ начальниковъ соглядатаевъ для своихъ подвластныхъ, а потомъ *предписать* имъ «имѣть въ виду содѣйствіе *тѣхъ друшмъ*, здравыхъ, охранительныхъ и добронадежныхъ силъ, которыми Россія обильна».

Тутъ, мы признаемся, ничего не понимаемъ; это въ родѣ того, что поется въ сибирской пѣснѣ: «разговоръ мой дорогой разговаривалъ со мной». Тутъ явнымъ образомъ Гагаринъ за Гагарина зашелъ.

Къ этой-то *энергической и удобоисполняемой* мѣрѣ ничего не прибавлено, кромѣ увѣренности, что «соблюденіемъ этихъ общихъ началъ положится предѣль» всему злу, и все пойдетъ, какъ по маслу.

...Мы воображаемъ себѣ, какъ государь, проскучавъ это длинное посланіе Гагарина къ Гагарину, оберть потъ съ державнаго лица и, бросая перо, которымъ подписывался, сказалъ: «Ну, слава богу, спасъ тронъ, алтарь, дворянство, собственность, нравственность, порядокъ.... Правда, тяжелыми періодами надобно спасать всѣ эти хорошія вещи, ну, да разъ въ жизни, куда ни шло... Зато дѣло сдѣлано!».

Теперь, Павелъ Павловичъ, извольте-ка всѣмъ начальникамъ, не исключая ни горныхъ, ни соляныхъ, ни медицинскихъ, ни морскихъ, вмѣнить въ строжайшую обязанность вызывать *тѣ друшмъ и благодѣтельные силы*.

Государь отдохнетъ.

И дворянство, съ 1860 года дрожавшее отъ страха и гнѣва, также отдохнетъ... Не нужно ни тратиться на «Вѣсть», ни Сазис-

крипта оставаться на государственной службѣ людямъ, которые не могутъ не сознаться въ своей враждѣ къ *дворянству*. Поздравляемъ служащихъ,—они не только на службѣ государства, народа, но и *дворянства*, такъ, какъ ихъ дворян, людская, кучера, прачки... А. И. Г.

кову ¹⁾ заказывать золотую песочницу временно-задержаннымъ «Моск. Вѣдомостямъ», ни дѣлать видъ, что коли такъ, такъ такъ, а не такъ, такъ давай конституцію,—хотимъ, молъ, учреждений... à Française ²⁾...

Спите, братцы, почивайте!...

А вы, бѣдные сосланные, въ неволѣ заключенные, уцѣлѣвшіе въ цѣпяхъ, работающіе въ рудникахъ, гонимые друзья, мужайтесь. Мы дожили съ вами до великаго времени. Недаромъ вы страдаете, недаромъ и мы работали цѣлую жизнь. *Это—заря страдаюа дня, но дня, который мы ожидали.*

...Когда императоръ Траянъ посылалъ Плинія на слѣдствіе о лжеученіи назареевъ; когда сенатъ римскій задумывался надъ распространеніемъ нелѣпой и безнравственной секты казненнаго іудея, а Тертуліанъ защищалъ ее отъ гнусныхъ обвиненій въ *убійствахъ*; когда еще прежде Неронъ сваливалъ на нихъ, какъ на *поджигателей*, вину извѣстнаго пожара, а другіе цезари травили ихъ *ласно и всенародно* наивными Муравьевыми изъ звѣринца,—дѣло христіанства было выиграно.

И мы послѣднимъ писаніемъ кесаря шагнули впередъ. Намъ дарованъ за царской скрѣпой патентъ, мы не забудемъ 13/25 мая 1866 года.

Это—начало борьбы... это—начало войны.

Конца ея мы не увидимъ... врядъ увидятъ ли младшіе изъ юныхъ. Туго развивается исторія, упорно защищается отходящее, медленно, смутно нарождается водворяемое... но самый процессъ, самая драма исторической беременности полна поэзіи. Всякому поколѣнію свое; мы не ропщемъ на нашъ пай: мы дожили не только до красной полосы на Востокъ, но и до того, что враги наши ее видятъ. Чего же больше ждуть отъ жизни, особенно, когда чело-вѣкъ, положи руку на грудь, съ чистой совѣстью можетъ сказать: и я участвовалъ въ этой гигантской борьбѣ, и я внесъ въ нее свою лепту...

...А вы, Павелъ Павловичъ, пишите еще письмо къ себѣ, какой-нибудь комментарий къ царскосельскому посланію или, какъ Плинію jun., пишите самому цезарю о низложеніи новыхъ назареевъ, о ихъ ничтожности, о вашемъ къ нимъ презрѣніи... только пишите! ¹

◆◆ 1. Въ № 50 «Вѣсти» Скарятинъ писалъ:

«...Здѣсь въ Женевѣ, я опять встрѣтился съ нашимъ неиспра-

¹⁾ Серебряныхъ дѣлъ мастеръ, дѣлавшій чернильницу для Каткова.

²⁾ По-англійски.

вимымъ соціалистомъ «Колоколѣмъ». Не унываетъ, хотя сильно истощалъ и поблѣднѣлъ бѣдняжка! Признаюсь, не безъ любопытства прочиталъ я нумера, вышедшіе послѣ рескрипта 13 мая. Вотъ думалъ я, обширное поприще для изліянія желчи... И что же? Все блѣдно, приторно, даже остроты какія-то, съ трудомъ высиженные... Въ припадкѣ какого-то умопомѣшательства «Колоколь» сравниваетъ гоненія на соціализмъ съ гоненіями на христіанство и видитъ въ этомъ зарю торжества соціализма... Не могу также не упомянуть о черной неблагодарности «Колокола» къ своимъ друзьямъ соціалистамъ, состоящимъ на государственной службѣ въ Россіи. Что такіе соціалисты есть, это засвидѣтельствовано рескриптомъ 13 мая. «Колоколь» отзывается о нихъ съ презрѣніемъ, называя ихъ (№ 222) «имперскими соціалистами». Напрасно! Это—единственные практическіе дѣятели соціализма.

2826. Прозерпина Муравьевъ.

Какіе-то шалуны напечатали въ познанскихъ газетахъ о похищеніи Муравьева, съ разными забавными подробностями, какъ его бросили въ Неву и пр. ¹⁾

Можно думать, что это онъ самъ посылалъ такіа пошляя утки по міру для того, чтобы, все-таки, доказать, что заговоръ существовалъ, и какой еще: въ которомъ участвовали кареты и лошади, царскія ливреи и императорскія рѣки.

Зачѣмъ это выдумываютъ такіа исторіи, отъ которыхъ *l'eau vient à la bouche...* ²⁾ не Прозерпинѣ-отъ-инфантеріи, а читателю.

2827. Фальшивые монетчики изъ дворянъ.

Читатели наши помнятъ дѣло о фальшивыхъ ассигнаціяхъ въ Харьковской губерніи, въ дѣланіи которыхъ участвовали предводители, помѣщики и пр. Послѣ полного замиренія *исполнительной власти* съ благороднымъ дворянствомъ слѣдопроизводителямъ предписано *вести слѣдствие такъ, чтобы дворянъ какъ можно больше выгородить*. Къ фальшивымъ бумажкамъ прибавятся фальшивыя бумаги. По плодамъ можно судить о пользѣ новаго союза!

¹⁾ Прозерпина—богиня римлянъ, похищенная Плутономъ, была найдена своей матерью.

²⁾ Слюнки начинаютъ течь.

2828. Счетъ «Кельнской Газеты».

«Кельнская Газета» отъ 4 іюня сообщила, что по дѣлу Каракозова въ Петербургѣ арестовано 139 человекъ, въ Москвѣ 98. Изъ нихъ подъ слѣдствіемъ умерло 2 въ Москвѣ, а 9 въ Петербургѣ.

2829. Изъ Петербурга.

Мы получили вчера новую корреспонденцію изъ Петербурга, отъ другого лица. Подтверждая все напечатанное нами въ прошломъ листѣ, корреспондентъ пишетъ, что онъ сомнѣвается въ томъ, что медицинскую *помощь* Каракозову подавалъ Здекауеръ, и называетъ другое имя, знакомое намъ ¹⁾. Мы, не печатая до новаго подтвержденія второго имени, считаемъ обязанностью передать сомнѣнія корреспондента нашимъ читателямъ.

Муравьевъ почти совсѣмъ отстранилъ отъ слѣдствія комиссію и работаетъ одинъ съ прежнимъ своимъ соглядатаемъ—виленскимъ жандармскимъ полковникомъ. Члены комиссіи это допускаютъ. И Муравьевъ съ своимъ жандармомъ составляютъ *двоемъ* показанія и рапорты! Дѣло идетъ медленно, люди сидятъ по пяти недѣль недопрошенные (*т.-е. такъ, какъ въ Польшѣ было споконъ вѣка*). Члены комиссіи осмѣлились представить Муравьеву, что «слѣдовало бы ихъ допросить; можетъ, де, есть и непричастные къ дѣлу». На это онъ отвѣчалъ: «ничего, пускай посидятъ». Тутъ нечего пояснять, прибавлять!..

Министръ Толстой вводитъ *тѣлесныя* наказанія въ гимназіяхъ до II класса, а въ полпивной «Германія» тѣлесно наказали Трепова, куда варшавскій Гарунъ-аль-Рашидъ явился собственнoглазно наблюдать за порядкомъ.

2830. Отъ издателей.

Рескриптъ 13 мая послужитъ страшнымъ орудіемъ преслѣдованія книгопечатанія; онъ измѣнитъ, и измѣнитъ къ худшему, безъ того незавидное положеніе нашей прессы. Пусть же литераторы и журналисты вспомнятъ, что, сверхъ нашей русской типографіи въ Женевѣ, есть нѣсколько въ Германіи; наконецъ, что въ Европѣ очень

¹⁾ С. П. Боткинъ.

легко и очень недорого можно достать шрифтъ и печатать въ любой типографіи. Печать и жизнь за границей дешевле. Мы, съ своей стороны, предлагаемъ всѣ наши средства и услуги. Особенно важныя и небольшого объема брошюры или статьи мы готовы печатать на свой счетъ при «Колоколѣ» или особо.

Необходимо показать, что при всей нецеремонности средствъ реакціи она, въ сущности, несостоятельна противъ движенія умовъ.

Всего лучше было бы основать большое «revue»; рано или поздно необходимость доведетъ же до періодическаго изданія за границей.

Особенно просимъ обратить вниманіе на эти строки. ¹

◆◆ 1. Письмо лейпцигскаго издателя и книгопродавца Эразма Луки Каспровича (E. Kasproicz) шефу жандармовъ отъ 1 мая 1866 г: «Ваше Сіятельство, Милостивейшій Графъ! Пожалованіе Ваше, В. С., М. Графъ, Начальникомъ, Главою М-го Отдѣленія Канцеляріи Его Величества Императора Александра II-го осмеляетъ меня до поздравленія В. С. съ этимъ высокимъ чиномъ. Пользуются этимъ случаемъ, зная добродѣтели В. С., имѣю дерзость записать коротко мое несчастное положеніе, съ надѣждою, что В. С. покажется для меня милосердымъ! Урожденный ись галицкой Руси, я былъ черезъ 18 лѣтъ помощникомъ книгопродавцевъ, а одинъ годъ тому назадъ устроилъ книжную лавку въ Лейпцигѣ саксонскомъ, для всѣхъ Славянъ, надѣясь что они меня поддерживать будутъ, а особенно Русскіе. Но надежда осталась надеждою. Никто изъ Русскихъ не помогъ. Поляки не зазнали. Нѣмцы не употребляли—и такимъ образомъ не могъ я остаться долже. Въ сію минуту надо меня уплатить наличными дѣньгами больше 1000 руб. сер., а на это у меня и копѣйки нѣтъ! Если не уплачу этой суммы, надо обаркрутировать. В. С. знаетъ, что славянская книжная лавка въ Лейпцигѣ, большую пользу принесетъ сосредочуютъ всихъ Славянъ, такъ Русскихъ, какъ и Поляковъ, Чеховъ, Сербовъ, у меня, и что банкротство такой лавки не трудно былобъ отвратить, уплачивая за нею 1000 руб. сер., и поддерживая ея помощію славянскихъ патріотовъ. Кромѣ того, милосердіе В. С. надѣясь, можетъ быть, не позволить несчастія молодого супруга и отца, который какъ честный человѣкъ, никогда такого паденія не перенесетъ! Здѣсь никто не хочетъ ссудить на мою лавку 1000 руб. сер., а въ Россіи знакомыхъ нѣтъ. Еслибъ В. С. милостивей, пріямю или посредствомъ, эту сумму въ этомъ мѣсяцѣ ссудить—В. С. спаситъ меня отъ моральной смерти! Обѣщаю заимъ 1000 руб. сер. отдать черезъ нѣсколько лѣтъ съ процѣнтомъ, кому надо—наличными дѣньгами

или книгами; поруку будетъ мой магазинъ. За эту помощь, ставляю В. С. себя самого къ услугамъ сдѣсь въ Лейпцигу, или куда нибудь по желаніи, если В. С. услугъ моихъ пожелаетъ, по тому буду состоять моими средствами. Мое образованіе, знакомство литературное, языка русскаго, польскаго, французскаго, нѣмецкаго—и всѣхъ славянскихъ по части—мои знакомства за границею все на услуги Особѣ В. С. Благодарность моя никогда не окончится, если В. С. мое семейство изъ этаго несчастья избавить соизволитъ! Умоляя В. С. помощи, и прося утаенія моего несчастья передъ публикою, кончу мое письмо не искусное, ибо я самъ изучился русскаго языка, съ надеждою, что В. С. дерзость мою извинитъ и какимъ то образомъ, будетъ для меня помощю. Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію, В. С. М. Государя самымъ покорнѣйшимъ слугою». Оставлено безъ послѣдствій (Архивъ III Отд. с. е. и. в. канц. 3 эксп. 1866 г., дѣло № 42).

2831. Письмо къ неизвѣстному.

23 іюня 1866.

Lausanne, Hôtel Faucon.

Я никогда не могъ думать, что ваше посѣщеніе ко мнѣ принесетъ мнѣ горе, а не радость а вотъ судьба такъ и устроила. Получивши отъ Тхоржевскаго письмо, въ которомъ сказано, что вы были съ вашей супругой у насъ въ четвергъ, мнѣ было вдвойнѣ досадно: 1-я, что васъ не видалъ, и 2-е, что не далъ знать.

Англичанка, живущая у Огарева ¹⁾, очень больна и хочетъ ѣхать въ Лондонъ; надобно было устроить ей путь и проститься,—мы и поѣхали всѣ втроемъ.

За это просимъ позволенія тотчасъ послѣ возвращенія пріѣхать къ вамъ. Кланяйтесь вашей супругѣ отъ меня и отъ Таты.

Искренно преданный вамъ.

Ал. Герценъ.

2832. Письмо къ С. Тхоржевскому

23 іюня 1866.

Lausanne, H-le Faucon.

Любезнѣйшій панъ, мы рѣшили вотъ какъ и просимъ васъ дать тотчасъ отвѣтъ черезъ Чернецкаго или Жюля. Жюль про-

¹⁾ М-с Турнеръ.

водитъ miss Turner до парохода (по той дорогѣ, по которой Чернецкіе ѣхали изъ Лондона). Ему платится:

1-е, взадъ и впередъ цѣна за III мѣсто; предполагая два дня туда и два назадъ, по 5 фр. въ день—20 фр. Если онъ предпочитаетъ ѣхать на деньги, остающіяся отъ привоза въ Лондонъ,—это его дѣло. Но, главное, онъ долженъ быть здѣсь въ понедѣльникъ, между 10 и 11 часами (пароходъ отходитъ изъ Женевы въ 7). Я ему совѣтую принять.

Далѣе, скажите Цверцякѣвичу, что Саша пишетъ, что компанія «Корреспонденціи» надула многихъ, и никто не можетъ ничего добиться. Знакомый Цверц. библіотекаръ парламента—все еще тутъ и занимаетъ то же мѣсто; онъ можетъ ему писать въ библіотеку парламента.

Жемчужниковъ просить изъ Флоренціи: 1-ое, чтобъ Мечниковъ прислалъ ему poste restante Florence стереоскопъ его жены, 2-ое, просить васъ заказать простой дорожный ящикъ для карбина; деньги онъ отдастъ Сашѣ.

Сегодня, въ $\frac{1}{2}$ восьмого утра былъ сильный обморокъ у Огар. при мнѣ; я его поддержалъ, но не могъ не положить на полъ. Долго потомъ былъ тяжелый сонъ и забытье. По крайней мѣрѣ, онъ теперь свободенъ... Онъ рѣшительно одинъ не можетъ и не долженъ жить.

Зачѣмъ же вы, достолюбезнѣйшій панъ, не сказали Стеллѣ? Прилагаю письмецо Ченсновичу ¹⁾; положите его въ пакетъ и отошлите по почтѣ—я не знаю адреса.

Весь вашъ

А. Герценъ.

Еще разъ прошу васъ, не дѣлайте ничего (о томъ же прошу и Стеялу) по космоэтическому дѣлу ²⁾). На первую минуту это сердитъ, но потомъ смѣшно.

Въ газетахъ ничего нѣтъ. Гуляемъ много; здѣсь очень хорошо; врядъ прійду ли я до 1 іюля. Саша пишетъ, что черезъ мѣсяцъ будетъ въ Женеву. Деньги, 800 фр., пришли, несмотря на то, что Тата поставила 35 № вмѣсто 45.

Вотъ и все. Вашу руку, панъ, и прощайте.

Ал. Герценъ.

¹⁾ Польскій эмигрантъ, бывшій полковникъ польскихъ войскъ; впоследствии издатель газеты «Lud Polski» (1871 г.), еще позже былъ подозрѣваемъ, какъ агентъ русскаго правительства.

²⁾ Коробовскій бредъ, см. въ № 2787.

Письмо отправляется въ 11 или въ 12 часовъ.

Отправили ли пару къ князю ¹⁾ и что его ссора съ Чернецкимъ и пулковникомъ ²⁾?

NB Нат. Ал. просить, чтобъ Жюль привезъ адресъ *Анны лондонской*.

2833. Письмо къ сыну.

25 июня 1866.

H-I Faucou.

Мнѣ было 27 лѣтъ тому назадъ 27 лѣтъ, а теперь тебѣ 27 лѣтъ. Мы съ Татой празднуемъ отъѣздомъ: утромъ Чернецъ и Черкій въ Женеву, въ два часа ѣдетъ изможденная, едва живая miss Turner, и ее провожаетъ съ размягченнымъ мозгомъ и такими же ногами Жюль.

Огар. уѣхалъ вчера вечеромъ, я остался до 1 іюля.

Прошу тебя написать къ Генриху Гржимала-Любинскому, что я его письмо (второе, въ которомъ опять огромныя похвалы тебѣ) получилъ и прошу его простить меня, но я далъ себѣ слово во время войны ни въ какомъ случаѣ не утруждать Гарибальди письмами. Адресъ Гржималы: 21, Via Panzani.

Не забудь.

Если дѣло венеційское пойдетъ такъ, какъ Мальвида его ведетъ, а Пульскій прималчивается, то я, въ самомъ дѣлѣ, не прочь дернуть на мѣсяцъ туда, но тогда это будетъ несравненно скорѣе, т.-е. въ концѣ іюля. Мнѣ всего лучше бы было съѣздить одному и съ тобой воротиться сюда, т.-е. въ Женеву, а потомъ можно ѣхать съ Татой во Флоренцію въ сентябрѣ. Обдумай всѣ шансы, не забывай и денегъ, да и напиши твое предложеніе.

Ты пишешь насчетъ твоего маленькаго ³⁾. Да, трудно что-нибудь придумать. Я говор. съ Natalie; она во-первыхъ, религіозно вѣритъ, что ты еѣ такъ-таки и ненавидишь, а, во-вторыхъ, что ты ей ребенка не поручишь. Подумай и объ этомъ; если хочешь, напиши ей записочку или ко мнѣ въ письмѣ, или прежде напиши мнѣ одному.

Съ Татой ѣхать въ Венецію и съ Ольгой Мейз. на первой случай, вѣроятно, будетъ трудно. Обдумай хорошо.

¹⁾ П. В. Долгоруковъ.

²⁾ Ченсновичъ.

³⁾ Тутць.

Карикатура, тобой присланная, недурна. Напиши подробную записку о дѣлѣ Vieusseux ¹⁾

Прощай.

Разчитай дни; если можно пиши сюда—*Hôtel Faucon*.

2834. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

25 juin 1866.

Lausanne, H-l Faucon.

Aujourd'hui il y a une étrange rencontre du chiffre 27—est ce que c'est un bon chiffre ou non? Tchorz. n'étant pas présent je n'ai pas mon astrologue.

Badate bene. Jo sono nato à 1812.

Alex. — 1839.

Or j'avais 27 ans à 1839.

précisément l'âge d'Alex.— en 1866. Cela n'arrive pas souvent dans la vie de deux individus.

Je tâcherai de vous envoyer vers le 10 juillet 1,000 frs. pour vous donner encore l'occasion de les recevoir avec une prime.

Eh bien vous voilà bien Emanuélisée — à 3 h. du matin, in einem Schiff,— pourtant le manifeste de S. M. prussienne est le chef d'oeuvre du moyen âge brandenbourgisé. Au moins l'Autrichien raisonne et floue — mais cela c'est toujours. «Wir müssen nicht nur Soldaten sein, sondern Soldaten sind». — Ici finit la partie politique de l'épître. Ceux qui sont vieux — ne sont pas toujours capables d'être Vieusseux.—Mais la proposition n'est pas impossible—(La première, c'est à dire d'acheter le Forum Romanum et y établir «La Cloche» était aussi bonne). Faites faire par Alex. une enquête, sans plaisanterie. Il faut avoir un homme d'affaire pour connaître les détails. Je donnerai la firme, Alex. pourrait rafermir la firme par le travail— mais il faut un collègue ma dove? Il y a déjà 3 ans que je répète — que je voudrais donner à la King Lear—pour Alex. son capital—c'est à dire *sa quête part.* Pensez, pensons, qu'il pense.

Oui—inconstante Florentine—allons nous vénétiér — I have nothing against. Mais commençons par la prendre.

Olga—est ce qu'elle s'est enrôlée en qualité de Figlia del Regimento. Ne veut-elle pas entreprendre avec Lise—la gérance du cabinet Vieusseux? La pauvre miss Turner part aujourd'hui—très malade sans espérances et avec Jules qui l'accompagne.

¹⁾ Eugène, книгопродавецъ во Флоренци.

Gehen sie doch nach Pisa—es heisst dorthin weiter als Pisa—wo man Massa und Carrera sieht für 6 Wochen, wenn es nötig ist.

Переводъ.

25 іюня 1866.

Сегодня странное сочетаніе числа 27. Хорошее или дурное это число? Такъ какъ нѣтъ налицо Тхорж., то я лишень своего астролога. Прошу вниманія. Я родился въ 1812.

Алекс. — 1839

Значить, мнѣ было 27 лѣтъ въ 1839 г.,—

Какъ разъ возрастъ Алекс. въ 1866 г. Это не часто случается въ жизни двухъ индивидуумовъ.

Около 10 іюля постараюсь опять послать вамъ 1000 фр., чтобы дать вамъ еще разъ возможность получить ихъ до срока.

Итакъ, вы порядкомъ Эммануилизованы—въ 3 часа утра на кораблѣ. Однако, манифестъ его прусскаго величества есть шедевръ бранденбургизованныхъ среднихъ вѣковъ. Австріецъ, тотъ, по крайней мѣрѣ, разсуждаетъ и надуваетъ, но это всегда такъ.

Мы не только должны быть солдатами, но мы есьмы солдаты.

На этомъ заканчивается политическая часть моего посланія.

Не всѣ старики всегда могутъ быть Vieusseux ¹⁾, но предложеніе не невозможно. (Первое, т.-е. предложеніе приобрѣсти Forum Romanum ²⁾ и оборудовать тамъ «Колоколь», тоже было не дурно). Кромѣ шутокъ, заставьте Александра, чтобы онъ устроилъ анкету. Намъ нуженъ дѣловой человекъ, чтобы знать всѣ подробности. Я дамъ фирму, а Алекс. трудомъ своимъ будетъ въ состояніи поставить ее на солидную ногу, но нуженъ компаніонъ—*ma dove?* ³⁾

Уже три года я все повторяю, что я желалъ бы, подобно королю Лиру, выдѣлить Алекс. его капиталъ, т.-е. причитающуюся ему долю. Думайте, подумаемъ, пусть онъ думаетъ!

Да, непостоянная флорентинка, давайте венецианизировать-я. У have nothing against. Но надо начать съ захвата ея.

Развѣ Ольга записалась въ «дочери полка»? Не желаетъ ли она вмѣстѣ съ Лизою взять на себя завѣдываніе кабинетомъ Vieusseux?

Бѣдная миссъ Турнеръ, безнадежно больная, уѣзжаетъ сегодня въ сопровожденіи Жюля.

Поѣзжайте-ка въ Пизу, т.-е. туда, дальше Пизы, гдѣ видны Масса и Каррера—поѣзжайте на 6 недѣль, если нужно.

¹⁾ Игра словъ: «Vieux»—старый, «Vieusseux»—фамилія книгопродавца.

²⁾ Въ древнемъ Римѣ площадь, гдѣ была сосредочена государственная жизнь.

³⁾ Но откуда?

Библиографическій комментарий.

(Сокращенія: Наталія Александровна Захарьина, потомъ Герценъ—Н. А—на; «Сочиненія А. И. Герцена», Женева, 1875—1879 гг.—Жен. изд.; «Собраніе сочиненій А. И. Герцена», СПб., 1906 г.—Спб. изд.; сборникъ «Колоколь», избранныя статьи А. И. Герцена, составл. Л. Тихомировымъ—Тих.; Румянцовскій музей въ Москвѣ—Рум. муз.; архивъ семьи Герцена—АСГ.; Пушкинскій домъ при Академіи наукъ—Пушк. д.; «Колоколь»—«Кол.»; «Полярная Звѣзда»—«П. З.»).

2530. Напечатано въ 193 л. «Кол.» (1 янв. 1865 г.) съ подписью «А. Герценъ, Н. Огаревъ», у Тих. и по-французски въ № 54 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2531. Напечатано въ 193 л. «Кол.» съ подписью «А. Герценъ»; подлинникъ не найденъ. Примѣчаніе сдѣлано при передачѣ сенатскаго опредѣленія къ словамъ: «При арестованіи Ветошника между прочими письмами оказалось у него письмо изгнанника и пропагандиста Герцена къ Серно-Соловьевичу, въ коемъ онъ убѣждаетъ распространять пропаганду въ Россіи, и въ концѣ письма приписка: «Мы здѣсь или въ Женевѣ намѣрены съ Чернышевскимъ издавать «Современникъ».—Разумѣется, ничего подобнаго Герценъ не писалъ. Кстати замѣчу, что все опредѣленіе сената напечатано въ «Кол.» съ очень неисправной копіи.

2532. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2533. Напечатано неполно и неисправно въ VI кн. «Вѣст. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2534. Тоже.

2535. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся у Б. В. Сукачева, мужа дочери В. А. Высоцкой, М. В. Высоцкой. Надпись сдѣлана на книгѣ Louis Figuer «La terre et les mers», Paris, 1864, подаренной Герценомъ воспитывавшейся тогда въ Женевѣ дочери декабриста.

2536. Напечатано вполнину и неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2537. Тоже.

2538. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2539. Напечатано вполнину и неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2540. Тоже.

2541. Тоже.

2542. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2543. Тоже.

2544. Тоже.

2545. Тоже.

2546. Тоже.

2547. Тоже.

2548. Напечатано вполнину въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2549. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2550. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2551. Тоже.

2552. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2553. Напечатано вполнину и неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2554. Напечатано въ 194 л. «Кол.» (1 февраля, выпущенъ 4 февраля) съ подписью «И—ръ», у Тих., въ VI т. Спб. изд. и по-французски въ № 54 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2555. Напечатано въ 194 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ № 2552.

2556. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2557. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2558. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; надпись сдѣлана на фотографической карточкѣ.

2559. Напечатано неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2560. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2561. Тоже.

2562. Напечатано въ 195 л. «Кол.» (1 марта) съ подписью «И—ръ», у Тих. и по-французски въ № 62 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2563. Напечатано въ 195 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ помѣтки Герцена на экз. для сына: «мое»; нумеръ хранится въ АСГ.

2564. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

- 2565.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 2566.** Напечатано неполно и неисправно въ VI кн. «Вѣст. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 2567.** Тоже.
- 2568.** Тоже.
- 2569.** Тоже.
- 2570.** Тоже.
- 2571.** Тоже.
- 2572.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 2573.** Тоже.
- 2574.** Напечатано неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 2575.** Напечатано неполно и неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 2576.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 2577.** Напечатано неполно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 2578.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 2579.** Напечатано неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 2580.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 2581.** Тоже.
- 2582.** Тоже.
- 2583.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; надпись сдѣлана на фотографіи-шуткѣ, сдѣланной Левицкимъ.
- 2584.** Напечатано въ 196 л. «Кол.» (1 апрѣля, вышелъ въ свѣтъ 10 апрѣля); принадлежность устанавливается письмомъ Огарева, хранящимся въ АСГ.
- 2585.** Тоже.
- 2586.** Тоже.
- 2587.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 2588.** Напечатано нигдѣ не было (нельзя считать опубликованіе трехъ строкъ на стр. 666 кн. VI «В. Евр.» 1907 г.); свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 2589.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 2590.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

- 2591.** Напечатано неполно и неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г. свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 2592.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 2592.** Тоже.
- 2595.** Тоже.
- 2596.** Тоже.
- 2597.** Тоже.
- 2598.** Тоже.
- 2599.** Тоже.
- 2600.** Тоже.
- 2601.** Тоже.
- 2602.** Напечатано въ 197 л. «Кол.» (25 мая) съ подписью «Искандеръ», у Тих. и въ № 60 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ; свѣрено по «Кол.». Это былъ первый листъ, отпечатанный внѣ Лондона — въ Женевѣ.
- 2603.** Напечатано въ 197 л. «Кол.» (25 мая), 199 (1 июля), 200 (15 июля), 201 (1 августа), 202 (17 августа) и 203 (1 сентября), съ подписью «И—ръ» у Тих. и въ №№ 59 и 63 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.
- 2604.** Напечатано въ 197 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія и сопоставленія съ письмами; подлинникъ не найденъ.
- 2605.** Напечатано въ 197 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.
- 2606.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ г-вѣ М. О. Вольфъ.
- 2607.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 2608.** Напечатано въ 198 л. «Кол.».
- 2609.** Напечатано въ 198 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ поѣтки Огарева, хранящейся въ АСГ.
- 2610.** Напечатано въ № 198 «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки Огарева, хранящейся въ АСГ.
- 2611.** Напечатано неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 2612.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 2613.** Тоже.
- 2614.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 2615.** Тоже.
- 2616.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 2617.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Россійской Публичной Библиотекѣ.
- 2618.** Напечатано въ 199 л. «Кол.».
- 2619.** Тоже.

2620. Напечатано въ 199 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ употребленія перваго лица; подлинникъ не найденъ.

2621. Напечатано въ 199 л. «Кол.».

2622. Тоже.

2623. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копией, хранящейся въ архивѣ III Отд. с. е. и. в. канц. 1 эксп. 1864 г. дѣло № 8 ч. 4.

2624. Напечатано въ 200 л. «Кол.» (15 юля) съ подписью «И—ръ» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

2625. Напечатано въ 200 л. «Кол.».

2626. Напечатано въ 201 л. «Кол.» (1 августа).

2627. Тоже.

2628. Напечатано въ 201 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается запиской Чернецкаго.

2629. Напечатано въ 201 л. «Кол.».

2630. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2631. Тоже.

2632. Тоже.

2633. Тоже.

2634. Напечатано во II кн. «Вѣст. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2635. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2636. Напечатано въ 202 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки Тхоржевскаго, хранящейся въ АСГ.

2637. Тоже.

2638. Тоже.

2639. Тоже.

2640. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2641. Напечатано въ 203 л. «Кол.» (1 сентября) съ подписью «Александръ Герценъ» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

2642. Напечатано въ 203 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ»; подлинникъ не найденъ. Начало, соответствующее подзаголовкамъ «Тессинская учтивость. Зоология русскихъ туристовъ», напечатано во II главкѣ VII части «Былого и думъ».

2643. Напечатано въ 203 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается запиской Огарева, хранящейся въ АСГ.

2644. Тоже.

2645. Тоже.

2646. Тоже.

2647. Напечатано въ Вольной Русской Типографіи въ видѣ отдѣльной гранки и разослано во многія газеты Европы; появилось, между прочимъ, въ «Le Siècle» отъ 2 сентября, въ № 242 «L'Opinion Nationale», «Le Nord», «La Cloche», по-польски въ № 71 «Ojczyzna»; свѣрено съ гранкой и газетами, въ виду нѣкоторыхъ опечатокъ гранки, хранящейся въ АСГ.

- 2648.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 2649.** Тоже.
- 2650.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся въ т-вѣ М. О. Вольфъ.
- 2651.** Напечатано въ 204 л. «Кол.» (15 сент.) съ подписью «И—ръ» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.
- 2652.** Напечатано въ 204 л. «Кол.»; принадлежность несомнѣнна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.
- 2653.** Напечатано въ 204 л. «Кол.»; принадлежность несомнѣнна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.
- 2654.** Напечатано въ 204 л. «Кол.».
- 2655.** Тоже.
- 2656.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 2657.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся въ т-вѣ М. О. Вольфъ.
- 2658.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 2659.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 2660.** Тоже.
- 2661.** Тоже.
- 2662.** Напечатано въ 205 л. «Кол.» (1 октября). Михайловъ помянуть еще и траурной рамкой на первой страницѣ листа.
- 2663.** Напечатано въ 205 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.
- 2664.** Напечатано въ 205 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.
- 2665.** Напечатано въ 205 л. «Кол.».
- 2666.** Напечатано въ 205 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки Н. А. Герценъ, хранящейся въ АСГ.
- 2667.** Напечатано въ 205 л. «Кол.».
- 2668.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 2669.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 2670.** Напечатано въ 206 л. «Кол.» (15 октября); принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.
- 2671.** Напечатано въ 206 л. «Кол.».
- 2672.** Тоже.
- 2673.** Тоже.
- 2674.** Тоже.
- 2675.** Напечатано въ 206 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.
- 2676.** Напечатано въ № 64 «La Cloche» 1865 съ подписью «A. Herzen»; подлинникъ не найденъ. Замѣтка составлена по статьѣ М. К. Эллидина,

напечатанной въ «Колоколѣ» подъ заглавіемъ «Казанскій заговоръ». Этотъ № «La Cloche» былъ послѣднимъ; онъ не датированъ, но появился послѣ 1-го и не позднѣе 15 октября.

2677. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2678. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2679. Напечатано въ I кн. «Рус. Старины» 1889 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д. (см. опечатки).

2680. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2681. Напечатано въ 207 л. «Кол.» (1 ноября); принадлежность ясна изъ содержанія, подлинникъ не найденъ.

2682. Напечатано въ 207 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ заглавія; подлинникъ не найденъ.

2683. Напечатано въ 207 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается письмомъ Чернецкаго, хранящимся въ АСГ.

2684. Напечатано въ 207 л. «Кол.».

2685. Напечатано въ 207 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ сравненія съ № 2620; подлинникъ не найденъ.

2686. Напечатано въ 207 «Кол.».

2687. Напечатано неисправно въ I кн. «В. Европы» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

2688. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2689. Тоже.

2690. Напечатано въ 208 л. «Кол.» (15 ноября) съ подписью «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

2691. Напечатано въ 208 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки Тхоржевскаго.

2692. Тоже.

2693. Тоже.

2694. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2695. Тоже.

2696. Тоже.

2697. Напечатано нигдѣ не было (нельзя считать опубликованіемъ напечатаніе 9 строкъ на стр. 292 «Воспоминаній» Огаревой); свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2698. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2699. Напечатано по-русски неполно и неисправно въ № 1 «Вѣстника Литературы», изд. т-ва Вольфъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ т-вѣ.

2700. Напечатано въ 209 л. «Кол.» (1 декабря), у Тих. и (тѣмъ же

наборомъ) отдѣльнымъ листкомъ, разосланнымъ по почтѣ русскимъ различнымъ редакторамъ; подлинникъ не найденъ.

2701. Напечатано въ 209 и 210 лл. «Кол.» (1 и 15 декабря) съ подписью «И—ръ» и у Тих.; подлинникъ не найденъ; свѣрено по «Кол.».

Повидимому, къ этой статьѣ надо отнести небольшой черновой набросокъ, выкинутый изъ нея Герценомъ при окончательной редакціи, но напечатанный по недосмотру подъ заглавіемъ «За кулисами» (1863—1864) на стр. 160 изд. 2 «Сборника посмертныхъ статей». Разумѣется, въ видѣ самостоятельной статьи онъ не имѣеть никакого значенія. Привожу эти строки: очень сожалѣя, что подлинникъ не найденъ:

За кулисами.

(1863—1864).

Мы остались одни, безъ вѣры, прислушиваясь къ дальнимъ раскатамъ выстрѣловъ, къ дальнему стону раненыхъ. Въ первыхъ числахъ апрѣля пришла вѣсть о томъ, что *Потебня* убитъ въ сраженіи у Песковой Скалы. Въ маѣ былъ разстрѣлянъ *Падлевскій* въ Плоцкѣ. А тамъ и пошло, и пошло.

Трудное, невыносимо трудное время! И ко всему печальному, быть невольнымъ зрителемъ людской тупости, безтолковости, проклятаго очертя голову, губящихъ всѣ силы около себя.

2702. Напечатано въ 209 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2703. Напечатано въ 209 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ сопоставленія съ № 2697.

2704. Напечатано въ 209 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки Вырубова, хранящейся въ АСГ; подлинникъ не найденъ.

2705. Напечатано по-русски неполно и неисправно въ № 1 «Вѣстника Литературы» т-ва М. О. Вольфъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся въ т-вѣ.

2706. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2707. Напечатано въ I кн. «Рус. Старины» 1889 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д. (см. опечатки).

2708. Напечатано по-русски въ XI кн. «Совр. Мира» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Парижской Національной библіотекѣ, т. X бумагъ Кинэ (fonds français nouvelles acquisitions, № 20790).

2709. Напечатано въ 210 л. «Кол.» (15 декабря); принадлежность ясна изъ записки А. А. Герцена, хранящейся въ АСГ.

2710. Напечатано въ 210 л. «Кол.».

2711. Напечатано въ 210 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія, подлинникъ не найденъ.

2712. Напечатано въ 210 л. «Кол.».

2713. Напечатано въ 210 л. «Кол.»; подлинникъ не найденъ.

2714. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2715. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2716. Тоже.

2717. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; надпись сдѣлана на фотографическомъ портретѣ-шуткѣ (см. № 2583).

2718. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2719. Напечатано по-русски неточно въ XI кн. «Соврем. Міра» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Парижской Національной библиотекѣ (см. № 2708).

2720. Напечатано въ 211 л. «Кол.» (1 января 1866 г.) съ подписью «И—ръ»; примѣчаніе сдѣлано къ статьѣ Огарева «Частныя письма объ общемъ вопросѣ».

2721. Напечатано въ 211 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

2722. Напечатано въ № 211 «Кол.».

2723. Тоже.

2724. Тоже.

2725. Тоже.

2726. Напечатано въ 211 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2727. Напечатано въ 211 л. «Кол.».

2728. Напечатано въ 211 и другихъ лл. «Кол.»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ, безъ отступленія отъ текста «Кол.».

2729. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2730. Напечатано неполно во II кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2731. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2732. Напечатано по-русски неисправно въ XI кн. «Совр. Міра» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ (см. № 2708).

2733. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2734. Тоже.

2735. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2736. Напечатано въ 212 л. «Кол.» (15 января); принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2737. Напечатано въ 212 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

2738. Напечатано въ 212 л. «Кол.».

2739. Тоже.

2740. Напечатано въ 212 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки Чернецкаго.

2741. Тоже.

2742. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2743. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2744. Напечатано неисправно въ III кн. «В. Евр.» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2745. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2746. Напечатано по-русски неисправно въ XI кн. «Совр. Мира» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Парижской Націон. библ.

2747. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2748. Тоже.

2749. Напечатано въ 213 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается запиской Чернецкаго.

2750. Тоже.

2751. Напечатано въ 213 л. «Кол.» (1 февраля); принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2752. Напечатано въ 213 л. «Кол.».

2753. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2754. Напечатано въ 214 л. «Кол.» (15 февраля) съ подписью «И – ръ», и у Тих.; подлинникъ не найденъ; свѣрено по «Кол.».

2755. Напечатано въ 214 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ подписи «Ред.»; подлинникъ не найденъ.

2756. Напечатано въ 214 л. «Кол.».

2757. Тоже.

2758. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2759. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2760. Напечатано вполнину и неисправно въ I кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2761. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2762. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2763. Напечатано въ 215 л. «Кол.» подписью «И – ръ» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

2764. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2765. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2766. Напечатано всего нѣсколько строкъ въ I кн. «В. Европы» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2767. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2768. Напечатано неисправно и съ невѣрной датой въ XI кн. «Совр. Мира» 1908; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Парижской Національной Библиотекѣ.

2769. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2770. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2771. Напечатано въ 216 л. «Кол.» (15 марта); принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2772. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2773. Тоже.

2774. Напечатано неполно и неисправно на стр. 288 «Воспоминаній» Огаревой; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2775. Напечатано въ 217 л. «Кол.» (1 апрѣля) съ подписью «И—ръ», и у Тих.; подлинникъ не найденъ; свѣрено по «Кол.»

2776. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2777. Напечатано въ 218 л. «Кол.» (15 апрѣля) принадлежность очевидна; подлинникъ не найденъ.

2778. Напечатано въ 218 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки Огарева, хранящейся въ АСГ.

2779. Тоже.

2780. Тоже.

2781. Тоже.

2782. Тоже.

2783. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2784. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2785. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2786. Тоже.

2787. Напечатано въ № 219 «Кол.»; принадлежность ясна изъ предыдущихъ писемъ; подлинникъ не найденъ.

2788. Напечатано въ 219 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ письма Чернецкаго къ Тхоржевскому.

2789. Напечатано въ 219 л. «Кол.»; принадлежность ясна; подлинникъ не найденъ.

2790. Напечатано въ 219 л. «Кол.»; принадлежность ясна; подлинникъ не найденъ.

2791. Напечатано въ 219 л. «Кол.»; принадлежность ясна; подлинникъ не найденъ.

2792. Напечатано въ 219 л. «Кол.»

2793. Напечатано неисправно въ I кн. «Рус. Старины» 1889 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д. (см. опечатки).

2794. Напечатано по-русски Вѣтринскимъ въ «Страничкахъ Герцена»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2795. Напечатано въ 220 л. «Кол.» (15 мая) съ подписью «И—ръ», и у Тих.; подлинникъ не найденъ; свѣрено по «Кол.».

2796. Напечатано въ 220 л. «Кол.».

2797. Напечатано въ 220 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки Чернецкаго.

2798. Тоже`

2799. Напечатано въ 220 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержания; подлинникъ не найденъ.

2800. Напечатано въ 220 л. «Кол.» (15 мая); свѣрено съ печатнымъ текстомъ, не отступающимъ отъ подлинника, хранящагося въ АСГ.

2801. Напечатано въ 220 л. «Кол.»; свѣрено съ текстомъ подлинника, хранящагося въ АСГ.; въ корректурѣ былъ измѣненъ въ болѣе рѣшительную форму.

2802. Напечатано въ 220 л. «Кол.»; свѣрено по «Кол.»; подлинникъ, хранящійся въ АСГ., точно соотвѣтствуетъ печатному тексту.

2803. Напечатано въ 220 л. «Кол.»; принадлежность ясна; подлинникъ не найденъ.

2804. Напечатано въ 220 л. «Кол.».

2805. Тоже.

2806. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2807. Тоже.

2808. Напечатано неисправно въ I кн. «Рус. Старины» за 1889 г.; свѣрено с подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д. (см. опечатки).

2809. Напечатано въ 221 л. «Кол.» (1 июня) и у Тих.; подлинникъ не найденъ; свѣрено по «Кол.». Сверху первой страницы нумера напечатано: «Листъ этотъ отправляется сегодня по почтѣ къ Государю въ С.-Петербургъ».

2810. Напечатано въ 221 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается запиской Чернецкаго.

2811. Напечатано въ 221 л. «Кол.» (1 июня) съ подписью «И—ръ» и у Тих.; подлинникъ не найденъ; свѣрено по «Кол.».

2812. Напечатано въ 221 л. «Кол.»; принадлежность ясна по связи съ № 2799; подлинникъ не найденъ.

2813. Напечатано въ 221 л. «Кол.».

2814. Напечатано въ 221 л. «Кол.»; принадлежность ясна, по связи съ № 2803.

2815. Напечатано въ 221 л. «Кол.».

2816. Напечатано въ 221 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается по л. 224 (письмо о Каракозовскомъ дѣлѣ); подлинникъ не найденъ.

2817. Напечатано въ 221 л. «Кол.».

2818. Напечатано въ 221 л. «Кол.».

2810. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2820. Напечатано нѣсколько строкъ и неисправно въ XII кн. «Сѣв. Вѣст.» 1895 г. и на стр. 292 «Воспоминаній» Огаревой; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2821. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ архивѣ Ch. Chassin.

2822. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2823. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2824. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2825. Напечатано въ № 222 «Кол.» (15 іюня, вышелъ къ 20-му) съ подписью «И—ръ» и у Тих.; подлинникъ не найденъ; свѣрено по «Кол.».

2826. Напечатано въ 222 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается помѣткой Огарева на экз. «Кол.».

2827. Тоже.

2828. Тоже.

2829. Тоже.

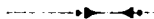
2830. Тоже.

2831. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2832. Тоже.

2833. Тоже.

2834. Тоже.



ОПЕЧАТКИ И ДОПОЛНЕНИЯ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
39	18 сн.	Эдвардсъ	Эдвардсъ-
70	13 св.	Бельшивабе	Бельшвабе
117	11 св.	Перейры	Нерейра
95	16 сн.	22—23	24—25
176	5 св.	Саскаго	Сасскаго
198	10 св.	вамъ	вами
223	1 св.	Зень-	Зен-
229	3 сн.	кн.	гр.
241	8 сн.	?	?...
—	3 сн.	двѣсти франковъ	200 фр.
243	9 сн.	М. К. Элпидинъ	М. С. Гулевичъ
281	5 сн.	франковъ	фр.
—	3 сн.	Жуковский	Жуков.
—	—	«Колоколъ»	«Колок.»
—	2 сн.	10—20	10.. 20...?
(Письмо кончается строками, найденными мною въ подлинникѣ, и написанными послѣ приписки Н. П. Огарева:			
Не похлопочите ли, чтобъ в Галацѣ продать «Мо- локанъ», изд. нами въ Женевѣ? Если можете помѣ- стить, я вамъ <i>сто</i> экз. пришлю. Въ Тульчѣ, говорятъ требуютъ и очень. Не возьмется ли Жуков.)			
290	12 св.	Рекель	Реккель
309	2 сн.	4)	4) Сто.
—	1 сн.	2730	2729
242	7 св.	личности	личностей'
—	10 св.	«Колокола»	«Кол.»
—	12 св.	Жуковского	Жуковск.
316	Весь первый абзацъ долженъ быть отнесенъ къ комментарію къ № 2715.		

